

УДК 94(4+7)''1918/...''(075.8)
ББК 63.3(4+7)я73
П56

Глава 13 написана в соавторстве
с доктором исторических наук, профессором А. М. Родригесом.

Пономарев М. В.

История стран Европы и Америки в Новейшее время : учеб. —
П56 М. : Проспект, 2010. — 416 с.

ISBN 978-5-392-00982-4

В учебнике раскрыты основные тенденции развития западного общества и системы международных отношений в 1918—2005 гг. Особое внимание уделено проблемам экономического развития стран Европы и Америки в Новейшее время, эволюции социальной структуры западного общества на протяжении XX в., основным тенденциям конституционно-правового строительства. Подробно рассмотрена история международных отношений.

Учебник соответствует государственным образовательным стандартам высшего профессионального образования Российской Федерации.

Для студентов аспирантов и преподавателей вузов, а также всех интересующихся историей стран Европы и Америки.

УДК 94(4+7)''1918/...''(075.8)
ББК 63.3(4+7)я73

Учебное издание

Пономарев Михаил Викторович

ИСТОРИЯ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Учебник

Оригинал-макет подготовлен компанией ООО «Оригинал-макет»
www.o-maket.ru

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.002845.03.08 от 31.03.2008 г.

Подписано в печать 01.08.09. Формат 60 × 90 1/16.
Печать офсетная. Печ. л. 26,0. Тираж 2000 экз. Заказ № 7196

ООО «Проспект»
111020, г. Москва, ул. Боровая, д. 7, стр. 4.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Оглавление

Введение	7
Раздел I. Основные тенденции развития западного общества в XX в. ...	11
Глава 1. Эволюция индустриальной экономической модели в начале XX в.	12
Процесс монополизации рыночной экономики на рубеже XIX–XX вв.	12
Противоречия монополистического капитализма	18
Экономическое развитие в 1920–1930-х гг.: от экономического бума к «Великой депрессии» ..	23
Кейнсианская революция в экономической теории ...	27
Глава 2. Эпоха «государства благосостояния»	31
Динамика экономического развития ведущих стран Запада в середине XX в.	31
Научно-техническая революция	39
Эволюция рыночной структуры и основных форм предпринимательства в период НТР	43
Структурный экономический кризис 1970-х – начала 1980-х гг.	48
Глава 3. Региональные особенности экономической модернизации в XX в.	53
Проблема «догоняющего развития»	57
Экономическая модернизация в условиях тоталитарного развития	59
«Новые индустриальные страны» как модель «догоняющего развития»	67
Глава 4. Становление экономической системы информационного общества	71
Неоконсервативная революция	71
Особенности современной экономической стратегии в ведущих странах Запада	76

9 785392 009824

© М. В. Пономарев, 2010
© ООО «Проспект», 2010

«Информационная революция» и формирование инновационной экономической модели	80
Производственная культура в условиях становления информационной экономики	86
Проблемы экономического развития в условиях глобализации	92
Глава 5. Эволюция социальной структуры западного общества в XX в.	104
Классовая структура индустриального общества	104
Социальные конфликты в условиях «догоняющего развития»	108
Эволюция социальной структуры в зрелом индустриальном обществе	112
«Общество потребления» и его крах	117
Собственность, труд и творчество в информационном обществе	122
Кризис идентичности в условиях глобализации и становления информационного общества	127
Глава 6. Ведущие течения общественно-политической мысли в XX в.	136
Идеологическое пространство индустриального общества	136
Свобода и справедливость в либеральной общественной мысли XX в.	139
Современная социал-демократия: от социал-реформизма к поиску «третьего пути»	143
Международное коммунистическое движение в XX в.	147
Эволюция консервативной идеологии в Новейшее время	151
Проблемы духовной и политической свободы в концепции христианской демократии	157
Глава 7. «По ту сторону левого и правого»: альтернативные формы социальной идеологии и политических движений	165
Идеология солидаризма и коммунитаризма	165
Социально-политическая идеология фашизма и национал-социализма	171
Современные протестные движения	178
Глава 8. Конституционно-правовое строительство в странах Европы и Америки в XX в. Проблема «кризиса демократии»	187
Конституционализм как феномен правовой культуры западного общества	187
Либеральная конституционная модель	189

Авторитаризм и тоталитаризм XX в.	192
Основные направления современного конституционного строительства	197
Проблема «кризиса демократии» на рубеже XX–XXI вв.	199
Раздел II. Международные отношения в Новейшее время	205
Глава 9. Версальско-Вашингтонская система международных отношений	206
Урегулирование территориально-политических вопросов на Парижской мирной конференции	206
Оформление Версальско-Вашингтонской системы международных отношений	212
Пацифизм и милитаризм на мировой арене	218
Международные отношения накануне Второй мировой войны	223
Глава 10. Вторая мировая война	229
Начало Второй мировой войны. Военные кампании и политический передел Европы в 1939–1940 гг.	229
Основные театры военных действий в 1941 г. Складывание антигитлеровской коалиции	236
Коренной перелом в ходе Второй мировой войны	240
Завершение Второй мировой войны и решение «немецкого вопроса»	244
Проблемы послевоенного урегулирования на Парижской и Сан-Францисской конференциях	249
Глава 11. От Лиги наций к ООН: эволюция идейно-политических и правовых основ мирового порядка	253
Предпосылки формирования международно-правовой системы современного типа	253
Создание Лиги наций и основные направления ее деятельности	254
Разработка концепции ООН	258
Организация и основные направления деятельности ООН	262
Глава 12. Соперничество «сверхдержав» и политика разоружения в годы «холодной войны»	270
Складывание биполярной системы международных отношений во второй половине 1940-х гг.	270
Военно-политические конфликты 1950–1960-х гг. и первые попытки ослабления международной напряженности	278
Политика разрядки в первой половине 1970-х гг. Хельсинкский процесс	286
Международные отношения в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Последний виток «холодной войны»	291

Глава 13. Эволюция и распад мировой колониальной системы в XX в.	299
Колониальная система после Первой мировой войны. Мандатная система Лиги наций	299
Колониальный вопрос в деятельности Организации Объединенных Наций	304
Распад мировой колониальной системы и переход к неоколониальной политике	307
Глава 14. Развертывание интеграционного процесса в Европе: от проектов Пан-Европы к системе Европейских Сообществ	316
Панъевропейское движение	316
Формирование системы Европейских Сообществ	321
«Углубление и расширение» европейской интеграции	327
Глава 15. Европейский Союз: от Маастрихтского договора к проекту Европейской конституции	337
Маастрихтский договор: рождение Европейского Союза	337
Гуманитарное сотрудничество и создание Экономического и валютного союза – два полюса интеграции	345
Амстердамский договор: первая реформа Европейского Союза	351
Ниццкий договор: интеграция по всем направлениям	355
Конституционный договор Европейского Союза: взгляд в будущее или шаг к распаду?	361
Глава 16. Международные отношения на рубеже XX–XXI вв.	370
Окончание «холодной войны»	370
Рак Америки: мир по-американски	377
Факторы многополярности в современном мире	393
Список рекомендуемой литературы	404

Введение

Понятие «Новейшая история» первоначально закрепились в марксистской историографии и было тесно связано с формационной концепцией, представлением о преемственном историческом процессе, отражающем поэтапное обобществление труда, смену общественно-экономических систем в борьбе антагонистических классов. Классовая борьба рассматривалась как «основное содержание» каждой эпохи и двигатель общественного прогресса. С этой точки зрения, Новое время трактовалось как эпоха торжества капиталистической формации, начавшаяся событиями Английской буржуазной революции XVII в. Внутренняя периодизация Новой истории отражала представления о переломном рубеже в развитии капиталистического общества, выходе на историческую арену нового прогрессивного класса – пролетариата. В качестве события, отделявшего «первый» и «второй» периоды Новой истории, рассматривалась эпопея Парижской коммуны (1870). Выделение же особого периода Новейшей истории связывалось в марксистской традиции с динамикой формационного перехода от капиталистического общества к коммунистическому, завершением «предыстории человечества» и началом «подлинной истории».

Точка зрения о Новейшей истории как периоде с самостоятельным формационным характером (впервые представленная в трудах проф. Б.Ф. Поршнева) первоначально не закрепились. В печально известном «научном» труде «Замечания И. Сталина, С. Кирова и А. Жданова о проекте учебника Новой истории» (1934) содержалось понятие «третьего периода Новой истории, или Новейшей истории», который рассматривался в качестве этапа «упадка капитализма и победного строительства социализма». Позднее с этим понятием была соотнесена концепция «общего кризиса капитализма», разработанная идеологами Коминтерна. Сформировалось и соответствующее представление о внутренней периодизации Новейшей истории: с 1917 г. – возникновение «реального социализма» и начало общего кризиса капитализма, с 1939 г. – начало второго периода общего кризиса капитализма (в апреле 1954 г. на заседании работников кафедр Новой и Новейшей истории под эгидой министерства высшего образования было официально утверждено понятие второго периода Новейшей истории по аналогии со вторым периодом общего кризиса капитализма, связанным с событиями второй мировой войны).

В 1960-х гг., после закрепления в официальной советской идеологии концепции трех этапов общего кризиса капитализма, изменилась и общепринятая периодизация Новейшей истории: 1917–1945 гг. стали рассматриваться в качестве начального этапа общего кризиса капитализма, связанного с Октябрьской революцией в России и возникновением социалистической системы в отдельно взятой стране; 1945–1949 гг. – как этап складывания мировой социалистической системы; 1949–1970-е гг. – как этап крушения колониальной системы и нарастание общего кризиса капитализма. При этом в рамках межвоенного периода выделялись внутренние подэтапы: 1917–1923 гг. – революционный послевоенный подъем под влиянием Октябрьской революции; 1923–1929 гг. – временная стабилизация капиталистической системы при упрочении социализма в СССР; 1929–1939 гг. – всемирный экономический кризис и обострение классовой борьбы в условиях «активизации» сил империалистической реакции и ее крайней формы – фашизма; 1939–1945 гг. – период Второй мировой войны (до 1941 г. империалистической по характеру, после 1941 г. – как продолжение классовой борьбы с мировым империализмом).

Современная российская историческая наука отказалась от подобной трактовки Новейшей истории. Однако обновление методологических основ изучения истории XX в., в том числе решение вопроса об основном содержании эпохи, и изменение схемы периодизации стали предметом оживленных дискуссий. Первоначально они по-прежнему касались проблемы внешних хронологических рамок периода Новейшей истории. Показательна в этом отношении серия дискуссионных материалов, появившаяся на страницах журнала «Новая и Новейшая история» в 1994–1997 гг. Их авторы преимущественно отстаивали две точки зрения: представление в качестве рубежа Новой и Новейшей истории 1917 года (как раскол мира на две общественные системы, повлекший принципиальные изменения в характере мировой истории) или 1918 года (как окончание Первой мировой войны и последовавшее затем радикальное переустройство системы международных отношений). В дальнейшем подобные дискуссии постепенно утратили свое значение. По мере того, как на смену политизированной истории, отдающей приоритет детальному описанию классовой борьбы, революционного и национально-освободительного движения, приходит более сбалансированный анализ развития общества как целостной системы, исчезает необходимость и сама возможность поиска точной даты «начала» той или иной исторической эпохи. Ключевую роль приобретает концептуальное осмысление исторического процесса, соотнесение его с актуальными проблемами современной общественной жизни.

Начальный и завершающий периоды Новейшей истории сами по себе представляют особые исторические эпохи. На пороге XXI в. человечество оказалось в сложном и даже парадоксальном положении. Рождение нового мироустройства, беспрецедентная глобализация человеческого быта и культуры, калейдоскоп политических и военных коллизий, интенсивная трансформация социальных моделей – все это создает ощущение решительной ломки исторического пространства. «Millenium» стал символом ожидания грядущих перемен, решительного обновления всех сторон жизни и, одновременно, психологического надлома, нарастания неуверенности и беспокойства. Нечто подобное происходило в Европе и столетие назад, когда в предверие XX в. в массовом сознании распространилось настроение «fin de siècle» – парадоксальная смесь торжествующего пафоса прогресса и ощущение

приближающейся катастрофы, праздничного возбуждения и унылого пессимизма.

Схожесть «настроений конца века» неслучайна, равно как и коренное отличие их от тех смутных религиозных тревог, которые сопровождали преодоление «круглых дат календаря» нашими предками в более ранние эпохи. Человечество вступало в два последних века в роли триумфатора, увлекаемое иллюзией «окончательной» победы над природой, ощущением собственной необыкновенной мощи, уверенностью в своих силах, чувством превосходства над предыдущими поколениями. Однако за этой эйфорией скрывалась все более очевидная ограниченность одномерных идеалов прогресса, несоразмерность растущих технических возможностей человека и его психологических, нравственных потенций.

Стрессовое состояние общества на рубеже XIX–XX вв., получившее в философской и публицистической традиции того времени характерные названия «кризиса европейского пессимизма» и «заката Европы», было спровоцировано глубинным противоречием европейской постхристианской цивилизации. Человечество делало решительные шаги к торжеству раскрепощенной, независимой личности, обладающей правом на свободное творчество и огражденной от диктата общества. Однако модернизация подвергла разрушению не только религиозные, сословные «оковы» личности, но и саму духовную преемственность человеческой жизни. Идея безусловного прогресса – идол индустриальной системы, оказалась ловушкой. Слепая вера в будущее превращала реальность во временное, условное состояние, а прошлое – в темный временной провал, лишенный какого-либо самостоятельного значения. Отказавшись от себя вчерашнего, человек лишился и пространства для осмысления всей жизни в целом, смысла своего существования. Вся система общественных оценок, мировоззренческих стимулов, моральных устоев оказывалась под сомнением.

Индивидуалистическая социальная философия, прагматизм и деловитость, возведенные в ранг общечеловеческих ценностей, деформировали сам психологический строй личности. Ключевыми ориентирами жизнедеятельности становились независимость, эффективность, благосостояние. Развитие личности как духовного феномена приносилось в жертву дееспособности человека в качестве производителя материальных благ. Отказавшись видеть в себе творение бога, человек безапелляционно объявил творцом окружающего мира самого себя. Но эта попытка привела не столько к утверждению «подинно человеческого» в индивиде, сколько к утрате того «надчеловеческого», что пестовало духовный мир личности на протяжении многих столетий (будь то представление о божественности мироздания или высших законах причинности, об устройстве космоса или природы и общества).

Острое ощущение надвигающейся нравственной катастрофы, попытка осмысления природы происходящих событий сплотило блестящую плеяду европейских мыслителей и представителей творческой интеллигенции. В произведениях Ницше и Достоевского, Манхейма и Швейцера, Ясперса и Шпенглера отразилось нарастающее беспокойство европейского сознания, «кризис европейского пессимизма» – разочарование в духовных основах индустриального общества, осознание ограниченности идеалов Нового времени. Запад стоял на пороге сложной цивилизационной трансформации. Суть ее объективно заключалась в «социализации» общественного устройства, отказе от радикального техницизма, возрождении духовной природы личности, укреплении ее социальных связей. Все XX столетие будет охваче-

но этим процессом преодоления индустриального генотипа современной западной цивилизации, поиска новых – «постиндустриальных», «постмодернистских» – форм экономических, правовых, политических, социальных взаимоотношений. Но этот путь исканий и исторических экспериментов оказался трагически сложным. Образ «заката Европы», родившийся на страницах философских и публицистических эссе, стал ужасающей реальностью на фоне коллапса двух мировых войн и бесчисленных вооруженных конфликтов, рождения беспримерной тирании тоталитарных режимов и создания ядерного оружия.

Несколько десятилетий эйфории, вызванной успехами научно-технической революции, прорыва в космических, информационных, промышленных технологиях, насыщения потребительских потребностей притупили ощущение зыбкости «цивилизованного существования». Но окончание XX столетия вновь возродило призрак «заката Европы». Современное поколение мыслителей заявило о «конце истории», о «варварстве, как оборотной стороне цивилизации», о «расколе общества». Все острее звучит вопрос о необходимости более глубокого понимания человеческой природы, восприятия личности как многогранного духовного феномена, изучения всего многообразия социальных отношений, возникающих помимо прямого влияния технократической, механизированной среды обитания. Все это заставляет рассматривать исторические события рубежа XX–XXI вв. как завершение Новейшей истории и начало совершенно новой эпохи – становления информационного общества.

Раздел I

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОГО ОБЩЕСТВА В XX в.

Глава 1

Эволюция индустриальной экономической модели в начале XX в.

Процесс монополизации рыночной экономики на рубеже XIX–XX вв. К началу Новейшего времени страны Запада переживали период бурного экономического подъема. Только за последние три десятилетия XIX в. объем мировой промышленной продукции и оборот мировой торговли выросли более чем в 3 раза. Добыча нефти увеличилась в эти годы в 25 раз, выплавка стали – в 56 раз. Слагаемыми этого «экономического чуда» являлись ускорение технического и технологического прогресса, концентрация производства, наращивание его общей капиталоемкости. Но главной причиной ускорения экономического бума стало оформление в ведущих странах Запада целостной системы индустриального воспроизводства. Промышленный переворот, произошедший на протяжении XIX в. в Великобритании, Франции и США, к концу столетия завершился в Германии, Австро-Венгрии, России и Италии, а в самом начале XX в. – в Японии. Индустриальная экономическая модель, основанная на капиталистическом предпринимательстве, свободной рыночной конкуренции, использовании квалифицированной наемной рабочей силы, ускоренном технологическом прогрессе, динамичном экономическом росте, сопряженном с увеличением нормы накопления и быстрым расширением спектра производственных функций, стала преобладающей не только в странах Запада, но и в мире.

Важным фактором утверждения индустриальной экономической модели стало изменение динамики научно-технического прогресса. Его темпы и направленность в значительной степени стали определяться потребностями производства, ориентироваться на разработку новейшей промышленной технологии. Финансирование прикладных научно-технических исследований со стороны предпринимательских кругов и целенаправленный, ускоренный характер внедрения их результатов укрепляли эту тенденцию. В итоге, на протяжении всего нескольких десятилетий на рубеже XIX–XX вв. произошла качественная трансформация всей технико-технологической базы промышленности. Наиболее масштабные изменения коснулись отраслей группы «А», связанных с добычей и переработкой сырья, машиностроением, химическим производством, обеспечением транспортной инфраструктуры. Революционные изменения произошли в области энергетики. Решение двух технических проблем – создание электрогенераторов и линий

электропередач, позволило перейти к промышленному использованию электрической энергии. Изменение энергетической базы резко повысило мощность всего промышленного производственного комплекса.

«Живым нервом» обновленной экономической модели стала система транспортных средств и путей сообщений. Использование двигателей внутреннего сгорания в сочетании с целым комплексом технических изобретений дало толчок для развития автомобилестроения. В 1900 г. состоялся первый полет дирижабля конструкции Ф. Цеппелина (Германия), а спустя три года братья У. и О. Райт (США) создали первый самолет. Быстро росла протяженность железнодорожной сети: с 1900 по 1917 г. она увеличилась на 35,7 тыс. км, в том числе в США – на 109 тыс. км, в Британской империи – на 71 тыс. км, в Российской империи – на 30 тыс. км, в Германской империи – на 17 тыс. км. Вырос и тоннаж торгового флота. Если в 1900 г. тоннаж мирового парового флота составлял 13,9 млн, то в 1914 г. – уже 45 млн т. Бесспорным лидером в сфере морских транспортных перевозок оставалась Великобритания, обладавшая к 1914 г. 11,4 тыс. торговых судов (США – 2,3 тыс., Германия – 2,2 тыс., Россия – 1,2 тыс., Франция – 1,5 тыс.).

Ключевую роль в ускорении экономического роста сыграл процесс монополизации, основанный на концентрации производства и централизации капитала. Тенденция концентрации производства была изначально присуща рыночной экономике. «Укрупнение» любого бизнеса, как правило, приводит к росту его конкурентоспособности. На протяжении первых этапов модернизации дополнительным стимулом концентрации производства была узость отраслевой структуры экономики, связанная с медленным ростом платежеспособного спроса и небольшими темпами накопления капитала. В таких условиях реинвестирование сосредоточивалось преимущественно в уже сложившихся отраслях, в рамках действующих производственных единиц. Наконец, укрупнение капиталистических предприятий способствовал растущий отрыв ведущих стран Запада в экономическом развитии. Экспансия на мировой рынке давала дополнительные преимущества наиболее мощным производителям, тогда как мелкие предприятия не имели шансов самостоятельно действовать на внешних рынках сбыта. Однако на протяжении всего Нового времени этих факторов было недостаточно для превращения концентрации производства в крупномасштабное экономическое явление. Ситуация коренным образом изменилась на рубеже XIX–XX вв.

Создание принципиально новой энергетической базы и разветвленной транспортной инфраструктуры, широкое внедрение в производство новейших технических достижений и конвейерной системы, стандартизация продукции обеспечили крупным предприятиям необычайно высокую рентабельность. Последним препятствием для мощного рывка в концентрации производства оставался быстрый рост его капиталоемкости. На ранних стадиях развития капиталистической экономики инвестирование осуществлялось преимущественно индивидуальными предпринимателями. Отсутствовала и развитая система долгосрочного кредита. Теперь же создание промышленных гигантов и постоянное обновление технологической базы производства требовало такой финансовой мощи, которая превосходила возможности даже наиболее состоятельных инвесторов. Это стало причиной широкого распространения в конце XIX в. акционерных обществ, позволявших аккумулировать капиталы мелких и средних собственников, направляя их на развитие ведущих отраслей экономики.

Значительно изменились и методы банковской политики. Обладание контрольным пакетом акционерного общества позволяло банку определять стратегию развития производства, масштабы и характер инвестиций. Тем самым, происходило реальное сращивание банковского и промышленного капиталов (возникшую новую форму капитала марксистские исследователи назвали «финансовым капиталом», в дальнейшем в экономической науке закрепилось название «промышленно-финансовая группа»). Прямое или косвенное участие банков в промышленных инвестициях увеличивало динамичность самого банковского капитала. Как следствие росла дифференциация банковского сектора экономики, происходило выделение крупнейших банков в элитарные группы, контролирующие большую часть инвестиционного рынка. Постепенно ведущие банки начали аккумулировать и большую часть мелких вкладов. Захват финансовых рынков сопровождался быстрым вытеснением или поглощением более мелких банков.

Ускоренная концентрация производства и централизации капитала создали предпосылки для процесса монополизации. Само стремление предпринимателей к вытеснению конкурентов и завоеванию монопольного положения на рынке, конечно же, не являлось чем-то необычным для рыночной экономики. Но на рубеже XIX–XX вв. монополии начали превращаться в доминирующую форму организации производства и капитала. Укрупнение производственных единиц сокращало число конкурирующих предприятий и повышало возможность согласованной политики производителей на рынке сбыта. Стремительно растущая капиталоемкость производства создавала высокий инвестиционный барьер для организации новых предприятий, что также сокращало конкуренцию. Важным фактором монополизации стала уязвимость крупных предприятий с большим основным капиталом – горнодобывающих, нефтеперерабатывающих, металлургических, машиностроительных. Они оказались недостаточно маневренными по отношению к быстрым изменениям рыночного спроса и нуждались в дополнительных гарантиях конкурентоспособности. Именно отрасли тяжелой индустрии оказались основным очагом образования монополий. Наконец, большую роль в монополизации сыграла банки, заинтересованные в получении контроля над целыми отраслями и способные обеспечить для этого необходимую финансовую базу.

Технически и организационно монополии далеко не всегда представляли собой некие крупные предприятия. Монополия – это прежде всего соглашение об особой политике на рынке. Договор, заключаемый с целью обеспечения контроля над сбытом или производством. Различалось несколько типов монополий. Низшей формой монополизации являлись картели – договоры о регулировании объема производства, условий найма рабочей силы и сбыта продукции, заключаемые при сохранении полной производственной и торговой самостоятельности их участников. При ликвидации торговой самостоятельности и создании единой структуры сбыта монополистическое объединение приобретало форму синдиката. Трест формировал уже фактически единую систему производственного и торгового управления, но не ликвидировал финансовую самостоятельность его участников. Высшей формой монополистических объединений являлся концерн, создававший вокруг головного предприятия (холдинга) и связывавший своих участников централизованной системой финансирования, скоординированной производственной деятельности (хотя не обязательно совместной), единой рыночной стратегией. В рамках концернов часто сохранялась орга-

низационно-управленческая децентрализация, но интеграция капитала обеспечивала наиболее тесные связи по сравнению с другими формами монополистических соглашений.

В отличие от других типов монополий («закрытых» – защищенных юридическими ограничениями, и «естественных» – возникших в силу специфики использования тех или иных ресурсов), новые монополистические объединения являлись «открытыми» – порожденными стихийными рыночными факторами, логикой конкурентной борьбы на рынке. «Закрытые» и «естественные» монополии существовали в капиталистической экономике перманентно, но являлись скорее исключением, нежели широкой практикой. Возникновение же «открытых» монополий отражало формирование особой модели организации производства, переход всей капиталистической экономики в стадию монополистического капитализма. Производственная и технологическая системы, основанные на монополистической конкуренции, являлись принципиально новой модификацией индустриальной экономической модели. В то же время они представляли собой результат всего предшествующего развития капиталистической системы, закономерный итог абсолютизации принципов свободного, неограниченного рынка.

Одним из наиболее важных результатов монополизации стало изменение циклического характера развития рыночной экономики. Сама циклическая динамика развития становилась устойчивой по мере завершения промышленного переворота. Помимо краткосрочных колебаний уровня производства, связанных с текущим взаимодействием спроса и предложения, постоянным явлением стали циклические кризисы перепроизводства. Каждый из таких кризисов являлся закономерным этапом так называемого «делового цикла». Он происходил на высшей стадии экономического подъема, когда растущая масса продукции переставала находить на рынке платежеспособный спрос. Падение производства сменялось депрессией – периодом минимальной деловой активности, выход из которого («оживление»), как правило, был связан с изменением ценовой политики. Наиболее сильные в финансовом отношении производители могли позволить себе кратковременное снижение цены на продукцию, что давало возможность вытеснить с рынка конкурентов и вернуться к положительной динамике производства. Подобный «ценовой выход» из кризиса не только обеспечивал начало новой стадии роста, но и значительно укреплял экономический потенциал всей производственной системы. В выгодном положении оказывались предприниматели, способные выпускать наиболее качественную продукцию, обладавшие более совершенным в техническом отношении производством и большими инвестиционными возможностями. Поэтому, несмотря на тяжелые социальные последствия кризисов перепроизводства, каждый из циклов приводил к наращиванию общей капиталоемкости производства и его техническому обновлению.

Помимо обычной динамики «деловых циклов» в развитии индустриальной экономической модели сформировались и более долговременные периоды колебаний. Впервые их природу исследовали русский экономист Кондратьев и австрийский экономист И. Шумпетер. По фамилии Кондратьева долговременные циклы развития рыночной экономики получили название «кондратьевских волн». В основе каждого из таких циклов лежит преемственная динамика накопления капитала. На первой фазе происходит устойчивый подъем, связанный с наращиванием общей капиталоемкости производства.

Периодические циклы перепроизводства не меняют эту общую тенденцию. Но с некоторого времени в условиях устойчивого накопления капитала начинает снижаться норма прибыли. Экономика «перегревается». Нарастивание производства и спроса еще продолжается, но действительная эффективность бизнеса, определяемая нормой прибыли, постепенно снижается. Вскоре неизбежно начинает уменьшаться и деловая активность, что приводит к долговременному снижению уровня производства. На этой фазе устойчивого спада и происходит так называемый «структурный кризис» экономики.

Итак, структурный кризис – это результат перенакпления капитала. Поэтому он начинается позже, чем общая стадия спада, носит более длительный характер и, как правило, охватывает два «деловых цикла». Кризисы перепроизводства, происходящие в это время, носят особенно разрушительный характер. Но именно в это время формируется готовность предпринимательского класса к коренным изменениям в организации производства, начинается внедрение новейших форм менеджмента, технических и технологических новаций. Без таких структурных изменений оказывается невозможным восстановление оптимального уровня нормы прибыли. Причем, несмотря на революционные изменения производственной модели, фаза спада первоначально сменяется еще более глубокой депрессией. Происходит постепенная и болезненная адаптация экономической системы к новой технологической базе и организационным формам производства. Лишь спустя несколько лет депрессия сменяется оживлением, перерастающим в уверенный подъем. Эта общая фаза роста длится примерно 20–25 лет, а в целом каждая «кондратьевская волна» охватывает примерно 50 лет.

Первый в истории индустриальной экономики структурный кризис произошел в 1815–1825 гг. Его динамика рассчитывалась Кондратьевым по материалам британской статистики. В ходе первого структурного кризиса сформировались предпосылки для перехода к фабрично-заводской производственной системе, тесно связанной с развитием акционерного капитала. Следующий структурный кризис пришелся на 1873–1883 гг. Именно с этого момента начинает формироваться монополистическая модель экономики, ставшая альтернативой «свободному рынку». Принципиально важной новацией, позволившей тогда восстановить высокую норму прибыли, стало создание так называемого «массового производства». Эта модель была ориентирована не столько на реальный рыночный спрос, сколько на максимизацию производства. Убытки, связанные с производством товарной массы, превышающей платежеспособный спрос, должны были компенсироваться вытеснением конкурентов. Сокращению издержек способствовала и стандартизация производственного процесса, которая становилась возможной в условиях массового производства. Конечной же целью создания системы массового производства являлось полное вытеснение конкурентов, т.е. достижение монопольного преобладания на отраслевом рынке. Когда эта цель достигалась, монополисты могли уже «перейти в наступление» и на потребительском рынке – вводить так называемые монопольные цены, нарушающие естественный баланс между предложением и спросом в пользу производителя.

Организация массового производства и переход к монополистической конкуренции были взаимосвязаны с процессами концентрации производства и централизации капитала. Если на первых этапах процесса монополизации преобладали низшие формы объединений – картели и синдикаты, то с конца 80-х гг. XIX в. первенство перешло к трестам, начавшим реальную борьбу за монополизацию отраслей тяжелой индуст-

рии. В отраслях с мелкосерийным производством, общедоступной и стабильной технологией, связанных с разнородным потребительским рынком, а также в сельском хозяйстве, монополизация первоначально не имела широких масштабов. Рубежным в формировании новой экономической системы стал циклический кризис перепроизводства 1900–1903 гг. Мощная волна банкротств резко повысила удельный вес монополизированного сектора в экономике ведущих стран Запада. Массовое производство стало доминирующим в промышленной индустрии. Внутриотраслевая конкуренция оказалась частично ликвидирована, частично ограничена. Естественно, что абсолютное господство монополий в пределах целых отраслей оставалось исключением. В основном складывалась ситуация, когда несколько ведущих монопольных групп боролись за контроль над отраслевым рынком (так называемая «олигополия»).

Монополизация способствовала беспрецедентному ускорению экономического развития ведущих стран Запада. Только за период одного цикла – с 1903 по 1907 г. – суммарная мощность промышленного производства возросла на 40–50 %. Был совершен и новый рывок в технологическом переоснащении производства. Два циклических кризиса – 1900–1903 и 1907 гг. – стали своеобразными «фильтрами», ликвидировавшими большую часть немодернизированных предприятий. Причем темпы технологического прогресса были настолько велики, что к 1907 г. в ранг «устаревших» попали производства, оснащенные оборудованием 10–15-летней давности. Одновременно монополизация начала распространяться на те отрасли, которые оставались оплотом «классического» капитализма, в том числе на текстильную, швейную, стекольную, фарфоро-фаянсовую, пищевую промышленность. Причиной стал новый виток централизации банковской системы, а также приход на смену трестам, господствовавшим в течение нескольких лет, концернов. Эти межотраслевые объединения обеспечивали свободную перекачку капиталов в наиболее рентабельные отрасли и в большей степени были ориентированы на реальный спрос, нежели тресты.

Важным фактором изменения организационной структуры промышленно-финансовых групп стала государственная антитрестовская политика. Первенство в этой сфере принадлежало США. Еще в 1890 г. здесь был принят Закон Шермана, ставший ядром антитрестовского законодательства. Согласно ему, «всякий договор, объединение в форме треста или любой иной форме или договор с целью ограничения коммерции или торговли между штатами или иностранными государствами» объявлялся незаконным. Однако принятие антитрестовского законодательства отнюдь не означало переход государства к активному вмешательству в экономику. Пресекались лишь наиболее радикальные попытки ликвидации внутриотраслевой конкуренции. Препятствием для согласованной политики на рынке небольших групп крупнейших производителей антитрестовское законодательство быть не могло. Не мешало действие антитрестовского законодательства и формированию межотраслевых монополистических объединений, мощных финансовых групп, переходящих к монополизации банковского сектора. Пример США доказывал, что внедрение антитрестовского законодательства не только не ведет к сокращению темпов монополизации, но и способствует адаптации монополистического капитализма, повышению его рыночной маневренности.

Процесс монополизации сопровождался дальнейшим расширением международных экономических связей. Именно на рубеже XIX–XX вв. начала

складываться мировая капиталистическая система. Одним из наиболее доходных видов экспорта стал вывоз капитала. Только за первые 13 лет XX в. объем зарубежных капиталовложений крупнейших западных стран удвоился и достиг 44 млрд долл. В тот же период начинается широкое образование международных монополий. Если первые подобные объединения – Международный синдикат по продаже стальных рельсов (1883), Североатлантический союз пароходов (1892), Международный динамитный картель (1896), представляли собой лишь соглашения по вопросам торговой политики, то в начале XX в. влияние международных монополий начало распространяться на определение условий найма рабочей силы, распределение инвестиций, распространение новейшей технологии, стандартизацию производства. Важную роль в интернационализации экономики сыграли международные отраслевые конференции и конгрессы промышленников (например, конгресс хлопчатобумажных фабрикантов 1906 г., конференция морских кампаний 1906 г., конгресс предпринимателей строительного дела 1912 г. и др.).

Итак, распространение монополистической конкуренции и закрепление модели массового производства привели к радикальному изменению всей индустриальной экономической системы. Она приобрела ориентацию на абстрактный массовый рынок, ускоренное расширение производства, достижение безраздельного финансового могущества, безусловный и неограниченный экономический рост. Не случайно, что уже современники определили период существования монополистического капитализма как стадию империализма – тотальной экспансии индустриальной системы. Однако эта экономическая система провоцировала глубочайшие экономические, социальные, политические противоречия.

Противоречия монополистического капитализма. Триумф системы монополистического капитализма оказался прологом к его глубокому и, в конечном счете, фатальному кризису. Экономическая экспансия империалистических держав не только создавала единое финансовое и торговое мировое пространство, но и крайне обостряла международные отношения. С точки зрения предпринимательской психологии XIX в. тотальная либерализация мировых экономических отношений воспринималась в качестве совершенно естественного процесса. Но в новых условиях она все более явно вступала в противоречие с государственными интересами, подрывала стабильность национальных экономических систем. Поэтому на пороге XX в. все большее количество стран начинали предпринимать меры по протекционистской защите.

Еще более негативными были последствия колониальной экспансии ведущих стран Запада. Растущая потребность в поставках сырья и новых рынках сбыта заставляла Великобританию, Францию, Германию, Россию, Италию, Австро-Венгрию, Японию вступить в острое соперничество за окончательный раздел мирового пространства на зоны влияния. Причем колониальная экспансия в эпоху империализма приобрела новое качество – целью захвата колоний была уже не только их непосредственная экономическая эксплуатация, но и блокирование возможного усиления позиций других держав. В итоге, помимо важных в экономическом или стратегическом отношении колоний, поводом для ожесточенного противоборства стали и труднодоступные, малозаселенные территории. В течение двух-трех десятилетий на рубеже XIX–XX вв. были «поделены» огромные пространства

африканского и тихоокеанского регионов. Завершение же территориального раздела мира к началу XX в. привело только к новому витку борьбы – теперь уже за перераспределение сфер влияния. После серии локальных империалистических конфликтов мир оказался на пороге всеобщей войны.

Помимо обострения международной ситуации, эпоха империализма принесла и явные симптомы кризиса самой индустриальной производственной системы. Быстрое увеличение производственных мощностей в период формирования массового производства не сопровождалось адекватным ростом потребительского спроса. Ценовая политика монополий еще больше усугубляла эту проблему. Переход к широкой практике монопольных завышенных цен подрывал реальное соотношение спроса и предложения на рынке, искусственно ограничивал и без того достаточно узкий платежеспособный спрос, формировал предпосылки ускоренного перепроизводства.

Менялось и отношение монополий к проблеме технико-технологического обновления производственных мощностей. Ранее поддержка научно-исследовательских работ и ускоренное внедрение их результатов в производство были важными факторами борьбы с монополизированным сектором. Но после ликвидации или ограничения внутриотраслевой конкуренции этот стимул исчез. Поскольку рост нормы прибыли обеспечивался теперь монополиями, а не конкурентными факторами, заинтересованность в дальнейшей модернизации производства оказалась минимальной. Сохранение морально устаревшего оборудования позволяло даже получить дополнительные прибыли за счет нецелевого использования амортизационных фондов. Подобная политика монополий не только тормозила дальнейшую модернизацию производства, но и наносила удар по всей экономической системе. Она резко сокращала потребительский рынок отраслей, связанных с производством средств производства (металлургии, машиностроения, станкостроения), а также добывающей промышленности.

Все эти негативные явления вели к дальнейшему изменению характера циклических колебаний спроса и предложения. Продолжительность цикла чрезвычайно сократилась. Стадия относительного перепроизводства достигалась в считанные годы. Короткие периоды стремительного наращивания объемов производства сменялись все более длительными паузами депрессии. В условиях такой нестабильной динамики рыночной конъюнктуры система монополизированного производства оказалась исключительно уязвимой. Во-первых, массовое производство не было рассчитано на гибкое реагирование в условиях изменения рыночного спроса. Монополии, обладая большим «запасом прочности» в финансовом отношении, как правило, не сокращали производство при появлении первых симптомов падения спроса. Несмотря на ухудшение рыночной конъюнктуры, масштабы производства даже продолжали возрастать. Когда же относительное перепроизводство (т.е. падение реального спроса) становилось очевидным, следовало резкое сокращение производства, создававшее впечатление наступающего экономического обвала.

Второй фактор, осложнявший циклическую динамику развития монополизированной экономики, был связан с растущим влиянием банковской системы. Биржевой рынок, обеспечивающий систему акционерного капитала, не только позволил аккумулировать огромные средства, но и создал феномен финансовой игры. В игру на биржевых курсах (в спекулятивные операции с акциями) включились массы мелких и средних вкладчиков.

Механизм котировки акций оказался под влиянием субъективных факторов, массовых настроений, искусных махинаций и, как следствие, превратился в настоящий детонатор финансовых взрывов и экономических кризисов.

Первым циклическим кризисом, продемонстрировавшим все эти особенности развития монополизированной экономики, стал кризис 1907 г. Он завершил рекордно короткий трехгодичный цикл подъема и был чрезвычайно разрушительным по уровню падения производства. В состоянии депрессии оказались целые отрасли. Характерно, что толчком для падения производства послужил острый финансовый кризис, связанный с биржевым крахом в США. Эта особенность имела важнейшие последствия: резкое изменение инвестиционного климата вовлекло в кризис почти одновременно самые различные отрасли производства. Более того, в силу высокой интернационализации банковской сферы финансовый кризис в США вызвал цепную реакцию и в других ведущих странах Запада. Соответственно, циклический кризис 1907 г. начался почти одновременно в рамках всей мировой капиталистической системы и имел универсальную динамику. Синхронизация кризисных явлений в различных отраслях и странах, т.е. превращение циклических кризисов во всеобщие, мировые, стала отличительной чертой развития системы монополистического капитализма. В полной мере эта особенность проявилась уже после Первой мировой войны.

Кризис 1907 г. выявил и еще одну важную черту монополизированной экономики – несрабатывание обычного ценового механизма выхода из кризиса перепроизводства. Традиционно в условиях кризисной депрессии «выжидали» наиболее мощные производители, обладающие финансовой базой, достаточной для продажи продукции по сниженным ценам. Это приносило минимальную прибыль, необходимую для обновления основного капитала, и оживляло потребительский спрос. В итоге циклические кризисы превращались в своего рода фильтры, приводящие к банкротству и «отсеиванию» наименее конкурентоспособных предприятий, к повышению общей капиталоемкости производства и новому витку его технической модернизации. Именно по этой причине циклические кризисы последней трети XIX в. оказались наиболее болезненными для немонополизированного сектора экономики, проигравшего соперничество с более мощными монополиями. Но в 1907 г. в условиях кризиса оказалась уже преимущественно монополизированная экономика. Понижение цены ведущими производителями не имело в такой ситуации смысла с точки зрения укрепления их монопольного положения. Оно даже угрожало господству монополий, так как создавало предпосылки для возобновления внутриотраслевой конкуренции. Поэтому в условиях кризиса складывался потенциал хронического недостатка деловой активности. Монопольные производители были склонны скорее нести убытки из-за длительного хранения товарной массы, нежели реализовывать ее по сниженной цене. Параллельно на рынке происходило и устойчивое снижение совокупного спроса: промышленного – в связи с уменьшением потребности в сырье и оборудовании в условиях резкого падения уровня производства, и потребительского – в связи с сокращением платежеспособности населения в условиях массовой безработицы и сохранением высокого уровня цен.

Таким образом, монополизация экономики блокировала естественные механизмы рыночной саморегуляции. В условиях кризиса перепроизводства предложение и спрос на рынке оказывались «заморожены» на минимальном уровне. Складывались предпосылки необычайно длительной и разрушительной фазы депрессии, «ценовой» выход из которой блокировал-

ся монополиями. Требовалось вмешательство нового субъекта рыночных отношений, который был бы способен активно регулировать взаимодействие спроса и предложения. В такой роли могло выступить лишь государство. Однако антикредитной политики, направленной лишь против наиболее жестких проявлений монополизма, было недостаточно. Складывались предпосылки для полного переосмысления роли государства в экономическом развитии общества, для формирования принципиально новой экономической стратегии. Но пока эти процессы даже не начались.

Полоса кризиса в 1907 г. была пройдена неожиданно быстро, без длительной депрессии. Причиной стало изменение экономической конъюнктуры, связанное с новым витком гонки вооружений. Мир приближался к глобальной империалистической войне. Ведущие страны Запада начали реализацию грандиозных военных программ, принесших инвестиционный дождь в отрасли добывающей промышленности, машиностроения, ожививших прикладные научно-технические исследования и, в конечном счете, благодаря росту занятости и увеличению потребительского спроса, вызвавших общий подъем экономики. Следующий циклический кризис 1913 г. в такой ситуации превратился лишь в кратковременный локальный спад и был отмечен только по изменению отдельных показателей производственной статистики. Но оздоровление экономики в 1907–1913 гг. носило искусственный характер. Оно было неразрывно связано с милитаризацией и лишь откладывало решение структурных проблем монополистического капитализма на будущее.

Первая мировая война, длившаяся с 1914 по 1918 г., нанесла огромный ущерб экономике участвовавших в ней стран. Масштабы войны намного превосходили самые худшие предположения. За четыре года на военную службу было призвано 74 млн чел. Более 10 млн из них погибло, еще около 20 млн было ранено. Общие демографические потери достигали 35 млн чел. (в 1913 г. численность населения Европы составляла 401 млн чел., а к середине 1919 г. – 389 млн, тогда как при сохранении уровня рождаемости и без учета прямых военных потерь эта цифра должна была составить 424 млн чел.). Экономика воюющих стран была переориентирована на военное производство, которое не обеспечивало потребительский рынок и воспроизводство общественного капитала. Произошло резкое сокращение товарной массы, объема торговли. Мировая торговля сократилась в 1913–1920 гг. с 64,8 до 51,8 млрд долл. Было потоплено более 6 тыс. торговых судов. В континентальных странах Европы, территория которых стала театром военных действий, оказались разрушены сотни предприятий, дезорганизована система коммуникаций, существенно уменьшилось поголовье скота. На огромных территориях было нарушено экологическое равновесие, поврежден почвенный покров. Суммарные военные расходы составили свыше 200 млрд долл. (около трети всех материальных ценностей человечества). При этом лишь две страны – США и Япония – смогли увеличить за эти годы свое национальное богатство (соответственно на 40 и 25 %). Великобритания потеряла в этой войне треть национального богатства, Франция – более четверти. Их противники понесли еще больший ущерб, который в сочетании с репарационными выплатами по условиям мирных договоров поставил проигравшие войну страны на грань экономической катастрофы.

Тяготы военного времени заставили воюющие государства резко увеличить степень вмешательства в экономические процессы. Помимо непосред-

редственной мобилизации для нужд армии средств сообщения, транспорта, сельскохозяйственного производства, многих промышленных предприятий, активизировалась инвестиционная деятельность государства, расширилась практика централизованного планирования, регулирования производства и трудовых отношений. В стратегически важных отраслях были ликвидированы или жестко ограничены свобода выбора рабочих мест, права профсоюзов на коллективные формы протеста, регламентированы длительность рабочего дня и условия труда, уровень оплаты. По мере затягивания военных действий воюющие государства были вынуждены ввести ограничения на экспортно-импортные операции, на потребление сырья и стратегических товаров. Потребление товаров населением регулировалось с помощью «твердых цен» и, нередко, карточной системы.

Радикально изменилась государственная политика в сфере денежного обращения. В связи с беспрецедентным увеличением военных расходов стремительно возрастала эмиссия бумажных денег, не обеспеченных золотым запасом и не размениваемых на золото. Тем самым, фактически произошел отказ от золотого стандарта национальных валют. Золотой (золотомонетный) стандарт являлся основой первой в истории мировой валютной системы, утвержденной Парижской конференцией 1867 г. Он предусматривал определение золотого содержания каждой национальной валюты, установление соответствующего паритета валют и обеспечение режима их свободного обмена на золото. Такая практика способствовала сдерживанию инфляционных процессов и обеспечению стабильных условий для рыночной конкуренции. Но в годы войны свободный обмен бумажных денежных знаков был отменен. Экономика воюющих стран вынуждена была адаптироваться к растущим темпам инфляции и к государственному контролю над распределением валюты. Лишь Великобритания сохранила размен бумажных банкнот на золото в центральных банках, обусловив его максимальными ограничениями. Широко распространенной практикой стало запрещение частным лицам вывозить золото за границу. Международная система кредитования и заимствования по сути превратилась в сферу межгосударственных соглашений, где в качестве субъектов стали выступать не столько частные кредиторы, сколько центральные банки и государственные казначейства (сначала британское, а позднее главным образом американское).

Итак, активизация государственного регулирования экономики в годы Первой мировой войны существенно изменила характер рыночных процессов. Государство начало оказывать не только законодательное воздействие на экономическую сферу, но и все в большей степени выступать в роли самостоятельного хозяйственного субъекта, а также непосредственного регулятора экономических отношений. Однако формировавшаяся система крупномасштабного государственного регулирования пока отражала лишь специфику военной конъюнктуры. Она не опиралась на качественные сдвиги в организации рыночной инфраструктуры и носила «чрезвычайный», временный характер. Тресты и концерны сохраняли возможность монопольного ценообразования. Бюрократия зачастую лишь вовлекалась в монопольную борьбу за государственные заказы. После окончания войны возникли предпосылки для отказа от государственного регулирования и возвращения к прежней модели монополистической конкуренции.

Экономическое развитие в 1920–1930-х гг.: от экономического бума к «Великой депрессии». В первые послевоенные годы развитие экономики стран Запада носило весьма хаотичный характер. Происходила переориентация производства, работавших на военные нужды, восстановление прежних торговых связей, развертывание широких инвестиционных программ частного бизнеса. В 1919 г. уверенность в долговременной благоприятной конъюнктуре вызвала спекулятивную горячку на фондовых рынках и настоящий промышленный бум. Уровень мирового производства резко вырос. Однако платежеспособный спрос на рынке, истощенном длительной войной, был невелик. В течение 1920 г. экономику Запада охватил кризис перепроизводства. По своему характеру он не являлся циклическим и отражал лишь кратковременное движение рыночной конъюнктуры. На протяжении следующих двух-трех лет произошла окончательная стабилизация положения, а с 1923 г. начался уверенный экономический подъем, продолжавшийся до 1929 г.

Основной причиной экономического подъема 1920-х гг. была деформация циклического развития. Военная конъюнктура способствовала смягчению структурных противоречий монополистической системы. Поток военных заказов, губительный для государственного бюджета, оказался живительным для крупного бизнеса. Помимо собственно военного производства в благоприятных условиях находились предприятия авиа- и автостроения, химической и сталелитейной промышленности, транспортного машиностроения и судостроения. Застой в отраслях, ориентированных на производство предметов массового потребления, образовал резкие диспропорции в экономическом механизме. Однако, тем самым, формировался и огромный рынок так называемого «отложенного спроса» – потенциальный повышенный спрос на потребительскую продукцию длительного пользования, которая по естественным причинам не покупалась и не производилась в годы войны. Потребительский «отложенный спрос» стал основной причиной стремительного возрождения после войны отраслей легкой промышленности, бытового машиностроения. Необходимость же широкомасштабных восстановительных работ обеспечивала перспективы промышленного спроса, в том числе в отраслях добывающей и перерабатывающей промышленности, транспортного машиностроения и судостроения. Складывалась исключительно благоприятная рыночная конъюнктура, которая обеспечивала частным инвесторам минимальный предпринимательский риск. Прочное финансовое положение крупных корпораций позволяло в таких условиях в кратчайшие сроки восстановить систему массового производства.

Таким образом, к началу 1920-х гг. сформировались предпосылки для особенно длительного цикла поступательного экономического роста. Монополистическая экономика Запада, уже стоявшая перед войной на пороге структурного кризиса, получила возможность дальнейшего развития на базе прежней модели массового производства. Залогом возвращения к «нормальным временам» стала стабилизация финансовой системы. Эта задача решалась на межгосударственном уровне. Международные конференции, организованные Лигой наций в 1920 г. в Брюсселе и в 1922 г. в Генуе, приняли решения по осуществлению согласованной антиинфляционной политики. Эксперты рекомендовали вернуться к золотому стандарту, зафиксировав золотой паритет национальных денежных единиц и восстановив практику свободного размена банкнот на золото. Вместо довоенного золотомонетного стандарта Генуэзская конференция установила новый ре-

жим регулирования золота – золотослитковый и золотодевизный стандарт. Золотослитковый стандарт предполагал покупку и продажу золота банками по фиксированной цене, установленной законом, при обязательном обмене банкнот только на золото в слитках, а не на монеты. Тем самым, для обмена требовалось единовременно предъявить достаточно большую сумму, что становилось препятствием для беспорядочного изъятия золота из обращения внутри страны. Золотодевизный стандарт дополнил эту практику выдачей вместо золота девизов – международных платежных средств в виде банковских векселей, чеков, аккредитивов, подлежащих оплате за рубежом в иностранной валюте. Формирование Генуэзской системы смешанного валютного стандарта обеспечило большую гибкость международного финансового рынка, но сохранило присущее классическому рынку стремление к равновесию и стабильности.

Помимо факторов «отложенного спроса» и дефляционной финансовой политики на стабилизацию экономических процессов в 1920-х гг. существенно повлиял рост эффективности производства. Причем, в отличие от предыдущего периода, основную роль в этом сыграло не опережающее развитие технико-технологической базы, а прежде всего совершенствование организационных основ производства – широкое внедрение фордовско-тейлоровской системы. Еще 1 апреля 1913 г. на автомобильных заводах американского предпринимателя Генри Форда была запущена первая конвейерная линия с так называемой инженерной организацией труда, разработанной Фредериком Тейлором. Уже широко распространенная к тому времени модель поточного производства дополнялась разделением всего производственного цикла на простейшие трудовые операции с измерением точного времени, необходимого на каждую из них и на весь цикл в целом. Управленческо-инженерные кадры осуществляли тщательное наблюдение за производственным процессом, систематизацию передового опыта и любых рационализаторских предложений. На основе обобщения навыков и знаний квалифицированных рабочих организовывалось обучение персонала с учетом узкой специализации в рамках конвейерного цикла. Созданная на такой основе производственная модель позволяла оптимизировать организацию труда за счет ритмичного конвейерного потока, максимального сокращения потерь рабочего времени и четкой специализации кадров. В сочетании с внедрением новейшего конвейерного оборудования и стандартизацией продукции достигался очень высокий экономический эффект.

Форд попытался разработать на основе тейлоровской системы новую социальную философию индустриального производства. Он полагал, что конвейерное производство, организованное на научной основе, ликвидирует взаимные претензии рабочих и предпринимателей и создает возможность их конструктивного сотрудничества. Эффективность производства, по его мнению, должна достигаться за счет оптимизации труда каждого работающего, а не сохранения минимально возможного уровня заработной платы. Более того, лишь высокий заработок может обеспечить остро необходимую в условиях конвейера рекреацию рабочей силы. Наконец, заработная плата, превышающая прожиточный минимум, превращала рабочих в потенциальных потребителей товаров длительного пользования, тем самым обеспечивая расширение сбыта и рост конечной прибыли. В связи с этим Форд применил и принципиально новую стратегию конкурентной борьбы. Ставка была сделана не на получение монопольной сверхприбыли, а на дальнейшее расширение поточного производства и продажу широкого потока стандартизированной продук-

ции по достаточно доступным ценам в сочетании с мощной рекламной кампанией. Усилиями Форда символом американской «потребительской мечты» (и мечты вполне реальной) стал первый в истории массовый автомобиль «Форд-Т» – автомобиль «среднего американца». Конвейерное производство предельно удешевило эту модель. Время полной сборки сократилось до 1 часа. К 1927 г. было выпущено 15 млн таких автомобилей.

Социальные последствия внедрения фордовской системы оказались неоднозначны. Конвейерная модель предъявляла слишком высокие требования к рабочим (она получила хлесткое название «потогонной»). Текучесть кадров на таком производстве в 1920-х гг. составляла 700–800 % (т.е. обновление персонала происходило по 7–8 раз в год). Однако в сочетании с новой рыночной стратегией она обеспечила растущий товарный поток для небывало широкого потребительского рынка. К 1929 г. суммарный объем мировой торговли достиг беспрецедентного уровня – 83,9 млрд долл. (129,5 % по сравнению с благополучным 1913 г. и 162 % по сравнению с 1920 г.). Резко возрос масштаб монополизации рынка. При этом стремительно укреплялись позиции транснационального капитала. К концу десятилетия международные картели и синдикаты контролировали более 40 % международной торговли напрямую и более 60 % с учетом косвенных методов.

В 1929 г. стабильное развитие мировой капиталистической системы сменилось сокрушительным кризисом перепроизводства. Биржевой крах в США в октябре 1929 г. стал детонатором для обвального финансового и валютного кризиса, поразившего на протяжении последующих двух лет практически все ведущие страны мира. Сильное сокращение производства парализовало целые отрасли. Объем мировой торговли снизился к 1932 г. до 62,6 млрд долл., что было ниже уровня 1913 г. Фактически, повторялся механизм кризиса 1907 г., но в более глобальном масштабе. Кризис стал всеобщим, охватившим все страны Запада, и универсальным, распространявшимся на все отрасли. Стремительное падение производства на первом этапе кризиса переросло в длительную депрессию, долговременное сохранение минимальной предпринимательской активности. Массовая безработица, вызванная падением производства, еще больше ограничивала платежеспособный потребительский спрос. Высокий предпринимательский риск привел к сужению инвестиционного рынка, а высокая монополизация экономики препятствовала «ценовому» выходу из кризиса. Подобное тупиковое положение было преодолено в 1907 и 1913 гг. за счет благоприятной предвоенной конъюнктуры, массивованных государственных инвестиций в военно-промышленный сектор. Теперь же этот фактор отсутствовал. Система монополистического капитализма исчерпала потенциал своего развития. Основанная на принципе неограниченной рыночной конкуренции, она привела к деформации и разрушению самого механизма стихийной саморегуляции экономики. Кризис перепроизводства в 1929–1933 гг. открыл период нового структурного кризиса индустриальной экономики, растянувшегося на все десятилетие и получившего у современников название «Великой депрессии».

В конце 1932 г. в большинстве стран Запада была пройдена низшая точка экономического кризиса. За период с 1929 г. объем мирового промышленного производства сократился на 39 %, в том числе в Германии – на 45 %, в США – на 41 %, во Франции – на 23 %, в Великобритании – на 22 %. Суммарный уровень безработицы достиг 30 млн чел. Оптовые мировые цены на промышленные товары упали на 1/3, а объем международной торговли сократился с 83,9 млрд долл. в 1929 г. до 62,6 млрд долл. в 1932 г.

Циклические механизмы кризиса объективно способствовали постепенному улучшению конъюнктуры. Определенную роль сыграли и активные антикризисные меры, принимаемые правительствами, в том числе ввод жесткого государственного контроля над банковской системой и биржами, активизация протекционистской таможенной политики и постепенный переход к гибкой валютно-финансовой политике. Однако для решения структурных проблем монополистической экономики этого оказалось недостаточно. К 1937 г. объем мирового промышленного производства вырос лишь на 5 % по сравнению с 1929 г., причем основную роль в этом сыграл впечатляющий рынок Германии и Италии, где экономика подверглась коренной перестройке после прихода к власти нацистов и фашистов, а также успешное проведение «нового курса» президента США Ф. Рузвельта.

Политика Рузвельта стала первым опытом широкомасштабного антикризисного регулирования. Ее основу составило активное регулирование финансово-валютной системы, стимулирование промышленного капитала за счет инфляционной политики, регламентация «честных» правил конкуренции и найма, форм налогообложения, организация общественных работ и другие меры по борьбе с безработицей, поддержка сельского хозяйства через государственное финансирование фермерской задолженности, развитие системы социального обеспечения. Но для полной перестройки экономической системы четырех лет оказалось недостаточно. Именно США наиболее серьезно пострадали во время нового циклического кризиса, начавшегося в 1937 г. В течение последующих двух лет общий объем мирового производства упал на 16 %. Стремительно нарастало перепроизводство сельскохозяйственной продукции, которая попала в увеличивающиеся «ценовые ножницы» по сравнению с промышленной. Объем мировой торговли в 1938 г. снизился до 72,4 млрд долл., что уступало даже кризисному 1930 г. При этом, европейские фашистские государства и Япония были практически не затронуты новым кризисом, а в Великобритании, Бельгии и скандинавских странах падение производства оказалось относительно небольшим из-за того, что предыдущий кризис так и не сменился устойчивым подъемом. Нарушение цикла и переход в состояние нового кризиса сразу же из фазы депрессии наглядно продемонстрировало всю глубину структурных противоречий монополистической экономики.

В 1938–1939 гг. динамика экономического развития ведущих стран Запада начала существенно меняться. Но причины наметившегося подъема были связаны в основном с разворачиванием государственных военно-промышленных программ. Это касалось не только Германии, Италии и Японии, уже открыто делавших ставку на развязывание мировой войны, но и демократических стран Запада. В 1937 г. в Великобритании была принята программа вооружений на 1,5 млрд ф. ст. Британское правительство также приняло решение о создании стратегических запасов сырья и продовольствия. В следующем году правительство Далада во Франции начало финансировать крупномасштабную «программу довооружений» (2 млрд фр.), в развитие которой в 1939 г. была принята программа создания «режима направляемой экономики» с дальнейшим усилением государственного регулирования. Ситуация фактически повторяла процессы, происходившие в экономике западных стран накануне Первой мировой войны. Лишь в США администрация Ф. Рузвельта пыталась продолжить политику структурной перестройки, сочетая прямое государственное регулирование со стимулирующими методами. В 1938 г. здесь была начата реализация плана «подкачки

насоса» – интенсивного стимулирования совокупного спроса за счет дефицитного финансирования. Инфляционная политика привела к образованию уже в 1939 г. бюджетного дефицита в 2,2 млрд долл., но существенно повысила уровень занятости и впервые после «Великой депрессии» обеспечила рост потребительского спроса. Но со вступлением США во Вторую мировую войну и американское правительство было вынуждено перейти к приоритетному развитию военно-промышленного комплекса.

Кейнсианская революция в экономической теории. «Новый курс» Рузвельта во многом опирался на идеи английского экономиста Джона Кейнса, который осуществил настоящий переворот в экономической теории. Доминирующим направлением в начале XX в. оставалась так называемая «неоклассическая школа». До 1924 г. ее признанным лидером был профессор Кембриджа Альфред Маршалл. Еще в 1890 г. он опубликовал концептуальный труд «Принципы экономики». Теория Маршалла базировалась на классическом подходе к анализу рыночных процессов как результата взаимодействия спроса и предложения через ценовой механизм. Маршалл сознательно представил в своих теоретических построениях достаточно упрощенную картину экономических процессов. В его схемах занятость, издержки производства, выпуск продукции, доходы рассматривались как «постоянные величины» (с ровным, инерционным характером изменений). Долговременная конъюнктура, с этой точки зрения, складывается под влиянием так называемого «эластичного спроса» – определенных закономерностей поведения на рынке потребителей и производителей. В идеале векторы их поведения тяготеют к точке равновесия, когда цена товара окажется приемлемой и для потребителя, и для производителя (т.е. совокупный спрос будет равен совокупному предложению). Краткосрочные нарушения рыночного равновесия (например, превышение цены над реальной покупательной способностью), по мнению Маршалла, не могли оказать глубокое влияние на всю экономическую систему. Они способны вызывать лишь циклические кризисы перепроизводства, которые вновь и вновь возвращают рынок в нормальное положение. Таким образом, реальные рыночные процессы заключаются в постоянном движении вокруг точки равновесия.

Важнейшим компонентом неоклассической теории было понятие «совершенной конкуренции». В соответствии с теорией Маршалла, нормальное состояние рынка определяется рядом факторов, в том числе его защищенностью от государственного регулирования и свободным доступом на все отраслевые рынки новых производителей (это и образует модель свободной конкуренции). Но для эффективного формирования эластичного спроса важно, чтобы каждый производитель обладал достаточно полной информацией обо всех изменениях рыночной конъюнктуры и в то же время никто из участников рыночного процесса не имел бы возможности решающим образом влиять на стихийную игру спроса и предложения, на установление ценового равновесия. Эти условия и составляют основу «совершенной конкуренции». Практика монополистической конкуренции явно противоречила такому выводу. Поэтому многие сторонники неоклассической теории предпочитали рассматривать монополии как неестественное для капиталистической экономики явление, порожденное временным стечением обстоятельств. Некоторые экономисты, например Йозеф Шумпетер, доказывали даже важность монополий как двигателя технического и технологи-

ческого прогресса. Авторитетный американский экономист Джон Кларк рассматривал эту проблему с социальной точки зрения, обосновывая тезис: «Каждому фактору – определенная доля в продукте, и каждому – соответствующее вознаграждение». Кларк пытался доказать незыблемость «естественных законов» рынка, обеспечивающих социальную справедливость за счет пропорциональности занимаемой в производственной системе роли и конечных доходов. С этой точки зрения, монопольная прибыль являлась вполне адекватным вознаграждением для элиты предпринимательского мира, а стремление рабочих добиться общего повышения заработной платы вне зависимости от производственных показателей нарушало нормальное функционирование экономического механизма.

С 1920-х гг. начало формироваться альтернативное направление экономической мысли. Его особенностью стало изучение рынка как единой системы, подлежащей централизованному стратегическому регулированию, приоритетное внимание к макроэкономическим (совокупным) факторам производства, стремление выработать целостную модель экономического развития индустриального общества в условиях структурных изменений. Новая волна теоретических исследований не только отразила эволюцию капиталистической экономики, но и сама сыграла активную роль в определении путей ее дальнейшего развития. Переход экономической науки от абстрагирующей теории к моделирующей превратил ее в реальный инструмент общественных преобразований.

Символом принципиального разрыва с ортодоксальной неоклассической традицией стала концепция Джона Кейнса, основные постулаты которой были изложены в работах «Трактат о деньгах» (1930) и «Общая теория занятости, процента и денег» (1936). Кейнс доказывал, что наиболее злободневные проблемы – массовая безработица и снижение деловой активности, порождаются не столько ценовыми колебаниями спроса и предложения, сколько долговременными процессами в масштабах всей макроэкономической системы. К тому же, в отличие от своих предшественников, Кейнс считал ключевым фактором, обеспечивающим экономический рост, не наращивание предложения, а обеспечение платежеспособного спроса.

Кейнс предлагал рассматривать спрос как системную величину, характеризующую все рыночное пространство, – т.е. как «совокупный спрос», состоящий в свою очередь из потребительского и инвестиционного. В идеале, уровень совокупного спроса соответствует уровню общественных доходов. Однако Кейнс утверждал, что неотъемлемой частью совокупного дохода являются сбережения, т.е. разница между размером дохода и уровнем потребления. Классическая политическая экономия практически не рассматривала влияние фактора сбережений на динамику спроса и предложения. Более того, традиционно считалось, что стремление сберечь является одной из основ общественного накопления и поступательного экономического развития. По Кейнсу, с ростом общего уровня доходов доля сбережений в них увеличивается. Действует «основной психологический закон», согласно которому увеличение богатства вызывает относительное уменьшение доли расходов на личное потребление. При достижении известного уровня благосостояния накопление становится более сильным мотивом, нежели непосредственное удовлетворение нужд человека. Поэтому рост сбережений отнюдь не всегда ведет к увеличению инвестиций. К тому же сказывается закон убывающей производительности капитала – тенденция снижения рентабельности капиталовложе-

ний по сравнению с достигнутым уровнем (т.е. чем больше размеры накопленного капитала, тем больше предпринимательский риск и меньше мотивы для дальнейшего увеличения инвестиций). Таким образом, сокращение склонности к потреблению и снижение прибыльности накопленного капитала предопределяют устойчивое снижение совокупного спроса, что и приводит в итоге экономику в «замороженное состояние». Кейнс полагал, что это противоречие не может быть исправлено на уровне микроэкономических ценовых механизмов и объективно обуславливает необходимость централизованного регулирования капиталистической экономики.

Основу кейнсианских рецептов макрорегулирования экономики составила идея стимулирования «эффективного спроса» – реального инвестиционного и потребительского спроса на рынке. Кейнс полагал, что в распоряжении государства находится целый комплекс мер для повышения рентабельности капиталовложений. Снижение процентной ставки на кредиты (ставки ссудного процента) может уменьшить нижний предел эффективности производственных инвестиций и сделать их более привлекательными по сравнению с вложением денег в ценные бумаги. Важным средством оживления экономики представлялось и увеличение государственных расходов, в том числе государственных инвестиций, прямого кредитования и дотирования предпринимателей, организации государственных закупок товаров и услуг, общественных работ. С другой стороны, средства государственного бюджета могут быть использованы и для стимулирования потребительского спроса. В этом отношении Кейнс отмечал необходимость «социализации инвестиций»: – активной государственной политики по повышению уровня занятости, что должно естественным образом повысить спрос массовых покупателей. Более того, государство может прибегать и к прямому кредитованию потребителей, снижению налогового бремени на физических лиц, развитию системы социального обеспечения, т.е. к частичному перераспределению общественных доходов в пользу определенных социальных групп, способных повысить общий уровень потребления.

В перспективе меры государственного регулирования должны принести существенно больший конечный эффект, нежели прямые бюджетные затраты. Кейнс рассчитал динамику мультипликационного процесса при увеличении инвестиций. Мультипликатором («множителем») он назвал механизм кумулятивного роста производства и занятости в условиях государственного стимулирования экономики – любые вложения в ту или иную отрасль позитивно влияют через увеличение занятости и потребления на уровень производства и в других сферах. Соответственно, Кейнс полагал, что для регулирования эффективного спроса оправдано даже дефицитное финансирование государственных расходов. Бюджетный дефицит со временем, при увеличении общего объема производства и уровня занятости, компенсируется налоговыми поступлениями. Ограниченная же инфляция может оказаться даже полезной – она способна подорвать опасный для кризисной экономики спрос на наличные деньги («предпочтение ликвидности», как назвал Кейнс психологическое стремление иметь запас наличных денег).

Теория Кейнса являлась лишь одним из вариантов осмысления новейших тенденций в развитии капиталистической экономики. Вне поля зрения ее автора остались многие важные аспекты экономических процессов начала XX в. Но именно идеи Кейнса стали основой для разработки принципиально новой методологии экономического анализа. При всем различии сформировавшихся в русле кейнсианства и в полемике с ним концепций, все они были

Менее болезненными итоги войны оказались для США, Канады, ряда нейтральных стран, а также государств Латинской Америки. Несмотря на ощутимые человеческие потери, а также мобилизацию более 12 млн американцев, промышленность США в годы войны пережила настоящий бум. Общий объем промышленного производства в 1939–1944 гг. вырос на 120 %. При увеличении государственного долга с 60 до 226 млрд. долл. чистая прибыль частных компаний за тот же период составила 58,7 млрд. долл. При этом занятость среди населения выросла на 20 %, что полностью решило проблему безработицы. Индекс валового национального продукта без учета инфляции увеличился за период 1939–1945 гг. со 100 до 165 пунктов. Американские инвестиции за границей в это же время выросли с 12,5 до 16,8 млрд. долл., а национальный золотой запас увеличился в 1,5 раза и к 1949 г. составил уже 70 % мировых золотых запасов. Доллар окончательно превратился в наиболее устойчивую валюту на мировом финансовом рынке, а США уверенно претендовали на роль единоличного лидера западного мира.

Успехи латиноамериканских государств, Канады, нейтральных в годы войны Швеции и Швейцарии были менее весомы, однако стремительное расширение внешнеэкономических связей, участие в широкомасштабных поставках сырья и продовольствия, финансовых операциях также способствовало позитивным изменениям в экономике этих стран. По динамике роста ВВП в течение десятилетия 1938–1948 гг. Швеция и Швейцария вообще оказались на втором-третьем месте в мире после США (соответственно 133 и 125 пунктов от уровня 1938 г.). Таким образом, Вторая мировая война значительно усилила те диспропорции, которые сложились в развитии стран Европы и Америки в первой половине XX в. Ситуация усугублялась противостоянием либеральной и коммунистической социальных систем, началом их открытой борьбы за преобладание в мире. Динамика послевоенного развития стран Запада теперь во многом определялась не только внутренними социально-экономическими факторами, но и логикой военно-политической консолидации противоборствующих блоков.

Процесс восстановления экономической системы западноевропейских стран занял сравнительно немного времени, хотя еще в 1946 г. их экономическое положение казалось катастрофическим. Объем промышленного производства в регионе составлял менее 1/3 от довоенного уровня. Острый недостаток промышленных товаров, продовольствия, жилья, транспорта усугублялся необходимостью отраслевой перестройки военизированной экономики, социальной адаптации демобилизованных солдат и перемещенных лиц. Происходила натурализация товарного обмена и оплаты услуг, расцвел черный рынок. Промышленная и транспортная инфраструктура находилась в полном упадке. Главной проблемой оставался глубокий финансовый кризис, поразивший практически все страны континента. Пассивный торговый баланс и растущая зависимость от импорта, выплаты военных долгов стремительно сокращали валютные запасы. Ограниченное предложение потребительских товаров в сочетании с растущей денежной массой создавали при этом сильнейшие инфляционные тенденции. В свою очередь инфляция подрывала инвестиционный рынок и превращалась в непреодолимое препятствие для увеличения промышленного производства.

В 1946–1948 гг. в большинстве западноевропейских стран были проведены денежные реформы, направленные на обеспечение полной конвертируемости национальных валют, их частичную девальвацию, регламента-

цию деятельности банков, систематизацию эмиссии, что несколько стабилизировало ситуацию. Классическим примером жесткой дефляционной политики стала денежная реформа 1948 г. в Западной Германии, осуществленная под руководством Людвиг Эрхарда. Ее необходимость диктовалась катастрофическим падением курса марки. Инфляция достигала 600 % по отношению к довоенному уровню. Эрхард полагал, что ликвидация массы обесцененных денег в сочетании с полной либерализацией рынка восстановит нормальное развитие экономики. Однако он настоял на том, чтобы денежная реформа сочеталась с комплексом мер по защите наиболее уязвимых групп потребителей. Замена денежных знаков произошла в западных зонах оккупации 20 июня 1948 г. Официальное соотношение обмена было установлено в размере 10 рейхсмарок на одну новую немецкую марку (кроме того, каждый человек мог обменять 40 марок по курсу 1:1). Получить на руки можно было вначале лишь 5 % обмениваемой суммы. После проверки законности доходов налоговыми властями выдавалось еще 20 %, затем – 10 %. Остальные 65 % ликвидировались. Окончательная квота обмена составила 100 рейхсмарок за 6,5 новых марок. Но пенсии, заработная плата и пособия пересчитывались в соотношении 1:1. Все старые государственные обязательства аннулировались. Пойдя на такой радикальный, «шоковый» вариант денежной реформы, правительство уравновесило его введением ограничительного контроля над ценами на транспортные и почтовые услуги, основные продукты питания, квартплату. Регулярно публиковались каталоги так называемых «уместных цен», учитывающих реальные издержки производства и «разумную прибыль». Была принята специальная программа «Каждому человеку» для обеспечения населения по сниженным ценам узкой номенклатурой самых необходимых товаров.

Подобные денежные реформы помогли стабилизировать экономическую ситуацию в европейских странах, но они не предполагали радикального сокращения бюджетных расходов, без чего монетарный курс не мог быть достаточно эффективным. Более того, многие правительства пошли даже на увеличение социальных государственных программ. Так, например, лейбористское правительство К. Эттли, пришедшее к власти в Великобритании в 1945 г., ввело гарантированную выплату пенсий по возрасту для всего населения, создало единую государственную систему здравоохранения, начало крупномасштабные реформы в области образования и жилья. В кратчайшие сроки в стране было возведено более 1 млн. муниципальных домов. В тот же период единая государственная система страхования была создана во Франции. В рамках активной демографической политики французское правительство ввело в первые же послевоенные годы широкую практику выплаты семейных пособий. Социал-демократическое правительство П. Ханссона в Швеции осуществило в 1945–1946 гг. реформу пенсионного обеспечения, ввело обязательное больничное обслуживание, значительно расширило практику выдачи ссуд под жилищное строительство.

Возможность проведения достаточно активной социальной политики на фоне реорганизации валютно-финансовой системы была во многом обеспечена участием европейских стран в американской программе, получившей название «план Маршалла». Что касается заинтересованности США в поддержке европейских реформ, то она была вызвана целым рядом причин. Помимо стремления укрепить формирующийся атлантический военно-политический блок, сказались и собственные проблемы американской экономики. За годы войны в США был достигнут очень высокий уровень

производства, занятости и инвестиционной активности. Но емкость внутреннего потребительского рынка оставалась очень небольшой. Складывались предпосылки для масштабного кризиса перепроизводства. Отчасти эта проблема решалась за счет товарной экспансии на мировом рынке. Но финансовый кризис в странах-импортерах грозил подорвать американский экспорт. Не случайно, что еще в годы войны США были вынуждены в значительной степени отказаться от экспорта по схеме «cash and carry» (т.е. на основе предварительной оплаты товаров до их приобретения покупателем) и перейти на систему «lend and lease» (т.е. передачу материалов и вооружений взаймы и в аренду). Особенно заметно динамика американского экспорта начала ухудшаться в 1947 г. В связи с засухой и неурожаем в Европе валютные резервы западноевропейских стран были использованы для закупок американской пшеницы, что почти полностью приостановило импорт промышленных товаров и оборудования из США. В этих условиях американской администрацией был выдвинут инвестиционный план «восстановления и развития Европы». Впервые это проект представил в своей речи 5 июня 1947 г. в Гарвардском университете государственный секретарь США Джордж Маршалл, а реализация его началась в 1948 г. после принятия конгрессом «Закона о помощи иностранным государствам».

Круг стран, принявших участие в проекте, был определен на Парижской конференции в июле 1947 г., в преддверии которой от американской помощи по политическим причинам отказались СССР, восточноевропейские страны, Финляндия. В рамках «плана Маршалла» за четыре года (1948–1951 гг.) остальные европейские государства получили помощь в объеме 17 млрд долл. (в том числе Великобритания, Франция, ФРГ, Италия – более 2/3 этой суммы). Несмотря на то, что около 70 % всей помощи пришлось на поставки продовольствия и сырья, реализация «плана Маршалла» способствовала финансовой стабилизации и росту промышленного производства. Поставки потребительских товаров, продовольствия, топлива осуществлялись в виде дотаций, а не займов, и денежные средства, полученные от реализации товаров, использовались правительствами для укрепления бюджета. Две другие группы товаров – промышленное оборудование и сырье – поставлялись на основе международных займов и под финансовые гарантии американского правительства. Ценой, которую пришлось заплатить европейским странам, стала либерализация внутренних рынков, снижение таможенных тарифов на американский импорт, ограничение программ национализации промышленности. Несмотря на достаточно спорные последствия этих шагов, реализация «плана Маршалла» дала решающий импульс промышленной реконструкции в европейских странах, модернизации производственных мощностей, насыщению потребительского рынка и, соответственно, росту совокупного спроса. Уже к 1949 г. удалось стабилизировать европейский финансовый рынок. В 1951–1952 гг. западноевропейские страны вышли на довоенный уровень промышленного и сельскохозяйственного производства, а к середине 1950-х гг. объем промышленного производства уже превысил довоенный на 60–70 % (сельскохозяйственно – на 20–30 %).

Два десятилетия, следовавших за этапом послевоенного восстановления, сопровождалось беспрецедентным по масштабам и интенсивности экономическим ростом. С 1948 по 1971 г. ежегодное мировое промышленное производство увеличивалось в среднем на 6,5 %. Помимо темпов развития, важной особенностью этого периода стало явное смягчение эко-

номических кризисов, терзавших западную экономику в первой половине столетия. Динамика процесса воспроизводства в это время отличалась не отсутствием циклических колебаний, а их новым характером «Деловой цикл», включающий кризисы перепроизводства, сменился «циклом экономического роста», когда периодическое замедление темпов развития чередовалось с восстановлением ускоренного роста. Кризис перепроизводства в традиционном понимании, с сопутствующими ему резким уменьшением используемых производственных мощностей и инвестиционной активности, ростом безработицы и падением совокупного спроса, сменился «рецессией» – периодом плавного снижения основных макроэкономических показателей при сохранении общего положительного вектора развития.

Первые две послевоенные рецессии 1948–1949 и 1951–1952 гг. были связаны с инвестиционными циклами (волнообразными колебаниями рентабельности капиталовложений) и проявились только в краткосрочном ослаблении конъюнктуры. Следующая рецессия 1957–1958 гг. отражала не столько колебания процесса воспроизводства, сколько инфляционные опасения инвесторов, вызванные беспрецедентным наращиванием уровня заработной платы в европейских странах. Причем два последних спада экономической активности во многом были связаны с политическими процессами – острыми международными кризисами в Корее и Египте и их влиянием на общественное мнение. В 1960-е гг. характер экономического развития стран Запада практически не изменился. Правда, новый период рецессии 1967–1968 гг. уже продемонстрировал некоторые тревожные тенденции: устойчивый рост инфляции, недостаточную эффективность методов дефицитного финансирования государственных расходов и налоговой политики. Но, в целом, уверенный экономический рост продолжался до начала 1970-х гг.

Важным фактором обеспечения такого беспрецедентного роста стало активное государственное регулирование. До начала 1950-х гг. в экономической стратегии преобладала так называемая пассивная антициклическая политика, направленная на стабилизацию финансовой системы, ограничение крайних форм монополизма и резких колебаний спроса и предложения на рынке, обеспечение конверсии производства. Почти всем государствам, принявшим участие в войне, пришлось столкнуться с проблемой резкого падения производства и недостаточности товарной массы. Единственным выходом стало жесткое ограничение производственного и личного потребления. Даже в европейских странах-победительницах Франции и Великобритании распределение по карточкам было отменено лишь в 1947–1948 гг. Финансовый кризис, связанный с образованием огромной массы обесцененных денег и истощением золотовалютных запасов, потребовал принятия жестких антиинфляционных мер, включая крупномасштабную девальвацию национальных валют. Подобные меры не могли способствовать активизации деловой активности, но они позволили избежать спекулятивной горячки и «ложного» кризиса перепроизводства, подобного событиям 1919–1920 гг.

В 1950-х гг. западные страны перешли к иной стратегии экономического регулирования. Основной целью стало обеспечение стабильного экономического роста с помощью методов дефицитного финансирования. Сбалансированность бюджета и низкий уровень инфляции были принесены в жертву наращиванию производственных инвестиций. Государственные капиталовложения использовались для развития сферы НИОКР (научных исследований и опытно-конструкторских разработок), транспортной инфра-

структуры, средств связи, энергосистем, наукоемких отраслей промышленности. Тем самым государство сосредоточивало под своим контролем отрасли с низкой степенью рентабельности, но особенно важные со стратегической точки зрения, обеспечивающие динамику развития всего хозяйственного комплекса. К концу 1960-х гг. государственный сектор экономики уже занимал важное место в экономике всех стран Запада. Лидерами в этом отношении являлись Италия (14 % ВВП), Франция (12 %), Великобритания (12 %), ФРГ (11 %). В целом, в государственном секторе экономики европейских стран в это время сосредоточивалось до 1/5 всех капиталовложений и около 9 % занятого населения.

Развитие государственного сектора сочеталось с инвестиционной поддержкой частного бизнеса. Государственные капиталовложения составляли в 1960–1970-х гг. в Великобритании 45 % от общенациональных, в Италии – 36 %, в США – 30 %, во Франции – 25 %. Основная часть этих затрат была связана со стимулированием технико-технологического прогресса, обеспечением занятости, поощрением прогрессивных форм трудовых отношений.

Помимо прямого или косвенного участия государства в развитии производственной инфраструктуры все более важную роль начинало играть и централизованное планирование экономического роста. Его основными формами стали директивное и индикативное планирование. Директивные планы различного срока и диапазона представляли собой комплексное регулирование экономического развития, осуществляемое за счет законодательного регулирования трудовых отношений и условий инвестиционной деятельности, антitrustовского регулирования, ввода определенных схем налогообложения, норм амортизации оборудования, целевого субсидирования НИОКР и финансирования системы профессиональной подготовки, участия государственных служб в системах коммерческой информации и т. п. Степень прямой регламентации предпринимательской деятельности оставалась минимальной, но создавались некие «рамочные» условия для функционирования экономики с заданными приоритетами и темпами роста. Индикативное (рекомендательное) планирование основывалось на стимулировании отдельных, стратегически важных направлений экономического развития. Индикативные планы представляли собой своего рода ориентирующие прогнозы, призванные дать предпринимателям информацию о перспективных сферах вложения капиталов и эффективных методах рыночной политики.

Важным элементом государственного регулирования в 1950-х гг. оставалось антitrustовское законодательство. Однако действие его носило узкоцеленаправленный характер. Как правило, выделялись приоритетные отрасли, в рамках которых государство административными методами поддерживало режим конкуренции, – транспорт, топливно-энергетическое производство, коммунальные услуги и т. п. В остальных случаях применение антимонопольных законов, ограничивающих масштабы концентрации производства и сбыта, было выборочным и осуществлялось через выдачу федеральными и местными органами власти лицензий на те или иные виды коммерческой деятельности, определение уровня цен и тарифов на конкретные виды товаров и услуг, регламентацию процесса слияния компаний. Основанием для подобной регулирующей деятельности являлась лишь потенциальная угроза интересам потребителя – объем производства, критерии ценообразования, границы рынков сбыта. Пик такого административного антitrustовского регулирования пришелся на конец 1960–начало 1970-х гг. В США подобные ограничения затрагивали деятельность кампа-

ний, производящих 24 % ВВП страны. Однако вне сферы антitrustовского регулирования оставались вопросы, связанные со структурными механизмами процесса воспроизводства, соотношением крупного и мелкого бизнеса, многими аспектами деятельности ТНК.

По мере стабилизации основных макроэкономических показателей развития ведущих индустриальных стран и наращивания их экономического потенциала произошел переход к третьей стадии развития методов государственного регулирования. Приоритетной задачей в это время становилось стимулирование «совокупного спроса», а не развитие производства. Причина «социализации» государственного регулирования, перехода к перераспределению части национального дохода в пользу потребителей отчасти объяснялась изменением идеологических приоритетов, но главным образом была обусловлена сугубо экономическими факторами. На протяжении трех предыдущих десятилетий основным сдерживающим фактором экономического роста являлся недостаток инвестиционной активности, и государство было вынуждено разнообразными средствами повышать деловую активность на рынке, стимулировать «совокупное предложение». Но со второй половины 1950-х гг. в условиях экономического бума препятствием для ускоренного развития становится недостаточный платежеспособный спрос. Задачей государственной политики в такой ситуации становится выравнивание рыночного баланса за счет всесторонней поддержки потребителей, в том числе обеспечение достаточно высокого уровня доходов для трудящихся и расширение социальной инфраструктуры.

В области регулирования трудовых отношений ключевой задачей государства стала стандартизация системы организации рабочего времени. Это позволяло существенно ограничить возможности предпринимателей по повышению нормы эксплуатации. К 1960-х гг. в ведущих западных странах была введена нормативная рабочая неделя (39–41 час) при 9–11 праздничных днях в год и оплачиваемом отпуске примерно в 23–25 дней. Расширилась и практика государственного контроля над минимальным уровнем доходов. Фиксированный государством минимум заработной платы постепенно был переориентирован с физического на социальный минимум прожиточных средств. В США, например, гарантированный федеральным законодательством минимум почасовой заработной платы был увеличен в 1948 г. с 40 до 72 центов, в 1958 г. – до 1 долл., в 1961 г. – до 1,25 долл., в 1968 г. – до 1,6 долл.

Государство поддерживало практику заключения коллективных трудовых договоров. Право трудящихся на коллективные договоры, а также гарантии длительности рабочего дня, оплачиваемого отпуска, права на участие в управлении, запрет дискриминации в области трудовых отношений во многих западных странах были закреплены даже на уровне конституций.

Большую роль в повышении уровня доходов трудящихся сыграли профсоюзы. Профсоюзное движение к началу 1970-х гг. превратилось практически в полноправного партнера бизнеса. В различных странах Европы и Америки доля профсоюзного членства колебалась в среднем от 25 до 70 % от общего количества наемных работников. В большинстве ключевых отраслей профсоюзам удавалось достаточно жестко контролировать условия труда. Основным средством оставалась практика заключения коллективных договоров. Благодаря активности профсоюзного движения и государственному регулированию трудовых отношений суммарный уровень заработной платы начал быстро расти не только в денежном эквиваленте, но и по отношению к иным формам доходов. Если в 1950 г. доля

трудового дохода в ВВП в ведущих индустриальных странах составляла 54⁴, то к 1980 г. она достигла 71–73 %.

Быстро расширялась и сфера государственной социальной политики. С 1950 по 1970 г. в западноевропейских странах доля социальных расходов в ВВП выросла с 12 до 21,5 %. Основными целями социальной политики являлись широкомасштабные реформы системы здравоохранения, образования, социального обеспечения. В Европе большее распространение получила так называемая «скандинавская модель» страхования. Ее особенностью был переход от страхования отдельных категорий работающих к обеспечению всего населения, а также особый порядок финансирования страховых фондов – за счет общих налоговых поступлений. Подобная модель была апробирована еще в 1913 г. в шведском пенсионном страховании. После Второй мировой войны к ней присоединились скандинавские страны. Великобритания, Ирландия, Швейцария, Италия. В ФРГ, Австрии, Люксембурге была закреплена иная модель страхования, основанная на паритетных вкладах государства, предпринимателей и работников. Во Франции, Бельгии, Нидерландах сохранилась прежняя дотационная система страхования, основой которой являлись добровольные организации взаимопомощи.

«Социализация» государственной политики достигалась не только с помощью прямого бюджетного финансирования, но и благодаря расширению полномочий местных и региональных органов. Это касалось прежде всего области жилищного строительства, благоустройства городов, расширения социальной инфраструктуры, развития школьного образования. Для обеспечения муниципальных программ во многих странах Европы были предприняты меры по децентрализации доходной и расходной части бюджета, переориентации значительной части налоговых поступлений на региональный уровень. Так, например, в ФРГ и Швейцарии доля поступлений в центральный бюджет сократилась в 1955–1979 гг. соответственно с 47 до 32 и с 41 до 21 %.

Очень показательным оказался поворот к социально ориентированной политике, произошедший в США. Сразу же после войны президент Г. Трумэн провозгласил проведение «справедливого курса» и инициировал принятие законов, облегчающих положение демобилизованных солдат, повышающих размер пособий и пенсий. Но эти меры сочетались с жестким регулированием трудовых отношений, ограничением любых действий профсоюзов, которые могли бы дестабилизировать рынок труда. В период президентства Д. Эйзенхауэра социальная политика приобрела еще более ограниченный характер. Ситуация разительно изменилась в 1960-х гг. При президенте Д. Кеннеди последовало увеличение ассигнований на социальные программы, в том числе на модернизацию системы высшего образования и профессиональной переподготовки рабочей силы. Были реализованы программы помощи депрессивным регионам. Администрация президента Л. Джонсона разработала комплексную программу «борьбы с бедностью». В соответствии с Законом об экономических возможностях 1964 г. были введены программы помощи малообеспеченным слоям населения, в том числе поддержки материнства и детства, распространения продовольственных талонов, предоставления льготной медицинской помощи. В 1965 г. была введена федеральная программа медицинского страхования пенсионеров. Активно проводилось жилищное строительство и развитие общественного транспорта, создавалась система защиты прав потребителей. Мероприятия по борьбе с бедностью в сельских районах включили выдачу льготных займов

бедствующим фермерам и сельскохозяйственным рабочим, оказание им медицинской и юридической помощи, обучение грамотности. Всего на «борьбу с бедностью» за период 1964–1968 гг. было израсходовано 10 млрд долл., а общая сумма социальных расходов составила к концу 1960-х гг. около 40 % расходной части федерального бюджета США. Средний доход американских семей вырос за десятилетие на 85 %. Подобные меры обусловили беспрецедентный потребительский бум в 1960-х гг., что способствовало дальнейшему наращиванию темпов экономического роста.

Научно-техническая революция. Важным фактором экономического роста в послевоенные десятилетия стала и радикальная перестройка технологической базы производства. Поскольку этот процесс был неразрывно связан с фундаментальными научными открытиями, он получил емкое название научно-технической революции (НТР).

НТР была одним из этапов глобального изменения технологических основ общественного производства, произошедшего на протяжении большей части XX столетия. Основные предпосылки НТР сформировались уже в 1930-е гг. В этот период завершилась перестройка энергетической базы производства, транспортной инфраструктуры, системы связи. Происходило внедрение массы технических изобретений и научных открытий, изменивших технологическую основу многих отраслей. Успешно была апробирована поточно-конвейерная система с инженерной организацией труда. Экономическая модель массового производства получила адекватную организационную и технико-технологическую структуру. В тот же период были сделаны и фундаментальные научные открытия, существенно изменившие взгляд человека на окружающий мир – радиоактивности (супруги П. и М. Кюри), волновых свойств электрона (Л. де Бройль), квантовой модели атома (Н. Бор и Э. Резерфорд), аппарата квантовых расчетов (В. Гейзенберг и Э. Шредингер), теории относительности (А. Эйнштейн).

Научные открытия первой половины XX в. подорвали влияние классической общенаучной методологии, основанной на представлении о строгой, линейной причинности, детерминистских принципах, представлении о принципиальной познаваемости и устойчивости, преемственности, внутренней непротиворечивости научного знания. Началось формирование так называемой неклассической методологии. Причинность событий стала рассматриваться не только с точки зрения простейших механико-динамических связей, но и статистических, вероятностных законов. Категории движения, развития, эволюции становились ключевыми в объяснении законов природы, а само научное мышление приобретало диалектический характер. Вывод об относительности результатов наблюдения, о недостижимости абсолютно точной и строго логичной научной картины мира, релятивности любых сложных понятий и решений заставлял пересмотреть прежнее представление о роли субъекта в процессе познания. Была признана неразрывная связь исследователя и изучаемого им объекта, зависимость результатов познания от методов их достижения и, как следствие, необходимости включения в картину мира характеристик самого познающего субъекта, его концептуальных и методологических установок, исследовательской мотивации и активности. Новая исследовательская парадигма, таким образом, исходила из идеи синтеза методов познания, а не его результатов. Объектом исследования становились конкретные явления и процессы, воспринимаемые во всей

своей сложности и нелинейности. Это требовало не только отбора адекватных средств анализа, но и формирования интегративных исследовательских схем. Не случайно, что утверждение неклассической методологии вызвало стремительное развитие междисциплинарных исследований – биохимических, астрофизических, химико-физических, экономико-географических, социально-экономических, историко-психологических. Это не только значительно расширило представления человека о природе, но и создало условия для качественного преобразования всей производственной сферы.

В 1940-х гг. развитие научно-технологической базы производства было деформировано военной конъюнктурой. Но Вторая мировая война способствовала мощному рывку в разработке новейших технологий в области машиностроения, авиационного производства, приборостроения, химического производства и других отраслях, ускоренному внедрению технических новаций и изобретений в производство, модернизации на этой основе всей промышленной инфраструктуры. По окончании войны многие достижения военно-промышленного комплекса были с большим эффектом использованы в других отраслях производства. Накопленный в годы войны опыт сосредоточения финансовых, интеллектуальных, административных, сырьевых, энергетических ресурсов для прорыва в развитии важнейших направлений научно-технических исследований и реализации достигнутых результатов в массовом производстве был сполна использован в ходе экономического рывка 1950–1960-х гг.

Бесспорным лидером во внедрении новейших технических разработок оставались США. Уже в 1950 г. здесь использовались комплексные методы стимулирования НИОКР – льготное налогообложение, ввод практики ускоренной амортизации основных фондов (до 5 лет), безвозвратное субсидирование (предоставление грантов), заключение прямых контрактов с частными исследовательскими учреждениями и фирмами на разработку новых технологий. Обеспечиваемый такими способами рост наукоемкости производства в сочетании со стремительным наращиванием капиталовложений в считанные годы привел к огромным изменениям практически во всех отраслях и сферах общественного хозяйства. Иной подход к решению этой проблемы продемонстрировала Япония. Помимо наращивания собственных расходов на НИОКР (возросших только в 1960-х гг. в 6 раз), японское правительство стремилось максимально использовать импорт технологий. В течение первых двух послевоенных десятилетий Япония закупила более 10 тыс. иностранных патентов, лицензий, отдельных компонентов ноу-хау.

Магистральным направлением НТР являлась комплексная механизация и автоматизация производства. В ходе ее формировалась четырехзвенная производственная машинная система – к орудиям труда, источникам энергии и связующим их механизмам добавляется автоматическое управление, сердцевиной которого стала электронно-вычислительная машина. Предшественниками ЭВМ были громоздкие счетные машины, работавшие на электромагнитных релейных схемах. Первые из них были созданы в 1936 г. немецким инженером Конрадом Цузе («Z – 1») и американским физиком Горвардом Эйкенем («Гарвард Марк – 1»). В 1937 г. математик Джон Атанасов из университета Айовы впервые предложил использовать для программирования «умных машин» двоичную систему. Это позволяло сконструировать счетный механизм, действующий на электронных лампах (устройствах, создающих управляемый в вакууме поток электронов), – т.е. элект-

ронно-вычислительную машину. Впоследствии ЭВМ стали также называть компьютерами (англ. «computer» – считать, вычислять).

Первый компьютер ЭНИАК («ENIAC») создавался группой американских исследователей под руководством Джона Мочли в 1943–1946 гг. Он представлял собой несколько распределительных шкафов выше человеческого роста и общей длиной более 24 метров, содержал 18 тыс. электронных ламп, потреблял 50 тыс. Вт энергии, но по скорости превосходил машину Эйкена в 2000 раз. Большую роль в создании ЭНИАК сыграл математик Джон фон Нейман. В 1945 г. он впервые обосновал базовый принцип «компьютерной архитектуры» – устройство должно считывать информацию, вводимую в двоичной системе, кодировать ее в виде определенных символов и хранить в централизованной памяти. От оператора в таком случае не требовалось каждый раз менять весь объем информации. При оперативных изменениях компьютер сам мог осуществлять обновления своего банка данных. Для ввода информации Нейман предложил использовать перфокарты – картонные карточки с комбинацией отверстий, набитых по определенному коду. Идея использования перфокарт для автоматизированных подсчетов принадлежала американцу Герману Холлериту и была запатентована еще в конце XIX в. Применение их в ЭВМ позволило отказаться от огромных рулонов бумажной ленты, на которых ранее распечатывались данные, и унифицировать груд операторов. Набор правил, по которым «умная машина» считывала символы с перфокарт, стали называть программным обеспечением («software»). На лидирующие позиции в его разработке вышла бывшая фирма Холлерита, получившая после ряда слияний название «IBM» («International Business Machines Corporation»).

Переход ко второму поколению компьютерной техники стал возможен после «электронной революции» 1948 г., когда американские ученые Д.Бардин, У.Браттейн и У.Шокли изобрели транзистор (англ. «transfer» – переносить, «resistor» – сопротивляться). Это миниатюрное устройство из трех слоев полупроводниковых кристаллов представляло собой генератор и преобразователь электрических колебаний, действующий гораздо быстрее электронной лампы. В компьютерной технологии транзисторы стали использовать с середины 1950-х гг. Это значительно уменьшило размеры ЭВМ и потребление ими электроэнергии. Несмотря на то, что ЭВМ второго поколения по-прежнему были достаточно громоздки (они вмещали тысячи транзисторов), появилась возможность их серийного промышленного производства.

Использование ЭВМ позволило перейти к оснащению производства станками с программным управлением, автоматизированными производственными линиями, робототехникой. Бесспорным лидером по коммерческому использованию ЭВМ стали США. В 1960 г. здесь функционировало уже 4267 «умных машин». В США размещались и крупнейшие производители компьютерной техники – фирмы «Ай-Би-Эм» («IBM»), «Интел» («Intel»), «Хьюлетт Паккард» («Hewlett Packard»). Основным направлением развития компьютерной технологии в этот период стало уменьшение размеров транзисторов и самих устройств. В 1965 г. фирма DEC («Digital Equipment Corporation») под руководством Кена Олсена разработала модель «мини-компьютера» PDP-8, походившего размером на небольшой стеновой шкаф или холодильник и обладавшего транзисторами не больше крупинки соли. Его стоимость уже составляла лишь 20 тыс. долл. – в сотни раз меньше, чем у первых ЭВМ. Производство таких систем положило

начало третьему поколению компьютерной технологии, а в 1970-х гг. они уже сменились компьютерами четвертого поколения.

Не менее революционные изменения в технологической базе производства произошли благодаря успехам химической и физической науки. Начался переход к производству новых продуктов с заранее заданными свойствами. Механические формообразовательные макропроцессы стали заменяться в производстве электроэнергетическими и физико-химическими микропроцессами, происходящими на молекулярном и атомном уровне. Началось постепенное освоение биотехнологий. Важную роль в переоснащении производства сыграло дальнейшее развитие энергетики. В 1954 г. в СССР впервые состоялся запуск атомной электростанции. К 1970 г. уже 10 % электроэнергии в Великобритании вырабатывалось на АЭС, в ФРГ и Франции – 3 %, в США – 2 % (при этом только в США за 1950–1960-х гг. производство электроэнергии в целом выросло в 4,5 раза).

Развертывание НТР отразилось и на характере сельскохозяйственного производства, дав толчок для «второй аграрной революции». При общем сокращении обрабатываемых земель американским и западноевропейским фермерам удалось значительно увеличить выпуск продукции. Это произошло благодаря интенсификации обработки земель и технологии животноводства, комплексной механизации аграрного сектора, росту капиталоемкости сельскохозяйственного производства. Значительно расширилось применение искусственных удобрений – пестицидов, гербицидов, инсектицидов. Так, во Франции, использование нитратных удобрений увеличилось с 186 тыс. т в 1946 г. до 846 тыс. т в 1966 г. Реальные результаты начали приносить селекционные исследования в области растениеводства и животноводства. Широкая поддержка со стороны государства, в том числе закупки сельхозпродукции у производителей по твердым ценам, компенсирующим потери от неблагоприятной рыночной конъюнктуры, обеспечивала устойчивый приток капитала в аграрный сектор. Все это позволило в 1960-х гг. впервые за долгое время уравнивать темпы развития сельского хозяйства и промышленности.

Столь же бурно в этот период развивались транспортная инфраструктура, сфера услуг. Автоматизация управления движением, механизация погрузочно-разгрузочных работ, использование электровозов и тепловозов на двигателях внутреннего сгорания, специализация подвижного состава принципиально видоизменили железнодорожный транспорт. Во многих странах началось создание скоростных региональных транспортных сетей. Метро превратилось в наиболее доступный способ массовых пассажирских перевозок в зоне городских мегаполисов. Столь же быстро менялся и автомобильный, воздушный, трубопроводный транспорт. С 1958 г. годовое мировое производство автомобилей переступило миллионную черту. В этот период общий рост уровня потребления впервые позволил семьям среднего достатка с обоими работающими супругами приобретать два автомобиля. Тем самым автомобиль одержал окончательную победу над городским общественным транспортом. После создания в 1949 г. первых реактивных пассажирских авиалайнеров, воздушное пассажирское сообщение также превратилось в доступный и относительно дешевый вид услуг. В 1969 г. первый полет совершил «Боинг-747», способный вмещать до 500 человек. Символом мощи человеческого гения стало начало космической эры. В 1957 г. в СССР был запущен первый искусственный спутник Земли, а после полета Юрия Гагарина в 1961 г. началось освоение космоса человеком. Спустя восемь лет американец Нил Армстронг вступил на поверхность Луны. Космические полеты очень скоро

начали использоваться и в коммерческих целях. Еще в 1960 г. в США были запущены первые спутники, обеспечивавшие телефонную связь, а в 1962 г. на орбиту был выведен и первый телевизионный спутник. Это означало настоящую революцию в средствах связи, став прологом к формированию мирового информационного пространства.

Стратегические направления НТР – компьютеризация, освоение космоса, использование новых источников энергии, создание искусственных материалов, предопределили движение научно-технического прогресса на десятилетия вперед. Научно-техническая революция стала прообразом целостного процесса материально-духовного воспроизводства, преодолевающего противостояние физического и интеллектуального труда. Однако в качестве социально-экономического явления НТР была порождением вполне определенного этапа в развитии индустриальной системы. Она охватила два этапа этого процесса – комплексной механизации фабрично-заводского производства с внедрением инженерно-организованного конвейерного потока и автоматизации того же производственного механизма. Но в основе экономического роста по-прежнему находилось экстенсивное развитие материально-технической базы машинной индустрии, сопряженное с увеличением нормы капиталовложений. В 1951–1973 гг. в ведущих странах Запада этот показатель составил 24 % от ВВП, что превышало данные и по первой половине XX в., и по последующим десятилетиям. Сохранялся приоритет ресурсо- и энергозатратных технологий. Новейшие достижения науки и техники все еще реализовывались в рамках прежней экономической идеологии, ориентированной на массовое производство, максимальное наращивание производственных мощностей и товарных потоков.

Эволюция рыночной структуры и основных форм предпринимательства в период НТР. Научно-техническая революция дала толчок для новой волны концентрации производства и централизации капитала. Только крупный акционерный капитал, использующий методы монополистической конкуренции и опирающийся на систему массового производства, мог создать необходимую инвестиционную базу для НИОКР. Малый бизнес, напротив, оказался в заведомо худших условиях. Мелкие предприниматели обладали ограниченными возможностями наращивания капиталовложений, внедрения новейших технологических разработок, использования международной кооперации.

Основным источником концентрации производства в годы НТР была практика слияний промышленных кампаний. За период с 1955 по 1960 г. только в США было зарегистрировано более 3300 «поглощений». Индивидуальный капитал на длительное время оказался в роли подчиненного элемента рыночной структуры. Даже при сохранении финансовой независимости и организационной автономности, воспроизводственный процесс средних и малых предприятий все в большей степени становился зависимым от крупных корпораций. Однако причины тотального наступления крупного бизнеса в послевоенные годы были связаны не только с превосходством его финансовой и производственной базы, но и с изменением организационной структуры и основных принципов рыночной стратегии.

Уже на рубеже XIX–XX вв. традиционная система капиталистического предпринимательства, основанная на соединении «в одних руках» функций

владения собственностью, управления процессом воспроизводства и присвоения его результатов, стала уступать место новой организации крупного бизнеса. Ее основу составила акционерная форма капитала и система менеджизма. Акционерный капитал, развитие которого первоначально было связано с потребностями инвестиционного рынка в условиях монополистической концентрации производства, со временем приобрел универсальный характер. Помимо корпоративного акционерного капитала (коллективной формы частной собственности) появились различные варианты ассоциированного капитала – страховые и пенсионные фонды, акционерные фонды без контрольных пакетов акций, занимающиеся предпринимательской деятельностью благотворительные и научно-исследовательские организации и т.п. Ассоциированный капитал представлял собой социализированную форму частной собственности.

Как ассоциированный, так и акционерный капитал предполагали выделение управленческой функции предпринимательства и сосредоточение соответствующих полномочий в руках менеджеров (англ. «manage» – управлять) – наемных специалистов по управлению производством и обращением товаров. Истоки теории менеджизма, т.е. комплексной концепции управления производством, восходят к идеям Ф. Тэйлора, изучавшего специфику управленческих задач в условиях специализации производственных операций и стандартизации труда наемных рабочих. Основу же «классической», или «административной» системы менеджмента составили идеи Гарингтона Эмерсона. В отличие от производственной философии тейлоризма и фордизма, Эмерсон не только не связывал напрямую эффективность и качество работы с ее напряженностью и количественным объемом, но и противопоставлял эти показатели. Именно Эмерсон сформулировал главный критерий эффективности современного производственного управления – максимальные результаты при минимальных усилиях.

В 1930–1960-х гг. идеи Эмерсона были развиты в работах А. Файоля, Л. Гюлика, Дж. Муни, Л. Урвика. Анри Файоль сформулировал «14 принципов» классического менеджмента: разделение как управленческого, так и исполнительного труда, неразрывная связь власти и ответственности, дисциплина как безусловное следование трудовым соглашениям, единоначалие, единство административной политики, подчинение частных интересов общим, справедливость вознаграждения, разумная степень централизации, построение эффективной иерархии административного управления, сочетание лояльности персонала и уважительного отношения к нему со стороны администрации, стабильность рабочих мест, поощрение инициативы, обеспечение корпоративного духа и др. Таким образом, подразумевалось, что функции менеджмента значительно расширяются. Помимо вопросов внутренней организации производства, мотивации работников, контроля над их деятельностью и координации работы различных звеньев производственной системы, в сферу действий управленческих кадров были отнесены определение рыночной стратегии, прогнозирование перспектив развития предприятий, диагностика общей эффективности производства в той или иной отрасли или области.

В середине XX в. сформировалось еще одно влиятельное направление научного менеджмента – «школа человеческих отношений», или неоклассическая школа. Ее основателем был психолог из Гарвардского университета Элтон Мейо. Отличительной чертой концепции Мейо стало представление о межличностных отношениях как постоянном и очень важном факторе про-

изводства. Мейо в ходе ряда экспериментов доказал, что наряду с объективными факторами повышения производительности труда (условиями и организацией труда, заработной платой), огромное влияние на работника оказывают субъективные, психологические факторы. Значимость внимательного и уважительного отношения к работнику со стороны администрации отмечалась и сторонниками классической теории менеджмента. Мейо же обратил внимание на огромную роль неформальных отношений между самими работниками. В основе их, по мнению Мейо, лежит особое качество людей – «социомобильность», т.е. потребность в принадлежности к группе. Благодаря социомобильности на производстве складываются неформальные отношения, в которых реализуются личностная мотивация людей, формируется особый стиль поведения, негласно регламентируются те или иные поступки. Мейо доказывал, что неформальные лидеры зачастую могут оказаться влиятельнее самих менеджеров, а успех «своей» группы, «чувство команды» для многих людей является более важным стимулом, чем личное вознаграждение. Поэтому существует возможность за счет демократичности стиля руководства, повышения чувства удовлетворенности трудом и взаимоотношениями, создания атмосферы сотрудничества значительно повысить эффективность трудовых ресурсов.

Под влиянием концепции «человеческих отношений» менеджмент приобрел ярко выраженную социальную и психологическую направленность. В 1950–1960-х гг. популярной стала идея патернализма (лат. «pater» – отец), предполагавшая организацию предприятий по аналогии с семейными, клановыми отношениями. Во многих странах попечительство работодателей по отношению к работникам стало важным ориентиром государственной политики. Но в устойчивую систему социальных взаимоотношений патернализм превратился, пожалуй, лишь в Японии, где он сочетался с глубинным комплексом национальной психологии и традиций. Евро-американский вариант концепции «человеческих отношений» так и не преодолел специфическую черту классического менеджизма – противопоставление руководителей и руководимых, управленческой элиты и персонала. Тейлор, Эмерсон и Мейо, при всей специфике их подходов, предлагали лишь методы контроля над работниками, способы активных манипуляций их действиями. Эффективность такой системы определялась не личностным развитием человека, а рационализацией управления его трудом, поведением, эмоциями.

Помимо управления трудовыми ресурсами важнейшей задачей менеджмента являлось повышение эффективности самой управленческой структуры производства. К началу XX в. сложилось две модели управления крупными корпорациями – унитарная, с образованием централизованной структуры отделов, организованных по функциональному признаку, и холдинговая, в рамках которой доминировал совет директоров, коллегиальный орган из представителей внутренних подразделений кампании. В условиях бурного развития массового производства постепенно становилась очевидна ограниченность таких моделей. Они не позволяли менеджерам верно определять стратегические задачи развития производства, оперативно реагировать на изменения рыночной конъюнктуры в самых разных отраслях, учитывать политические и социальные изменения. Пути решения этой проблемы искали как в перестройке организационной структуры системы менеджмента, так и в пересмотре самих принципов рыночной стратегии.

В 1920–1930-х гг. концерны «Дюпон» Пьера С. Дюпона и «Дженерал Моторс» Альфреда П. Слоуна впервые апробировали новую структуру уп-

равления - мультидивизиональную. В отличие от дивизиональной системы обычных холдинговых компаний (с относительно автономными внутренними подразделениями, представители которых образовали совет директоров) структуру этих концернов возглавили генеральные дирекции, составленные из высших менеджеров со своим собственным финансовым и управленческим аппаратом. Не связанные с интересами конкретных отделов, эти менеджеры могли сосредоточить свою деятельность на стратегическом планировании и внешнем контроле над подразделениями компании, мониторинге эффективности отдельных подразделений. Эта управленческая элита обеспечивала и действие «внутреннего рынка» компании – эффективное перераспределение средств, ресурсов и прибыли между подразделениями, стимулирование мотивации работников, поддержание атмосферы конкуренции внутри подразделений.

Широкое распространение мультидивизиональной структуры в послевоенный период привело к созданию новой формы монополистических объединений – конгломерата (лат. *«conglomeratus»* – собранный). Конгломераты отличались максимальной автономией внутренних подразделений и их чрезвычайно широкой производственной специализацией. Основным стратегическим принципом деятельности конгломератов стала диверсификация производства и капиталовложений – целенаправленное освоение новых видов производства, расширение ассортимента продукции, распределение инвестируемых капиталов между объектами в различных отраслях и областях производства. Цель подобной практики заключалась не только в снижении предпринимательского риска. Конгломераты позволяли аккумулировать средства, получаемые от самых разнообразных видов производственной и коммерческой деятельности, и целенаправленно использовать их для развития наиболее эффективных и перспективных направлений бизнеса.

Несмотря на внешнюю децентрализованность именно конгломератная форма монополистических объединений способствовала новому витку концентрации производства и централизации капитала. Конгломераты стремились к поглощению самых различных предприятий, подчас совершенно не связанных с профильными направлениями бизнеса. Использование мультидивизиональной структуры позволяло сохранять единство стратегического планирования корпорации и строить взаимоотношения подразделений на основе принципов «внутреннего рынка». По этой же причине конгломератная форма стала наиболее приемлемой для транснациональных корпораций. Отказ от централизованной структуры управления, широкая специализация и значительная автономия подразделений, отработанные механизмы перераспределения финансовых средств позволяли эффективно действовать на рынке самых разных стран и даже других континентов.

Параллельно с изменением организационной структуры крупных корпораций происходил пересмотр и принципов их рыночной политики. Вплоть до начала 1930-х гг. на рынке доминировала традиционная модель взаимодействия спроса и предложения, определяемая как «рынок продавца». Массовый покупатель оказывался перед чрезвычайно узким выбором продукции, незначительно отличающейся по ассортименту и качеству. Основным потребительским стимулом и, соответственно, важнейшим средством борьбы производителей за рынок сбыта являлись ценовые различия товаров. Именно такая модель рыночной политики способствовала появлению фордовской производственной системы, ориентированной на выпуск массовой, стандартизированной, дешевой продукции. Однако по мере наращива-

ния производственных мощностей, насыщения потребительского рынка и дифференциации запросов массового покупателя «рынок продавца» становился не очень эффективным. На смену ему пришел «диверсифицированный рынок». Предложение по-прежнему оставалось решающим фактором рыночной конъюнктуры, но покупателю уже предлагался определенный выбор продукции в том или ином секторе рынка. Потребитель мог отдать предпочтение более качественному или престижному товару. Такой подход в корне менял основные формы конкуренции. Рентабельность производства оказывалась связана с учетом не только производственных показателей, обеспечивающих себестоимость продукции, но и «настроений» потребителя, его психологических особенностей, культурных предпочтений. Возникла потребность в целостной системе взаимодействия производителя и потребителя, которая получила название маркетинга.

Понятие маркетинга (англ. *«market»* – рынок, сбыт) как особой деятельности по стимулированию сбыта и приспособлению производства к требованиям рынка было введено американскими экономистами в самом начале XX в. Однако в этот период доминировала товарная ориентация маркетинга – обеспечение максимальных объемов производства и максимума продаж (так называемый «массовый маркетинг»). Изучение отдельных сегментов рынка и активное его стимулирование не проводилось. С 1930-х гг. зарождается принципиально новая система маркетинга – «сбытовая», или товарно-дифференцированная. В основу ее были положены принципы. сформулированные Е. Маккарти (модель «4 р»), – изучение взаимозависимостей движения товара (*product*), сегментов рыночного пространства (*place*), процесса ценообразования (*price*) и форм стимулирования спроса (*promotion*). Построенная по принципу «4 р» маркетинговая деятельность была ориентирована на активное приспособление не только к реальному, но и потенциальному потребительскому спросу, на гибкое изменение моделей продукции в зависимости от колебаний рыночной конъюнктуры. Первым ярким примером использования новейших маркетинговых принципов стало поражение «автомобильного короля» Генри Форда в дуэли с хозяином концерна «Дженерал моторс» Альфредом Слоуном. Форд делал ставку на выпуск «народного автомобиля» – однотипной, максимально дешевой продукции. Слоун же предположил, что потребителям уже недостаточно просто купить товар. Их интересует качество и престижность покупки. Переориентация «Дженерал моторс» на производство различных модификаций автомобилей, в том числе и дорогих элитарных марок, позволила значительно потеснить «Форд» на американском, а затем и мировом рынке.

В условиях потребительского бума 1960-х гг. зародилась новая форма маркетинга – «целевого», или концентрированного. Она была очень похожа на предыдущую, но предполагала еще большую диверсификацию рынка сбыта, разработку стратегических маркетинговых программ. Важнейшее место в системе маркетинга заняла массовая реклама, позволявшая активно формировать потребительский спрос. Благодаря такой способности маркетинговая деятельность оказывалась тесно связана со всей системой менеджмента, превратилась в фактор целевого стратегического планирования производства.

Усиление роли маркетинговой деятельности в процессе производства привело к смене самого имиджа капиталистического «предприятия». На смену образу производственно-технического комплекса в середине XX в. приходит образ «фирмы» (итал. *«firma»* – подпись). Фирма – это многопро-

фильный субъект рыночных отношений, связанный с самыми разнообразными аспектами производственной и коммерческой деятельности. Помимо реальных производственных успехов, все большую роль начинал играть имидж фирмы, ее рыночная репутация. «Фирменность» того или иного товара или услуги становилась частью стоимости товара. Престижность фирмы и сама превращается в особого рода товар – складывается так называемая система «франчайзинга», пролажи лицензий на использование торговой марки фирмы.

Структурный экономический кризис 1970-х – начала 1980-х гг.

Первая половина 1970-х гг. оказалась переломной для развития индустриальной экономической модели. Толчком для ее радикальной перестройки стал «нефтяной шок» 1973 г. Неудачное участие Египта и Сирии во второй арабо-израильской войне заставило арабские страны, занимавшие ведущие позиции в Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК), использовать свое положение для экономического давления на западные державы. В октябре 1973 г. ОПЕК приняла беспрецедентное решение о повышении цен на нефть с 3 до 11,65 долл. за баррель (159 куб. дм). Несмотря на урегулирование политических аспектов кризиса, жесткая политика ОПЕК на нефтяном рынке сохранялась и в последующие годы – к 1982 г. цена за баррель нефти возросла уже до 34 долл. Это поставило экономику развитых индустриальных стран на грань глобального энергетического кризиса.

Ведущие отрасли промышленного производства – машиностроение, химическая и сталелитейная промышленность, черная и цветная металлургия, традиционно базировались на энергозатратных технологиях, и их развитие требовало постоянного увеличения энергетической базы. На протяжении 1950–1960-х гг. благодаря стабильным и низким ценам на мировом нефтяном рынке США и европейские страны могли устойчиво наращивать импорт нефти и даже сокращать ее добычу на своей территории. Только в США в 1960-х гг. потребление нефти увеличивалось на 6 % ежегодно при сокращении добычи на 1,5 %. «Нефтяной шок» 1973 г. положил конец этому беспечному «благоденствию».

Резкий подъем цен на нефть не только привел к огромным убыткам, падению промышленного производства и сокращению инвестиций, но и вызвал необходимость технологической переориентации всей промышленной базы. В долгосрочной перспективе это имело позитивное значение. Сокращение потребления нефти заставило более интенсивно разрабатывать и внедрять энергосберегающие технологии. За счет расширения добычи и использования угля, развития атомной энергетики более сбалансированной стала структура потребления энергоносителей. Разработка новых месторождений нефти на шельфе Северного моря и на Аляске в дальнейшем пошатнула гегемонию ОПЕК на мировом нефтяном рынке. Однако для этих изменений требовалось время и немалые дополнительные инвестиции.

Менее чем через год после «нефтяного шока» экономика западных стран была ввергнута в кризис перепроизводства – первый классический кризис за весь послевоенный период. Увеличение издержек производства, связанных с повышением цен на нефть, привело к росту себестоимости продукции почти всех отраслей хозяйства. Когда товарные запасы, имевшиеся осенью 1973 г., закончились, то начался стремительный рост оптовых и розничных цен. Вызванное им сокращение платежеспособного спроса в

сочетании с ухудшением инвестиционного климата привело к снижению уровня производства на протяжении девяти месяцев 1974 г. Падение промышленных показателей в США составило 15 %, в Италии и Франции – 14 %, в ФРГ – 8 %, в Великобритании – 7 %. Кризис перепроизводства вызвал рост безработицы, что, в свою очередь, еще больше сокращало потребительский спрос и уровень инвестиционной активности.

Особенностью кризиса 1974 г. стало быстрое ухудшение конъюнктуры именно в передовых, науко- и капиталоемких отраслях. Под ударом оказались предприятия и компании, связанные со всемирно известными крупнейшими корпорациями и банками. Поэтому кризис 1974 г. не стал обычным «фильтром», отсеивающим наименее конкурентоспособных производителей. Он породил общую долговременную стагнацию индустриальной производственной системы.

В 1976–1979 гг. в странах Запада наметился экономический подъем, но его темпы (средний ежегодный рост на 2,4 %) были несравнимы с динамикой предыдущих лет. По-прежнему были сильны инфляционные процессы, высок уровень безработицы. Накапливались бюджетные дефициты. В конце 1970-х гг. произошел второй «нефтяной шок» – после свержения в 1979 г. шахского режима в Иране и начала ирано-иракской войны страны ОПЕК повысили цены на нефть в два раза. В этой ситуации наиболее пострадали развивающиеся страны. Их внешняя задолженность выросла к концу 1981 г. до беспрецедентной суммы в 530 млрд долл. Ведущие страны Запада оказались в более выигрышном положении. Большая часть доходов стран ОПЕК была размещена на депозитах в западных банках. США для компенсации финансовых потерь с успехом использовали наращивание банковских процентных ставок и рост курса доллара. Но эти факторы не смогли предотвратить наступление нового циклического кризиса. В 1980–1981 гг. суммарный объем промышленного производства вновь существенно снизился. Масштабы кризиса оказались меньшими, чем в 1974–1975 гг., но и они превосходили обычные для послевоенного периода рецессии. В ведущих индустриальных странах сокращение объема производства достигало 7–8 %. Становилось очевидно, что негативная динамика экономического развития отражает процессы более глубокие, нежели колебания нефтяного рынка. В основе ее лежала долговременная тенденция перенакопления капитала.

Признаки относительного перенакопления капитала начали проявляться уже на рубеже 1960–1970-х гг. Тогда начала уменьшаться скорость прироста производительности труда в промышленных отраслях, повысились удельные издержки производства (опережающий рост цен материальных издержек производства по сравнению с ростом цен на готовую продукцию). В то же время основной показатель относительного перенакопления – снижение нормы прибыли – долгое время не проявлялся. Это являлось результатом широкомасштабного вмешательства государства в экономическую сферу. Стимулирующая налоговая политика, льготное изменение нормы процента, прямое инвестирование со стороны государства, а также прямое или косвенное стимулирование потребительского спроса позволяли сохранять общий объем прибыли на достаточно высоком уровне. В свою очередь, это укрепляло стремление предпринимателей удерживать высокую норму накопления капитала, сохранять прежние темпы роста производственных мощностей. Таким образом, срабатывал обычный для монополизированной экономики механизм искусственного замедления перепроизводства: Предприниматели, не желая

терять рынки сбыта и сохраняя уверенность в модели массового производства и потребления, до последней возможности пытались компенсировать снижение эффективности производства ускоренным ростом его объема. Кейнсианская система государственного регулирования, впервые столкнувшаяся с нарастанием структурных противоречий, не столько лечила эту болезнь, сколько загоняла ее вглубь.

Стремление предпринимателей искусственно сохранить норму накопления капитала вело к изменению структуры прибыли. Снижение доли самофинансирования в общем объеме капиталовложений, сокращение собственных внутренних ресурсов накопления вело к возрастанию роли внешних источников финансирования – банковских займов, государственных кредитов, дополнительного акционирования. Но это увеличивало и долю так называемой «распределенной прибыли», которая передавалась внешним инвесторам и акционерам. Такое скрытое снижение нормы прибыли прослеживалось уже в конце 1960-х гг. А с 1969–1970 гг. начинается и прямое сокращение показателей нормы прибыли. События 1973 г. лишь ускорили этот процесс. Последовавший за ними скачок цен и начало циклического кризиса пере.производства стали, таким образом, классическим прологом структурного экономического кризиса. Очередная «кондратьевская волна» завершилась.

Структурный кризис 1970-х гг. был вызван снижением эффективности «смешанной экономики», основанной на сочетании массового производства, монополистической конкуренции и кейнсианского регулирования. Сработали все разрушительные особенности «Великой депрессии» – «замораживание» совокупного предложения и спроса под воздействием структурных особенностей монополизированной экономики, невозможность «ценового выхода» из кризиса. Но если в 1930-х гг. эти противоречия были преодолены с помощью государственного стимулирующего вмешательства, то теперь государственное регулирование превратилось в еще один кризисный фактор.

Пагубное влияние кейнсианского регулирования выразилось в совершенно новом экономическом явлении – стагфляции (сочетание стагнации производства с ростом инфляции). Инфляция никогда не возникала в ходе обычных кризисов перепроизводства. Увеличение потребительских цен было невозможно на фоне общего снижения платежеспособного спроса и активизации ценовой конкуренции производителей. Но во второй половине XX в. инфляционные процессы коренным образом изменились. Уже в 1950–1960-х гг. умеренная инфляция (так называемая «ползучая инфляция» – в пределах 2–3 % в год) стала нормой. В начале 1970-х гг. ее уровень начал достигать 8–10 % (так называемая «интенсивная инфляция»). С началом же структурного кризиса инфляция не только не уменьшилась, но и перешагнула 10 %-ную отметку (так называемая «галопирующая инфляция»).

Устойчивое наращивание инфляции было результатом самых распространенных кейнсианских методов регулирования – стимулирования совокупного спроса посредством дефицитной бюджетной политики, создания избыточных кредитных денег (развития различных форм кредита, опережающего реальный рост доходов населения). Кейнс считал, что такая инфляционная политика не приведет к обвалу рынка, поскольку стимулирует реальное производство, за счет налогообложения которого рано или поздно будет ликвидирован и бюджетный дефицит. Но долговременное «накачивание» рынка массой избыточных денежных средств в 1960-х гг. создало кумулятивный эффект. Инфляция начала развиваться по спирали – эмиссия

денежных знаков вызвала рост цен, рост цен требовал для обращения увеличения денежной массы, новый виток эмиссии порождал очередную волну инфляции и т.д. «Замкнутый инфляционный бег» подрывал механизм самс.регулирования рыночной экономики. Особую остроту этой ситуации придавала проблема хронического бюджетного дефицита.

Образование устойчивого бюджетного дефицита в большинстве стран Запада также было следствием роста бюджетных расходов в эпоху расцвета «государства благосостояния». Из европейских стран только Швеции удавалось в 1960–1970-х гг. сохранять положительное сальдо бюджета. В Италии удельный вес государственного долга по отношению к ВВП только в 1970–1976 гг. вырос с 29 до 60 %, в Австрии – с 19 до 30 %, в ФРГ – с 18 до 27 %. Энергичные меры позволили правительствам некоторых стран улучшить сальдо госбюджета в 1970-х гг., но сам государственный долг практически нигде не был ликвидирован. Так, например, в Нидерландах удельный вес долга в ВВП сократился за это время с 68 до 39 %, в Великобритании – с 86 до 62 %.

Обеспечение внешнего и внутреннего долга требовало привлечения все больших средств. Если в середине 1960-х гг. доля неторговых платежей в международных расчетах составляла 60 %, то к концу 1970-х гг. она уже достигла 80 %. В развитых индустриальных странах проблема хронического бюджетного дефицита хотя бы отчасти решалась дополнительной эмиссией и ростом процентных ставок банковских кредитов. А вот развивающиеся страны оказались просто не в состоянии обеспечивать растущий внешний долг. Складывались предпосылки для возникновения глобальной проблемы неплатежей по задолженности коммерческим банкам, что в свою очередь наносило удар и по экономике ведущих стран Запада.

Нарастание инфляционных процессов в странах создало принципиально новую ситуацию в сфере валютного регулирования. Международная валютно-финансовая система, основанная на «золотом стандарте», оказалась под угрозой развала. Его первым симптомом стало падение фунта стерлингов в 1967–1968 гг. Снижение его золотого содержания на 14 % вызвало цепную реакцию и валютный кризис в 25 странах стерлинговой зоны. Спустя полтора года та же ситуация повторилась после снижения французским правительством золотого содержания франка на 11 % и последовавшего затем падения курсов национальных валют 14 африканских стран, входящих в зону франка. Стремительно ухудшались и позиции доллара. К 1970 г. из-за растущей диспропорции платежного баланса золотой запас США сократился до 11 млрд долл. В то же время долларové авуары за границей (в государственных и коммерческих банках) уже достигали примерно 50 млрд. Обеспечение конвертируемости доллара в золото оказывалось все более затруднительным. Американское правительство предпринимало активные попытки остановить наступление валютного кризиса. Но 15 августа 1971 г. президент Р.Никсон был вынужден официально объявить о временной приостановке обмена долларов на золото по официальному курсу. Последовал ввод «плавающих» (нефиксированных по отношению к доллару) курсов национальных валют всех остальных ведущих индустриальных стран. Бреттон-Вудская валютно-финансовая система распалась.

Итак, на фоне двух циклических кризисов перепроизводства 1974 и 1981 гг. экономика ведущих стран Запада оказалась втянута в длительный структурный кризис – кризис «смешанной экономики», основанной на сочетании массового производства, монополистической конкуренции и государственного регулирования «совокупного предложения» и «совокупного

«спроса». Использование кейнсианских методов антикризисной политики не принесло успеха ни в одной из стран Запада. Ярким примером стал провал «левого эксперимента» во Франции, когда после прихода к власти социалистов в 1981 г. была осуществлена крупномасштабная национализация, реализованы новые программы регулирования трудовых отношений и расширено финансирование социальных статей бюджета. Результатом стало массовое «бегство капиталов» за границу, свертывание деловой активности и еще большее нарастание социальной напряженности. После полутора лет «левого эксперимента» французскому правительству пришлось полностью отказаться от этой стратегии и перейти к «политике экономии».

Отказ от кейнсианских рецептов государственного регулирования сам по себе не создавал необходимых оснований для выхода из структурного кризиса. Для восстановления достаточной нормы прибыли требовалась сложная перестройка всей структуры капиталовложений, основных моделей предпринимательства, организационной структуры бизнеса. К тому же речь шла не только о кризисе «смешанной экономики» кейнсианского образца. Изжила себя сама «затратная» экономическая модель, основанная на постоянном наращивании ресурсной базы общественного воспроизводства. В этом плане кризис 1970-х гг. завершал не только очередную «контратьевскую волну», но и всю историю экономической модернизации «по-капиталистически».

Почти пятивековая история капитализма была сопряжена с периодическими структурными кризисами, каждый из которых не только создавал новую экономическую модель (мануфактурный капитализм, фабрично-заводской акционерный капитализм, монополистический капитализм, «смешанная экономика»), но и приводил к новой волне наращивания капиталоемкости и энерговооруженности производства, сырьевой базы и трудовых ресурсов. Под эгидой «государства благосостояния» в эпоху НТР этот процесс достиг своего пика – для экономического роста была задействована вся общественная система, включая политические, административные, социально-психологические и интеллектуальные ресурсы. В ведущих странах Запада в 1950–1960-х гг. суммарная квота капиталовложения составляла уже 27 % от ВВП, что значительно превосходило показатели и начала и конца века. Достигнутый экономический взлет оказался фантастическим, но ресурсной базы для нового рывка уже не было. Планетарная экосистема оказалась под угрозой. Для выхода из структурного кризиса в этой ситуации требовалась не только новая организационная модель производства, но и совершенно новая социально-экономическая философия.

Глава 3

Региональные особенности экономической модернизации в XX в.

Эшелоны модернизации и проблема «догоняющего развития».

Понятие «догоняющее развитие» служит для обобщенной характеристики целого ряда моделей ускоренной модернизации, сформировавшихся в XX в. Следует учесть, что «догоняющее развитие» не может рассматриваться в качестве движения различных стран и народов по некоему универсальному пути к «современности» или «прогрессивности». Оно не означает и «вестернизацию», т. е. насаждение неких «западных» стандартов жизни, духовных ценностей и поведенческих стереотипов. Наконец, не всегда корректно использовать для анализа проблем «догоняющего развития» и расхожую дефиницию «страны молодого капитализма», обозначающую регионы, якобы отстававшие от обычной динамики развития капитализма и устремившиеся в историческую «тонку за лидером». В то же время совершенно очевидно, что сама историческая природа модернизации предполагает неравномерность этого процесса и многообразие его моделей.

Модернизация представляет собой переход от общественной системы традиционного типа (аграрной) к индустриальному обществу. В экономической сфере модернизация сопряжена с утверждением рыночных отношений как основного типа общественных связей, переходом от простого к расширенному воспроизводству, созданием целостной инфраструктуры промышленного, фабрично-заводского производства и крупного акционерного капитала, формированием соответствующего отраслевого баланса. Движущей силой экономики становятся товарно-денежные отношения и капитал, воплощенный в технико-технологическом и организационном базисе производства. Тем самым обеспечивается устойчивое накопление «капитализированного труда» и его нарастающее преобладание над трудом «живым». Все общество в ходе модернизации раскалывается на два класса – работников, распоряжающихся лишь собственным «живым трудом», и капиталистов, собственников «накопленного труда». На смену иерархичному и упорядоченному сословно-корпоративному социальному пространству приходит динамичная и, одновременно, очень жесткая биполярная социальная модель. В сочетании с разнообразными социокультурными и политико-правовыми аспектами мо-

дернизации такая трансформация общества сопровождается радикальным изменением всего мироощущения человека, системы его социализации, этических и поведенческих установок. Поэтому объективно возникают предпосылки для складывания двух основных типов модернизации. Первый из них (органический) предполагает сбалансированное и эволюционное развитие модернизационных процессов, когда любые институциональные реформы лишь закрепляют уже произошедшие ментальные изменения, уже накопленный социальный опыт. Вектор модернизации в этом случае идет «снизу». Второй тип модернизации (неорганический) означает искусственное форсирование этих процессов за счет реформ «сверху», насаждения тех или иных институтов и форм общественных отношений, не имеющих адекватной опоры в массовом сознании и даже противоречащих ему.

Специфика органической и неорганической модернизации обычно оговаривается при сравнении исторического пути Запада и Востока. Однако и в рамках западной цивилизации отнюдь не все страны изначально встали на путь органической модернизации. Различие в динамике развертывания модернизационных процессов, их хронологических рамок и движущих сил позволяет выделить среди них несколько групп, или «эшелонов».

Лидерами «первого эшелона» на протяжении всего Нового времени оставались Великобритания и Франция. Процесс формирования индустриальной системы в этих странах протекал эволюционно, на протяжении нескольких столетий и носил органический характер. Преемственность в развитии основных форм производства и предпринимательства, гибкое, постепенное изменение социальной структуры предопределили особую прочность и сбалансированность общественных институтов, возникших в результате модернизации. По динамике общественного развития к Великобритании и Франции были близки Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Швейцария, а также Швеция и Дания. Не имея экономических, геополитических и культурных предпосылок для борьбы за лидирующие позиции в западном мире, эти «малые» страны достигли к началу XX в. вполне зрелых форм индустриальной организации.

Особую группу стран, близкую к «первому эшелону», составили «белые переселенческие колонии» – британские доминионы Канада, Австралия, Новая Зеландия. На рубеже XIX–XX вв. в группу стран «первого эшелона» стремительно входят Соединенные Штаты Америки. На первый взгляд, ускоренный характер общественного развития в этот период дает основание отнести США к странам «неорганической модернизации». Однако формирование здесь индустриальной системы не было форсированным, направляемым «сверху» реформаторским процессом. Первоначально сказались специфика американского «переселенческого» общества, не имевшего собственных прочных традиций доиндустриального периода. По завершении гражданской войны Севера и Юга к этому фактору добавились и новые – складывание единого общенационального рынка в огромной стране с богатыми природными ресурсами, колоссальный приток иммигрантов, немалую часть которых составляли квалифицированные и недорогие трудовые кадры, приток капиталов из Европы. К тому же большинство американских предприятий создавалось на новейшей технологической базе, с учетом наиболее перспективных технических разработок. Именно в США впервые широко была внедрена конвейерная система. Активно шло внедрение в производство электрической энергии. Автомобильное производство становилось символом американской промышленной мощи.

В первой половине XX в. США по динамике промышленно-финансового роста и модернизации социальной структуры уже уверенно опережали Францию и Великобританию. Однако это отнюдь не свидетельствовало о расколе в «первом эшелоне». Помимо общих геополитических интересов и культурной общности, взаимное тяготение США и европейских стран «первого эшелона» было связано с однотипностью их социально-экономического развития. Становление системы монополистического капитализма происходило здесь в наиболее «чистом», классическом варианте. Концентрация производства и централизация капитала вели к ускоренному вытеснению малого и среднего предпринимательства, унификации экономической инфраструктуры и росту транснациональных производственных и торговых связей. Сырьевая специализация внутренних периферийных районов, традиционная для ранних этапов индустриального развития, к началу XX в. была практически ликвидирована. Сложилась основа для преодоления отраслевых диспропорций, наращивания инвестиций в систему транспортных коммуникаций. Быстрыми темпами возрастала мощь финансово-банковской системы, укреплялись ее связи с промышленным бизнесом. Благодаря широкому внедрению новейших технологий, в том числе даже в таких традиционно «ненаучемых» отраслях как легкая промышленность и сельское хозяйство, начался переход от экстенсивных к интенсивным формам развития.

Благодаря всем этим факторам в странах «первого эшелона» сохранилась достаточно сбалансированная модель общественного развития, которая выдержала испытания и «Великой депрессии», и двух мировых войн. Нарастание структурных противоречий, характерных для системы монополистического капитализма, создавало здесь не угрозу экономического краха и антагонистического социального конфликта, а потенциал для дальнейшего обновления и совершенствования существующих общественных институтов. Единственным исключением стала Франция – страна, в которой на протяжении XIX и отчасти XX вв. сохранялись внутренние «периферийные» регионы с преобладанием традиционных средних слоев населения, доиндустриальными формами экономической занятости и социальной психологии. На фоне разгрома во Второй мировой войне во Франции сложились условия для перехода к совершенно иной модели развития, присущей странам «второго эшелона». Но возможность такой альтернативы в значительной степени зависела от внешних факторов. С разгромом нацизма Франция вернулась в лагерь стран либеральной демократии.

«Второй эшелон» модернизации составили на рубеже XIX–XX вв. Германия, Россия, Австро-Венгрия, Италия и Япония. Большинство из этих стран встали на путь модернизации еще задолго до эпохи монополистического капитализма. Однако укрепление капиталистического уклада в экономике, вытеснение традиционных социальных институтов и формирование индустриальной классовой структуры были тесно связаны здесь с сугубо политическими процессами. В России и Австро-Венгрии – огромных империях с исключительно разнородным в этническом, конфессиональном, культурном отношении составом населения, развертывание модернизации отчасти зависело от реформаторской стратегии государственной элиты. В Германии и Италии этот процесс долгое время сдерживался политической раздробленностью. Поэтому преобразования, призванные ускорить общественное развитие этих стран, нередко носили спонтанный характер, отражали политическую конъюнктуру или личные устремления царствующих особ, а потому неизбежно сопровождались консервативными «откатами».

В последней трети XIX в. государственная элита стран «второго эшелона» не только приняла стратегию ускоренной модернизации, но и впервые совершенно осознанно поставила задачу коренного обновления всей системы общественных отношений. Причиной послужило все более очевидное отставание от ведущих стран мира в экономической и военной мощи. В условиях завершения промышленного переворота и колониального раздела мира, укрепления транснациональных экономических связей, складывания военно-политических блоков, претендующих на мировое лидерство, отставание в модернизации начинало угрожать национальному суверенитету даже крупнейших империй. Ответом стран «второго эшелона» на внешний «вызов» стало начало крупномасштабных системных реформ. При этом переход к «догоняющему развитию» отнюдь не свидетельствовал о распространении космополитических настроений или готовности признать собственную историческую «неуспешность». Напротив, страны, принимавшие «вызов», ориентировались на всемерное укрепление национального суверенитета, защиту собственных интересов в меняющемся мире. Идеологическое обоснование ускоренной модернизации, как правило, было тесно связано с обостренным переживанием собственной национальной специфики, культурно-исторической самобытности, гипертрофированным ощущением враждебности со стороны других стран и народов.

Форсированная модернизация в странах «второго эшелона» была инициирована «сверху» и носила неорганический характер. Противоречиями оказались и ее последствия. В кратчайшие, по историческим меркам, сроки была создана высокомонополизированная индустрия, завершилось складывание общенационального рынка, формирование разветвленной банковской системы. Были произведены радикальные преобразования в аграрном секторе. Бурно развивалась транспортная инфраструктура. В ведущих отраслях промышленности широко внедрялись новейшие технические и технологические достижения. Относительно невысокая внутриотраслевая конкуренция и ускоренная централизация производства способствовали не только быстрой монополизации экономической системы, но и распространению высших форм монополистических объединений – трестов и концернов. Однако общая структура национального промышленного и финансового капитала оставалась недостаточно развитой. Это создавало предпосылки для широкого государственного вмешательства в развитие экономики. Государство выступало не только крупнейшим инвестором, но и основным инициатором структурных преобразований. Большую роль в развитии индустриальной базы стран «второго эшелона» играл и зарубежный капитал, в первую очередь французский и английский.

Ускоренный экономический рывок позволил странам «второго эшелона» уже к началу XX в. приблизиться по уровню развития к лидирующим державам Запада, включиться в процесс складывания мирового торгового и финансового пространства, принять участие в борьбе за перераспределение сфер колониального влияния, выдержать гонку вооружений, развернувшуюся в преддверии Первой мировой войны. Особенно заметными были успехи Германии. К 1913 г. она вышла на второе место по уровню промышленного производства (16 %). Среднегодовые темпы роста за период 1870–1913 гг. составили 2,9 % (США – 4,3 %; Великобритании – 2,2 %). Уникальный рывок в экономическом и социальном развитии совершили на рубеже XIX–XX вв. Россия и Япония.

Успешные реформы в странах «второго эшелона» значительно изменили соотношение сил на мировой арене. Но одновременно происходил и быстрый рост внутренних противоречий в социально-экономической системе этих стран. Причиной стала несбалансированность модернизационных процессов, их форсированный характер, который не отвечал объективному уровню развития общества. Все более очевидным становился разрыв между темпами роста производства и покупательной способности населения. Потребительский рынок стремительно терял емкость. Отрасли, ориентированные на личное потребление (легкая, пищевая, текстильная), испытывали большие трудности со сбытом. К тому же они оставались почти не охвачены процессом монополизации. Отставание в концентрации производства приводило и к замедлению темпов технологического обновления этих отраслей, сохранению в них архаичных форм трудовых отношений. В целом, в экономике стран «второго эшелона» сложилось причудливое сочетание элементов производственной культуры и предпринимательства, свойственных разным стадиям развития индустриальной экономической модели.

Особенно специфические формы в странах «второго эшелона» приняла модернизация сельскохозяйственной сферы. Ее основой стало не столько качественное обновление технической и технологической базы производства, сколько социально-экономическая дифференциация сельского населения, выделение зажиточной крестьянской верхушки, способной вести рентабельное хозяйство, и обезземеливание остальной части крестьянства. При отсутствии притока инвестиционных средств (в силу неразвитости системы кредита), сохранении децентрализованной патриархальной структуры сбыта сельскохозяйственной продукции основным источником прибавочного продукта становился труд батраков, наемных сезонных рабочих. Это способствовало консервации сложившейся деформированной модели сельскохозяйственного производства, а также сокращало приток рабочей силы в городскую промышленность. Еще одной особенностью сельскохозяйственной производственной структуры стало сохранение латифундий, а также остатков сословных привилегий крупных земельных собственников. В России, Италии, Австро-Венгрии аграрные регионы превратились в своего рода «внутреннюю периферию», все более отстающую по темпам развития.

Недостаточно сбалансированная отраслевая структура, незначительная емкость внутреннего потребительского рынка и острая конкуренция на мировом рынке, незавершенность складывания финансовой инфраструктуры делали экономику стран «второго эшелона» чрезвычайно зависимой от государственного патернализма. Причем наращивание темпов экономического роста не снижало, а наоборот лишь увеличивало роль этого фактора. Государство по-прежнему несло бремя огромных финансовых расходов на развитие транспортной инфраструктуры, инвестиционную поддержку стратегически важных отраслей, в том числе военно-промышленного комплекса, проведение аграрных преобразований. Происходило все более очевидное сращивание системы частного предпринимательства, финансово-банковского сектора со структурами государственного управления.

Результаты Первой мировой войны еще более осложнили процесс ускоренной модернизации. Страны «второго эшелона» понесли наибольшие потери, усугубившиеся репрессивными решениями Парижской мирной конференции. Распад империй Гогенцоллернов, Габсбургов и Романовых, радикальная перестройка политической карты Центральной Европы, волна революций подорвали исторически сложившуюся систему экономических

связей. Приход к власти в России в 1917 г. партии большевиков положил начало строительству принципиально новой общественной системы и на длительное время изолировал страну от участия в развитии мирового рынка. Объявленная виновницей войны Германия была поставлена условиями Версальского договора на грань экономического краха. В еще более бедственном положении оказалась Австрия, превращенная решениями Парижской конференции в небольшое государство, лишенное всех связей с другими частями прежней империи Габсбургов. Немногим лучше было положение Италии, формально вошедшей в число победителей. Ее потери в годы войны составили примерно 1/3 национального богатства.

В 1920-е гг. в странах «второго эшелона» произошла постепенная стабилизация социально-экономического положения. Однако характер этого процесса значительно отличался от ситуации в странах «первого эшелона». Требовался значительно больший объем восстановительных работ. Необходимо было фактически заново создавать систему коммуникаций и всю рыночную инфраструктуру. Огромной проблемой стала инфляция, принявшая в 1919–1922 гг. гипертрофированные формы. Позиции национального капитала оказались подорваны, и на протяжении всего послевоенного периода сохранялась решающая роль государства в экономическом развитии. После подписания Женевских протоколов 1922 г. и принятия «плана Дауэса» в 1924 г. в экономике Австрии и Германии чрезвычайно усилились позиции иностранного капитала. Во второй половине 1920-х гг., несмотря на относительно высокие темпы развития, в этих странах не наблюдалось улучшения социального положения основной части населения.

Итак, в результате растянувшегося на несколько десятилетий процесса ускоренной модернизации в странах «второго эшелона» произошла глубокая структурная перестройка всей экономической системы. Однако в ходе этого форсированного, во многом искусственного рывка сложилась деформированная экономическая модель. Ко всем противоречиям, присущим монополистической экономике, добавились отраслевая и региональная несбалансированность, инвестиционный «голод», отсутствие платежеспособного внутреннего спроса, недостаточная мобильность рабочей силы, растущие социальные проблемы. Все более активное вмешательство государства в экономические процессы отражало не только специфику «догоняющего развития», но и разрушительные изменения в массовом сознании. В тех странах, где ускоренная модернизация приобрела масштабный характер, где реформы радикально меняли устои и традиции жизни, происходила массовая маргинализация общества.росло число людей, уже утративших традиционные социальные связи и моральные ценности, но не адаптировавшихся к новым реалиям. Маргинальная масса требовала стабильности, порядка, спокойствия. Постепенно на основе изломанной социальной психологии формировалось агрессивное протестное движение масс. Появились экстремистские партии, выдвигавшие лозунги создания «нового», «революционного» порядка. В России, Италии, чуть позже – в Германии, Австрии, Японии, Испании. Португалии эскалация политического насилия привела к созданию тоталитарных режимов.

Экономическая модернизация в условиях тоталитарного развития. Формирование тоталитарных экономических систем объективно представляло собой особую модель «догоняющего развития». Встав на путь

автаркии и нарочито отказавшись от какого-либо копирования «передового» опыта либеральных стран Запада, тоталитарные режимы сконцентрировали усилия на дальнейшей модернизации всех сфер общественной жизни, в том числе производства и потребления. При этом идеологические различия тоталитарных движений – фашизма, нацизма и большевизма, предопределили и существенную специфику процессов модернизации.

Экономическая политика фашистских режимов, как правило, строилась вокруг двух основных векторов. Первый из них был связан со стимулированием экономического роста с помощью методов прямого государственного регулирования. Обычной практикой являлся ввод протекционистских тарифов, контингентирование внешней торговли, сочетание запретов на импорт с экспортными субсидиями. Директивное планирование осуществлялось за счет создания весьма «тесных» условий для деятельности предпринимателей, ввода широкого круга ограничений и льгот, целенаправленного стимулирования определенных секторов производства. Осуществлялась и активная финансовая, инвестиционная политика. Быстрыми темпами рос государственный сектор экономики. В первую очередь, это касалось тяжелой индустрии, военно-промышленного сектора, транспортных коммуникаций. Все эти меры отнюдь не предполагали полного огосударствления экономических отношений. Сохранялась правовая защищенность института частной собственности, значительная свобода предпринимателей в вопросах определения рыночной стратегии, ценообразования, независимость фондового рынка и рынка капиталов (при их тесной связи с системой государственного планирования). Таким образом, государство не разрушало систему рыночных отношений, но сфера его действий и уровень влияния на экономические процессы значительно возрастали.

Наряду со стимулированием экономического роста, фашистские государства осуществляли исключительно активную социальную политику. Ее конечной целью являлось создание стабильной сословно-корпоративной социальной системы, преодолевающей антагонизм труда и капитала. Основным критерием для создания корпораций и закрепления их правового статуса являлся отраслевой принцип. Так, например, фашистская конституция Австрии 1934 г. провозгласила образование «христианского, немецкого, союзного государства, организованного по сословному принципу». Хозяйственная деятельность разделялась в соответствии с нею на семь полуавтономных сфер (сельского и лесного хозяйства, промышленности и горного дела, ремесла, торговли и путей сообщения, финансов и социального обеспечения, свободных профессий, государственной службы), в каждой из которых создавалась единая корпорация. К 1933–1934 гг. складывание корпоративной системы завершилось и в Италии. Основной ее остались организации предпринимателей и профсоюзы (синдикаты) наемных работников. В Испании и Португалии оформление корпоративной системы также происходило на основе синдикалистского движения.

Формирование сословно-корпоративного социального строя существенно меняло систему трудовых отношений. В 1927 г. в Италии была принята «Хартия труда», закреплявшая солидаристскую направленность коллективных договоров (примирение интересов работодателей и работников, подчинение их высшим интересам производства). Хартия вводила широкий перечень социальных и трудовых гарантий, на который имели право работники, запрещала забастовки и локауты, учреждала государственный трудовой суд с арбитражными функциями. Режи-

мом Ф. Петена, возникшим во Франции после поражения в 1940 г., была разработана аналогичная «Хартия труда». Основой ее стал закон от 26 октября 1941 г. «О социальной организации профессий». Закон провозглашал превращение профсоюзов в корпоративные органы, объединенные в единой «профессиональной семье», подчиненные идее «объединения и гармонии интересов». Количество и состав корпораций устанавливались на основе единой классификации промышленности, торговли и профессий. Во главе каждой корпорации создавались «социальные комитеты», обеспечивающие широкое социальное сотрудничество членов корпорации, но не занимающиеся политической деятельностью. Также вводилась система арбитражных трудовых трибуналов, рассматривающих конфликтные ситуации, возникающие внутри корпораций или во взаимоотношениях представителей различных корпораций. Стачки и локауты запрещались.

Таким образом, социально-экономическая политика фашистских режимов имела ярко выраженную мобилизационную направленность и идеологическую специфику. Но, в целом, она вполне соответствовала тенденциям усиления регулирующей роли государства и создания социально ориентированной «смешанной экономики», которые формировались в середине XX в. во всех странах Запада. Примечательно, что на протяжении длительного времени не возникало и политического антагонизма между фашистскими странами и либерально-демократическими государствами Запада. Но участие Италии во Второй мировой войне на стороне нацистской Германии поставило фашизм вне закона. Австрофашистский режим был уничтожен еще до войны самой нацистской Германией, а петеновский режим во Франции был объявлен победителями коллаборационистским (соглашательским) и уничтожен сразу же после освобождения Франции. Таким образом, лишь Испания и Португалия получили возможность сохранить созданную сословно-корпоративную модель на протяжении послевоенных десятилетий. Ее эволюционное развитие продолжалось до начала 1970-х гг. По мере завершения ускоренной модернизации, в том числе формирования индустриальной производственной модели, укрепления новой социальной структуры общества, психологической адаптации населения к рыночным отношениям, складывания гражданского общества, сформировались условия демократизации политической системы Испании и Португалии. Вслед за изменением их государственного строя в 1970-х гг. сразу же произошла и интеграция этих стран в мировую экономику.

Социально-экономическая политика нацистского режима в Германии имела ряд черт, схожих с фашистской моделью, но в целом существенно отличалась. Нацисты не придавали большого идеологического значения сословно-корпоративной политике, поскольку ориентировались не на общенациональное единение, а на выстраивание жесткой расовой иерархии в обществе. Сословная организация использовалась ими лишь для повышения управляемости экономики и наращивания темпов развития. Под эгидой государства каждая из основных групп населения получала определенные преференции, но была жестко ограничена своей экономической ролью. Так, например, крупные предпринимательские круги пользовались выгодами государственной протекционистской поддержки, оказались защищены от забастовочного движения. Система государственных заказов снижала степень предпринимательского риска. Однако уменьшилась и свобода предпринимательства, возможность получения сверхприбылей. Хозяин предприятия по

сути превратился в государственного чиновника, не имея возможности самостоятельно определять виды продукции и масштабы производства, условия найма и цену товаров. Мелкобуржуазные слои – ремесленники, торговцы, кустари – были защищены от конкуренции благодаря запрету создания новых ремесленных мастерских и торговых точек, получили доступ к государственным заказам и кредитам. Но вся их деятельность оказалась также жестко регламентирована. В схожем положении находились и крестьяне. Создавалось сословие бауэров – землевладельцев арийского происхождения. Им запрещалось продавать земельную собственность при наследовании, продавать и закладывать ее, но при этом они освобождались от долгов, налога на наследство и поземельного налога. Продукты сдавались на государственные приемо-сдаточные пункты по твердым ценам. Мелкое крестьянство, не входившее в эту систему, было обречено на разорение.

В столь же двойственном положении оказался и немецкий пролетариат. Наемные рабочие были лишены прав на образование независимых профсоюзов, заключение коллективных договоров, борьбу за улучшение условий и оплаты труда. Заработная плата была заморожена на уровне 1932 г. С вводом трудовых книжек был затруднен переход на другие предприятия. В то же время государственное законодательство гарантировало общие для всех условия труда, ограничивало возможность увольнений. Резко сократилась безработица. Труд во благо нации пропагандировался как высшая гражданская обязанность каждого немца. Огромные масштабы приобрело Имперское трудовое соревнование. В число важнейших официальных праздников вошел Национальный день труда 1 мая. Действовала разветвленная система благотворительности. Для рабочих семей большое значение имела государственная поддержка материнства, создание государственной системы образования и воспитания, которая приняла на себя материальную заботу о детях. Большинство немцев оказались вполне лояльны к подобным изменениям. Одних устраивала возможность вырваться из прежней убогой и бесперспективной жизни, другие были слишком измучены многолетними кризисными переживаниями, страхами, неуверенностью в будущем. Те же, кто оказывался в оппозиции к новой системе, безжалостно изолировались или уничтожались. Уничтожению подверглись и те социальные группы, которым не нашлось «места» в расовой системе (евреи, цыгане, лица с психическими заболеваниями и нетрадиционной сексуальной ориентацией).

Готовясь к тотальной войне за мировое господство, нацистское руководство добилося беспрецедентной централизации механизмов экономического развития. Помимо методов косвенного регулирования (поощрение частных инвесторов, субсидии нерентабельным производителям, налоговые льготы крупным фирмам) все большую роль играло прямое регулирование. Директивное планирование к 1939 г. охватило более 80 % общего объема производства. Для концентрации промышленного потенциала проводилась политика принудительного картелирования. По закону 1934 г. министр экономики получил исключительные полномочия по слиянию предприятий (любой формы собственности), их ликвидации, смещению управляющих и т.п. исходя из принципа «общественной необходимости». Причем государство не несло ответственности за возможный ущерб собственникам при проведении таких процедур. Политика «каризации» банковской сферы (очищения от

«еврейского капитала») сократила количество банков с 1725 до 477. Одновременно возрастало и непосредственное участие государства в системе производства. За период 1933–1938 гг. общая сумма государственных расходов в экономической сфере выросла в 7 раз (с 3 млрд до 21 млрд марок).

Еще одним источником экономического роста в условиях нацистской диктатуры стала тотальная мобилизация трудовых ресурсов. На основании Закона «О порядке национального труда» 1934 г. и других нормативных актов государство полностью ликвидировало права предпринимателей на определение условий труда, увольнения, взыскания штрафов. Все аспекты трудовых отношений решались под прямым контролем Министерства труда и назначаемых им «опекунов труда». Одновременно централизованной регламентации подвергся уровень заработной платы, вводились трудовые книжки, запрещающие самовольное изменение места работы, а также порядок принудительного набора рабочей силы и ее перевод на предприятия «общественного значения» (как правило, военные). В годы войны нацисты также широко использовали рабский труд заключенных, военнопленных и перемещенных лиц.

Таким образом, экономика нацистской Германии не только носила мобилизационный характер, но утрачивала характер капиталистической. Независимо от формального сохранения частной формы собственности рыночные отношения были практически уничтожены. В условиях отсутствия свободы распоряжения и отчуждения средств производства, тотальной государственной регламентации трудовых отношений частная собственность теряла роль естественного регулятора экономических отношений и превращалась лишь в легальную форму имущественного расслоения.

Создание мобилизационной экономической модели принесло исключительно высокие результаты. За период 1933–1938 гг. национальный доход в Германии удвоился, промышленное производство возросло на 102 %. Эта динамика развития принципиально отличалась от депрессивного состояния экономики ведущих западных стран в 1930-х гг. К 1938 г. Германия уже уверенно занимала второе место в Европе по экономическому потенциалу, а в мире уступала лишь США. Уверенный экономический рост сохранялся в предвоенные годы в Италии и Японии, также вставших на путь создания мобилизационной модели экономики. Но Вторая мировая война завершилась для этих стран полным крахом. Катастрофические последствия поражения, а также противоречивое наследие нескольких десятилетий «догоняющего развития» обусловили явное отставание Западной Германии, Италии, Австрии, Японии в послевоенные годы не только от США, но и от Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов. Разделение западных стран на два «эшелона» стало особенно заметным. Однако уже в 1950-х гг. этот разрыв не только сократился, но и практически был ликвидирован. Ускоренный рывок стран «второго эшелона», позволивший им войти в число ведущих стран Запада, получил название «экономического чуда».

Причины немецкого, японского, итальянского «экономического чуда» достаточно многогранны. В первую очередь сказались особенности послевоенного развития стран «второго эшелона» – коренная перестройка экономического механизма, унаследованного от тоталитарных режимов (что обусловило крупномасштабное обновление основного капитала на новейшей технико-технологической основе), относительная дешевизна рабочей силы при ее высокой квалификации, колоссальный отложенный спрос на рынке потребительских товаров, более позднее включение в гонку вооруже-

ний (что освобождало значительную часть национального дохода для финансирования структурных преобразований промышленного и сельскохозяйственного производства).

В целом «экономическое чудо» завершило почти столетний процесс форсированной модернизации в странах «второго эшелона». К 1960-м гг. индустриальная система сложилась в этих странах в достаточно зрелой форме. Ее дальнейшее развитие могло идти уже на основе внутренних, естественных факторов. Причем в формировании социально ориентированной смешанной экономики с большой ролью государственного регулирования страны бывшего «второго эшелона» получили даже некоторое преимущество по сравнению с прежними лидерами Запада. Многолетние традиции централизованного регулирования экономики, прочные связи государственных и предпринимательских структур, отсутствие в массовой психологии устойчивых стереотипов «твердого индивидуализма» и влияние идей социальной справедливости, общенационального блага, позволили этим странам не только легко интегрироваться в новую макроэкономическую систему, но и занять в ней прочные позиции.

В этих условиях лидерство США становилось уже не столь глобальным. Если в 1955 г. совокупный ВВП (валовой продукт, учитывающий и доходы от иностранных капиталовложений на территории страны) шести ведущих после США стран составлял 74 % от ВВП США, то в 1970 г. – уже 114 %. Западная Европа превратилась в один из ведущих центров мирового производства. Быстро укреплялись экономические позиции Японии. К началу 1970-х гг. Япония уже занимала второе место после США по совокупным показателям производства, вышла на четвертое место в мировом экспорте, а по уровню накопленного капитала превзошла все остальные капиталистические страны. В 1960-х гг. заметный рывок совершили и «малые» страны Европы, в том числе страны Бенилюкса (Бельгия, Нидерланды и Люксембург), образовавшие в 1948 г. таможенный союз и в 1958 г. – экономический союз, скандинавские государства. Очень высоких темпов роста достигли страны Южной Европы (Португалия – 6,2 %, Испания и Греция – по 7,5 % в год).

По более сложному сценарию происходила ускоренная модернизация в странах Восточной Европы. На рубеже XIX–XX вв. эти регионы составляли континентальную «периферию». В силу национально-культурных и исторических традиций процесс утверждения капиталистических отношений и развития гражданского общества носил замедленный характер. Основная часть населения была по-прежнему дистанцирована от политической жизни, инерционна с точки зрения экономической и социальной мотивации, ориентирована на эгалитарные или патерналистские идеалы. Восточноевропейский регион к тому же особенно сильно пострадал в ходе обеих мировых войн. Даже наиболее развитые в экономическом отношении страны – Чехословакия, Польша, Венгрия, оказались к середине 1940-х гг. в состоянии глубочайшего социального кризиса. Переход к форсированной модернизации оказался тесно связан с политическим влиянием СССР и привнесением социалистической экономической модели.

В условиях начавшейся «холодной войны» Восточная Европа оказалась за «железным занавесом», и уже к 1948–1949 гг. во всех странах региона возникли коммунистические режимы. Началась открытая экспансия советского опыта общественных преобразований – «построение основ социализма». При этом, в отличие от иных моделей «догоняющего разви-

тия», переход к строительству социализма по советскому образцу предполагал постановку ряда принципиально новых задач. Речь шла о социализации всей общественной структуры в духе марксистско-ленинского классового подхода, в том числе о ликвидации эксплуатации человека человеком, обеспечении полного преобладания наемного труда и его максимальном обобществлении, переходе к соответствующей структуре форм собственности и соотношению экономических укладов. Экономическая эффективность преобразований оказывалась менее значимой по сравнению с их социальными и психологическими эффектами — искоренением «нетрудовых элементов», закреплением нового типа социальной мотивации, эгалитарных морально-этических ориентаций. Важным критерием успешности таких реформ становился их темп и абсолютные количественные показатели. Именно стремительное, тотальное преобразование всей социально-экономической системы общества рассматривалось как основа наименее болезненного перехода к более справедливому и эффективному устройству. Те жертвы и потери, которые оказывались сопряжены с подобным революционным рывком, считались неизбежными и оправданными.

Основными направлениями экономической политики восточноевропейских коммунистических режимов стали индустриализация, национализация промышленности и банковского сектора, начало коллективизации сельского хозяйства, формирование новой управленческой и распределительной системы. Национализация, первоначально осуществлявшаяся в отношении предприятий тяжелой промышленности, уже вскоре распространилась практически на все отрасли производства. К началу 1950-х гг. доля государственной собственности в промышленности составила по региону более 90 %. Как и свое время в Советском Союзе, преобразования в сельском хозяйстве несколько отставали по темпам от индустриализации. Основной формой коллективизации аграрного сектора в эти годы стало так называемое «формальное» кооперирование. Из-за недостатка инвестиций «коллективизировалась» лишь организация крестьянского труда при сохранении прежней технической и технологической базы, свойственной индивидуальному крестьянскому хозяйству. Государство распространило контроль на весь рынок капиталов и ценных бумаг, а затем и полностью ликвидировало в этой сфере частную инициативу. Произошел отход от принципов рыночного ценообразования. Планирование экономического развития приобрело жесткий, директивный характер. Оно стало основываться на физических объемах продукции (так называемые «валовые показатели») и полностью игнорировало реальный денежный эквивалент производимой продукции.

Важную роль для определения стратегии общественных преобразований в восточноевропейских странах сыграла экономическая дискуссия, проходившая в 1951–1952 гг. в СССР. Итоги ее были подведены в книге Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», где полностью отрицалось действие закона стоимости в сфере производства средств производства, хотя и признавалось действие этого закона в области производства предметов потребления. Тем самым, подтверждалась идея о постепенной ликвидации товарного производства при социализме. Государственная централизация и тотальное планирование, на первый взгляд, вполне соответствовали марксовской идее о замене стихийной рыночной координации некоей «высшей», более гармоничной в социальном отношении, координа-

цией общественного производства. Но, если Маркс предполагал возможность свободного взаимодействия автономных производителей, то практика строительства «реального социализма» исходила из приоритета объединяющего государственного начала.

В результате проведения реформ уже к середине 1950-х гг. Восточная Европа достигла небывалых успехов в «догоняющем развитии». Был совершен впечатляющий рывок в наращивании экономического потенциала, в модернизации социальной структуры, в масштабах региона завершён переход к индустриально-аграрному типу общества. Однако стремительный рост производства сопровождался увеличением отраслевых диспропорций. Создаваемый экономический механизм был во многом искусственным, не учитывающим региональную и национальную специфику. Экономический рост осуществлялся на экстенсивной основе, т.е. за счет все большего вовлечения количества рабочей силы, энергии и сырья. Сформировалась «мобилизационная» система экономических отношений, в которой вертикальная командно-административная структура заменяла действие горизонтальных рыночных связей. Ее неизбежным порождением стала бюрократизация экономического управления, появление проблемы скрытой коррупции. Чрезвычайно низкой оказалась социальная эффективность формируемой экономической системы.

Смерть Сталина в 1953 г. и начало политических перемен в СССР стали сигналом для корректировки политического курса. Быстрее всего изменения коснулись Польши, Венгрии, Чехословакии, ГДР, Югославии — стран, достигших индустриально-аграрного уровня развития и сформировавших относительно развитую рыночную инфраструктуру уже в межвоенный период. По мере ослабления политического контроля со стороны Москвы в руководстве польской, венгерской, чехословацкой коммунистических партий активизировались сторонники корректировки прежнего курса, поиска более гибкой стратегии реформ, повышения их социальной эффективности. Однако попытки построения в 1950–1960-х гг. особой модели «социализма с человеческим лицом», в том числе привнесения в социалистическую экономику элементов рыночных отношений, не увенчались успехом.

При проведении реформ основным источником экономического роста считалось смягчение государственного регулирования, отказ от тотального администрирования. Ставка делалась и на активизацию тех социальных групп, которые ориентировались на личную трудовую деятельность. Но все эти меры не сопровождались перестройкой форм собственности. Распространенной практикой оставались административное распоряжение валютными средствами, жесткая регламентация внешней торговли, государственный контроль над ценообразованием, бюрократическое перераспределение государственных средств между предприятиями, сохранение на высших постах в руководстве предприятий и банков ставленников партийно-государственной «номенклатуры». В результате, прослойка динамичных и предприимчивых работников, откликнувшихся на новации, оставалась зависимой от административной системы. По мере углубления реформаторского процесса становилась очевидной необходимость освобождения новой системы управления производством от бюрократической опеки, перехода от санкционированного государством расширения рыночного сектора к его самостоятельному развитию, децентрализации и коммерциализации капитального инвестирования, правового оформле-

ния нового типа отношений работодателей с наемными рабочими. Формирующийся экономический механизм объективно нуждался в распространении рыночных отношений на базовые сферы общественного производства – в формировании негосударственного рынка капиталов, ценных бумаг и рабочей силы. Но отказ от государственной монополии в этих вопросах означал крах самого социализма, его конвергенцию, а фактически, и растворение в капиталистической системе. Закономерным итогом стало сворачивание реформ к началу 1970-х гг. – наступление «застоя». Немалую роль в этом сыграло и политическое давление со стороны СССР.

Последняя волна реформ социалистической экономики пришлось на вторую половину 1980-х гг. Импульс для них дала советская «перестройка». Причины же провала перестроечных реформ как в самом СССР, так и в Восточной Европе оказались весьма показательными. Ключевой идеей первого этапа перестроечных реформ была не столько политическая демократизация, сколько ускорение социально-экономического развития, новый виток «догоняющего» движения. В качестве его основы рассматривались более последовательное использование рыночных механизмов, децентрализация государственного управления экономикой, переход на принципы самфинансирования и самоокупаемости производства. Однако с точки зрения мировой практики подобные преобразования являлись явно недостаточными. На фоне глобального экономического кризиса второй половины 1970-х гг. на Западе уже формировались контуры совершенно новой постиндустриальной экономической модели. Она предполагала гибкое инновационное развитие технико-технологической базы производства, эффективное сочетание крупного и мелкого бизнеса, переход к ресурсо- и энергосберегающим технологиям, складывание единого информационного пространства. Эта модель позволяла значительно усилить личностный, психологический фактор в развитии производственной системы, была адекватна новой социальной структуре западного общества, в которой классовые факторы уступали место многогранным взаимоотношениям различных страт. Попытка социалистических стран догнать по уровню развития ушедший вперед Запад, сохраняя прежний экстенсивный экономический механизм, лишь за счет сложной перестройки организационной структуры экономики, была обречена на провал. Эта гонка лишь приводила к дальнейшему истощению сырьевой, энергетической, экологической базы. Попытка же перейти к интенсивному экономическому росту, не подкрепленная реальными структурными изменениями, лишь приводила к снижению производительности труда и капитала.

Провал экономических реформ эпохи «перестройки» подвел черту под существованием социализма как мировой общественной системы. Попытка правительственных кругов СССР и ряда восточноевропейских стран активизировать в конце 1980-х гг. реформаторский процесс за счет демократизации, обеспечения идеологического плюрализма и гласности, лишь ускорили развал системы. Политизация общества, распад властной системы, дискредитация сложившейся на протяжении последних десятилетий ценностной системы усугубляли нарастающий экономических кризис, делали крах социализма неизбежным. В то же время эпоха социалистического строительства сыграла огромную роль в «догоняющей модернизации» восточноевропейского региона. По мере формирования индустриальной экономической базы, роста связанных с нею социальных слоев, их внутренней дифференциацией, естественного развития институтов гражданского общества, соответствующих изменений в социальной психологии склады-

вались предпосылки для перехода восточноевропейских стран к обычной модели экономического развития, не связанной с мобилизационной идеологией и административно-командным регулированием. После краха социализма понадобилось лишь одно десятилетие для полной интеграции этих стран в европейское экономическое пространство. Со вступлением большинства из них в 2004 г. в Европейский Союз эпоха «догоняющего развития» окончательно осталась в прошлом.

«Новые индустриальные страны» как модель «догоняющего развития». При всей специфике модернизационных процессов в странах «первого» и «второго» «эшелонов» они имели важную общую черту – модернизация воспринималась как своего рода «проект», исторический вызов, движение по пути прогресса, выполнение некоей «исторической миссии» или, по крайней мере, защита собственной исторической самобытности. Даже в условиях органической модернизации, развивавшейся естественным и эволюционным образом, происходившие в обществе перемены получали ярко выраженное идеологическое, мировоззренческое осмысление, существенно меняли самоидентификацию человека и всю систему социализации личности. Однако существовала возможность проведения экономических преобразований и без подобного социокультурного подтекста, без непосредственной связи с идеологическими, конфессиональными, этническими факторами. В таких случаях речь шла не столько о целостной модернизации общества, сколько о целенаправленном и прагматичном формировании индустриального сектора экономики. Естественно, что полностью изолировать экономические и социокультурные процессы невозможно. Однако в условиях складывания в XX в. мировой экономической системы в некоторых странах появилась возможность использовать внешнеэкономические факторы для ускоренной индустриализации, асинхронной по отношению к внутреннему политическому и культурному развитию. Так сложился феномен «новых индустриальных стран» (НИС), к числу которых принято относить два региона – страны Латинской Америки и Юго-Восточной Азии.

В латиноамериканских странах переход на стадию индустриально-аграрного развития осуществлялся на протяжении почти всего XX в. Этот процесс не приобрел таких драматических форм, как в Восточной Европе, поскольку, за исключением Кубы, осуществлялся без экспансии коммунистической идеологии и без существенного отхода от рыночных принципов. Не сложились в этих странах и предпосылки фашизации общества, поскольку индустриализация на протяжении длительного времени оставалась локальным явлением, не затрагивающим большую часть населения. Социализация личности, базовые «координаты» мировосприятия по-прежнему строились на основе принадлежности человека к закрытым социальным группам (этносам, конфессиям, общине, церковному приходу, клану и т.п.). Самосознание человека оставалось корпоративным, основанным на солидаристских, коммунитарных принципах. В большинстве случаев индустриализация не нарушала традиционные основы социальной культуры и не провоцировала массовую маргинализацию общества.

Решающее значение для развертывания индустриализации в странах Латинской Америки имела благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура. Оставаясь нейтральными в годы Второй мировой войны и обладая

большой ресурсной базой, латиноамериканские страны получили возможность активно включиться в систему мировой торговли. Модель индустриализации, сформировавшаяся в таких условиях, получила название «импортозамещающей». Ее особенностью стало создание предприятий обрабатывающей индустрии по мере постепенного вытеснения с местных рынков импортных изделий, которые ранее оплачивались выручкой от сырьевого и продовольственного экспорта.

Первая фаза реформ, включающая создание предприятий текстильной, швейной, кожевенной, обувной, деревообрабатывающей, мебельной и ряда других отраслей, производящих потребительские товары кратко- и среднесрочного пользования, охватила 1940–1950-е гг. Но потенциал импортозамещающей индустриализации оказался очень незначительным. В ходе ее развивалось производство, основанное на простых трудоемких технологиях, не требующее сложной системы смежных производств по выпуску исходных и вспомогательных материалов. Производство же основной массы потребительских и производственных товаров долговременного пользования а также необходимой для их изготовления промежуточной продукции, с развитием которых связывались надежды на достижение промышленного самообеспечения, было затруднено. Для него не хватало ни инвестиционной, ни технологической базы. Низким оставался и объем реального платежеспособного спроса.

Возникновение хозяйственных диспропорций заставило большинство латиноамериканских стран встать в 1960-х гг. на путь «внешнеориентированного» экономического развития. Ставка была сделана на международную промышленную специализацию и кооперацию, в условиях которых можно было рассчитывать на ускоренное развитие специализированных экспортных отраслей и за счет доходов от него – на насыщение и структурирование внутреннего рынка. С учетом экспортных задач началась и активная модернизация аграрной сферы. Правда уже в 1970-х гг. стала очевидной опасность такой политики. Экспортная ориентация сельского хозяйства оказалась не способной обеспечить сбалансированную модернизацию всей этой сферы. А эффективность промышленности, в основном ориентированной на узкий внутренний рынок, оставалась небольшой. Эта индустрия развивалась главным образом экстенсивным путем – за счет вовлечения новых сырьевых и трудовых ресурсов. Производительность труда и капитала росли еще медленнее, чем объемы производства. Катализатором экономических проблем стала стремительно нарастающая инфляция. Внешний долг региона возрос с 42,5 млрд долл. в 1975 г. до 176,4 млрд долл. в 1982 г. В предчувствии дефолта латиноамериканских стран началось массовое бегство капитала из Латинской Америки. В это тяжелейшее время в большинстве латиноамериканских стран началась серия радикальных реформ, получивших название «креольского неолиберализма».

Новая модель модернизации предполагала становление экспортоориентированной экономики, ведущая роль в которой от государства переходит к частному сектору. Основными направлениями реформ стали жесткая антиинфляционная политика, ликвидация дисбаланса во внешней торговле путем протекционистских мер, стимулирование экспорта, особенно нетрадиционного, налоговые реформы, приватизация, модернизация рынка рабочей силы. Несмотря на большие финансовые проблемы, сохранявшиеся на протяжении 1980–1990-х гг., успех экспортоориентированного экономического курса оказался очевидным.

Еще одна группировка «новых индустриальных стран» сложилась в Юго-Восточной Азии в 1960–1970-х гг. Первыми азиатскими НИСами стали «маленькие драконы» – Гонконг, Сингапур, Тайвань и Республика Корея. В 1980-х гг. к этому уровню развития приблизились и «маленькие тигры» – Малайзия, Индонезия, Таиланд и Филиппины. Модель индустриализации, апробированная в этих странах, изначально была «экспортоориентированной». Получив приток иностранных инвестиций и новейшие технологии, азиатские страны начали экспортировать на мировой рынок дешевую и достаточно качественную продукцию. При этом ставка была сделана на производство или хотя бы сборку предметов длительного пользования (оборудование, автомобили, бытовая электронная техника). Экспортная выручка направлялась на модернизацию производства и, по примеру Японии, на развитие новых секторов экономики. Одновременно на внутреннем рынке действовала политика импортозамещения: местные потребители могли рассчитывать только на товары местного производства.

Успех «креольского неолиберализма» в странах Латинской Америки и настоящий триумф азиатских «маленьких тигров» оказался особенно показательным на фоне экономических трудностей, переживаемых ведущими западными странами в 1970-х гг. Однако в дальнейшем ситуация заметно изменилась. В середине 1980-х гг. началось стремительное падение индекса торговой активности развивающихся стран. Причиной стал глобальный кризис неплатежей. Цены на традиционные продукты экспорта из регионов Африки, Латинской Америки, Азии значительно снизились. Сложилась ситуация, когда выплаты этих стран по внешним долгам начали превышать доходы от экспорта. В августе 1982 г. Мексика оказалась не в состоянии выплачивать свою задолженность иностранным коммерческим банкам. Вслед за этим кризис внешней задолженности стремительно распространился по латиноамериканскому региону, а затем превратился и в мировой. Несмотря на значительные усилия международных финансовых институтов, остановить рост внешнего долга развивающихся стран не удалось. Только за пять лет с 1987 по 1993 г. он увеличился на 50 % и составил 1,5 трлн долл. В эти годы значительный прогресс был достигнут только в отношении финансовых обязательств латиноамериканских стран, но это не решало проблему в целом (особенно с учетом того, что в 1990-х гг. группа стран-должников пополнилась государствами СНГ). В свою очередь, глобальный кризис внешней задолженности стимулировал переориентацию внешних экономических связей ведущих стран Запада – если в первой половине XX в. до 60–70 % экспорта их промышленной продукции приходилось на колониальные и зависимые страны, то к началу 1960-х гг. этот показатель составлял лишь 40 %, а к началу 1990-х гг. – менее 30 %.

Вплоть до середины 1990-х гг. более или менее прочным оставалось положение азиатских НИСов. В этот период по динамике экспорта (11 % прироста в год) они превосходили страны Европейского Союза и Северной Америки (6 % прироста в год). В целом доля азиатских стран в мировой торговле достигла в 1997–1998 гг. 42–44 %, тогда как доля стран ЕС сократилась до 36–40 %. Но основную роль в этом рынке сыграли крупнейшие азиатские страны Китай и Индия. Азиатские НИСы вслед за Японией, напротив, втягивались в полосу кризиса. Развязка наступила в октябре 1997 г. после финансового кризиса, начавшегося в странах АТР и ставшего мировым. Но если западные страны вышли из него достаточно быстро и

относительно безболезненно, то для НИСов и Азии, и Латинской Америки финансовый крах имел самые фатальные последствия. Уязвимой оказалась сама экономическая модель, созданная в НИСах. По мере укрепления национальной промышленности в этих странах роль государства в экономике начала снижаться. Смягчались таможенные пошлины, отменялись нетарифные ограничения во внешней торговле. Однако отход правительства от контроля над финансовыми рынками и банковской системой, использование методов монетаризма в кредитно-денежной сфере вели к росту спекуляций в сфере недвижимости и на финансовых рынках. Открытость экономики обернулась крайней зависимостью от мирового финансового рынка с его спекулятивными тенденциями. Сказались и собственные традиции клановых, корпоративных отношений в сфере бизнеса, высокий уровень коррупции и недостаточная эффективность государственного регулирования. Быстро начала снижаться и рентабельность рабочей силы. Рост квалификации рабочих, увеличение уровня заработной платы способствовали повышению себестоимости товаров. С другой стороны, современное производство все больше нуждается в работнике нового типа, для которого высокая трудовая дисциплина и доведенные до автоматизма производственные навыки уже не могут быть основой квалификации.

Сложившаяся ситуация в мировой экономике вызывает самые различные прогнозы и оценки – от самых пессимистических до умеренно-конструктивных. В любом случае становится очевидно, что процесс глобализации уже перестает быть экспортом определенных экономических моделей. Прямой перенос тех или иных рецептов финансовой или инвестиционной политики, заимствование тех или иных принципов менеджмента и маркетинга не приносит гарантированного успеха. Человечество начинает преодолевать синдром ускоренной модернизации, унаследованный от XX столетия. Экономическое развитие оказывается все теснее связано с политическими, социокультурными, демографическими, информационными процессами. Одновременно происходит радикальная перестройка самой модели экономического роста – складывание инновационной экономики информационного общества.

Глава 4

Становление экономической системы информационного общества

Неоконсервативная революция. Структурный кризис 1970-х г. привел к дискредитации идеи «государства благосостояния» и выявил целый ряд серьезных просчетов кейнсианской теории. Переоценка возможностей дефицитного финансирования привела к настоящему обвалу финансовой системы в ведущих странах Запада. Кейнсианская теория не предусматривала возможность инфляционного роста цен, не прекращающегося даже в периоды неполной занятости и падения уровня производства. Не давала она ответ и на ключевой вопрос: как достичь экономического роста без дополнительных капитальных затрат, без наращивания ресурсной базы производства. Не менее серьезным недостатком кейнсианства было тривиальное представление о социальных факторах, оказывающих влияние на рыночный процесс. Конечно, макроэкономическая схема взаимодействия «совокупного предложения» и «совокупного спроса» не исключала значимость человеческого фактора. Но речь шла лишь о потребительском поведении. Творческий потенциал личности, стремление к независимости, к свободному самоопределению, равно как и приверженность культурным традициям, нравственным устоям, политическим идеалам в этой схеме практически не учитывались. Таким образом, кейнсианство являлось не только экономической теорией, но и вполне определенной социальной философией, присущей «обществу потребления». И в этом качестве кейнсианство оказалось наиболее уязвимым.

Во второй половине 1970-х гг. на лидирующие позиции в мировой экономической науке стало выдвигаться неоконсервативное направление. Концептуальную основу неоконсервативной политэкономии составили монетаризм и теория предложения (supply-side economics).

Теория предложения представляла собой не четко очерченную экономическую концепцию, а скорее комплекс практических рекомендаций, в первую очередь – по проблемам долгосрочного развития. Среди ее представителей было достаточно много сторонников синтеза идей различных экономических школ и направлений. Основы теории предложения разработали американские экономисты А. Лаффер, Р. Риган, М. Фелдстайн. Они отвергали любые доводы о возможной эффективности государственного регулирования

ния, хотя рассматривали его как неизбежное зло, деформирующее естественные механизмы рыночной экономики. Поэтому основной задачей в условиях провала кейнсианской стратегии считалось не тотальное «разгосударствление», изменение объекта регулирования – перенос акцентов со стимулирования спроса на долгосрочное регулирование факторов совокупного предложения (т.е. факторов производства). В качестве наиболее действенных методов назывались отказ от прогрессивного налогообложения, снижение налоговых ставок на доходы, капитал, дивиденды и заработную плату, ликвидация бюджетного дефицита (при принципиальном отделении бюджетной политики от денежной), сокращение социальных программ как сдерживающих трудовую активность населения, широкая приватизация государственного сектора.

Ведущими представителями монетаристской теории являлись М. Фридмен, К. Бруннер, А. Мелцер, Д. Лэйдлер, М. Паркин. В отличие от теории предложения монетаризм основывался на комплексном макроэкономическом анализе, претендовал на роль оригинальной экономической парадигмы. Фридмен предложил рассматривать экономическое пространство как пересечение двух относительно автономных секторов – «реальной экономики» и денежной сферы. В «реальной экономике», т.е. сфере воспроизводства, государство не может брать на себя роль основного регулирующего начала. В ней главенствуют такие естественные рыночные факторы, как динамика нормы прибыли, занятость, спрос, предложение. Но нормальное функционирование «реального сектора» зависит от постоянства, предсказуемости, преемственности процессов, происходящих в денежной сфере. Стабилизация финансовой системы должна быть основной целью государственной экономической политики.

Ключевым инструментом финансовой политики монетаристы считали регулирование объема денежной массы. Изменение его прямо пропорционально влияет на совокупный спрос и тем самым стимулирует производителей. Но избыток денежной массы порождает инфляцию. Разделяя два основных вида инфляции – «ожидаемую» и «непредвидимую», монетаристы считали ожидаемую инфляцию естественным свойством современной экономики. Природа ее заключается в стремлении субъектов рыночных отношений оптимизировать свое положение на рынке, использовать условия свободной конкуренции для повышения эффективности производства. Задача государства в этой ситуации – создать условия для максимальной рационализации инфляционных процессов и воспрепятствовать развитию «непредвиденной» инфляции (деформированного роста цен, не связанного с рыночным поведением). Основным источником «непредвиденной» инфляции считалась деятельность профсоюзов, направленная на опережающий рост доходов трудящихся, а также «мягкая» кредитно-денежная политика государства.

Монетаристы не отвергали возможность использования финансово-кредитной политики для поощрения или сокращения спроса и предложения. Но считалось, что это средство может быть использовано только в краткосрочной перспективе. Любое структурное вмешательство государства, в том числе перераспределение национального дохода через бюджетные программы, подавление инфляции административными методами, навязывание искусственных условий найма рабочей силы, создание крупного государственного сектора производства, может вызвать необратимые разрушительные изменения в рыночной инфраструктуре.

Выступая против кейнсианских методов структурной политики, монетаристы особое внимание уделяли проблеме занятости. Они выделяли несколько форм безработицы, имеющих разную природу и значение. Так называемая «равновесная безработица» рассматривалась в качестве постоянного явления, отражающего динамику взаимодействия предложения рабочей силы и спроса на нее. С учетом таких дополнительных факторов, как миграция рабочей силы, низкая информационная обеспеченность рынка труда, его инерционность по отношению к совершенствованию технологической базы, образуется «естественная безработица». Норма «естественной безработицы» – это один из факторов, отражающих реальное состояние экономики. При глубоких структурных и технологических изменениях в экономике, разнообразных общественных кризисах и природных катаклизмах может возникнуть «вынужденная безработица», связанная с массованным перемещением рабочей силы и перепадах в спросе на нее. И, наконец, четвертая, и самая опасная форма безработицы – «кейнсианская», возникает, по мнению монетаристов, в результате систематического государственного вмешательства на рынке труда. Государственный патернализм, искусственное снижение нормы «естественной безработицы» (за счет бюджетных расходов, занижения процентных ставок кредитов и т.д.) порождает социальную пассивность и иждивенчество. Поэтому задачами государства на рынке труда является не обеспечение полной занятости, а профилактика «вынужденной безработицы» с помощью развития системы профессионального обучения, повышения информационной эффективности рынка труда и т.д.

Модель макроэкономической политики, предложенная монетаристами, получила широкое распространение в 1980-х гг. По примеру политики администрации президента Р. Рейгана в США и кабинета М. Тэтчер в Великобритании эти реформы, крайне идеологизированные, связанные с показным отказом от традиций «государства благосостояния», получили название «неоконсервативной революции». Схожие с «рейганомикой» и «тэтчеризмом» преобразования осуществляли также западногерманские христианские демократы, итальянские и испанские социалисты, французские неоголлисты. В этих случаях идеологическое обоснование реформ было не таким конфронтационным, а их динамика – не столь стремительна. Но, в целом, использовался достаточно универсальный набор методов экономического регулирования.

Ратуя за сокращение государственного вмешательства в экономику, неоконсерваторы не отказывались от него полностью. Вместо широкомасштабного стимулирования совокупного спроса ставка была сделана на комплексное развитие факторов предложения. Причем речь шла не о прямом стимулировании производства со стороны государства, а лишь об обеспечении условий для его естественного устойчивого развития. Основные мероприятия касались структурно-отраслевой политики и «финансового оздоровления».

Структурная политика неоконсерваторов не решала задачу формирования определенного отраслевого баланса. Ее главной целью являлась целевая поддержка тех форм бизнеса и видов производства, которые являлись принципиально важными для национального экономического развития, но предполагали высокую степень предпринимательского риска. К этой категории были отнесены наукоемкие производства и малый бизнес.

Поддержка НИОКР не была новым направлением государственного регулирования. Но особенностью развития этой сферы в 1980-х гг. стало

резкое увеличение прямого государственного финансирования. Если в период НТР значительную активность в области НИОКР проявлял и частный капитал, то с 1970-х гг. доля негосударственных инвестиций здесь существенно сократилась. В 1979–1992 гг. в ведущих странах Запада государство обеспечивало уже до половины всех расходов на НИОКР, а их суммарные величины увеличивались колоссальными темпами (в США – с 56,6 до 161 млрд долл. в год, в Германии – с 12,5 до 36,1 млрд долл., во Франции – с 8 до 25,2 млрд долл., в Великобритании – с 8 до 20,2 млрд долл.). Но наращивание государственных расходов на область НИОКР отнюдь не означала ее огосударствление. Основная часть инвестиций реализовывалась частным бизнесом на конкурентной основе. Широкой практикой стала выдача грантов на исследовательские программы, целевое финансирование отдельных программ, заключение прямых контрактов на разработку новой продукции и технологии, предоставление государственных гарантий займов в коммерческих банках при условии целевого использования этих займов в сфере НИОКР. Важную роль сыграла и активная налоговая поддержка наукоемких производств. Так, например, в США в 1981 г. был принят «Закон о налогах в целях оздоровления экономики», согласно которому при 25 %-ном росте расходов на НИОКР соответствующим образом уменьшалась налогооблагаемая база предприятия. До 20 % была снижена налоговая ставка на прибыль от операций с ценными бумагами фондов, специализирующихся на НИОКР. Действовала и особая практика налоговых инвестиционных кредитов, согласно которой до 10 % стоимости приобретаемого нового оборудования вычиталось из налогов предприятия и оформлялось как долгосрочный государственный кредит.

Стимулирование малого бизнеса также происходило главным образом за счет налоговых льгот. Малые и средние предприятия были более приспособленными для быстрой апробации новейших технологий, гибкой корректировки рыночной стратегии. Но они же оказывались крайне уязвимыми в условиях колебаний рыночной конъюнктуры. Поддержка со стороны государства позволяла сократить степень предпринимательского риска и превратить малый бизнес в важный компонент системы общественного воспроизводства. Английские и французские экономисты определили целью такой политики создание «правильной сети экономики» – обеспечение эффективного соотношения мелкого, среднего и крупного бизнеса в общей структуре предпринимательства. Такой баланс позволял сгладить циклические колебания экономической конъюнктуры, уменьшить влияние субъективных факторов, порожденных высокой концентрацией производства и централизацией капитала.

Традиционная антитрестовская политика, ориентированная на борьбу против крайних форм монополизма, в эпоху «неоконсервативной революции», напротив, утратила свое значение. Степень административного контроля над рыночной деятельностью монополистических объединений чрезвычайно уменьшилась. Действия антитрестовских законов распространялись лишь на процесс слияния фирм, а также на самые радикальные проявления демпинговой ценовой политики. В остальном противодействие процессу монополизации сводилось именно к поддержанию альтернативных форм бизнеса, обеспечению дополнительных факторов конкуренции на рынке.

Особое значение неоконсерваторы придавали реформам в «структурно-мотивационной» сфере. Объектом государственного регулирования здесь являлся комплекс факторов, обеспечивающих личностные стимулы к накоп-

лению, индивидуальной инвестиционной и предпринимательской активности. В качестве наиболее действенного метода рассматривалось сокращение налогов, а также снижение уровня прогрессивности налоговой шкалы. Так, например, в США в период правления Р. Рейгана предельная (высшая) налоговая ставка снизилась почти на 30%. Предполагалось, что более равномерное распределение налогового бремени среди населения создаст большие стимулы для экономической активности наиболее имущих слоев, а будущее расширение налоговой базы, вызванное ростом производства, компенсирует временные потери бюджета. Общее сокращение налогового бремени вело не только к заметному оживлению инвестиционного климата, но и отражалось на психологическом состоянии общества, подрывало уравнительные, иждивенческие настроения. В сочетании с государственной поддержкой новаторских производств и малого бизнеса, поощрением льготных форм кредитования такая политика позволяла рассчитывать на значительный рост экономической активности и самостоятельности самых широких слоев населения, изменение социального облика предпринимательства.

Успех структурных преобразований во многом зависел от способности неоконсервативных правительств добиться стабилизации бюджетно-денежной сферы. Залогом решения этой задачи являлось снижение уровня инфляции. Основными антиинфляционными мерами стали ужесточение контроля над денежным обращением и кредитной политикой, а также всемерное сокращение расходной части государственного бюджета. В свете общего курса на дерегулирование экономики последнее направление было особенно важным. Неоконсерваторами осуществлялось сокращение государственного сектора экономики – полное или частичное сворачивание нерентабельных, устаревших производств, а также широкая приватизация государственных предприятий. Целесообразность приватизации объяснялась повышением эффективности производства при переходе его в частную собственность, освобождением бюджета от затрат на модернизацию предприятий государственного сектора, а также прямыми финансовыми поступлениями в бюджет в ходе самой приватизации.

Политика «жесткой экономии», проводимая неоконсерваторами, также предполагала частичное свертывание социальных бюджетных программ, коммерциализацию системы здравоохранения, образования, отказ от крупномасштабных программ по решению жилищного вопроса и т.д. Радикально менялась государственная политика в сфере занятости. Был пересмотрен порядок социальных выплат многим категориям безработных. Приоритетными направлениями, как правило, признавались поддержка семей, живущих за официально признанной чертой бедности, и выплата пособий по безработице на страховой основе. Право на обычные пособия по безработице предоставлялось только лицам, официально зарегистрировавшимся на бирже труда, имеющим определенный стаж работы перед увольнением и вносившим взносы в фонд по безработице (в такие фонды отчисления делают и предприниматели – в ФРГ до 50 % общих сумм, во Франции до 70%). При сохранении достаточно существенных размеров пособий (в США – 50 % средней заработной платы, во Франции – 40 %, в ФРГ – более 60 %) были уменьшены сроки выплат пособий. Вместе с тем значительно расширялись меры по стимулированию индивидуальной профессиональной подготовки и образования, что должно было обеспечить большую гибкость рынка труда и ликвидировать саму причину массовой безработицы.

Основной пик неоконсервативных реформ пришелся на первую половину 1980-х гг. Результаты же их оказались достаточно противоречивы. С одной стороны, «неоконсервативная революция» немало способствовала мобилизации созидательного потенциала рыночной системы, интенсификации процесса воспроизводства. В результате пересмотра принципов государственного регулирования снизились темпы инфляции, значительно активизировался частный инвестиционный рынок. Стабилизировался уровень занятости. Темпы экономического роста уступали «золотому» послевоенному двадцатилетию, но значительно отличались от показателей 1970-х гг. Расчеты динамики ВВП в крупнейших странах Запада за периоды 1950–1973, 1973–1980 и 1980–1990 гг. показывают рост валового продукта в расчете на душу населения в США соответственно на 61, 8 и 18 %, в Великобритании – на 77, 7 и 23 %, в Германии – на 202, 16 и 19 %, во Франции – на 147, 16 и 19 %, в Италии – на 200, 24 и 23 %. Казалось, что был найден рецепт решения ключевых макроэкономических проблем, порожденных структурным кризисом 1970-х гг.

Однако неоконсервативные реформы вызвали неоднозначную реакцию в обществе. Резкий поворот экономической стратегии, глубокая ломка сложившейся системы социального обеспечения и трудовых отношений оказались слишком болезненны. Особенно пострадали те слои населения, которые привыкли к системе государственных социальных гарантий, к стабильному росту уровня жизни. Ставка на саморазвитие рыночных институтов, реанимация ультралиберальной рыночной психологии в обществе не учитывали опыт послевоенного развития Запада. Поэтому уже в 1990-х гг. практически во всех странах Запада, на фоне прихода к власти нового поколения политической элиты, начался отход от принципов неконсервативной политики.

Особенности современной экономической стратегии в ведущих странах Запада. Толчком к пересмотру стратегии экономического развития стали события начала 1990-х гг. При сохранении общей тенденции роста производства (около 1,5–2% в год) в эти годы была зафиксирована первая после структурного кризиса рецессия. Спад был невелик, и его масштабы существенно разнились в отдельных странах. К тому же причины рецессии во многом были связаны с событиями на международной арене – после вторжения иракских войск в Кувейт в сентябре 1990 г. цена на нефть достигла 56 долл., а затем в течение месяца держалась на уровне 45 долл. Но нового «нефтяного шока» не произошло, поскольку ажиотажный спрос быстро спал. Низшая точка рецессии была пройдена в 1991 г., а в 1994 г. мировая экономика вышла на средний за последнюю четверть века уровень темпов прироста – 3,5% в год. В этих благоприятных условиях появилась возможность отказаться от жесткого курса, предложенного неоконсерваторами. Появилась новая плеяда политических лидеров: Б.Клинтон в США, Л.Жоспен во Франции, Э.Блэр в Великобритании, Г.Шредер в ФРГ, Р.Проди в Италии. С их приходом к власти начался пересмотр экономической стратегии и возрождение традиций социального государства. Но речь не шла о реванше кейнсианцев. Возвращение к идее «смешанной экономики» было связано с попытками найти наиболее сбалансированный вариант экономической политики, отказаться от идеологической конфронтации во имя общенациональных задач.

Ключевую идею обновленной экономической стратегии сформулировал Билл Клинтон, призвав соотечественников «не только пользоваться сегодняшним процветанием, но и инвестировать гораздо больше в процветание завтра». Решившись на существенное повышение налогов, американская администрация направила финансовые потоки на поддержку двух основных направлений – развитие высоких технологий и решение социальных проблем. Показательным примером стала пятилетняя программа финансовой поддержки областей НИОКР, принятая в США в 1998 г. В соответствии с нею устанавливалась не совсем обычная иерархия приоритетов инвестиционной политики: оборонные исследования, совершенствование космической техники, биомедицинские исследования, «расширение границ человеческих возможностей и биотехнологии», программы космических полетов, исследования в области передовой обрабатывающей промышленности, проблемы СПИДа, изучение аномальных явлений внеземного происхождения, энергетика, компьютерная и коммуникационная техника, проблемы сверхпроводимости, авиатехника, изучение генотипа человека и наследственности, аграрное производство. Каждое из данных направлений научно-технической политики представляло собой комплекс конкретных целевых программ, служащих как увеличению фонда общих научных знаний, так и связанных с разработкой прикладных проблем и конкретных технологий.

Новым направлением структурной политики стала конверсия военно-промышленного комплекса. За годы «холодной войны» ВПК превратился в одну из базовых структур всей промышленной инфраструктуры, играл важную роль в осуществлении передовых научно-технических разработок, обеспечивал создание немалого количества рабочих мест. Распад советского блока к началу 1990-х гг. привел к коренным изменениям геополитической карты мира и самого характера международных отношений. Требовался пересмотр и военно-промышленной политики. Сокращение численности вооруженных сил, снижение государственных расходов на закупку вооружений привели к слиянию многих фирм ВПК, реструктуризации их производственного потенциала. Только в западноевропейских странах к середине 1990-х гг. конверсия повлекла за собой ликвидацию более 600 тыс. рабочих мест. Помимо решения возникающих при этом социальных проблем, государство столкнулось с необходимостью переориентации многих направлений НИОКР, которые ранее были связаны с военными технологиями.

Альтернативой конверсии стала активизация экспортной политики на мировом рынке вооружений. В 1990-х гг. основная доля торговых операций сосредоточилась в чрезвычайно узком кругу экспортеров и потребителей. На долю шести крупнейших поставщиков вооружений приходилось почти 90 % продаж (США – 52 %, Россия – 13 %, Германия – 7 %, Великобритания – 6 %, Франция – 5 %, Китай – 4 %). Более 85 % закупок осуществлялось в тот же период примерно тридцатью основными импортерами (главным образом, странами Азии и Ближнего Востока).

Еще одним важным направлением научно-промышленного регулирования оставалось укрепление экологической безопасности производства. Затраты на эту сферу в 1970–1980-х гг. вызвали общее снижение производительности труда на 7–12 %. От государства требовалось не только дополнительное финансирование, но и создание особых нормативно-правовых гарантий экологической безопасности. Формирование соответствующего общественного мнения, обеспечение жесткого контроля. Благодаря развитию экологического законодательства еще во второй половине 1980-х – начале

1990-х гг. значительная часть затрат была возложена на частный бизнес (налоги, штрафы за загрязнение, расходы на строительство очистных сооружений). В США частные фирмы начали оплачивать около 60 % расходов на природоохранные мероприятия, в ФРГ – 37 %, в Японии – 50 %. Одновременно выросли и бюджетные затраты. В 1990-х гг. в ведущих странах Запада они составляли уже около 15 % от ВВП. Особенностью современного этапа в развитии природоохранной деятельности стало постепенное перераспределение средств с борьбы против загрязнения окружающей среды на его предотвращение. После успешной апробации в США широко распространилась практика экологического аудита. Ее основу составляет регулярное экологическое тестирование производственных процессов, которое не только выявляет нарушения, но и позволяет моделировать наиболее безопасные технологические процессы.

В 1990-х гг. значительно активизировалась и социальная политика. Ассигнования на нее выросли до половины расходной части бюджета ведущих стран Запада. Таким образом, полного демонтажа «государства благосостояния», как системы перераспределения части национального дохода, так и не произошло. Однако принципы осуществления социальной политики существенно изменились. Был отвергнут принцип универсальности, всеобщности социального обеспечения как средства стимулирования массового потребительского спроса. Социальная поддержка приобрела целевой характер, произошло упрощение механизмов ее доставки, децентрализация, ужесточен контроль за нецелевым использованием и злоупотреблениями в социальной сфере. Более последовательно стал реализовываться принцип взаимосвязи взносов и выплат в социальном страховании. Во многих европейских странах была продолжена линия на коммерциализацию образования и здравоохранения, начатая неоконсерваторами. Но вместо приватизации ставка была сделана на привнесение в эти сферы рыночных методов осуществления услуг, практики менеджмента, привлечение частного бизнеса на контрактной основе.

Расширение государственных расходов на НИОКР, конверсию ВПК, природоохранные мероприятия и социальную сферу потребовало пересмотра монетаристских принципов бюджетной политики. В США в 1990-х гг. была разработана и достаточно успешно апробирована концепция «сбалансированного бюджета». В основе ее лежала попытка преодолеть традиционную дилемму «твердые деньги ценою пассивности бюджета, либо активный бюджет ценою инфляции». Путь решения такой сложной проблемы американские экономисты видели в переходе от эмиссионных источников финансирования бюджетного дефицита к государственным займам на рынке ссудного капитала. Подобная мера позволила наращивать бюджетные расходы в США на протяжении 1990-х гг. без формирования сильного инфляционного фона. Но при этом начался рост ссудного процента в коммерческих банках и значительно обострилась проблема внутреннего долга. С учетом этих негативных последствий большинство европейских правительств отказались от идеи «сбалансированного бюджета» и предпochти законодательно зафиксировать допустимые рамки бюджетных дефицитов (около 3 %). В этом случае умеренный бюджетный дефицит рассматривается как источник экономического роста, что весьма близко к логике кейнсианства. Отличие заключается в том, что правительства берут на себя обязательство не допустить роста бюджетного дефицита, способного спровоцировать инфляционные процессы (собственно в этом и заключается критерий «умеренности»).

Особую значимость приобретает наднациональный контроль над такой политикой со стороны Европейской Комиссии.

Экономическая стратегия, выработанная в 1990-х гг., оказалась достаточно успешной. В 1995–1997 гг. наблюдался небольшой, но стабильный рост производства (в целом около 2 % в год). Очень мощно стала выглядеть экономика США – в 1997 г. рост ВВП здесь составлял 3,9 %, безработица упала ниже 5 % (впервые за четверть века), инфляция стала ниже 2 % (минимальный уровень за 30 лет). На фоне успешных реформ в Китае настоящий бум переживала экономика всего региона Юго-Восточной Азии. Вполне успешно проходили постсоциалистические реформы в странах Восточной Европы. В соответствии с логикой «кондратьевского цикла» темпы экономического роста должны были возрастать и в дальнейшем. Однако оптимистические прогнозы не реализовались.

В ноябре 1997 г. произошел биржевой крах в Юго-Восточной Азии, переросший в 1998 г. в мировой финансовый кризис. Его последствия могли бы оказаться очень тяжелыми, если бы не неожиданное падение цен на нефть. В итоге годовой рост производства в 1998 г. составил 2,2 %, а в 1999 г. достиг 3,1 %. Но нефтяной рынок вновь начало лихорадить. К марту 2000 г. цена на нефть поднялась почти на 40 % и достигла максимального за последние 9 лет уровня – 34 долл. за баррель. Несмотря на то, что страны ОПЕК приняли решение об ограничении объема добычи нефти и сумели снизить цену до 25 долл. за баррель, рост производства оказался замедлен. Одновременно начались периодические спады на рынке высокотехнологичных кампаний, а сельское хозяйство в Европе оказалось в состоянии кризиса из-за эпидемии ящура. За счет фантастического резкого экономического рывка Китая и Индии, а также оживления в странах АТР динамика мирового экономического роста в 2000 г. оказалась на уровне 4 % в год. Но депрессивное состояние японской экономики, снижение деловой активности в латиноамериканских странах, заметный спад в России, повышение экономических рисков в Европе в период адаптации к единой валюте евро и явная «перегретость» американской экономики заставляли экономистов воздерживаться от оптимистических прогнозов.

Теракт в Вашингтоне 11 сентября 2001 г. крайне усугубил нервную обстановку на мировых рынках. Начались спекулятивные колебания цен на нефть и курсов ценных бумаг. Целые отрасли пострадали от психологического шока, вызванного угрозой терактов (туризм, авиаперевозки, самолетостроение). В итоге за 2001 г. темпы мирового экономического роста составили лишь 1,4 %. Объем мировой торговли в 2001 г. уменьшился на 0,2 %, а экспорт из развитых стран Запада сократился еще больше – на 1,3 %. Углубление рецессии во многом было приостановлено благодаря активной антикризисной политике в США. Только в 2001 г. процентная ставка по федеральным фондам была снижена с 6,5 до 1,75 % (самый низкий уровень за последние 40 лет). В марте 2002 г. американское правительство разработало целый пакет налоговых льгот общей стоимостью 93 млрд долл. Однако после начала антитеррористических операций в Афганистане и Ираке конъюнктура на мировом рынке стала еще более сложной. Нагрузка на американский бюджет резко возросла. Впервые после войны во Вьетнаме военные расходы увеличились за год на 20 %. Для поддержания деловой активности и увеличения экспорта правительство США отказалось от сохранения «твердого» доллара. С мая 2002 г. по май 2003 г. курс евро по отношению к доллару вырос на 26 %, что не только существенно изменило ситуацию на мировом финансовом

рынке, но поставило европейскую экономику перед новыми серьезными проблемами. В 2004–2005 гг. эти трудности усугубились ажиотажным спросом на нефтяном рынке. Преодолев в сентябре 2004 г. уровень в 45 долл. за баррель, к весне 2005 г. цены на нефть достигли невиданного уровня 56–57 долл. за баррель. В целом рост мировой экономики колебался в течение последних лет в пределах 2–2,5 %, что, по мнению экспертов ООН, составляет уровень нулевого роста с учетом естественного прироста населения планеты. Является ли эта тенденция признаком углубляющейся стагнации мировой экономики, или происходит глубинная перестройка всего механизма экономического развития, сложившегося в эпоху модернизации? Ответ на этот вопрос во многом зависит от понимания природы произошедшей в конце XX в. «информационной революции».

«Информационная революция» и формирование инновационной экономической модели. Достаточно низкие темпы мирового экономического роста на рубеже XX–XXI вв. вызывают самые различные комментарии и прогнозы. Но совершенно очевидно, что прежняя тесная связь динамики экономического развития с выбором той или иной политической стратегии становится все менее значимой. Современная экономическая модель, получившая название «информационной экономики», приобретает совершенно новую логику развития, принципиально отличающуюся от индустриальной модели во всех ее вариациях.

Структурный экономический кризис 1970-х гг. подвел черту под историей «ресурсозатратной» экономики. «Нефтяной шок» и виток гиперинфляции вызвали резкое сокращение спроса на ресурсоемкие виды товаров и услуг. Начались ускоренная разработка и внедрение более экономичных форм производства, требующих меньших затрат сырья и энергии. Показательным примером является успех американских машиностроителей, добившихся за счет целого ряда технических нововведений в 1973–1986 гг. сокращения потребления бензина средним автомобилем с 17,8 до 8,7 л/100 км. Подобные новации затронули практически все отрасли производства. Одновременно менялась и ситуация на рынке сырья и энергоносителей. Уменьшение спроса на нем активизировало конкуренцию среди экспортеров и вызвало значительное снижение цен. Только в 1980–1985 гг. индекс мировых цен на тридцать наиболее употребляемых сырьевых товаров снизился на 74 %. В результате этой технологической перестройки производства сформировалась так называемая «ресурсосберегающая» модель экономического развития. Однако решающее значение имело не прямое сокращение ресурсной базы, а разработка принципиально новых технологий, получивших название «информационных».

Прологом к «информационной революции» стало создание в 1969 г. фирмой «Интел» («Intel») Роберта Нойса первого микропроцессора. Микропроцессор, как и процессор «больших» компьютеров, использовал электрические импульсы для управления операциями, но был смонтирован на базе одной микросхемы («кристалла» или «чипа», от англ. «chip» – осколок, частица). «Чип», который Нойс сконструировал еще в 1959 г., представлял собой интегральную электронную схему, размещаемую на небольшой кремниевой пластине и содержащую огромное количество транзисторов. Создатели первого микропроцессора «Intel 4004» сумели разместить на «чипе» 2300 транзисторов. По сравнению с промышленными ЭВМ быстродействие

такого устройства было пока очень невелико, и инженеры «Intel» предлагали использовать такие устройства в бытовых приборах, а не компьютерах. Выпуск в 1974 г. более мощного микропроцессора «Intel 8080» позволил энтузиастам попытаться создать на его базе микрокомпьютер. Успех сопутствовал Эду Робертсу, главе небольшой электронной компании MITS. Он создал компьютер «Альтаир» («Altair»), который представлял собой достаточно компактный металлический ящик всего лишь с двумя электронными платами внутри («чипом» и запоминающим устройством). Новый компьютер не обладал ни клавиатурой, ни дисплеем, а ввод информации осуществлялся специальными тумблерами по сложной схеме, требующей специальных навыков. Тем не менее «Альтаиру» сопутствовал немалый коммерческий успех. Помимо феноменально низкой цены (400 долларов), большую роль сыграла разработка для него специальной версии компьютерного языка «Бейсик» (кода программирования), значительно упростившего эксплуатацию устройства. Эту работу выполнили два молодых программиста Билл Гейтс и Пол Аллен. Для ведения переговоров с MITS они создали в 1975 г. собственную фирму «Майкрософт» («Microsoft») – «Microcomputer software», «Программное обеспечение для микрокомпьютеров».

Микрокомпьютеры, или персональные компьютеры (PC) стали основой информационной технологии четвертого поколения. Основными параметрами этой технологии являлись упрощенные способы ввода информации, в том числе с применением клавиатуры и «мыши», использование дисплеев для ее визуального восприятия, малый размер при значительном объеме памяти и быстродействии. Первым компьютером, полностью соответствующим этим стандартам, стал «Эппл-2» («Apple-2»), созданный в 1977 г. инженером «Хьюлетт Паккард» Стивом Возняком и Стивом Джобсом из фирмы «Атари». Показательно, что оба они безуспешно пытались убедить руководство своих фирм в необходимости разработки PC и создали первую модель «Эппл» в 1976 г. на личные сбережения. Крупнейшие компании, специализировавшиеся на выпуске мощных промышленных ЭВМ, пренебрежительно относились тогда к новому рынку микрокомпьютерной техники. Успех «Эппл-2» доказал неадекватность такой стратегии. Уже с 1977 г. начали появляться все новые модели PC. Но их недостатком было разнообразие и несовместимость операционных систем – технологии управления микропроцессором и обработки введенных в компьютер данных. Ситуация изменилась в 1980 г., когда производством PC заинтересовалась крупнейшая компьютерная компания «IBM». Спустя год на рынке появился IBM PC, созданный на базе процессора Intel. Компания Билла Гейтса «Microsoft» разработала для этой модели специальную операционную систему MS-DOS (Microsoft Disk Operating System), ставшую в дальнейшем основным стандартом программного обеспечения всего компьютерного рынка.

Стратегический альянс «Intel» – «IBM» – «Microsoft» стал законодателем мод в области информационных технологий. Единственной успешной попыткой противостоять этим грандам была разработка Стивом Джобсом компьютера «Apple Macintosh» с принципиально новым типом интерфейса (системы «общения» пользователя с компьютером). На смену текстовому интерфейсу, основанному на сложных наборах букв, цифр, знаков пунктуации, пришел графический интерфейс, при котором пользователю необходимо лишь указать «мышью» на ту или иную картинку-символ. Macintosh стал первым опытом разработки новой компьютерной культуры – дружественной по отношению к пользователю, преодолевающей психологический стресс от

общения человека с машиной. Этот стандарт был активно поддержан и Биллом Гейтсом. «Microsoft» в 1985 г. создала свой самый важный продукт – операционную среду «Windows», которая позволила организовать работу на основе MS-DOS одновременно сразу с несколькими пользовательскими программами (каждая в отдельном «окне» – window). «Windows», как и прикладные программные продукты «Microsoft» («Excel», «Access», «Word», «Power Point»), был выполнен в графическом интерфейсе.

В дальнейшем логика совершенствования любых компьютерных программ учитывала не только наращивание их функциональных возможностей, но и постоянное упрощение работы пользователя, сокращение объема требуемых от него специальных знаний. Одновременно производители добивались все большего увеличения объема памяти, ускорения быстродействия компьютерных систем. Сложилась даже определенная закономерность – инженерам «Intel» удавалось примерно каждые 18 месяцев наращивать количество транзисторов на поверхности «чипа» в 2 раза (что в 2 раза ускорило и быстродействие компьютера). К 1996 г. количество транзисторов по сравнению с компьютерами первого поколения выросло в 1 000 000 раз. В этот период «Intel» приступила к производству процессоров нового поколения «Pentium», а в конце 1990-х гг. – «Pentium-II» и «Pentium-III». Стоимость же компьютеров с 1983 г. до 1996 г. снизилась с 300 до 0,14 долл. за каждый мегабайт памяти. Все большее распространение стали получать миниатюрные компьютеры – ноутбуки, – обладающие такой же мощностью, как стационарные компьютеры еще несколько лет назад.

Успехи в развитии компьютерной технологии были обязательным условием превращения информации в основной ресурс современной экономики. Однако окончательно этот перелом произошел лишь после создания особых систем компьютерного сетевого обмена, позволивших сформировать не только глобальное информационное пространство, но и особый механизм саморазвития информационных ресурсов. Первым шагом в этом направлении стала разработка в США еще в 1960-х гг. особой компьютерной сети АРПАНет (ARPAnet, Advanced Research Projects Agency), предназначенной для связи правительственных и военных учреждений в условиях ядерной войны. Ее особенностью была возможность использования самых различных сред компьютерного обмена (вплоть до обычных телефонных линий), а также ввод универсальной системы ввода и считывания информации TCP (Transmission Control Protocol – протокол управления передачей сообщений). В середине 1980-х гг. Национальный научный фонд США (NSF) использовал ту же технологию для создания сети НСФнет (NSFnet), позволившей объединить информационные ресурсы пяти крупнейших компьютерных центров страны. До 1992 г. функционирование этой сети оплачивалось федеральным правительством США, а затем началась ее приватизация. Параллельно складывалась более широкая система сетей, которая стала известна под названием Интернет. К концу 1990-х гг. она объединяла уже около 40000 сетей, доступ в которые обеспечивали фирмы-провайдеры. Среди провайдеров появились как крупные национальные корпорации, обладавшие собственными скоростными телекоммуникационными линиями связи (например, американские Internet Access Providers и IAP, немецкая EUNET, французская World Net), так и небольшие специализированные фирмы, осуществлявшие локальные операции по подключению к телефонным линиям связи. Технологическая универсальность Интернета обеспечивалась благодаря использованию на разных типах компьютеров того же

единого протокола TCP (в современном виде он получил название TCP/IP, где буквы IP взяты из английских слов Internet Protocol).

Возможности Интернета непрерывно расширялись на протяжении последнего времени. В 1980-х гг. ресурсы его сетей использовались преимущественно для пересылки адресной электронной почты (e-mail). В дальнейшем интерактивная информация стала включать и визуальный ряд, звук. К концу 1990-х гг. появилась возможность общения в Интернете в режиме «реального времени». Потребности в свободной и эффективной форме постоянного обмена информацией породили новый вид услуг – «сетевые новости» (usenet). Тим Бернерс-Ли и Роберт Кайо, сотрудники Европейской лаборатории физики элементарных частиц (CERN), разработали гипертекстовую технологию, позволяющую создать систему автоматического поиска информации на сетевых «страничках» (сайтах). Специальные поисковые серверы (мощные компьютерные системы, хранящие и пересылающие сетевую информацию) стали осуществлять каталогизацию всех данных. Тем самым, начало складываться саморазвивающееся информационное пространство, получившее название «всемирной паутины» (World Wide Web, WWW). Использование его стало оказывать все более возрастающее воздействие практически на все стороны человеческой жизни. Исключительно важным созданием «всемирной паутины» оказалось и для сферы бизнеса. В конце 1990-х гг. среди фирм, подключенных к сети Интернет, уже около 50 % использовали ее для реализации внешних и 30 % – внутренних связей компании. Спектр специализированных услуг Интернета, ориентированных на производителя и потребителя, непрерывно расширялся. Сам Интернет превратился в гигантский рынок информационных и провайдерских услуг.

Использование персональных компьютеров, гигантских по объему памяти и обеспечивающих свободный доступ к глобальным информационным системам, стало решающим толчком для формирования так называемой «информационной экономики». Наиболее динамичным ее компонентом является сектор информационных услуг. В середине 1990-х гг. его продукция превысила 10 % внешнеторгового оборота развитых стран, а суммарный объем этого рынка составил 400 млрд долл. Сложившийся спектр информационных услуг чрезвычайно широк. От вытеснения морально устаревшего офисного оборудования (пишущих машинок, чертежных досок, планшетов для макетирования, еженедельников) компьютерная техника и технология перешли к формированию собственных областей производства. Большое значение имеет создание баз данных и специализированных систем поиска информации, высокопроизводительных электронных таблиц и особых систем для проведения сложных расчетов, систем обработки аудио- и видеoinформации, автономных систем для моделирования различных ситуаций, обучения и повышения квалификации специалистов, гибких, быстро перенастраиваемых систем управления, мультимедийных систем телекоммуникации, способных передавать текстовые, графические и звуковые сообщения. Развитие глобальной информационной системы позволило перейти к принципиально новому типу финансово-денежного обращения, в том числе к электронным банковским услугам на основе микропроцессорных пластиковых карточек и телекоммуникационных сетей связи. Постепенно вводится дистанционный прием и выдача вкладов, новые методы выплаты пенсий, страховок, зарплаты. Ведутся и опытные работы по созданию «электронных денег» («e-cash»), представляющих собой виртуальный

эквивалент чека или счета кредитной карточки. Перспективнейшей и чрезвычайно рентабельной областью производства услуг остается разработка компьютерного программного обеспечения.

Развитие информационных технологий радикальным образом изменило отраслевую структуру экономики ведущих стран мира. Сфера услуг обогнала по темпам роста промышленность и вышла на ведущее место по динамике инвестиций и численности занятых (около 2/3 от общего числа). В 1990-х гг. в США в сфере услуг работало уже 73 % всех занятых, в том числе было сосредоточено 80 % всех работников умственного труда и 87 % кадров с высшей квалификацией. Изменились приоритеты и в развитии самой отрасли. На фоне стремительного роста информационных и социальных услуг (программное обеспечение, службы коммуникации, образование, здравоохранение, наука, консалтинг, инжиниринг), происходило уменьшение удельного веса занятости в административном аппарате, бытовом обслуживании, розничной торговле.

В области промышленного производства информационная революция также привела к существенному обновлению технологической базы, перераспределению капиталов и трудовых ресурсов между отдельными отраслями. Основными направлениями технологических новаций стало развитие мехатроники (использование промышленных роботов, станков с числовым программным управлением, создание гибкого автоматизированного производства), технотроники (формирование систем автоматизированного промышленного проектирования, автоматизированных рабочих мест), телематики (создание информационных управляющих систем, производственных коммуникационных сетей). Внедрение массы технических новаций способствовало росту производства в машиностроении и металлообработке. Доля этих отраслей в общем объеме продукции обрабатывающей промышленности выросла в 1970–1990-х гг. с 37 до 42 %. Самыми высокими темпами развивались наукоемкие производства, в том числе электронное и транспортное машиностроение, авиакосмическая и химическая промышленность. Потребности индустрии информационных услуг сформировали бурно растущий рынок компьютерной и множительной техники (копирующего оборудования, печатающих устройств, сканеров), оборудования для связи, Интернета, электронной почты. Отрасли легкой и пищевой промышленности, напротив, устойчиво снижали темпы развития. В середине 1990-х гг. их удельный вес в суммарном объеме производства снизился до 30 %. Сельское хозяйство в наименьшей степени оказалось подвержено влиянию «информационной революции». Его доля в мировом производстве устойчиво снижалась – от 7,4 % в начале 1970-х гг. до 5 % в середине 1990-х гг. Интенсификация сельскохозяйственного производства по-прежнему обеспечивается преимущественно за счет химизации.

Итак, «информационная революция» способствовала значительному изменению технологической базы современного производства. Следует учесть, что информационная технология представляет собой не только определенные способы научно-технического использования компьютерной техники. Это прежде всего особые формы переработки и преобразования информации. Именно информация рассматривается как ключевой источник современного экономического роста. В качестве ресурса она уникальна – информация не исощается, а накапливается при потреблении. Знания не ограничены пространством, они неотчуждаемы в качестве товара, не имеют предельного объема при наращивании и не подвержены перепроизводству.

Они имеют уникальную структуру себестоимости – основная часть издержек приходится на предварительный период разработки, тогда как себестоимость массово потребляемых информационных ресурсов непропорционально мала. Наконец, отсутствует четкое соответствие между затратами на приобретение знаний и экономическим эффектом от их реализации. Большую роль играют творческие возможности пользователя, качественные показатели его деятельности.

Естественно, что само по себе накопление информации не может заменить материальное, «вещественное» производство. Но современная информационная технология позволяет качественно изменить функционирование всего макроэкономического механизма, повлиять на динамику его развития, структуру спроса. При обеспечении информационной открытости, прозрачности экономических процессов может сложиться уникальный механизм преодоления стихийности, спонтанности экономических процессов. Это является предпосылкой для усиления упорядоченности воспроизводства, но не за счет централизованного регулирования, а благодаря принципиально новому типу самоорганизации экономики, усилению программирования, прогнозирования экономического роста, информационного контроля над ним. Причем использование компьютерной технологии позволяет практически исключить из стадии проектирования вещественные элементы. Проектирование приобретает виртуальный характер, что не только сокращает издержки, но и значительно расширяет возможности поиска. Тем самым формируется особый тип экономического развития, имеющий инновационный характер.

Инновация – это комплексный процесс создания, распространения и использования каких-либо технических, технологических, организационных и иных новшеств. От обычных нововведений инновационная деятельность отличается прежде всего планомерным характером поиска и достижения новых способов и компонентов общественной деятельности. В этом смысле инновационный характер может носить исследовательская деятельность практически в любой сфере человеческой жизни. Привнесенный в область научно-промышленных исследований и построенный на основе современной информационной культуры, инновационный процесс позволяет впервые в истории перейти от накопления отдельных технических и организационных нововведений к планомерной смене поколений техники и технологий. Примером может служить разработка информационных технологий в знаменитой Силиконовой долине в США (Калифорния), где на площади чуть более 30 кв. км сосредоточено 8 тыс. специализированных предприятий и научно-исследовательских центров. Созданная здесь «инновационная среда» – уникальное пространственное и организационное сосредоточение научного потенциала, финансовых потоков, многопрофильных предприятий с достаточным количеством квалифицированных работников – позволяет добиться колоссальных результатов.

Развитие информационной технологии и инфраструктуры, формирование на этой основе инновационной модели экономического роста радикально меняет весь характер общественного производства. От жесткого выбора между ресурсозатратными и ресурсосберегающими технологиями общество переходит экономике «нелимитированных ресурсов», т.е. информационной экономике. Естественно, что информационный компонент является важнейшей составной частью любой экономической модели. Обновление научно-технического базиса и совершенствование производ-

ственной культуры работников оказывали огромное влияние на темпы и направленность экономического прогресса в любые исторические эпохи. Но в современных условиях накопление и систематизация информации впервые сменяется ее целенаправленным, прогнозируемым производством. Информационный компонент превращается в неотъемлемую часть технологии, капитала, себестоимости товаров, оплаты труда. Меняется и роль «человеческого ресурса» экономики. Из носителя (пассивного пользователя) информации человек превращается в ее творца (активного пользователя). Способность к моделированию, прогнозированию, синтезу информации становится ключевым фактором экономического поведения. Таким образом, не компьютерные технологии и информационные базы данных, а прежде всего особая производственная культура является основой «экономики нелIMITированных ресурсов».

Производственная культура в условиях становления информационной экономики. Происходящая под влиянием «информационной революции» смена технологической основы и отраслевой структуры производства, изменение социокультурной среды способствуют формированию новой культуры бизнеса. Новаторство превращается в неотъемлемую черту любого производства. Конкурентная борьба все в большей степени перемещается с товарных рынков в исследовательскую область, сферу НИОКР. Соперничество в материализации новых идей и открытий, в скорости и эффективности их коммерческого внедрения сменяет традиционные методы ценовой конкуренции. При этом предприниматели вынуждены руководствоваться не только критериями качества продукции, но и понятием жизненного цикла каждого изделия, исходить из того, что ни одно нововведение не может обеспечить коммерческий успех на длительный период времени. В некоторых случаях новые виды продукции или элементы технологии морально устаревают уже на ранней стадии массового внедрения. Насущной задачей становится построение гибкой системы производства, основанной на постоянном обновлении технологической базы и номенклатуры товаров, тесно связанной с научно-техническими и опытно-конструкторскими исследованиями.

Инновационное предпринимательство окончательно преодолевает грань между различными стадиями и направлениями общественного воспроизводства. Это целостная система действий, направленных на разработку, освоение и реализацию технических и коммерческих нововведений. Инновационный процесс не только охватывает все этапы жизненного цикла любого изделия (от возникновения идеи до ее рыночного внедрения), но и включает дальнейшее совершенствование качества товара, его потребительских свойств, а также научно-исследовательские и конструкторские разработки новых поколений продукции или технологий. Планирование, финансирование, производство и коммерческая реализация в условиях инновационной экономики теснейшим образом интегрированы и взаимно обуславливают друг друга.

Формирование инновационной модели предпринимательства вызвало в конце XX в. настоящий ренессанс малого и среднего бизнеса. К этой категории в зарубежной практике отнесены предприятия с числом работающих до 100–500 человек и годовым объемом продаж до 5–50 млн долл. Традиционная для малого бизнеса уязвимость (нехватка стартового капитала, трудность выхода на мировой рынок, ограниченные возможности по

маркетингу) компенсируется целым рядом его особенностей, востребованных современной экономикой. К их числу можно отнести большую маневренность на рынке, возможность быстрого перепрофилирования производства, способность адаптироваться к смене потребительских настроений и диверсификации спроса, сосредоточенность на решении конкретных производственных задач, готовность к оправданному риску, связанному с нововведениями, простоту системы управления, тесную связь с социально-экономическими, демографическими и культурными особенностями региона, минимальную конфликтность в трудовых отношениях.

Малый бизнес – это своего рода антипод стандартизированного массового производства, сфера экономической деятельности с очень высокой степенью индивидуализации труда, творческой свободы и самореализации работников. Чем сильнее этот сектор – тем выше маневренность, пластичность всей экономики, выше предпринимательская активность, сбалансированнее взаимодействие спроса и предложения. Поэтому малый бизнес имеет очень большую роль в развертывании инновационных процессов. Потребляя лишь 2–5 % от общей суммы расходов на НИОКР, этот сектор обеспечивает до 50 % всех нововведений, поступающих на мировой рынок. Таким образом, эффективность новаций на малых предприятиях значительно выше. По данным Национального научного фонда США, в 1990-х гг. на каждый доллар, вложенный в НИОКР фирмой с численностью работающих до 100 чел., осуществлялось нововведений в 4 раза больше, чем на предприятиях с 100–1000 чел., и в 24 раза больше, чем на предприятиях, где занятость превышает 1000 чел. К тому же малый и средний бизнес способствует решению проблемы занятости. Так, например, уже к началу 1990-х гг. в США на таких предприятиях работали около 45 % от общего числа занятых, в Японии – почти 80 %.

Ключевое значение для формирования инновационного механизма в сфере малого и среднего бизнеса имело появление венчурных предприятий (англ. «venture» – риск). Венчурными называются небольшие фирмы, специализирующиеся на прикладных научных исследованиях и разработках. Основная задача венчурного бизнеса – это генерирование новых идей, их проектно-конструкторское оформление, апробация и подготовка технических и технологических новшеств к промышленному внедрению. Непредсказуемость конечного результата, сложность в определении коммерческой эффективности новаторских проектов и определяют «рисковость» венчурного предпринимательства. Лишь 20 % подобных фирм приносят прибыль. 20–30 % всех венчурных предприятий являются убыточными, остальные – только окупают капиталовложения. Но при этом норма прибыли в успешно функционирующих предприятиях примерно в три раза превышает обычный уровень. В США при составлении бизнес-планов новых венчурных фирм оптимальным результатом считается достижение 25–30 % прибыли в год. Реальный уровень доходности составляет 20 %.

Высокая степень предпринимательского риска, свойственная венчурному предпринимательству, порождает большие сложности с поиском инвесторов. Для решения этой проблемы в конце XX в. сложилась особая форма финансового предпринимательства – венчурный капитал. Фирмы, действующие на рынке венчурных капиталов, осуществляют инвестиции без материального обеспечения и без гарантий со стороны получателя. Средства предоставляются на длительный срок на безвозмездной основе, но, как правило, предполагается долевое участие инвестора в уставном капитале

предприятия. Таким образом, рисковый капитал размещается не в виде кредита, а как своеобразный паевый взнос, что предоставляет инвестору возможность участия в стратегическом управлении фирмой и право на соответствующую часть прибыли.

На протяжении 1990-х гг. проявлялась тенденция дальнейшей диверсификации малого и среднего бизнеса. Выделился особый тип фирм-эксплорентов (англ. «explore» – исследовать, разведывать), специализирующихся на продвижении новых товаров и технологий в производстве и на рынке. Их особенностью является осуществление трудоемких ручных операций, неполная занятость персонала, комбинирование высококвалифицированного и неквалифицированного труда. Именно в таких условиях, неприемлемых для крупного бизнеса, осуществляется технологическая «доводка» нововведений, складывается наиболее эффективная схема их массового промышленного использования, разрабатываются смежные, многопрофильные модели товара. Схожие функции осуществляют и другие типы специализированных фирм. Фирмы-пациенты (англ. «patient» – пациент) работают над адаптацией новых товаров к условиям узких сегментов рынка, ориентируются на конкретные потребительские модели и настроения, стимулируемые модой, рекламой. Фирмы-коммутанты (лат. «communicato» – связь) ориентированы на местные, региональные рынки. Деятельность пациентного и коммутантного бизнеса чрезвычайно важна не только на первых стадиях внедрения продукции, но и в период спада спроса на нее. Подобные фирмы обеспечивают своевременную корректировку технологии, товарных качеств, маркетинговой стратегии.

Возросшая в условиях инновационной экономики роль малого бизнеса отнюдь не свидетельствует об упадке крупного предпринимательства. Ограниченность финансовых и производственных ресурсов, большая зависимость от рыночной конъюнктуры не позволяют мелким предприятиям обеспечить многосерийное производство новых продуктов. Массовый рынок по-прежнему является «зоной ответственности» крупного, преимущественно транснационального капитала. В 1990-х гг. под непосредственным управлением крупных корпораций находилось более 1/3 всех производственных активов мира, 1/2 внешнеторгового оборота и 80 % массово внедряемых новых технологий. Сохранялась и тенденция концентрации крупного транснационального капитала. Если в начале 1980-х гг. этот процесс был преимущественно связан с широкими приватизационными программами неоконсервативных правительств, то в конце 1980-х – начале 1990-х гг. прошла мощная волна слияний и поглощений на международном рынке. В результате, крупнейшие транснациональные кампании, составляющие менее 1 % от общего числа, сосредоточили под своим контролем более 50 % прямых зарубежных инвестиций.

Укрепление экономических позиций крупного корпоративного капитала сочетается с его структурной перестройкой, сменой их производственной и торговой стратегии. В условиях закрепления инновационного характера экономического развития и все большей диверсификации рынка прямая конкурентная борьба все чаще сменяется сложной специализацией. Это позволяет перейти от стратегии вытеснения конкурентов к взаимной ассимиляции производителей. Как следствие, на смену борьбе за олигополическое господство приходит формирование сложной системы производственно-технологических связей. Под эгидой крупнейших транснациональных корпораций в нее включается большое число предприятий, работающих в

соответствии с требованиями региональных рынков, со своими критериями ценообразования, качества товаров, особенностями маркетинга, формами трудовых отношений и т.п. Формы взаимодействия крупного корпоративного бизнеса с малым и средним предпринимательством различны: от прямого производственного кооперирования (в конце XX в. более 50 % стоимости готовых изделий крупных кампаний формируется за счет поставок комплектующих изделий и услуг малых кампаний) до модернизированных франчайзерских отношений.

Современный франчайзинг существенно отличается от практики 1960–1970-х гг. Если ранее он преимущественно подразумевал продажу лицензий на использование торговой марки фирмы, то в современных условиях превратился в разветвленную систему функциональных взаимосвязей крупных корпораций с тысячами мелких поставщиков, дилеров и дистрибьютеров. Корпорации, выступающие в роли франчайзеров, снабжают «дочерние» фирмы (франчайзи) товарами, технологией, оказывают маркетинговые услуги (в том числе с правом действовать от своего имени), но при этом предписывают формы, сроки и регион действий. Франчайзи, сохраняющие полную юридическую и финансовую самостоятельность, получают возможность соединить выгодные особенности малого маневренного бизнеса с технологической мощью поддерживающих их крупных корпораций. Подобный альянс позволяет значительно уменьшить степень предпринимательских рисков в условиях быстроменяющейся рыночной конъюнктуры. По расчетам Международной ассоциации франчайзеров, в начале XXI в. масштабы таких операций охватили половину реализуемой на мировом рынке продукции.

Наиболее важным аспектом сотрудничества крупного корпоративного и малого бизнеса является сфера инноваций. Партнером корпораций в этой сфере являются прежде всего инжиниринговые фирмы. Они осуществляют оценку коммерческой конъюнктуры и вероятной значимости проектов, технологическое прогнозирование инновационных идей, оказывают услуги и консультирование в процессе их промышленного внедрения, выполняют маркетинговую доработку нововведений. Важность инжиниринговых услуг для крупных корпораций заключается в обеспечении широкого и свободного поиска новых сфер вложения капитала, не совпадающих с общей ориентацией базового производства. Для тех же целей внутри крупных корпораций могут создаваться и «дочерние» венчурные фирмы. Таким венчурам предоставляется юридическая и бюджетная самостоятельность, но они широко используют оборудование, технологические мощности «материнской кампании», ее маркетинговые системы и каналы сбыта продукции. Кроме того, в системе крупного инновационного бизнеса могут быть задействованы и специализированные фирмы-виоленты – фирмы с «силовой» стратегией внедрения инновационной технологии и продукции. Они обеспечивают массивный выпуск новой продукции, ориентированной на средние запросы к качеству и средний уровень цен.

Включение в сферу инновационных процессов, современные особенности глобализации мирового производства, диверсификация рынка сбыта предопределили не только укрепление связей крупного корпоративного бизнеса с малым предпринимательством, но и его собственную организационно-структурную перестройку. С 1980–1990-х гг. произошел постепенный отказ от преобладавшей ранее конгломеративной формы. Конгломераты, с характерной для них максимальной автономией внутренних подразделений и их широкой производственной специализацией, оказались очень эффектив-

ны в условиях структурного экономического кризиса. Но они не смогли обеспечить ускоренное и целенаправленное развитие наиболее перспективных форм производства, уступили концернам в способности сосредоточивать финансовые и научно-промышленные ресурсы. Возникла необходимость выработки смешанной организационной модели, способной соединить наиболее эффективные особенности конгломератов и концернов. Решением этой проблемы стал переход к сетевой корпоративной структуре.

Сетевая модель корпорации, подобно конгломератам, основывается на преобладании горизонтальных связей. Разделение труда в такой системе не регулируется жесткой административной иерархией и сохраняет значительную вариативность. Но, в отличие от мультидивизиональной структуры, во взаимоотношениях внутренних подразделений корпорации не действует рыночный принцип. Напротив, обеспечивается тесная координация и кооперация их действий. Это позволяет, при сохранении производственной культуры и рыночной специфики каждого подразделения, обеспечить единство стратегических целей их деятельности. На смену отраслевому многообразию подразделений корпорации приходит их специализация на определенных этапах единого технологического процесса, операциях по концептуальной разработке продукта, производстве комплектующих и сборке, маркетинге, сбыте. Гибкость рыночной стратегии корпорации достигается в этом случае не прорывом на новые отраслевые рынки, а растущим многообразием ассортимента базовой продукции, ее моделей и модификаций, уровня качества и сервисного обслуживания.

Переход к сетевой модели корпорации осуществлялся различными путями. В некоторых случаях он происходил на основе естественно сложившихся кооперативных отношений «поставщик – потребитель» (в том числе в рамках франчайзинга) с дальнейшей интеграцией отдельных звеньев в общую корпоративную систему. Более распространенный способ – эволюция внутренней структуры уже существующих корпораций, увеличение уровня финансовой, производственной, научно-исследовательской активности всех филиалов и дочерних фирм в сочетании с растущей интеграцией их деятельности.

Распространение сетевой модели корпоративного бизнеса привело к возрождению уже известной практики образования консорциумов. Консорциум (лат. «consortium» – участие) является временным объединением компаний, банков на основе общего соглашения. Еще на рубеже XIX–XX вв. консорциумы активно использовались для освоения колониальных рынков сбыта и создания транспортной инфраструктуры в труднодоступных регионах. В середине XX в. консорциумы широко распространились в банковской сфере и служили для совместного размещения займов. Особенностью современных консорциумов стала их ориентация на осуществление капиталоемких и наукоемких проектов, как правило, связанных с развитием техники и внедрением новой технологии. На временной основе в таких проектах принимают участие самые разнообразные компании и финансово-промышленные группы, предприятия и фирмы различного масштаба и специализации. Это обеспечивает консорциумам необходимую финансовую и технологическую базу, но не ведет к необходимости организационного слияния.

Итак, при сохранении специфики крупного и малого бизнеса в современных условиях происходит их интеграция в единое инновационное экономическое пространство. Постепенно формируются и общие для них принципы менеджмента и маркетинга. Ключевым фактором в модернизации этих

аспектов предпринимательства являются новые требования к психологической ориентации работников, уровню их мотивации. Способность к проявлению инициативы, творческий подход к делу, гибкая реакция на производственные ситуации и выбор адекватной линии поведения в них становятся важнейшими критериями профессионализма. Как следствие, современные концепции менеджмента все больше ориентируются не на централизованное управление процессом труда, а на развитие всего мотивационного комплекса личности. Первый шаг в этом направлении сделали еще в 1970-х гг. представители «поведенческой школы» менеджмента Д. Мак-Грегор, А. Маслоу, Ф. Херцберг, Р. Лайкерт. Вслед за Мейо и другими теоретиками «человеческих отношений на производстве», они обратили особое внимание на проблемы личностной мотивации работника, поощрения сотрудничества и трудовой морали. Но, в отличие от предшествующих традиций, новое поколение исследователей отказалось видеть в человеке лишь объект рационализированной системы управления. Залог повышения эффективности производства заключается, по их мнению, не в усилении положительной мотивации работника к выполняемым производственным функциям, а в обеспечении стремления человека активно влиять на само производство, искать в труде источник самодовлечения, способ самореализации.

Американский психолог и менеджер Дуглас Мак-Грегор отмечал, что изменение принципов менеджмента связано с новейшими тенденциями в развитии самого производства – ростом его наукоемкости, развитием коммуникационных процессов, растущей дифференциацией потребительского спроса. В этих условиях человеческий потенциал становится частью основного капитала. Задачей управления поэтому является не только эффективная организация производственного процесса, но и перспективное развитие «человеческого капитала». В отличие от обычной рекреации трудовых ресурсов, развитие «человеческого капитала» предполагает комплексное удовлетворение физиологических, социальных и мировоззренческих потребностей людей. Фредерик Херцберг, автор «мотивационно-гигиенической теории», доказывал даже принципиальную разницу между «внешними» (или «гигиеническими») условиями труда и моральными стимулами к работе. Заработная плата, санитарное состояние помещения, физическое состояние во время процесса труда и другие «внешние» факторы, по мысли Херцберга, способны обеспечить лишь нормальный ход работы, сформировать положительную, но в сущности пассивную мотивацию работника. Активная мотивация должна опираться прежде всего на моральные стимулы – создание на производстве условий для интеллектуального творчества, индивидуализированный подход к использованию личного потенциала каждого работника, повышение ответственности в сочетании с ростом свободы решений, развитие системы участия специалистов различного профиля и уровня в консультациях и совещаниях, внедрение элементов самоуправления, переход от системы аттестации и оценки работников к их планомерному переобучению, комплексному повышению квалификации. Все это придает работнику функции менеджера в отношении собственного труда, а задачей профессиональных управленцев становится не внешний контроль, а полноправное партнерство.

Активизация «человеческого фактора» отразилась и эволюции маркетинговой политики. Еще в 1960-х гг. начался переход к «целевому» маркетингу, ориентированному на последовательную диверсификацию рынка и разработку особых маркетинговых программ для каждого из рыночных сегментов.

Подобная стратегия оказалась вполне эффективной и в современных условиях. Для завоевания прочных позиций на рынке предприниматели обязаны еще при разработке продукции тщательно изучить наличие и динамику спроса, в том числе по основным группам потребителей и различным регионам, исходя из этой информации спланировать процесс производства, определить категории товаров по уровню качества и себестоимости.

«Информационная революция» привела к укреплению взаимосвязи маркетинговой деятельности с научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими разработками. Разработка долговременной стратегии на рынке осуществляется в качестве опережающего заказа для производства, и, напротив, перспективные технологические идеи внедряются в маркетинговые программы еще на стадии их доработки и экспериментального апробирования. Таким образом, маркетинговая деятельность становится важным элементом всего инновационного механизма экономического развития.

Использование информационных технологий в маркетинговой деятельности позволяет перейти и к реальному диалогу с потребителем. Реклама становится не только средством мобилизации спроса, но и активным фактором его формирования. На смену диверсифицированному рынку, отражающему социальную структуру общества и существующие потребительские модели, постепенно приходит «рынок покупателя». Это целостная социокультурная среда, в которой потребление рассматривается как важный элемент саморазвития личности человека, а в структуре потребления все большую роль играют нематериальные факторы.

Проблемы экономического развития в условиях глобализации. Широкое развитие прямых транснациональных производственных связей и складывание международного финансового рынка началось уже на рубеже XIX–XX вв. Объем промышленной продукции в структуре мирохозяйственного обмена в этот период начал превышать поставки сырья, а движение капиталов стало преобладать над вывозом товаров. Внешнеэкономическая деятельность превращалась во все более важный компонент производства. В середине XX в. сложилась уже целостная система международных экономических отношений. Ключевую роль в этом процессе сыграла научно-техническая революция. Именно в рамках мирового хозяйства возник достаточно емкий потребительский рынок, отвечающий темпам экономического роста эпохи НТР. В структуре мирового товарообмена все более заметное место занимала продукция электротехнической, химической промышленности, транспортного машиностроения, средства электронной коммуникации. Разработка и внедрение новейших технологий требовали международной производственной кооперации. Быстрое повышение энергоемкости производства обусловило и создание прочного международного рынка энергоносителей.

Рост общей нормы капиталовложений, связанный со спецификой наукоемкого производства в эпоху НТР, способствовал быстрому развитию мирового инвестиционного рынка. Лидирующие позиции на нем неизменно удерживали США. Если в довоенные годы удельный вес американских инвестиций в общей сумме зарубежных капиталовложений составлял 1/5, то в 1950-х гг. – уже 1/2. Быстро рос и суммарный объем американских капиталовложений. В 1950 г. он составлял 54,4 млрд долл., в 1960 г. – 85,6 млрд долл., в 1970 г. – 165,4 млрд долл. В то же время происходило наращивание объема иностранных капиталовложений и в самой американс-

кой экономике – за период 1950–1970 гг. этот показатель в среднем увеличился в 2 раза за каждые 10 лет. Таким образом экономика США упрочивала свою лидирующую роль в рамках мирового хозяйства, но одновременно приобретала все более интернационализированные черты.

Важной особенностью развития мирового инвестиционного рынка также стало активное включение в него крупнейших монополий. Вплоть до биржевого краха 1929 г. ключевую роль здесь играли специализированные инвестиционные кампании, возникшие еще в середине XIX в. Они не были тесно связаны с производственными функциями и широко использовали практику трастовых соглашений – передачи доверительных функций по дальнейшему управлению объектами капиталовложений. Понеся огромные потери в результате структурного кризиса 1930-х гг., трастовые кампании уступили место мощным промышленно-финансовым группам, рассматривающим инвестиционную деятельность как средство прямой конкурентной борьбы на мировом рынке. Зарубежные капиталовложения таких кампаний становились дополнением к товарной экспансии и важной гарантией их господства на новых рынках. Гасширился и арсенал методов инвестирования. Помимо «портфельных» инвестиций, не дававших инвестору ни решающей доли собственности в зарубежных предприятиях, ни права контроля над их деятельностью, стало широко распространяться «прямое» инвестирование. Такой метод позволял инвесторам получить полный контроль над принципами рыночной стратегии зарубежных предприятий, развитием их технологической базы и политикой в области трудовых отношений. Тенденция повышения удельного веса «прямых» зарубежных инвестиций сохранялась на протяжении всего XX в. Если до Первой мировой войны на «прямые» капиталовложения приходилось 10 %, в межвоенный период – 25 %, то к началу 1990-х гг. – уже около 80 %. В конце XX в. быстро увеличивался и общий объем заграничных капиталовложений. В 1980 г. этот показатель составил 450 млрд долл., в 1990 г. – 1,7 трлн долл., а в 1997 г. был перейден рубеж в 3 трлн долл.

Преобладание «прямых» зарубежных капиталовложений над «портфельными» создало особый тип монополий – транснациональные корпорации (ТНК). Современное понятие транснациональной корпорации было определено в 1974 г. при образовании особой комиссии по ТНК при Экономическом и Социальном Совете ООН. В соответствии с выработанным тогда «Кодексом поведения ТНК» под такой корпорацией подразумевалось предприятие, имеющее дочерние кампании в других странах (не менее 25 % продаж, активов, прибыли, занятых) с согласованной единой политикой и общей финансовой структурой. К середине 1970-х гг. в мире насчитывалось уже свыше 11 тыс. ТНК, обладавших около 150 млрд долл. зарубежных инвестиций. На их долю приходилось 2/5 общего объема промышленного производства стран Запада, 60 % внешней торговли, 80 % технологических разработок. В конце 1990-х гг. из 3 трлн долл. заграничных капиталовложений 2,7 трлн долл. обеспечивалось производственными и финансовыми структурами транснациональных корпораций. 2/3 этой суммы приходилось на 100 крупнейших ТНК, каждая третья из которых была американской.

Помимо частного транснационального капитала, огромную роль в интернационализации экономики сыграли и государственные структуры, а также специализированные межгосударственные организации. Уже в 1944 г. под эгидой ООН были созданы две ведущие межгосударственные финансово-кредитные организации – Международный банк реконструкции и разви-

тия (МБРР) и Международный валютный фонд (МВФ). Деятельность МБРР была ориентирована на содействие структурной реконструкции экономики развивающихся стран, в том числе конверсии военного производства, развитию наиболее рентабельных и наукоемких отраслей, увеличению доли производства товаров народного потребления, созданию благоприятного инвестиционного климата. Уставной капитал МБРР образовывался путем покупки акций банка членами этой организации. Кредиты МБРР (как правило, долгосрочные) были достаточно дорогими и предоставлялись только платежеспособным заемщикам. В 1956 г. для финансирования развития частного сектора в развивающихся странах была создана специализированная организация – Международная финансовая корпорация (МФК), действующая на основе собственных финансовых фондов. В 1960 г. с созданием Международной ассоциации развития (МАР), осуществляющей инвестиционную поддержку наиболее бедных стран на основе сверхдолгосрочных и беспроцентных кредитов, была окончательно сформирована так называемая Группа Всемирного банка (МБРР, МФК, МАР).

Деятельность МВФ носила более специализированный характер. Она была связана с политикой стабилизации мирового валютно-финансового рынка, обеспечением режима конвертируемости валют и свободы платежей по текущим курсам. Основным средством решения этих задач стало предоставление различным странам среднесрочных коммерческих кредитов при условии обязательного заключения ими особого договора с МВФ (так называемого «Письма о намерениях»). В таких договорах должны были быть четко определены цели и характер реформ, для обеспечения которых страна-заемщик могла бы получить кредит МВФ. Сам МВФ начал осуществлять постоянный мониторинг социально-экономического и политического развития различных стран и регионов, что превратило его в важный институт скоординированной политики западных держав на мировом рынке. С начала 1960-х гг. окончательно сформировалась «группа десяти» (США, ФРГ, Великобритания, Франция, Италия, Япония, Бельгия, Нидерланды, Канада, Швеция) – блок стран, оказывающих решающее влияние на определение стратегических целей деятельности МВФ и мобилизацию финансовых ресурсов фонда.

Модернизация мирового валютно-финансового рынка приобрела особую значимость в условиях становления «государства благосостояния» и широкого применения кейнсианских методов экономического регулирования. Как указывалось выше, Парижская валютная система, основанная на золотомонетном стандарте, сменилась в начале 1920-х гг. более гибкой Генуэзской золотодивизной системой. Но «золотой стандарт» в любой его модификации жестко ограничивал возможность эмиссии, ставил ее в зависимость от объемов естественной добычи золота и, тем самым, осложнял активную кредитно-денежную политику государства. В начале 1930-х гг. мировая валютная система оказалась в состоянии кризиса. Неудачей завершилась Всемирная экономическая конференция в Лондоне, организованная летом 1933 г. Ее участникам не удалось выработать единую позицию по вопросам согласованной валютной политики. США отказались от каких-либо гарантий по поддержке стабильного курса доллара, но сохранили практику обмена банкнот на золото. В европейских странах свободный обмен бумажных денег на золото, напротив, стал предельно ограничиваться и накануне Второй мировой войны был практически приостановлен. В то же время Франция, Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Швейцария и Ита-

лия официально декларировали свою готовность сохранять фиксированные курсы национальных валют, основанные на золотом паритете. В годы войны этот «золотой блок» распался, а экономика европейских стран оказалась подвержена сильнейшим инфляционным процессам. Угроза дальнейшей дезорганизации международного финансового рынка и нарастания неконтролируемых инфляционных процессов требовала создания обновленной валютной системы.

В 1944 г. в Бреттон-Вудсе (США) состоялась конференция, посвященная проблемам стабилизации международного финансово-валютного рынка. Ввод новой системы, получившей название Бреттон-Вудской, представлял собой попытку сохранить эффективные стороны «золотого стандарта», но расширить возможности валютного регулирования. Конференция утвердила двойную схему поведения стран-участников, предусматривавшую возможность установления для валюты фиксированного паритета по отношению к золоту как непосредственно (с учетом собственных золотых запасов), так и через другую «твердую» валюту. В любом случае национальные валюты включались в жесткую международную систему фиксированных паритетов, в которой пределы колебания курса валют были установлены в размере 1 % (с 1959 г. границы колебаний были расширены до 2 %, с 1971 г. – до 2,25 %). На МВФ возлагались обязанности по контролю над стабильностью финансового рынка. В частности, предусматривался обязательный порядок консультаций с МВФ правительств, готовящих девальвацию национальной валюты. МВФ также должен был способствовать обеспечению свободной конвертируемости валют.

В условиях послевоенной конъюнктуры только США оказались способны установить фиксированный паритет национальной валюты к золотому запасу (35 долл. за унцию). Остальные страны, подписавшие Бреттон-Вудское соглашение, зафиксировали курсы своих валют в долларах и обеспечивали их конвертируемость через долларовые резервы центральных банков. Помимо доллара в качестве резервных валют международных расчетов использовались также фунт стерлингов и франк. Но этот механизм действовал только в странах, вошедших в состав так называемых стерлинговой зоны и зоны франка (главным образом, бывших колониях Великобритании и Франции).

На рубеже 1960–1970-х гг., на фоне развертывания инфляционных процессов и нарастающего кризиса всей индустриальной системы производства, механизм международного валютно-финансового регулирования вновь претерпел радикальные изменения. В декабре 1971 г. под эгидой МВФ было заключено «Смитсоновское соглашение», согласно которому пересматривалось прежнее соотношение национальных валют, в том числе впервые после 1934 г. девальвирован доллар. Был смягчен порядок изменения паритетов национальных валют, легализована практика «двойного валютного рынка», впервые апробированная во Франции (стабилизация «коммерческого курса» национальной валюты через ее золотое содержание и систему валютных паритетов при одновременном вводе «плавающего» курса валюты на внутреннем рынке). Сложная система расчетов, возникающая в таком случае, не могла способствовать стабилизации валютно-финансового рынка. Участники «Смитсоновского соглашения» приняли решение о подготовке крупномасштабной реформы, призванной заменить Бреттон-Вудскую систему. Однако дальнейшее развитие мирового экономического кризиса значительно осложнило эту задачу. В период «нефтяного шока»

1973 г. «Смитсоновское соглашение» было фактически ликвидировано. «Плавание» валют превратилось в постоянную практику. Окончательный отказ от жестких паритетов валютных курсов был провозглашен решением Временного комитета МВФ в октябре 1974 г. В последующие пять лет амплитуда колебания валютных курсов выросла до 20 %. Начался период глобальной либерализации мирового финансового рынка.

На конференции в Кингстоне (Ямайка) в январе 1976 г. было объявлено о создании новой международной валютной системы. Соответствующие поправки к уставу МВФ вступили в силу 1 апреля 1978 г. Основой Ямайской валютной системы стал официальный отказ от золотого стандарта в любых его формах. Членам МВФ не только не рекомендовалось, но и запрещалось использовать золото в качестве эквивалента стоимостного содержания национальных валют. Произошла полная либерализация мирового рынка золота (ранее существовал жесткий международный и государственный контроль над объемом продаж и уровнем цен на золото). Многие страны последовали примеру МВФ, продавшего за период 1976–1980 гг. треть своих золотых запасов (около 1560 т). Так, например, США в 1978–1979 гг. продали на мировом рынке до 500 т золота. К началу 1980-х гг. доля золота в общем объеме государственных ликвидных запасов ведущих стран Запада сократилась с 40 до 3 %.

Решительные меры по демонтажу золотовалютного стандарта сочетались со стремлением создателей Ямайской системы ввести централизованный механизм «управляемой» наднациональной валюты. В качестве его основы была использована созданная еще в 1969 г. система «специальных прав заимствования» (СДР) – международных кредитных резервов, находящихся под коллективным управлением. Ямайские соглашения ликвидировали зависимость СДР от курса стоимости золота и ввели их привязку к «стандартной корзине» – суммарному курсу ведущих национальных валют (он определялся по курсу пяти валют: американский доллар – 39 %, немецкая марка – 21 %, японская иена – 18 %, французский франк – 11 %, английский фунт стерлингов – 11 %). Однако попытки превратить СДР в главное средство международных расчетов не удалось. Общая доля СДР в национальных валютных резервах, достигавшая в 1975 г. 5,5 %, в последующие годы не только не увеличилась, но и снизилась до уровня менее 2 %.

Ликвидация «золотого стандарта» и провал попыток перейти к интернациональной валютной расчетной единице усилили позиции доллара и других резервных валют на финансовом рынке – их мировые запасы выросли с 45,3 млрд долл. в 1970 г. до 1417,1 млрд долл. в 1996 г. (что обеспечило с учетом инфляции рост их доли в мировых ликвидных резервах с 47 до 77 %). Долларизация мировой экономики способствовала дальнейшему укреплению системы «свободного плавания» валют. К середине 1990-х гг. сложилась ситуация, когда из 181 страны-участницы МВФ фиксированные курсы национальных валют сохранились только в 66 странах, в том числе в 44 странах они были жестко привязаны к какой-либо другой валюте (в 21 стране к доллару, в 14 странах к французскому франку), а в 22 странах – к составной «валютной корзине» (но из них СДР использовали лишь три страны – Ливия, Мьянма и Сейшельские острова). В большинстве стран-участниц МВФ были установлены «плавающие» курсы валют, определяемые на коммерческих основаниях. Основной же расчетной единицей остался американский доллар. Только за период после 1988 г. за пределы США было вывезено более 100 млрд долл. наличными. По оценкам амери-

канских экспертов, к середине 1990-х гг. уже примерно 2/3 100-долларовых купюр и 1/2 50-долларовых находилось за границей.

Либерализация валютно-денежной политики и переход к коммерческому определению курсов национальных валют привели к превращению валютного рынка в сферу специализированного бизнеса. В 1990-х гг. по объему операций валютный рынок уже существенно превзошел рынок облигаций и акций. Ежедневный объем сделок на нем составлял 1,2–1,4 трлн долл., тогда как по облигационным займам – 500–700 млрд долл., а по акциям – 100–150 млрд долл. Не столь быстро, но устойчиво возрастала роль ссудных капиталов. В структуре экспорта капитала доля облигаций выросла с 10 % в середине 1970-х гг. до 40 % в середине 1990-х гг., доля акций – соответственно с 5 до 35 %. Суммарный объем рынка акционерного капитала только за первую половину 1990-х гг. увеличился в 2 раза и превысил рубеж в 20 трлн долл.

Необычайная активизация международных валютно-финансовых операций связана с рядом факторов. Во-первых, сказывается огромная емкость внутренних фондовых рынков новых индустриальных стран и стран с переходной экономикой, повышение общей капиталоемкости производства, развитие межотраслевой и региональной инфраструктуры. Прямые транснациональные капиталовложения уже не могут обеспечить достаточный приток средств для удовлетворения всех этих потребностей, да и не всегда являются достаточно гибким средством в обслуживании структурной перестройки экономики. Во-вторых, мощным стимулом развития международной валютно-финансовой системы является проблема бюджетных дефицитов, необходимость привлечения государствами дополнительных средств для обслуживания внутреннего и внешнего долга. В-третьих, корпоративные инвесторы (пенсионные и страховые фонды, финансовые кампании), специализирующиеся на выпуске ценных бумаг, активно вытесняют с международного фондового рынка банковский капитал. В-четвертых, благодаря внедрению современных электронных технологий, средств коммуникации и информатизации создается принципиально новая инфраструктура рынка капиталов, предельно расширяющая возможности для операций глобального масштаба.

Либерализация валютно-финансового рынка способствовала значительному снижению издержек при транснациональном движении капиталов. Этот фактор сыграл очень важную роль в преодолении последствий структурного кризиса 1970-х гг. и формировании инновационного механизма экономического роста. Однако он же превратился в источник новых кризисных явлений. В условиях свободного «плавания» валют и мгновенных перемещений капиталов в рамках электронного фондового рынка мировая финансовая система оказалась в зависимости от разнообразных неэкономических рисков. Резкие колебания процентных ставок и валютных курсов все чаще стали происходить под влиянием тех или иных политических событий, обнародования аналитических прогнозов с разной степенью достоверности, целенаправленных «вбросов» коммерческой информации. Порожденные этими явлениями массированные передвижения капиталов, вплоть до панического «бегства» из тех или иных регионов или отраслей, влекли за собой скачкообразные и непрогнозируемые изменения рыночной конъюнктуры.

Со временем стало обнаруживаться нарастающее несоответствие между масштабами развития «реальной экономики» и международной финансовой системы. Либерализация валютных потоков, гигантский импорт капиталов для финансирования бюджетных дефицитов, спекуляции недвижимостью

в период «приватизационной горячки», спекулятивная игра на курсах ценных бумаг в системах электронных торгов создали «ножницы» между производственными показателями и их финансовыми значениями. Если в 1990 г. в денежные спекуляции было вовлечено 600 млрд долл. ежедневно, то в 1996 г. уже 1 трлн долл., что в 29–30 раз превышало стоимость продаваемых товаров вместе с услугами. К концу 1990-х гг. на каждый доллар, обращающийся в мировой «реальной» экономике, приходилось 20–50 долл. в финансовой сфере. Таким образом, мировая финансовая система превращалась в поле для раздутых спекулятивных сделок с ценными бумагами. Феликс Рогатин, экономический советник президента Клинтона, так охарактеризовал итоги этого губительного процесса: «Завершилось десятилетие величайшей с 20-х гг. спекуляции и финансовой безответственности. Разброд финансов, легкость получения кредитов, отказ от регулирования вкупе с деградацией нашей системы ценностей создали религию денег и внешнего блеска... Маги-финансисты превратили весь мир в гигантское казино».

Первым сигналом, свидетельствующим о взрывоопасности мирового финансового рынка, стал «черный понедельник» 19 октября 1987 г. В этот день на Нью-Йоркской бирже произошло резкое снижение индекса Доу-Джонса на 25 %. Это падение курса котировки акций ведущих промышленных компаний стало особенно опасным, поскольку на протяжении предыдущих полутора недель уже постепенно снизилось на 30 %. Но, по мнению экспертов, крах рынка акций впервые не был связан с реальными производственными показателями. Поводом к нему стали сложные маневры американской администрации на международной арене, связанные с попытками давления на Японию и европейские страны. Вскоре ситуация на фондовом рынке США стабилизировалась, но возможность подобных потрясений лишь нарастала.

В конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. распад социалистической системы и последовавшая за ним перестройка мирового экономического пространства чрезвычайно активизировали валютно-финансовый и инвестиционный рынок, но при этом сделали его еще более уязвимым. Развязка наступила в октябре 1997 г., когда в Гонконге произошло резкое падение акций высокотехнологических компаний. В считанные дни кризис распространился на фондовые рынки всех новых индустриальных стран АТР. Стало очевидным, что за высокими темпами роста «азиатских тигров» скрываются структурные дисбалансы в развитии финансовых систем этих стран, их оторванность от «реального», производящего сектора экономики, чрезмерная зависимость от политических факторов, коррумпированность, относительная перенасыщенность рынка ссудного капитала и его спекулятивный характер. В условиях тесной взаимосвязи мировых фондовых рынков «азиатский кризис» обернулся потрясениями и в других странах. Новый «черный понедельник» 29 октября 1997 г. ознаменовался самым крупным однодневным падением индекса Доу-Джонса на Нью-Йоркской бирже. Сильное падение акций произошло на крупнейших европейских фондовых биржах – в Лондоне и Франкфурте-на-Майне. Лихорадка на фондовых рынках сопровождалась скачками валютных курсов, оттоком капиталов из зон рискованного бизнеса, сворачиванием деятельности международных трастовых и холдинговых компаний. В 1998 г. глубокий финансовый кризис разразился в России.

События второй половины 1990-х гг. подвели черту под спекулятивным инвестиционным бумом и наглядно показали угрозу «перегрева» мировой экономики. Однако возврат к международному регулированию валют-

но-финансовых операций представляется маловероятным. Те международные организации, которые призваны решать эту проблему (МВФ, МБРР), сами оказались в состоянии острого кризиса. Их фонды остаются слишком незначительными по сравнению с выросшими финансовыми потоками и дефицитами платежных балансов. Основными заемщиками международных финансовых организаций стали развивающиеся страны и страны с переходной экономикой. С учетом обострения проблемы неплатежей МВФ и МБРР все чаще вынуждены использовать такие методы, как списание части задолженности, реструктуризация долгов, что еще больше усугубляет сложное финансовое положение этих организаций. К тому же практически все ведущие страны Запада решительно выступают против создания каких-либо барьеров на пути финансовых потоков. Ставка по-прежнему делается на либеральный характер мировой экономики, который позволяет обеспечивать беспрецедентные масштабы международной торговли.

Развитие мировой торговли является одним из важнейших факторов процесса глобализации. После сильного спада в период структурного экономического кризиса мировой экспорт только на протяжении 1980-х гг. увеличился на 2/3. К 1999 гг. он превысил показатели конца 1970-х гг. уже в 2 раза, а средние ежегодные темпы прироста составили 6–8 %, что не уступает «золотому десятилетию» 1960-х гг. Помимо наращивания объемов мировой торговли произошла ее структурная перестройка. На протяжении двух последних десятилетий удельный вес сырья в мировой торговле снизился почти втрое. Основную роль в этом сыграло падение объемов продажи нефти, на которую в начале 1980-х гг. приходилось примерно треть стоимости всего мирового товарооборота. Сократился, хотя и не так значительно, удельный вес других видов сырьевых товаров, а также продовольствия. Доля изделий обрабатывающей промышленности в это время, напротив, значительно выросла и достигла 80 %. На первое место среди экспортируемых товаров в стоимостном отношении вышла компьютерная техника и ее программное обеспечение (11 %).

Необычайно широкой стала номенклатура экспортируемых товаров. Продукция производственного и потребительского назначения, представленная в конце 1990-х гг. на мировом рынке, насчитывала свыше 20 млн видов. Причем эта статистика не учитывала огромное количество промежуточных форм изделий и полуфабрикатов, на поставки которых приходилось не менее 1/3 всего импорта. Еще одной особенностью развития мирового товарообмена стало увеличение роли экспорта и импорта услуг (так называемого «невидимого экспорта»). Если в начале 1970-х гг. эта часть экспорта составляла 80 млрд долл. в год, то к середине 1990-х гг. она превысила 1 трлн долл. Наряду с традиционными видами услуг (транспорт, туризм, доходы от рекламы, торговое посредничество, услуги здравоохранения и образования) ускоренными темпами развивался экспорт ноу-хау, банковских и страховых услуг, патентов и лицензий, услуг, связанных с применением научно-технических достижений.

Задача по либерализации системы международной торговли впервые была поставлена еще в конце 1940-х гг. Для ее решения в 1948 г. под эгидой ООН была создана специальная организация – Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ). В системе ГАТТ приняли участие 128 стран мира, поставивших своей целью ликвидацию дискриминационной торговли (распространение «режима наибольшего благоприятствования»), упорядочение таможенных пошлин, поощрение справедливой конкуренции и регио-

нальных торговых соглашений, обеспечение льготного торгового режима для развивающихся стран.

Новый этап в развитии ГАТТ начался, после того как в рамках Токийского раунда переговоров (1973–1979 гг.) было достигнуто соглашение о механизмах согласованного снижения таможенных тарифов. В соответствии с ним ГАТТ отказалась от прежней практики навязывания странам, входившим в состав организации, односторонних мер по либерализации таможенного законодательства. Снижение тарифов стало осуществляться по мере адекватного расширения экспортно-импортных квот. Таким образом, бюджетные потери от ликвидации протекционистских таможенных барьеров стали компенсироваться доходами от роста товарообмена. Подобная политика позволила уменьшить среднюю величину таможенного налогообложения до 4,7 % для развитых стран и до 7,1 % для развивающихся. Что еще более важно, новая система согласованного снижения таможенных тарифов стала стимулом для развития конкурентоспособного производства и углублению международного разделения труда.

В ходе Гокийского раунда удалось также достичь соглашения о расширении контролируемых функций ГАТТ в области нетарифных таможенных барьеров (государственные субсидии, лицензирование, государственные заказы). Более жесткая линия стала проводиться в рамках антидемпинговой политики. Страна, доказавшая факт поставок импортных товаров по демпинговым ценам, могла вводить карательные дополнительные пошлины, нейтрализующие разницу с «нормальной ценой». Проблемы дальнейшей перестройки его организационной структуры стали предметом обсуждения на Уругвайском раунде ГАТТ (1986–1994). Участники его перенесли акцент с задач по снижению общего уровня пошлин на либерализацию товарообмена в конкретных отраслях и по отдельным видам товаров. В сферу регулирования ГАТТ впервые был включен экспорт услуг. В результате этих усилий ко второй половине 1990-х гг. произошло суммарное снижение пошлин до 3 %. Более 40 % мирового промышленного импорта было вообще освобождено от таможенных пошлин.

В 1995 г. в соответствии с решениями Уругвайского раунда на базе ГАТТ была образована ее правопреемница – Всемирная торговая организация (ВТО). В отличие от ГАТТ, косвенно связанной с системой ООН, ВТО стала полностью автономной международной организацией со сложной внутренней структурой. В ее состав вступили 130 государств, обеспечивающих свыше 90 % мирового товарообмена. Стратегической задачей ВТО было объявлено поэтапное создание многосторонней системы регулирования мировой торговли. Важным достижением переговорного процесса под эгидой ВТО в 1996–1997 гг. стало заключение двух соглашений о либерализации рынка телекоммуникаций и информационных технологий (СИТ) и либерализации рынка финансовых услуг (СФУ). СИТ, вступившее в силу в 1998 г., обеспечивает снижение торговых тарифов на информационные товары более 300 именованных на 90 %. СФУ, действующее с 1999 г., предусматривает смягчение протекционистских барьеров в банковской и страховой сферах. В то же время ВТО постепенно отказывается от жесткой линии на либерализацию мировой торговли. Более эффективным признан переход от тотального снижения тарифов к системе «увязок» – сочетанию либеральных и протекционистских мер, призванному сбалансировать национальные, региональные и интернациональные экономические интересы. Предполагается, что сни-

жение тарифов на определенные виды товаров может быть основанием для протекционистского ограничения импорта других товаров в интересах отечественных производителей.

Корректировка экономической стратегии ВТО является показательной. Стремительное нарастание экспорта иностранных товаров и капитала вызывает тревогу во многих странах. Даже в ведущих индустриальных странах периодически усиливаются требования к вводу протекционистских защитных мер. Протест против наиболее радикальных решений ВТО стал лейтмотивом массовых выступлений антиглобалистов. Одновременно участились и вспышки торговых войн, ввода государствами дискриминационных торговых барьеров, вовлечение государственных структур в ожесточенную конкуренцию «своих» и «чужих» кампаний на внутренних национальных рынках. Все эти процессы показывают растущую неравномерность экономического развития в условиях глобализации.

Важным фактором, позволяющим сгладить противоречия глобальной экономической системы, является региональная интеграция. К концу XX в. сформировалось уже более 80 региональных торговых и экономических организаций. Первым и наиболее значимым опытом создания интеграционного межгосударственного объединения стала система Европейских Сообществ, созданная на протяжении 1950-х гг. и преобразованная в 1992 г. в Европейский Союз.

В Латинской Америке первым интеграционным объединением стала Организация американских государств (ОАГ), образованная в 1948 г. Новую динамику региональному экономическому и социальному сотрудничеству придало создание Андской группы, а также экономических зон КАРИКОМ и МЕРСОКУР. В состав Андской группы (Андского пакта) в 1969 г. вошли Боливия, Венесуэла, Колумбия, Перу и Эквадор. Целями этой организации были провозглашены ускорение экономического роста, создание стабильного рынка труда, уменьшение зависимости от внешнего влияния, а в перспективе – создание латиноамериканского общего рынка. Карибское Сообщество было образовано в 1973 г. при участии 13 государств. Тогда же этими странами было заключено и соглашение о создании Карибского общего рынка (КАРИКОМ). В 1993 г. четыре крупнейших латиноамериканских государства – Бразилия, Аргентина, Уругвай и Парагвай – подписали договор об образовании зоны свободной торговли МЕРСОКУР. На ее участников приходится 50 % ВВП Латинской Америки, 46 % населения и 58 % территории континента, 33 % внешнеторгового оборота.

В 1990-х гг. процесс интеграции охватил и Северную Америку. В 1992 г. США, Канада и Мексика подписали соглашение о создании Североамериканской ассоциации свободной торговли (НАФТА). В силу оно вступило 1 января 1994 г. В рамках этого объединения происходит постепенное снижение тарифных барьеров и других ограничений для экспортно-импортных операций. В перспективе предполагается переход к свободному движению товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. Но при этом сохраняются жесткие ограничения на торговлю некоторыми видами товаров легкой промышленности и на передвижение неквалифицированной рабочей силы. Учредительный договор НАФТА предусматривает координацию в области защиты интеллектуальной собственности, гармонизации технических и экологических стандартов, а также обязательства по арбитражному разрешению торговых финансовых споров. Но вне сферы интеграции остались вопросы социальной политики, образования, трудовых отношений, образо-

вания и информации. Не созданы в НАФТА и специальные межгосударственные институты.

Достаточно интенсивно развивается интеграция стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Еще в 1967 г. здесь была создана Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В ее состав вошли Бруней, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Таиланд. Договор о создании АСЕАН предусматривал интеграцию экономического, социального, научно-технического и культурного развития. Однако сохранение политических противоречий между странами-учредителями не позволили выполнить эту масштабную программу. Задачи АСЕАН на современном этапе были сформулированы в Договоре о дружбе и сотрудничестве от 1976 г. Ключевыми направлениями региональной интеграции стали ускорение экономического роста, сотрудничество в сельском хозяйстве, промышленности, торговле, транспорте, развитие межгосударственных связей в культурной, научно-технической и административной сферах. К 2008 г. запланировано создание зоны свободной торговли АСЕАН. Большую роль государства АСЕАН отводят развитию отношений с Мьянмой, Камбоджей, Лаосом и Вьетнамом.

Для координации действий всех государств, имеющих экономические интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в 1980 г. была образована Тихоокеанская конференция по экономическому сотрудничеству в АТР. Членами этого форума помимо стран АСЕАН стали Австралия, Гонконг, Канада, Мексика, Новая Зеландия, Папуа-Новая Гвинея, Перу, Республика Корея, Сингапур, Россия, Тайвань, США, Чили, Япония. По инициативе Австралии большинство из этих государств основали в 1989 г. новое региональное интеграционное объединение под названием Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АПЕК). В Сеульской декларации 1992 г. страны АПЕК призвали к смягчению взаимных торговых барьеров, развитию обмена услугами и инвестициями. На Сиэтлском саммите в 1993 г. была поставлена задача поэтапного создания Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества.

Достаточно активно развивался и интеграционный процесс в азиатском регионе. В январе 1992 г. Узбекистан, Туркмения, Кыргызстан, Таджикистан и Казахстан создали Центральное-азиатское региональное содружество (ЦАРС). Главной целью содружества было определено осуществление региональной экономической интеграции «путем формирования общего экономического пространства и создания единого регионального рынка», а также интегрирование стран ЦАРС в трансазиатскую Организацию экономического сотрудничества (ОЭС). Впоследствии, в силу политических причин Туркмения и Таджикистан приостановили активное участие в ЦАРС. Узбекистан, Казахстан и Кыргызстан ведут работу по формированию единого экономического пространства. Организация экономического сотрудничества (ЭКО) была образована в 1985 г. как правопреемница Организации Регионального Сотрудничества, основанной еще в 1977 г. Ираном, Пакистаном и Турцией. В 1992 году к ОЭС присоединилось 7 новых государств – Казахстан, Азербайджан, Афганистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Штаб-квартира ОЭС расположена в Тегеране.

Важную роль в развитии мировой экономической системы стала играть образованная в 1960 г. Организация стран – экспортеров нефти (ОПЕК). В ее состав вошли Венесуэла, Иран, Ирак, Кувейт, Ливия, Саудовская Аравия, а впоследствии Алжир, Габон, Индонезия, Нигерия, Катар и Объединенные Арабские Эмираты. Целями ОПЕК стали коорди-

нация и унификация нефтяной политики государств-членов, определение наиболее эффективных индивидуальных и коллективных средств защиты их экономических интересов, сохранение твердых цен на мировых нефтяных рынках, обеспечение устойчивых доходов стран – производителей нефти и справедливого распределения доходов от инвестиций в нефтяную промышленность.

Многие участники ОПЕК являлись лидерами созданной в 1945 г. Лиги арабских государств (ЛАГ), а 1971 г. выступили инициаторами образования Организации исламской конференции (ОИК). На основе ОПЕК, ЛАГ и ОИК, а также их дочерних организаций (Исламского банка развития, Исламского центра развития торговли, Исламского фонда солидарности) образовалась разветвленная межгосударственная система, координирующая экономические и политические действия арабских стран на мировой арене.

Глава 5

Эволюция социальной структуры западного общества в XX в.

Классовая структура индустриального общества. Западная цивилизация вступила в XX столетие в роли триумфатора, увлекаемая иллюзией «окончательной» победы над природой, ощущением собственной необыкновенной мощи, чувством превосходства над предыдущими поколениями. Однако эта эйфория скрывала несоразмерность растущих технических возможностей человека и его психологических, нравственных потенций, противоречивость рационализации и секуляризации общественного сознания. Идеал раскрепощенной, независимой личности, обладающей правом на свободный поступок, торжествующей над мощью природы и стихией случая, стал характерным «портретом эпохи». Но, в действительности, индустриальная общественная модель формировала совершенно иной тип мышления и поведения. Любые элементы производственной культуры, правовых и политических отношений начинали рассматриваться не с точки зрения их «высшего» предназначения или «внутреннего» смысла, а лишь их утилитарной целесообразности, в контексте прямых функций. Техногенная цивилизация востребовала и самого человека лишь как носителя суммы определенных качеств и навыков, призванного выполнять соответствующие функции в рамках общественного механизма.

Функционализм быстро вытеснял органическое, целостное восприятие личности. Пытаясь осмыслить этот феномен, немецкий философ Фридрих Юнгер справедливо отмечал: «Ничто так точно не характеризует функциональное мышление, как полная безликость. Оно представляет собой характерное явление мира, развивающегося в сторону безликости и безобразности, в котором отношения стремятся к автономному существованию. Поэтому в функциональном мышлении заключена та сила, которая успешнее всего способствует продвижению и распространению автоматизма. За ним кроется агрессивная хватка, беспощадность которой мало кто осознает в полной мере. Это одно из самых холодных измышлений рационального ума. Весь функционализм насквозь инструментален, это мышление – инструмент, применяемый для воздействия на человека. Ведь мыслить функционально означает не что иное, как

стремиться подчинить человека системе функций, превратить его самого в систему функций».

Закрепление функционального стиля мышления и социального взаимодействия вело к тому, что правовой и социальный статус человека, его самоощущение, мотивы и ценности приобретали все более формальный, надличностный характер. Впервые в истории человечества западная духовная традиция пришла к четкой диверсификации категорий «истины», «справедливости» и «красоты», породив противоестественную дисциплинарную замкнутость науки, этики и эстетики. Само социальное пространство человеческой жизни раскололось на публичную и частную сферы, «работу» и «отдых». Статусная идентификация индивида все больше зависела от его вовлеченности именно в публичную, производственную системы отношений, тогда как его личностные, ценностные устремления оказывались второстепенным, малозначимым дополнением к общественной роли. Такая двойственность порождала устойчивое ощущение изоляции, одиночества, отчуждения. Понятие «отчуждение» стало одним из центральных для европейской философии XIX в. При социальных разночтениях в его трактовке К. Маркс, С. Кьеркегор, Ф. Ницше, Г. Лебон, Г. Тард были едины в понимании отчуждения как крайней формы социального перерождения человека, потери им своей родовой сущности. Отчуждение вело к восприятию мира в качестве противостоящей враждебной среды и деформировало всю систему социализации личности. Не случайно, что философско-мировоззренческие искания на рубеже XIX–XX вв. приобрели характерное название «заката Европы», или «кризиса европейского пессимизма».

Пессимистическое провозглашение самоутраты человека в условиях индустриального общества и грядущего апокалипсиса западной цивилизации оказались не беспочвенными, но преувеличенными. В действительности формализация мышления человека и всей системы социального взаимодействия вела к складыванию весьма стройной и по-своему очень прочной модели стратификации (социальной дифференциации) общества. Формирование групповой идентичности оказалось в прямой зависимости от отношения индивидов к средствам производства и их роли в общественном воспроизводстве. К концу XIX в. этот классовый принцип уже приобрел самодовлеющее значение и превратил социальную структуру западного общества в достаточно точный аналог индустриальной экономической иерархии с характерным для нее типом трудовых отношений и структурой собственности. Традиционные сословно-корпоративные механизмы социальной идентификации, интеграции, адаптации, теряли прежнюю силу. Потребительские стандарты и культурные предпочтения, образ жизни, уровень образования, профессиональная специализация, конфессиональная и этническая принадлежность, понятие престижа и прочие критерии статусной групповой идентичности оказывались вторичными по отношению к классовой принадлежности. В итоге индустриальная модель стратификации привела к образованию пирамидальной социальной структуры, один полюс которой образовала буржуазно-аристократическая элита, а другой – пролетарские слои населения.

Важнейшей причиной усиления классовых форм социальной стратификации на рубеже XIX–XX вв. стали и изменения во внутренней иерархии самих классов. В этот период заметно ускоряется консолидация класса буржуазии. Процесс монополизации, развитие новейших форм ассоцииро-

ванного банковского капитала привели к ослаблению средней и мелкой предпринимательской буржуазии, стиранию отраслевых отличий буржуазных групп, формированию внутриклассовой олигополической элиты. Продолжался и процесс сближения буржуазных слоев со старой родовой аристократией, унификация жизненных стандартов и поведенческих стереотипов высших социальных групп, их идеологических ориентиров и духовной культуры. Все это создавало предпосылки образования единой социальной элиты, консолидации всех имущих слоев как целостного класса, обладающего общими экономическими интересами и претендующего на политическое главенство в обществе.

В структуре рабочего класса на рубеже XIX–XX вв. также произошли значительные перемены. Из люмпенизированного аморфного слоя городской «трудовой бедноты» с недифференцированными доходами, низкой квалификацией и заработной платой, позволявшей лишь поддерживать физическое существование, рабочий класс превратился в мощную социальную группу, способную выработать собственные мировоззренческие ценности и организованно бороться за свои права. Технологическое обновление производства, внедрение конвейерной системы привело к оптимизации труда рабочих и повысило требования к их квалификации. Значительно повысился сам спрос на рабочую силу. В то же время расширение фабрично-заводского законодательства, практика коллективных договоров, рост профсоюзного движения (только за полтора десятилетия перед Первой мировой войной – в 3–7 раз) позволили рабочим значительно улучшить условия труда, организованно бороться за повышение заработной платы и даже добиться сокращения рабочего времени. В 1890–1910 гг. в ведущих странах Запаदा средняя продолжительность рабочей недели сократилась на 10–15 %. После Первой мировой войны происходит постепенный переход к 8-часовому рабочему дню и 48-часовой рабочей неделе, появляется практика оплачиваемых отпусков для некоторых категорий рабочих. В результате прежний революционно настроенный пролетариат, отличавшийся негативным отношением к своему социальному статусу, превращался в востребованный обществом класс наемных работников физического труда, заинтересованный в сохранении и улучшении своего социального и экономического положения.

Индустриальная модель стратификации, превратившая буржуазию и рабочий класс в базовые социальные группы общества, привела к заметному численному сокращению и снижению общественной роли традиционных средних слоев – крестьянства, ремесленников, мелких торговцев. Развитие монополистического капитализма окончательно подорвало экономические основы существования этих групп. Вместе с тем уже в первые десятилетия XX в. начался стремительный рост рыночного спроса на лиц наемного нефизического труда. С этого времени категория служащих становится основой городских средних слоев.

По сравнению с рабочими служащие обладали рядом преимуществ: более устойчивым спросом на рынке труда (в силу квалификации и образовательного уровня), меньшей продолжительностью рабочего времени, системой льгот, в том числе оплачиваемых отпусков, пенсий, пособий, относительной свободой в организации труда. Однако они уступали рабочим по организованности в защите своих интересов. Постепенно сокращался и разрыв в уровне оплаты труда. Так, например, в США в начале XX в. заработная плата рабочих была меньше, чем у служащих, в 2,5 раза, а к концу 1920-х гг. – только в 1,8 раз. Невысока

еще была и внутренняя дифференциация служащих по уровню доходов и социально-производственному статусу. Как и рабочий класс, этот социальный слой был пока интегрирован в индустриальную производственную систему в качестве массовой наемной рабочей силы. В то же время в составе городского населения начинался постепенный рост так называемого «нового среднего класса», который заметно отличался не только привилегированным имущественным положением и значительным общественным влиянием, но и внутренней статусной дифференцированностью. В 1920-х гг. к нему относили себя уже около 10 % населения промышленно развитых стран. Это были, главным образом, юристы, врачи, преподаватели, а также растущий слой «белых воротничков» (высококвалифицированные инженеры, банковские клерки, служащие частных компаний и государственной администрации).

Значительную эволюцию претерпели в этот период сельские слои населения. Крестьянство оказалось в чрезвычайно сложном положении к концу XIX в. В результате глубоких преобразований в аграрном секторе, произошедших в эпоху промышленного переворота, общий объем сельскохозяйственной продукции существенно вырос. Развитие мировой транспортной системы способствовало организации широкого экспорта продовольствия из регионов, где его производство было наиболее рентабельным (американское и русское зерно, новозеландская говядина и т.д.). Это вызвало драматическое падение цен на сельскохозяйственную продукцию и начало многолетней стагнации аграрного сектора в европейских странах. Выход из кризиса мог быть найден только в коренной перестройке всей системы сельскохозяйственного производства, что в свою очередь было сопряжено с радикальными социальными изменениями. На смену традиционному крестьянству постепенно приходит фермерство.

Процесс фермеризации сохранял семейное хозяйство в качестве основной единицы сельскохозяйственного производства. Однако его техническая и технологическая база существенно менялась – происходила механизация труда, внедрение новейшей агротехнологии. Через систему кредита фермерское хозяйство оказывалось связанным с общей структурой межотраслевого финансово-инвестиционного рынка. Организация централизованного снабжения и сбыта, развитие кооперации формируют новую систему агробизнеса. Тем самым значительно повышалась общая производительность сельскохозяйственного труда, освобождалось значительное количество рабочей силы. Это приводило к новому и самому значительному витку урбанизации, массовому оттоку населения в города. Существенно менялась демографическая модель воспроизводства сельского населения – на смену патриархальным многодетным крестьянским семьям, состоящим из нескольких поколений, приходили «малые» фермерские, включавшие, как правило, супружескую пару и несовершеннолетних детей. Все это позволяло фермерскому слою достаточно органично интегрироваться как в производственную систему, так и в социальную структуру индустриального общества.

Институт семейных отношений достаточно чутко реагировал на укрепление классовой социальной структуры общества. Уже в конце XIX в. доминирующими культурно-демографическими моделями стали так называемые «буржуазная семья» и «пролетарская семья». Буржуазная семья, как малая социальная группа, была ориентирована на воспроизводство предпринимательской мотивации и психологии, аккумуляцию «семейного капитала» и блокирование чрезмерного непроизводительного потреб-

ления с помощью моральных ограничений (Макс Вебер емко охарактеризовал этот тип социальной мотивации как «протестантскую этику», хотя к началу Новейшего времени подобное поведение уже окончательно утратило конфессиональные корни). Образ жизни пролетарской семьи определялся характером психологической и физической нагрузки лиц наемного труда, способами и размерами его оплаты. В обоих случаях быстро утрачивался патриархальный стиль внутрисемейных отношений. Главенствующее положение в семье все чаще занимал индивид, обладающий в силу рода своих занятий наиболее четким и устойчивым классовым, профессиональным статусом. В целом, социальное положение семьи все больше зависело от профессиональной занятости ее членов, а не от этнической принадлежности, вероисповедания или иных социокультурных факторов.

Уже в первой трети XX в. все эти тенденции спровоцировали обострение межпоколенных отношений – в условиях быстрой модернизации общественного производства молодежь получала дополнительные возможности для достижения социального успеха и все в меньшей степени зависела от социального статуса родителей. Огромное значение имело и массовое вовлечение женщин в общественное производство. Оно началось на фоне Первой мировой войны и продолжилось в дальнейшем. По мере приобретения женщинами равноправного профессионального статуса складывались предпосылки для гендерного «выравнивания» внутрисемейных отношений. Именно в это период возникает феминизм, представлявший собой радикальную реакцию на распад традиционной структуры семейно-половых социальных ролей.

Итак, социальная структура, сложившаяся в индустриальном обществе, носила ярко выраженный биполярный характер. На фоне сокращения численности и общественной значимости средних слоев лицом к лицу оставались два основных класса – буржуазия и наемные работники. Неизбежное в такой ситуации противостояние «имущих» и «неимущих» стало причиной острейшего общественного конфликта на рубеже XIX–XX вв. и привело к расколу мира на противоборствующие общественные системы. Особую остроту этим процессам придавал и внутренний раскол западной цивилизации на «эшелоны модернизации».

Социальные конфликты в условиях «догоняющего развития». Ускоренная модернизация, форсируемая «сверху» с помощью реформ, оказала крайне негативное воздействие на социальную структуру общества. Насильственная, искусственная ломка экономического механизма подрывала положение многочисленных традиционных средних слоев.росло количество людей, не востребованных обществом, лишенных перспектив на будущее. Увеличение численности буржуазии и промышленного пролетариата не могло создать достаточный противовес этой негативно настроенной среде. Городская и сельская буржуазия в странах «второго эшелона» еще не имела достаточной экономической мощи и социальной солидарности, чтобы претендовать на роль бесспорно доминирующего класса. В составе общественной элиты по-прежнему сохранялись сословные (дворянство, духовенство) и корпоративные (чиновничество, офицерство) группы, обладающие собственными статусными отличиями и политическими притязаниями. Рабочий класс, напротив, был минимально дифференциро-

ван и представлял собой классический пролетариат индустриальной эпохи. Широкая практика экономии на социальных издержках производства, отсутствие или ограниченность фабричного законодательства чрезвычайно ужесточали эксплуатацию наемной рабочей силы, способствовали политизации профсоюзного движения. Пролетариат в таких условиях оставался революционным классом, сохранял негативное отношение к собственному социальному статусу.

В чрезвычайно сложном положении в условиях «ускоренной модернизации» оказалась интеллигенция. Она была вынуждена приспосабливаться к стремительному изменению социально-экономической модели, появлению новых стандартов социального поведения, что противоречило роли интеллигенции как хранителя традиционных ценностных ориентиров, морально-этических принципов, конфессиональной культуры. Быстро росла экономическая и политическая зависимость интеллигенции от основных индустриальных классов, что превращало ее в «прослойку» классового общества, выполняющую «обслуживающие» функции.

Обострение антагонистической классовой борьбы в странах «второго эшелона» происходило на фоне зарождения еще одного глубочайшего общественного конфликта. В основе его лежали причины не только экономического, но и психологического характера. Растянувшаяся на десятилетия ускоренная модернизация представляла собой радикальный слом традиционного общества, идеалами которого являлись стабильность, традиции, спокойствие, неприятие новаций. На смену им должны были прийти мобильность, предприимчивость, психологическая гибкость. Происходил насильственный разрыв привычных социальных отношений. Рушился понятный и знакомый мир, а новый нес вместе со свободой жесткую социальную конкуренцию, необходимость постоянного выбора, борьбы за существование. Под угрозой оказался привычный уклад жизни сотен тысяч людей, не готовых к происходящим преобразованиям. Даже представители тех социальных групп, которые были востребованы индустриальной системой, долгое время испытывали дискомфорт и психологическую нервозность, возникавшие при быстрых изменениях условий жизни. Результатом становилась массовая маргинализация общества.

Понятие «маргинальность» (от лат. «marginalis» – находящийся на краю) характеризует одну из наиболее тяжелых форм кризиса идентичности. Маргинальные реакции порождаются ценностным и ролевым дуализмом, возникающим при переходе в новую социальную среду. Приобретаемый социальный статус или образ жизни вступает в противоречие с внутренними установками, привычными стереотипами и идеалами. В этой ситуации появляется устойчивое ощущение тревоги, неуверенности, беспомощности. Маргинальность, возникающая в условиях ускоренной модернизации, провоцирует в человеке особенно острые переживания собственной «неприкаянности». Болезненно воспринимается необходимость нести личную ответственность за собственную судьбу, включаться в жесткую конкуренцию, отказываться от устоявшихся и казалось бы бесспорных представлений. Свобода, не выстраданная и завоеванная, а приобретенная в результате распада предыдущей социальной системы, ассоциируется для маргинала с одиночеством, изоляцией, порождает растерянность и разочарование. Социальная мобильность, индивидуальная успешность, состязательный стиль жизни отторгаются как явления этически неlegитимные, «бездуховные», разрушительные по своей природе.

По определению Т. Адорно и Э. Фромма, маргинализированный человек приобретает черты «авторитарной личности» – его мировосприятие базируется на основе категорий «силы» и «бессилия». «Сила» привлекает маргинала не идеями, которые она утверждает, а в качестве фактора стабильности и спокойствия. «Бессилие» вызывает презрение и агрессию, позволяющие компенсировать неуверенность в собственных силах и разнообразные фобии. Маргиналы оказываются склонны к полному нигилизму, будучи уверенными в том, что жизнь подчиняется и определяется внешними, сторонними силами. Но они способны и на глубокую веру, преданное служение «высшим» идеям и идеалам. Так рождается феномен «невостребованной свободы», а точнее, поиска иной, «настоящей свободы», связанной с идеалами равенства и справедливости, спокойного труда без страха за будущее, свободы, основанной не на возможности спонтанного, индивидуального выбора, а на коллективных усилиях по достижению общих, «высших» целей.

Маргинальная масса начинает испытывать острую потребность в сильном «Мы», в бесспорной и абсолютно значимой коллективной идентичности. Масса оказывается чрезвычайно восприимчива к идеалам национальной и конфессиональной общности, выраженным в самой жесткой, экстремистской форме. В качестве источника социальной напряженности начинают рассматриваться некие «внешние силы». Наличие мифического образа «врага» избавляет от необходимости анализировать реальное положение вещей, менять собственное поведение – важно «устоять», «преодолеть», проявить несгибаемость, сохранить «верность заветам». Распространение националистического шовинизма, конфессиональных предрассудков или классовых предубеждений становится неизбежным результатом подобных настроений.

В действительности увлеченность маргинальной массы этнонациональными или конфессиональными идеалами оказывается поверхностной. Маргинальность не может стать основой для подлинного возрождения национального духа или религиозных традиций. Для массы необходим «абсолютный враг» – практически безличный, хотя и способный персонализироваться в образах тех или иных народов, стран или даже отдельных политических деятелей. Облик «врага» формируется как эклектичная мозаика, но, в конечном счете, воспринимается как тотальное воплощение зла, опасности, агрессии. Не случайно регионы «догоняющего развития» захлестнула волна этнических, конфессиональных и классовых конфликтов. Их реальные основы совершенно не соответствовали нарастающему уровню конфликтности. Взаимные недоверие и нетерпимость, дефицит сотрудничества, враждебность, основанные на нежелании понять и принять иную позицию, иной образ жизни, оказались способны в кратчайшие сроки взорвать многонациональную государственность, вызвать чудовищные проявления жестокости по отношению к недавним соседям, спровоцировать острейшие межгосударственные и международные конфликты. На волне этих событий произошло и формирование тоталитарных режимов.

Тоталитаризм во многом стал порождением социального «заказа» маргинальной массы. Тоталитарная идеология воплотила столь необходимые для массы «великие идеи» и «великие цели». Пропаганда национальной исключительности и величия находила самую благодатную почву в умах людей, разочарованных и потерянных в собственной жизни. Образ «сильного государства» обеспечивал для маргиналов ощущение стабильности, защищенности. Степень маргинализации общества во многом предопределяла специфику тоталитарных режимов.

В Италии, Австрии, Испании, Португалии, Франции (на фоне военного поражения в годы Второй мировой войны) сформировались режимы, позиционировавшие себя в качестве «народных», «истинно демократических». Их действия были сопряжены с попытками создать сословно-корпоративную модель общества, закрепить принципы надклассовой солидарности, создать вокруг личности замкнутое социальное пространство. В качестве особой корпорации рассматривался и сам народ. Так, например, в итальянской «Хартии труда» утверждалось: «Нация является организмом, цели, жизнь и средство действия которого превышают силой и длительностью цели жизнь и средство действия составляющих этот организм отдельных лиц и их групп». Труд во имя нации и политическая лояльность к общенациональным интересам, воплощенным в воле государства, провозглашались долгом каждого человека.

Опыт корпоративного общественного строительства был обобщен французским коллаборационистским режимом. Правительство Ф. Петена провозгласило своей целью осуществление национальной революции. Ключевым компонентом «нового социального порядка» считалось формирование солидарного общественного устройства, «кушающего индивидуальную свободу и личную выгоду», но отказывающегося от крайностей либерального индивидуализма. Провозглашалось создание единой «профессиональной семьи», состоящей из отраслевых корпораций и служащей идее «объединения и гармонии интересов». Правительство также заявило о борьбе за возрождение христианской цивилизации, моральное и социальное очищение «французской расы». Укреплялась система школ, контролируемых религиозными конгрегациями. В соответствии с требованиями церкви проводилась унификация светской образовательной системы, существенные изменения были внесены в правовое регулирование семейных отношений (запрещались разводы, вводился контроль рождаемости, поощрялись многодетные семьи).

Сотрудничество фашистских режимов с католической церковью, усиленная пропаганда семейных ценностей, регулирование трудовых отношений на основе принципов надклассовой солидарности и государственного патернализма, создание общенациональных систем социального страхования были очень показательными. Все эти меры способствовали умиротворению маргинальной массы, преодолевали отчуждение человека и способствовали его социализации (хотя во многом и искусственной). Поэтому фашизм, приходя к власти на гребне экстремистского протестного движения, неизбежно эволюционировал в сторону консервативной, охранительной политики. Совершенно иначе ситуация развивалась в странах, где в условиях особенно сильной маргинализации населения сформировались тоталитарные режимы с мессианской, наднациональной идеологией.

В Германии и России на волне революционного движения или в борьбе с ним к власти пришли политические силы, стремившиеся не преодолеть отчуждение человека, а придать ему тотальный характер, воспитать новый тип личности, способный отречься от собственного «Я» во имя «великой борьбы» за новый мировой порядок. Маргинальная масса под влиянием нацизма и большевизма превращалась в крайне агрессивную силу, ориентированную на постоянную, бескомпромиссную борьбу с внешним и внутренним врагом. Во имя этой борьбы оба режима были готовы принести в жертву национальные интересы, вер-

нуть свои народы в коллапс мировой войны или подвергнуть беспощадным репрессиям.

Встав на путь борьбы за мировой расовый порядок, Третий Рейх оказался уничтожен антигитлеровской коалицией. Эволюция же советского режима была более долгой и сложной. Еще накануне Второй мировой войны в СССР начался постепенный отход от наиболее радикальных идей большевизма. Менялась и социальная политика. На смену насильственной пролетаризации населения пришла более дифференцированная социальная структура, основанная на полном преобладании лиц наемного труда. Важнейшие изменения произошли и в общественном сознании. В активную жизнь вступило поколение, воспитанное уже после войны. Для него «досочия истинский» период был почти историей, а идея мировой революции становилась все более абстрактной.

В 1960-х гг. в СССР и восточноевропейских странах были предприняты попытки реформировать социалистический строй, усилить роль «человеческого фактора». Выросла активность динамичных социальных групп, которые получили возможность повысить уровень жизни в условиях «социалистического рынка». Происходило и духовное раскрепощение общества. Но официальная идеология так и не утратила своего эгалитарного пафоса. К тому же растущая имущественная дифференциация вызывала недовольство широких групп населения. Оказавшись перед выбором между саморазрушением системы и ее консервацией, коммунистическое руководство избрало второй путь. Начался период «застоя», когда стагнация социального развития дезавуировалась демагогическим тезисом о «кравзвитом социализме» как высшей ступени социалистического строительства.

«Застой» породил в социалистических странах диссидентское движение, которое поставило вопрос о несовместимости социализма и демократии, об отсутствии гласности и свободы личности как главных причин неудач любых преобразований, их половинчатости. Одновременно «застой» привел к росту социальной апатии в массах, их разочарованности и инертности. Широко распространенным явлением стало «двойное сознание» – раздвоение идентичности человека, когда искренняя вера в идеалы социализма соседствовала с предельно циничным отношением к окружающей действительности «реального социализма». Подобная социально-психологическая установка оказалась чрезвычайно опасной. Она во многом и предопределила особенности массового поведения в годы перестройки, когда романтическое ожидание перемен, реформаторский энтузиазм соседствовали с глубоко укорененной социальной инфантильностью. После краха социализма и начала либеральных реформ массам пришлось столкнуться с неприятной реальностью – неожиданно легкая «победа над коммунизмом» оказалась лишь прологом к действительно тяжелым испытаниям. Постсоциалистические реформы принесли с собой новую волну маргинализации общества, а вместе с нею – социальную напряженность, рост националистических настроений и этнического экстремизма, нарочитые попытки «вступить в борьбу» за национальные традиции и культурную самобытность.

Эволюция социальной структуры в зрелом индустриальном обществе. Большая часть XX столетия прошла под знаком классовой борьбы «мировой буржуазии» и «мирового пролетариата», отягощенной вызовами самых разнообразных «третьих сил». Причем причины, породившие эту

какофонию геополитических, идеологических, социальных конфликтов, парадоксальным образом сближали непримиримых противников – их действия, при всей разнонаправленности и идейной несовместимости, были ориентированы прежде всего на восстановление социальной основы человеческого бытия, радикальное решение проблемы отчуждения, возрождение в человеке «подлинно человеческого». Однако опыт революций. «великих скачков», «холодной войны» показал, что решение проблем, сопряженных с формированием стабильной системы социальной идентификации, невозможно на конфликтной основе. Провозглашение «великих целей», формирование образа «абсолютного врага», дух непримиримого противостояния и тотальной борьбы за «светлое будущее» или «новый порядок» оказались эффективными средствами массовой мобилизации, но, в конечном счете, еще больше разрушали духовный строй личности. Между тем, независимо от перипетий мировых конфликтов, в развитии социальной структуры индустриального общества наступил перелом. Он оказался связан не с тотальной ломкой существующей социальной системы, а с ее эволюционным обновлением, с формированием новых статусных групп, чья идентичность и образ жизни уже не вписывались в категории «буржуазных» или «пролетарских».

Уже к середине XX в. жесткая классовая поляризация западного общества начала сменяться дифференцированной, «многоярусной» социальной структурой, большую часть «этажей» которой заполняли представители «нового среднего класса». Эти изменения были связаны прежде всего с закреплением новых форм отношений собственности и трудовых отношений, имевших ключевое значение для системы социализации личности в индустриальном обществе.

Тенденция расширения категорий собственников появилась еще на рубеже XIX–XX вв., когда быстрое развитие акционерного капитала привело к возникновению широкого слоя мелких вкладчиков. В экономическом плане такое «размывание собственности» являлось лишь основой для мощного витка централизации капитала, аккумуляции сверхмощных инвестиционных фондов. Но для преодоления классового antagonизма в социальной психологии оно имело важное значение. Еще большую роль сыграло распространение в середине XX в. различных форм ассоциированного капитала. Пенсионные, страховые и иные подобные фонды охватывали уже большую часть населения и представляли собой некую «социализированную» форму частной собственности. Схожую функцию имела и «собственность работников» – распространяемые среди рабочих и служащих акции их предприятий, дополнительная часть заработной платы и инвестиций в рекреационную сферу, зависящая от уровня получаемой рыночной прибыли, снижения издержек производства или повышения качества продукции.

Внедрение «собственности работников» было не только способом повысить трудовую дисциплину и качество труда. Многие политики рассматривали эту практику как основу «третьего пути» развития (в противовес социализму и капитализму). Примером может служить претенциозная программа «ассоциации труда и капитала», выдвинутая в конце 1950–1960-х гг. голлистами во Франции. В соответствии с ордонансом 1959 г. французское правительство ввело в государственным секторе «систему участия» – участия рабочих в прибылях своего предприятия, в дивидендах от технической рационализации, в информации о рыночной стратегии пред-

приятия. Частные предприниматели, использовавшие аналогичную практику, получали налоговые льготы. В соответствии с ордонансом 1967 г. предприятия, вступившие в систему «участия», почти полностью освобождались от государственных налогов. Схожие меры предпринимались в тот же период в ФРГ, Швеции, Бельгии.

В 1930–1960-х гг. широко распространился еще один особый тип собственности отношений, субъектом которых наряду с индивидами выступало государство. Развитие государственной формы собственности (в рамках государственного сектора экономики), активизация бюджетной политики в самых различных сферах, прямая социальная поддержка со стороны государства тех или иных слоев населения приводили к широкомасштабному перераспределению валового дохода в общенациональных интересах. Эта практика, не нарушающая юридические гарантии неприкосновенности частной собственности, изменяла социальную природу рыночной экономики. Многообразие форм собственности, создаваемое сочетанием частного, акционерного, ассоциированного капитала и государственной, общенациональной собственности, способствовало постепенному преодолению классового противостояния работодателей и наемных работников. Тем самым существенно смягчалась проблема отчуждения производителя от собственности на средства производства. Абсолютное большинство людей оказывалось если не в положении собственников, то по крайней мере сопричастным к тем или иным формам собственности. Им уже «было что терять», в отличие от пролетариев эпохи Маркса.

Расширению средних слоев общества способствовало не только «размывание собственности», но и существенные изменения в структуре доходов. Имущественная дифференциация на протяжении первой половины XX в. оставалась очень зависимой от собственности на недвижимость. Причем основная часть крупных состояний была по-прежнему основана на переходящей по наследству земельной собственности. Изменения первоначально коснулись именно ее структуры – по сравнению с экономической значимостью земельных и лесных латифундий стабильно возрастала роль городской недвижимости. К середине XX в. основным источником богатства уже стала собственность на средства производства, в том числе владение предприятиями и фирмами. Само по себе это не могло существенно изменить состав высшего класса общества – крупные собственники капитала, как правило, сосредоточивали в своем владении различные формы недвижимости. Но зато решительным образом начала меняться система текущих доходов, связанных не только с личным имуществом, но и с профессиональной занятостью. Уже к 1930-х гг. стало очевидно, что классический механизм капиталистического предпринимательства, основанный на соединении функций владения и распоряжения (когда собственник сосредоточивал в своих руках и управление производством), уходит в прошлое. По мере усложнения системы общественного воспроизводства и развития корпоративного (акционерного и ассоциированного) капитала управленческие функции перешли к специализированным кадрам – менеджерам. А увеличение роли промышленного капитала в структуре собственности неизбежно вело к перераспределению доходов в пользу этой социальной группы.

В 1941 г. американский социолог Дж. Бернхем впервые развернуто обосновал понятие «менеджерской революции» – глобального переворота в социальной структуре индустриального общества, связанного с заменой

класса капиталистов новой управленческой элитой. Вызвавшая оживленные дискуссии, теория «менеджерской революции» достигла пика своей популярности в 1950-х гг. и оставалась одной из доминирующих социологических концепций вплоть до 1970-х гг. Впоследствии стало очевидно, что выводы ее сторонников о необратимости все более полного отделения собственности от контроля над производством были иллюзорны. Но в то же время теория «менеджерской революции» достаточно точно отразила характерную для середины XX в. тенденцию усиления социальной роли наемного труда.

Обособление в среде наемных работников элитарных групп «управленцев» было лишь одним из проявлений быстрой дифференциации всего рынка наемной рабочей силы. Динамика этого процесса отражала устойчивый рост наукоемкости производства, сокращение доли физического труда, снижение спроса на неквалифицированный труд. Особенно быстро увеличивалась численность «белых воротничков» (работников преимущественно нефизического труда). Так, например, в США при общем росте численности занятых на производстве с 63 млн чел. в 1955 г. до 97,3 млн в 1980 г. доля «белых воротничков» увеличилась с 24,6 до 50,8 млн чел., а работников преимущественно физического труда – с 38,4 до 46,4 млн чел. В самой категории «белых воротничков» по своему социальному статусу, общественной активности, роли в процессе производства все более выделялись наиболее элитарные группы управленцев, служащих, представителей интеллигенции, мелких самостоятельных предпринимателей. Дальнейшую внутреннюю дифференциацию претерпевал и рабочий класс.

Научно-техническая революция предъявляла совершенно новые требования как к профессиональной подготовке, так и к психологической ориентации человека, занятого на производстве. Появилась тенденция «усложнения» рабочей силы – роста значимости профессиональной, социальной, территориальной мобильности человека, способности к активной и творческой деятельности, индивидуальной ответственности и т.д. Однако все эти изменения носили весьма локальный характер. Ими были охвачены лишь немногие категории работников. В целом же научно-техническая революция в 1950–1960-х гг. не разрушила, а лишь укрепила фордовско-тейлоровскую организацию труда. Комплексная автоматизация производства привела на этом этапе даже к относительной деквалификации той части наемных рабочих, которые были заняты в обслуживании узкоспециализированных производственных участков. При быстром увеличении интеллектуального потенциала в области проектирования и технологических разработок, большая часть производственного труда распадалась на еще более локальные, достаточно примитивные по характеру операции. Как следствие в составе рабочего класса наряду с обособлением групп высококвалифицированных рабочих, занятых в наиболее перспективных, наукоемких отраслях, сохранялось значительное число рабочих средней квалификации, работающих в условиях конвейерного производства, а также низкоквалифицированных рабочих.

В послевоенный период динамика предложения на рынке труда определялась влиянием еще нескольких факторов. Демографические потери, вызванные нарушением естественного прироста населения в 1930–1940 гг., стали ощутимы в производственной системе спустя два десятилетия. Однако за счет все более широкого вовлечения женщин в общественное производство, значительного оттока сельскохозяйственного населения в города,

высвобождения значительного количества рабочих рук в результате процесса автоматизации производства и растущего импорта рабочей силы демографический спад не принес каких-либо негативных последствий для экономики стран Запада.

Большую роль в обеспечении гибкости рынка труда сыграла активизация миграционных потоков. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. их основу составили лица, насильственно перемещенные еще в годы войны, немецкоязычное население из Восточной Пруссии, Польши, Чехословакии, Венгрии (перемещавшееся преимущественно в ФРГ), а также европейские реэмигранты из колоний. Затем на некоторое время усилились эмиграционные потоки из Южной и Северную и Западную Европу. С конца 1950-х гг. в эти регионы Европы устремились «гастарбайтеры» из развивающихся стран (от нем. «gastarbeiter» – рабочий-иммигрант). Сложились и определенные закономерности рынка иммигрантской рабочей силы. Так, например, турки, греки и югославы преимущественно работали в ФРГ; североафриканцы, португальцы и испанцы – во Франции; итальянцы – в Швейцарии. ФРГ и Франции. В конце 1960-х гг. в Европе количество перемещавшихся в поисках работы лиц составляло около 800 тыс. чел., а суммарная численность иностранной рабочей силы достигла 7,5 млн чел.

Рост трудовой эмиграции и активное вовлечение женщин в различные отрасли производства способствовали стабилизации рынка труда и стали важным фактором общего экономического подъема. В то же время эти процессы еще больше усиливали дифференциацию предложения на рынке труда. К обычным критериям, образующим иерархию наемных работников (уровень квалификации, стаж работы), добавились половозрастные и этнонациональные отличия.

Дифференциация класса наемных работников и процесс «размывания собственности» вели к глубинным изменениям во всей системе стратификации индустриального общества. Прежняя пирамидальная социальная структура, где буржуазно-аристократическая элита противостояла огромной пролетарской массе, сменялась ромбовидной моделью с явным преобладанием средних слоев и сравнительно малочисленными высшими и низшими категориями населения. Более того, представители «нового среднего класса» вместе с высококвалифицированными рабочими и значительной частью фермерства составили особый социальный слой, вообще не вписывающийся в традиционную индустриальную классовую систему. Вокруг них образовывалось социальное пространство, интегрирующее образ жизни и род занятий буржуазии и наемных работников. Тем самым классовая организация начинала терять прежнюю определяющую роль в формировании социальной структуры общества. Классы сохранялись как составная часть экономического пространства, но социальный порядок начал формироваться вокруг общностей иного рода – статусных групп.

Первые шаги по диагностике и осмыслению новой модели стратификации были предприняты в 1940–1950-х гг. американскими социологами У. Уорнером, Т. Парсонсом, К. Дэвисом, У. Муром, М. Тьюменом. Это поколение исследователей рассматривало статусные группы (страты) как общности, членство в которых определяется не распространением на индивида неких формализованных критериев и признаков, а следованием самого индивида определенному стандарту поведения, его стремлением поддерживать определенный образ жизни и, в конечном счете, его собственными притязаниями на принадлежность именно к данной общности. Таким обра-

зом, новая система стратификации резко повышала значимость механизмов самоидентификации человека, его собственных социальных ориентаций, психологических и мировоззренческих установок. Но в самом поведении человека и его мотивации решающее значение пока сохраняли экономические факторы, в том числе профессиональная принадлежность, уровень доходов, собственность на недвижимость и т.п. Не сразу возросла и социальная мобильность населения, способность перемещаться по ступеням социальной иерархии. Поэтому, при всей условности границ между статусными группами, в целом, в обществе сохранялась вполне определенная грань между «верхами» и «низами». Наиболее примечательным в этом отношении было положение высших слоев среднего класса. Судя по социологическим опросам, представители «высших средних» групп проявляли заинтересованность в сохранении своего статуса и распространении его на своих детей. Подобная установка всегда была характерна для высших слоев общества. Остальная же часть среднего класса, равно как и низшие группы общества, неизменно ориентировалась на повышение своего статуса в новых поколениях.

«Общество потребления» и его крах. Сложившаяся в зрелом индустриальном обществе многомерная социальная структура существенно меняла механизм социализации человека. Все большую роль играло стремление индивида к самоидентификации, поиску социального пространства, адекватного собственным стремлениям и возможностям. Как следствие, новые страты складывались не за счет формализованного (правового или экономического) закрепления своего статуса, а в ходе гибкой самоорганизации. Их внутренняя консолидация зависела прежде всего от формирования особого стиля жизни, системы эмоционально окрашенных статусных признаков потребления, досуга, манеры одеваться, облика жилища и т.п. Все эти элементы стиля жизни ранжировались в глазах общества по уровню престижности.

Статусная престижность долгое время воспринималась в качестве элемента системы распределения благ, результата завоевания привилегированных позиций в социальной иерархии. Но, в действительности, уже в зрелом индустриальном обществе это явление носило скорее социально-психологический, нежели материальный характер. Борьба за престиж порождалась стремлением человека не столько приобрести те или иные атрибуты материального быта, сколько поддерживать определенный образ жизни и на этой основе предстать в глазах окружающих в качестве представителя той или иной страты. Благодаря этому свойству престижность становилась ключевым фактором самоорганизации страт. Члены каждой страты могли существенно отличаться по профессиональной занятости и размерам доходов, но обладали схожим стилем жизни, стандартами поведения и потребления.

Превращение категорий престижа в один из ключевых факторов идентификации человека было неразрывно связано со становлением социально-экономической системы «государства благосостояния». В 1960-х гг. все более явной становилась унификация материальных аспектов образа жизни, относительное выравнивание уровня благосостояния, связанное с насыщением потребительского рынка. Впервые в истории общество смогло обеспечить для подавляющего большинства своих членов гарантированный мини-

м,м пищи и одежды, доступные услуги в области образования и здравоохранения, решение жилищной проблемы. В этой ситуации статусные отличия социальных групп все больше начинают зависеть не от наличия собственности или профессиональной принадлежности (как источника доходов), а от потребительских стандартов (уровня доходов и моделей их реализации). Постепенно происходила и соответствующая переориентация общественно-го сознания. Если ранее основным пространством самореализации личности являлась сфера производства, то теперь образ жизни человека и вся система социального взаимодействия оказываются под растущим влиянием сферы потребления, досуга. Межличностные отношения приобретали в связи с этим все большую условность, изменчивость, эмоциональную насыщенность. «Новая логика экономики заменяет аскетическую модель производства и потребления, основанную на воздержании, трезвости, бережливости, расчетливости, гедонистской моралью, которая сводится к искусству потреблять, тратить и наслаждаться», – писал в эти годы известный французский социолог П. Бурдьё. – Эта экономика создает мир, в котором люди оцениваются по их способностям к потреблению, по их жизненному стандарту и стилю жизни».

Рост социальной значимости системы потребления был тесно связан с переменами в структуре самого потребительского спроса. Потребление продуктов питания вышло за пределы поддержания физиологических норм и в значительной степени стало отражать индивидуальные предпочтения, варьироваться в чрезвычайно широких пределах в зависимости от вкусовых пристрастий и иных факторов. Та же тенденция прослеживалась и в потреблении одежды, обуви, предметов личного пользования. Наряду с элитарной модой («haute-couture»), имевшей давние традиции, формировалась индустрия массовой моды, ориентированной на запросы среднего класса. По мере удовлетворения в 1950–1960-х гг. потребностей в жилье (почти для 3/4 населения в ведущих странах Запада) актуальной проблемой становится выбор индивидуального жилья или квартир, отвечающих конкретным запросам отдельных семей. Даже для представителей среднего класса большую роль начинает играть оформление внутреннего интерьера жилища, подбор мебели, престижность района проживания.

Не менее диверсифицированными оказались растущие потребности в бытовой технике. При наличии вполне определенного стандарта потребления в этой области – обладания холодильником, телевизором, стиральной машиной и автомобилем («четыре туза», по выражению Мишеля Винока), предложение на рынке поощряло различие вкусов и предпочтений потребителей. Внешний дизайн бытовой техники становится столь же значимым критерием для покупателей, как и ее качество. Огромную роль в этих переменных сыграла индустрия рекламы. В 1950-х гг. в европейских странах был использован американский опыт массовой товарной рекламы в печатных средствах массовой информации, на радио. С конца 1960-х гг. реклама появилась и на экранах телевизоров. Психологический феномен рекламы позволял не только стимулировать потребительский спрос, но и активно влиять на его направленность, закреплять обозначившиеся различия статусных групп и превращать их в социально значимые стереотипы.

Высокий материальный жизненный стандарт позволил значительно увеличить совокупные затраты на систему услуг, в первую очередь – здравоохранение и образование. Широко распространенной практикой ста-

ло всеобщее бесплатное 10–12-летнее обучение детей, расширилась система среднего профессионального и высшего образования. Разительные изменения претерпела система медицинских услуг. Благодаря разработке новых препаратов, систематизации медицинского обслуживания и его растущей доступности средняя продолжительность жизни человека в развитых индустриальных странах возросла на протяжении первых двух третей XX в. с 40–45 до 65–70 лет. При этом система «государства благосостояния» позволяла обеспечивать большую часть затрат на здравоохранение, образование, пенсионное страхование ассигнованиями из государственного бюджета. Личное же потребительское поведение все в большей степени ориентировалось на престижные атрибуты материального благосостояния, формирование на этой основе определенного «образа жизни».

Американский социолог Э. Уилсон попытался на основе наиболее распространенных потребительских пристрастий выделить четыре базовых социальных типа – "High Brow, Upper Middle Brow, Lower Middle Brow, Low Brow (т.е. «высоколобые», «низколобые» и две промежуточных группы). Использование подобных названий было призвано обозначить различие в интеллекте, образованности и, в конечном счете, социальной успешности представителей этих слоев. Но реальным основанием социометрии стали предпочтения в одежде, развлечениях, предметах интерьера, продуктах питания и тому подобные потребительские характеристики.

Распространенными внешними признаками High Brow оказались дорогой твидовый костюм фирмы Хэррис и отсутствие шляпы, а двубортный костюм, галстук с блестками и шляпа свидетельствовали о принадлежности их владельца лишь к Lower Middle Brow. Матерчатая обувь оставалась статусным признаком самого низшего слоя. В домашнем интерьере «высоколобые» предпочитали конструктивистскую мебель: торшер с изменяемым углом освещения и стул «без излишеств», в то время как «низколобым» больше нравились удобные мягкие кресла с большими круглыми подлокотниками и настольные лампы с матерчатым абажуром. Произведения абстрактной скульптуры и майолики свидетельствовали о том, что их владельцы и ценители относились к «высоколобым», а статуэтки в прихожих, выполненные в «классическом стиле» являлись индексом более низкого статуса их владельцев. Аналогичным образом противопоставлялось пристрастие к марочным красным и сухим винам, с одной стороны, и пиву, – с другой. В салатах «высоколобые» предпочитали зелень с оливковым маслом, уксусом, перцем и солью крупного помола. Представители Upper Middle Brow считали необходимым добавить в салат помидоры и сыр, а «низколобые» отдавали предпочтение салату из капусты. Показателем элитарности досуга были балет и театр. Людям же с «массовым» вкусом нравились популярные музыкальные фильмы и ковбойские вестерны. Увлечение сложной восточной игрой «го» являлось признаком людей высокого статуса, а «низколобые» в свободное время играли в кости. С точки зрения статусных отличий также противопоставлялись музыкальная классика и «популярная» музыка, литература авангарда и «бульварная» литература, «солидные» журналы и комиксы.

При всей относительности и фрагментарности подобных статусных признаков они позволяли выявить важные изменения в характере стратификации общества. Потребительские пристрастия не только разделяли разные слои общества, но и были вполне соотносимы между собой. Тем самым модели потребления выстраивали очень зримое и внутренне логичное про-

странство социального ранжирования. Любой человек мог легко определить в нем собственную «ступень» и получал очевидные ориентиры для движения «вверх» по социальной лестнице. Границы между стратами становились все более условными, а их преодоление не требовало радикального изменения своей профессиональной занятости или статуса собственника. Соответствовать «своему кругу» либо бороться за вхождение в более престижную страту означало следование определенному образу жизни, предпочтение тех или иных элементов внешнего облика, питания, интерьера жилища, модели автомобиля, форм досуга. Все это разительно меняло и характер взаимоотношения между стратами. Общество стремительно утрачивало пафос антагонистического противостояния «верхов» и «низов», «труда» и «капитала».

Потребительский бум 1950–1960-х гг. породил представления о «цивилизации досуга», об «обществе потребления» как особом этапе исторического развития. Высокий уровень индивидуального потребления и его обеспечение для всех групп населения стали ассоциироваться в общественном сознании с наиболее полной и последовательной реализацией принципа социальной справедливости. Превращаясь в основное поле самореализации человека, материальный быт становился все более динамичным, мобильным и многообразным. Его связь с человеческим сознанием приобретала самый непосредственный характер. «Созданные руками человека вещи проникают в наше сознание и привносят новые краски. — писал в эти годы Олвин Тоффлер. — Вещи имеют огромное значение не только из-за их функциональности, но также из-за их психологического воздействия. Более того, наше отношение к вещам отражает основную систему человеческих ценностей». Таким образом, в «обществе потребления» быт, как форма жизнедеятельности, превратился из частной в глубоко социальную сферу, отражающую всю полноту статусных взаимоотношений, сосредоточивающую основные отличия стиля жизни различных страт. Сознание самооценности индивида, его самоидентификация все больше связывались со стандартами потребления. Но триумф «общества потребления» стало лишь прологом к его стремительному краху.

Сама идея социального государства оказалась крайне противоречивой. Она исходила из стремления обеспечить каждому человеку возможность полноценной самореализации. Однако на практике социальная политика лишь закрепляла в обществе унифицированные потребительские стандарты. В борьбе за обеспечение социальной справедливости и равных возможностей «государство благосостояния» перешло к административному перераспределению общественного дохода. Благодаря такой политике человек оказался лишен необходимости бороться за выживание. Минимум прожиточных средств был гарантирован для всего населения. Общество возложило на себя ответственность за всеобщее бесплатное школьное образование, проведение активной политики в сфере жилищного строительства, пенсионного обеспечения, социального страхования. Но тем самым удар был нанесен по самому западному образу жизни с характерным для него восприятием материального достатка как гарантии личной независимости, обогащения как наиболее эффективного пути продвижения по социальной лестнице, накопления материальных благ как свидетельства индивидуального социального успеха. Формализованная, почти ритуальная борьба за престижные атрибуты «потребительской корзины» становилась нелепой карикатурой на принципы социальной состоятельности и «здоровой конкуренции». Как образно рассуждал Герберт

Маркузе, «объем социально допустимого и желательного удовлетворения значительно увеличился, но такое удовлетворение вытесняет Принцип Удовольствия».

В недрах «общества потребления» формировался острейший социально-психологический конфликт. Освобождая индивида от диктата экономической, производственной субординации, «общество потребления» помещало его в не менее жесткие ролевые рамки. Статусные группы, формируемые в зависимости от потребительских моделей и уровня их престижности, выстраивались в столь же строгую иерархию, как и классовые группы. Оказалось, что для большинства членов общества преодолеть границы потребительских отличий, при всей их внешней прозрачности и относительности, столь же сложно, как изменить свой классовый статус. Но одновременно новые социальные роли, основанные на глубоко эмоциональных реакциях, соображениях престижности и модности, открывали возможность для более многогранного, разнообразного взаимодействия людей. Социализация индивида как члена общества становилась зависимой не только от объективных критериев (собственность, занятость в производстве, уровень доходов), но и от сугубо психологических факторов поведения, от его самоощущения. Соответствующим образом перестраивалась и система самоидентификации человека. Если представители старших поколений, хорошо помнившие тяготы военного времени, очень легко адаптировались к «обществу потребления», то молодежь воспринимала состязание в престижности («потребительской корзины») как совершенно бессмысленное. Выходцы из иммигрантских слоев, обладавшие самобытной этнической и конфессиональной культурой, вообще оказывались за пределами новой системы социального ранжирования. Если в классовой структуре общества они занимали вполне определенную ступень и могли рассчитывать на постепенную адаптацию к общепринятым нормам поведения и взаимодействия, то в «обществе потребления» иммигранты становились закрытой социальной группой, не имевшей перспектив и вынужденной бороться за признание своей «особости».

Противоречие между стереотипами «общества потребления» и растущим многообразием реальных социальных ролей порождало рост социальной напряженности. Практически во всех ведущих странах Запада рубеж 1960–1970-х гг. был отмечен подъемом самых разнообразных протестных движений, нарастающим конфликтом в межнациональных и межрасовых отношениях, распространением «контркультуры», радикальной ломкой гендерных ролевых отношений и «сексуальной революцией». Эти разнородные процессы и явления имели единый источник — они были обусловлены глубинными противоречиями «общества потребления». Система социализации личности, построенная на основе потребительских стандартов и категорий престижности, оказалась искусственной. Она провоцировала протестное обращение к альтернативным, «неформальным» формам самоидентификации (конфессиональным, этнокультурным, возрастным, половым). Начинался сложный процесс образования в рамках единого социального организма многочисленных субкультур, ограждающих себя условными границами верований, этических кодексов, эстетических предпочтений. Развитие индустриального общества подошло к рубежу, за которым традиционные для него критерии прогресса — наращивание экономической мощи, увеличение темпов роста производства и количественных показателей потребления на душу населения, рационализация и секуляризация массового

сознания, обеспечение национально-государственного суверенитета и торжество правоотношений договорного типа, оказывались недостаточными для самореализации человека. Рождалась новая цивилизационная парадигма, которую западные аналитики, вслед за Дэвисом Рисманом и Анри Туренном, провозгласили наступлением постиндустриальной эпохи.

Собственность, труд и творчество в информационном обществе. Концепции «постиндустриального», «постисторического», «постэкономического», «посткапиталистического» общества активно разрабатывались в мировой науке еще с 1950-х гг. XX в. В 1959 г. профессор Гарвардского университета Дэниэл Белл, выступая на социологическом семинаре в Зальцбурге, впервые употребил понятие постиндустриального общества в широко признанном теперь значении – для обозначения особой стадии общественного развития, на которой индустриальный сектор теряет ведущую роль вследствие возрастающей технологизации, а основной производительной силой становится наука. Впоследствии в трудах У. Ростоу, Р. Арона, Д. Гэлбрейта, З. Бжезинского, Р. Дарендорфа и других исследователей предлагались и иные трактовки «постсовременной» эпохи. Весьма разнообразные по методологии и основным постулатам, они были едины в исходной позиции – восприятии современного состояния общества как преодоления индустриальной модели взаимодействия человека, общества и природы. Настойчивое использование префикса «пост-» было вызвано стремлением не только дистанцироваться от уходящей эпохи, но и подчеркнуть преемственность исторического пути Запада. В целом речь шла об анализе не столько новой общественной системы, сколько некоего «постиндустриального барьера», за которым открывалось еще совершенно малопонятное и даже пугающее социокультурное пространство.

Лишь на рубеже XX–XI вв. постиндустриальная модель общественного развития приобрела вполне оформившиеся черты. Первоначально ее сердцевиной стал переход от ресурсозатратных к ресурсосберегающим технологиям, затем – компьютерная революция и информатизация экономики. В этих условиях рынок труда претерпел глубокую структурную перестройку. Доля занятых в промышленности в ведущих странах Запада снизилась примерно с 36 до 31 %. Во многих отраслях индустрии уменьшились и абсолютные показатели занятости. В отраслях нематериального производства, напротив, наблюдался значительный прирост рабочей силы. В США в 1970–1996 гг. число занятых в сфере услуг возросло с 49 млн до 95,6 млн чел., т.е. на 102 %. Это составило 74 % совокупной численности всех занятых в стране. Характерно, что наибольшее количество новых рабочих мест создавалось на предприятиях и фирмах малого и среднего бизнеса. Выросла доля различных гибких форм занятости, в том числе с неполным рабочим днем, надомной работой.

В 1990-х гг. реструктуризация рынка труда практически завершилась. Перераспределение рабочей силы между отраслями значительно уменьшилось. Ее воспроизводство сконцентрировалось преимущественно внутри основных секторов экономики и системы профессионального образования. Во многих индустриально развитых странах сократился и импорт рабочей силы. Это стало следствием как общего уменьшения спроса на неквалифицированный труд, так и интеграции рынков труда, международной кооперации производства, переноса большей части конвейерных производственных операций

на «дочерние» предприятия в развивающихся странах. На фоне стабилизации рынка труда стала очевидной его принципиально новая сегментация. Она не совпадает с традиционным отраслевым распределением занятости, а также разделением на «синие» и «белые воротнички». В основе новой структуры рынка труда лежит сосуществование двух принципиально разных моделей экономического поведения и социальной мотивации человека.

Один из полюсов современного рынка труда образует так называемая «сложная рабочая сила». К этой категории относятся не только менеджеры и программисты, но и обладающие достаточной квалификацией рабочие, служащие, техники, персонал из сферы услуг. Это работники, которые способны самостоятельно использовать свои профессиональные знания, гибко менять виды производственной деятельности и переучиваться, обладающие территориальной и социальной мобильностью. Среди них в качестве элитарной группы выделяются работники высшей квалификации с ярко выраженными креативными способностями, ориентированные на творческий, инновационный режим производственной деятельности, индивидуальную ответственность за ее результаты. Противоположный сектор рынка труда образуют работники, чья профессиональная деятельность основана на шаблонных операциях, т.е. на воспроизводстве устоявшихся технологических схем. Значительная часть из них имеет вполне высокий уровень квалификации, но по своей мотивации и организации производственной деятельности они представляют собой классический индустриальный тип работника. К этому типу примыкают незначительные группы неквалифицированных работников, которые имеют небольшой, но устойчивый спрос на современном рынке труда.

Каждому из двух основных секторов рынка труда присуща своя динамика роста занятости, уровня безработицы, условий труда, его оплаты. Что еще более важно, в каждом из них складывается особый тип производственной культуры. Для «индустриального типа» по-прежнему характерна линейная зависимость уровня материального вознаграждения от овладения тем или иным набором профессиональных навыков, их качественного применения на практике. Работники такого типа ориентированы на стабильную занятость, предпочитают по возможности не менять род занятий и место работы. Саму производственную деятельность они воспринимают лишь как обязанность, необходимую для обеспечения материальных условий жизни.

«Постиндустриальный тип» работника формируется в принципиально иных координатах. Его профессиональная и социальная востребованность связана не только с владением определенным количеством специальных умений и навыков, но и с широким спектром личностных качеств, нравственных, психологических, интеллектуальных особенностей. Использование информационных технологий, новейших моделей маркетинговой деятельности, внедрение современных форм менеджмента предъявляют исключительно высокие требования к интеллекту, уровню абстрактно-логического и эмоционально-образного мышления, сенсорике и моторике работника. Самостоятельность мышления и инициативность, творческий подход к делу и ориентация на альтернативность решений производственных проблем, способность к оптимизации, планированию собственных действий и к сотрудничеству, конструктивному взаимодействию с коллегами, позитивное отношение к инновациям и готовность критически осмысливать достигнутое становятся обязательными критериями профессионализма. Как следствие, для такого человека труд из средства «иметь» превращается в

способ «быть», т.е. в сферу самовыражения и реализации своих способностей. Инновационная профессиональная деятельность оказывает и обратное влияние на личность работника, способствует развитию его коммуникативной культуры, мотивации к самосовершенствованию, творческой самореализации. Усиливается способность к индивидуализированному решению задач, манипулированию различными типами информации, адаптации в нестандартных ситуациях и, как следствие, возрастает социальный оптимизм, уверенность в своих силах, личностная открытость.

Характерно, что каждый из двух сосуществующих типов производственной культуры востребован в современной экономике. Оба сектора рынка труда на рубеже XX–XXI вв. показали тенденцию к стабилизации. Однако в системе трудовых отношений акцент решительно переносится на поощрение новых явлений в мотивации человека. Общераспространенной стала дифференцированная оплата труда, основанная на гибкой системе вознаграждений. «Нестабильные элементы» заработной платы (премии, бонусы, дополнительные услуги, различные виды страхования, образовательные программы) достигают уже 1/3 от общей суммы оплаты труда. Большую значимость приобретает так называемая аналитическая система оценки трудового вклада. Она основана на создании индивидуальных «стандартов исполнения», которые соотносятся с общими расчетными стандартами. Учету подлежит квалификация каждого работника, объем и качество его работы, вклад в конечный результат, инициативность и зона ответственности. Уровень вознаграждения в этом случае зависит не только от исполнения прямых функциональных обязанностей, но и от овладения работником смежными специальностями, прохождения им переподготовки, участия в креативных проектах.

Изменение роли «человеческого фактора» в общественном производстве было осмыслено в новейших теориях менеджмента. Чикагский экономист Теодор Шульц для суммарной характеристики инновационного участия человека в современном производстве ввел термин «человеческий капитал».

«Человеческий капитал» представляет собой не только производственный потенциал работника, но и всю сумму личностных мотиваций, стереотипов, интересов, переживаний, влияющих на те или иные аспекты экономической деятельности человека. Критерии профессионализма приобретают, таким образом, ярко выраженную личностную, субъективистскую направленность. Значимость коллективных субъектов трудовых отношений, напротив, быстро снижается. В первую очередь это касается отраслевых профсоюзных организаций. В Западной Европе к началу 1990-х гг. в их состав входили уже не более 40 % наемных работников, в США – менее 20 %. От политики коллективных договоров, т.е. монопольного определения условий найма, профсоюзы перешли к практике гибкого договорного сотрудничества с предпринимателями. При общем стремлении укрепить социальные гарантии работающих, основной целью их деятельности становится выработка оптимальных производственных условий, в том числе длительности и интенсивности работы, размеров оплаты и пособий и т.п. Острый антагонизм отношений труда и капитала окончательно ушел в прошлое.

Резкое снижение уровня социальной конфликтности в сфере трудовых отношений связано с тем, что «человеческий капитал» принципиально меняет структуру капиталотдачи, в том числе преодолевает прежнюю линейную зависимость капитальных затрат и конечной прибыли. Активность человека, его мотивация, субъективные реакции становятся ключе-

вым фактором инновационного развития производства. Следовательно, экономический рост оказывается напрямую зависим не только от совершенствования технико-технологической базы и наращивания капиталовооруженности труда, но и от развития креативных способностей самого человека, занятого в производстве. В этих условиях выбор между «ресурсозатратной» и «ресурсосберегающей» моделями экономического роста утрачивает смысл. «Человеческий капитал» – это принципиально «нелимитированный» ресурс. Его образование и обновление, т.е. «инвестиции в человека», имеют совершенно иную логику, нежели обычные капиталовложения. Необходимы расходы не только на профессиональную подготовку работника, но и на его общее образование, здравоохранение, различные формы рекреации, воспитание детей и т.п. По сути, вся базовая подготовка будущего работника ведется вне зависимости от контрактных условий труда, вне прямого влияния будущих работодателей и без принятия четких обязательств со стороны работника. Ключевую роль в «инвестициях в человека» играет не бизнес, а само общество, берущее ответственность за социализацию личности, развитие ее образовательного и культурного уровня.

Усиление роли «человеческого фактора» в трудовых отношениях, постепенное стирание грани между рабочим местом и рекреационным пространством приводит к размыванию границ между производительным и непроизводительным трудом, между трудовой деятельностью и досугом и, в конечном счете, между производством и потреблением. Происходит переход от «чистого» производства к процессу, в котором трудовые отношения воспринимаются как способ самоудовлетворения, т.е. элемент потребления. Потребление, в свою очередь, становится важнейшим фактором формирования и функционирования рабочей силы. Складывается принципиально новая модель потребительского поведения, направленная не только на рекреацию рабочей силы, но и на повышение ее инновационного потенциала. На потребительском рынке доминирующей фигурой становится «гибкий потребитель», все меньше связанный со статусными стандартами престижности. Потребитель, выбирающий качественный и престижный товар из массы стандартизированной продукции, сменяется потребителем, ценящим нестандартизированные товары и услуги, отвечающие его индивидуальным предпочтениям. В структуре спроса это приводит к постепенному замещению материальных благ на духовные и интеллектуальные ценности, информационную продукцию, образовательные услуги, здравоохранение, различные формы досуга. В целом, удовлетворение личных потребностей все чаще выражается не в максимизации потребления, а в поиске новых форм самореализации, где грань между трудовой деятельностью и потреблением не столь важна.

Для обозначения новой модели социальной мотивации в западной науке используется понятие «экспрессивизм», характеризующее такие ценности, как творчество, автономность, отсутствие контроля, приоритет самовыражения перед социальным статусом, поиск внутреннего удовлетворения, стремление к новому опыту, тяготение к общности, принятие участия в процессе выработки решений, жажда поиска, близость к природе, совершенствование самого себя и внутренний рост. О. Тоффлер предложил называть подобную мотивацию «постэкономической системой ценностей», поскольку в ее рамках традиционные критерии успешности, сопряженные с денежным эквивалентом вознаграждения за совершенный труд, сменяются комплексными характеристиками «качества жизни». Развивая эту идею, Р. Ингларт создал

концепцию постматериалистической мотивации. «Постматериалисты исповедуют ценности, которые не благоприятствуют их экономическому успеху, — утверждает Инглегарт. — Они направляют значительную часть своей энергии на обеспечение иных благ, нежели доход, — в первую очередь таких как качество жизни. В своей личной жизни они делают акцент не столько на обязательную занятость и высокий доход, сколько на работу интересную, осмысленную, осуществляющуюся в контексте с близкими по духу людьми». Согласно данным Стэнфордского исследовательского института, «постматериалистическую» жизненную позицию уже в середине 1970-х гг. занимали примерно 5–6 млн взрослых американцев, а в конце 1990-х гг. — около 45 млн, т.е. до 24 % взрослого населения страны.

Радикально меняя мотивацию социальной деятельности человека, постматериалистическая система ценностей по своей значимости выходит далеко за рамки культурного феномена. Она способствует активизации творческого потенциала человека, формированию готовности и способности к креативным действиям практически в любой сфере. Это превращает «постматериалистов» в наиболее ценную часть «человеческого капитала» современной экономики. Складывается уникальный парадокс — люди, отдающие предпочтение нематериальным ценностям, все чаще становятся лидерами в сфере бизнеса и производства, политики и культуры. Что особенно важно, люди, ориентированные на приоритеты духовного роста и самореализации в творческой деятельности, оказываются внутренне защищены от давления социальной системы. И эта доля свободы и независимости превращает их в инициативную силу, способную не только противостоять внешнему диктату, но и предъявлять обществу собственные требования, приводить социальную действительность в соответствие со своим видением. Залогом этого права на лидерство становится не контроль над внешним богатством, а прежде всего специфика личностных качеств «постматериалистов», их мироощущение, психологические характеристики, формируемые благодаря высокому образовательному уровню и интеллектуальному потенциалу.

Утверждение «постматериалистической» модели социальной мотивации является наиболее важным фактором становления информационного общества. Характерно, что повод говорить о наступлении «информационной эры» дал прежде всего революционный прорыв в развитии компьютерных технологий в конце XX в. Понятие «информационное общество», введенное Ф. Махлупом и Т. Умсао, акцентировало роль информации как уникального производственного ресурса, распространение которого тождественно самовозрастанию, а потребление приводит не к истощаемости, а к кумулятивному накоплению. Но к концу 1990-х гг. стало очевидно, что «информационная революция» создала не только новый технологический уклад, но и новую социальную реальность. В условиях информационной экономики знание становится и основным ресурсом, и наиболее востребованным товаром, и основой социализации человека. Ориентиры материального богатства, определявшие систему стратификации в индустриальном обществе, перестают играть решающую роль в формировании социальной структуры. Прежняя иерархия статусных групп постепенно теряет стройность, распадается ее прежняя пирамидальная форма. Страты окончательно превращаются в социокультурные общности, образуемые не в силу общественно признанных статусных отличий, а на основе социальной, психологической, культурной самоорганизации. Эта эволюция связана уже не только с возрастанием общего уровня доходов населения и дифференциацией потребления, но и с ростом

психологической мобильности в обществе, разнообразием стилей жизни, быстрой сменяемостью ориентиров социального успеха.

Кризис идентичности в условиях глобализации и становления информационного общества. Проблема идентичности оказалась одной из наиболее актуальных в начале XXI в. Самые различные процессы и явления современной жизни рассматриваются сквозь призму понятий «кризис идентичности» и «поиск идентичности». В последние годы обсуждение проблем идентичности стало магистральным направлением глобалистики — междисциплинарного научного направления, ориентированного на анализ современного мирового порядка.

Термин «глобализация» начал использоваться еще в начале 1980-х гг. Т. Левитом, Дж. Маклинном, Р. Робертсоном и другими американскими исследователями, изучавшими транснациональный характер экономических процессов. После опубликования в 1990 г. книги японского экономиста Кеничи Омае «Мир без границ» термин «глобализация» приобрел более широкое звучание и вскоре превратился в один из наиболее употребляемых при обсуждении «постсовременной эпохи».

При существенных разночтениях в трактовке природы и последствий глобализации практически все аналитики делают акцент на проблеме целостности современного миропорядка, перспективах общепланетарной универсализации знаний, культурных ценностей, производственных и политико-правовых форм. Фундаментальной основой глобализации считается революция в средствах коммуникации, связи и информатики, радикально изменившая характер интеллектуального, культурного и технологического взаимодействия, породившая беспрецедентную социокультурную взаимозависимость отдельных стран и народов. Многие специалисты делают вывод о том, что развитие глобальных экономических, политико-правовых и информационных систем ведет к ослаблению национальных государств и нарастающему кризису национальной и конфессиональной идентичности. Но столь же очевидным становится и нарастающее противодействие мировой «периферии». Пропась между богатыми и бедными странами становится особенно зримой на фоне закрепления единых стандартов производства и потребления. Экспансия западного образа жизни, «лавина американских артефактов», как Джеймс Дэвидсон назвал массу современных бытовых явлений от фастфуда и джинсов до рэпа и кредитных карточек, воспринимается в качестве культурной и даже политической агрессии. Нескрываемые притязания США на роль единственной «сверхдержавы» и упорные попытки формирования мировой системы «Pax Americana» лишь усиливают это впечатление.

На протяжении 1990-х гг. стало очевидно, что подъем националистических и клерикальных настроений в современном мире во многом связан именно с реакцией традиционных культур на глобальный вызов. Вслед за Самюэлем Хантингтоном многие исследователи называют эти процессы «столкновением цивилизаций». Сам Хантингтон определяет цивилизации как культурные сущности, формируемые на основе единства языка, религии, обычаев и существующие в качестве идентификационных систем. В современном мире, когда вслед за окончанием «холодной войны» потерял значимость вопрос «С кем вы?», ключевой проблемой стало определение «Кто мы?». Стратегия блоковой солидарности сменилась культурным

самоопределением, а политическая борьба переместилась в сферу межкультурной конфронтации.

Проблема идентичности актуальна не только для «периферийных» стран, уязвимых в условиях глобализации, но и для ведущих держав мира. Показательно, что острый кризис идентичности поразил американское общество, которое по праву могло бы считаться триумфатором эпохи глобализма. После трагических событий 11 сентября 2001 г. настроения в американском обществе изменились радикально. На смену гражданской апатии и культурному сепаратизму пришло обостренное чувство патриотизма и готовность деятельно отстаивать «место Америки в мире». Однако за этим эмоциональным движением по-прежнему сохраняются признаки растерянности и духовной разобщенности. С. Хантингтон в своем бестселлере «Кто мы?» резонно замечает: «Изобилие американских флагов после 11 сентября явилось не столько свидетельством возросшего осознания национальной идентичности, сколько признаком неуверенности в собственной сути, признаком колебаний в ответе на вопрос, а кто мы такие... Неужели Америке необходимо Усама Бен Ладен, чтобы осознать: мы – американцы?».

Существует немало объективных причин для обострения проблемы идентичности именно в американском обществе. К ним относятся и последствия окончания «холодной войны», когда распад СССР психологически ослабил значимость национальной стратегии безопасности, и мощнейшая волна иммиграции, в том числе испано-язычной, и результаты долговременной политики «мультикультурализма». Но наиболее болезненная проблема рождается совершенно в иной плоскости – американская идентичность в условиях торжества глобализации оказывается в состоянии почти неразрешимого противоречия. Признание американской идентичности в качестве «особой», «уникальной», т.е. именно «национальной», означает полную бессмысленность распространения американских ценностей среди других народов и дискредитирует характерное для американцев самоопределение в мире. Если же американская идентичность позиционируется как совокупность бесспорных общечеловеческих ценностей, то она утрачивает характер национальной и не может стать препятствием для нарастания центробежных культурных тенденций.

Подобная проблема характерна не только для американского общества. Она носит универсальный характер. Укрепление транснациональной экономики и международно-правовой системы, экуменического движения и мировых информационных систем, синтез классических идеологий и формирование усредненных стандартов социального обеспечения уничтожает привычное пространство идентификации. Идентичность начинает «сужаться» до уровня субкультур. Размывание национальных и культурных границ заставляет людей все более настойчиво искать «собственное» социальное окружение, придавать гипертрофированное значение расовой или конфессиональной принадлежности, общим «историческим корням» или политическим мифам. Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, П. Бьюкенен, И. Валлерстайн и другие ведущие западные мыслители усматривают в этой тенденции угрозу глобальной цивилизационной катастрофы. На страницах их произведений формируется трагический образ мира, где разворачивается то ли конец истории, то ли столкновение цивилизаций, а в самое последнее время – пришествие нового варварства, начало очередной мировой войны – на этот раз с глобальным терроризмом. Проблема идентичности в этом свете остается объектом и полем конфликтного противоборства социальных, политических и идейных сил,

каждая из которых стремится подавить другие и навязать свой вариант цивилизационного движения. Поиск идентичности, т.е. попытки ценностного и культурного самоопределения, рассматриваются прежде всего как защитная реакция в условиях глобализации, а потому трактуется в качестве источника нарастающей социальной напряженности. Однако очевидно, что не меньшую роль в обострении кризиса идентичности имеет и сложная перестройка социальной организации самого западного общества.

Устраняя традиционное классовое деление индустриального общества, «информационная революция» провоцирует не менее жесткую социальную поляризацию. Причем критерием нового социального деления является не владение неким объемом знаний, а именно личностные качества человека, его способность свободно оперировать информацией и знаниями, создавать новые информационные продукты. Поэтому в системе стратификации общества акцент постепенно переносится с типов поведения на структуру ценностей человека. Ведущим социальным типом становится человек, способный к свободному поиску информации, творческому ее осмыслению и на этой основе – к личному самосовершенствованию. «Информационная революция», качественно изменившая источники и носители информации, формы и методы ее поиска и использования, предоставила неограниченные возможности для развития такого типа личности и наращивания влияния подобных людей на все общество.

Феномен появления новой социальной элиты следует рассматривать в контексте более широкой проблемы – процесса виртуализации общества. Этимология термина «виртуальный» позволяет дать множество его трактовок, подчас весьма противоречивых и даже взаимоисключающих. Латинское *virtualis*, переведенное как возможный, и английское *virtual*, переведенное как фактический, действительный, получали самые различные смысловые толкования еще в античной и средневековой философских традициях. Но всегда подразумевалась вполне четкая онтологическая грань между «реальными объектами», с характерными для них упорядоченностью, наглядностью, «практичностью», и «виртуальными», как иллюзорными, магическими, «потусторонними».

Априорное разделение реального и виртуального являлось одной из важнейших характеристик традиционной картины мира, унаследованной и классической научной парадигмой. Рождение на рубеже XIX–XX вв. квантовой физики буквально взорвало эту стройную онтологическую систему. Фотонная теория позволила впервые говорить о феномене «виртуальной реальности». Но сам термин «*virtual reality*» закрепился в середине 1980-х гг. в ином смысле. Джарон Лензе первым тогда предложил рассматривать виртуальную реальность в качестве мультимедийной имитации реальных или вымышленных сред, некоего иллюзорного мира, в который погружается и с которым взаимодействует человек. В исследованиях А. Крокера, М. Вэйнстайна, М. Кастельса, Ф. Хэмита, Д. В. Иванова сложилась целостная концепция виртуальной реальности как сложного имитационного пространства, не имеющего собственной онтологической сущности, но оказывающего многогранное воздействие на все сферы человеческой деятельности. Очевидно, что использование компьютерных технологий придает воздействию виртуальных объектов на органы чувств человека весьма «практический» характер. Вместе с тем виртуальное пространство представляет собой именно имитационную среду, своего рода «буферную реальность», которую каждый человек наполняет собственным смыслом, ощущениями, образами.

Первоначально «экспансия» виртуальной реальности связывалась с внедрением мультимедийных технологий. Однако уже вскоре стало очевидно, что виртуализация различных сфер общественных отношений сопряжена не только с технологическими нововведениями, но и существенными изменениями в самом характере человеческой деятельности, способах и мотивах коммуникативного взаимодействия. Ускоренное развитие системы электронной, в том числе фьючерсной, торговли переносит в виртуальное пространство все большую часть товарно-денежного обращения. Сами образы товаров и фирм-производителей превратились благодаря системе брендинга и франчайзинга в чрезвычайно выгодный объект сбыта. Бренд товара, т.е. имиджевый образ, сегодня является неотъемлемым компонентом его себестоимости.

Еще более заметный феномен – виртуализация политической сферы. Технологии *public relations* превратили политический процесс в подобие виртуального политического рынка, где «продаются» и «покупаются» образы политиков, партий, программ и событий. Политические имиджи, создаваемые рейтинг- и имиджмейкерами, постепенно превращаются из «предвыборного» товара в постоянный элемент властных отношений. С их помощью симулируются самые различные компоненты политических практик. Все основные институты представительной демократии – парламентаризм, разделение властей, многопартийность, состязательный политический процесс – вытесняются интегрированной виртуальной средой, перенасыщенной маркетинговыми образами и разнообразными «ресурсами», но совершенно нивелированной с точки зрения реального идеологического многообразия. Схожие процессы виртуализации происходят и в других сферах – постмодернистском искусстве, мультимедийной массовой культуре, постнеклассической науке, «нетрадиционных» семейных отношениях, сетевых интернет-сообществах и пр.

Очевидно, что все перечисленные явления могут существовать только в условиях интенсивного информационного обмена, основанного на использовании передовых мультимедийных технологий. Уровень виртуализации той или иной сферы общественных отношений напрямую зависит от количества способов создания, преобразования и потребления информации. С этой точки зрения информационное пространство можно рассматривать как неотъемлемую форму существования виртуальной реальности. Однако формирование информационного пространства сопряжено не столько с решением технологических задач, сколько с утверждением нового масштаба человеческого мировосприятия, с тотальной экспансией информации, вытесняющей привычные смыслы, установки, ценности.

Современный человек формируется как личность в медианасыщенной среде, где любые социальные отношения оказываются неразрывно связаны с интенсивным информационным обменом. Он оказывается погружен в настоящий океан информации. Причем вместо получения пространных, соотносящихся друг с другом, собранных и систематизированных информационных «полос» он сталкивается с короткими «вспышками информации» – аудиовизуальными клипами, числовыми рядами, новостными текстами, «обрывками теорий», которые не укладываются в прежние границы представлений и знаний. Нередко этот информационный поток несет противоречащие и даже взаимоисключающие сведения, а общее количество информации возрастает в геометрической прогрессии.

Восприятие виртуальной реальности как метафоры, отражающей «перепроизводство смыслов» и упадок «реальности», стало одной из наиболее

заметных черт постмодернистской философии. В трудах Ж.-Ф. Лиотара, Ж. Бодрийяра, А. Турена, Ж. Делеза всесторонне рассматриваются онтологические, социальные, мировоззренческие аспекты этого феномена. Показательно, что, рассуждая о специфике современного общества, постмодернисты охотно прибегают к терминам и выражениям с «игровой семантикой». Игра становится одним из наиболее популярных символов бытия человека в виртуальной реальности. В эпоху повального увлечения компьютерными «стрелялками» и «стратегиями» это не вызывает удивления. Но игровой компонент культуры оказался объектом пристального внимания европейских мыслителей существенно раньше. Еще в начале XX в. Йохан Хейзинга разработал концепцию игровой деятельности как одного из основных архетипов человеческого самовыражения и взаимодействия. Он же ввел в социальную антропологию термин *Homo ludens* (человек играющий).

Становление информационного общества существенно меняет характер игровой деятельности. Классическая игра очень четко обособляется от «обыденной жизни» местом действия и продолжительностью, протекает внутри своего пространства, которое обозначается сценарием. В обществе, где царит «утрата смыслов», где виртуальная, знаковая культура приобретает собственное бытие, игра не только проникает в реальность, но и придает ей все более театрализованный характер. Причем на смену шекспировской формуле «Весь мир театр, а люди в нем – актеры» приходит метафора Моза: «Актер живет на сцене, а в жизни лишь играет». *Homo ludens* становится вполне реальным социальным типажом, причем имеющим немалые преимущества. Такой человек принципиально меньше отягощен грузом сформированных и исторически обусловленных стереотипов, он обладает более мобильными реакциями и способностью манипулировать любыми пластами информации. Ощущение «неполной реальности мира», характерное для игровой концепции жизни, порождает раскрепощенность социального поведения, относительную легкость адаптации к новым условиям, способность к гибкому моделированию социальных ролей, творческому использованию окружающей реальности, манипулированию людьми и информацией.

Игровая концепция жизни разительно изменяет систему социализации личности и всю модель стратификации общества. Она формирует сообщества, основанные на симуляции образов «Я» и «Мы». Смоделированная идентичность такого сообщества может основываться на самых произвольных комбинациях социальных признаков – половых, возрастных, семейных, этнических, конфессиональных, культурных, идеологических и т.п. Она не обязательно имеет преемственный характер и подвержена быстрым изменениям. Социализация индивида в рамках подобного сообщества представляет собой не усвоение групповых ценностей или норм поведения, а построение определенного личностного имиджа. Причем, в отличие от статусных признаков, основанных на престижности того или иного стиля жизни, имидж нельзя «выбрать». Под имидж невозможно «подстроиться», как под модный образ поведения или потребления. Имидж является результатом социального творчества индивида. Он может быть сконструирован из различных атрибутов потребления или занятости, распространенных в обществе, но является прежде всего средством самовыражения, самопрезентации человека.

Имиджевая модель поведения предполагает особую значимость неформальных межличностных связей. По своей сути имидж отражает свободное самоопределение человека, но социальную значимость он приобретает лишь при условии активного коммуникативного взаимодействия. Иметь имидж

означает заявить окружающим о своем личном стиле жизни и быть услышанным. Таким образом, имидж не только требует от человека постоянного «самореферирования», но и основывается на рефлексивном восприятии социального окружения. Складывается парадоксальная закономерность – чем активнее человек стремится к поддержанию собственного имиджа, тем больше он зависим от интенсивного общения с окружающими. Возникает и обратная зависимость – все большая плотность информационного пространства, растущая интенсивность общения заставляют человека втягиваться в процесс симуляции своей идентичности, дополнять и корректировать свое «Я», выстраивать свой образ в глазах все большего числа людей.

Итак, в информационном обществе способность моделировать и поддерживать личный имидж оказывается важнее, чем наличие престижных атрибутов того или иного стиля жизни. Формирование имиджа становится ключевым в социальных притязаниях человека, в поиске социального окружения. Тем самым в обществе стремительно нарастает многообразие поведенческих моделей, ценностный и мотивационный плюрализм. Под воздействием этих факторов меняется и вся система стратификации общества. Она приобретает все большую гибкость, многомерность, фрагментарность, почти эфемерность. На смену нормативной, предписывающей социализации человека приходит спонтанная самоорганизация социальных групп. Стройная институциональная структура общества сменяется интенсивными коммуникативными связями. По выражению Н. Лумана, общество становится «коммуникативным». Но парадокс ситуации связан с тем, что адаптация человека к новой социальной системе не преодолевает, а скорее усиливает угрозу кризиса идентичности.

Распространение имиджевой модели поведения и игровой концепции жизни, социальная успешность их приверженцев (заметная и в политической, и в экономической, и в культурной сферах) создают угрожающий разрыв между «социально реальным» и «социально виртуальным». Происходит «размывание» привычных категорий идентичности, основанных на групповой солидарности и культурных традициях. Из коммуникативной культуры общества вытесняются исторически сформировавшиеся формы общения. Традиция начинает восприниматься как искусственное ограничение свободы самовыражения человека, а не сосредоточение культурного опыта поколений. Все это может трактоваться как глобальный ценностный и мотивационный кризис. Однако суть происходящей метаморфозы заключается не в фатальной ценностной дезориентации современного человека. В информационном обществе происходит переход к совершенно новой системе самоидентификации, позволяющей свободно моделировать собственное «Я» из многообразных информационных ресурсов окружающего мира, конструировать собственную идентичность, а не искать ее в сопричастности к тем или иным сообществам и культурным традициям.

Способность к свободной, моделирующей самоидентификации является одним из проявлений так называемого креативного мышления. В отличие от традиционной вербально-логической системы, креативное мышление не является инструментом логики и результатом многоуровневого абстрагирования. Оно опирается на систему разрозненных образов, иррационально воспринимаемых и обрабатываемых подсознанием. Человек с креативным мышлением воспринимает все многообразие окружающей реальности как изначально неорганизованную, хаотичную, деструктурированную среду, лишенную предустановленных правил и жесткой внутренней логики. Информационное

пространство превращается для него в неисчерпаемый поток «клипов» – модульных единиц информации, предельно динамичных, изменчивых, несобственных, относительно независимых друг от друга, подлежащих свободному отбору и комбинированию. При этом сознание волюн или невольно вытесняется в сферу интуитивного творчества – оно попадает в пространство симуляции образов, моделирования виртуальной реальности. Необходимым условием для такого творчества становится не преемственность опыта, не энциклопедическое обобщение знаний, а постоянная смена впечатлений, непрерывное обновление «ресурсной базы». Креативность мышления оказывается в прямой зависимости от ускоренного темпа жизни, от формирования все новых ситуаций и раздражителей, от многообразия «клиповой культуры».

Современная политическая, экономическая и научная элита с успехом рекрутирует людей с креативным мышлением. Но это неизбежно раскалывает общество, поскольку на другом социальном полюсе оказываются те категории населения, которые могут считаться аутсайдерами «виртуального мира». Их составляют люди с традиционной системой мышления и мировосприятия. Они не только не обладают определенным образовательным цензом или уровнем профессиональной компетенции, но и прежде всего психологически не готовы к происходящим переменам. Их маргинализация основывается на устойчивом недоверии к мультимедийным технологиям, отсутствии психологического комфорта при использовании новейшей техники, а главное – на неспособности к постоянному генерированию новых знаний, интенсивному участию в коммуникативных процессах, пересмотру устоявшихся представлений. Это люди, которые предпочитают «закрытое» социальное пространство, испытывают чувство комфорта, опираясь на привычные и знакомые категории целесообразности, полезности, допустимости тех или иных шагов и реакций. Необходимость подвергать сомнению собственные знания и убеждения, гибко моделировать свое поведение и менять ролевые установки приводит таких людей к стрессовому состоянию.

Распространенное убеждение в том, что подобные психологические проблемы могут быть решены благодаря широкому распространению современной информационной культуры, своего рода «компьютерному всеобучу», глубоко ошибочно. При столкновении с «виртуальной реальностью» личностно, не готовая к открытому, «игровому» диалогу с внешней средой, испытывает еще большую потребность в строгих, понятных, безапелляционно воспринимаемых «смыслах», в образовании замкнутого культурного пространства, воспринимаемого как «собственное». Происходит своего рода психологическая инфляция. Не имея возможности освоить окружающую социокультурную реальность, человек начинает транслировать на нее свои собственные представления и ожидания. И по мере того, как окружающий мир становится более сложным и изменчивым, человек традиционного типа все активнее стремится к воссозданию в нем наиболее привычных, традиционных форм социальной идентификации. Феномен возрождения семейных, религиозных, этнокультурных ценностей во многом объясняется именно этим фактором. Сама общественная дискуссия о «кризисе идентичности», об «угрозе утраты исторической памяти» или «разрушения культурного наследия» наглядно иллюстрирует фобии и устремления «традиционного человека». Не случайно и то, что возрождение этнонациональных и конфессиональных ценностей сопровождается взрывом ксенофобии. За этой априорной

неприятным к «инородцам» скрывается нарастающая конфликтность «традиционного человека».

Инстинктивно защищаясь от потока новой информации, человек традиционного типа приобретает такие черты, как скрытность, подозрительность, инфантильность. Он охотно верит в широкое распространение заговоров, тем более что представление о господстве неких тайных сил, о царящих в обществе обмане и лжи компенсирует его собственную неуспешность. Спасаясь в калейдоскопе насущных, повседневных проблем, подобные люди предпочитают не замечать принципиальные изменения окружающего мира и расценивать новые явления как бессмысленные, не имеющие практического значения фантазии. При этом именно они оказываются объектом мощнейшего информационного манипулирования, объединяются в массу, которая восторженно принимает и легко усваивает легкие образы, имитирующие «подлинный смысл», «настоящую правду». Преобладание массы превращает общество в публику, падкую на впечатления, но инертную в своем социальном бытии.

Итак, кризис идентичности является одной из наиболее сложных и взрывоопасных глобальных проблем человечества. Он не может быть осмыслен в категориях конфронтации «новых» и «старых» социальных сил, в контексте борьбы за сохранение или забвение традиционных этнокультурных и конфессиональных ценностей. Проблема идентичности порождена инновационным характером развития информационного общества, перманентной изменчивостью и клиповой фрагментарностью современной культуры. Современный человек вынужден постоянно терять идентичность с тем, чтобы вырабатывать ее вновь и вновь. Уже казалось бы найденный ответ, сформированный «Я-образ» рассыпается всякий раз, когда окружающее информационное пространство образует новые фантомы «образов», «смыслов», «проблем» и «угроз». Этот информационный прессинг вынуждает человека заново переосмысливать не только внешнюю реальность, но и постоянно выстраивать собственное «Я».

Рефлексивный характер современной идентичности и ее предельная пластичность могут восприниматься как издержки инновационного становления новой общественной системы. Однако реальной альтернативы подобный тип социализации человека не имеет. Даже в тех случаях, когда поиск идентичности происходит на основе наиболее привычных культурных кодов и символов, когда он сопряжен с формированием «защитного поля» для маргинализированных социальных групп и индивидов, речь не может идти о действительном воссоздании традиционных социальных связей. Охранительная культурная политика может возродить архаичные, «закрытые» кланово-корпоративные формы социализации, которые полностью блокируют влияние на человека информационного общества (под лозунгами «истинной веры», псевдопатриотизма, «этнической чистоты» и т.п.). Но подобный регресс возможен лишь в краткосрочной перспективе и в масштабе отдельных этнических или конфессиональных сообществ. В условиях глобализации реконструировать полностью «закрытое» общество практически невозможно. Более того, охранительная культурная политика способна создать лишь видимость консолидации общества. Паразитируя на иррациональных страхах перед меняющимся миром, она пестует в человеке априорное недоверие к «Другим», создает своего рода «апартеидное мышление» и, в конечном счете, лишь усиливает социокультурный хаос.

Отказ от охранительной культурной политики и активная адаптация к виртуальной культуре информационного общества отнюдь не предпола-

гают забвение семейных и конфессиональных ценностей, упадок наций и этносов. Рефлексивная, «открытая» идентичность современного человека по-прежнему зависима от традиционных, в том числе этнокультурных и конфессиональных, факторов. Но меняется характер их воздействия. Традиции становятся не основой пассивного восприятия человеком уже устоявшихся, жестко зафиксированных установок, ценностей и стереотипов, а компонентом предельно многообразного, плюралистичного информационного пространства. Их многообразие позволяет человеку приобщаться к нескончаемому потоку «ролей», «образов», «смыслов». Мультикультурное, многонациональное, поликонфессиональное общество превращается в неисчерпаемый информационный ресурс, в многогранную «матрицу» для свободной самоидентификации, для построения образа собственного «Я». Таким образом, преодоление монокультурного мировосприятия, отказ от деления мира на «своих» и «чужих» становятся залогом развития востребованных личностных качеств – динамизма, критичности, высокой коммуникативной культуры, способности к позитивному восприятию разнообразных образцов мышления и поведения и, на этой основе, склонности к творческому саморазвитию.

Глава 6

Ведущие течения общественно-политической мысли в XX в.

Идеологическое пространство индустриального общества. Складывание индустриального общества привело к существенным переменам в мировоззрении европейского человека. Формализация духовного мира личности, нарастающая интеллектуализация и рационализация общественного сознания сопровождались ломкой как религиозной, так и метафизической картины мира. Естественнаучные изыскания, философско-мировоззренческие исследования, развитие социально-политических и правовых теорий, художественное творчество постепенно приобретали ярко выраженную дисциплинарную логику. Завершилось формирование классической научной парадигмы, основанной на представлениях о стабильности, линейности, строгой причинно-следственной связи природных явлений и процессов. В научном сообществе восторжествовало стремление к установлению «точного», «позитивного» знания. Все элементы научной информации рассматривались как однозначные, объективные, достаточные для любого уровня обобщения. Складывался и универсальный научный язык, основанный на логических понятиях, категориях, теориях.

Классическая научная картина мира была ярким проявлением ментальных особенностей индустриального общества. «Человек модерна» чувствовал себя комфортно в мире, воспринимаемом как созданная и действующая по единому плану система, как безбрежная, но упорядоченная кладовая естественных богатств. Классическая наука, открывающая вещи окружающего мира с точки зрения их утилитарной полезности и практической применимости, придающая им роль пассивных объектов активного человеческого познания, пестовала дух покорения природы и торжества научно-технического прогресса.

Позитивистское мышление опиралось на восприятие мира в качестве некоего естественного порядка, развивающегося в соответствии со строгими законами причинности. В той же логике формировалось представление о социальном, экономическом, правовом нравственном «порядке». Возникло стремление описать общественное развитие с помощью немногочисленных, математически точных и непротиворечивых законов, постулируемых так же безапелляционно, как факт существования всемирного тяготения в

теории Ньютона. Именно в такой позитивистской стилистике формировалась так называемая «классическая» социально-политическая идеология.

Под влиянием позитивизма в «классической» общественно-политической мысли закрепились идеалы научности, объективизма, утилитарности. Сформировалось стойкое убеждение, что идеологические концепции можно разделить на прогрессивные и реакционные, «исторически верные» и «ошибочные». Прогрессизм идеологий позитивистского типа основывался на представлении об универсальности путей общественного развития, второстепенной значимости этнонациональной, конфессиональной, культурной специфики отдельных стран и народов. Как следствие, позитивистская идеология приобретала ярко выраженный мобилизационный и даже революционный характер. Она утверждала не только важность той или иной модели политического управления, но и необходимость преобразования всех сторон общественной жизни. Пафос исторического оптимизма придавал сторонникам подобной идеологии крайнюю безапелляционность, бескомпромиссность и жесткость в диалоге с оппонентами. Не ставился и вопрос о социальных издержках прогресса.

Наиболее ярко черты позитивистской идеологии отразились в классических концепциях либерализма и марксизма. В основу этих доктрин легли механистические представления о социальном порядке, идеи договорной природы власти и гражданского сообщества, материалистическая трактовка исторического процесса. Отражая мировоззренческие ориентиры ведущих классов индустриального общества, классические концепции либерализма и марксизма апеллировали к принципу народного суверенитета и идее демократии как единственно легитимной модели политико-правового устройства. При этом торжество демократии рассматривалось в качестве условия для решения еще более важной задачи – создания подлинно свободного общества. Категория «свободы» приобретала для либералов и марксистов не только политический, но и социальный смысл. Свобода трактовалась как безусловное общее благо и залог социальной справедливости, а освобождение – как основной ориентир общественного прогресса. При этом разное понимание природы и источников социальной справедливости, упование на индивидуалистическое или коллективистское начало общественной жизни, утверждение приоритета свободы личности или свободы «народных масс» решительно размежевывали либеральную и коммунистическую идеологию.

Глубинные мировоззренческие противоречия, возникшие в процессе формирования индустриального общества, широкой урбанизации, секуляризации массового сознания, отразились в доктрине анархизма – первой протестной идеологии классического типа. Она впитала уникальное сочетание настроений отчаяния и оптимизма, нигилистической непримиримости и нравственного идеализма, разочарования в публичной политике и жажды радикальных общественных преобразований, стремления к тотальному разрушению и веры во всеобщую гармонию и свободу. Социальную опору анархизма составляли маргинальные слои населения, которые уже были интегрированы в индустриальную систему, но сохраняли традиционные представления о социальной справедливости, склонность к эмоциональным, иррациональным действиям, укорененную неприязнь к городскому образу жизни со всеми присущими ему социальными атрибутами и поведенческими установками.

В качестве альтернативы прогрессистским социально-политическим доктринам формировался классический консерватизм. Эта идеология отра-

жала негативную реакцию элитарных социальных групп феодального общества на политические, социальные, экономические аспекты процесса модернизации. В то же время консерватизм представлял собой нечто большее, нежели антиреволюционную политическую программу. Основу консервативного стиля мышления и восприятия мира составлял традиционализм – естественное для человека стремление стабилизировать, сохранить, укрепить существующий социальный порядок как привычную среду обитания. Ценности традиционализма являлись важнейшей мировоззренческой характеристикой любых доиндустриальных обществ. Они проявились в качестве доминирующих умонастроений, стиля поведения, коммуникативной культуры. Идеалы традиционализма не требовали какого-либо иного обоснования, кроме самой веры в постоянство и конечное совершенство мироздания. Но с появлением прогрессистских идеологических теорий, активизацией революционно-демократического движения возникли предпосылки для перерастания традиционализма в такую же целостную, рационально аргументируемую идейно-политическую доктрину.

Идеологическое пространство индустриального общества окончательно сложилось во второй половине XIX в., но уже к началу следующего столетия возникли предпосылки для его радикального обновления. В этот период стремительно нарастали противоречия в экономической, правовой, политической, культурной сферах. Все они имели единые истоки – невозможность формирования целостной и стабильной общественной модели на принципах утилитарного рационализма и прогрессизма. Вера в безусловную ценность материального и политико-правового прогресса сыграла свою позитивную историческую роль в «эпоху революций». Однако, вытесняя традиционные основы общественной этики и поведенческой мотивации человека, прогрессизм провоцировал нарастающий мировоззренческий кризис и все более мощную волну социальной конфликтности и агрессии.

Модернизация не только освободила человека от религиозных и сословно-корпоративных «оков». Она нанесла мощный удар по всей традиционной системе институтов и отношений, обеспечивавших духовную и социальную преемственность человеческой жизни. Идея прогресса оказалась ловушкой. Слепая вера в будущее превращала реальность в «промежуточное», условное состояние, а прошлое – в темный временной провал, лишенный какого-либо самостоятельного значения. Отказавшись от себя вчерашнего, человек лишился пространства для осмысления всей жизни в целом, смысла своего существования. Вся система общественных оценок, мировоззренческих стимулов, моральных устоев оказывалась под сомнением. Перестав видеть в себе творение Бога, человек безапелляционно объявил творцом окружающего мира самого себя. Но эта попытка привела не столько к утверждению «подлинно человеческого» в индивиде, сколько к утрате того «надчеловеческого», что пестовало духовный мир личности на протяжении многих столетий.

Рациональная социальная философия, прагматизм и деловитость, введенные в ранг общечеловеческих ценностей, деформировали сам психологический строй личности. Ключевыми ориентирами жизнедеятельности становились независимость, эффективность, благосостояние. Новая система требовала от человека знаний, а не рассуждений, умелых действий, а не понимания смысла происходящего, передачи и восприятия информации, а не общения. Деловитость становилась неприменным атрибутом успешности. Общество, провозгласившее приоритетной ценностью интересы лично-

сти, пришло в своем развитии к отрицанию ее самобытности, к формализации всех проявлений человеческой жизни.

Острое ощущение надвигающейся нравственной катастрофы, попытка осмысления природы происходящих событий сплотило блестящую плеяду европейских мыслителей и представителей творческой интеллигенции. В произведениях Ф. Ницше и Ф. Достоевского, К. Манхейма и А. Швейцера, К. Ясперса и О. Шпенглера отразилось нарастающее беспокойство европейского сознания, «кризис европейского пессимизма» – разочарование в духовных основах индустриального общества, осознание ограниченности идеалов Нового времени. Запад стоял на пороге сложной цивилизационной трансформации. Суть ее объективно заключалась в «социализации» общественного устройства, отказе от радикального технизма, возрождении духовной природы личности, укреплении ее социальных связей. Все XX столетие будет сопряжено с настойчивыми поисками новых форм экономических, правовых, политических, социальных взаимоотношений, способных вернуть гармоничный и справедливый характер общественной системе. Эти мировоззренческие искания привели к радикальному обновлению всех ведущих социально-политических доктрин.

Свобода и справедливость в либеральной общественной мысли XX в. Основу либеральной идеологии изначально составляли духовные ценности, принципиально значимые для исторической эволюции западного общества: представление о человеке как самостоятельной личности, сформировавшейся на основе естественного тяготения к самосохранению и самореализации, о равенстве людей в правах на личную свободу, неприемлемости любых форм деспотизма и произвола. Уязвимость же классического либерализма была связана с индивидуалистической трактовкой этих принципов, ярко выраженной социальной элитарностью, отказом от конструктивного анализа проблем социальной справедливости. Преодолеть эти противоречия была призвана обновленная версия либеральной идеологии, сформировавшаяся на рубеже XIX–XX в. – социальный либерализм.

Социально-либеральная идеология базировалась на особой трактовке категории «свободы». Новое поколение либералов рассматривало свободу в качестве принципа общественной жизни, а не основы суверенитета личности. Они призывали не противопоставлять «свободного человека» обществу, а бороться за создание «свободного общества». Тем самым свобода должна была превратиться из символа независимости немногих в основу справедливой и счастливой жизни всех. Для этого общество было призвано обеспечить каждому своему члену минимальные условия жизнедеятельности, позволяющие реализовать собственные способности и таланты, занять достойное место в общественной иерархии и получить адекватное вознаграждение за общественно полезный труд.

Восприятие свободы как позитивного социального принципа заставляло либералов пересмотреть свое отношение к идее социальной справедливости. В концепции социального либерализма сохранилось крайне отрицательное отношение к уравнилельным эгалитарным принципам и представление о важнейшей значимости индивидуальной инициативы и ответственности. Однако считалось, что общественное развитие невозможно без эффективной системы социального взаимодействия. Переосмыслению подверглась и трактовка частной собственности – цитадель индивидуалисти-

ческого мировоззрения. Пришло четкое понимание роли общества в охране собственности и эффективном функционировании любых ее форм. Это, в свою очередь, вело к осознанию права государства, как представителя общественных интересов, на вмешательство в сферу общественных отношений для обеспечения консенсуса между отдельными социальными группами, в том числе между работодателями и наемными работниками, производителями и потребителями.

Идеология социального либерализма не отрицала полярность классовой структуры индустриального общества, однако ориентировалась на достижение гармонии в отношениях классов и групп на основе их взаимовыгодного сотрудничества. Большая роль отводилась государственным реформам в экономической и социальной сфере, в том числе антимонополистическому регулированию, расширению трудового законодательства, системы социального страхования. Первые попытки вступить на путь таких преобразований в ведущих странах Запада предпринимались уже в начале XX в., однако они не увенчались значительным успехом. Окончательное закрепление идеологии социального либерализма произошло лишь в 1930-х гг., на фоне «Великой депрессии» и триумфа кейнсианской экономической теории.

Кейнсианство сыграло огромную роль в эволюции либерализма. Характерно, что и сам Джон Кейнс являлся активным членом английской либеральной партии и непосредственно участвовал в разработке партийных программных установок в духе идей социального либерализма. Кейнсианская теория привнесла в доктрину либерализма представление об активной общественной роли государства, акцентировала значение социально-экономических факторов общественного развития. Еще большее значение для эволюции либеральной мысли имело формирование в американской науке особого междисциплинарного направления – институционализма.

Представители первого поколения институционалистов Т. Веблен, Д. Коммонс, У. Митчелл особое внимание уделяли роли социальных норм и традиций, неформальных правил и культурных стереотипов в развитии общества. По их мнению, вся эта система «институций» («установлений») складывается спонтанно, без рациональной целесообразности, как побочный результат взаимодействия множества людей, преследующих собственные интересы. Но в дальнейшем «институции» приобретают устойчивый характер и оказывают мощное регулирующее влияние на людей. Стабильность общества, по мнению институционалистов, зависит не только от эффективности, но и от исторической преемственности институциональной сферы, ее сбалансированности, тесной взаимосвязи формальных и неформальных институтов.

После Второй мировой войны институционализм превратился в одно из ведущих течений общественной мысли. В работах Дж. Гэлбрейта, Дж. Бьюкенена, У. Ростоу, Г. Мюрдаля был представлен целостный анализ развития индустриального общества. Особенностью воззрений второго поколения институционалистов стало подчеркнутое внимание к проблемам социокультурной и институциональной обусловленности поведения человека. Представители институционализма объясняли о гибели «старого» капитализма с присущими ему социальным неравенством, забвением общечеловеческих интересов, кризисами и диспропорциями. Усиление государственного вмешательства в экономику рассматривалось ими как залог еще более значимых, фундаментальных преобразований, необходимая предпосылка для формирования принципиально нового типа соци-

альных отношений. Именно институционалисты сформировали либеральную версию концепции «государства благосостояния». Под «общественным благосостоянием» они понимали не только высокий уровень жизни, но и целостную систему государственной политики, направленной на реализацию принципа социальной справедливости. Основным средством обеспечения общественного благосостояния считалось создание социально ориентированной смешанной экономики, основанной на многообразии форм собственности, со значительной ролью государственного планирования, оптимизацией моделей потребления.

Важный вклад в становление концепции социального государства внесло одно из ведущих течений экономической мысли XX в. – фрайбургская школа ордолиберализма (лат. «ordo» – порядок, строй). Основателем ее являлся немецкий экономист Вальтер Ойкен. Ордолибералы выступали в защиту свободного рыночного механизма, но не вопреки, а благодаря государственному вмешательству. Государство рассматривалось ими в качестве института, призванного обеспечить эффективность и сбалансированность всего хозяйственного порядка. Но государственное вмешательство не должно подменять действие рыночных механизмов. Ойкен чрезвычайно негативно относился к идее перераспределения государством совокупного дохода в целях стимулирования спроса. Задачей государства, с его точки зрения, является создание такого порядка, когда свободное предпринимательство и конкуренция естественным образом приведут к отбору наиболее эффективных форм производства. В послевоенной Западной Германии создание таких «рамочных условий» в экономике стало важнейшей целью правительственной политики. Людвиг Эрхард, «отец» немецкого послевоенного «экономического чуда», разработал на основе идей ордолиберализма концепцию социального рыночного хозяйства.

На протяжении 1960-х гг. в развитии либеральной идеологии наметился раскол. Характерной чертой стало формирование «антиутопического» течения общественной мысли. В антиутопиях отразились растущее разочарование в либерально-демократических идеалах, опасения грядущего тотального господства транснациональных корпораций. В подобном ключе были созданы романы «О, дивный новый мир» О. Хаксли, «1984» и «Звероферма» Дж. Оруэлла, «Механическое пианино» К. Воннегута, «451° по Фаренгейту» Р. Брэдбери, «Конец вечности» А. Азимова. В более оптимистическом духе были выдержаны футурологические исследования представителей институционализма. Большинство из них вполне позитивно относилось к росту могущества монополистических корпораций. Корпорации рассматривались ими как своего рода ячейки «коллективистского капитализма», особая форма обобществления воспроизводства. Важнейшее значение придавалось способности корпораций ускорить научно-технический прогресс.

Большую известность приобрела книга Джона Гэлбрейта «Новое индустриальное общество» (1967). Гэлбрейт полагал, что научно-технический прогресс изменяет сущность властных отношений в обществе. Усложнение производства и технологии, акционирование собственности подрывает позиции традиционных предпринимательских групп и передает бразды правления технократам, менеджерам. Принципы управления корпорацией, перенесенные на все общество, по мнению Гэлбрейта, способны упорядочить социальные отношения, ликвидировать конфликтность, создать основу для реализации общих интересов и создания «общества изобилия». Мобилиза-

ция же материальных ресурсов, вызванная научно-технической революцией, может обеспечить достаточную ресурсную базу для реализации такого проекта.

Наступление эпохи «нового индустриального общества» пытались осмыслить в своих произведениях и другие авторитетные представители институционализма — У. Ростоу, Р. Арон, З. Бжезинский, Д. Белл. К началу 1970-х гг. эта линия в развитии общественной мысли привела к формированию целого направления футурологической литературы, ориентированного на прогнозирование постиндустриальных тенденций общественного развития.

На протяжении 1970–1980-х гг. либеральная общественная мысль оказалась в состоянии глубокого идейного кризиса. Причины его были связаны с дискредитацией идеологии «государства благосостояния». Западное общество переживало сложнейшую социально-психологическую и институциональную перестройку. Ценностные ориентиры социального либерализма, его футурологические прогнозы, рецепты экономического роста и социальной солидаризации оказались неактуальны. Но именно в эти годы начинает складываться принципиально новое направление либеральной мысли. Толчком для его формирования послужила публикация в 1971 г. книги Джона Роулса «Теория справедливости». Полемика, развернувшаяся вокруг концепции Роулса в последующие годы, вернула либеральную мысль в русло политической философии и сконцентрировала на ключевой для нее проблеме — взаимоотношений индивида и государства на основе общественного договора. Первые итоги этой дискуссии подвел сам же Роулс, опубликовавший в 1992 г. обновленный вариант своей теории в книге «Политический либерализм».

В своих размышлениях Роулс отталкивался от наиболее сложной для либералов дилеммы — справедливость или свобода. По его мнению, справедливость следует рассматривать как совокупность наиболее важных социальных, правовых, политических и экономических институтов, позволяющих эффективно распределять преимущества и тяготы среди членов общества. «Приоритетным благом» для человека Роулс считал не те или иные материальные ресурсы, а возможность максимально гибко и эффективно достигать собственных целей. Свобода выбора является непременным условием для реализации этого «блага». Но проблема заключается в том, чтобы свобода и равенство в шансах были обеспечены для каждого члена общества. Подобное справедливое устройство невозможно обеспечить ни административными, ни сугубо экономическими средствами. Роулс доказывал, что единственным основанием справедливости может быть общественный договор — законные условия вступления граждан в систему социальных взаимоотношений.

Общественный договор в версии Роулса — это ситуация гипотетического выбора, некая «исходная позиция», в которой человек избирает линию своего поведения в обществе. Для того чтобы человек, совершая подобный выбор, следовал принципу справедливости, он должен быть беспристрастен по отношению к собственному положению в обществе. Роулс считал, что это возможно лишь в условиях «вуали неведения», т.е. в ситуации, когда человек не имеет достаточно информации для точного определения своего социального будущего, когда его перспективы остаются «открытыми», а возможности «равными». Тогда, осуществляя выбор, человек всегда предпочтет общество, где каждому его члену гарантирован «максимум минимума» (т.е. наименее преуспевающие будут находиться в максимально благо-

приятном положении). Иными словами, человек оказывается наиболее справедливым, когда пытается обезопасить самого себя. Задача же государства заключается в обеспечении «вуали неведения», т.е. сохранении беспристрастности и свободы общественного мнения, преодолении корпоративного эгоизма и угрозы коррупции.

Несмотря на некоторые натяжки в своих рассуждениях, Роулс сумел емко выразить ключевую для современного либерализма идею — необходимость всемерного укрепления гражданского общества, решения любых социальных проблем на основе консенсуса, обеспечения нейтрального диалога граждан и государства, отказа от моделирования тех или иных «распределительных» моделей справедливости. Эти же принципы подробно раскрываются в трудах других идеологов современного либерализма — Р. Нозика, Р. Дворкина, И. Берлина, Д. Уолдрона.

Современная социал-демократия: от социал-реформизма к поиску «третьего пути». Идеология левого толка, формировавшаяся в XIX в. в русле рабочего движения, изначально включала в себя несколько весьма разнородных направлений. Фундаментальная роль марксистской философии долгое время позволяла нивелировать эти внутренние центробежные тенденции, но уже к началу XX в. раскол левого лагеря оказался неизбежен. В годы Первой мировой войны он стал свершившимся фактом. Международное рабочее движение распалось на социал-реформистское и революционное течения.

В мае 1923 г. в Гамбурге состоялся Учредительный конгресс Рабочего Социалистического Интернационала, на котором присутствовали представители 43 партий из 30 стран (более 6 млн. членов). Принятые резолюции и устав РСИ опирались на концепцию демократического социализма. Основными целями социал-демократического движения были объявлены борьба за демократизацию политической системы и улучшение условий труда, противоборство с любым политическим экстремизмом, включая большевизм и фашизм. Особо оговаривалась важность укрепления системы международных отношений и солидарность с деятельностью Лиги наций по укреплению мира и разоружению. Председателем РСИ был избран лидер британской лейбористской партии А. Гендерсон. Полномочия руководящих органов Рабочего Социалистического Интернационала были достаточно ограничены и заключались в самой общей координации деятельности национальных партий.

В последующие годы стало очевидным, что основной сферой влияния социалистического движения остаются развитые страны Европы, где рабочие партии пользовались поддержкой значительной части электората и активно участвовали в деятельности органов представительной демократии. Зато многие проблемы, связанные со спецификой стран «второго эшелона», так и не получили идеологического осмысления. На Марсельском и Брюссельском конгрессах РСИ, состоявшихся в августе 1925 г. и августе 1928 г., основной темой стала борьба за мир. Источником военной угрозы считались авторитарные государственные режимы, в том числе СССР. РСИ выступил с поддержкой деятельности Лиги наций по созданию международной системы арбитража, внедрению принципов безопасности и разоружения. Он ориентировал рабочие партии и на дальнейшую борьбу за укрепление «хозяйственной демократии» — укрепление прав профсоюзов,

гарантий 8-часового рабочего дня, расширение системы социального страхования, ограничение деятельности монополий. Попытки же выработать позицию по отношению к проблеме фашизма не привели к успеху. Фашизм интерпретировался либо как «звериное лицо капитализма», возрождаемое «наиболее реакционной частью буржуазии», либо как особая разновидность бонапартизма. Разразившийся в 1929 г. мировой экономический кризис и последовавший в 1930-х гг. взлет фашизма в Европе стал для социал-демократов такой же неожиданностью, как и для либеральных буржуазных партий.

Обострение политической ситуации в Европе в 1930-х гг. вызвало раскол в рядах социал-демократии. В руководстве РСИ сформировались три фракции, отстаивавшие разные пути выхода из кризиса. «Правая» группировка, возглавляемая английскими лейбористами, шведскими и датскими социалистами, ратовала за сохранение традиционного идейного кредо РСИ, сотрудничество с либерально-демократическими партиями, создание «сильного демократического государства», способного сохранить и укрепить законность. «Левые», в том числе радикальная часть социал-демократии Польши, Испании, Франции, Германии, выступали за разворачивание массовых выступлений пролетариата, сотрудничество с коммунистами в рамках широких коалиций (Народных фронтов), силовое противоборство с фашистами. В явном меньшинстве остались сторонники умеренной линии.

На Венском 1931 г. и Парижском 1933 гг. конгрессах РСИ преодолеть противостояние в социал-демократическом движении не удалось. Возобладала мысль о том, что Европа раскололась на «демократический Запад» и «авторитарный Юго-восток». Не имея возможности выработать единую линию, руководство РСИ признало целесообразным решать эту проблему исходя из специфики той или иной страны. Причем к революционным действиям пролетариат призывался лишь в тех случаях, когда фашизм уже укрепился у власти. В странах, где подобная угроза становится реальной, РСИ признал возможной консолидацию всего рабочего движения, но исключительно под демократическими лозунгами, во имя защиты существующей демократической государственности. В 1934–1935 гг. такая тактика стала предметом обсуждения с представителями Коминтерна, однако эти контакты не привели к выработке единой политической позиции двух Интернационалов. Признавая реальный раскол европейской социал-демократии, во второй половине 1930-х гг. наиболее влиятельные фракции РСИ – английская и скандинавские – выступили за ликвидацию политических полномочий Исполкома и организационную децентрализацию РСИ («избавление от бремени солидарности»). Такой курс привел к окончательному распаду РСИ весной 1940 г.

В 1951 г. для восстановления традиций довоенной социал-демократии был создан Социалистический интернационал. Первоначально его программные установки очень зависели от реалий «холодной войны». Первое поколение лидеров Социинтерна составили политики «правого» толка – К. Бевин, К. Шумахер, К. Реннер, Дж. Сарагат. Они выступали с наиболее умеренной версией демократического социализма, отвергая не только революционную стратегию и принцип диктатуры пролетариата, но и саму идею классовой борьбы. По сути, такой вариант социал-демократической идеологии уже мало отличался от концепции социального либерализма. Эпицентр политической активности социал-демократов сместился в область антимонополистической борьбы, защиты конституционно-правовых

гарантий граждан, расширение государственного регулирования в экономической сфере. Сам Социинтерн, как и его предшественник РСИ, был весьма децентрализован в организационном отношении. Он создавался как «ассоциация партий» и был призван служить основой для развертывания свободных идеологических дискуссий, но не прямой политической консолидации.

В 1970–1980-х гг. деятельность Социинтерна и его идеологическая программа существенно изменились. В. Брандт, У. Пальме, Б. Крайский, Ф. Миттеран, Ф. Гонсалес попытались придать социал-демократическому движению более современный, динамичный характер. Нарастающий кризис «государства благосостояния» в странах Запада, снижение активности рабочего профсоюзного движения, изменения на мировой арене заставляли искать новые формы и цели политической деятельности. Именно в эти годы партии Социинтерна начали играть большую роль в поддержке демократических и национально-освободительных движений в странах «третьего мира», в укреплении международно-правовой системы, проведении политики разоружения. Активизировались контакты Социинтерна с ООН, ЮНЕСКО, Движением неприсоединения и другими международными организациями. Обновленная идеологическая платформа была закреплена и в программных документах организации – Уставе (принятом на конгрессе в Лиме в 1986 г.) и Декларации принципов (принятой на конгрессе в Стокгольме в 1989 г.). Та же политическая линия сохранилась и в 1990-х гг. с приходом на пост первого секретаря Социинтерна П. Моруа.

В конце XX в. произошла дальнейшая идеологическая перестройка во всех ведущих партиях Социинтерна. Активная деятельность на международной арене не могла компенсировать провал внутриполитической стратегии. Триумфальный прорыв к власти неоконсерваторов и демонтаж ими «государства благосостояния» заставил социал-демократов модернизировать свои программные установки.

Лейбористская партия в Великобритании встала на путь обновления еще 1987 г., когда была создана партийная комиссия «Пересмотр политики». Но лишь в середине 1990-х гг. новый партийный лидер Энтони Блэр сумел сделать решающий шаг в этом направлении. Рубежным событием стала конференция Лейбористской партии 1995 г., посвященная изменению партийного устава. Новая редакция устава определяла Лейбористскую партию как «демократическую и социалистическую», ориентирующуюся на создание «справедливого общества», основанного на динамизме и конкуренции, обеспечивающего равенство возможностей и гарантии против бедности. Из устава были исключены положения о приоритете общественной собственности на средства производства. Само понятие «социализм» стало рассматриваться в этическом плане, как идеал оптимального взаимодействия индивида и общества, а не проект определенного общественного устройства.

Обновление идеологии немецкой социал-демократии началось в 1989 г. с принятием новой программы СДПГ, впервые уделившей большое внимание экологической проблематике и сменившей приоритеты коллективизма и солидарности на принципы индивидуальных достижений и экономической конкуренции. Новый лидер СДПГ Герхард Шредер старался опереться на идеи, привлекательные для самых широких слоев электората. Особое значение придавалось идее равенства возможностей при учете индивидуальных достижений, либеральному прагматизму во внутренней политике, сбалансированному внешнеполитическому курсу. Шредер предлагал искать выход из многолетнего кризиса в отказе от технократических методов управления,

обеспечении «просматриваемости» деятельности правительства, в том числе реанимации институтов «согласованных действий» (совместного обсуждения общественных проблем представителями бизнеса, профсоюзов и государства). Политической опорой Шредера стала «розово-зеленая коалиция» (социал-демократов и экологистов).

Схожую эволюцию претерпело социалистическое движение во Франции. Лидер ФСП Лионель Жоспен сумел объединить левые силы на парламентских выборах 1997 г., выдвинув программу, схожую с основными идеями «нового лейборизма» Блэра. Его правительство было сформировано «розово-красно-зеленым» альянсом (социалистов, коммунистов, экологистов). Жоспен разработал стратегию «левого реализма», пытаясь искать в любых ситуациях наиболее сбалансированные и деидеологизированные решения проблем. Пресса назвала его политику «модернизацией с человеческим лицом».

В Италии дискуссия в левом лагере развернулась еще с 1980-х гг. Важную роль сыграло преобразование в 1991 г. Итальянской коммунистической партии в Партию демократических левых. В 1990-х гг. под руководством Романо Проди сложилась широкая левоцентристская коалиция «Олива». Как и «новый лейборизм», ее программные установки представляли собой синтез традиционных социал-демократических принципов с умеренным вариантом неоконсерватизма. В составе «Оливы» оказались политические силы совершенно разной направленности – от социалистов и республиканцев до католиков и либералов. При этом «Олива» решительно выступала против любых радикальных движений как правого, так и левого толка.

В целом, успех социал-демократии в 1990-х гг. был обусловлен привлекательностью для широких слоев общества самой идеи сочетания рыночного и социального принципов. Современные левые приветствуют «рыночную экономику», но критикуют «рыночное общество». Они делают ставку на развитие «социального пространства», включающего семью, культуру, образование, здравоохранение, систему социального обеспечения и экономическую инфраструктуру. В этом пространстве «человеческий капитал» должен стать главной целью, а не средством для экономического роста.

В начале 2000-х гг. социал-демократические и близкие им политические течения столкнулись с новыми проблемами. Общественность все больше волнуют такие вопросы, как безопасность, угроза терроризма, деградация окружающей среды, морально-этические проблемы генной инженерии. XXI Конгресс Социинтерна, прошедший в ноябре 1999 г. в Париже и принявший программную «Парижскую декларацию», призвал все левые силы сплотиться в решении этих проблем. Конгресс осудил действующую модель глобализации, основанную на принципах «неолиберализма и неоконсерватизма». Была высказана озабоченность «угрозой насаждения культурной однородности», действиями спекулятивного международного финансового капитала, проповедующего «рыночный фундаментализм».

В обновленной стратегии социал-демократии закрепились и еще одна новая программная установка – идея «третьего пути». Инициатором дискуссии по этому поводу стал Э. Блэр при активной помощи Г. Шредера и президента США Б. Клинтона. Главной задачей современного «третьего пути» считается сочетание стремления людей к индивидуализации, автономии личности с их желанием жить в удобном, безопасном и справедливом социальном окружении. Эта двойственность осложняется противоречием между глобализацией и возрождением разнообразных форм групповой

идентификации (прежде всего этнического и религиозного толка). Для решения подобных проблем социал-демократическая программа «третьего пути» не выдвигает новой «большой идеи». Ставка делается на реализм и прагматизм. Однозначно признается, что государство должно гарантировать доступ к важнейшим социальным благам, но не брать их обеспечение на себя. Оно призвано оставаться арбитром, препятствующим нарастанию в обществе как классового эгоизма, так и эгалитарных настроений. Можно сказать, что идея «третьего пути» сменяет традиционный республиканский лозунг «свобода, равенство, братство» на «сообщество, право, ответственность». Сохраняется приверженность ценностям социальной справедливости, но ключевое значение придается равенству шансов, социальному оптимизму и активности человека.

Международное коммунистическое движение в XX в. Первый шаг к формированию международного коммунистического движения был сделан в марте 1919 г., когда по инициативе российских большевиков в Москве состоялся Учредительный Конгресс III Интернационала. Конгресс принял «Платформу Коминтерна» и «Манифест к пролетариям всего мира», провозгласившие в самом общем виде идеи революционного марксизма (революционный характер социалистического строительства, диктатура пролетариата, слом буржуазного государства, экспроприация крупного капитала, поддержка национально-освободительного движения и т.д.). На II Конгрессе Коминтерна (1920 г.) были приняты Устав Коминтерна и так называемое «21 условие о приеме», представлявшие собой детальное описание идеологической платформы, общеобязательной для коммунистических партий (тезисы о диктатуре пролетариата, принципиальном разрыве с реформистской социал-демократией, об организационном принципе демократического централизма, обязательности решений Коминтерна для отдельных партий, о большевистской трактовке принципа интернационализма и т.п.) Базовым документом для работы конгресса стала работа В. Ленина «Детская болезнь левизны в коммунизме», где последовательно проводилась идея жесткого противопоставления коммунистического движения как правому социал-оппортунизму, так и леваческому радикализму, «революционной стихии». Коминтерн рассматривался как «революционный инструмент создания планетарного государства трудящихся», который должен воспроизвести организационные принципы «партии нового типа».

Решения III и IV Конгрессов Коминтерна (1921–1922) закрепили организационный принцип демократического централизма, в том числе практику избрания Исполкома делегатами конгрессов, а не формирования его состава в соответствии с представительством партий. Был провозглашен принцип «концентрирования» Коминтерна в противовес национальной автономизации. Пытаясь перехватить инициативу у социал-демократов, IV Конгресс утвердил стратегию «единого рабочего фронта» (консолидации пролетарского движения за счет соединения революционной стратегии коммунистических партий с тактическими задачами в области экономического и социального положения рабочего класса). В ходе работы IV Конгресса возникла острая дискуссия. К. Радек и его сторонники утверждали, что корректировка политических целей коммунистического движения превращает социал-демократию во временного союзника. Основным оппонентом Радека выступил председатель Исполнительного Комитета Коминтерна (ИККИ) Г. Зиновьев. Он доказывал,

что социал-демократические партии являются левой частью буржуазного политического лагеря и, следовательно, наиболее опасными противниками коммунистического движения. Решения конгресса оказались компромиссными, хотя позиция Зиновьева получила поддержку наибольшего числа депутатов. При этом отвергнута была наиболее радикальная программа, предложенная Л.Троцким, сторонником дальнейшей эскалации революционной борьбы и развертывания мировой революции.

V Конгресс Коминтерна состоялся в 1924 г. на фоне быстрого спада революционной волны в Европе. В руководстве самого Коминтерна произошли перестановки, связанные с усилением политических позиций И. Сталина. Лейтмотивом работы V Конгресса стало продолжение дискуссии Радека и Зиновьева. При этом в центре обсуждения оказался вопрос фашизме. Тема фашистской угрозы поднималась уже на предыдущем Конгрессе. Зиновьев предложил тогда рассматривать фашизм как движение, инспирированное крупным капиталом и демагогическое по своему характеру. Спустя полтора года Зиновьев трактовал фашизм уже в качестве более широкого явления. Причиной фашизации он считал попытки буржуазии найти пути спасения гибнущего капитализма в союзе с социал-реформистами или националистами. Оба варианта, по мысли Зиновьева, являлись контрреволюцией, причем основную угрозу рабочему движению представляла именно социал-демократия («социал-фашизм»), более изощренно обманывающая трудящихся. Позиция Зиновьева была решительно поддержана Сталиным. Наряду с социал-демократией к числу профашистских течений был отнесен и пацифизм (как основной источник военной угрозы в силу своего противоборства с революционным движением на мировой арене). Зиновьев, Сталин и выступивший в их поддержку Н.Бухарин сумели добиться принятия Конгрессом наиболее радикальных резолюций, в том числе о борьбе против «социал-фашизма», о необходимости «большевизации» коммунистических партий вплоть до превращения Коминтерна в «единую всемирную большевистскую партию». Попытки же Троцкого начать дискуссию о «кризисе вождей» и бюрократизации большевистской партии не увенчались успехом.

После 1924 г. в деятельности руководящих органов Коминтерна наступила продолжительная пауза, когда эпицентр политической борьбы переместился в руководство ВКП(б). Отзвуки ее отражались на решениях ИККИ. В 1925–1927 гг. Сталину удалось устранить двух наиболее опасных противников – Троцкого и Зиновьева, выступивших против «термидорианского перерождения» ВКП(б) и отказа от радикальной революционной стратегии коммунистического движения. Объектом следующей атаки Сталина стали «правые уклонисты» – его бывшие союзники по защите идеи «единого рабочего фронта» от «левацкой» стратегии Зиновьева и Троцкого. На VI Конгрессе Коминтерна в 1928 г. Сталин предложил новый вариант политической платформы международного рабочего движения – «класс против класса». Предполагалось, что в условиях приближающегося нового революционного кризиса в странах Запада создаются условия для «мирного наступления против буржуазного государства». В этой связи требовалось придать «единому рабочему фронту» более жесткие формы, развернуть наступление против социал-демократии «по всем линиям». Попытки Н. Бухарина выступить против этого курса не увенчались успехом.

Начало в 1929 г. мирового экономического кризиса было воспринято в Коминтерне как подтверждение правильности сталинской стратегии. Но

вместо новой волны революционного движения в Европе началось политическое наступление фашизма. В марте 1933 г. руководство Коминтерна призвало к расширению рабочего движения во имя совместной антифашистской борьбы. В отличие от концепции единого пролетарского фронта, обновленная программа предполагала и сотрудничество с социал-демократическими партиями. Первым шагом в этом направлении стало участие представителей ряда европейских коммунистических партий в проведении Европейского антифашистского конгресса, прошедшего в июне 1933 г. в парижском зале Плейель. Созданный на нем Центральный комитет выступил с инициативой проведения массовых антифашистских кампаний и спустя два месяца объединился со Всемирным комитетом борьбы за мир, созданным на антивоенном конгрессе в Амстердаме в 1932 г. Объединение антивоенного и антифашистского движения в единое движение «Амстердам – Плейель» стало важным шагом по консолидации усилий либеральной интеллигенции, профсоюзного актива, социалистов и коммунистов в защите демократии.

Проблемы антифашистской борьбы стали центральным вопросом на XIII пленуме ИККИ (1933). Его участниками было сформулировано определение фашизма как «открытой террористической диктатуры наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала». Такой подход позволял обосновать целесообразность включения коммунистов в широкое антифашистское демократическое движение, отказаться от негативного отношения к пацифизму. В 1934 г. ряд авторитетных идеологов европейского коммунистического движения – Г. Димитров, П.Т. олягги, В. Пик, О. Куусинен, выступили за отказ от концепции «социал-фашизма» и укрепление связей с социал-демократическими партиями. В то же время руководство Коминтерна по-прежнему считало стратегической целью рабочего движения установление диктатуры пролетариата. Таким образом, коммунисты рассматривали образование массовых антифашистских демократических движений как первый шаг к активизации пролетарского революционного движения, тогда как социалисты ориентировались лишь на создание широких левоцентристских парламентских коалиций. Это противоречие не позволило руководству двух Интернационалов прийти к согласованным решениям по проблемам организации Народных фронтов. В итоге подобные движения сформировались лишь в некоторых странах Европы и Латинской Америки и без какого-либо централизующего влияния международных рабочих организаций.

Несмотря на срыв переговоров о создании Народных фронтов, в руководстве Коминтерна продолжалось укрепление позиций сторонников антифашистского курса. На VII конгрессе Коминтерна (1935 г.) эта стратегия получила официальное закрепление. Димитров в докладе «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма» подчеркивал, что главной причиной наступления фашизма является политический и организационный раскол пролетариата. В то же время фашизм по-прежнему трактовался как «воинствующий буржуазный национализм», получающий поддержку народа за счет демагогии и лжи. Не проводилось и различие между фашизмом и нацизмом.

На протяжении второй половины 1930-х гг. остановить шествие фашизма по европейскому континенту не удалось. Фатальный удар по Коминтерну нанесло подписание в 1939 г. советско-германского пакта о ненападении.

нии, а затем и договора о дружбе и сотрудничестве. Советская пропагандистская машина переориентировалась на обличение западных демократий и полностью отказалась от критики нацистского режима. В этих условиях деятельность Коминтерна оказалась парализована. С началом Великой Отечественной войны организационные структуры ИККИ были использованы для расширения советской агентуры на оккупированных территориях. В 1943 г. Коминтерн был официально распущен – его существование препятствовало сближению СССР с новыми союзниками на Западе.

По окончании Второй мировой войны перед советским руководством вновь встала задача по организационной и идеологической консолидации международного коммунистического движения. Однако вплоть до 1947 г. СССР не форсировал процесс складывания советского блока в Европе. В 1946 г. советский академик Е. Варга, известный «глашатай» официального политического курса, даже выдвинул особый термин – «демократия нового типа». Это понятие основывалось на концепции демократического социализма, строящегося с учетом национальной специфики в освободившихся от фашизма странах. Идея «народной демократии», общественного строя, сочетающего принципы социальной справедливости, парламентской демократии и свободы личности, была очень популярной в странах Восточной Европы после войны. Она рассматривалась многими восточноевропейскими политиками как «третий путь», альтернатива индивидуалистическому американизированному капитализму и тоталитарному социализму советского образца. Но ситуация в корне изменилась к середине 1947 г. Провозглашение «доктрины Трумэна», объявившей начало крестового похода против коммунизма, превратило противостояние «сверхдержав» в «холодную войну». Восточная Европа окончательно превратилась в зону непосредственного влияния СССР.

Политический переворот, произошедший в восточноевропейских странах в 1947–1948 гг., дал толчок для образования новой международной коммунистической организации. Осенью 1947 г. в польском городе Шклярска-Поремба на совещании делегаций коммунистических партий СССР, Франции, Италии и восточноевропейских государств было принято решение о создании Коммунистического информационного бюро. Эта организация не имела существенных полномочий и сразу же превратилась в политическую трибуну для руководства ВКП(б). С помощью Коминформа в 1948 г. Сталину удалось превратить свой конфликт с югославским лидером И. Броз Тито в своего рода плебисцит среди руководителей европейских коммунистических партий. На примере Югославии советское руководство наглядно показывало, как «не следует строить социализм». Тито и его соратники упрекались в критике исторического опыта СССР, растворении коммунистической партии в Народном фронте, отказе от классовой борьбы, покровительстве капиталистическим элементам в экономике. На самом деле, к внутренним проблемам Югославии эти упреки не имели никакого отношения – она была избрана мишенью только из-за излишнего своеволия Тито. А вот руководители других коммунистических партий, приглашенные участвовать в публичном «разоблачении» «преступной клики Тито», были вынуждены официально поддерживать позицию советского руководства.

На втором заседании Коминформа в июне 1948 г., формально посвященном югославскому вопросу, окончательно были закреплены идеологические и политические основы социалистического лагеря: право СССР на вмешательство во внутренние дела других социалистических стран, при-

знание универсальности советской модели социализма, приоритет задач, связанных с обострением классовой борьбы, укреплением политической монополии коммунистических партий, проведением ускоренной индустриализации. Создание в 1949 г. Совета Экономической Взаимопомощи, взявшего на себя функции по координации экономической интеграции социалистических стран, и в 1955 г. – военно-политической Организации Варшавского Договора завершило создание социалистического лагеря. С этого момента развитие коммунистической идеологии и ее крах оказались неразрывно связаны с судьбой социалистического строя в СССР.

Вне сферы непосредственного влияния советской коммунистической идеологии – «по ту сторону железного занавеса» – в послевоенный период развивалось достаточно мощное течение марксистской общественной мысли. Его представителями были такие известные мыслители и общественные деятели, как Т. Адорно, Г. Маркузе, Д. Лукач, Д. Вольпе, Л. Альтуссер, А. Грамши. Однако в развитии политической идеологии западный марксизм не сыграл существенной роли. Его колоссальный интеллектуальный потенциал был реализован преимущественно в области философских, искусствоведческих, социально-психологических изысканий. Пренебрежение традиционными для марксизма политэкономическими и идейно-политическими проблемами было не случайным. По мере того, как эволюционировало индустриальное общество, менялась его социальная структура, снижался накал классовой борьбы, марксизм оказывался все более уязвим в качестве идеологии. Международное коммунистическое движение существовало лишь до развала социалистического лагеря. В конце XX в. коммунистические партии в странах Запада либо распались, либо превратились в маргинальные партии протестного типа.

Эволюция консервативной идеологии в Новейшее время. Консервативная идеология претерпела в XX в. наиболее заметную и сложную эволюцию. Уже к началу Новейшего времени классический консерватизм окончательно утратил свою социальную базу и мировоззренческое значение. Те партии консервативного толка, которые не пытались радикально перестроить свои программные установки, быстро сходили с политической сцены. Выработка же консервативной идеологии нового типа происходила в двух совершенно разных направлениях.

Консервативные партии в англосаксонских странах уже в первой трети XX в. перешли на позиции ультралиберальной идеологии, получившей в дальнейшем название «либертаризма». Подобный тип общественной мысли можно считать консервативным, поскольку классическая либеральная идеология здесь рассматривалась как уже реализованный социальный проект, как признак «нормальных времен», основа национальной традиции, «порядка и стабильности». Консерватизм, впитавший в себя ультралиберальные ценности, стал жестким оппонентом для социального либерализма и социал-демократии. Именно в этом противостоянии в англосаксонских странах оформлялись двухпартийные политические системы современного типа.

Первым шагом на пути формирования либертарной идеологии стала разработка еще в середине XIX в. теории социал-дарвинизма. В основу ее легли воззрения Герберта Спенсера. На рубеже XIX–XX вв. идеи социал-дарвинизма были развиты многими представителями американской интеллектуальной, политической и деловой элиты. Лидером американского соци-

ал-дарвинизма стал Уильям Грехэм Самнер. Он отрицал целесообразность не только революций, но и любых социальных реформ, якобы нарушающих «естественный ход» развития общества. Самнер считал, что история человечества представляет собой естественный отбор, жестокую борьбу за выживание. Любые общественные институты, законы и нормы могут быть использованы в этой борьбе. Но опасно пытаться применить их вопреки сущности человеческих взаимоотношений. Самнер доказывал, что тем самым будет нарушено хрупкое равновесие, установленное в ходе борьбы «всех против всех». Реформы, как правило, оказываются направлены в пользу слабых и неудачливых членов общества, что снижает достигнутый в ходе естественного отбора уровень жизнеспособности всего общества.

Отстаивая естественность принципа «laissez-faire», Самнер не видел в нем торжества абсолютного индивидуализма. Он полагал, что исподволь в ходе исторического развития происходит социализация человеческого общества, его институциональное оформление. Самнер писал о важной роли обычаев и нравов как неформальных факторов консолидации социальных групп. Индивид воспринимает «свою» группу как олицетворение наиболее верных правил жизнедеятельности, а «чужую» – как их искажение. Таким образом, по мнению Самнера, степень сплоченности каждой социальной группы пропорциональна враждебности по отношению к «чужим». Для социального прогресса важным оказывается не только развитие индивидуальной успешности, трудолюбия, предприимчивости, но и формирование «национального характера», идейная консолидация гражданского сообщества, защита национальных ценностей и традиций.

Во второй половине XX в. либертарная идеология развивалась преимущественно в русле экономической теории. Ее наиболее ярким выражением стали воззрения лидеров неонавстрийской экономической школы Фридриха фон Хайека и Людвиг фон Мизеса. Оба считали любую форму вмешательства со стороны государства нарушением естественного экономического механизма и негативно относились к самой попытке умозрительно моделировать то или иное общественное устройство. В представлении либертаристов рыночная свобода, как и свобода политическая, правовая, духовная, не может быть «частично ограниченной». Экономика («регулируемого общества» (социалистического, фашистского или любого иного) развивается по иным законам, нежели экономика свободного и демократического общества. Для демократического общества единственной основой социальной организации может быть лишь «спонтанный порядок», как утверждал Хайек. «Ничто так не разрушительно для юридических гарантий индивидуальной свободы, как стремление к миру социальной справедливости», – писал он.

Либертаристы пытались доказать, что не существует «среднего пути» между капитализмом и социализмом. В своей известной книге «Дорога к рабству» (1944) Хайек доказывал, что даже умеренное огосударствление общественной жизни в конечном счете ведет к установлению тоталитаризма. Вместе с тем Хайек признавал, что и диктат рынка несет в себе угрозу свободе человека. Конкуренция создает порядок «безличного принуждения», заставляя людей перестраивать свой образ жизни, следовать тем нормам и правилам, которые, вполне возможно, отвергались бы ими в иных условиях. Тем не менее именно нерегламентированный рыночный процесс может обеспечить торжество справедливости в обществе. Хайек полагал, что справедливость совершенно не сводится к тому или иному принципу

распределения. Любое распределение, кроме спонтанного, рыночного, является в своей основе несправедливым, поскольку противоречит результатам свободной конкуренции между людьми.

Опасность узурпации рыночного порядка, использования его в пользу наиболее сильных индивидов или их группировок Хайек считал несущестственной. Он обращал внимание на то, что на протяжении всей истории человечества естественный отбор обеспечивал не только успешность сильнейших, но и сохранение необходимых барьеров против их всевластия. Важнейшим таким барьером либертаристы считали демократию, но подчеркивали, что, подобно рынку, демократия очень уязвима от государственного диктата. «Демократия по сути своей – средство, утилитарное приспособление для защиты социального мира, – писал Хайек. – Как таковая она неизбежно вырождается в деспотию. Правление однородного, догматического большинства может сделать демократию еще более невыносимой, чем худшая из диктатур». Задачи демократии либертаристы сводили только к гарантии личной свободы, борьбе против любых попыток искусственной социализации общества.

Крах «государства благосостояния» в период экономического кризиса 1970-х гг. дал толчок для формирования нового течения консервативной общественной мысли – неоконсерватизма. Первоначально его представители группировались вокруг двух американских журналов – «Комментэри» и «Паблик интерес». Среди них были такие видные общественные деятели и политики, как Р. Солоу, Н. Глейзер, Д. Белл, И. Кристол, Дж. Уилсон. Большую роль в разработке идеологического арсенала неоконсерваторов сыграли экономисты из Чикагской школы М. Фридмана.

Основой неоконсервативной идеологии стал отказ от философии «распределительного равенства», которую неоконсерваторы приписывали сторонникам «государства благосостояния». Причем, в отличие от либертаристов, неоконсерваторы отнюдь не пытались доказать несовместимость принципа социальной справедливости и свободы личности. По их мнению, принцип социальной справедливости является сам по себе вполне эффективным и важным, разрушительна лишь его эгалитаристская трактовка. Важно обеспечить не равенство результатов человеческой деятельности, а равенство шансов в борьбе за эти результаты. Отвергая грубый индивидуализм, они рассматривали расширение «рыночных возможностей» именно как механизм справедливого разрешения социальных проблем.

Неоконсерваторы полагали, что возвращение к свободным рыночным отношениям как основе социального порядка не может рассматриваться вне контекста более широкой проблемы – возрождения «первооснов» западной цивилизации. Для идеологии неоконсерватизма оказались принципиально значимы такие морально-нравственные категории, как личный динамизм, предприимчивость, ответственность за собственный выбор, гражданские свободы, семейные ценности, религиозная вера, солидарность в защите человеческого достоинства и жизни. Все эти духовные ценности рассматривались не только в качестве личностного императива, но и прежде всего как основа для национальной консолидации, возрождения «духа нации». Для ведущих политиков неоконсервативного толка (Р. Рейгана, М. Тэтчер, Ж. Ширака) был характерен особый «жесткий стиль», осознанное формирование образа сильного общенационального лидера, способного поставить идейные принципы выше прагматических соображений.

В 1990-х гг. неоконсерватизм потерпел сокрушительное политическое поражение. Неоконсервативные реформы, безусловно эффективные в экономическом плане, вызвали неоднозначную реакцию в обществе и, прежде всего, в тех слоях населения, которые привыкли к системе государственных социальных гарантий, к стабильному росту уровня жизни. Глубинное противоречие сохраняла и сама социальная стратегия неоконсерватизма. Она была направлена на активизацию наиболее динамичных, мобильных членов общества, на возрождение свободного предпринимательства, индивидуальной ответственности, личной успешности. Но именно подобные люди быстрее всего «уставали» от нарочито жесткого стиля неоконсервативных лидеров, от их безапелляционности и стремления к конфронтации с идейными противниками. С наступлением «информационной революции» неоконсерватизм окончательно утратил свою социальную базу.

Не сумев ответить на «вызовы» новой эпохи, консервативная идеология вновь оказалась в переходном состоянии. В начале 2000-х гг. активизация политических сил консервативного толка произошла только в США. Возвращение к власти Республиканской партии под руководством Дж. Буша-младшего было сопряжено с пересмотром идеологической платформы республиканцев и отказом от межпартийной конфронтации. На вооружение были приняты те идеи, которые традиционного отстаивались демократами – усиление государственного регулирования в сфере образования и медицины, защита окружающей среды, забота о «чаяниях маленького человека», политика мультикультурализма, забота о проблемах иммигрантов, женщин, молодежи. Все эти меры должны были позволить республиканцам избавиться от образа партии «жирных котов» и «клуба белых мужчин для игры в гольф». Вместе с тем платформа Республиканской партии сохранила ряд наиболее консервативных принципов. Республиканцы по-прежнему остались противниками абортов, полового воспитания в школах, публичного признания гомосексуализма. После трагических событий 11 сентября 2001 г. в политической программе американских консерваторов вновь усилились идеи национального единства, мессианской «ответственности за судьбы демократии в мире». Эта эволюция англосаксонского консерватизма оказалась очень показательной с точки зрения судеб консерватизма континентального.

Пересмотр консервативной идеологии в большинстве европейских стран на рубеже XIX–XX вв. не мог быть связан с усвоением ультралиберальных идей. Этому препятствовали и культурные традиции, и влияние конфессионального фактора, и сохранение немалой общественной роли традиционных средних слоев, а также родовых аристократий. Поэтому преодоление традиций классического охранительного консерватизма оказалось сопряжено с двумя иными вариантами идеологического синтеза – формированием течений социального консерватизма и либерального консерватизма.

Характерными чертами социального консерватизма были ярко выраженный этатизм, представление о патерналистской роли государства, об активной социальной политике как наиболее эффективной основе общественного благополучия. Социальные консерваторы придавали особое значение общенациональной консолидации, призывали к поддержке беднейших слоев общества со стороны имущих, отказу от классовой конфронтации, от политизации профсоюзного движения и давления на государство со стороны иных корпоративных социальных сил. Они достаточно скептически относились к принципу многопартийной демократии и всеобщему избирательному праву, но отрицали и монархическую концепцию абсолютизма.

Идеалом для социальных консерваторов оставалась монархия как символ надклассовой солидарности и приоритета общенациональных интересов. В программных установках британских и немецких консерваторов эти идеи выразились в усиленной пропаганде имперского величия (Б. Дизраэли, Д. Чемберлен, О. фон Бисмарк). Большое значение социальные консерваторы придавали также укреплению роли церкви и «оздоровлению» общественных нравов. Все эти установки превращали социальный консерватизм в наиболее естественного «правопреемника» традиционного охранительного консерватизма, но они же препятствовали его распространению в качестве массовой политической идеологии в XX в.

В ином ключе эволюционировала консервативная идеология в странах «второго эшелона», где разворачивались процессы ускоренной, искусственной иницируемой «сверху» модернизации. Здесь государству была необходима идеология, способная легитимировать проекты форсированного индустриального развития, ответить на «вызов» модернизации. Однако прямое восприятие опыта либеральных реформ, опора на принципы классического либерализма были неприемлемы для правящей дворянско-монархической элиты. Не соответствовал либеральный проект и особенностям политической культуры общества, специфике массового сознания. Образовавшаяся идеологическая ниша была заполнена либеральным консерватизмом. Эта умеренно-реформистская концепция не подвергала сомнению общую целесообразность модернизации, однако существенно ограничивала ее характер и задачи. С точки зрения либерального консерватизма, реформаторство может носить лишь прагматичный, ситуативный характер, тогда как приоритет национальных, культурных, религиозных ценностей является бесспорным. Любые реформы рассматривались в контексте исторически избранного пути нации, своеобразия национальной государственности, религиозно-конфессиональной системы ценностей. Конечной целью реформ считалось благо государства, а не интересы гражданина.

Признавая важность радикального общественного переустройства, либерально-консервативная идеология избегала понятия «прогресс», принципиально не противопоставляя прошлое и будущее. Она опиралась на идею поступательного исторического развития. Это позволило либеральному консерватизму превратиться в уникальную мобилизующую концепцию, сочетающую реформизм с охранительными функциями. Кредо этой политической программы емко выразил русский правовед Борис Чичерин: «Либеральные меры и сильная власть». При этом порядок оказывался превыше свободы. В отличие от либерализма, в том числе и социального, для которого ограничение свободы индивидуума определяется в конечном счете приоритетом прав других людей и ответственностью общества перед ними, либеральный консерватизм ориентировался на развитие общества как единого организма. Подобная установка предопределила тесное сближение либерального консерватизма с националистической идеологией.

Пропаганда идей органической солидарности и национального единства дополнялись в идеологическом арсенале либерального консерватизма «теорией элит». Эта концепция была призвана сменить традиционный верифицированный монархизм, основанный на идее сакрального происхождения власти. Родоначальниками «теории элит» были представители итальянской и немецкой политической науки Г. Моска, В. Парето, М. Вебер, Р. Михельс. В основу их воззрений легло представление о делении любого

общества на управляемое большинство и управляющее меньшинство («политический класс» по терминологии Г. Моска), о естественности политического насилия, легитимированного традициями, харизмой властвующих лиц или правовой системой. С этой точки зрения, даже демократия является системой элитарного властвования, но с особым механизмом формирования элиты и осуществления ею своих полномочий. Попытки же осуществить непосредственное народовластие могут лишь создать предпосылки для распада государственного механизма, для торжества интересов толпы, не готовой к ответственности за свои решения.

На протяжении XX в. многие политические силы использовали сочетание идей либерально-консервативного и социально-консервативного толка. Как правило, интерес общества к подобной идеологии обострялся в условиях социальных кризисов, раскола гражданского общества. Наиболее ярким примером стала идеология голлизма, сформировавшаяся во Франции после Второй мировой войны. Голлисты настаивали на отказе от безусловного преобладания принципов парламентской демократии. Многопартийная система и парламентаризм привели, по их мнению, к коррозии государственной власти, утрате органического единства государства. В противовес «режиму господства партий» де Голль предлагал обеспечить безусловное преобладание президентской власти в политической системе общества. Он не отрицал принцип разделения властей, но не ассоциировал его с пропорциональным распределением функций между ветвями власти. Демократическое разделение власти, по мнению де Голля, должно быть обеспечено самим сувереном — народом. Это означало, что и парламент, и глава государства должны быть избранниками народа, должны «получить свой мандат непосредственно от народа».

В целом, голлистская реформа конституционного устройства должна была привести не просто к созданию сильного, стабильного государства, но и к торжеству принципа «Величия Франции». Эта идея была далека от традиционного национализма и, тем более, шовинистического представления о национальном превосходстве. Франция воспринималась голлистами как нечто большее, чем страна, где живут миллионы французов. Франция для них — это то, что объединяет все поколения французов, живших в прошлом, и тех, кто будет называть себя французами в будущем. Франция — это вневременная реальность, обладающая собственными интересами, целями, жизнью, помимо интересов и жизни отдельных французов. В этом отношении де Голль фактически соединял бонапартистскую традицию политического мышления с республиканской идеей Республики-Нации, восходящей к Руссо, Дантону, Клемансо.

Идейное наследие де Голля оказалось очень актуальным и в начале XXI в. Не апеллируя напрямую к деголлевским воззрениям с их ярко выраженной «французской» направленностью, современные американские, английские, голландские, бельгийские, итальянские, российские консерваторы используют во многом те же аргументы, те же стратегические установки. В центре консервативной мысли остается идея органического единства общества, исторически и культурно обусловленный национализм, приоритет духовных ценностей, в том числе конфессионального характера. Достаточно тесно с подобной идеологией смыкается концепция христианской демократии, а сами демо-христианские партии являются признанными лидерами консервативного политического истеблишмента в Европе на протяжении уже полувека.

Проблемы духовной и политической свободы в концепции христианской демократии. Рубежным этапом в пересмотре социально-политической доктрины католической церкви стал понтификат папы Льва XIII (1878–1903). Папа выступил принципиальным сторонником широкой общественно-политической эмансипации католиков. Сохраняя неоднозначное отношение к демократии, Лев XIII решительно поддержал создание «католического представительства» в гражданском обществе — католических профсоюзов, цехов, общественных организаций и пр. В его первых энцикликах утверждалось позитивное отношение церкви к правовому государству, отказ от клерикализма, попыток христианизации политической жизни общества. С другой стороны, Лев XIII неизменно подчеркивал, что христианство обладает глубоким социальным смыслом и способно дать ответ на самые злободневные вопросы современности.

Самой знаменитой энцикликой Льва XIII стало послание «*Rerum novarum*» («О новых вещах», 1891). В ней впервые было заявлено о новом отношении Святого престола к социальному вопросу. Наряду с призывами к христианскому милосердию и благотворительности, Лев XIII изложил свою позицию по проблемам классовой борьбы, собственности, положению рабочего класса, войны и мира. Жесткой критике он подверг рабочее революционное движение, пафос классовой борьбы, насаждаемый марксизмом. В то же время в энциклике осуждалась и система экономической эксплуатации, разрушающая моральный облик человека, преследующая нигилизм, безверие и агрессивность. В «*Rerum novarum*» предлагались новые ориентиры общественного развития, переводящие традиционные ценности христианской любви к ближнему в ранг главенствующих социальных принципов. Верующие, и прежде всего рабочие, призывались к последовательному внедрению идей солидарности и взаимопомощи в повседневную жизнь, моральному очищению общества, настойчивому отстаиванию своих прав, минуя крайности политической борьбы. В энциклике «*Graves de communi*» («Тяжкие всех», 1901) Лев XIII еще более настойчиво подчеркнул неполитический характер христианско-социального учения, рассматривая его как внеклассовую идеологию, направленную на изменение самих устоев современного общества.

Реформаторская деятельность Льва XIII дала толчок для становления новой идеологической доктрины — социального католицизма. Однако этот процесс встречал большое сопротивление среди клира. Понтификат Пия X (1903–1914) стал периодом нового витка борьбы за единство веры, преследования внутреннего инакомыслия, централизации церковной жизни. Жесткая позиция нового папы привела Ватикан к серии острых международных конфликтов. Ликвидации последствий этой недальновидной политики была посвящена деятельность следующего папы Бенедикта XV (1914–1922). Его энциклики осуждали мировую войну, апеллировали к идеям классового мира, общественного согласия. В начале понтификата Пия XI (1922–1939) влияние идей социально-христианской доктрины на политику Ватикана стало особенно заметным.

Программные энциклики Пия XI «*Ubi arcano Dei*» (1922) и «*Quadragesimo anno*» (1931) содержали идеи коренного переустройства общества на принципах солидаризма, в том числе сословно-корпоративного устройства общества и субсидиарности. Корпоративизм Пий XI рассматривал в качестве важнейшего принципа общественного устройства, призванного преодолеть классовые противоречия и поставить в центр государ-

ственной жизни «реальные» интересы корпораций, сословий. В отличие от феодального сословного строя этот проект предполагал открытость сословной организации, экономическую (отраслевую) основу ее формирования.

Принцип субсидиарности подразумевал индивидуальную ответственность человека за свое будущее при его праве рассчитывать на поддержку общества. «Должен оставаться непоколебимым следующий принцип социальной мудрости, – утверждал Пий XI. – Как не дозволено, с целью передачи обществу, отнимать у отдельных лиц то, что последние могут выполнить собственными силами и мерами, так одинаково нельзя передавать более значительной организации то, что может быть сделано меньшими и более слабыми обществами. Естественной целью всякого вмешательства в общественные дела является подкрепляющая помощь членам социального организма, а не их разрушение и поглощение».

Выдвигая идею широкого социально-правового обновления общества, католическая церковь отказывалась от прямых притязаний на политическую власть. В то же время Пий XI неоднократно утверждал, что решение любых экономических и социальных проблем неотделимо от морального возрождения общества. «Точно так же, как моральное право указывает нам, что среди множества наших поступков мы искали высшую и конечную цель, так и в отдельных сферах деятельности оно предлагает нам искать эти особые цели и гармонично подчинять конечной цели все остальные», – писал папа. Таким образом сугубо духовная миссия не противопоставляла церковь «бренным проблемам» светской жизни, а, напротив, предполагала ее активную общественную роль, тесное сотрудничество с государством. Пий XI считал, что и государство со своей стороны должно включить в круг своих забот моральный порядок в обществе. В этом отношении он вполне благосклонно относился к фашистским режимам, ориентированным на идеалы «подлинной» корпоративной свободы, укрепление института семьи, преодоление классовых антагонизмов, рационально-технократического мышления, либерального индивидуализма.

Большое внимание Ватикан уделял расширению католического профсоюзного движения, которое ориентировалось на идеи корпоративизма. На Мюнхенском конгрессе Международной организации христианских профсоюзов в 1928 г. были представлены национальные организации, объединяющие более 3 млн чел., а также 15 интернациональных отраслевых объединений. Постепенно укреплялись позиции и политических партий христианского толка – Итальянской народной партии, Народно-социалистической партии Испании, партии Центра в Германии, Народно-демократической партии во Франции. В 1924 г. произошло образование Международного секретариата демократических партий христианской ориентации, поставившего своей целью координацию деятельности парламентских групп и активизацию профсоюзного движения. Но Ватикан первоначально не поддерживал подобную деятельность, поскольку она угрожала «растворить» христианское движение в системе многопартийной демократии.

Политическая позиция Ватикана начала существенно меняться во второй половине 1930-х гг. Несмотря на попытки найти компромисс с новым германским режимом, в том числе заключение конкордата в 1934 г., конфликт Ватикана с нацистами быстро углублялся. Раскол произошел и в фашистской среде – прокатолический австрофашизм был уничтожен нацистами, фашистская Италия волею Муссолини с 1935 г. превратилась в стратегического союзника Третьего Рейха, а фашистские режимы Испании

и Португалии предпочли остаться нейтральными в годы мировой войны. Лишь им Ватикан неизменно оказывал политическую и моральную поддержку. К 1939 г. стало очевидно, что Ватикан рассматривает в качестве наиболее опасных врагов христианского мира атеистический коммунизм и оккультный нацизм. С восшествием на Святой престол Пия XII (1939–1958) этот идеологический дрейф был окончательно завершен – католицизм превратился в активного борца против тоталитаризма.

Вторая мировая война представляла собой беспрецедентное столкновение враждебных идеологических систем, победа каждой из которых предвещала создание «нового мирового порядка». По сути ситуация не изменилась и после окончания войны, когда началась открытая конфронтация двух «сверхдержав». Католическая церковь не стала заложником всех этих событий, но была вынуждена занять недвусмысленную позицию по отношению к новым мировым лидерам – возможности стать «третьей силой» у нее не было. Сам Пий XII не испытывал колебаний. «Церковь, которая и в прошлом, и в нынешнем веке считалась заклятым врагом свободы, поскольку выступала против агностического либерализма, разрушающего порядок, предстает теперь как величайший защитник подлинной свободы, присущей человеческой личности», – утверждал понтифик.

Либерализация католической идеологии проявилась прежде всего в вопросе о положении человека в обществе. Уже в 1942 г. в рождественском послании Пия XII с характерным названием «Права человека» было заявлено, что социальная доктрина церкви направлена на защиту человека от насилия и угнетения. Достоинство человеческой личности определяется, по мысли Пия XII, совокупностью ее прав, в том числе на сохранение и развитие физической, интеллектуальной и нравственной жизни, на религиозное образование и воспитание, на личное и общественное почитание Бога, на труд и справедливое вознаграждение за него. Пий XII подчеркивал, что защита и обеспечение этих прав не может быть прерогативой государства, равно как и личной заботой человека. Основанием защиты прав человека должно стать всемерное укрепление института семьи как естественной гарантии материального и духовного благополучия человека. Этот идеал был сформулирован Пием XII как социально-персоналистский принцип.

Несмотря на столь повышенное внимание Пия XII к проблеме прав человека и явное тяготение в сторону либерально-демократической идеологии, его понтификат оказался наиболее авторитарным за все XX столетие. Правлению этого папы был присущ агрессивный политический стиль, в том числе ожесточенный антисоветизм. Так, в 1949 г. Пий XII объявил об отлучении от церкви всех, кто оказывает поддержку коммунистам. Не менее жесткой была позиция Пия XII в вопросе межконфессионального сотрудничества. Такой курс стал одной из причин заметного ослабления авторитета Ватикана в послевоенном обществе. Инициативу в развитии христианской идеологии перехватили партии, составившие движение христианской демократии.

Духовной основой христианско-демократического движения стал синтез традиционных христианских гуманистических ценностей, идей солидаризма и субсидиарности, политических идеалов либеральной демократии. Христианскими демократами был отвергнут корпоративизм и жесткий этатизм, характерные для межвоенного социального католицизма. Наиболее успешными христианско-демократическими партиями стали западногерманские Христианско-демократический союз (ХДС) под

руководством К. Аденауэра и Христианско-социальный союз (ХСС) под руководством Ф.-Й. Штрауса, итальянская Христианско-демократическая партия А. Де Гаспери, французское Народно-республиканское движение Р. Шумана, бельгийская Социально-христианская партия П. Спаака. Хотя эти организации и сохраняли тесные связи с католической церковью, по сути они являлись межконфессиональными партиями. Их программы строились на основе светских идей и ценностей, были ориентированы на систему представительной демократии и конституционную модель правового государства.

В лоне католической церкви в 1950–1960-е гг. также продолжались напряженные духовные искания. Парадоксально, но именно торжество тех принципов, которые проповедовал еще Лев XIII, – идей социальной солидарности, партнерства, защищенности человека труда, отказа от классовой конфронтации – спровоцировало наиболее глубокий «кризис идентичности» самой церкви за последние два столетия. Что есть вера в обществе, которое подчиненно заботе о своем гражданине? В чем миссия христианских пастырей в мире, где сам социальный порядок и государственная власть призваны защищать и поддерживать чаяния каждого человека? Подобные вопросы, при всей своей риторичности, поставили католическую общественную и церковную мысль едва ли не на грань раскола. Католицизм оказался перед новым вызовом – необходимостью обрести собственное лицо в меняющемся мире.

Несмотря на очевидное нарастание идейного кризиса католицизма, Святой престол занимал в это время достаточно пассивную позицию. Поэтому инициативу в переосмыслении основ христианской идеологии проявляли представители католической интеллектуальной элиты – философы-экзистенциалисты и персоналисты К. Ясперс, М. Хайдеггер, Э. Мунье, П. Рикёр, Ж. Лакруа, Г. Марсель. Они настойчиво предупреждали об опасностях, исходящих из слепой веры в социальный прогресс. Как утверждал Г. Марсель, люди в погоне за социальными гарантиями «роковым образом превращают общество в некое лицо, в какого-то помимо них самих действующего субъекта». Это вытесняет из общественной жизни самого человека в его духовных, глубоко интимных побуждениях и чаяниях.

В особом ключе философские традиции христианства пытался развить немецкий иезуит Карл Раннер. Вместе с Жаком Маритеном и Этьеном Жильсоном он заложил основы неомизма – модернизированной теологической концепции Фомы Аквинского. Раннер сформировал проект «теологии будущего», целью которой является возрождение «абсолютного гуманизма» христианства, «абсолютного божественного будущего», раскрытие проблем веры, истории, политики, труда, любви в неразрывной взаимосвязи. При этом он выступал за максимальную открытость католической церкви миру, за «упреждающее приспособление» ее к происходящим социальным переменам.

Маритен рассматривал неомистскую философию как «интегральный» гуманизм, объединяющий «трансцендентные» ценности христианства с гуманистическими идеалами современности. В этом отношении неомизм противопоставлялся традициям «антропоцентрического гуманизма» Нового времени, насаждавшим «пагубную» уверенность во всемогуществе Разума, разрушавшим ценностный фундамент европейской культуры и порождавшим деструктивные социальные идеалы. В своих социально-политических взглядах Маритен исходил из четкого противопоставления двух понятий – «сообщес-

ство» и «общество». В первом Маритен видел природное единение людей, основанное на навязывании человеку неких правил поведения, во втором – взаимосвязь, основанную на разумном выборе и индивидуальной совести. Таким образом, гражданское согласие может быть достигнуто совершенно разными способами, но лишь «политическое общество», по мысли Маритена, «представляет собой непосредственную и полностью человеческую реальность, стремящуюся к справедливости и общему благу».

Маритен подчеркивал, что общее благо нельзя рассматривать лишь как совокупность неких «выгод и услуг». Общее благо – это условия, при которых «благая человеческая жизнь обеспечивается для множества людей в той мере, в которой передается и каждому члену общества». Поэтому основой общего блага Маритен считал не только общественное благосостояние и общий правовой порядок, но и единство гражданской совести, чувство закона и справедливости, «унаследованную мудрость, действующую бессознательно», моральную стойкость, справедливость, дружбу и героизм. Торжество «моральной рационализации» Маритен связывал с укреплением демократии – «рациональной упорядоченности свобод, основанных на праве».

Неомистские идеи нашли поддержку у пап Иоанна XXIII (понтификат 1958–1963 гг.) и Павла VI (понтификат 1963–1978 гг.), а также были воплощены в документах Второго Ватиканского собора (1962–1965). Именно в этот период обновление церкви модернизация (аджорнаменто) ее теолого-богословской и социальной доктрины, изменение принципов пастырской деятельности были провозглашены в качестве важнейшей задачи Святого престола.

Второй Ватиканский собор начал свою работу 11 октября 1962 г. Его главным документом стала «Догматическая Конституция о Церкви». Социальные основы современного католицизма были подробно раскрыты в «Пастырской Конституции о Церкви в современном мире». Позитивно оценивая стремительные изменения во всех сферах жизни, Пастырская Конституция приводит немало примеров «кризиса роста» – противоречий между торжеством человеческого разума и растущими сомнениями человека «в самом себе», невиданного изобилия богатств и бесчисленного множества социальных бедствий, «живого ощущения единства всего рода человеческого» и острых политических, социальных, расовых и иных разногласий. «Нынешнее смятение умов» авторы конституции связывали с распространением технократической культуры и ее губительным воздействием на духовное воспитание человека, а также торжеством индустриального типа общества, который провоцирует «разлад между специализацией человеческой деятельности и целостным взглядом на вещи».

Рассматривая укрепление духовных ценностей в качестве единственной реальной основы решения насущных социальных проблем, Конституция подчеркивает, что «эти ценности вытекают из человеческих способностей, дарованных человеку Богом». Божественная природа человеческой личности обуславливает и социальную сущность человека – лишь умножение всевозможных связей между людьми, их глубокая общность и взаимное уважение способны раскрыть духовное достоинство каждой личности. При этом Пастырская Конституция опирается не только на принципы евангелической этики. В ее тексте вводится понятие «социализация», характеризующее широкую совокупность явлений современной жизни, основанных на все возрастающей взаимосвязи людей, сообществ и учреждений. Соци-

альный порядок, по мысли авторов Конституции, должен «постоянно обращаться во благо личности, то есть уровень объективных условий должен подчиняться уровню личностей, а не наоборот». Не может спланирование общества достигаться подавлением инакомыслия, запретами и отвержением различных социальных и политических представлений.

Пастырская Конституция четко определила политически нейтральную позицию церкви. Но одновременно в ней были сформулированы ориентиры той социальной политики, которой могла бы пользоваться поддержка церкви, – утверждение принципа социальной справедливости при отказе от эгалитарного уравнивания условий жизни, поощрение в человеке деятельного начала, стремления прикладывать усилия к улучшению условий жизни, понимания ответственности за свое счастье и благо всего общества. Справедливый социальный порядок, по мысли авторов Конституции, должен предоставить каждому человеку все необходимые средства для ведения «подлинно человеческой жизни» – пищу, одежду, жилище, право на создание семьи, на труд, на уважение, доброе имя, защиту своей частной жизни и свободу, в том числе в религиозных вопросах. Жесткому осуждению подверглись все действия, направленные против человеческой жизни и достоинства, в том числе геноцид, аборт, «телесные и нравственные мучения», недостойные условия труда, рабство, проституция, «попытки поработить человеческую душу». С особой подробностью в Конституции раскрывалось отношение церкви к проблеме укрепления семьи, анализировались современные явления в культурной жизни.

Антропологическая направленность обновленного социального учения вызвала немало споров на Соборе. С особой остротой это проявилось при обсуждении «Декларации о религиозной свободе». Павел VI полагал, что утверждение Декларации имеет не только вероучительное значение, но и открывает Церкви путь к диалогу с людьми любых конфессий и убеждений. «Человеческая личность имеет право на религиозную свободу, – было заявлено в итоговом тексте Декларации. – Эта свобода состоит в том, что все люди должны быть свободны от принуждения со стороны как отдельных лиц, так и социальных групп, а также какой бы то ни было человеческой власти». Столь же большое мировоззренческое и политическое значение имели принятые на Соборе «Декларация об отношении Церкви к нехристианским религиям» и «Декрет об экуменизме». В них подчеркивалось уважение католической церкви к духовным и нравственным ценностям нехристианских религий и к присущему им пути познания Бога, впервые признавалось, что достижение экуменического единства всех христиан является важнейшей задачей Церкви, хотя и утверждалась идея о «католических началах экуменизма».

Избрание на Святой престол в 1978 г. польского кардинала Йозефа Войтылы под именем Иоанна Павла II открыло новую эпоху в истории католицизма. Если ранее в политической программе Ватикана особое внимание уделялось проблеме подавления прав человека в социалистической системе, то теперь акцент был перенесен на проблему отчуждения человека в условиях так называемого «практического материализма». Иоанн Павел II неизменно подчеркивал, что не только тоталитарные, но и ультралиберальные общественные модели ведут к духовному порабощению человека. Поэтому основной проблемой современности он считал не отсутствие материальных благ, а кризис идей и нравственности. Папа призывал к возрождению духовных ценностей, к утверждению христианской этики, к

необходимости верить. При этом подчеркивалось, что в основе веры лежит понимание человеком собственной ответственности, готовность людей к активным действиям по преобразованию мира.

В последнее десятилетие своего понтификата Иоанн Павел II уделял все большее внимание теологическим вопросам. Он преодолел характерное для его предшественников разделение социальной доктрины католицизма и теологических основ вероучения. Энциклики Иоанна Павла II, посвященные социальным вопросам, – это прежде всего воззвания папства к пастве, своего рода духовная беседа, призванная пробудить в каждом верующем собственное отношение к насущным проблемам. Проблема веры, по мнению Иоанна Павла II, неотделима от всего комплекса современных культурных проблем развития человечества. Культура рассматривалась им как органичная часть религиозного опыта и, тем самым, важнейшее свидетельство духовного единства всех конфессий. Огромное значение Иоанн Павел II придавал концепции экуменизма. Он считал, что в рамках экуменического диалога необходимо перенести акцент с вопросов доктринального, теологического характера на проблемы самого общества – защиты свобод и прав человека, укрепление духовных основ современной общественной жизни, возрождение нравственного сознания и трансцендентных ценностей, сохранение и развитие культуры, а также семьи и семейных ценностей, экологические и общественно-политические проблемы, урегулирование межнациональных конфликтов, борьбу с терроризмом и др.

Избрание в 2005 г. на Святой престол немецкого кардинала Йозефа Ратцингера под именем Бенедикта XVI продемонстрировало сохранение в католической среде сильных консервативных настроений. Новый папа еще в свою бытность префектом Конгрегации вероучения снискал репутацию «великого инквизитора», последовательного противника рационализации и модернизации христианской идеологии. Настоящим манифестом консервативного крыла церкви стала «Доктринальная нота об участии католиков в политической жизни», разработанная под руководством Ратцингера. Нота предостерегала от «ложного» понимания демократических ценностей, от абсолютизации принципов плюрализма и свободы слова. «Сегодня очевиден культурный релятивизм, – заявляли авторы документа. – Он проявляется в теоретизации и защите этического плюрализма, который служит оправданием деградации и разложения здравого смысла и принципов естественного морального закона. Верующие не могут поддерживать решения, компрометирующие или игнорирующие фундаментальные требования этики, оправдываясь общим благом общества. Когда политика направлена против нравственных принципов, не допускающих нарушений, исключений и компромиссов, участие в ней католиков должно стать более явным и ответственным». Нота заявляла о непримиримой позиции церкви по вопросам абортов и эвтаназии, моногамных браков мужчин и женщин. Христиане призывались к отказу от поддержки политических решений, «вдохновленных утопической перспективой», «направляющих совесть человека к исключительно земным чаяниям», «выхолащивающим и пересматривающим христианское стремление к вечной жизни».

После избрания на Святой престол Бенедикт XVI сохранил свою приверженность консервативным ценностям. Он настойчиво высказывал тревогу по поводу того, что «европейское общество перешло от христианской культуры к агрессивному, а подчас и нетерпимому секуляризму». Папа выступил с критикой современной государственной политики, кото-

рая под прикрытием идеи свободы совести «препятствует христианству играть должную роль в общественной жизни Европы». «Мир политики следует своим законам и идет своим путем, исключив Бога, как не имеющего отношения к нашей жизни, — утверждал Бенедикт XVI. — То же самое происходит в мире коммерции, экономики и в частной жизни. Бог остается в тени. Но общество, абсолютно исключаящее Бога из своей жизни, разрушает само себя. Настало время признать, что человеческую свободу можно пережить лишь как свободу, разделенную с другими. В общей ответственности. Прежде всего следует понять, что человек не создал себя сам: он является творением со своими ограничениями, ему дана возможность ошибаться и находить путь, отвечающий его бытию человеческой личности».

Глава 7

«По ту сторону левого и правого»: альтернативные формы социальной идеологии и политических движений

Идеология солидаризма и коммунитаризма. Традиция выделять в политической идеологии и общественных движениях «левый» и «правый» фланги зародилась еще в конце XVIII в. «Левый» политический лагерь образовали тогда партии революционно-либерального толка, а «правый» — консерваторы-монархисты. В дальнейшем «левыми» стали считаться любые идеологические доктрины прогрессистского типа, а «правыми» — охранительного. К началу XX в. инициатива в «левом» лагере перешла к рабочим партиям, ориентированным на более радикальные общественные изменения. Либеральные и либерально-консервативные партии с этого времени оказались «правыми». Так сформировался современный партийно-политический спектр — условное расположение партий общественно-политических движений «слева направо», отражающее степень радикальности предлагаемых ими целей и методов общественного прогресса.

Первой идейно-политической доктриной, принципиально противопоставившей себя и «левым», и «правым» учениям, стал социальный католицизм конца XIX — начала XX вв. По образному выражению русского философа Семена Франка, христианская идеология формировалась «по ту сторону правого и левого», она превращалась в прообраз «третьего пути» общественного развития, причем не в качестве умеренного, центристского варианта, а как принципиально иная система мышления и ценностных ориентаций. Светская идеология подобного типа получила название солидаризма.

Доктрина солидаризма зародилась во Франции еще в XIX в. Родоначальник позитивизма Огюст Конт уделял немалое внимание проблеме солидарности в своих философских и социологических исследованиях. Характерно, что современники называли его воззрения то либеральными, то социалистическими. В первой трети XX в. в трудах Л. Буржуа, Ш. Жида, Л. Дюги солидаризм уже предстал целостной социальной доктриной, противопоставляемой как классическому либерализму, так и марксистскому социализму.

Французские солидаристы отталкивались от идеи «естественной солидарности», понимая под ней «взаимную зависимость всех частей одного и того же организма», универсальную для любых форм жизни. Чем более сложным, дифференцированным является организм, тем более интенсивной

и, одновременно, конфликтной становится взаимосвязь его внутренних элементов. С этой точки зрения, современное общество, с характерными для него высокой степенью разделения труда, идеологическим плюрализмом, разнообразием политических и государственно-правовых моделей, создает предпосылки для губительного нарастания социальных конфликтов, но предоставляет и возможности для развития высших форм солидаризма. Общность различных интересов позволяет людям создавать разнообразные ассоциации, синдикаты, кооперативные организации и пр. Это формы естественной солидарности, своего рода «вспомоществование». Однако зачастую они противоречат принципам социальной справедливости, поскольку защищают интересы отдельных групп в ущерб иным. Поэтому естественная солидарность должна быть дополнена этическим императивом, «социальным моральным долгом» человека по отношению к обществу. При необходимости, «недостаток совести» должен быть восполнен действием закона. Солидаристы подчеркивали растущую роль современного государства, призванного служить «органическому закону общественной жизни», требовать от индивида правовой дисциплины, укреплять социальную солидарность членов общества и обеспечивать им минимум средств существования.

Процесс эволюции социальной солидарности подробно раскрыл в своей концепции Л. Дюги. Он полагал, что социальная солидарность («социальная норма») имеет естественную природу, но складывается постепенно. Первоначально от любого индивида требуется лишь уважать любое действие, продиктованное интересами социальной солидарности, не препятствовать его реализации. Эта установка соответствует общим правилам экономического поведения, взаимодействия людей в ходе производства, обмена и потребления материальных благ. Более высокий уровень — это требование воздерживаться от любого действия, цель которого противоречит солидарности. Подобный императив поддерживается моральными нормами.

Высшей точкой в развитии общества становится ситуация, когда каждый индивид осознанно исходит из необходимости совершать активные действия, направленные на укрепление солидарности. Принудить человека к такому поведению может юридическая норма. Однако Дюги отказывался видеть в праве насилие со стороны государства. Он считал, что на определенном уровне развития цивилизации социальное принуждение действительно обеспечивается государством. Но сила не может быть источником права, как не может быть основанием солидарности. Важно, чтобы юридически оформленные права и обязанности основывались на чувстве справедливости. «Для возникновения нормы права, — писал Дюги, — необходимо, чтобы отсутствие санкции этой нормы противоречило чувству справедливости, чтобы действие, нарушающее данную норму, рассматривалось как действие, посягающее на одну из форм справедливости».

Если французский солидаризм приобрел ярко выраженную экономическую и юридическую направленность, то немецкий, австрийский и русский солидаризм оказался тесно связан с этико-религиозными вопросами, а также поисками «национальной идеи». Огромным интеллектуальным и духовным потенциалом обладал русский солидаризм начала XX в., развивавший нравственные традиции православия, идеи соборности. Его представители — Н. Лосский, С. Франк, И. Ильин, являлись крупнейшими философами своего времени. Немецкий солидаризм по своему происхождению также был тесно связан с социально-христианской доктриной, но отличался большей политизацией. М. Шпанн, Э. Штадлер, А. Штегервальд стали ос-

нователями солидаристского течения в католической партии Центра. В 1918 г. эта группа образовала организацию «Объединение за национальную и социальную Солидарность», выступавшую в поддержку идей «консервативной революции». В дальнейшем немецкий солидаризм эволюционировал к профашистским идеям национально-социальной диктатуры.

Особым типом солидаристской идеологии стало народничество (немецкий аналог термина «народничество» — «völkisch», «фёлькиш»). Понятие «народ» вошло в арсенал европейской социальной науки еще в XVII в., когда Г. Гроций, Р. Декарт, Б. Спиноза, Т. Гоббс разрабатывали концепцию естественных прав человека и договорной гражданской общности. В XVIII в. французские и английские просветители закрепили толкование понятия «народ» в контексте концепции общественного договора, хотя все чаще использовали в таком значении понятие «нация». Так, например, Ж.-Ж. Руссо отличал народ от толпы как «особого рода ассоциацию, объединенную общим благом и политическим организмом». Но при этом народ, использующий свое право суверена и законодательствующий в качестве ассоциированной общности, Руссо называл нацией.

Совершенно иную трактовку понятие «народ» приобрело в немецкой и русской традиции XIX в. Понятие «völk» (народ), трактуемое как сообщество людей, чья духовность сформирована единством языка и исторической судьбы, первым начал использовать еще немецкий просветитель И.Г. Гердер. Впоследствии подобные идеи стали характерны для всей романтической традиции Германии и широко известны благодаря творчеству Вагнера, Шиллера, Гёте. Гегель предложил использовать для характеристики этой особой духовной общности народа понятие «völkgeist» («дух народа»), а В. Гумбольдт ввел термин «völkerpsychologie» («народная психология»), обозначающий соответствующую научную отрасль. Родоначальниками этой науки стали философ М. Лацарус и языковед Г. Штейнталь. Приступая к изданию в 1859 г. журнала «Психология народов и языкознание», они впервые изложили основные постулаты психологической концепции народного сообщества. Народ трактовался в данном случае как «совокупность людей, которые смотрят на себя как на один народ и причисляют себя к одному народу». Таким образом, важнейшим «народообразующим» фактором считалась особая психологическая установка, отнесение человеком себя к данному народу и распространение на него «духа народа».

В более поздней фелькишской традиции этнопсихологическая концепция была тесно увязана с историко-органическим принципом. Народ начал рассматриваться как единый социальный организм, обладающий собственной душой, характером, волей, исторической судьбой. Вслед за Эрнстом Юнгером подобное органическое единство, как «целое, которое включает в себя больше, чем сумму своих частей», начали называть «гешталтом». Юнгер и другие фелькишские идеологи предрекали наступление «новой эпохи», когда искусство, политика, наука окажутся под влиянием гешталтов — не в качестве формальных шаблонов мышления, а высших, «тотальных» смыслов. Сам человек, по мысли Юнгера, также является гешталтом, поскольку включает больше, чем сумму своих сил и способностей: «Он глубже, чем способен об этом догадываться в своих глубочайших мыслях, и могущественнее, чем может вообразить в самом мощном своем деянии». Э. Юнгер считал, что в обществе каждый человек помимо своей воли включен в иерархию гешталтов, благодаря которым получает «подлинность бытия», «мощь, богатство и смысл жизни». Народ же является

высшим сосредоточением этой иерархии, ее творцом и творением. Осваль Шпенглер на этой основе доказывал, что каждый народ не только обладает «единством души», но и специфическими проявлениями своего «духа».

Схожую логику развития имела народническая традиция и в России. Идеи, связанные с восприятием народа в качестве духовного организма и с отождествлением «народной души» с этническим самосознанием, высказывались в XIX – начале XX вв: многими русскими исследователями и общественными деятелями, в том числе К. Кавелиным, Н. Данилевским, Г. Шпетом, П. Ковалевским. «Народ, – писал Кавелин, – представляет собой такое же единое органическое существо, как и отдельный человек. Начните исследовать его отдельные нравы, обычаи, понятия и, остановившись на этом, вы ничего не узнаете. Умейте взглянуть на них в их взаимной связи, в их отношении к целому народному организму, и вы поймете особенности, отличающие один народ от другого». Шпет предлагал отличать «дух народа», как «совокупность субъективных переживаний представителей конкретных этнических общностей», от «характера народа», основанного на устойчивых умонастроениях, приобретающих форму убеждений, верований, мифов. Примерно в том же ключе рассуждал и Данилевский, полагавший, что национальный характер представляет собой «такие черты, которые активно функционируют во всей национально-культурной жизни народа и именно поэтому являются существенными, важными, реально проявляющимися у всех представителей данного культурно-исторического типа».

Политическое крыло русского народничества формировалось на основе «почвеннической» идеологии. Уже на рубеже 1860–1870-х гг. представители разночинной интеллигенции А. Герцен, Н. Огарев, Н. Чернышевский выдвинули идею возможности непосредственного перехода к социализму через крестьянскую общину, минуя капитализм. В дальнейшем идея почвенничества в российской народнической традиции оказалась тесно связана с представлением об общинном духе русского народа, о крестьянстве как подлинном носителе национальной духовности, о земледельчестве как одухотворенном труде и т.п. В политическом движении русского народничества выделилось два течения: революционное и либеральное (реформистское). Ведущими идеологами первого из них были П. Лавров, П. Ткачев, Н. Михайловский, второго – Я. Абрамов, С. Кривенко, В. Воронцов.

В романских странах Европы народническая идеология не получила продуктивного развития. Однако именно здесь сформировалась еще одна специфическая разновидность солидаристской идеологии – анархо-синдикализм. С классическим анархизмом его объединяла мечта о самоуправляющемся обществе и представление о том, что основой общественного прогресса является «революционное творчество» масс, не стесненное рамками партийной дисциплины и рациональными программными установками. С другой стороны, анархо-синдикализм был тесно связан с синдикалистской идеологией.

Революционный синдикализм возник в конце XIX в. в рамках рабочего профсоюзного движения как альтернатива влиянию социал-реформистских социалистических партий. Организации подобного толка представляли собой межотраслевые рабочие объединения, координирующие забастовочную борьбу за улучшение условий труда, пропагандистскую и агитационную деятельность, помощь безработным и жертвам производственного травматизма, просветительскую работу среди рабочих. Синдикалисты считали свою деятельность революционной, поскольку принципиально отказы-

вались от идеи классового сотрудничества. Производственные профессиональные ассоциации они рассматривали как систему социальной самоорганизации рабочих, которая в будущем будет способна выполнять самые широкие регулирующие и контролирующие общественные функции. Именно эта идея привела в синдикалистские организации многих анархистов, сторонников самоуправленческого, безгосударственного общества. В отличие от профсоюзных лидеров, отрицавших связь синдикализма с какой-либо идеологией и политическими задачами, анархисты привнесли яркий идейный пафос и стремление к политической активности.

Уже в начале XX в. в синдикалистском движении образовалось два крыла. Первое из них стало основой мощных профсоюзных организаций, борющихся за экономические права рабочих и укрепление парламентской демократии (ВКТ во Франции, САК в Швеции, тред-юнионы в англосаксонских странах и др.). Второе оказалась под влиянием идей анархизма, действуя под лозунгом «От парламентаризма к синдикализму, к самоуправляющемуся обществу».

Важную роль в формировании идеологии анархо-синдикализма сыграл Жорж Сорель. В книге «Размышления о насилии» (1908) он теоретически обобщил популярную среди анархистов и представителей других радикальных движений идею «прямого действия». Сорель доказывал, что принципиальную значимость имеют только акции, не обремененные рациональными целями, не направленные на конкретные, утилитарные результаты, а имеющие нравственный характер, создающие в обществе особую моральную атмосферу. При этом сама этика наделялась им мобилизующими функциями. По мнению Сореля, морально поступает тот, кто не пытается приспособиться к существующему порядку. Подлинный смысл имеет только уничтожение неизлечимо больного общества, и только иррациональная воля способна породить действие, реально меняющее мир. Любые иные формы политической активности Сорель называл замаскированной формой классового сотрудничества, в конечном счете сводимой к торгу и спекуляциям.

Анализируя особенности общественного сознания современной эпохи, Сорель разработал оригинальную теорию «политического мифа». Он считал, что кризис буржуазного общества возвращает иррациональным факторам истинную значимость. Поэтому новейшие идеологические доктрины все больше опираются не на рациональные постулаты, а на систему политической мифологии, обращаются к чувствам, эмоциям человека. Их эффективность зависит не от доказательности и аргументированности, а от способности увлечь массу, ослепить ее яркими идеями, чувственно воспринимаемыми образами.

Анархо-синдикалисты пропагандировали самые различные формы протеста – стачки, демонстрации, бойкот, саботаж. Но в основе каждой из них видели прежде всего эмоциональный взрыв угнетенной массы, ее творческую, непостижимую для разума жизненную активность. Особое значение придавалось насилию. Индивидуальный террор, взрывы в людных местах рассматривались как возможность «встряхнуть» общество, бросить вызов ложным гуманистическим ценностям, сковывающим жизненные силы масс, и дезорганизовать демократический строй, лишаящий народ воли. Динамит стал символом политической борьбы. В 1880–1914 гг. жертвами террористических действий стали президенты США Горфильд и Мак-Кинли, французский президент Карно, премьер-министр Испании Антонио Канова, императрица Австрии Елизавета, итальянский король Умберто.

Распространение идеологических концепций «третьего пути» стало ярким свидетельством мировоззренческого кризиса, охватившего западное общество на рубеже XIX–XX вв. В радикальной трактовке они становились символом социального протеста, превращались в требование тотальной нравственной революции, немедленного и радикального переустройства общества на принципах корпоративизма и солидаризма. По названию итальянского корпоративно-националистического движения подобная идеология получила название фашизма (итал. «fascio» – пучок, в соответствии с эмблемой крестьянских повстанческих отрядов конца XIX в., члены которых пучком стеблей символизировали свое единство). Наиболее широко идеи фашизма распространились в странах «второго эшелона», где противоречия модернизации были отягощены ее ускоренным характером. В классическом варианте фашизм сформировался только в католических странах – Италии, Австрии, Испании, Португалии, где тесно переплетался с солидаристскими идеями социального католицизма и анархо-синдикализма. В Германии ранний фашизм был вытеснен другим вариантом тоталитарной идеологии – национал-социализмом, имевшим расистскую направленность. Русский фашизм сложился уже после революции 1917 г. в эмигрантских кругах. В самой же России тоталитарным движением стал большевизм.

Новое возвращение к идее «третьего пути» состоялось уже в конце XX в. Под влиянием современной европейской социал-демократии «третий путь» стал восприниматься как конвергенция систем экономической и социальной ориентации (капитализм и социализм), моделей распределения ресурсов (рыночное и регулируемое хозяйство), национальной и глобальной уровней общественного прогресса. Иная версия «третьего пути» разрабатывается сторонниками идеологии коммунитаризма.

Коммунитаризм зародился в 1970-х гг. на левом фланге либерального лагеря, унаследовав от институционализма приверженность идеям социальной природы личности и социальной обусловленности свободы. Первыми идеологами коммунитаризма стали Майкл Сэндел и Чарльз Тэйлор. Они выступили против становления «современного либерализма» (неоконсерватизма), упрекая его в подмене понятия справедливости принципом дифференциации общества. Принцип дифференциации трактовался ими как гарантия «спокойного обогащения» и своего рода взятка, предназначенная для неимущих, подменяющая подлинное социальное партнерство. Коммунитаристы попытались доказать, что такие дилеммы, как «справедливость или свобода», «коллективизм или индивидуализм», «социальная стабильность или социальный динамизм», являются изначально ложными. В центр своих идеологических построений они ставят проблему обеспечения устойчивого общественного развития на основе «локальной демократии» и «социальной экологии».

Ведущей политической идеей коммунитаризма является переход от системы отношений «человек – государство» к отношениям «коммюнити – государство». Коммюнити – это полуавтономные социальные сообщества, основанные на общности интересов и ценностей их членов. Они являются более гибкими и динамичными, чем бюрократические структуры или корпоративные группы, а потому быстрее реагируют на новые потребности индивидов, обеспечивают возможность самовыражения и тем самым служат противовесом как государственному этатизму, так и корпоративному сепаратизму. «Ценности каждой коммюнити не наносят ущерба единству общества, поскольку не вступают в противоречие с базовыми ценностями

общества», – утверждает ведущий современный американский коммунитарист Амитаи Этциони.

Реформирование общества по пути коммунитаризации означает «локализацию демократии», т.е. передачу власти как сверху вниз от государства к регионам, так и снизу вверх от государства к наднациональным образованиям (практический пример – политико-правовое устройство Европейского Союза). При таком общественном устройстве индивид приобретает двойственную гражданскую идентичность – он лоялен и государству, и региональному сообществу (местному или наднациональному). В случае конфликтной ситуации подобная двойственная структура гражданских отношений исключает политическое и правовое насилие со стороны любого института.

Формирование коммунитарного порядка, по мысли идеологов коммунитаризма, позволит привнести в жизнь общества принципы социальной экологии. Под этим подразумевается формирование оптимальной для индивида социальной среды, выполняющей как инновационную, так и адаптационную функции. Отражая стремление человека к самореализации, к свободному поиску комфортного социального окружения, коммюнити превращается в институт адаптации человека к быстроменяющемуся миру. При этом коммунитарные связи позволяют акцентировать в системе социальных связей традиционные, наиболее привычные и естественные формы идентичности – этнические, половозрастные, конфессиональные, социокультурные. Поэтому коммунитаризм в значительной степени консервативен. Но он противостоит бюрократическому консерватизму, препятствующему переменам в социальной сфере и в государственной политике. Удовлетворяя естественные потребности человека в социальном взаимодействии, раскрывая его духовные потребности, коммунитаризм способствует динамичному и ненасильственному развитию всего общества.

Стремление коммунитаристов снять антиномию прав и свобод индивида, с одной стороны, и его социальной ответственности – с другой, совместить возросшее стремление к индивидуальной и групповой автономии с сохранением устойчивости социума и преемственности культурного опыта привело в их лагерь самые разнообразные политические силы. К коммунитаризму тяготеют «правые» христианско-демократические партии, «неформальные» левые группировки, отошедшие от социал-демократии, а также разнородные экологические, феминистские, профсоюзные движения. Все это превращает коммунитаризм в реальную альтернативу либерально-консервативному синтезу, предложенному современными социал-демократами и консерваторами.

Социально-политическая идеология фашизма и национал-социализма. Фашизм относится к числу идеологий солидаристского типа, зародившихся на рубеже XIX–XX вв. В то же время фашизм явно выделяется из этого ряда. Сложность изучения фашизма к тому же усугубляется отличием раннего фашистского движения начала XX в. и политической стратегии фашистских режимов 1930–1940-х гг.

Ранний фашизм в организационном отношении представлял собой достаточно пестрый конгломерат группировок и движений, формировавшихся под совершенно разными лозунгами и не пользовавшихся сколько-нибудь серьезным политическим влиянием. Он стал наиболее радикальным выражением психологических запросов «человека массы». Фашистский

синдром склался из противоречивых, подчас исключаящих друг друга стремлений маргинализованной части общества, причудливого переплетения традиционных и модернистских ценностей. В человеке, разделявшем фашистские установки, сочетались простота мировосприятия, основанная на системе упрощенных стереотипов, высокая эмоциональность в ущерб рационализму, мистический оттенок духовности, подсознательное недоверие к технике и «городам», вера в возможность predetermined, гармоничного, идеального порядка вещей и, одновременно, стремление к коренным революционным переменам, готовность лично участвовать в них. Крупнейший идеолог германского фашизма Меллер ван ден Брук выразил эту психологическую ситуацию формулой: «Революционный человек и консервативный человек имеют сегодня общего противника. Этим общим противником является человек либеральный».

Ранний фашизм аккумулировал негативную энергетику маргинальной среды, не пытаясь перевести ее в какое-либо конструктивное русло. Первая мировая война сыграла решающую роль в консолидации фашистского движения. «Человек массы» воспринял войну как событие своей личной жизни, обостренно почувствовав собственную важность и значимость. Не идеализируя войну, пройдя испытание ее кровью и грязью, «человек массы» воспринял эту бойню, стиравшую индивидуальные различия и индивидуальные страдания, как символ очищения и братства. В общественном сознании закрепилось иррациональное и даже мистическое ощущение естественности насилия. Культ силы, неразборчивость в средствах, спокойное отношение к массовым убийствам, жестокость воспринимались как проявления естественной человеческой сущности. Рождалось желание увидеть гибель всего фальшивого мира с его поддельной культурой и притворной моралью. Военные поражения добавили в эту гамму чувств крайнюю озлобленность, ощущение обманутости и предательства.

Война психологически сплотила маргинальную массу и привела ее в политическое движение. В 1918–1919 гг. начинают образовываться радикальные военизированные движения в Италии, Германии, Австрии. Их отличительными чертами были политический радикализм, воинственность, бунтарство, массовый характер, преобладание негативных, разрушительных целей и, в то же время, подчеркнутое стремление к внутреннему единению, боевому братству. Война породила и вождей фашизма. Они стали люди, разительно отличавшиеся от элитарных буржуазных политиков. Лидеры фашизма привнесли в политику особую страстность, агрессивность, ориентацию на иррациональные порывы масс, новый политический язык – образный, яркий, остроумный.

Идеологически фашистское движение оставалось достаточно аморфным. Даже после прихода к власти фашистские движения, как правило, не вырабатывали стройной идейно-политической платформы. Однако фашизм опирался на вполне определенное мироощущение. Его основой стал не только круг определенных идей, но и сам психологический импульс, порожденный разрушительными последствиями ускоренной модернизации, подавленное ощущение надвигающейся катастрофы, интуитивное стремление к поиску наиболее простых и очевидных ответов на главные проблемы современности.

Главным бедствием современной цивилизации идеологи фашизма считали духовное разложение человеческой личности. В этом обвинялся как либерализм, так и марксизм. Основной причиной духовного кризиса

называлась формализация социальных отношений, разрушение естественной самобытности и органической целостности человеческой личности. Особой критике подвергался марксистский классовый подход, якобы подменявший естественную для человека корпоративную и конфессиональную солидарность антагонистическим противостоянием «верхов» и «низов». Не менее жесткий протест фашистов вызвала и либеральная концепция гражданского общества, где индивид рассматривался как носитель неких универсальных естественных прав, не связанных с его национальной, этнической, конфессиональной принадлежностью.

Сторонники фашизма рассматривали в качестве идеала общество, основанное на принципах корпоративизма, способное гарантировать индивиду «подлинную» свободу. «Фашизм как мировое движение стремится к переустройству современных либерально-демократических и социалистических государств на началах господства духа над материей (религии), нации и труда (социальной справедливости), – писал идеолог русского фашизма К. Родзаевский. – Фашизм создает новый социальный строй, построенный на принципах примирения классовых интересов посредством корпоративной системы».

В качестве корпоративных групп фашистами рассматривались национальные и конфессиональные сообщества, производственные и территориальные коллективы, община и семья. Подразумевалось, что все они имеют не договорной, а органический характер. Принадлежность к ним, как правило, не может быть результатом рационального и целесообразного выбора человека. Напротив, рождаясь в определенной семейной, общинной, религиозной, этнической среде, индивид становится личностью именно благодаря ее влиянию. Таким образом, в рамках органических корпоративных сообществ, по мнению фашистов, противопоставление индивидуального и общего интересов лишено смысла. Солидарность их членов и преобладание на этой основе органического принципа взаимоотношений в рамках всей общественной системы не может рассматриваться как насилие над личностью.

Идеология органической солидарности основывалась на особой системе миропонимания. Она отрицала рациональный, материалистический метод познания природы и человека. В противовес технократическому и механистическому общественному сознанию выдвигалась идея иррационального, интуитивного понимания глубинных основ жизни, представление о приоритетной значимости нематериальных факторов общественной и индивидуальной жизни. Сама личность рассматривалась прежде всего как духовный феномен. Поэтому в политике фашистских режимов большое внимание уделялось не только экономическим и социальным преобразованиям, но и активному идеологическому воздействию на человека. В своей концептуальной работе «Доктрина фашизма» лидер итальянских фашистов Б. Муссолини писал: «Фашизм есть концепция религиозная; в ней человек рассматривается в его имманентном отношении к высшему закону, к объективной Воле, которая превышает отдельного индивида, делает его сознательным участником духовного общения».

В конечном счете фашизм стремился полностью интегрировать человека в формируемую национальную сословно-корпоративную систему. «Для фашизма человек – это индивид, единый с нацией, Отечеством, подчиняющийся моральному закону, связующему индивидов через традицию, историческую миссию, и парализующему жизненный инстинкт. ограниченный

кругом мимолетного наслаждения, чтобы в сознании долга создать высшую жизнь, свободную от границ времени и пространства, – писал Муссолини. – Фашизм жаждет человека активного, со всей энергией отдающегося действию, мужественно сознающего предстоящие ему трудности и готового их побороть. Он понимает жизнь, как борьбу». Подчеркивая эти «всеохватывающие» притязания, Джованни Джентиле назвал фашизм «тотальной концепцией жизни», а в программу итальянской фашистской партии вошло понятие «тотальное государство», как «государство, поглощающее всю энергию, все интересы и все надежды народа».

Отношение к государству как тотальному воплощению народной воли было наиболее характерным признаком фашистской идеологии. «Основное положение фашистской доктрины, – утверждал Муссолини, – это учение о государстве. Для фашизма государство представляется абсолютном, по сравнению с которым индивиды и группы только «относительное». Индивиды и группы «мыслимы» только в государстве. Фашистское государство имеет свое сознание, свою волю, поэтому и называется государством «этическим». Для фашизма государство не ночной сторож, занятый только личной безопасностью граждан; также не организация с чисто материалистическими целями для гарантии известного благосостояния и относительного спокойствия социального сосуществования. Государство, как его понимает и осуществляет фашизм, является фактом духовным и моральным. Оно есть хранитель и блюститель народного духа, веками выработанного в языке, обычаях, вере. Государство есть не только настоящее, оно также прошедшее, но главное, оно есть будущее».

Воплощением тотальности фашистского государства было исключительное положение его лидера – вождя нации. Фашистский вождизм являлся не только системой единовластия, но и особой идеологической категорией. «Фашизм не является диктатурой, это диктатура – следствие фашизма, рассуждал на эту тему французский философ профашистского толка Пьер Дрие Ла Рошель. – В Италии существовало целое движение, подъем целого поколения, искавшего и нашедшего фашизм, движение, которое выразилось в Муссолини... Вождь – это плод долгой череды усилий, это награда людям смелости и воли. Множество людей должны искать, думать, действовать, чтобы затем лучший из них, выдвинутый ими, в свою очередь заставил их самих устремиться вперед».

Государственныйская ориентация фашистской идеологии разительно отличалась от расового и партюкратического характера национал-социализма. Впрочем, истоки нацистской идеологии следует искать в том же пестром конгломерате идей и воззрений, которые стали питательной почвой для становления фашизма. Большую роль в формировании духовных предпосылок национал-социализма сыграли идеологи так называемой «консервативной революции», близкие к фелькишскому и раннефашистскому движению, – О. Шпенглер, Меллер ван ден Брук, К. Шмитт, М. Шпан, Э. и Ф. Юнгеры.

Освальд Шпенглер, автор известных трудов «Закат Европы» и «Прусская идея и социализм», разработал целостную органическую концепцию локальных культур-цивилизаций. Предрекая угасание и гибель европейской цивилизации, Шпенглер рассуждал о тех «здоровых» силах общества, которые способны создать новое культурное ядро. В этой роли он видел прежде всего представителей «пруссачества, обновленного социализмом». Говоря о «прусском характере», Шпенглер акцентировал его «органический», т.е. «подлинно социалистический характер»: «Не «Я», но «Мы»,

коллективное чувство, в котором каждое отдельное лицо совершенно растворяется. Не каждый стоит за себя, а все за все, с той внутренней свободой в высшем смысле – свободой повиновения, которая всегда отличала лучших представителей прусского воспитания».

Тема «национального социализма» поднималась и в концептуальной работе «Третий Рейх» Меллера ван ден Брука (настоящее имя – Артур Меллер). Особое место в воззрениях Меллера ван ден Брука занимала идея борьбы «молодых народов», в том числе немцев, против «старых» наций дряхлеющей гуманистической Европы. Источником сил для национального возрождения Меллер ван ден Брук считал немецкие традиции племенного сознания и немецкую имперскую идею. При этом «пруссский дух», воплотившийся в «активной и монолитной» государственности, Меллер ван ден Брук противопоставлял «аморфности», присущей, по его убеждению, остальным немцам. Сложившийся на прусской почве человеческий тип – стойкий, связанный прочными духовными узами со своим народом и готовый к самоотречению во имя «высших ценностей», – являлся для него прототипом немца, которого предстояло воспитать. Меллер ван ден Брук подчеркивал, что в основе политики должно лежать именно воспитание нового человека, а сутью воспитания является его «национализация». Целью национального воспитания Меллер ван ден Брук считал, с одной стороны, достижение «цельности» немецкого общества по прусскому образцу, а с другой – осознание немцами своей «сущности», с тем чтобы затем «наполнить ею» весь остальной мир. Грядущее торжество «немецкого духа» Меллер ван ден Брук называл Третьим Рейхом – вслед за Священной Римской империей и империей Бисмарка.

В философских и публицистических произведениях братьев Эрнста и Фридриха Юнгеров наиболее ярко выразился весь трагизм идеологии «консервативной революции». Э. Юнгер создал в своих романах и дневниках образ мировой войны как торжествующего абсурда и хаоса, гибели всех ценностей старого мира. Война рассматривалась им как переломный момент в истории общества – после нее уже невозможно мыслить прежними категориями добродетели и гуманизма. В то же время именно война способствовала, по мнению философа, пробуждению в народе истинного национального духа.

Национализм братья Юнгеры определяли как глубинное, невыразимое в своей полноте чувство сопричастности к духовной сущности нации. Нация рассматривалась ими в качестве некоей сверхчувственной силы, дающей «определенность» всякому человеку, чувствующему свое отношение к ней. «Национализм связан с определенными историческими силами, – писал Ф. Юнгер. – Он не борется против исторического сознания, напротив, он стремится вдохнуть в него новую жизнь. Он жаждет пробудить чувство трагической и героической полноты прошлого, усилить народное притязание на власть и увидеть в нем будущее, указав на великие деяния германства». Отношение к нации, по мысли братьев Юнгеров, является своего рода тайной и не может быть выражено рациональным образом. Без наличия чувства мистической сопричастности народ и любая общность являются только простой механической массой. Уже в 1930 г. Э. Юнгер обобщил эти идеи в программной статье «Тотальная мобилизация». Само понятие «тотальная мобилизация» Юнгер использовал в особом смысле, подразумевающая не сосредоточение людей для единого целесообразного массового действия, а концентрацию энергии и воли народа.

Таким образом, идейно-политическое движение «консервативной революции» было тесно связано с немецким национализмом и, одновременно, наиболее радикальными версиями солидаристской идеологии. Торжество «консервативной революции» трактовалось в качестве возрождения немецкого национального духа, традиций национальной государственности культуры. Но сама подобная революция мыслилась как тотальный духовный переворот в масштабах всего человечества, толчок к рождению нового человека, противоположного в своей органической цельности ограниченному в своем рационализме и практицизме «западному человеку».

Идеология «консервативной революции» оказывалась созвучна наиболее радикальным концепциям, возникавшим в русле немецкой расологии. Расовая теория была чрезвычайно популярна в европейской науке на рубеже XIX–XX вв. Вслед за ее основоположником Жозефом Габено было принято считать расы особыми био-социальными общностями, неизменными в своей основе и предполагающими специфические модели мышления, поведенческие стили, направленность исторического развития и уровень творческого потенциала. Представители немецкой расовой теории Г. Гюнтер, А. Розенберг, Г. Лундборг, П. Шульце-Наумбург, О. Рехе придали расологии яркий философско-мировоззренческий и, одновременно, чрезвычайно политизированный и даже фундаменталистский характер. «Расовую душу нельзя потрогать руками, – писал Альфред Розенберг, – она воплощена в связанной кровью народности, увенчана и сплочена как эталон для сравнения в великих личностях, создающих творческим действием культурную сферу. Эта целостность представляет собой не только «дух», а дух и волю, то есть жизненную совокупность». Ту же мысль проводил и Ганс Гюнтер: «Впервые в мировой истории мы, люди, поняли причины величия и упадка народов. На основе этих знаний можно создать новый порядок в государстве и в личной жизни каждого человека. Этот новый порядок можно создать с чувством глубокой ответственности, со знанием того, что героической нордической расой совершены все подвиги... Грядет новая романтика – романтика расы. Она будет прославлять чистую нордическую кровь и создаст новые представления о добродетели и пороке». Нордический миф, т.е. представление о расовой избранности арийцев, стал основой концепции расовой евгеники, расового «оздоровления» человечества на основе формирования «чистых» расовых сообществ и выстраивания их взаимоотношений в соответствии с иерархией «чистоты крови».

Примитивизированные версии расовых учений и теорий «консервативной революции» в сочетании с антисемитской пропагандой создали в Германии ту духовную среду, в которой формировались многочисленные экстремистские движения фашистского толка. Но с образованием гитлеровской партии НСДАП (Национал-социалистической немецкой рабочей партии) развитие тоталитарной идеологии в Германии приобрело существенную специфику по сравнению с классическим фашизмом. Для национал-социализма в меньшей степени оказались характерны идеи корпоративной солидарности, сословного деления общества. Нацистское движение складывалось без какой-либо политической или идеологической связи с католицизмом. Все большую роль в воззрениях нацистов играли националистическая ксенофобия, антисемитизм, расизм. Особенно явно политический имидж и идеологическая программа НСДАП изменились после того, как в 1920 г. у партии появились могущественные покровители из «Германского ордена» Эта полуправительственная оккультная организация пестовала идеи духовного об-

новления человечества на основе приобщения к неким высшим мистическим истокам жизни. Под влиянием представителей «Общества Туле» (духовного центра «Германского ордена») в идеологической доктрине НСДАП идеи национального социализма соединились с мистическими, оккультными мотивами. Эмблема «Общества Туле» – свастика, являющаяся древним мистическим символом вечного движения солнца, стала официальной эмблемой партии, обозначающей соединение арийских мистических традиций с героикой древнегерманских Нибелунгов. На основе рунических знаков была разработана система других партийных символов, введены штандарт партии, флаг имперских цветов, особые ритуалы (в том числе салют поднятой вверх рукой, массовые факельные шествия). Все эти элементы пропаганды, тесно связанные с оккультной мистикой, стали важнейшей частью идеологической платформы НСДАП.

В годы существования Третьего Рейха идеологическая концепция нацизма получила дальнейшее развитие. В отличие от фашизма, нацистская идеология ориентировалась не на всемерное укрепление национального суверенного государства, а на подчеркивание его вторичности, зависимости от «высших целей» партии – тотальной борьбы за установление расового мирового порядка. Если фашистская пропаганда создавала образ «тотального государства» как всеобъемлющего выражения народной воли, то нацисты в этой роли видели партию. Адольф Гитлер являлся «фюрером нации» именно как лидер партии, а не глава государства. «Правильный взгляд на государство заключается в том, что государство является не целью, а средством к цели, – утверждал он в книге «Майн кампф». – Правда, без государства нет высокой человеческой культуры, но само государство не является еще главным фактором культуры. Главным фактором является исключительно наличие расы, способной стать творцом культуры. Государство только сохраняет расу».

Нацистская идеология отвергла органическую трактовку понятия «народ» и трактовала народную общность именно с расовой точки зрения. Расовый принцип становился основой государственной политики в любой сфере. «Предпосылкой развития является чистота расы, – утверждал Гитлер. – Цель состоит в сохранении и в дальнейшем развитии коллектива одинаковых в физическом и моральном отношениях человеческих существ. Это сохранение относится прежде всего только к тому ядру, которое действительно принадлежит к данной расе и обеспечивает ей развитие тех сил, которые заложены в этой расе. Часть этого ядра будет обеспечивать сохранение физической жизни, а другая часть – содействовать дальнейшему духовному развитию. Наше государство будет видеть главную свою задачу не в том, чтобы накачивать наших детей возможно большим количеством «знаний», а прежде всего в том, чтобы вырастить здоровых людей. Лишь во второй очереди будем мы думать о развитии духовных способностей. Но и в этой последней области мы прежде всего будем думать о том, чтобы развить в нашей молодежи характер, волю, силу решимости, чувство ответственности».

Характерно, что и сами нацисты недвусмысленно подчеркивали отличие своей идеологии от фашизма. Так, например, Й. Геббельс утверждал: «Фашизм ничем не похож на национал-социализм. В то время, как последний идет корнями, вовнутрь, фашизм есть только поверхностное явление. Ту же мысль подчеркивал и Г. Гиммлер: «Фашизм и национал-социализм – это два глубоко различных явления. Абсолютно не может быть сравнения между ними, как между духовными, идеологическими движениями». Фа-

шизм рассматривался нацистами как потенциальный партнер в противостоянии с либерально-демократической системой, но не более. Другое идейно-политическое движение тоталитарного толка – большевизм, – являлось для нацистов наиболее ненавистным противником. Это противостояние, на первый взгляд, диктовалось расхождением идейных доктрин: непримиримым столкновением национализма и интернационализма, мистицизма и атеизма, надклассового солидаризма и пролетарской классовости. Но за борьбой идей скрывалась еще более важная причина несовместимости, связанная с социальной природой обеих тоталитарных систем. Ее весьма образно охарактеризовал Ф. Хайек: «Национал-социализм и большевизм боролись за людей с определенным, схожим типом сознания и ненавидели друг друга, как ненавидят еретиков».

Современные протестные движения. Понятие «протестное движение» обычно используется для характеристики радикальных общественных движений второй половины XX в., противопоставлявших себя не только существующему партийно-политическому спектру, но и «общепринятой» стилистике политической жизни, негласным правилам межпартийной конкуренции в рамках системы парламентской демократии. Но исторически первым протестным движением можно считать классический анархизм XIX в. Подобную направленность имели и некоторые движения, возникавшие под влиянием идей «третьего пути» на рубеже XIX–XX вв. Их социальную базу преимущественно составляли маргинальные слои общества, протестующие против формирования индустриальной общественной системы, присущих ей принципов социальной состязательности, идеалов прогрессизма, личной ответственности и независимости. Ситуация принципиально изменилась в условиях системного кризиса индустриального общества на рубеже 1950–1960-х гг. Новые формы протестной идеологии начали формироваться под влиянием растущей плюрализации общественной жизни, все более пестрой мозаики стилей жизни и поведения, разнообразных субкультур со своими ценностными и мировоззренческими установками.

На протяжении 1960-х гг. сформировалось три основных вектора протестного движения – «новые левые», феминизм и экологическое («зеленое») движение.

Основу движения «новых левых» составили многочисленные молодежные группировки и течения, выступавшие против власти технократической элиты, «буржуазных ценностей» «общества потребления», засилья «системной» идеологии, ограничения человеческой индивидуальности и свободы самовыражения. Масштабные политические акции «новых левых» были чрезвычайно редки. Лишь во Франции во время «красного мая» 1968 г. и США на фоне массового недовольства войной во Вьетнаме сложились массовые политические молодежные движения.

Французские «новые левые», протестующие против деголлевского режима, образовали движение «гошистов» (фр. «gauchiste» – левый). В него влились разношерстные группировки троцкистов, анархистов, маоистов, единые лишь в своей радикальной критике «буржуазного строя» и неприязни политиков из «поколения отцов». Гошисты считали, что парламентаризм и многопартийная избирательная система служат прикрытием для господства олигархической буржуазии, и возрождение подлинной демократии возможно только при условии тотального разрушения существующих

порядков. Их лозунгом стало «требование невозможного», проведение акций протеста, исключающих возможность компромисса с властями.

В США акции молодежного протеста возглавила организация «Студенты за демократическое общество». Ее лидеры заявляли в своей программной Порт-Гуронской декларации: «Мы стремимся к демократии индивидуального участия, ставя перед собой две основные задачи: первое – задачу личного участия в тех социальных решениях, которые определяют важные стороны и направления жизни человека, и второе – чтобы общество было организовано таким образом, дабы способствовать независимости людей». Идеи «демократии индивидуального участия» получили развитие в коммунитарном движении американских студентов, пытавшихся создавать «антиобщинные» – автономные сообщества, построенные на «альтернативных» нормах морали и взаимодействия.

Репутацию идеологов «новых левых» снискали философы из так называемой «Франкфуртской школы» – М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромм (позже – Ю. Хабермас, А. Шмидт, О. Негт). Пик влияния «Франкфуртской школы» пришелся именно на 1960-е гг., когда возвращение ее лидеров превратилось в символ «антибуржуазной» философии. Методологическую основу философии «франкфуртцев» составило сложное сочетание неопрейдистских идей, неогегельянской версии теории отчуждения и критической социологии в духе неомарксизма. Пафос же ее составлял протест против насилия «тотального общества» над личностью, признание драматического одиночества человека, его нравственной дезорганизации и социальной «потерянности».

Критическая социальная философия «Франкфуртской школы» была очень созвучна настроениям тех слоев общества, которые дистанцировались от норм и стереотипов «общества потребления». «Крестовый поход» «франкфуртцев» против позитивизма и всей классической научной методологии воспринимался как яркий призыв возродить «подлинно человеческое» не только в философии, но и самой жизни. «Франкфуртцы» доказывали непреходящую значимость самостоятельного мышления человека, его смелости думать и противопоставлять обществу собственное мнение. Их философские рассуждения провоцировали обостренный общественный интерес к иррациональным мотивам человеческого поведения, акцентировали значимость рефлексии как фактора социализации личности.

С конца 1960-х гг. идеи «Франкфуртской школы» начали утрачивать былую привлекательность для «новых левых». Причина заключалась в том, что в поздних работах Адорно и Хоркхаймера, а также исследованиях Хабермаса и его единомышленников акцент начал смещаться на сугубо философские проблемы, близкие к парадигме постструктурализма и постмодернизма. Исключение составил лишь Герберт Маркузе, неизменно воспринимавшийся в качестве духовного «дура» молодежного протестного движения.

В наиболее популярных произведениях Маркузе («Эрос и цивилизация», 1955; «Одномерный человек», 1964; «Очерк об освобождении», 1969) последовательно раскрывались идеи неопрейдизма. Индивидуальную психологию Фрейда, раскрывающую механизмы репрессивного подавления человеческого «Я», Маркузе считал ключом к формированию современной социальной философии. Он доказывал, что в современном обществе, обладающем огромным экономическим и научно-техническим потенциалом, подавление самостоятельности человека утрачивает смысл. Репрессивная система, вполне целесообразная на ранних стадиях истории, становится

иррациональной, основанной на ложных принципах и целях. Для сохранения Системы происходит усиление контроля не только над влечениями, но и сознанием человека. Общество потребления с его «индустрией бездумного времяпрепровождения» превращает общественный контроль над личностью в беззастенчивое манипулирование самыми низменными страстями и страхами. Этот прессинг, по мысли Маркузе, служит одной цели – заполнить сознание человека, «отвлечь от мысли, что он может меньше работать и самостоятельно определять собственные потребности и способы их удовлетворения». Так рождается «одномерный человек», неспособный противопоставить государству собственную волю и утративший представления о подлинном счастье.

Выход из ситуации тотального отчуждения Маркузе видел в раскрепощении человеческой личности, в «Великом Отказе» от любых навязываемых обществом условностей и норм. Это, по его мнению, способно возродить в человеке «нерепрессивные потребности» в свободе, эстетическом удовольствии, нравственной гармонии. Вслед за Фрейдом большую роль Маркузе придавал освобождению Эроса – энергии инстинктов, свободной игры человеческих потребностей и способностей. Торжество Эроса, по мнению Маркузе, означает преодоление сублимированной сексуальности, порожденной репрессивным давлением общества и имеющей агрессивную, насильственную направленность.

Характерно, что единственную силу, способную противостоять одномерному обществу, Маркузе видел в аутсайдерах – личностях, не интегрированных в социальную систему, а потому не испытывающих всю силу ее репрессивного давления. Маркузе считал, что любой человек может встать на путь «Великого Отказа», испытывая «отчаяние в страхе», т.е. пассивное неприятие одномерности своей жизни. Но лишь те люди, которые сохранили благодаря своей неустойчивости и неприкаянности протестный дух и жизненную энергию, способны к проявлению «надежды в отчаянии» – активному бунту против Системы, стихийному, спонтанному самовыражению.

Влияние философии «Франкфуртской школы» на идеологию «новых левых» не стоит переоценивать. Скорее речь может идти о созвучности протестного пафоса, бунтарского отрицания «правил» и «устоев», парадоксального сочетания социального нигилизма и чувственной экспрессии. В целом, идеология «новых левых» представляла собой скорее особую знаковую, символическую культуру, нежели программу тех или иных действий. Показательным примером стало формирование настоящего культа кубинского революционера Эрнесто Че Гевары. Его образ превратился в секс-символ молодежной контркультуры, а знаменитый портрет «архангела революции» в берете со звездочкой стал брендом протестного движения «новых левых».

Понятие «контркультура» вошло в обиход в конце 1960-х гг. в США и было тесно связано со знаковой, символической спецификой идеологии «новых левых». Его автором считается преподаватель хэвиудского колледжа Геодор Рожак, опубликовавший в 1969 г. книгу «Создание контркультуры». «Молодежный протест нашего времени, – писал Рожак, – выходит за рамки идеологии и достигает уровня сознания, пытающегося преобразовать самые глубинные чувства». Он полагал, что протестная культура молодежи направлена на разрушение не только технократической культуры, но и самой «социальности» технократического общества. Ее противник – это «абсолютное зло», поскольку, увлекшись своим «показным потребительством»,

«поколение отцов» подвело человечество к опасной черте ядерного самоуничтожения, разложения всех моральных ценностей, расового геноцида.

В 1970 г. в свет вышло концептуальное исследование Чарльза Рейча «Зеленеющая Америка». В этой книге понятие контркультуры ассоциировалось с революционным рождением «третьего типа» сознания. «Сознание I», по Рейчу, сформировалось на протяжении XIX в. и отразило мечту о всеобщем благосостоянии, основанном на индивидуальном труде и самоограничении. На смену ему в XX в. пришло «Сознание II», отводящее ключевую роль в обеспечении общественного и индивидуального блага научному прогрессу, техническому оснащению труда, системной организации и планированию всех сфер жизни. Подобные установки позволяли отдельному человеку достичь высокого положения в обществе, а всему обществу – быстро увеличить общий уровень благосостояния. Но ценой такого рывка становится забвение гуманистических ценностей, права человека быть самим собою. Рейч утверждал, что наступает эпоха «Сознания III» – освобождения личности, как неповторимой, честной и не приемлющей насилия по отношению к себе и другим. Он доказывал, что подобные изменения не могут быть результатом политического выбора. Революция сознания порождается «изменением индивидуальных жизней», а потому первоначально распространяется именно на сферу культуры. Молодежную «альтернативную» музыку Рейч считал наиболее ярким и важным проявлением такой культурной революции.

Рок-музыка действительно стала символом молодежной протестной культуры. Толчком для ее становления стало распространение в США в начале 1950-х гг. мелодий в стиле «ритм-энд-блюз» (фолк-музыка с блюзовыми интонациями). Дискожокею Элану Фриду из Кливленда принадлежит авторство слова, которое стало символом «новой музыки» – «рок-н-ролл» (игра слов, близкая к фразе из популярной песенки тех лет: «Мы будем качаться, мы будем вертеться»). Ошеломляющий триумф «ливерпульской четверки» («Beatles») превратил рок-музыку в настоящее культурное явление, но ее первыми «гуру» стали музыканты из «Rolling Stones». Эта группа была создана Миком Джаггером и Кейтом Ричардом в 1962 г. в Лондоне и быстро обратила на себя внимание скандальными выходками на концертах, нарочито небрежным внешним видом. Длина волос «рокеров» стала с тех пор предметом особого осуждения защитников общественной морали.

Многие рок-музыканты не только использовали имидж бунтарей, протестующих против общественных нравов, но привносили соответствующие акценты в свое творчество. Вскоре зародилось и соответствующее музыкальное направление – хард-рок («Led Zeppelin», «Deep Purple», «Black Sabbath», «Nazareth»). Его музыкальная концепция была построена на «неистовом» инструментальном саунде в сочетании с напористым, «жестким» вокалом. Особенностью композиций многих хард-роковых групп становилось использование «иррациональных» элементов (мистики, оккультизма, сатанизма). По примеру «Black Sabbath» этот мистический элемент получил название «хоррор» (ужас).

На волне шумного успеха «тяжелой» музыки сформировалось наиболее радикальное течение рока, проповедующее экстремистские идеи «новых левых». Его лидером стала группировка «Белые пантеры», созданная в США в 1968 г. Джоном Синклером. «Наша программа – это культурная революция при помощи тотальной атаки на культуру, – утверждалось в манифесте «Белых пантер». – Наша программа – это рок-н-ролл, наркотики

и секс на улицах. Это программа по освобождению всех и каждого. Мы дышим революцией. Мы – ведомые ЛСД маньяки всей вселенной. Рок-н-ролл – это острее нашего боевого копья...».

Формула «секс, наркотики и рок-н-ролл» превратилась в почти нарицательную во время «молодежного бунта» конца 1960-х гг. Сексуальная и психоделическая революции стали такими же символами протестного движения, как и рок-музыка. В пропаганде сексуальной свободы «новые левые» оказались близки к движению хиппи (термин «хиппи» принадлежит американскому писателю Майклу Фаллону, тогда как сами хиппи предпочитали называть себя «прекрасными людьми» – «beautiful people»). Движение хиппи сформировалось на основе сан-францисской «Лиги сексуальной свободы» и организации «Сторонники легализации марихуаны». Помимо пропаганды свободной любви, хиппи поддерживали антивоенное движение, разделяли идеи пацифизма и экологизма. Употребление легких наркотиков природного происхождения рассматривалось ими как способ духовного раскрепощения, ухода из мира «лжи, лицемерия и обмана».

«Новые левые» придали «психоделической революции» более жесткий характер. Толчком стало массовое распространение наркотика ЛСД – сильного галлюциногена, химически синтезированного на основе лизергиновой кислоты. Идеологами «кислотной культуры» стали Тимоти Лири, Хантер С. Томпсон, Том Вульф, Кен Кизи (автор известной книги «Полет над гнездом кукушки»). Употребление «кислоты» пропагандировалось как особый психоделический опыт, позволяющий не уйти в мир грез, а расширить собственное восприятие реального мира, получить возможность управления сознанием. Возведя психоделический опыт в ранг культа, Т. Лири объявил себя пророком этого учения. Он доказывал, что человеческое сознание способно функционировать на семи уровнях, из которых рациональное мировосприятие является лишь начальным, а «доклеточный» уровень, достижимый под воздействием ЛСД, – высшим. «Ваши нервные клетки знают не хуже Эйнштейна, что всё во Вселенной – это пульсирующая энергия», – писал Лири. – Это то, что мистики и визионеры на протяжении тысячелетий описывали как «белый свет» и «танец энергии». Опыт путешествия в нем может казаться устрашающим, но вас охватывает ликование: вы проникли в природу материи и вибрируете в гармонии с изначальным, космическим ритмом. И я подозреваю, что это еще не все». Лири видел в наркотиках не только способ самопознания, но и средство, с помощью которого, посредством изменения сознания, можно будет изменить саму реальность. Он мечтал, что «лет через двадцать все общественные институты будут преобразованы в соответствии с прозрениями, почерпнутыми из опыта расширения сознания», что изменится вся система образования и вместо книг будут молекулы определенных веществ, открывающие «внутреннюю библиотеку».

Особняком в протестном лагере левых радикалов стояли представители немногочисленных террористических организаций. Политическая философия левого терроризма восходила к концепции «прямого действия» Ж. Сореля. Наиболее активными группировками подобного толка стали западно-германские группы «Фракция Красной армии», «Движение 2 июня», «Революционные ячейки» и «Антиимпериалистические ячейки»; в Италии – «Красные бригады» (в целом, в начале 1970-х гг. здесь насчитывалось более 100 террористических групп). Две мощные террористические организации сложились в Испании – «Революционный патриотический и антифашист-

кий фронт» и «Группа патриотического сопротивления 1 октября», во Франции схожие позиции занимала «Аксон дарект», в Греции – «Движение 17 ноября». Большое распространение левый терроризм получил в Латинской Америке.

Особым направлением протестного движения стал феминизм. Становление его идеологии происходило на протяжении всего XX в., а ее истоки можно усматривать еще в размышлениях европейских просветителей о гражданской эмансипации женщин. Первоначально усилия феминисток сосредоточились на требованиях предоставления женщинам юридической самостоятельности и избирательного права (движение суфражисток). Образовалось и весьма влиятельное социалистическое крыло феминистического движения. Его представительницы, в том числе Ш.П. Гилман, Э. Голдман, М. Имэн, К. Цеткин, А. Коллонтай, обращали внимание не на мужской сексизм, а на эксплуатацию женщин в капиталистическом обществе. В их представлении борьба за равенство полов была неразрывно связана с революционным классовым движением.

Переломное значение для развития идеологии феминизма сыграла публикация трудов Симоны де Бовуар, в том числе ее концептуальной работы «Второй пол» (1949). Опираясь на сартровскую версию экзистенциализма, де Бовуар пыталась доказать, что основным препятствием к женской свободе являются не юридические ограничения или экономическая эксплуатация, а сама существующая в обществе система социализации женщин. Знаменитой стала фраза де Бовуар: «Женщины не рождаются, ею становятся». Де Бовуар доказывала, что женщина способна достичь такой же духовной свободы и социальной ответственности, как и мужчина, если преодолеет собственный негативный образ, откажется от предрассудков и условностей, исключит влияние физиологических особенностей на свое поведение в обществе.

Идеи Симоны де Бовуар послужили основой для формирования в 1960-х гг. феминистского движения либерального толка. Его лидер Бетти Фридан в книге «Загадка женственности» утверждала, что путь к решению женского вопроса лежит через «демифологизацию женственности», отказ от представления об «особых», «исключительных» функциях женщины. По мнению Фридан, подобные установки служат лишь поводом для изоляции женщин от многих сфер общественной жизни. Организовав в 1966 г. Национальную организацию женщин (NOW), Фридан придавала феминизму в Америке характер широкого политико-правового движения. Вскоре сложилось и радикальное течение феминизма, трактующее идею эмансипации не в контексте борьбы за равные права и возможности, а, напротив, как «последовательную защиту интересов женщин вопреки «мужским» законам и установкам. Образ «мужчины-угнетателя» стал ключевым для радикального феминизма. «Женщины – угнетенный класс», – утверждалось в манифесте «Красный чулок Нью-Йорка» (1969). – Наше угнетение абсолютное, оно влияет на все стороны нашей жизни. Нас эксплуатируют как сексуальные объекты, как домашних слуг, дешевую рабочую силу. Нас считают неполноценными существами... Действующей силой нашего угнетения мы считаем мужчин. Мужское превосходство есть главная форма подавления. Конфликт между конкретным мужчиной и конкретной женщиной есть конфликт политический».

При всей своей идеологической специфике феминизм внес немалый вклад в формирование протестного движения конца 1960-х гг. Менее ради-

кальной была программа экологического движения, которое зародилось в те же годы. В основу ее легло представление о единой планетарной экосистеме – неразрывной связи в развитии живой природы, техногенной инфраструктуры и социальной организации человечества. Экологи считали, что накопительская философия «общества потребления» ставит человечество на грань катастрофы. Их просветительская деятельность и протестные идеи вызвали отклик у представителей самых разных социальных слоев, но организационное оформление «зеленого движения» состоялось лишь в 1970-х гг. Причем сразу же выделилось два направления в развитии экологизма. Для становления первого из них точкой отсчета послужило образование в 1971 г. международной организации «Green Peace» («Зеленый мир»). Она провозгласила принципами своей деятельности «протест действием», «ненасильственность» и «независимость». Активисты «Green Peace» принимали весьма эксцентричные акции, выступая против ядерных программ, использования токсичных веществ, загрязнения атмосферы.

Умеренную часть «зеленого движения» составили экологические партии, предпочитавшие парламентские методы борьбы, а не шумные акции протеста. Крупнейшими из них стали партия «зеленых» в ФРГ, «Эколо» и «Агале» в Бельгии, партия «Зеленые – Зеленая Европа» в Италии, «Объединенные зеленые Австрии» и «Альтернативный список Австрии», «Экологическая партия» Великобритании, партия окружающей среды в Швеции, «Зеленые» и «Экологическое поколение» во Франции. Не обладая широкой организационной структурой и массовым электоратом, «зеленые» быстро заняли свою нишу в партийно-политическом спектре. Их программные установки включили не только призывы к защите окружающей среды на международном и национальном уровнях, но и идеи развития самоуправления рабочих на предприятиях, децентрализации капитала, миролюбивой внешней политики, более сбалансированной стратегии экономического роста. К 1990-м гг. «зеленые» партии окончательно превратились в ближайших союзников обновленной социал-демократии.

Помимо весьма разнообразного левоцентристского протестного лагеря, на протяжении 1970–1980-х гг. сложилось и консервативно-протестное движение. Его представители получили название «новых правых». Правда следует учесть, что использование в данном случае понятия «правые» оказалось двусмысленным. В роли «правых» еще с конца XIX столетия выступали либеральные, а затем либертарные партии, противостоящие «левому» флангу коммунистов и социал-демократов. «Новые правые» возродили идеи этнокультурного национализма, дискредитированные после Второй мировой войны их ассоциацией с фашизмом. Не случайно, что идеология «новых правых» нередко характеризовалась как неонацизм. В основу ее легли радикальный традиционализм, ксенофобия, ненависть к «чужакам», особенно с иными цветом кожи и вероисповеданием. «Новые правые» апеллировали к чувствам «простых людей», выражали присущую «маленькому человеку» тягу к «сильной руке» при одновременном глубоком недоверии к элитам и бюрократии, крупному бизнесу и наднациональным организациям. В Европе «новые правые» стали оплотом антиинтеграционных настроений («евроскептицизма»), источником ностальгических воспоминаний о «добрых старых временах», «культурных корнях», «великом национальном прошлом».

Самыми яркими представителями «новых правых» стали Национальный фронт Ж.-М. Ле Пена во Франции, Партия республиканцев в

Германии, Партия свободы в Австрии, Лига Севера и Итальянское социальное движение в Италии. Особую нишу заняло молодежное движение скинхедов и близкие к нему экстремистские группировки футбольных фанатов. Возникли и немногочисленные неонацистские группировки. К «новым правым» примыкали националистические террористические группировки, наиболее активно действовавшие в 1970-х – начале 1980-х гг. Среди них выделялись баскские националистические организации в Испании и северо-ирландская ИРА в Великобритании, «Военно-спортивная группа» Гофмана и «Германские группы действия» в ФРГ, ОАС (Секретная вооруженная организация), «Бригады Пейпера» и «Федерация национального и европейского движения» во Франции.

С началом процесса глобализации в конце XX в. протестное движение в западных странах приобрело новую направленность. «Новые правые» получили возможность значительно расширить свой электорат за счет маргинальных групп населения. Отказавшись от экстремистских акций и провозгласив своей целью борьбу за приоритет национальных интересов в глобализованном мире, праворадикальные партии превратились во вполне respectable ную и успешную часть политического истеблишмента. Неожиданный рывок к власти совершила Партия свободы в Австрии. В правящую коалицию в Италии вошли политики из Лиги Севера. Французский Национальный фронт устойчиво получал поддержку около 10 % избирателей, а его лидер Ле Пен даже сенсационно вышел во второй тур президентских выборов в 2002 г.

На позиции антиглобализма перешли и левые протестные движения. Координация их действий началась в 1998 г. после совещания в Женеве. На нем было принято пафосное решение о создании «альянса борьбы и взаимной поддержки» под названием «Глобальное народное действие» («People's Global Action»). Эта организация позиционировалась как неформальная коалиция гражданских инициатив и социальных движений. Основные требования антиглобалистов сводились к списанию долгов развивающимися и бывшим коммунистическим странам, усилению налогового бремени на крупный капитал, выработке новых правил международного кредита, выведению из-под частного контроля и передаче в общественное ведение природных ресурсов и важнейших культурных институтов, демократизации политической жизни, отказу от военного насилия на международной арене.

18 июня 1998 г. более чем в 40 городах мира прошел «Всемирный карнавал против капитализма». С этого времени антиглобалистское движение особенно явно начинает перенимать старые лозунги «новых левых». На вооружение были приняты и методы «прямого действия». Первой массовой акцией протеста антиглобалистов стали события в ноябре 1999 г. в Сиэтле, когда саммит Всемирной торговой организации оказался фактически сорван 50-тысячной демонстрацией. За «битвой в Сиэтле», как окрестили эти события средства массовой информации, последовали бурные демонстрации в Мельбурне и Давосе, когда там заседали участники Всемирного экономического форума, в Вашингтоне и Праге – по случаю заседаний Всемирного банка и МВФ, в Виндзоре (Канада) – по случаю саммита Организации американских государств, в Ницце в декабре 2000 г., когда там проходила встреча глав государств и правительств Европейского союза, а также других городах Европы и Америки, где собирались крупные международные политические или экономические форумы.

Кульминацией протестного антиглобалистского движения стали беспрецедентные по размаху массовые демонстрации в Генуе в 2001 г., приуро-

ченные к проходившей там очередной встрече «восьмерки». По разным оценкам, в них участвовало 200—300 тыс. чел. Все эти выступления сопровождались столкновениями с силами порядка, актами насилия и вандализма, за которыми обычно стояли хорошо организованные группы экстремистов. В дальнейшем движение антиглобалистов пошло на спад. Причиной стали жесткие охранные меры, предпринимавшиеся правительственными кругами в тех странах, где планировались акции антиглобалистов. Изменились и настроения общественности. После трагических событий 11 сентября 2001 г., в США внимание оказалось сосредоточено на угрозе терроризма. Действия антиглобалистов перестали получать прежнюю моральную поддержку, а эпицентр политических дискуссий сместился на проблемы международной и национальной безопасности.

Глава 8

Конституционно-правовое строительство в странах Европы и Америки в XX в. Проблема «кризиса демократии»

Конституционализм как феномен правовой культуры западного общества. Понятие «конституционализм» имеет немало трактовок. Распространенное формально-юридическое определение конституции как основного закона, принимаемого в особом порядке и обладающего высшей юридической силой, отнюдь не является универсальным. Существуют совершенно разные подходы к пониманию задач конституционного строительства, соотношения конституционного и государственного права, роли конституционализма в закреплении правового статуса личности. В то же время очевидно, что по своему происхождению конституционализм является феноменом правовой культуры именно западного общества, и его эволюция неразрывно связана с разворачиванием процесса модернизации – становления и поэтапной трансформации индустриальной общественной системы.

Становление конституционализма, как особого типа правового сознания, началось еще в XVI–XVII вв. с разворачиванием процесса секуляризации общественного сознания. Сложнейшая ментальная перестройка европейского общества основывалась на распаде традиционной картины мира, образа богоданной, непротиворечивой в своем глубинном смысле реальности. Человек из объекта и орудия «промысла Божьего» превращался в своих глазах в активного субъекта, имеющего полное право распоряжаться собственной судьбой и отстаивать собственные интересы в общении с другими людьми. Христианская конфессиональная культура не утрачивала, конечно, свое мировоззренческое значение, но переставала быть системой априорных, не подлежащих сомнению и переосмыслению норм. Образ Бога, интуитивно доступный и понятный средневековому человеку, приобретал все более абстрактные черты. Из области органического, иррационального мироощущения он вытеснялся в сферу вербально-логического мышления, рационального миропонимания. Сама вера постепенно становилась не только делом совести, но и предметом осмысленного выбора каждого отдельного человека. Поэтому она быстро утрачивала свою семиотическую функцию, а церковь, веками являвшаяся универсальным коммуникатором в европейском обществе, приобретала черты закрытого сословно-корпоративного института. На смену универсализму религиозных норм приходил универсализм норм права.

Преодоление «закрытой» сословно-корпоративной правовой культуры и оформление универсалистского представления о праве было тесно связано с признанием самодостаточности индивидуального опыта личности. Эта установка нашла выражение в концепциях естественных прав и народного суверенитета. Естественным, т.е. врожденным и неотчуждаемым, признавалось право каждого человека на самосохранение и самореализацию, осознанный свободный выбор собственной судьбы. Равенство людей в естественном стремлении к отстаиванию собственного интереса способствовало созданию гражданского общества, основанного на договорном принципе отношений. Правомерным в таком сообществе становилось поведение, позволяющее человеку добиваться своей цели, не нарушая естественного права остальных людей. Источником права соответственно признавалось не чье-либо волеизъявление, а сам естественно возникший порядок гражданских взаимоотношений. В качестве суверена, т.е. верховного и абсолютно легитимного носителя власти, также рассматривалось конкретное гражданское сообщество (народ, нация), имеющее право учреждать такую форму правления, которая отвечала бы его интересам.

Принцип народного суверенитета и представление об учреждающей функции гражданского общества заложили основу конституционной идеологии. Однако для окончательного становления доктрины конституционализма необходимо было решить явное противоречие, возникающее в рамках новой системы правопонимания. Быстрая эмансипация личности и различных социальных групп вызвала нарастающую конфликтность в обществе. Реализуя свое естественное право «быть собою», человек рисковал оказаться в ситуации «войны всех против всех». Поэтому гражданское общество было заинтересовано в наличии нейтрального арбитра, жесткого и последовательного в своих властных действиях. В такой роли и представлялось государство. Однако превращение государства в абсолютного властителя также противоречило интересам гражданского общества. Тем самым, возникло амбивалентное отношение к государству – в нем видели залог социального порядка и, одновременно, естественную угрозу интересам личности. Конституционализм стал доктриной, призванной решить эту проблему на основе принципа правового формализма.

Сущность принципа правового формализма заключалась в отделении процесса правотворчества от государственной бюрократии. Государство становилось лишь одним из субъектов открытого правового пространства наряду с индивидами и социальными группами. Его деятельность должна была стать подзаконной. Поэтому наряду с текущим законодательством, воплощающим государственную волю, складывалось «основное законодательство», или конституционное право, не подлежащее изменению в силу тех или иных государственных интересов. Конституционное право должно было принять на себя функции универсального коммуникатора в обществе, не усредняющего индивидуальные и групповые интересы, но обеспечивающего их сопряженность, соотнесенность с универсальными нормами поведения.

Основной целью конституционализма оставалась защита гражданского общества от угрозы государственной тираннии, закрепление правового характера государственности. Поэтому первоначально конституционное строительство сосредоточилось на проблемах государственного устройства, распределении властных полномочий, определении процессуальных особенностей их осуществления, границ государственной компетенции, стратегических целей государственной политики. К началу XX в. в развитии

конституционализма наступил перелом. Правовая культура индустриального общества окончательно вытеснила остатки сословно-корпоративного мышления. Идея народного суверенитета восторжествовала как универсальная основа правовой идеологии. Отныне любая политическая система могла быть признана легитимной лишь на основе провозглашения принципа «народовластия». Даже при сохранении монархического строя ключевой задачей власти стала признаваться защита интересов народа. Апелляция (реальная или формальная) к мнению народа, стремление опереться на систему народного представительства или на механизм прямой политической мобилизации масс вошли в обязательный арсенал всех ведущих политических сил. На протяжении XX в. даже самые жесткие диктатуры рассматривались их создателями как системы «подлинного» народовластия. Но проблема заключалась в возможности совершенно разной трактовки самого понятия «народ», определении границ правосубъектности индивида, социальных групп и нации в целом.

Либеральная конституционная модель. Либеральная традиция конституционного строительства сформировалась на протяжении XIX в., а ее основополагающие принципы были сформулированы еще в период американской Войны за независимость и Великой французской революции. Первый опыт конституционного строительства отразил мировоззренческие особенности классического либерализма с присущими ему представлениями о свободе человека как важнейшей ценности, общественном договоре как основе политической организации любого сообщества, состязательном стиле жизни как залоге общественного прогресса и социальной справедливости.

Либеральная конституционная доктрина опиралась на идею естественной правосубъектности индивида – представление о естественном, т.е. врожденном и неотчуждаемом праве человека на сохранение собственного «Я», независимого от чьих-либо мнений и суждений. Предполагалось, что люди совершенно равны в своей естественной правосубъектности, и их свобода «быть собой» ограничивается лишь пределами аналогичной свободы других индивидов. Вся совокупность общественных отношений рассматривалась с этой точки зрения как проявление договорного принципа, т.е. результат компромисса различных интересов. Основой общественного прогресса считалось свободное самовыражение каждого члена общества, обеспечение суверенитета личности. Идея же национального суверенитета в либеральной традиции закрепились лишь как признание права гражданского (договорного) сообщества на самоопределение. Создание конституции – высший акт народного волеизъявления – трактовалось как переломная точка в истории общественного договора, переход от эпохи насилия и деспотизма к узаконненным принципам гражданского равноправия и свободы.

Либеральные конституции провозглашали принцип национального суверенитета и признание непреходящей ценности естественных прав человека. Но перечень закрепленных в них прав и обязанностей гражданина оказывался невелик. Прямое регулирование этой сферы рассматривалось как косвенное ограничение социального творчества личности, права индивида на самореализацию. Гарантируя те или иные права и свободы, либеральные конституции не столько формировали индивидуальный правовой статус, сколько обеспечивали наиболее общие принципы правовой защищенности личности. Человек тем самым не ставился в жесткую систему правоотноше-

ний, предполагающую сочетание обоюдных прав и обязанностей. Основным правилом оставался принцип «можно делать все, что прямо не запрещено законом». Наиболее эффективной мерой правового регулирования считалась судебная защита интересов отдельного человека в контексте конкретного правонарушения, а не создание законов, предписывающих общеобязательные правила поведения в самых разных сферах общественной жизни.

Примечательно, что либеральная конституционно-правовая доктрина изначально не была ориентирована на ввод всеобщего избирательного права. Идеалом считался строй ценовой демократии, где принцип суверенитета народа являлся скорее общей декларацией, нежели реальным основанием государственной жизни. Провозглашая народ источником власти, либералы рассматривали в качестве носителя власти лишь корпус избирателей – граждан, обладающих активным избирательным правом. Настороженное отношение к идее всеобщего избирательного права и длительное сохранение цензовых ограничений диктовались уверенностью в том, что эффективно участвовать в общественной жизни может лишь человек, способный принимать ответственные решения, обладающий в силу своей образованности необходимой политической грамотностью, в силу оседлости – интегрированный в реальные социальные структуры, в силу достаточного материального достатка – имеющий конкретные личные интересы и не склонный к опасному для общества радикализму. Тем самым, в качестве полноправного гражданина рассматривался социально успешный индивид, доказавший своим статусом умение распоряжаться свободой и заинтересованность в защите соответствующих принципов общественного устройства.

Основным объектом конституционного регулирования оказывалась система государственной власти. Впоследствии либеральный вариант государственного строительства получил название правового государства. Его особенностями стали взаимная ответственность власти и граждан, наличие эффективных механизмов контроля деятельности властных структур, избираемость ключевых лиц в государственной властной иерархии, гласность в деятельности государственных органов, равенство перед законом всех лиц, включая представителей любых государственных структур, верховенство конституции по отношению к текущему законодательству, независимость судебной власти. Ключевая роль отдавалась принципу верховенства права – преобладанию естественного права над любыми иными формами регулирования общественных отношений, в том числе государственным законодательством.

Либеральная конституционная модель формировала наиболее жесткий вариант правового государства, предполагающий минимальное политическое воздействие на сферу гражданских отношений. Создавалась «государство – ночной сторож», т.е. система властных институтов с предельно ограниченными возможностями политического насилия по отношению к индивиду, предназначенная для активных действий лишь в экстремальных, чрезвычайных обстоятельствах. Политическое «ослабление» государства обеспечивалось ролевой автономией отдельных звеньев властной системы. Законодательная и исполнительная ветви власти, правящие политические группировки и официальная оппозиция, многочисленные звенья судебной системы, верхние эшелоны государственного управления и органы местного самоуправления, административно-территориальные единицы ставились в четко очерченные рамки конституционных полномочий и во многом блокировали активность друг друга. Тем самым ликвидировалась возмож-

ность формирования какого-либо очевидного «полюса власти», эпицентра политической активности в государстве, обеспечивалась соревновательность политического процесса.

Классический вариант «ослабления деспотии государства» был реализован в американской конституции. Он получил название «сдержек и противовесов» и предполагал образование трех относительно автономных ветвей власти (законодательной, исполнительной, судебной) в сочетании с федералистской системой государственного устройства. Другой вариант жесткой системы разделения властей сложился в Великобритании. Здесь не возникла практика «сдержек и противовесов», но особое значение приобрел принцип независимости судебной власти. Английские суды сохранили ключевую роль в регулировании системы правоотношений благодаря практике судебных прецедентов и уникальному правилу, согласно которому решение суда может преодолевать действие закона при рассмотрении конкретного случая. Показательно также, что в Англии, США и других странах со схожей правовой системой судам общей юрисдикции была предоставлена функция конституционного контроля.

Приоритет принципа разделения властей прослеживался и на уровне местного самоуправления. В странах с либеральной конституционной системой местные представительные органы получали значительную автономию (без прямого подчинения нижестоящих органов вышестоящим). Характерной чертой властной системы стало отсутствие на местах уполномоченных представителей правительства, опекающих местные представительные органы. Вслед за английской традицией в либеральной конституционно-правовой доктрине закрепился принцип деволюции – практика делегирования правительством широких полномочий отдельным частям государства («субнациональным единицам»).

Важнейшим элементом системы разделения властей в либеральных конституционных системах являлась специфическая партийная модель. Само современное понятие «партия» неразрывно связано с генезисом либеральной государственности. Предтечами политических партий стали парламентские группировки в Англии в XVII–XVIII вв., политические клубы эпохи Великой французской революции. С XIX в. партийное строительство оказалось неразрывно связано с формированием представительной системы власти, основанной на полномочиях народных избранников, депутатов. Свободное образование партий, явочный характер их формирования (без предварительного разрешения властей, хотя и с последующей регистрацией в установленном порядке), их открытое участие в избирательном процессе и последующем осуществлении властных полномочий, гласность взаимоотношений партий с электоратом стали основными принципами политической жизни в странах с либеральными режимами.

Очень скоро стало очевидным, что либеральная конституционная модель способствует, как правило, формированию двухпартийных систем. При формальном закреплении принципа многопартийности лишь две партии получали реальную возможность бороться за преобладание в государственно-политической системе. Конкуренция правящей и оппозиционной партий (в функциональном плане, вне зависимости от нюансов их идеологического противоборства) позволяла закрепить «сдержки и противовесы» в высшей политической элите. Сосредоточение эпицентра избирательных кампаний вокруг конкуренции двух партий обеспечивало достаточную состоятельность политического процесса, а их преобладание в парламенте создавало

преимущество государственного курса. Характерно, что в повседневной практике наибольшую политическую активность проявляла именно оппозиционная партия, выступающая как важнейший инструмент общественного контроля над действиями государственной власти. Правящая же партия оказывалась заложником системы «государства – ночного сторожа» и была относительно ограничена в проявлении политической инициативы.

Либеральный конституционализм был в минимальной степени ориентирован на правовую регламентацию деятельности партий. Централизованному регулированию, как правило, подлежали лишь некоторые аспекты финансовой деятельности партий и их участие в избирательной кампании. Подобная особенность законодательства объяснялась тем, что партии не рассматривались в качестве политических корпораций, призванных защитить чьи-либо групповые интересы. Партийная система, с точки зрения либеральной доктрины, представлялась как пространство политической самореализации индивида – и в плане организации, и по основным задачам. Правовое обеспечение деятельности партий поэтому было связано с защитой политических прав и свобод личности, а не созданием для партий каких-либо особых условий функционирования. Такой подход предопределил и организационные особенности партийного строительства – формирование партий на основе так называемой «электоральной модели» (ориентация на активную работу с избирателями, но без массового членства, наличия большого количества партийных функционеров и создания разветвленной региональной системы).

В целом, при формировании либеральной модели государственности круг объектов конституционно-правового регулирования был предельно сужен. Основной целью конституционного правопорядка становилось не моделирование целостной системы общественных отношений, а закрепление ключевых принципов социального взаимодействия, обеспечение свободы самовыражения человека, его защищенности от диктата общества и государства.

Либеральная конституционная модель впервые была реализована в США. Некоторые конституционные акты эпохи Великой французской революции, конституция Бельгии 1830 г., конституции, возникшие в результате национально-освободительных революций в латиноамериканских странах в XIX в., а также конституционный строй Великобритании и ее доминионов воплотили принципы этой модели. Расцвет либерального конституционализма был связан с формированием индустриального общества, качественным завершением процесса модернизации. Но уже к началу XX в., по мере того как западная цивилизация приближалась к рубежному этапу в своей истории, либеральная конституционная модель оказалась неадекватна новым реалиям общественной жизни. На протяжении XX в. она сохранилась лишь в странах так называемой англосаксонской правовой семьи, где либеральный конституционализм органично сочетался с историческими особенностями правовой культуры общества.

Авторитаризм и тоталитаризм XX в. Альтернативный тип конституционного строительства сложился в странах «второго эшелона», перешедших на рубеже XIX–XX вв. к форсированной модернизации. В условиях крупномасштабных общественных реформ здесь складывалась двойственная ситуация, когда на фоне нарастающей политической активизации народных масс резко возрастала роль тех элитарных групп, которые имели

непосредственный доступ к государственной власти и оказывали решающее влияние на определение политического курса. Традиционное представление о государственной власти как части богоданного порядка вещей уступало идее национального суверенитета, права народа на политическое самоопределение. Но в условиях неразвитости гражданского общества процесс системных реформ провоцировал не демократизацию, а скорее персонификацию власти, усиление вертикального соподчинения и расширение прямых функций центральных государственных органов.

При всем различии идейно-политических программ властвующих элит в странах ускоренной модернизации их позиции были едины в попытке представить некий проект целенаправленного общественного развития, определенный вариант ответа на «ситуацию вызова». Эпицентр политической жизни и правового строительства переносился на укрепление «общенационального» характера государственной стратегии. При этом основным субъектом властных отношений провозглашался народ – органическое сообщество, чья единая воля, интересы, историческая судьба предопределяли задачи текущих реформ. Таким образом, быстрое огосударствление общественно-политической жизни сочеталось с укреплением народовластия, отказом от традиционного сакрального представления об источнике власти. На этой основе и произошло формирование так называемой этатистской конституционной модели (фр. «etat» – государство).

Складывание этатистского конституционализма в большинстве случаев происходило на основе авторитарной модели государственности. «Авторитарный синдром» появился в тех странах, которые, вступив на путь «длгоняющего развития», не достигли еще значительных успехов в модернизации социальной структуры общества и обновлении массового сознания. Политическое поведение масс оставалось весьма апатичным, основанным на идеалах патернализма, религиозных представлениях, этических ценностях. Реформаторская деятельность обновленной государственной элиты встречала позитивную реакцию только в том случае, если она была основана на апелляции к традиционным мировоззренческим ценностям. Любое нарочитое реформаторство, ссылки на «прогрессивный опыт» воспринимались негативно. По мере же развертывания общественных реформ и нарастания связанных с ними противоречий в массах крепло желание увидеть во главе государства «сильную руку», способную навести «порядок», защитить «устой».

Уже первый опыт формирования авторитарной государственности (режимов Ю. Пилсудского в Польше, М. Хорти в Венгрии, М. Примо де Ривера в Испании) показал наиболее характерные особенности авторитарной модели государственности. Ускоренными темпами происходил демонтаж сословной властной системы. Но многопартийность, парламентаризм приобретали формальный, декларативный характер. Этнокультурный национализм, представление о народе как внеклассовой органической общности, патриархальные нравственные ценности становились ключевыми идеологическими ориентирами политической жизни. Это обеспечивало новым режимам широкую социальную опору. Впрочем, сам характер этой поддержки оставался в большей степени моральным, нежели политическим. Опорой авторитарных режимов становились армейские и монархические круги, нередко – церковные иерархи, государственная бюрократия.

Система вождизма была ключевой чертой авторитарных диктатур. Правда степень персонификации власти в конкретных случаях существенно различ-

лась. В тех случаях, когда диктаторский режим сохранял прогрессистскую ориентацию, а основной целью реформ становилось ускорение модернизации социально-экономической системы, личная роль вождя значительно возрастала. Классическим примером такой «прогрессистской» диктатуры стал режим М. Примо де Ривера в Испании, а последним в XX в. – режим генерала А. Пиночета в Чили. В тех случаях, когда авторитарные диктатуры приобретали консервативную направленность и были ориентированы на приостановку реформ, степень персонификации власти существенно снижалась. Нередко складывались даже «диктатуры без диктаторов», где за власть с переменным успехом боролось несколько кланов консервативной элиты.

Формирование диктатур особого типа – тоталитарных – было связано с обострением социальных противоречий в ходе ускоренной модернизации. Характерно, что все страны, где складывались подобные режимы, не только прошли длительный период социально-экономических реформ, но и уже встали на путь построения демократической государственности. В Европе толчком к формированию тоталитарных режимов послужила Первая мировая война и революционная волна 1917–1919 гг. В эти трагические годы в политическую жизнь европейских стран ворвалась маргинальная масса. Надежды либеральных политиков на то, что система представительной демократии, парламентаризма и многопартийности станет надежной преградой на пути радикального протестного движения, оказались иллюзией. Растущая активность маргинальных масс была направлена во внеправовое русло, зачастую оказывалась связана и с прямым насилием.

Тоталитарная государственность имела две ярко выраженные формы. По основному субъекту общественно-политической жизни их можно охарактеризовать как «этократия» и «партократия». Этократические («государственнические») режимы базировались на фашистской идеологии. В классическом варианте они сложились в Италии и Австрии, Испании и Португалии. Фашистская конституционная доктрина основывалась на органическом правопонимании. В качестве естественной, «изначальной» рассматривалась правосубъектность народа, а не личности. Именно народ, как органическое сообщество, объединенное своей исторической судьбой, верой, духом, этнической природой, объявлялся источником власти и права.

Поскольку личность человека рассматривалась лишь как проявление «народной души», фашистский конституционализм утверждал тотальность, всеохватывающую значимость «воли народа». Благодаря своему нерасторжимому единству с народом индивид должен был обрести «подлинную свободу», гарантии своих прав и соответствующие обязанности перед обществом. Категория естественных прав и свобод человека, договорной принцип правоотношений, представление о демократии как представительном правлении большинства членов гражданского общества трактовались не только как грубое искажение истинных принципов политической жизни, но и прямой вызов. «Врагом народа» объявлялся любой человек, противопоставляющий свой интерес, свое мнение «воле народу». Независимый образ мышления становился составом преступного деяния.

Политическая система фашистских этократических режимов строилась на основе тотального огосударствления всех сторон общественной жизни. Государство принимало на себя всю полноту ответственности за определение путей общественного развития, обеспечение социальной справедливости и солидарности, защиту общенародных интересов во внутренней и внешней политике. Важнейшей опорой режима становилась система

вождизма – авторитарного единовластия лидера нации. Фашистский вождизм опирался как на традиционные институты – армию, бюрократический аппарат, церковь, так и на новые – однопартийную систему и систему государственного террора. Армия и бюрократия обеспечивали управляемость общества, причем важным элементом бюрократической системы становились и органы сословно-корпоративного представительства. Классическим примером в этом плане может служить конституция Австрии 1934 г., в соответствии с которой парламент был заменен советом корпораций. Подобные институты приобретали лишь управленческие и совещательные функции. Политическое представительство интересов народа осуществляла фашистская партия и связанные с нею массовые общественно-политические организации. Однопартийная система являлась и инструментом насаждения в обществе единой идеологии, и ярким проявлением «единства народной воли». Но в действительности фашистские партии так и не становились действительно массовыми, общенародными. В их ряды первоначально вливались революционно настроенные маргинальные группы населения, ставшие социальной опорой фашизма, а впоследствии – непосредственно связанные с режимом чиновники, офицеры, служащие, предприниматели. Идеология партии становилась официальной, но для большинства населения важнейшим духовным авторитетом оставалась церковь.

Стабильность фашистских режимов зависела не от степени политической мобилизации народа, а от умения вождя балансировать между всеми государственно-политическими институтами, использовать их влияние для укрепления своей личной власти. Большую роль играло и формирование государственной системы террора – органов полицейского контроля, политического следственного аппарата, концентрационных лагерей. Главной функцией этой системы была «санация» – «очищение» общества от нелояльных элементов. Причиной преследований становились не только преступные деяния, но и «преступный образ мысли», убеждения, не соответствующие фашистской идеологии. Террор должен был изолировать политически активных членов общества, способных стать реальной оппозицией «народному режиму».

В целом, вся политическая организация фашистских режимов была направлена на уничтожение автономности гражданского общества от государства, тотальное насаждение государственного контроля. Но по мере сглаживания социальных конфликтов, вызванных ускоренной модернизацией, умиротворения маргинальной массы фашистский тоталитаризм начинал «остывать». Снижение роли партии сопровождалось усилением позиций церкви и армии. Все менее жесткой становилась система террора. В государственной пропаганде идея «тотальной революции» сменялась идеалами социальной справедливости, труда во благо народа, солидарности, укрепления культурных и религиозных традиций. Все это превращало фашистские режимы в особую разновидность авторитарных диктатур, имевших возможность поэтапной интеграции в общую западную модель развития. Подобную эволюцию во второй половине XX в. продемонстрировали Испания и Португалия.

Иную специфику имели «партократические» тоталитарные режимы, возникшие в Германии, СССР и странах, близких к советской модели развития. В их конституционно-правовой доктрине понятие «народ» сужалось до определенной социальной группы, которая объявлялась высшим субъектом правоотношений и подлинным носителем народного суверенитета. В Третьем Рейхе в этой роли представлялась арийская раса, в СССР –

«трудовой народ». Правовой статус отдельного человека определялся уже не только его идеологической лояльностью, но и принадлежностью к классу-гегемону. Тем самым, возникал очевидный дуализм правовой доктрины, обосновывавшей как суверенность национального государства, так и его вторичность по отношению к «подлинным народным интересам».

Государственно-политическая структура «партократических» режимов характеризовалась особым статусом партии. Принцип партийности становился ключевым и в общественно-политической жизни, и в конституционно-правовом строительстве. Партия получала полную монополию власти, а ее организационная структура дублировала систему государственно-бюрократического управления и военного командования. Церковь же, как носитель «конкурирующей идеологии», вытеснялась на периферию общественной жизни. Принцип партийности полностью менял систему вождизма. Легитимность личной власти вождя определялась уже не его личной харизмой, а статусом партии. Сам вождизм из единоличной диктатуры превращался в иерархичную мобилизационную систему – партийные «вожди» появлялись на всех уровнях политической и социальной организации общества (вплоть до отдельных предприятий и уличных кварталов). Партийная система дополнялась многочисленными общественно-политическими организациями, которые охватывали практически все лояльные к режиму слои населения. Для некоторых категорий населения принцип партийности становился обязательной нормой (офицерский корпус, чиновничество, преподавательский состав). Под тотальный идеологический контроль попадало подрастающее поколение (например, «гитлерюгенд» в Третьем Рейхе, пионерская организация в СССР). Идеологические приоритеты появились и в деятельности репрессивного аппарата. Террор должен был не только карать «врагов народа», но и оказывать воспитательное влияние на лояльную часть общества. Таким образом, если партия превращалась в ядро государства, то спецслужбы становились оплотом партийной системы.

В целом «партократическая» политико-правовая модель разительно отличалась не только от либерально-демократической государственности, но и от фашистских режимов. При высокой степени мобилизации общества она неизбежно провоцировала крайнюю агрессивность, наднациональные мессианские устремления. Консолидация подобных режимов оказывалась неразрывно связана с подготовкой к «тотальной войне», «мировой революции», «великому скачку». В своем движении к мировому господству Третий Рейх оказался уничтожен совместными усилиями СССР и его западных союзников. Советская система во второй половине XX в. продемонстрировала возможность эволюции «партократии» к авторитарной государственности. Но внутренняя противоречивость и мобилизационная ориентация официальной идеологии, самодовлеющее значение принципа партийности воспрепятствовали поэтапной интеграции социалистического строя в западную модель развития. В ходе восточноевропейских «бархатных революций» и распада СССР произошел крах социализма как мировой системы. В современном мире элитарная конституционная модель сохраняется лишь в нескольких небольших маргинальных государствах, а также Китае, где она тесно связана с многовековыми традициями конфуцианской правовой культуры.

Основные направления современного конституционного строительства. Первые попытки выработать новую конституционную модель, сочетающую либеральный подход с принципом этатизма, были предприняты в период между двумя мировыми войнами (Веймарская конституция в Германии, конституция 1920 г. в Австрии, конституционное строительство в скандинавских странах). Но в полной мере доктрина либерально-этатистского конституционализма сложилась лишь во второй половине XX в. Признанными образцами ее реализации стали действующие конституции ФРГ, Франции, Италии, Испании, Греции.

Создание конституций нового поколения, как правило, происходило в условиях серьезных политических потрясений, на фоне радикального обновления государственной системы. Идеологическое обоснование новой модели конституционализма несло отпечаток конфронтации, нарочитого отказа как от либеральных традиций правопонимания (ассоциировавшихся прежде всего с американским влиянием), так и от наследия тоталитарной эпохи. Однако в действительности либерально-этатистский конституционализм унаследовал важнейшие черты обеих систем.

С либеральной традицией новую конституционную доктрину сближало признание естественной правосубъектности человека. Провозглашение и защита естественных прав человека становились важнейшей задачей конституционного регулирования. Соответственно признавалось преобладание в обществе договорных правоотношений, а также необходимость построения правового государства, способного занять позицию нейтрального арбитра по отношению к гражданскому обществу. При этом либерально-этатистский конституционализм сохранил органическую трактовку принципа народного суверенитета (правда, в смягченной версии). Народ рассматривался в качестве не только источника власти, но и реального субъекта конституционных правоотношений, обладающего определенными интересами, целями, правами и обязанностями. Субъектами конституционно-правовых отношений становились и иные социальные общности – этнические, конфессиональные, региональные, профессиональные сообщества, половозрастные группы, а также семья. В системе правоотношений, призванной не только гарантировать защищенность гражданского общества, но и обеспечить субъектность всех этих сообществ, государство явно выходило за рамки действий нейтрального арбитра. Оно приобретало черты «социального» – несло ответственность за соблюдение общих принципов социального взаимодействия, обеспечение общенациональных интересов. Компетенция государства, как и сфера прямого конституционно-правового регулирования, распространялась на все области жизни, включая экономические и социальные отношения, любые формы политической активности, важнейшие элементы духовной культуры. Но в отличие от этатистской модели социального государства все эти действия не приобретали характер тотального давления на человека, не вытесняли индивидуальную волю и свободное самоопределение членов общества.

Формируя правовой статус человека, либерально-этатистские конституции закрепляли очень широкий круг прав, обязанностей и свобод. При этом использовался так называемый «позитивный» способ регулирования правосубъектности (человек «может», «вправе», «имеет право»). Такой подход предполагает не только провозглашение того или иного конституционного права, но и наличие некоего субъекта, несущего ответственность за реализацию данного права и получающего необходимые полномочия (в

такой роли, как правило, и выступало «социальное государство»). Все это позволяло не только защитить индивида от дискриминации, но и поместить его в многогранное и «плотное» правовое пространство. Конституция, как основной закон общества, утрачивала декларативный характер и оказывалась насыщена нормами, тесно связанными с реальной практикой общественной жизни, с текущим законодательством. Задачами конституционного строительства становились обеспечение социальной солидарности в обществе, сотрудничества различных слоев общества, формирование здоровой и безопасной среды обитания, защита идеологического и культурного плюрализма, свободы совести, равноправия и защищенности всех видов собственности, права на труд и на образование, свободы научной, художественной и иной творческой деятельности.

Итак, распространение прямого конституционно-правового регулирования на все сферы общественных отношений позволяло не только установить правосубъектность личности и основных социальных групп, но и смоделировать важнейшие механизмы социального взаимодействия, закрепить целостную систему ролевых отношений и, тем самым, преодолеть спонтанный порядок саморазвития гражданского общества. Это придавало конституционной доктрине более идеологизированный характер и требовало усиления политической роли государства. Соответственно менялась трактовка принципов представительной демократии, разделения властей, правовой государственности. При сохранении трех классических «ветвей» (исполнительной, законодательной, судебной) система разделения властей утрачивала строго пропорциональный характер. Вместо «сдержек и противовесов» формировался определенный эпицентр важнейших властных полномочий. Классическим примером такого подхода стала конституционная модель ФРГ, где главенствующей политической фигурой стал глава правительства и лидер парламентского большинства – канцлер. Французская конституция 1958 г. образывала такой же мощный эпицентр власти вокруг избираемого на прямых общенародных выборах президента.

Нарушение принципа «разделения властей», понимаемого в духе «сдержек и противовесов», позволяло либерально-этатистским конституциям создавать необходимую правовую базу для проведения более целенаправленной, «позитивной» государственной политики, превращения государства в активную силу общественных преобразований. Но возникающая угроза этатизма потребовала создания эффективных «противовесов». В этой роли выступила прежде всего система конституционного правосудия. Ее принципы сформулировали в 1920 г. австрийские юристы Кельзен и Эйзенман. В отличие от либеральной модели, где функция конституционно правосудия возлагалась на суды общей инстанции, новые европейские конституции создавали специализированные органы, выделенные из системы правосудия. Подобные Конституционные суды не имели полномочий в сфере текущей правоприменительной практики и концентрировали свои усилия на контроле действий самой государственной власти.

Специфический характер в рамках либерально-этатистской конституционной модели приобрела система местного управления. Вслед за французской юридической практикой здесь закрепились принципы «деконцентрации» и «децентрализации». Деконцентрация власти представляла собой передачу полномочий по представительству интересов правительства особым государственным чиновникам «на местах». Децентрализация подразумевала передачу полномочий по самоуправлению тем местным органам

власти, которые непосредственно избирались гражданами. Подобная двойная система регионального управления позволяла обеспечить сочетание прямого государственного управления на местах и самоуправления региональных сообществ.

Большое значение для оформления либерально-этатистских конституционных систем приобретала деятельность политических партий. Отказываясь от тоталитарной однопартийности, новая конституционная модель не могла вернуться и к либеральной трактовке партийной жизни как спонтанного проявления политической инициативы гражданского общества. В условиях концентрации власти и проведения активной социальной политики партии становились ключевыми субъектами не только политического процесса, но и осуществления государственных властных функций. Поэтому в новых конституционных системах их деятельность подлежала детальному регулированию и жестким ограничениям в вопросах финансирования, организационного построения, пропаганды радикальных политических идей.

В странах с либерально-этатистской конституционной моделью не получила развитие «двухпартийная система», основанная на взаимном сдерживании двух лидирующих партий. На политической арене неизменно присутствовало несколько активных общенациональных партий, реально претендующих на «вхождение во власть». На первый взгляд это свидетельствовало о последовательной децентрализации партийной системы и значительном идейно-политическом плюрализме в обществе. Однако в действительности многопартийность была направлена на концентрацию политического процесса. Каждая из партий стремилась создать для себя прочную, преемственную социальную базу и выдвигала идеологическую программу, призванную консолидировать «свой» электорат. В этих условиях гражданская активность человека оказывалась связана не с реализацией индивидуальных прав на свободу слова и совести, а с выбором «своей» партии.

Конституционное регулирование могло искусственно менять масштаб «самоопределения» граждан в рамках партийно-политического спектра. При вводе пропорциональной избирательной системы шанс закрепиться «во власти» получали даже небольшие партии, представлявшие интересы локальных социальных групп. Вектор политического интереса отдельного человека тем самым смещался к насущным, практическим проблемам общественной жизни. Переход к мажоритарной или смешанной избирательной системе, особенно с высоким барьером прохождения партий во второй тур выборов, позволял «укрупнить» масштаб политического диалога, давал дополнительные преимущества партиям, выражающим общенациональные интересы или полярные идеологические ориентиры. Соответствующим образом менялась и политическая атмосфера в обществе. В целом, благодаря подобным конституционным реформам государство получало возможность прямого влияния на гражданское общество с целью стимулировать те или иные социальные процессы.

Проблема «кризиса демократии» на рубеже XX–XXI вв. Нарастание массовой политической апатии в современном западном обществе, настроений разочарования и скептицизма по отношению к идеям демократии породило дискуссию о пределах в развитии народовласти. Согласно опросам, устойчиво снижается доверие граждан практически к любым институтам,

обладающим теми или иными атрибутами публичной власти, – политическим партиям, бюрократии, судам, армии, полиции, профсоюзам, корпоративному бизнесу, церкви, телевидению. Для большинства респондентов причина дефицита доверия состоит в злоупотреблении властью, патернализме и коррупции. Острую критику вызывает непрофессионализм властвующей элиты. Само понятие «политическая элита» приобретает в массовом сознании все более негативный оттенок. Оно связывается с тенденцией виртуализации политики, массированным использованием политических технологий, якобы превращающих человека в объект манипулирования.

Подлинные причины современного «кризиса демократии» достаточно сложны и неоднозначны. Само по себе обособление правящей элиты отнюдь не является признаком стагнации политической системы. Равным образом и использование разнообразных коммуникативных технологий не может рассматриваться только в качестве средства манипулирования общественным мнением. К тому же речь идет о странах с устойчивыми, долговременными демократическими традициями. При самых пессимистических оценках невозможно говорить о нарастающей угрозе авторитаризма на Западе, грядущем поражении гражданского общества в противостоянии с государственным «Левиафаном». Скорее, речь идет о сложной перестройке самого механизма демократии.

Если отказаться от отождествления демократии с эгалитарными представлениями о социальной справедливости, то следует признать, что целесообразность демократического устройства связана с потребностью общества в гибком реагировании на новые «вызовы», обеспечении преемственной и упорядоченной сменяемости власти по мере изменения запросов граждан. В то же время демократическое государство не может подстраиваться под ситуативные изменения общественных настроений, подчиняться требованиям маргинальных масс. Именно такое дуалистическое понимание роли демократии предопределило формирование элитарной конституционной модели на первых стадиях существования индустриального общества. На протяжении XX в. ситуация изменилась. Преобладание в социальной структуре общества среднего класса, с присущим ему многообразием статусных характеристик, отсутствием антагонистического противостояния «труда» и «капитала», весьма стандартными потребностями в сфере материальных и духовных благ, существенно изменило отношение к идее демократии. А под демократичностью общества стало пониматься не умелое преодоление социальных конфликтов, а непосредственное отражение социальных запросов большинства населения в текущей государственной политике. Демократия, таким образом, стала «народной» и «социальной». Одновременно она все меньше оставалась «политической».

Кризис политической демократии приобрел наиболее радикальные формы в странах с тоталитарными режимами, где последовательно разрушались все институты гражданского общества, а вот принципы социальной демократии столь же последовательно проводились в жизнь. Но и в развитых странах Запада ведущие политические силы в 1930–1960-х гг. вполне открыто проповедовали идеалы «управляемой демократии» и корпоративного общества. Лишь столкновение с нацизмом и длительная «холодная» война с советским блоком позволили приостановить нарастающее разочарование в политической демократии. Более того, пафос противостояния с тоталитарными режимами создал в западном обществе своего рода «демократический консенсус», устойчивое восприятие демократии в качестве сим-

вола западного образа жизни, важнейшей ценности, которая должна быть любой ценой укоренена в мировом масштабе.

Крах мирового социализма парадоксальным образом спровоцировал острейший кризис западной демократии. В отсутствии «угроз» со стороны советской «империи зла» идея крестового похода во имя демократии окончательно утратила какой-либо смысл. Возникла необходимость осмысления демократии как реального принципа общественной жизни, а не абстрактной цели мирового развития. Между тем идеалы социальной демократии быстро утрачивают свое мировоззренческое значение. Крах «общества потребления» и «государства благосостояния», последовавшая затем «неоконсервативная революция» наглядно показали их ограниченность. Попытки вернуться к активной социальной политике на рубеже XX–XI вв. были встречены обществом позитивно, но не позволили элите сформировать новую Большую идею. Совпадение политических программ современных социалистов, консерваторов, либералов и экологов демонстрирует наличие в обществе социального консенсуса, но при этом фатальную нехватку политических идей. Именно это торжество политического прагматизма воспринимается в качестве основного свидетельства краха демократии как мировоззренческой системы. Суррогатные попытки закамуфлировать ценностный кризис демократии борьбой с мировым терроризмом или странами-изгоями не меняют общей картины.

«Эрозию» современной западной демократии необходимо рассматривать и в контексте общего кризиса идентичности, сопровождающего становление информационного общества. В условиях радикального обновления социальной структуры населения, формирования совершенно новых типов мотивации и мышления начала снижаться роль всех традиционных институтов социализации. Семья, система образования, этнические и религиозные сообщества, гражданские объединения и политические партии все в меньшей степени способны транслировать на индивида упорядоченные ценностные установки и культурный опыт. Происходит утрата «культурного контекста». Человек все чаще ощущает себя в необычной, непредсказуемой ситуации, нуждается в выработке собственной оценки, критическом восприятии любой поступающей извне информации. Вместо того чтобы соотносить свое «Я» с устоявшимися социокультурными и идеологическими категориями, современный человек пытается найти ответы в собственном мнении, собственных ощущениях. На этом фоне нарастает значимость информационно открытых, толерантных к любым проявлениям индивидуальности институтов социализации. Наиболее заметную роль в этом плане играют средства массовой информации (СМИ, масс-медиа). Информация становится ключевым ресурсом во всех сферах человеческой деятельности, и радикально меняет систему социального взаимодействия. Она является уже не только продуктом человеческой деятельности, но и по-новому формирует пространство этой деятельности. Залогом социальной успешности становится способность к творчеству, открытому диалогу с окружающим миром, убедительному позиционированию своих взглядов при одновременной готовности подвергнуть их критическому анализу и переосмыслению.

Информационная открытость современного общества, на первый взгляд, должна способствовать укреплению системы политической демократии. Власть любого уровня становится «прозрачной» в своей деятельности, более зависимой от общественного мнения. Расширяются возможности для прямого гражданского взаимодействия, самоорганизации гражданского

общества. Но для развития политического процесса не менее значимой является и иная тенденция. В условиях нарастающего информационного прессинга, умноженного воздействием глобализации, расчет число людей, предпочитающих «закрытое» социокультурное пространство. Это та часть общества, которая не всегда стремится отгородить себя от новой информации, но всегда предпочитает «встраивать» ее в собственные стереотипы, в привычные образы «добра» и «зла». Именно такие люди становятся доступным объектом для информационного манипулирования.

Столь же неоднозначное влияние информационная революция оказывает на политическую элиту. Как отмечает Жан-Франсуа Лиотар, «правящий класс был и будет классом, который принимает решения, но он уже не будет традиционным политическим классом – это разнородный слой, сформированный из руководителей предприятий, крупных функционеров, руководителей профсоюзов, партий и религиозных конфессий, слой, который формирует сам образ общества, регулирует информационные потоки и на этой основе отчуждается от массы управляемых». Современную элиту составляет новый «политический класс», состоящий из функционеров (public administrators) и политехнологов. Его представители обеспечивают себе доступ к власти не обладанием собственностью или определенным социальным происхождением, а профессиональной эрудицией, способностью манипулировать информацией, создавать необходимые имиджевые образы. Представители нового «политического класса» избирают самые разные поприща для самореализации – они становятся брокерами, банковскими служащими, агентами по недвижности, разного рода консультантами, системными аналитиками, учеными, публицистами, издателями, журналистами, продюсерами. Но именно их объединенными усилиями обеспечивается целенаправленное функционирование информационной среды. В этом плане само понятие «политический класс» приобретает гораздо более широкое значение, чем в предыдущие периоды. Политическая элита становится неотделимой от деловой и интеллектуальной.

Новый правящий класс уже не нуждается в традиционных формах политического принуждения, да и не стремится использовать их. Прежние критерии гражданской лояльности, в том числе законопослушание, приверженность общим политическим ценностям и неприятие экстремистской идеологии, сохраняют свое значение и в современном обществе. Однако политическая элита сталкивается в обществе с нарастающим разнообразием интересов и потребностей, ценностным и мотивационным плюрализмом. В условиях раскола общества на мозаичные, быстро эволюционирующие социокультурные сегменты власть вынуждена быть толерантной, а точнее, «политкорректной», идеологически безликой. Она не может использовать привычные методы идеологической мобилизации масс без риска взорвать хрупкое социальное равновесие, преступить грань ксенофобии или социального экстремизма. Она все реже может опереться и на право «легитимного насилия», поскольку в современном обществе нет согласия относительно базовых принципов социального взаимодействия, а потому принцип «закон есть закон» уже мало кого убеждает. Поэтому власть вынуждена прибегать к иным формам воздействия на гражданское общество, превращать политический процесс в гибкую систему социального управления, т.е. использовать методы «политического менеджмента».

Система «политического менеджмента» зачастую воспринимается как манипулирование общественным мнением. Такие настроения нередко прово-

цирует и сама власть. Вряд ли можно представить себе политическую кампанию, где в качестве открыто декларируемой цели было бы провозглашено повышение авторитета президента или престижа какого-то министерства, лоббирование налоговых льгот для финансово-промышленной корпорации или оказание давления на политических союзников. Между тем даже для стороннего наблюдателя подобные действия властей бывают вполне очевидны. В то же время «политический менеджмент» не может быть сведен к технологии «управляемой демократии». Активное манипулирование общественным мнением возможно лишь при наличии в самом обществе устойчивых стереотипов, мифов, типичных реакций, становящихся «кодом» манипулирования. Экспансия информационной культуры обеспечивает очень эффективную технологическую основу для такого манипулирования, но в действительности ограничивает сферу его применения. В информационном обществе социально активный человек превращается в «открытую личность», которой чрезвычайно сложно навязать то или иное мнение, спровоцировать на проявление массовых реакций. Поэтому власть вынуждена либо использовать наиболее жесткие методы манипулирования, заниматься тотальной «промывкой мозгов», либо, напротив, опираться на постоянный диалог с обществом, превращать социально-политическое управление в систему динамичного взаимодействия. В этих условиях основным властным ресурсом становится информационный обмен, т.е. коммуникация.

Итак, в условиях формирования информационного общества система политического управления, основанная на властной иерархии и статусном подчинении, сменяется коммуникативным взаимодействием гражданского общества и власти. При этом речь не идет о возрождении институтов «прямой демократии» или всемерном укреплении органов гражданского самоуправления. Специфика коммуникативного пространства современного общества позволяет элите использовать особые технологии «связей с общественностью» – «public relations» (PR).

PR является организационно-управленческой практикой, широко распространенной в самих разных сферах. Политический PR можно охарактеризовать как процесс мобилизации общественного мнения, основанный на достижении взаимопонимания между индивидом и властью (или иными политическими институтами). В отличие от иных методов политической мобилизации PR имеет ярко выраженную личностную направленность – он персонифицирует как образ власти, так и гражданское поведение. Сами методы PR, как правило, основаны на технологиях общения с массовой аудиторией. Но власть, которая желает быть не только услышанной, но и понятой, должна вести диалог в категориях, предельно понятных, очевидных, близких к самоощущению отдельно взятого человека. Интенсивное подавляющее воздействие может принести кратковременный эффект, но угрожает власти стратегическим провалом (характерный пример – мобилизация общественного мнения в США и Великобритании при подготовке войны против Ирака с последующим нарастанием оппозиционных настроений даже во властвующей элите). Эффективная система PR, таким образом, должна основываться не на методах политической пропаганды, а на формировании широкого информационного контекста принимаемых властных решений. Воздействие информационного контекста на граждан осуществляется на уровне символов, образов, эмоций, что в конечном счете оказывается гораздо действеннее, нежели рациональное убеждение или насильственное принуждение.

При широкомасштабном и постоянном использовании методов PR вокруг власти формируется целостное коммуникативное пространство, в котором вынуждены действовать все политические партии и движения. Даже оппозиционное противопоставление себя существующей политической системе происходит по тем же «правилам игры». Эпицентр политической борьбы смещается с идеологического противостояния на стремление «попасть в фокус» общественного внимания, оказаться на виду, иметь сбалансированное соотношение позитивных и негативных откликов в СМИ и т.п. В этих условиях меняется и процесс принятия политических решений. Получение мандата власти на очередных выборах уже недостаточно для властвования. Любое важное действие государства может стать легитимным только при условии ощутимой общественной поддержки. Поэтому стимулировать политический процесс можно лишь при создании публично-го дискурса той или иной проблемы. Зачастую власть даже вынуждена искусственно акцентировать внимание общественности на альтернативах предполагаемого решения с тем, чтобы спровоцировать его обсуждение и заручиться поддержкой общественного мнения.

Не менее важная особенность коммуникативного политического процесса — его виртуальность. Средства масс-медиа по праву считаются основным каналом распространения политической информации. Под их влиянием политический процесс приобретает высокую интенсивность и открытость. Быстро растет роль визуальных факторов политической коммуникации. Телевизионная хроника событий в самых разных частях света, сформированные в СМИ имиджи государственных и общественных деятелей, виртуальные диалоги и репортажи «с места событий» создают информационную квазиреальность. Под напором виртуального политического пространства начинает преобразоваться и система реальных властных отношений. Происходит заметная персонификация власти. Система PR востребует предельно «очеловеченные» политические образы, обладающие ярким психологическим подтекстом. Имидж лидера вытесняет партийные программы и манифесты. Удачная фраза, сказанная в прямом эфире, может оказать на электорат большее влияние, чем многие месяцы «партийного строительства». Исключительно возрастает и цена публично совершенной ошибки, неудачно смоделированного внешнего имиджа, двусмысленной фразы, необдуманного действия. Те партии и политики, которые не успевают освоиться в этой квазиреальности, вытесняются на периферию общественной жизни.

В целом, система PR предъявляет очень высокие требования к политической элите, требует от нее наличия развитой коммуникативной культуры, заставляет ориентироваться на малейшие колебания общественного мнения. В этом качестве информационные политические технологии являются признаком не «коррозии», а дальнейшего развития демократии. Но в условиях неразвитого гражданского общества, социальной инфантильности граждан, настойчивого стремления сохранить привычные стереотипы и мифы, система PR превращается в мощное средство манипулирования обществом и способна окончательно подорвать его демократическую основу.

Раздел II

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Глава 9

Версальско-Вашингтонская система международных отношений

Урегулирование территориально-политических вопросов на Парижской мирной конференции. Окончание Первой мировой войны стало толчком к радикальной перестройке международных отношений. Для разработки мирных договоров Германия и другие побежденными государствами. Ее работа продолжалась до 28 июня 1919 г. В конференции участвовали более тысячи делегатов из 27 государств, поделенных на четыре категории. В первую входили воюющие державы, «имеющие интересы общего характера», — США, Британская империя, Франция, Италия и Япония. Представители этих стран участвовали во всех заседаниях и комиссиях. Вторая категория — воюющие державы, «имеющие интересы частного характера», — Бельгия, Бразилия, британские доминионы и Индия, Греция, Гватемала, Гаити, Геджас, Гондурас, Китай, Куба, Либерия, Никарагуа, Панама, Польша, Португалия, Румыния, Сербия, Таиланд, Чехословацкая республика. В третью категорию вошли державы, находившиеся в состоянии разрыва дипломатических отношений с германской коалицией, — Эквадор, Перу, Боливия и Уругвай. Делегации всех этих стран принимали участие только в тех заседаниях, где рассматривались непосредственно касающиеся их вопросы. Четвертую категорию составили нейтральные державы и государства, «находящиеся в процессе образования». Их делегации получили возможность «выступать устно или письменно» в тех случаях, когда они «будут приглашаться одной из пяти главных держав, и только на заседаниях, специально посвященных рассмотрению вопросов, прямо их касающихся». Германия, ее союзники и Россия в регламенте не упоминались.

Регламент конференции был разработан до мелочей, включая принципы и методы работы конференции, подробный перечень территориальных, финансовых, экономических, международно-правовых проблем, подлежащих рассмотрению и решению, порядок и очередность прений, состав и полномочия 22 комиссий, предназначенных для предварительного рассмотрения вопросов, а также порядок ведения протоколов, хранения документов, деятельности аккредитованной прессы и т.п.

Многие из этих первоначальных предписаний в дальнейшем были нарушены. Ключевую роль в ходе конференции сыграли ее руководящие органы, в составе которых свои интересы отстаивали представители ведущих стран Запада. Первоначально основные вопросы обсуждались в рамках «Совета десяти» (от США — президент Вильсон и статс-секретарь Лансинг, от Франции — премьер-министр Клемансо и министр иностранных дел Пишон, от Великобритании — премьер-министр Ллойд Джордж и министр иностранных дел Бальфур, от Италии — премьер-министр Орландо и министр иностранных дел барон Соннино, от Японии — барон Макино и виконт Шинда). Впоследствии тон задавала «большая тройка» — Жорж Клемансо, избранный председателем конференции, Дэвид Ллойд Джордж и Вудро Вильсон.

Задачи американской дипломатии на конференции были сформулированы в послании В. Вильсона конгрессу США от 8 января 1918 г. В состав этих так называемых «Четырнадцати пунктов» вошли следующие положения: 1) восстановление независимости и территориальной целостности ее суверенитет; 2) восстановление территориальной целостности Франции и возмещение ущерба, нанесенного оккупационными войсками; 3) вывод немецких войск с территории; 4) предоставление возможности для России свободного участия в мире; 5) изменение итальянских границ согласно национальному принципу; 6) предоставление возможности автономного развития для жителей острова Восток; 7) восстановление Румынии, Сербии и Черногории; 8) предоставление Сербии свободного выхода к морю; 9) обеспечение автономии для всех других национальностей, международные гарантии свободного пользования Дарданеллами; 10) создание независимой Польши с свободным выходом к морю; 11) обеспечение взаимных гарантий политической независимости и территориальной целостности как большим, так и малым государствам; 12) обеспечение свободы колонизационных вопросов; 13) обмен территориями; 14) обеспечение равенства в торговле для всех наций; 15) обеспечение свободы морского судоходства; 16) заключение мирных договоров, не затрагивающих в будущем взаимных интересов между нациями.

Франция, провозгласившая рваншистские настроения, с парламентских трибун и газетных страниц звучала одна фраза: «Боши заплатят за все» (бошами в годы войны называли немцев). Многие французские политики даже требовали территориального расчленения Германии. Британская дипломатия, напротив, стремилась сохранить единство Германии и не допустить крайнего ослабления ее экономического и военного потенциала. В Германии британские политики видели надежный противовес французскому влиянию на континенте. Одновременно Великобритания активно поддерживала идею создания Лиги наций, как организации, способной легитимировать перераспределение колониальных владений. В этом была заинтересована и Франция.

Таким образом, организаторы Парижской конференции заявили о своей готовности создать систему международных отношений, основанную на принципах уважения права наций на самоопределение, экономического, военно-политического и правового равноправия суверен-

ных государств, коллективной дипломатии. В то же время страны Антанты стремились использовать ситуацию для укрепления своих международных позиций и дележа «освободившихся» колониальных владений. Новая международная система изначально разделила мир на победителей и побежденных. Россия и Германия — две ослабленные, но потенциально очень влиятельные державы, оказались в роли изгоев.

Жесткая антиросийская позиция британского и французского правительства сформировалась после заключения русско-германского Брест-Литовского мира. Представители Антанты обвиняли большевиков в предательстве и сепаратизме. Недовольству французов и англичан способствовало и то, что новый советский режим аннулировал все царские долги бывшим союзникам. Красный террор и проповедуемая большевиками идея мировой пролетарской революции убедили многих западных политиков в необходимости международной изоляции большевистского режима. Уже осенью 1918 г. союзники установили блокаду России. В ряд крупных российских портовых городов, в том числе в Мурманск, Одессу, Севастополь, в конце 1918 г. были введены контингенты английских и французских войск. Белое движение на территории России начало получать финансовую и военную поддержку со стороны стран Антанты.

Пути решения «русского вопроса» обсуждались и на Парижской конференции. Основными сторонниками идеи «санитарного кордона» вокруг России являлись верховный главнокомандующий войсками Антанты маршал Ф. Фох и британский военный министр У. Черчилль. Вильсон и Ллойд Джордж выступали за начало конструктивного диалога со всеми политическими силами на территории России. 21 января 1919 г. «Совет десяти» принял решение поручить президенту США обратиться ко всем воюющим в России группам с приглашением прибыть на совещание по вопросу о восстановлении мира в России. Предварительным условием участия на конференции было прекращение военных действий. Впоследствии предполагалось затребовать в части войск российских политических групп тех территориях, которые они контролировали, к моменту прекращения военных действий, и проведение под международным контролем референдумов о выборе формы государственного строя. 22 января 1919 г. в ответ на призыв соответствующее обращение Вильсона. Представители восточнороссийских «властей» приглашались на Принцевы переговоры (Мраморное море). Декларативный характер этого обращения, отсутствие точных адресатов и программы, а главное, непримиримость участников гражданской войны в России предопределили невозможность проведения такой конференции. Становилось очевидно, что добиться каких-либо реальных результатов можно лишь на двухсторонних переговорах с большевистским правительством.

В конце февраля 1919 г. в Москву был откомандирован посол США У. Буллит. Он сформулировал основные принципы, на которых страны Антанты были готовы к урегулированию отношений с новым российским правительством: прекращение военных действий на всех фронтах; сохранение всех правительств на контролируемых ими территориях; расширение международного права; порядка на железных дорогах и порты, необходимые для сообщения Советской России с морем; обеспечение подданным союзных держав права свободного въезда в

Советскую Россию и полной личной безопасности при условии их невмешательства в политику; амнистия всем политическим заключенным; обеих сторон и полная свобода всем русским, сражавшимся на стороне союзников; восстановление торговых отношений между Советской Россией и внешним миром; равномерное распределение помощи, присылаемой союзниками, среди «всех классов русского народа»; принятие особого решения по вопросам, связанным с русскими долгами союзникам; прекращение союзных войн из России. Эти предложения были встречены с пониманием советским руководством. В сущности, большевики были готовы «откупиться» (как выразился нарком иностранных дел Г. Чичерин). Антанты подобно тому, как это произошло в Брест-Литовске. Однако на возвращении Буллита в Париж никакого решения о продолжении контактов с Москвой принято не было. Более того, страны Антанты начали открыто поддерживать белогвардейские формирования. Причиной резкого изменения их политики в «русском вопросе» стали события в самой России — в Сибири началось наступление армии Колчака, а в Москве в марте 1919 г. состоялся первый конгресс Коминтерна, где большевистское руководство заявило о своем курсе на мировую революцию и формирование коммунистического движения в Европе.

Еще более жесткую позицию страны-победители заняли в отношении Германии. 28 июня 1919 г., в юдовещину памятного убийства Саргено, в Зеркальном зале Версальского дворца был подписан мирный договор с Германией. Согласно статье 231 на Германию возлагалась вся ответственность за развязывание Первой мировой войны. Поэтому большая часть условий договора носила репрессивный характер и была призвана за счет «агрессора» компенсировать потери победителей.

По условиям Версальского договора Германия обязывалась провести демилитаризацию Рейнской зоны, а левый берег Рейна занимали оккупационные войска Антанты. Область Эльзаса-Лотарингия возвращалась под французский суверенитет. Германия уступала Франции такие угольные копи Саарского бассейна, который на 15 лет переходил под управление Лиги наций. По истечении этого срока вопрос о будущем этой области предусматривалось решить путем плебисцита среди ее населения. Были закреплены статус нейтралитета Бельгии, а также переход к ней округов Эйпен, Мальмеди и Мореке, полная независимость Люксембурга, который отныне выходил из состава Германского таможенного союза. В Шлезвиг-Гольштейне предстояло организовать плебисцит о дальнейшей судьбе этой территории. Германия обязывалась уважать независимость Австрии в ее новых границах. Тем самым создавалось препятствие для возможного объединения двух национальных немецких государств (аншлюса). Германия также признала независимость Неховородаки, граница которой проходила по линии старой границы между Австро-Венгрией и самой Германией. Признав полную независимость Польши, Германия отказывалась в ее пользу от части Восточной Силезии и Померании, а также от прав на город Данциг (Гданьск), включенный в таможенную границу Польши. Таким образом, с отделением Восточной Пруссии территория Германии оказалась рассечена на две части. Германия отказывалась от всех прав на территорию Мемеля (нынешней Клайпеды), которая в 1923 г. была передана Литве. Германия признавала «независимость всех территорий, входивших в состав бывшей Российской империи к 1.VIII.1914», т.е. к началу

Первой мировой войны. Она обязывалась также отменить Брестский договор 1918 г. и другие договоры, заключенные с Советским правительством. Германия лишалась всех своих колоний.

Исходя из признания виновности Германии в развязывании войны, в Версальский договор был включен ряд положений, предусматривающих демилитаризацию Германии, в том числе сокращение армии до 100 тыс. чел., запрет новейших видов вооружения и их производства. Договор содержал также другие статьи и положения, ограничивающие суверенитет Германии и регулирующие ее экономические, финансовые, торговые отношения с другими государствами. Уже после окончания работы конференции предстояло определить сумму репарационных выплат Германии. В состав Версальского договора, равно как и всех остальных договоров, подготовленных Парижской конференцией, вошел устав Лиги наций. Однако сама Германия, как виновница войны, в эту международную организацию допущена не была.

Версальский договор был подписан и ратифицирован подавляющим большинством участников мирной конференции. Под договором не поставил свою подпись Китай, выразив свое несогласие с решением вопроса о Шаньдунском полуострове (эта территория была некогда арендована Германией, а по условиям Версальского договора передавалась Японии). Сенат США также не ратифицировал договор из-за нежелания вступить в Лигу наций. В 1921 г. был заключен отдельный американско-германский договор, повторяющий все статьи Версальского, но без упоминания Лиги наций.

Наряду с Германией виновниками развязывания мировой войны были объявлены Австрия, Венгрия и Болгария. Мирные договоры, заключенные с ними, носили такой же репрессивный характер.

Сен-Жерменский договор, заключенный между странами Антанты и Австрией в 1919 г., официально узаконивал распад Австро-Венгерской монархии и образование на ее обломках собственно Австрии и ряда новых независимых государств — Венгрии, Чехословакии и Королевства сербов, хорватов и словенцев (которое в 1929 г. было преобразовано в Югославию). Территориальные условия договора касались судьбы тех областей, которые ранее входили в состав «австрийской» части дуалистической монархии Габсбургов (Цислейтании). Согласно договору Богемия, Моравия и Силезия отошли к Чехословакии (часть Тешенского района Силезии впоследствии была передана Польше); Галиция включена в состав Польши; Буковина была присоединена к Румынии; от Венгрии (т.е. из состава бывшей Трансильвании) к Австрии переходил Бургенланд (в 1921 г. часть Бургенланда с г. Шопрон-Эденбург была возвращена Венгрии). Договор предусматривал отторжение от Австрии и всех славянских областей, входивших в состав Цислейтании. Австрия априори признавала независимость и границы новых создаваемых государств — Королевства сербов, хорватов и словенцев, Чехословакии, а также новые границы Болгарии, Греции, Венгрии, Польши, Румынии, в том виде, в котором их установят главные союзные державы. Окончательно вопрос о славянских областях был решен Трианонским договором 1920 г. между Италией и Королевством сербов, хорватов и словенцев. В соответствии с ним Италия отошла почти вся территория Истрии, Далматинского побережья. В состав КСХС вошли также Абхазия и Сухуми, Далмация. Жителям с ювенской Карин-

тии была предоставлена возможность самим определить свою судьбу — по итогам плебисцита 1920 г. этот район вошел в состав Австрии. Несмотря на активные притязания Италии, портовый город Триест на границе Истрии и Крайны был объявлен свободным городом. Особая статья Версальского договора запрещала Австрии предпринимать никаких действий, способных косвенно нарушить ее независимость, каким бы то ни было образом — то фактически означало запрещение аншлюса. Военные статьи договора предусматривали демобилизацию австрийских вооруженных сил и сокращение их до 30 тыс. чел.

Трианонский мирный договор странами Антанты и Болгарией, подписанный 27 ноября 1919 г. в Нейи-сюр-Сен (предместье Парижа), предусматривал отторжение от Болгарии территорий более 11 тыс. кв. км. К Румынии отошла Южная Добруджа, к КСХС — 4 округа на западной границе Болгарии севернее и южнее Македонии. Граница раздела Македонии между Сербией и Болгарией, установленная Бухарестским договором 1913 г., сохранилась. Но оставшаяся у Болгарии часть Западной Фракии теперь передавалась под юрисдикцию «главных союзных держав» (по Севрскому договору 1920 г. она отошла к Греции). Репарационные обязательства Болгарии были определены в размере 150 млн золотых франков и выплачены в течение 37 лет начиная с 1920 г. Помимо денежных репарационных взносов, на Болгарию возлагались натуральные поставки (реституции). Болгария обязывалась сократить вооруженные силы до 20 тыс. чел. Носкольку страна лишалась прямого выхода к Эгейскому морю, союзные державы обязались гарантировать ей «свободу экономического выхода» к нему.

Трианонский договор (по названию Трианонского дворца Версаля) с Венгрией был подписан лишь 4 июня 1920 г. после разгрома Венгерской Советской республики. В соответствии с ним происходило перераспределение территорий из состава бывшей Трансильвании («венгерской» части империи Габсбургов). К Румынии отошли Трансильвания и восточная часть Баната; к КСХС — Хорватия, Банка и западная часть Баната; к Чехословакии — Словакия и Закарпатская Украина. Провинция Бургенланд была передана Австрии. Венгрия признавала все границы, установленные мирными договорами Версальской системы, обязывалась сократить армию до 35 тыс. чел., ликвидировать тяжелую артиллерию, отменить обязательную воинскую повинность.

Севрский договор, заключенный 10 августа 1920 г. между Антантой и Турцией, закончил распад Османской империи. Турция получила лишь часть Малой Азии, восточные районы Сирии и Ливана. Антанте достались греческие территории — Стамбул, долины Черноморских проливов, Смирны (Измир), а также выступления греческих войск против турецких сил. По условиям договора Восточная Фракия с Адрианополем, европейский берег Дарданелл и весь Галлипольский полуостров, а также Измир (Смирна) отошли к Греции. Стамбул с узкой полоской земли оставался формально за Турцией с условием, что в случае ее уклонения от соблюдения договора «союзные державы оставляют за собой право изменить предшествующее положение». Зона проливов, номинально оставшаяся в составе турецкой территории, подлежала полной нейтрализации и поступала целиком под контроль международной «Комис-

сии проливов», получившей право независимо от местной власти осуществлять контроль над водами и побережьем Босфора, Мраморного моря и Дарданелл. Определение границы между Турцией и Арменией предоставлялось третейскому решению президента США. От Турции отделялся Курдистан, для установления границ которого образовывалась англо-франко-итальянская комиссия. Турция лишалась своих владений на Аравийском полуострове и обязывалась признать королевство Хиджаз (с 1932 г. – Саудовская Аравия). По договору Турция отказывалась от своих прав на провинции в Северной Африке и Передней Азии, в том числе признавая протекторат Великобритании над Египтом, Суданом и Кипром, Франции – над Марокко и Тунисом, Италии – над Ливией и Додеканесскими островами. Судьбу Сирии, Ливана, Палестины и Месопотамии должна была решить Лига наций. **Для контроля над турецкими финансами и бюджетом страны образовывалась комиссия из представителей Франции, Великобритании и Италии,** а также турецкого представителя с совещательным голосом. На Турцию распространялся режим капитуляций (закрепления особых правовых, экономических привилегий за гражданами западных государств). Турецкая армия подлежала полной демобилизации и сокращению до 50 тыс. чел. Таким образом, **Севрский договор был наиболее жестким** из всех документов, разработанных Парижской конференцией. Он фактически лишал Турцию государственного суверенитета. После победы кемалийской революции и прихода к власти в Турции правительства М.Кемаля Ататюрка часть условий Севрского договора, касающихся внутренних дел Турции, была денонсирована. Отношения с Турцией на более компромиссной основе окончательно урегулировала **Лозаннская конференция 1923 г.**

Оформление Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. Версальская конференция 1919 г. заложила основы нового международного права. Она установила принципы, по которым должны были строиться отношения между народами. Однако стремление к созданию нового мирового порядка не привело к желаемым результатам. Сохранение и укрепление системы международных отношений сформировались в результате того, что в результате демарша в Европе Версальская система ускорила процесс формирования независимых национальных государств. Вместе с тем новые государственные границы в Европе далеко не всегда учитывали реальное расселение этносов. Многие народы оказались разделены. Были созданы и весьма искусственные многонациональные государства, где сразу же возникли сепаратистские движения. Под влиянием всех этих факторов европейские государства быстро втягивались во взаимные конфликты.

Начало Второй мировой войны с приобретением решающего значения. Франция и Великобритания получили Румынию и Болгарию, которые оказались присоединены территории, превосходявшие ее довоенные размеры. В 1918 г. Румыния оккупировала и Бессарабию, ранее входившую в состав Российской империи. Ко всем послевоенным экономическим и политическим проблемам Румынии добавился вопрос о положе-

нии многочисленных национальных меньшинств, которые составляли теперь более четверти населения страны, – венгров, немцев, украинцев, турок. Жителей Бессарабии официальная статистика вообще причислила к румынам. Стремление румынских правящих кругов к созданию «Великой Румынии» создавало постоянную напряженность в отношениях с Венгрией и Советской Россией. Это особенно явно появилось при подавлении Советской республики в Венгрии в 1919 г. Румынские войска не только приняли участие в этой военной акции, но и вопреки протестам союзников в течение трех месяцев оккупировали Будапешт. Целью демарша являлась попытка заставить венгерскую сторону отказаться от сопротивления румынской оккупации нейтральной зоны, разделившей обе страны по решению Парижской конференции.

Сложная обстановка сложилась вокруг Польши. Польша получила из состава бывшей Австро-Венгрии Галицию и Верхнюю Силезию, немецкие земли в Померании с выходом к Балтийскому морю. Но уже в конце 1918 г. украинские войска вошли в Галицию, чтобы провозгласить Западную Украинскую республику со столицей во Львове. После шестимесячных военных действий они были вытеснены польской армией. В январе 1919 г. Польша едва не оказалась в состоянии войны с Чехословакией. Чешские войска вступили на территорию Тешинского округа в Верхней Силезии. Их столкновение с поляками было предотвращено лишь решительным вмешательством стран Антанты. Вскоре возник и конфликт Польши с Советской Россией. Поводом для него послужило заявление польского правительства о необходимости восстановления границы 1772 г. В ответ 5 января 1919 г. советские войска захватили Вильно, но в апреле были выбиты оттуда поляками. Несмотря на то, что широкомасштабных военных действий в последующие месяцы не велось, к ноябрю польские войска уже значительно вторглись на территорию Западной Украины и подошли к Березине. Предложения Верховного Совета союзников, закрепленные в меморандуме министра иностранных дел Великобритании лорда Керзона, о создании советско-польской границы по реке Буг были отвергнуты и польским, и советским правительствами. Развязка наступила весной 1920 г., когда польская армия перешла в наступление. 7 мая поляки захватили Киев, но вскоре были вынуждены отступить. Летом 1920 г. уже советская армия начала развивать наступление в направлении Варшавы. Но и эта операция завершилась провалом. 18 марта 1920 г. был заключен Рижский мирный договор. По его условиям к Польше отошли Западная Украина и Западная Белоруссия. 9 октября 1920 г. польские войска оккупировали и Вильно с прилегающей территорией. Это стало поводом для острого конфликта Польши с Литвой, которой Советская Россия передала Вильно еще в период войны с Польшей. Состояние войны между Литвой и Польшей длилось еще шесть лет, но активные военные действия не велись.

Острый международный кризис возник вокруг Венгрии. 21 марта 1919 г. здесь была провозглашена Советская республика. Новый режим возглавили объединившиеся в одну партию коммунисты и социалисты. Но уже в апреле 1919 г. началась вооруженная интервенция Антанты. На территорию страны вступили французские, югославские, румынские и чешские части. Правительство объявило мобилизацию в революционную Красную армию, которая даже перешла государственную границу

и попыталась установить советскую власть в восточной Словакии (16 июня была провозглашена Словацкая Советская республика). Ситуация коренным образом изменилась, когда в ноябре 1918 г. с согласия Антанты сербская армия с юга, чешская – с севера начали наступление вглубь страны. Румынская армия тогда же захватила Трансильванию и всю восточную часть Венгрии до реки Тиса. Будапештское правительство подчинилось требованию Антанты и начало отвод войск. 30 июля румынские войска перешли Тису и начали преследование отступающей венгерской армии. Революционный правительственный Совет в условиях безысходности подал в отставку. 1 августа 1919 г. в Венгрии была восстановлена парламентская республика, а заключенный в 1920 г. Трианонский мирный договор закрепил новые границы страны.

В период разработки Трианонского договора руководство Чехословакии, Румынии и КСХС направило в секретариат Парижской конференции совместный меморандум о необходимости пресечь территориальные притязания Венгрии. На протяжении двух последующих лет этими странами были заключены взаимные союзные договоры, оформившие так называемую «Малую Антанту». Французская дипломатия покровительствовала этой коалиции, видя в ней противовес влиянию Германии, Венгрии и Советской России. С середины 1920-х гг. к «Малой Антанте» тяготела и Польша. Болгария, напротив, так и осталась в числе «неблагонадежных» стран. Заключение Нейиского мирного договора вызвало здесь политический кризис. Царь Борис III был вынужден привлечь к власти представителей левых партий – Болгарского земледельческого народного союза и социалистов. В мае 1920 г. было сформировано правительство БЗНС во главе с Александром Стамболийским. Но при косвенной поддержке стран Антанты в июне 1923 г. в Болгарии был организован военный переворот. Стамболийский был убит, а другие лидеры БЗНС арестованы.

Исключительно тяжелым в послевоенные годы оставалось положение Германии. Последствия военного поражения усугубились потерей колониальных владений и европейских территорий с мощным промышленным потенциалом и сырьевой базой. Немецкая нация оказалась раздроблена. В стране нарастал острейший социально-экономический и политический кризис. Слабые коалиционные правительства начала 1920-х гг. не могли ни открыто выступить против положений Версальского договора, ни остановить нарастающую в стране волну реваншистских настроений. В этих условиях началось обсуждение вопроса о репарациях.

На конференции в Спа в июле 1920 г. Франция добилась выделения ей 52 % всех германских выплат. Великобритании было гарантировано 22 %, Италии – 10 %, Бельгии – 8 %. После обсуждения размеров репараций на конференциях в Хайте, Булоне и Брюсселе Франция предъявила Германии счет на сумму 230 млрд золотых марок. Британская дипломатия выступила против этого требования, превращающего Германию в страну-банкрота. В 1921 г. на Лондонской конференции Франция и Великобритания вынудили Берлин согласиться на сумму 132 млрд золотых марок, которые подлежали оплате по 2 млрд марок в год плюс 26 % от общей стоимости всего германского экспорта. Отказавшись принять это разорительное решение, канцлер Германии К. Ференбах подал в отставку, а его преемник Й. Вирт примирился лишь под угрозой оккупации Рурской области. Но становилось очевидно, что

Германия не способна выполнить финансовые обязательства. Франция начала приготовления к возможной новой войне. Помимо формирования «Малой Антанты», французская дипломатия добилась заключения военного союза с Бельгией в сентябре 1920 г. В 1921 г. был заключен и франко-польский союз, дополненный уже в 1924 г. франко-чехословацкой Антантой.

Стремясь не допустить дальнейшего обострение международной обстановки, правящие круги ведущих стран Запада попытались укрепить Версальскую систему новыми договорами. В первую очередь предстояло преодолеть самоизоляцию США. Значительная часть американского общества опасалась втягивания своей страны под эгидой Лиги наций во внутренние европейские конфликты. Несмотря на отчаянные попытки Вильсона спасти свое детище, ратификация Версальского договора в Сенате 19 марта 1920 г. была провалена (49 голосов «за» и 35 «против», что не дало необходимого по конституции большинства в 2/3 голосов). Но, отказавшись от участия в Лиге наций, США не могли остаться в стороне от формирования мирового политического пространства. Примирить их позиции с бывшими союзниками должна была новая конференция, состоявшаяся в Вашингтоне с 12 ноября 1921 г. по 6 февраля 1922 г.

На Вашингтонской конференции американской дипломатии удалось добиться расторжения существовавшего с 1902 г. англо-японского союза и заключения договора о совместной защите США, Великобритании, Францией и Японией их островных владений в Тихом океане. В дополнительном протоколе к «Договору четырех» уточнялось, что понятие «островные владения» применительно к Японии распространяется только на южную часть острова Сахалин, Тайвань, Пескадоры и подмандатные территории (т.е. основная территория страны не являлась объектом внешних обязательств иных держав). В феврале 1922 г. четыре державы объявили Португалии и Нидерландам, что обязуются уважать их права на островные владения в Тихом океане.

«Договор девяти» (США, Великобритания, Франции, Японии, Италии, Бельгии, Голландии, Португалии и Китая) провозглашал принцип уважения суверенитета, территориальной и административной неприкосновенности Китая; содержал обязательства придерживаться принципа «равных возможностей» для торговли и промышленности «всех наций на всей территории Китая». Он предусматривал также возвращение Японией Китаю полуострова Шаньдун, железной дороги Циндао-Цайнань и территории Цзяочжоу. Но японская делегация, продолжая настаивать на своих «специальных интересах» в Китае, отклонила требование Китая о выводе японских войск из Южной Маньчжурии. Наряду с основным «Договором девяти» был подписан трактат, закреплявший таможенное неравенство Китая в отношении всех европейских держав.

На Вашингтонской конференции также обсуждался вопрос об ограничении морских вооружений. В частности, были определены пропорции для развития военных флотов США, Великобритании, Франции, Италии и Японии (5 : 5 : 3 : 1,75 : 1,75), ограничены максимальный тоннаж крупных военных судов, максимальные нормы водоизмещения кораблей и предельный калибр артиллерии. Для остальных классов кораблей, в том числе подводных лодок, ограничения не вводились.

Запрещалось сооружение новых военно-морских баз на Тихом океане восточнее 110 меридиана в.д., за исключением островов, непосредственно прилегающих к побережью США, Канады, Аляски, зоны Панамского канала, Австралии, Новой Зеландии, Гавайских островов.

Решения Вашингтонской конференции позволили США де-факто признать Версальскую международную систему и получить гарантии от лидеров Лиги наций по вопросам, касающимся национальной безопасности и стратегических интересов в Тихоокеанском регионе. Сложилась единая Версальско-Вашингтонская система международных отношений. В последующие годы американцы уже не стремились к полной изоляции от решения европейских проблем, но подходили к ним сугубо прагматично. Так, например, США сыграли важнейшую роль в переговорах с Австрией и Германией о предоставлении стабилизационных займов этим странам и формированию системы международного контроля за их использованием. А вот от участия в решении территориально-политических проблем в Европе американская дипломатия настойчиво отказывалась.

Одновременно с работой Вашингтонской конференции в Европе готовился новый политический форум. Его целью стало смягчение проблем, связанных с послевоенным статусом Германии и СССР. В это время становилась уже очевидной готовность советского руководства к налаживанию конструктивного диалога с западными державами. В ноябре 1920 г. Ленин заявил: «Мы вступили в новый период, в котором завоевали право на международное существование в окружении капиталистических стран». Прорывом дипломатической изоляции Советской России стал торговый договор с Великобританией, заключенный в 1921 г. Но камнем преткновения оставался финансовый вопрос. Россия, конечно, была избавлена от проблемы репараций, но отказывалась оплачивать «царские долги» — довоенные займы царского правительства.

В январе 1922 г. на Каннской конференции стран Антанты был принят план проведения общеевропейской конференции, к полному участию в которой впервые приглашались делегации Советской России и стран, признанных виновниками Первой мировой войны. По замыслу инициаторов такая конференция должна была стать символом новой эры в развитии международных отношений, подведя черту под послевоенным урегулированием и делением европейских стран на победителей и побежденных. Впрочем, советской дипломатии еще до начала конференции удалось нарушить антисоветский политический фронт. В марте 1922 г. в Риге состоялась конференция представителей Латвии, Польши, Эстонии и Советской России. Представители Финляндии присутствовали на конференции в качестве наблюдателей. Участники конференции высказались за согласованные действия в экономическом восстановлении, укрепление их суверенного статуса и взаимный отказ от территориальных притязаний.

Общеевропейская конференция открылась в Генуе 6 апреля 1922 г. В отличие от Парижской она была проведена совершенно в ином духе, торжественном и праздничном, с многочисленными приемами, банкетами и иными протокольными мероприятиями. Однако ход конференции показал, что ведущие державы Европы пока не сумели отказаться от прежней силовой стратегии. Делались попытки склонить Россию и Германию к выполнению всех обязательств перед странами Антанты.

Россия была поставлена перед необходимостью признания всех долгов царского и Временного правительств, принятия на себя ответственности за финансовые обязательства всех «бывших донныне в России властей», возврат всех национализированных предприятий иностранным владельцам. От Германии требовалась неукоснительная выплата репараций в установленных суммах и в установленные сроки. Однако попытки дипломатического нажима провалились. Отказавшись от предлагаемых условий делегации России и Германии заключили 16 апреля 1922 г. в городе Раппало отдельный договор. По его условиям обе стороны полностью восстанавливали дипломатические и иные отношения, заявляли о готовности решать все спорные вопросы на основе взаимного отказа от претензий. Германия, в частности, признавала факт национализации иностранной собственности на территории России.

Провал Генуэзской конференции был закамуфлирован переносом обсуждения экономических вопросов на «совещание экспертов» в Гааге, которое завершилось также безрезультатно. Говорить с большинством о «священном институте частной собственности» было бессмысленно, а согласиться с советским предложением «взаимозачесть» российские долги и ущерб от интервенции означало признать сам факт интервенции против суверенного государства. Вывод емко сформулировал председатель французской делегации. «Представители Советов во всех своих выступлениях утверждали принципы и доктрины, несовместимые с принципами, существующими во всем остальном мире. Продолжение гаагских дебатов является бесполезным».

Срыв политического диалога с Россией стал прелюдией к крайнему обострению ситуации вокруг Германии. В конце 1922 г. новое немецкое правительство В.Кунно решило бойкотировать выплаты репараций. В ответ 11 января 1923 г. французские и бельгийские войска начали оккупацию Рурского бассейна. Эти события вызвали панику на немецком фондовом рынке. Германия оказалась перед лицом финансового краха. В стране резко усилилось влияние экстремистских политических сил как левого, так и правого толка. Авантюра французского правительства поставила Европу на грань войны.

Сложную международную ситуацию попыталась использовать Италия. 31 августа 1923 г. после предварительной бомбардировки итальянские части захватили греческий остров Корфу. Поводом стало убийство на территории Греции итальянских офицеров, входивших в международную группу, изучавшую вопрос о демаркации греко-албанской границы. Захват острова носил демонстрационный характер. Правительство Муссолини требовало от Греции лишь выплаты компенсации, но использовало ситуацию для «укрепления» международного престижа своей страны. После проведения арбитража под эгидой Лиги наций (завершившегося в пользу Италии), Корфу был очищен.

Долгое время не удавалось урегулировать и «турецкий вопрос». После отказа правительства М.Кемаля соблюдать условия Севрского договора Франция попыталась создать антитурецкий блок и развязать новую войну. Но в военные действия удалось вовлечь лишь греческую армию. Греческие войска высадились в Смирне еще 15 мая 1919 г. в качестве представителя Антанты. В оставшиеся до заключения Севрского договора месяцы они оккупировали значительную часть Фракии. В январе 1921 г. в Инону произошло первое серьезное столкновение

греческой армии с турецкими войсками. Развивая успех, греки начали продвигаться вглубь полуострова. Остановить их наступление туркам удалось лишь в сентябре. Сосредоточив свои силы в восточной части Анатолийского полуострова, Кемаль провел военную реформу и сумел подготовиться к новому этапу войны. Турецкое контрнаступление началось в августе 1922 г. После нескольких поражений греческая армия в беспорядке отступила к Смирне. Этот город был взят турками 9–11 сентября, а спустя месяц турецкая армия торжественно вошла в Константинополь – столкновений с войсками западных держав не было, поскольку об их выводе удалось договориться предварительно.

Укрепив свои позиции, новое турецкое правительство возобновило диалог со странами Антанты. В ноябре 1922 г. в Лозанне начала работать международная конференция, на которой предстояло выработать новые условия примирения с Турцией. Из-за жестких дискуссий консультации периодически прекращались, и лишь в апреле 1923 г. текст мирного договора был утвержден. Западным державам пришлось признать полный суверенитет Турецкого государства. В свою очередь Турция отказалась в пользу Великобритании от Кипра, в пользу Италии – от Додеканесских островов, в пользу Греции – от ряда островов в Эгейском море, а также подтвердила отсутствие претензий на арабские территории.

Итак, на протяжении 1922–1923 гг. Европа оказалась втянута в серию острых международных конфликтов. Урегулировать противоречия Версальской системы без изменения ее базовых принципов не удалось. Перед угрозой нарастающей волны реваншизма и экспансионизма в ведущих странах Запада активизировались политические силы, стремящиеся к проведению политики международной безопасности и сотрудничества. Поворотным моментом стал приход к власти в 1924 г. во Франции правительства Э.Эрриса, а в Великобритании – правительства Р. Макдональда.

Пацифизм и милитаризм на мировой арене. Пацифистское общественно-политическое движение, выступавшее за отказ от насилия и войн как средства политики, сформировалось еще на рубеже XIX–XX вв. К 1900 г. в скандинавских странах, Германии, Великобритании, Франции и США функционировало более 400 таких организаций. Но в принцип мировой политики пацифизм превратился лишь в середине 1920-х гг. Одним из ведущих идеологов международного пацифизма стал Эдуард Эррио. В 1924 г. в качестве премьер-министра Франции он выступил с инициативой создания всеобъемлющей системы международных отношений, основанной на равноправии всех стран и отказе от насилия как средства политики. Под эгидой Лиги наций предполагалось сформировать систему коллективной безопасности, международного арбитража, способного обеспечить эффективный механизм разоружения. В развитие этих идей французской дипломатией был подготовлен Женевский протокол о мирном разрешении международных споров. Приглашавшиеся к подписанию этого документа государства должны были обязаться передавать все спорные вопросы на рассмотрение Постоянного органа (Court) Международного Суда. Любое государство, отказывающееся от такого арбитража, должно было бы рассматриваться по самому этому факту в качестве агрессора. Однако в ходе переговоров 1924–

1925 гг. оба проекта французской дипломатии были отвергнуты англичанами. Правительство Великобритании рассматривало пацифистскую политику лишь как создание системы равновесия и «разумного баланса сил» в Европе, а не глобального арбитражного механизма, усиливающего влияние наднациональных международных структур.

Создание системы равновесия в Европе, как и утверждение принципов коллективной безопасности, было невозможно без решения «русского» и «немецкого» вопросов. В 1924 г. началась «полоса признания» СССР. Первыми официальными дипломатическими отношениями с Советским Союзом установило британское лейбористское правительство Р. Макдональда. Чуть позднее – Италия, Норвегия, Греция, Австрия, Швеция, Дания и Франция. Большое значение имело расширение взаимоотношений СССР с неевропейскими странами, прежде всего с Мексикой и Китаем. В 1925 г. эпоха дипломатической изоляции СССР завершилась установлением дипломатических отношений СССР с Японией и США. Однако в Лигу наций СССР пока не был принят.

Поворот к конструктивному решению «немецкого вопроса» был связан с формированием международной комиссии под руководством американского экономиста Ч. Дауэса, призванной выработать комплекс мер по стабилизации экономического положения Германии. На Лондонской конференции, состоявшейся в июле–августе 1924 г., был принят так называемый «план Дауэса». В соответствии с ним Франция была вынуждена вывести свои войска из Рурского бассейна, снять экономические санкции с Рейнской области и взять на себя обязательства более не налагать на Германию санкции без единогласного согласия репарационной комиссии. Было также принято решение о создании международного контрольного механизма для проведения стабилизационных мероприятий в финансовой системе Германии, о предоставлении Германии международного займа (800 млн марок). Сумма ежегодных репарационных выплат значительно снижалась (без изменения общей суммы).

В 1925 г. в Локарно состоялась международная конференция, принявшая поворотные решения по урегулированию «немецкого» вопроса. По условиям Рейнского гарантийного пакта Франция, Бельгия, Германия признали нерушимость послевоенных границ, установленных Версальским мирным договором, в том числе взяли на себя обязательства по сохранению германо-бельгийской и германо-французской границ. Великобритания и Италия, обязывались противодействовать любой стране, которая попытается нарушить статус демилитаризованной зоны Рейнской области. При этом оставался «открытым» вопрос о восточных границах Германии (с Польшей и Чехословакией, в состав которых отошли территории с компактно проживающим немецким населением). Германия подписала соглашения о том, что все территориальные вопросы здесь будут решаться в системе международного арбитража с участием Франции, Бельгии, Польши и Чехословакии. Тем самым, участники конференции косвенно признали право немецкой нации на объединение, но попытались перевести решение этого вопроса в правовое русло. В Локарно было принято и решение о вступлении Германии в Лигу наций.

Локарнские договоры положили начало «политике умиротворения» Германии. Суть ее заключалась в косвенном признании несправедливости Версальской системы и готовности ее создателей встать на

путь поэтапной правовой реабилитации стран, объявленных виновниками Первой мировой войны. В отношении Германии это подразумевало решение территориальных вопросов (как реализация права немецкой нации на самоопределение), репарационной проблемы, равноправия Германии в военно-правовых вопросах (в рамках международной системы безопасности).

Многие участники Локарнской конференции рассматривали ее решения в особом ракурсе – как начало наднациональной консолидации европейского континента. Большую роль в подготовке конференции сыграли представители панъевропейского движения, в том числе известный идеолог панъевропеизма граф Кудерхове-Калерги. Еще в январе 1925 г. Эррио выступил с речью в Лиге наций, официально представляя идею «Соединенных Штатов Европы» как региональной международной организации. Успех Локарнской конференции дал возможность приступить к реализации этой идеи. В 1926 г. в Вене под руководством министра иностранных дел Франции А. Бриана состоялся первый Панъ-европейский конгресс. Но в дальнейшем форсировать складывание общеевропейской интеграционной системы не удалось, и французская дипломатия вновь перенесла свои усилия на активизацию международного пацифистского движения. В 1928 г. по инициативе А. Бриана и госсекретаря США Ф. Келлога был подписан пакт, провозглашавший отказ от войны как средства урегулирования международных споров, необходимость разрешения любых споров мирными средствами. В последующие годы к пакту Бриана–Келлога присоединились еще 48 государств, в том числе Великобритания, Германия, Япония, СССР.

Крупной акцией пацифистов стало проведение в 1932 г. международной конференции в Женеве, где был поставлен вопрос о создании «организации мира» в Европе – объединении европейских стран пактами о ненападении и взаимопомощи при нападении, а также предоставлении всем участникам этой системы равного военно-правового статуса. Но реализация подобных проектов требовала единодушия со стороны ведущих держав континента. Между тем в Европе вновь начали нарастать милитаристские и реваншистские настроения. На фоне экономических проблем ширилось фашистское движение. Пытаясь снизить накал подобных настроений, британская и французская дипломатия предприняла ряд новых шагов по «умиротворению» Германии. В соответствии с разработанным в 1929 г. «планом Юнга», Гагская конференция 1930 г. приняла решение о сокращении суммы репарационных выплат до 113,9 млрд марок, снижении суммы ежегодных выплат, ликвидации механизмов международного контроля над финансово-войсковой системой Германии. В июне 1930 г. в соответствии с планом Юнга последние армейские подразделения союзников досрочно покинули Рейнскую область. На Лозаннской конференции 1932 г. было принято решение о полном прекращении репарационных выплат, а в декабре 1932 г. в Женеве страны-участницы локарнских договоров подписали декларацию о признании равноправия Германии в военно-политических правах. Однако все эти меры оказались уже несвоевременны.

В начале 1930-х гг. произошло резкое обострение международной обстановки на Дальнем Востоке. В 1931–1933 гг. Япония захватила китайскую территорию Маньчжурию. Лига наций 24 октября 1931 г. приняла резолюцию, призывающую Японию вывести свои войска с

оккупированных ею территорий. Но никаких реальных мер для принуждения агрессора к выполнению этого требования принято не было. 18 февраля 1932 г. Япония объявила о создании на оккупированных территориях марионеточного государства Манчжоу-Го, а в марте 1933 г. заявила и о своем выходе из состава Лиги наций. В 1937 г. она снова начала войну против Китая; предприняв наступление в районе Тяньцзиня и Пекина. Китайское правительство Чан Кайши, вовлеченное в этот же период в военные действия против коммунистов, не смогло оказать серьезного сопротивления.

Вскоре японская экспансия начинала реально угрожать интересам СССР на Дальнем Востоке. В августе 1937 г. СССР заключил с Китаем пакт о ненападении. Ситуация в регионе предельно обострилась в 1938–1939 гг. с началом военных действий между японскими и советскими войсками у реки Халхин-Гол и озера Хасан. Несмотря на полученный отпор, Япония продолжала экспансионистскую политику. К осени 1939 г. японцы захватили большую часть прибрежного Китая вплоть до острова Хайнань на юге страны. Надеемся на то, что эти приобретения будут достаточны для создания «системы равновесия» на Дальнем Востоке, Великобритания фактически признала японские захваты в Китае по англо-японскому соглашению 1939 г. Ошибочность и пагубность подобной стратегии с еще большей очевидностью проявилась в Европе.

В Европе наибольшие опасения первоначально вызвали действия итальянского фашистского режима. Муссолини пафосно рассуждал о воссоздании «великой латинской империи», борьбе «молодых наций» против «старой Европы». Но в действительности он не стремился к разрыву отношений с западными демократиями. Готовность соразмерять свои действия с позицией лидеров Лиги наций Италия продемонстрировала уже во время итало-греческого конфликта 1923 г. В дальнейшем Муссолини рассчитывал, что Франция и Великобритания не будут противодействовать усилению Италии при условии сохранения общей «архитектуры» Версальской системы. Такая тактика «конструктивной агрессии» оказалась эффективна. Подписание в 1925 г. торгового договора и в 1927 г. договора о дружбе сформировало альянс Италии и Венгрии. По договору о дружбе 1926 г. Италия стала гарантом безопасности Албании и получила право контролировать отношения Албании с третьими странами. Годом позже был подписан и договор об оборонительном союзе этих двух стран. В 1928 г. был подписан итало-греческий договор о дружбе, а в начале 1930-х гг. произошло сближение Италии и Болгарии. Великобритания вполне позитивно оценивала эти шаги, поскольку система итальянских союзов становилась реальным противовесом профранцузской «Малой Антанте».

Приход к власти нацистов в Германии в 1933 г. радикальным образом изменил ситуацию. Заявив о своем стремлении воссоединить немецкую нацию в границах единого Рейха, нацисты в конечном счете стремились к развязыванию тотальной войны, формированию расового мирового порядка. Оценить фанатизм гитлеровцев руководители западных держав не сумели. Нацизм рассматривался большинством французских и британских политиков как маргинальное движение, не имеющее широкой социальной базы и паразитирующее на реваншистских настроениях. Предполагалось, что продолжение политики умиротворе-

ния, решение вопроса о судьбе немецких меньшинств на территории других стран, равноправное участие Германии в деятельности Лиги наций может лишить нацистов политической инициативы и, в конечном счете, власти. Первым шагом в этом направлении стало подписание в июле 1933 г. в Риме пакта между Великобританией, Францией, Германией и Италией о сотрудничестве этих держав под эгидой Лиги наций. Ратификация договора была сорвана отказом гитлеровского режима участвовать в работе международной конференции по разоружению, а затем и выходом Германии из Лиги наций в октябре 1933 г. Тем не менее курс западных держав на умиротворение Германии сохранялся. От активного противодействия нацисткой угрозе воздержалась и американская дипломатия. В конце августа 1935 г. конгрессом США был принят закон о нейтралитете. Он предусматривал запрет на продажу американской стороной оружия, амуниции и военных материалов воюющим странам, не делая при этом различия между агрессором и жертвой агрессии. Запрещалось также предоставление воюющим государствам займов и кредитов.

Советское руководство отнеслось к угрозе нацизма более серьезно. В 1933 г. СССР выдвинул предложение о юридическом определении агрессора, что создавало бы основания для международных санкций. а в сентябре 1934 г. вступил в Лигу наций. В 1934 г. советская дипломатия поддержала инициативу французского МИД о создании «Восточного Локарно» — договорного комплекса, призванного дополнить Рейнский гарантийный пакт. Эта идея принадлежала французскому министру иностранных дел Л. Барту, который использовал все свое влияние для того, чтобы ускорить установление дипломатических отношений между СССР и Чехословакией, Румынией, преодолеть антисоветские настроения в Югославии. Однако после трагической гибели Барту от рук хорватских террористов в октябре 1934 г. позиция французской дипломатии стала более умеренной. 5 декабря 1934 г. были подписаны франко-советские соглашения, в соответствии с которыми обе страны отказывались от дальнейших шагов по подготовке восточноевропейского гарантийного пакта. Его частично сменил подписанный в мае 1935 г. договор о взаимопомощи между Францией и СССР в случае нападения какой-либо третьей стороны. Однако этот договор не был дополнен военной конвенцией.

Страны Юго-Восточной Европы, наиболее уязвимые для германской агрессии, также начали предпринимать попытки по созданию региональной системы безопасности. Сближение Греции, Румынии, Турции и Югославии привело к заключению в 1934 г. союза, получившего название «Балканской Антанты». Эта организация стала дополнением к «Малой Антанте», объединявшей Чехословакию, Румынию и Югославию. Но стать противовесом нацистской угрозе подобные блоки не могли. Уязвимость «малых стран» продемонстрировали события в Австрии. В июле 1934 г. австрийские нацисты предприняли попытку вооруженного путча в Вене. Их выступление было подавлено, но канцлер республики Дольфус оказался смертельно ранен. Лишь жесткий демарш со стороны Италии заставил Гитлера отказаться тогда от прямой агрессии.

Отношения фашистских режимов Италии и Австрии с нацистской Германией первоначально складывались более чем напряженно. Причи-

ной тому были и серьезные идеологические расхождения между национал-социализмом и фашизмом, и негативная реакция Австрии и Италии на возможность аншлюса, которого безапелляционно требовал Гитлер. В августе 1933 г. было опубликовано итало-австрийское коммюнике о «полном согласии обеих сторон в вопросе о независимости Австрии». 17 марта 1934 г. был подписан итало-австро-венгерский пакт, гарантирующий статус-кво в регионе, в том числе неприкосновенность австрийских границ (так называемые «Римские протоколы»). На своей первой встрече с Гитлером в июне 1934 г. Муссолини попытался убедить фюрера в необходимости отказа от планов аншлюса и был крайне возмущен событиями в Вене, последовавшими менее чем через месяц. Узнав о гибели Дольфуса, он отдал приказ о передислокации трех итальянских дивизий к границе с Австрией. Этот шаг заставил нацистов временно приостановить давление на Австрию.

Международные отношения накануне Второй мировой войны.

В начале 1935 г. в Европе сложились реальные условия для оформления антигитлеровского блока. В январе, после проведения в Сааре предусмотренного Версальским договором плебисцита, эта область перешла в состав Рейха. Одновременно, в нарушение статей Версальского договора, в Германии была введена всеобщая воинская повинность, все более открыто разворачивалось производство запрещенных договором тяжелых вооружений. Все это вызвало большую тревогу у французской дипломатии. 11 апреля 1935 г. по инициативе Франции и при полной поддержке Италии в Стресе открылась международная конференция по германскому вопросу. Ее участники выступили с осуждением односторонних нарушений Версальского договора. Несмотря на то, что принятые резолюции носили весьма декларативный характер, политическое значение конференции было велико. Франция продемонстрировала на ней свою готовность отойти от курса на умиротворение и поддержать систему итальянских союзов. Уже в Стресе французский премьер-министр Лаваль и Муссолини обсудили проблемы разграничения сфер влияния в средиземноморском регионе.

Возможность складывания франко-итальянского альянса, который могли бы поддержать практически все страны Юго-Восточной Европы, чрезвычайно встревожила британскую дипломатию. Следуя традиционной политике «баланса сил», Лондон предпринял шаги в сторону Германии. Большую роль при этом сыграла искусная демагогия Гитлера, который при неофициальных контактах с британскими политиками все сужался на обещания умерить свои притязания и выступить основным гарантом против экспансии большевизма в Европе. Итогом стало подписание в июне 1935 г. англо-германского договора о морских вооружениях. Между военными флотами Великобритании и Германии вводилось соотношение 100 : 35 (при равенстве по подводным лодкам). Британские политики рассматривали заключение этого соглашения как шаг по пути дальнейшего ограничения морских вооружений и дополнение к аналогичным статьям «Договора пяти» Вашингтонской конференции. Однако на практике нацистская Германия получила право на беспрепятственное расширение военно-морского строительства, так как существующая разница в уровне морских вооружений позволяла бес-

печить работой все верфи Рейха на десять лет, не нарушив при этом «букву» договора.

Уже вскоре пагубность британской стратегии стала очевидна. «Фронт Стрезы» оказался разрушен, толком и не сложившись. Гитлер сразу же после подписания договора с Великобританией, отдал приказ о подготовке операции по вводу войск в демилитаризованную Рейнскую зону. А на протяжении последующих двух лет произошло образование стратегического союза Италии и Германии. Поводом к такому неожиданному повороту событий стала агрессия Италии в Северо-Восточной Африке.

Еще после войны с Турцией в 1911 г. итальянцы получили контроль над Триполитанией и Киренаикой (с 1913 г. эта территория стала называться Ливией). После окончания Первой мировой войны итальянская армия почти десять лет подавляла национально-освободительное движение ливийцев. Следующим объектом экспансии стала Абиссиния (Эфиопия), которую Италия безуспешно пыталась завоевать еще в 1896 г. Муссолини не считал эту агрессию вызовом мировому сообществу — лидеры Лиги наций совсем еще недавно сами делили африканский континент на колониальные и зависимые территории. Уже в 1934 г. итальянский лидер уже вполне откровенно заявлял о своих планах. На границах Абиссинии начались первые военные столкновения. Поскольку параллельно происходило сближение позиций итальянской и французской дипломатии по вопросам европейской безопасности и средиземноморской политики, Муссолини предполагал, что западные державы дадут Италии карт-бланш в отношении Абиссинии. 3 октября 1935 г. началось полномасштабное вторжение итальянских войск в эту страну. Кампания против плохо организованной и плохо вооруженной абиссинской армии была скоротечной и победоносной.

После начала абиссинской войны Великобритания решительно выступила в Лиге наций за пресечение агрессии. На фоне ее пассивного поведения в Европе такая жесткость выглядела необычно, но объяснялась вполне очевидным расчетом — не допустить дальнейшего франко-итальянского сближения и превращения Средиземноморья в зону монопольного влияния этих держав. Шумная антиитальянская кампания в Лиге наций, поддержанная европейской общественностью и демократической прессой, привели к принятию Советом Лиги санкций против агрессора — накладывалось эмбарго на экспорт оружия в Италию, замораживалось предоставление Италии займов и кредитов, прекращался экспорт итальянских товаров и сокращался импорт в Италию. На ведение боевых действий такие санкции серьезного влияния оказать не могли. 5 мая 1936 г. итальянские войска захватили столицу Абиссинии Аддис-Абебу. А 4 июля Лига наций постановила прекратить применение санкций, ссылаясь на то, что после завершения военных действий они недействительны.

Дипломатическая игра Лондона оказалась на руку прежде всего Гитлеру. Чем большая напряженность возникала во взаимоотношениях Италии с лидерами Лиги наций, тем меньше шансов оставалось на сохранение дееспособного антигерманского блока в Западной Европе. Осознавая это, Гитлер санкционировал ввод 7 марта 1936 г. немецких войск в Рейнскую зону. Лига наций даже не сочла возможным осудить этот шаг, пойдя лишь на констатацию самого факта нарушения Версальского договора. 21 марта 1936 г. Гитлер, выступая в Гамбурге,

торжественно объявил о том, что «дух Версаля уничтожен». При этом Италия, оказавшись в дипломатической изоляции, была вынуждена искать поддержку у своего недавнего противника. В июле 1936 г. было достигнуто итало-германское соглашение о невмешательстве Италии во взаимоотношения Германии и Австрии. Вслед за этим состоялось и подписание австро-германского договора, формально закреплявшего государственный суверенитет Австрии, но по дополнительному секретному протоколу, предполагавшему ввод в австрийское правительство прогерманских политиков, свободное распространение на территории Австрии газет Рейха, австро-германские «консультации» по вопросам внешней политики. В том же месяце состоялось еще одно событие, ускорившее складывание германо-итальянского блока, — в испанском городе Кадисе высадился лидер мятежных войск генерал Франко. Германия и Италия начали оказывать франкистам дипломатическую и материальную помощь. Вскоре германские и итальянские войска оказались втянуты и в военные действия на территории Испании.

Западные демократические государства дистанцировались от испанского конфликта. По инициативе Великобритании и Франции в августе 1936 г. в Лондоне был создан «Комитет по невмешательству в испанские дела». К участию в его работе были приглашены как Германия с Италией, так и СССР. 27 европейских стран подписали документ под названием «Соглашение о невмешательстве», обязывающий отказаться от ввоза и транзита оружия и военных материалов в Испанию. Но уже к осени 1936 г. стало очевидно, что Германия и Италия не прекратили поддержку франкистов. Они разорвали дипломатические отношения с законным правительством Испании и официально признали правительство Франко. СССР заявил, что при сохранении внешнего вмешательства в испанские дела не считает себя связанным прежними обязательствами. С октября 1936 г. начались советские военные поставки в Испанию. В Испанию направлялись военные специалисты, технический персонал и добровольцы (около 3 тыс. чел.). Участвовали в боях и тысячи добровольцев из других стран. На стороне франкистов воевали около 300 тыс. немецких и итальянских солдат.

Официальное оформление германо-итальянского блока произошло после переговоров в сентябре-октябре 1936 г. По их результатам 24 октября был подписан пакт об образовании «оси Берлин-Рим», согласно которому Германия признавала аннексию Абиссинии, а обе страны обязывались проводить общую линию в отношении войны в Испании. 25 ноября 1936 г. в Берлине было подписано соглашение Германии и Японии, получившее название Антикоминтерновский пакт. Участники пакта обязывались информировать друг друга о деятельности Коминтерна и вести борьбу против него. Третьи страны также приглашались «принять оборонительные меры в духе этого соглашения». В ноябре 1937 г. к Антикоминтерновскому пакту присоединилась Италия, а в декабре 1937 г. она вышла из состава Лиги наций. Так сложился агрессивный блок трех держав, противопоставляющих себя Лиге наций. Постепенно в орбиту германской политики переходили и многие восточноевропейские страны.

К концу 1930-х г. стало очевидно, что, встав на путь умиротворения, страны Запада распространили этот принцип на страны, являющиеся агрессорами. Тем не менее отказаться от своей стратегии Великоб-

ритания и Франция не смогли. Обе страны молчаливо санкционировали аншлюс Австрии. 11 марта 1938 г. на территорию этой страны вошли германские войска. Австрийские земли стали частью Рейха. Пиком политики умиротворения стала Мюнхенская конференция, созванная в сентябре 1938 г. для урегулирования германских претензий к Чехословакии. Руководители Германии, Италии, Великобритании и Франции — А. Гитлер, Б. Муссолини, Н. Чемберлен и Э. Даладье подписали соглашение, принуждающее Чехословакию уступить Германии Судетскую область с немецкоязычным населением. Примечательно, что представитель Чехословакии даже не был приглашен на конференцию. В продолжение мюнхенского курса на пересмотр границ в Европе Германия и Италия сформировали в конце 1938 г. Венскую арбитражную комиссию. Под давлением этого «независимого» органа Румыния была вынуждена передать в состав Венгрии южные районы Словакии и Закарпатской Украины, а также центральную часть Трансильвании.

С весны 1939 г. Германия приступила к новому этапу экспансии. Объектом агрессии вновь стала Чехословакия. После отторжения Судетской области в этой стране нарастал внутривнутриполитический кризис. Под напором требований националистических партий Словакии и Прикарпатской Руси был принят закон об автономии этих регионов в составе единой республики, переименованной в Чехо-Словакию. Но для пресечения дальнейшей эскалации напряженности в Словакии было введено военное положение. Это дало повод Гитлеру объявить Чехо-Словакию очагом «постоянных беспокойств и угрозы европейскому миру». С ведома Германии словацкий сейм провозгласил образование независимого Словацкого государства, которое 18 марта было «взято под охрану» Рейхом. На территорию Чехии также вошли германские войска. Вскоре Богемия и Моравия стали германским протекторатом.

22 марта 1939 г. Германия под угрозой военного вторжения добилась подписания договора с Литвой о передаче Рейху Клайпеды. С каждым месяцем усиливался дипломатический нажим на Польшу. От Варшавы требовали передачи Германии Данцига и создания путей сообщения с Пруссией через польскую территорию. В апреле 1939 г. Гитлером был денонсирован польско-германский договор о ненападении. Одновременно Германия расторгла и договор с Великобританией о морских вооружениях, а Италия начала военную оккупацию Албании. 22 мая германо-итальянский блок был скреплен новым союзным договором, получившим название Стальной пакт. Он содержал обязательства сторон о взаимопомощи и союзе в случае военных действий с любой третьей страной, договоренности о широком сотрудничестве в военной и экономической сферах.

В условиях резкого обострения международной обстановки в 1939 г. Великобритания и Франция предприняли шаги по укреплению европейской системы безопасности. В марте-апреле 1939 г. эти страны предоставили гарантии независимости Польше, Греции, Румынии и Турции. Активизировались и дипломатические контакты с СССР. Советское руководство еще в марте 1939 г. выдвинуло предложение о созыве трехстороннего международного совещания. На протяжении последующих месяцев между правительствами СССР, Франции и Великобритании происходили дипломатические консультации по поводу зак-

лючения договора о взаимопомощи. С конца июня этот вопрос стал предметом обсуждения на переговорах в Москве. Однако представители западных держав не проявляли особой активности. Причина заключалась в том, что Великобритания и Франция очень настороженно относились к возможности заключения любого договора, позволяющего СССР усилить свое военно-политическое влияние в Европе. Британский министр иностранных дел лорд Галифакс охарактеризовал свои действия следующим образом: «Наша главная цель заключается в том, чтобы предотвратить установление Россией каких-либо связей с Германией». Лишь начало советско-германских торговых переговоров в конце июля 1939 г. заставило Великобританию и Францию перейти к обсуждению вопроса о военном сотрудничестве. Но советское правительство уже начало менять свою стратегию.

Еще менее конструктивную позицию заняла Польша. Не участвуя в московских переговорах, польское правительство оказалось одной из наиболее заинтересованных сторон. Именно через ее территорию в случае начала военных действий в Европе могли передислоцироваться советские войска. Без поддержки Польши любая военная конвенция СССР с Францией и Великобританией не имела практического смысла. Однако польское правительство отнюдь не торопилось с принятием внешней помощи. Немало польских политиков рассчитывало на урегулирование отношений с Германией и было готово принять участие в войне против СССР. Вплоть до начала 1939 г. германская дипломатия искусно подогревала такие настроения. Резкий поворот германской политики и выдвижение ультимативных территориальных претензий стало для польского правительства неожиданностью. Однако изменить политический курс поляки вовремя не сумели. В схожей ситуации оказалась и Румыния.

Двойственная политика западных держав и открыто недружественная позиция восточноевропейских стран заставила советское правительство пойти на активизацию контактов с Германией. Основной целью становилось уже не предупреждение войны в Европе, а избежание угрозы складывания широкой антисоветской коалиции. Германская дипломатия также демонстрировала готовность к нормализации отношений с СССР. Выбирая цель для первой полномасштабной военной кампании, Гитлер стремился избежать прямого столкновения с великими державами. В том, что руководство Великобритании и Франции не способно перейти к активным военным мерам он был уверен. Поэтому главной задачей в ходе дипломатической подготовки войны стало сближение с СССР. 7 июля 1939 г. советскому правительству было передано предложение Германии предоставить СССР кредит в размере 200 млн марок для размещения в Германии советских заказов. В июле-августе в ходе советско-германских торговых переговоров обе стороны начали зондаж позиций друг друга по широкому спектру вопросов. Германия давала косвенные свидетельства своей готовности заключить договор о ненападении и даже согласовать принципы политики в отношении восточноевропейского региона. На позицию СССР повлиял не только фактический срыв переговоров с Великобританией и Францией, но и возникновение нового военного конфликта на Дальнем Востоке. В мае 1939 г. японские войска начали агрессию против Монголии. В ходе ожесточенных боев у реки Халхин-Гол советской армии удалось разгро-

мать противника. Но боевые действия продолжались на протяжении всего лета 1939 г. и завершились лишь в последних числах августа. Получив в такой ситуации официальное предложение Германии о заключении договора о ненападении, советское правительство ответило согласием.

Советско-германский пакт о ненападении был подписан 23 августа 1939 г. Обе стороны договаривались воздерживаться от нападения в отношении друг друга и не поддерживать ни одну из третьих стран, в случае нападения ее на участника пакта. Все конфликты и споры между собой стороны обязывались решать мирным путем в ходе переговоров и консультаций. Кроме того, был подписан и секретный дополнительный протокол, согласно которому «в случае территориальных и политических преобразований» в Восточной Европе обе стороны соглашались рассматривать северную границу Литвы, линию рек Нарев, Висла и Сан на территории Польши, западную границу Бессарабии как линию раздела сфер их влияния. Тот же протокол устанавливал, что «вопрос о желательности сохранения независимого Польского государства будет решен окончательно лишь ходом будущих политических событий». Таким образом, не имея возможности остановить германскую агрессию против Польши, СССР фактически санкционировал ее. Переход от политики создания системы коллективной безопасности к оформлению собственной сферы влияния в Восточной Европе и в будущем — к открытой территориальной экспансии свидетельствовал о коренном изменении внешнеполитической стратегии СССР. Глобальная война за передел политической карты мира стала неизбежной.

Глава 10

Вторая мировая война

Начало Второй мировой войны. Военные кампании и политический передел Европы в 1939–1940 гг. Основу коалиции, развязавшей Вторую мировую войну, составили Германия, Италия и Япония. Каждая из этих стран преследовала вполне определенные геополитические цели. Германия еще в предвоенные годы почти полностью решила задачи по ревизии Версальской системы. На пути к объединению немецкой нации стояла лишь Польша. Но первые успехи позволили нацистам рассчитывать и на дальнейшую территориальную экспансию в Европе. Италия стремилась к закреплению своего военно-политического и экономического преобладания на Балканах и в Северо-Восточной Африке. Политика Японии была ориентирована на территориальную экспансию в Тихоокеанском регионе и на Дальнем Востоке. При этом Германия и Италия были заинтересованы в складывании достаточно широкого военно-политического блока, способного бросить вызов военной мощи демократических стран и СССР, тогда как Япония нуждалась скорее в стратегических партнерах, способных блокировать вмешательство европейских стран в зоне Тихого океана.

Помимо конкретных территориальных притязаний все страны гитлеровского блока были ориентированы на радикальную перестройку мирового политического пространства, создание «нового порядка». Правда, для Италии и Японии эта идея имела весьма декларативный характер. А вот нацисты видели высший смысл в самой «тотальной войне» — в ее горниле должен был родиться «сверхчеловек», хозяин нового мира, основанного на расовой иерархии.

Агрессивному блоку противостояли государства, заинтересованные в сохранении статус-кво в системе международных отношений — Франция, Великобритания, США. Готовые на определенные уступки странам, поставившим от неравноправных договоров Версальский системы, они не могли допустить коренной перестройки политической карты мира. Помимо защиты своего экономического и геополитического преобладания эти державы выступали за уничтожение любых диктаторских режимов, утверждение принципов либеральной демократии как основополагающих для цивилизационного развития человечества.

Определенной двойственностью отличалась позиция СССР. С одной стороны, Советский Союз был заинтересован в создании системы коллективной безопасности, позволявшей блокировать потенциальную угрозу капиталистического окружения. Поэтому в предвоенные годы он последовательно выступал против нацистской и фашистской агрессии. Но с началом глобального конфликта СССР получил возможность гибкого выбора стратегической линии, в том числе участия в перделе сфер влияния в Восточной Европе. В перспективе это открывало путь к распространению коммунизма за пределы СССР.

Таким образом, помимо прямого военного и геополитического соперничества ведущих мировых держав Вторая мировая война была рождена острым идеологическим конфликтом. Победа любой из трех сторон – нацизма, коммунизма или либеральной демократии, открывала путь к радикальной перестройке мировой политической системы.

В преддверие войны странам гитлеровской коалиции удалось в целом завершить мобилизацию ресурсов. Японская армия достигла в 1939 г. 1,2 млн чел. Отличительной чертой японских вооруженных сил была высокая степень подготовки личного состава, тщательно разработанная стратегия поэтапного наступления на огромном пространстве Тихоокеанского региона. Степень готовности итальянской армии к ведению крупномасштабных боевых действий была меньшей, несмотря на значительную численность личного состава (1,7 млн чел.). Приоритетное значение придавалось развитию военно-воздушных и военно-морских сил. Военная доктрина Италии была ориентирована на ведение локальных операций в Северо-Восточной Африке и на Балканах. Несмотря на ограничения, введенные Версальским договором, вполне боеспособную армию удалось создать и нацистам. В 1939 г. в ее составе находилось 2,8 млн чел. На вооружение начинали поступать самые современные виды техники. Но, в целом, техническое обеспечение вермахта пока оставалось на низком уровне. Не удалось завершить и программу создания мощного ВМФ. Сильной стороной германской армии была новаторская тактика ведения боевых действий. Ее основу составили планы «блицкрига» («молниеносной войны») – внезапного стремительного нападения при тесном взаимодействии всех родов войск, усиленной бомбардировке городов и коммуникаций в первые же дни войны, широким использованием диверсионных групп и десантных подразделений в тылу противника, с концентрированными танковыми ударами, окружением и уничтожением крупных соединений противника. В сочетании с тщательной разработкой оперативно-стратегических планов каждой кампании, высоким профессионализмом офицерского корпуса, высоким уровнем морально-психологической подготовки личного состава и быстрым наращиванием военного производства вермахт получал шанс эффективно вести военные действия на широкой территории, в том числе и на два фронта.

Пассивная внешнеполитическая стратегия Великобритании и Франции в предвоенные годы не позволила этим странам провести полную мобилизацию военных ресурсов накануне войны. Численность французской армии была доведена к августу 1939 г. до 2,4 млн чел., британской – 1 млн чел. (1,3 млн чел. с учетом военных контингентов из доминионов). Обе страны обладали достаточно мощной военно-технической базой. Британский флот

имел бесспорное преимущество при ведении боевых действий в Атлантике, а вместе с французским ВМФ мог полностью контролировать Средиземное море. Однако вооруженные силы Великобритании и Франции не были подготовлены к ведению активных маневренных операций на европейском театре. Военная доктрина обеих стран исходила из традиционной стратегии «окопной войны» – позиционных боевых действий с использованием протяженных укрепленных линий. Французское командование придавало ключевое значение пограничной оборонительной линии «Мажино», а британское – защите морских коммуникаций, а также воздушной обороне метрополии.

После подписания советско-германского пакта о ненападении военная агрессия Германии против Польши стала неизбежной. Вермахту противостояли 33 польские дивизии, обладавшие устаревшим вооружением, к тому же рассредоточенные вдоль северных и западных границ для ведения оборонительных боев. После провокационного захвата радиостанции в Глейвице группой переодетых в польскую форму эсэсовцев 1 сентября 1939 г. немецкие войска вторглись на польскую территорию. В тот же день рейхстаг принял закон о присоединении Данцига к Германии. В силу своих гарантийных обязательств перед Польшей Франция и Великобритания 3 сентября объявили войну Германии.

Уже в первые дни войны германские части прорвали польскую оборону. К 7 сентября передовые танковые соединения подошли к предместьям Варшавы. Однако в их тылу все еще продолжалось сопротивление польских частей. Наступление на центральном направлении было приостановлено. Обходя варшавский укрепленный район, немецкие танковые клинья устремились вглубь Польши. К 17 сентября они соединились с севера и юга у Брест-Литовска. В тот же день на территорию Польши с востока вступили соединения советской армии.

Правительство СССР декларировало свою решимость «оказать помощь братским народам Западной Белоруссии и Западной Украины». Польские части, находящиеся на занятых советской армией территориях, сдались почти без сопротивления. Последние очаги сопротивления в западных районах также были вскоре подавлены. 28 сентября, в день капитуляции варшавского гарнизона, состоялось подписание советско-германского договора о дружбе и границах, в соответствии с которым польская государственность ликвидировалась, а ответственность за развязывание войны возлагалась на Великобританию и Францию. В Брест-Литовске был проведен совместный военный парад двух армий, символизирующий оформление новой государственной границы. В состав СССР вошла восточная часть Польши, четверть остальной территории была присоединена к Рейху, а на остальной части немцами было создано «генерал-губернаторство оккупированных областей». Потери польской армии во время кампании составили 66 тыс. чел. убитыми, немецкой – 10 тыс. чел.

30 ноября 1939 г., спровоцировав пограничный инцидент на Карельском перешейке, советские войска вторглись на территорию Финляндии. «Зимняя война», длившаяся до 12 марта 1940 г., завершилась тяжелой победой Красной армии. По условиям мирного договора в состав территории СССР включался Карельский перешеек, северо-западное побережье Ладожского озера, ряд островов в Финском заливе. 11 октября 1940 г. также

было подписано отдельное соглашение о демилитаризации Аландских островов, принадлежащих Финляндии. Все эти меры значительно улучшили стратегическое положение СССР, в том числе обезопасили от внешней угрозы Ленинград. Однако война с Финляндией нанесла большой урон международному престижу СССР. Боееспособность его армии была поставлена под сомнение, а отношения с Великобританией и Францией значительно ухудшились. Эти страны в период конфликта даже планировали открытое вооруженное вмешательство на стороне Финляндии.

Вслед за разделом Польши и победой над Финляндией СССР предпринял шаги по дальнейшему распространению своего влияния в сфере, обозначенной секретными статьями пакта 1939 г. Руководство Эстонии, Латвии и Литвы не обладало информацией о советско-германских договоренностях, но отдавало отчет в подлинном смысле происходивших событий. В сентябре-октябре 1939 г. по инициативе советского правительства начались переговоры «по вопросу о взаимном обеспечении безопасности». Они завершились подписанием договоров о взаимной помощи (28 сентября с Эстонией, 5 октября с Латвией, 10 октября с Литвой). СССР брал на себя обязательство оказывать прибалтийским государствам военно-политическую помощь в случае нападения или угрозы нападения на них. Летом 1940 г. советское правительство поставило вопрос перед своими новыми «союзниками» об удалении из состава их правительств и территории страны лиц, «превратившихся в империалистических агентов», и формировании правительств народного доверия. Приход к власти в прибалтийских государствах просоветских политических сил позволил осуществить их присоединение к СССР без формального нарушения правовых норм. Вновь избранные сеймы провозгласили восстановление советской власти и обратились к Верховному Совету СССР с просьбой принять их страны в состав Советского Союза. Решение об этом было принято на VII сессии Верховного Совета СССР 3–5 августа 1940 г. Тогда же СССР потребовал от Румынии возвращения Бессарабии, а также передачи ему Северной Буковины, где преобладало украинское население. Не имея возможности сопротивляться нажиму со стороны СССР, Румыния выполнила это требование. Бессарабия воссоединилась с Советской Молдавией, которая 2 августа 1940 г. была провозглашена Молдавской Советской Социалистической Республикой.

В те месяцы, когда происходила польская кампания и советско-финская война, на западном фронте царил поразительное спокойствие. Французские журналисты называли этот период «странной войной». Явное нежелание правительственных и военных кругов западных стран обострять конфликт с Германией объяснялся стремлением локализовать войну в Восточной Европе и надеждой на готовность Германии удовлетвориться первыми победами.

Новый удар германской армии был нанесен по Дании и Норвегии. 9 апреля 1940 г. немецкие послы в Копенгагене и Осло предъявили ультиматум с требованием подчиниться «мирной оккупации» для «предотвращения вторжения англо-французских войск». Дания подчинилась без сопротивления. Норвежское правительство рассчитывало на поддержку Великобритании. Однако немецкому флоту удалось буквально на несколько часов опере-

дить минирование английскими кораблями Северного моря и высадить десанты в крупнейших портах Норвегии. Норвежская армия не имела сил для сопротивления, а ответные десантные операции англичан не увенчались успехом. Их последние части были эвакуированы с севера Норвегии к 8 июня. Захват Норвегии значительно укрепил позиции Германии на морских коммуникациях. Однако военно-морские силы Рейха понесли в ходе этой операции тяжелые потери. С этого времени активные боевые действия на море со стороны Германии стали возможны лишь за счет применения подводных лодок. Норвегия же, несмотря на образование прогерманского правительства Квислинга, с первых дней войны стала одним из наиболее активных очагов движения Сопротивления.

10 мая 1940 г. началось наступление немецких войск на западном фронте. Им противостояла мощная группировка французских, английских, а также бельгийских и голландских войск. Французы и англичане рассчитывали сдержать натиск противника на восточной границе Франции с помощью укрепленной линии «Мажино», а свои ударные соединения выдвинуть с началом боевых действий на территорию Бельгии. Первые дни немецкого наступления, казалось бы, подтвердили верность стратегического расчета союзников. Голландские и бельгийские дивизии откатывались под ударами немецких войск. После массовой бомбардировки Роттердама голландская армия капитулировала. Но английские и французские соединения уже заняли позиции по линии Антверпен–Маас, готовясь встретить противника. События получили неожиданное развитие в ночь на 14 мая. Мощнейшая группировка немецких войск (более 1200 танков) нанесла удар в районе горного массива Арденны на границе Люксембурга и Бельгии. Этот клин в считанные часы прорвал оборону союзников у Седана. К 18 мая немцы прорвались к Сомме и начали разворачиваться севернее, сжимая в кольцо у Дюнкерка 350-тысячную группировку англо-французских войск. К 24 мая они уже достигли Булони и Кале. Но в этот момент последовал неожиданный приказ Гитлера остановить наступление. Несколько дней промедления позволили союзникам эвакуировать большую часть дюнкеркской группировки (338 тыс. чел.).

К 5 июня французской армии удалось временно стабилизировать фронт по Сомме, Маасу и линии «Мажино». Но их 65 дивизиям противостояло 124 немецких. 28 мая капитулировали бельгийские войска, а 10 июня в войну вступила Италия. Во французских правительственных кругах царили растерянность и безволие. В течение нескольких дней, с 5 по 15 июня, немецкие войска осуществили три наступательные операции, взламывая оборонительные порядки противника. 10 июня французское правительство переехало из Парижа в город Виши, а 14 июня в столицу без боя вступили немцы. В тот же день южнее Страсбурга была прорвана и линия «Мажино». В окружении оказалось более 400 тыс. французских солдат. 15 июня английские войска были выведены из-под французского командования, и до 18 июня они эвакуировались вместе с французскими и польскими частями с Шербурского полуострова.

22 июня был подписан германо-французский договор о перемирии, по которому 2/3 французской территории подлежали оккупации. Южные департаменты оставались под управлением вишистского правительства Ф.Пе-

тена. Французская армия сокращалась до 100 тыс. чел., передавала вермахту большую часть тяжелых вооружений и флота. 24 июня состоялось подписание перемирия между Францией и Италией. В соответствии с его условиями Италия оккупировала небольшой район у города Ментон на юге Франции, получала вооружение французских частей, сражавшихся на южном фронте. Франция сохраняла контроль над своими колониями в Африке, а французские войска должны были гарантировать там «порядок». Судьба французского флота оказалась трагической. 3 июля англичане предъявили ультиматум кораблям, находящимся в египетских и алжирских бухтах. Из Александрии сдавшиеся французские суда были переведены в Плимут и Портсмут, но в бухте Мерс-эль-Кебир (Алжир) и в порту Дракар (Французская Западная Африка) английский ультиматум был отклонен и французские суда были расстреляны. В ответ 5 июля правительство Петена объявило о разрыве отношений с Великобританией.

После разгрома Франции Гитлер поставил перед люфтваффе (военно-воздушными силами, возглавляемыми Г.Герингом) задачу бомбардировками вынудить англичан признать поражение. С августа по октябрь 1940 г. разгорелась «битва за Англию» — одно из крупнейших воздушных сражений Второй мировой войны. Бои шли с переменным успехом. В начале сентября положение англичан стало критическим из-за массированных атак на аэродромы и объекты ПВО. Но 7 сентября немецкое командование перенесло удары на гражданские объекты. Английские города подверглись огромным разрушениям. Военная же эффективность таких бомбардировок была невелика. Понеся большие потери, немецкая авиация перешла в ноябре к «налетам устрашения» на небольшие незащищенные городки. «Битва за Англию» завершилась. Потери люфтваффе составили 1733 самолета, а королевских военно-воздушных сил — 915.

Вторая половина 1940 г. стала решающим временем для определения расстановки сил на европейском континенте. В состав Рейха уже вошли Судетенланд (Судетская область Чехословакии), гау Данциг-Западная Пруссия и Померания (северо-западные районы Польши), Альпийский и Дунайский имперские округа (территория Австрии). Особый статус имперских протекторатов получили Богемия и Моравия (бывшая Чехия) и Дания, что означало ликвидацию всех конституционных институтов и переход этих районов под власть немецкой военной администрации. В Нидерландах и Люксембурге, население которых было причислено к «кровнородственным германским народам», была создана немецкая «гражданская» администрация. Под немецким военным управлением оказалась вся северная часть Франции (при этом Эльзас, Лотарингия и атлантическое побережье были объявлены закрытой «запретной зоной») и юго-западная часть Польши («генерал-губернаторство оккупированных польских областей»). Формальную независимость сохранили южные районы Франции, Норвегия, Словакия. Но сформировавшиеся здесь режимы Петена, Квислинга и Тисо политически были полностью подчинены Рейху. В перспективе германское руководство рассчитывало и на союз с Финляндией, где после поражения в войне с СССР были сильны реваншистские настроения. Фашистские режимы Испании и Португалии сохраняли нейтралитет, хотя оставались достаточно лояльны к Рейху.

Подлинный нейтралитет в Европе сохранили лишь Швейцария и Швеция. Захватить их немецкой армии не составляло труда уже в 1940 г. Но нейтральный статус этих стран в определенном смысле устраивал все враждующие стороны. Швейцария и Швеция стали своеобразной «свободной зоной» для финансовых операций различного рода, действия международных посреднических организаций, важным элементом в развертывании разведывательных и агентурных структур воюющих стран. В швейцарских банках нацисты сохранили значительную часть «денег партии» — специальных финансовых фондов НСДАП и СС. Швеция являлась поставщиком сырья для немецкой промышленности.

Стратегическими союзниками Германии в Европе оставались Италия и Венгрия. Завершив оккупацию Албании в 1939 г. и приняв участие в скоротечной французской кампании, итальянская армия 28 октября 1940 г. вторглась в Грецию. При помощи английских соединений греческая армия отразила наступление и даже вступила на территорию Албании. Англичане создали мощную военную базу на острове Крит. В этой ситуации многое зависело от позиции правительственных кругов стран Юго-Восточной Европы, которые весьма настороженно относились к немецкой экспансии. Пытаясь усилить свое влияние на Венгрию, Германия организовала в августе 1940 г. еще один раунд «Венского арбитража». По его решению в состав Венгрии была передана северная и северо-восточная часть Трансильвании. Одновременно германское руководство начало подготовку агрессии против Румынии. Однако в ноябре 1940 г. в Бухаресте произошел государственный переворот и к власти пришел прогерманский режим Антонеску. Вскоре сателлитом Рейха стала и Болгария. Но, присоединившись к германскому блоку, она сумела сохранить определенную самостоятельность. Впоследствии, с началом советско-германской войны, на территорию Болгарии были введены немецкие войска, но они не выполняли оккупационных функций.

27 октября 1940 г. представителями Германии, Италии и Японии был подписан Тройственный пакт о политическом и военно-экономическом союзе. Сложилась стратегическая «ось Берлин-Рим-Токио». В преамбуле договора участники выразили стремление к сотрудничеству в целях установления «нового порядка» в Европе и Азии и распространения его на другие регионы мира. При этом указывалось, что Япония «признает и уважает руководящую роль Германии и Италии в создании нового порядка в Европе», а Германия и Италия «признают и уважают руководящую роль Японии в создании нового порядка в великом восточно-азиатском пространстве». Участники договора обязались оказывать поддержку всеми политическими, военными и экономическими средствами в случае нападения любой иной державы. Договор носил открытый характер. Уже в ноябре 1940 г. к нему присоединились Венгрия, Румыния, Словакия, впоследствии — Болгария, Финляндия, Испания, Маньчжоу-Го. Решающее значение для дальнейшего развития событий приобретали советско-германские отношения.

К осени 1940 г. советско-германский договор о дружбе и сотрудничестве формально еще действовал, но его потенциал был уже исчерпан. Раздел Восточной Европы на сферы влияния позволил СССР беспрепятственно включить в свой состав Западную Белоруссию и Западную Украину, Литву,

Латвию и Эстонию, часть румынских территорий (Бессарабию и Северную Буковину), с помощью военных мер добиться территориальных уступок Финляндии. Германия, используя договор с СССР, провела первые и наиболее важные кампании в Европе, избежав распыления сил на два фронта. Теперь предстояло сделать выбор между дальнейшим военно-политическим сближением двух держав или их открытым столкновением.

Переломным моментом стали советско-германские переговоры в ноябре 1940 г. в Берлине с участием Молотова и Гитлера. На них Советскому Союзу было предложено вступить в Тройственный пакт. Текст новой редакции пакта, предложенный немецкой стороной, был дополнен двумя секретными протоколами, предполагающими, что интересы Германии распространяются на Европу и Центральную Африку, Италии – также на Европу и Северную и Северо-Восточную Африку, Японии – на районы Восточной Азии к югу от Японской империи, Советского Союза – в направлении Индийского океана. Четыре державы должны были взять на себя обязательства уважать территориальные интересы друг друга, а также вовлечь Турцию в политическое сотрудничество, изменить существующую конвенцию о средиземноморских проливах и предоставить СССР неограниченное право прохода через проливы в любое время. Тем самым руководство Германии рассчитывало не только включить СССР в систему геополитического раздела мира, но и направить советскую экспансию в Восточную Азию и Средний Восток, где сталкивались интересы СССР и Британской империи.

Советское правительство выразило готовность принять проект пакта четырех держав при условии вывода немецких войск из Финляндии и Румынии, заключения пакта о взаимопомощи между Советским Союзом и Болгарией, признания территориальных устремлений СССР южнее Батуми и Баку в направлении Персидского залива, предоставления СССР морских и сухопутных баз в районе Босфора и Дарданелл, отказа Японии от угольных и нефтяных концессий на Северном Сахалине. Для Берлина подобные предложения оказались неприемлемы – они разрушали образовавшуюся зону влияния Германии в Восточной Европе и обеспечивали СССР стратегическое преимущество в случае прямого военного столкновения с Рейхом. Переговоры зашли в тупик и более не возобновлялись. Война на восточном фронте стала неизбежной, но первоочередной целью Германии оставалось окончательное закрепление своего влияния в Юго-Восточной Европе.

Основные театры военных действий в 1941 г. Складывание антигитлеровской коалиции. Весной 1941 г. начались решающие события на Балканском полуострове. В марте правительство Югославии подписало пакт о союзе с Германией. Однако патристически настроенное командование югославской армии осуществило государственный переворот. 6 марта был заключен советско-югославский договор о дружбе и сотрудничестве, и в тот же день началось вторжение на территорию Югославии немецких, венгерских и итальянских войск. Глава хорватских националистов-установ С. Кватерник объявил о создании «независимого государства Хорватии», а лидер Словении М. Натлачен обратился к армии с призывом прекратить сопротивление. Уже 13 апреля немецкие части вступили в Белград. 17 апреля был подписан акт о

капитуляции югославской армии. Огромный перевес в силах позволил вермахту в течение четырех дней разгромить греческую группировку в Восточной Македонии. С 10 апреля греческие и английские части начали отступление на Пелопонесский полуостров, откуда были эвакуированы. 27 апреля немецкие войска вступили в Афины. Территория Балканского полуострова, помимо Хорватии, была разделена на оккупационные зоны стран германского блока, а Албания окончательно аннексирована Италией (формально – на основе «личной унии» главы итальянского государства). Балканская кампания завершилась сражением за остров Крит – крупнейшей воздушно-десантной операцией Второй мировой войны. 20 мая 1941 г. на острове начали высаживаться немецкие десантники. В ходе боев, продолжавшихся лишь 11 дней, англичане потеряли убитыми и ранеными более 17 тыс. чел., пленными – более 11 тыс. чел.; немцы – 5 тыс. чел., но при этом был уничтожен почти весь личный состав единственной воздушно-десантной дивизии вермахта.

После потери Крита осложнилось положение английских войск в Африке. Военные действия на этом театре начались еще во второй половине 1940 г. В Абиссинии, Эритрее, Итальянском Сомали, а также Триполитании и Киренаике сосредоточилась 350-тысячная итальянская группировка. Ей противостояло 100 тыс. английских солдат, размещенных в гарнизонах от Палестины до Кении. Используя свое превосходство, итальянцы в августе 1940 г. нанесли поражение противнику в Британском Сомали, а в сентябре развернули наступление на ливийско-египетской границе. Англичанам удалось организовать контрнаступление и в январе 1941 г. захватить мощную крепость Тобрук на побережье Киренаики. Итальянцев спасла лишь переброска в Северную Африку немецкого танкового корпуса генерала Роммеля. В феврале-марте 1941 г. началось общее наступление англичан в Кении, Судане, Эритрее, Абиссинии. Итальянская группировка была разгромлена. Но корпус Роммеля продолжал активные действия и после окончания критской кампании начал получать значительные подкрепления. Английские войска были вынуждены отступить летом 1941 г. к границе Египта.

Компенсируя потерю стратегической инициативы в Северной Африке, англичане в июне 1941 г. вторглись в Сирию и Ливан (подмандатные территории Франции). В Ираке при поддержке английской агентуры произошло восстание против прогерманского правительства. А в августе советские и английские войска вошли в Иран, поделив страну на две оккупационные зоны. С осени 1941 г. возобновились боевые действия и в Северной Африке. Несмотря на большие потери с обеих сторон, они не изменили положение дел. К концу года фронт стабилизировался на границе Триполитании и Киренаики.

Получив полный контроль над Западным Средиземноморьем, Германия и Италия смогли активизировать свои действия на морских коммуникациях Атлантики и Арктики. Блокада Британских островов была основной стратегической задачей германского ВМФ. Уже с августа 1940 г. началась «тотальная морская война». Великобритания была объявлена осажденной крепостью, а морское пространство вокруг Британских островов – зоной боевых действий, что предполагало отказ от соблюдения норм международного морского права. Весной 1941 г. в свой единственный поход вышел линкор «Бисмарк» (крупнейший военный корабль своего времени, поскольку

ку в связи с решениями Вашингтонской конференции суда подобного класса не строились ни в США, ни в Великобритании). Он был вынужден вступить в единоборство едва ли не с половиной атлантического флота Великобритании. Ценой больших потерь англичанам удалось уничтожить эту морскую крепость. С июня 1941 г. ключевую роль в военных действиях в Атлантике начали играть подводные лодки. Основной зоной их действий стала «дыра в Атлантике» — регион на юго-восток от Гренландии, где защита конвоев силами береговой авиации была затруднена. Германский надводный флот был преимущественно передислоцирован в Арктику. Здесь немцам удалось разгромить несколько крупных конвоев, направляющихся в Мурманск и Архангельск. Лишь после того, как в сентябре 1943 г. ударным группировкам британского флота удалось потопить линкор «Шарнхорст» и серьезно повредить линкор «Гирпиц», арктические коммуникации стали относительно безопасны.

На фоне активизации боевых действий на Балканах, в Северной Африке и на Ближнем Востоке происходила подготовка Германии к агрессии против СССР. К середине июня 1941 г. общая численность ее войск составляла уже 4,6 млн чел. На восточном фронте было сосредоточено 83 % личного состава, 4300 танков и штурмовых орудий, около 5 тыс. самолетов, свыше 47 тыс. орудий и минометов (что составляло до 90 % всех танковых соединений, 3/4 артиллерии, до 70 % авиации). На стороне немецкой армии был бесценный опыт первых кампаний в Европе. Стратегический план кампании («Барбаросса») был разработан на основе уже освоенных тактических принципов «блицкрига». Советский Союз был готов к войне в меньшей степени. Нет оснований говорить о нехватке времени или неожиданности войны — неизбежность столкновения с Рейхом стала очевидной уже после провала берлинских переговоров осенью 1940 г. На пределе своих возможностей работала и вся мобилизационная система. К лету 1941 г. численность армии была доведена до 5 млн чел. Непосредственно в приграничной зоне было сконцентрировано 2,7 млн чел. личного состава, 38 тыс. орудий, более 10 тыс. танков. Но большая часть этой техники не отвечала требованиям ведения современного боя. Не было и внятного стратегического плана на кампанию. Советская военная доктрина опиралась на идею «быстрой войны на чужой территории малой кровью», не подкрепленную готовностью к ведению маневренных боевых действий. Ход боев в Финляндии показал, что командный состав ориентируется на устаревшие тактические схемы, плохо организовано взаимодействие родов войск, а проведение наступательных операций по-прежнему ассоциируется с массированным использованием живой силы, а не механизированных соединений. Исходя из устаревшей стратегии фронтальных сражений, советское командование направляло мобилизационные ресурсы прежде всего на усиление группировок, сосредоточенных в «укрепленных районах» на всем протяжении границы (особенно с учетом того, что после присоединения в 1939–1940 гг. новых территорий западная граница отодвинулась на 300 км). Перспектива же прорыва противника на стратегическую глубину и ведения маневренной войны практически не рассматривалась.

22 июня немецкая армия начала наступление по всему фронту от Черного до Балтийского моря, захватив полную стратегическую и тактическую инициативу. Несмотря на ожесточенный характер приграничных сражений, фронт начал быстро откатываться на восток. Немцы завоевали господство в воздухе и нанесли огромные потери советским танковым частям. Их танковые клинья совершали глубокие прорывы, оставляя в окружении большие соединения противника. Уже к середине июля немецкие войска продвинулись на 350–600 км, захватив Латвию, Литву, часть Эстонии, Белоруссию, значительную часть Украины и частично Молдавию. В ходе этих боев советские войска потеряли около миллиона солдат и офицеров, из них 724 тыс. попали в плен. Немецкие войска потеряли свыше 90 тыс. человек убитыми и ранеными.

Развивая стратегическое наступление, немецкие войска 19 сентября заняли Киев и начали продвижение по Левобережной Украине и вглубь Крымского полуострова. 8 сентября сомкнулось кольцо блокады вокруг Ленинграда. В войну против СССР вступила Финляндия. В начале осени началось новое крупномасштабное наступление на московском направлении. 3 октября был захвачен Орел. После окружения под Вязьмой крупной советской группировки, немцы прорвались к Калинин, а к 16–20 октября вышли на линию Калинин–Волоколамск–Можайск–Серпухов–Наро-Фоминск. Ценой колоссальных усилий советским войскам удалось остановить этот вал к началу ноября, а 5 декабря перейти в контрнаступление. В середине января 1942 г. началась вторая фаза Московской операции. Противник был отеснен в направлении Ржева и Вязьмы. К апрелю 1942 г. положение на советско-германском фронте стабилизировалось.

Столкновение между Германией и СССР радикально изменило политическую ситуацию в мире. Уже 22 июня 1941 г. глава британского правительства У. Черчилль и президент США Ф. Рузвельт заявили, что они готовы оказать всю возможную помощь Советскому Союзу в отражении германской агрессии. 12 июля между Великобританией и Советским Союзом было заключено соглашение о взаимной помощи и поддержке. Тем самым было положено начало формированию антигитлеровской коалиции. В августе 1941 г. в бухте Арджентия у берегов Ньюфаундленда произошла первая встреча У. Черчилля и Ф. Рузвельта. На ней была принята Атлантическая хартия о совместных целях в борьбе против диктаторских режимов. Осенью 1941 г. в ходе трехсторонних переговоров в Москве было достигнуто соглашение об американских военных поставках Великобритании и Советскому Союзу (на основании закона о ленд-лизе — передаче взаймы или в аренду оружия и военных материалов, принятого конгрессом США в марте 1941 г.). В декабре 1941 г. британское правительство приняло решение об объявлении войны сателлитам Германии, участвовавшим в войне против СССР.

Окончательно предпосылки для оформления широкой антигитлеровской коалиции сложились после вовлечения США в полномасштабные военные действия на Тихом океане. Япония уже с 1940 г. предпринимала шаги по укреплению своего влияния в странах Юго-Восточной Азии. В июне был заключен договор о дружбе с Таиландом, в сентябре по договору с правительством Петена японские войска взяли под контроль Французский Индо-

китай. Росло влияние Японии на островах Голландской Индии (Борнео, Суматра, Ява). Подготовка к военным действиям против США вступила в решающую фазу после заключения 13 апреля 1941 г. договора о ненападении с СССР. Японский ВМФ уступал американскому по численности кораблей почти всех классов. Но на его стороне была тактическая внезапность.

7 декабря 1941 г. японская палубная авиация подвергла неожиданной бомбардировке американскую военно-морскую базу в Пёрл-Харборе на Гавайских островах. Было потоплено или сильно повреждено 6 американских линкоров, 1 крейсер, уничтожено 300 самолетов. Японцы потеряли 28 самолетов. На следующий день была подавлена американская авиация на филиппинских аэродромах, а 10 декабря при подходе к военно-морской базе в Сингапуре японская авиация уничтожила крупнейшие корабли британского «восточного флота». 8 декабря 1941 г. США официально объявили войну Японии, а 11 декабря Германия и Италия объявили войну США.

К началу 1942 г. японской армии удалось захватить Таиланд и Бирму, уничтожить военно-морские базы противника на Филиппинских островах и в Гонконге, на островах Гуам и Уэйк в центральной зоне Тихого океана. Сокрушительная победа в первом крупном морском сражении в Яванском море 27–28 февраля принесла Японии контроль над нефтеносными районами Голландской Индии. Весной 1942 г. японские вооруженные силы начали боевые действия в западной части Индийского океана и на подступах к линии внешней обороны Австралии. Но японский флот был остановлен здесь соединениями английского и американского ВМФ.

Первая после начала военных действий на Тихом океане встреча Рузвельта и Черчилля произошла в Вашингтоне в январе 1942 г. На ней была согласована стратегия обеих стран в ведении боевых действий в Тихоокеанской зоне, а также планы десантной операции в Северной Африке. По инициативе англо-американской дипломатии представители 26 стран, в том числе СССР, Китая, Чехословакии, Польши, Югославии, британских доминионов, подписали Декларацию Объединенных наций. Они обязывались использовать все свои ресурсы для борьбы против гитлеровского блока, отказаться от заключения отдельных мирных договоров, поддерживать принципы послевоенного устройства, закрепленные в Атлантической хартии. Мировая война вступала в решающую фазу.

Коренной перелом в ходе Второй мировой войны. От исхода кампании 1942 г. во многом зависел общий итог мировой войны. К этому времени в активные боевые действия втянулись все ведущие страны мира и их союзники. Окончательно оформились противостоящие коалиции. Гитлеровский блок постепенно начал утрачивать стратегическую инициативу. Ограниченной была и его ресурсная база. Стремясь внести перелом в развитие событий, нацистский режим предпринял беспрецедентные мобилизационные усилия – ввод всеобщей регламентации производства, трудовой повинности всего взрослого населения, карточной системы потребления. Все это позволило к весне 1942 г. только на восточном фронте сконцентрировать 6,2 млн чел., 57 тыс. орудий, более 3 тыс. танков, около 4 тыс. самолетов. Методы тотальной мобилизации ресурсов использовались и в СССР. Не-

смотря на гяжелейшие последствия оккупации почти всей европейской части страны, советскому правительству удалось к 1942 г. воссоздать военно-промышленный комплекс и наладить производство современного вооружения. Регулярными стали поставки союзников по ленд-лизу. Уже к началу кампании Красная армия имела 5,1 млн чел., почти 4 тыс. танков, 45 тыс. орудий, более 2 тыс. самолетов. Таким образом, на советско-германском фронте сосредоточились две мощнейшие армии, противостояние которых определяло судьбы мира.

Попытки советского командования развернуть наступательные операции в мае 1942 г. по деблокадированию Ленинграда и Севастополя, освобождению Крыма и Донбасса оказались неудачны. Красная армия понесла тяжелейшие потери, особенно в ходе Харьковской операции. К июню вермахт перешел в стратегическое наступление в направлении Ростова-на-Дону, Сталинграда и Кавказа, с конца июля – на краснодарском и майкопском направлениях. 5 августа был захвачен Ставрополь, 12 августа – Краснодар. К концу августа танковая армия Клейста форсировала Терек, но на подходах к Грозному и Орджоникидзе советские войска создали плотную оборону. Пытаясь прорваться в Закавказье в обход Кавказского хребта, немцы развили наступление на Таманском полуострове. Заняв 10 сентября Новороссийск, немецкие части начали продвижение по побережью в сторону Туапсе. Навстречу им через северо-западные отроги Кавказского хребта пробивались горные стрелки. Однако соединиться у Туапсе этим войскам так и не удалось.

После провала стратегического наступления вермахта на кавказском направлении ключевым стало сталинградское направление. Уже в середине июля армии Паулюса удалось прорваться к правому берегу Дона. Отступление советских войск принимало неуправляемый характер. В этой ситуации советской Верховной Ставкой был издан приказ № 227, суть которого заключалась в двух фразах. «Ни шагу назад!» и «Паникеры и трусы должны истребляться на месте». На фронте появились «заградительные отряды» НКВД, получившие приказ отрывать огонь по отступающим частям. Ценою огромных жертв и колоссального напряжения всех сил немецкое наступление удалось замедлить. В первой половине августа бои проходили еще на левом берегу Дона, во второй половине месяце – на дальних подступах к Волге, а с начала сентября развернулись уже непосредственно в городской черте Сталинграда. Удерживая узкую полосу земли перед Волгой, советским войскам удалось стянуть к городу всю ударную группировку противника. В это же время за Волгой происходило формирование мощной группировки для проведения контрнаступления.

Контрнаступление под Сталинградом началось 19 ноября и к 30 ноября завершилось окружением всей армии Паулюса. Это было самое крупное поражение вермахта за истекший период Второй мировой войны. За 200 дней Сталинградской битвы немецкие войска и их союзники потеряли убитыми, ранеными и пленными до 1,5 млн чел. Тяжесть разгрома усугублялась успехами Красной армии на других участках. В январе-феврале 1943 г. перешли в наступление войска Закавказского фронта. После освобождения 22 января Сальска была образована единая линия стратегического наступления в Ростовской и Ставропольской областях. На центральном участке фронта было предпринято наступление против орловской группировки противника, осво-

бождены Курск, Белгород, Харьков. Но для закрепления на этом рубеже уже не хватило сил. Немцам удалось в ходе контрнаступления вновь занять Харьков и Белгород. На центральном участке фронта образовался выступ – «Курская дуга», занятая советскими войсками, но окруженная с трех сторон немцами. В преддверие летней кампании 1943 г. именно здесь началось сосредоточение ударных группировок обеих сторон.

Предполагая возможность стратегической операции противника в районе Курской дуги, советское командование осознанно отдало инициативу и подготовилось к ответному наступлению. Курская битва началась 5 июля. За шесть дней непрерывных атак, потеряв 42 тыс. чел. и 800 танков, немцам удалось лишь вклиниться в оборону в полосе до 10 км, а в глубину – до 12 км. Истощив свои силы, они были вынуждены прекратить наступление и перейти к обороне. Последним усилием стал прорыв танковой армии Гота, усиленной новейшими тяжелыми танками «Тигр». В районе Прохоровки сосредоточилась колоссальная масса танков – около 1200 с обеих сторон. 12 июля состоялось грандиозное встречное сражение, не имеющее аналогов в военной истории. Обе стороны понесли огромные потери – до 400 танков каждая. 13 июля советские войска перешли в контрнаступление. Орловская операция завершилась к 18 августа. 23 августа был освобожден Харьков. Развивая успех, советские войска во второй половине сентября перешли в общее наступление и на протяжении 700-километрового участка вышли к Днепру. После тщательной подготовки была проведена операция по форсированию этой крупной реки и освобождению Киева. 25 октября был освобожден Днепропетровск. Наступление на самом южном крыле фронта позволило еще 16 сентября освободить Новороссийск, а затем разгромить всю танковую группировку противника.

Несмотря на поражения на восточном фронте, немецкое командование пыталось не упустить инициативу на других театрах военных действий. Для того чтобы полностью прекратить поставки вооружений и продовольствия на Британские острова, с января 1942 г. немцы перешли к тактике «тотальной подводной войны» в Атлантике. Перед подводниками была поставлена задача уничтожать судов больше, чем могли бы строить верфи противника. Почти год коммуникации Атлантики были скованы их действиями. Использование «дожных коров» (больших танкерных подводных лодок) позволило перенести боевые действия и к берегам Америки. Но с весны 1943 г. техническое усовершенствование противолодочной защиты и усиление военного эскорта позволили резко уменьшить потери американских и английских торговых судов. Немцы же начали терять все больше лодок. «Битва за Атлантику» завершилась.

Активность немецких подводных лодок в Средиземном море позволила к началу 1942 г. восстановить снабжение итапо-немецких войск в Триполитании. 21 января корпус Роммеля предпринял наступление в обход прибрежной полосы укреплений противника и вынудил англичан начать отступление к границе Египта. 20–21 июня немцам удалось «с ходу» захватить крепость Тобрук. Лишь в июле они были остановлены на укрепленной линии у Эль-Аламейна в 100 км от Александрии. К осени 1942 г. соотношение сил на африканском театре изменилось. Англичане усилили свою группировку в Египте, возглавленную генералом Монтгомери. 23 октября эти войска пере-

шли в наступление в районе Эль-Аламейна. Неся тяжелые потери, они вынудили противника к отступлению и планомерно начали продвигаться по прибрежной зоне. 8 ноября началась десантная операция англо-американских войск под командованием генерала Эйзенхауэра в Алжире. Им противостояла 200-тысячная группировка французских войск, верных правительству Петена. Серьезного сопротивления эти войска не оказали. Немецкие и итальянские соединения начали отступление на территорию Туниса и заняли укрепленную линию «Марет». Понимая, что противник накапливает силы для решающего удара, Роммель предпринял в феврале 1943 г. последнюю попытку переломить ход событий. Его танковые части прорвали боевые порядки американцев и в течение 10 дней громили их тылы. Однако соотношение сил было слишком неравным. В марте последние атаки немцев были отбиты, а затем в течение полутора месяцев их тунисская группировка была полностью уничтожена. Бои завершились 12 мая 1943 г.

Переломные события произошли и на Тихом океане. К весне 1942 г. японская армия взяла под контроль практически всю западную зону Тихого океана, вплотную подойдя к линии внешней обороны Австралии. Это позволило начать вторую фазу стратегического наступления, сосредоточившись на трех основных направлениях, – в Индийском океане, на линии обороны Австралии и в центральной зоне Тихого океана. В апреле 1942 г. был нанесен воздушный удар по английской базе на острове Цейлон и предприняты шаги по нарушению морских коммуникаций в западной части Индийского океана. Однако здесь японский флот столкнулся с крупными соединениями британского ВМФ, усилившегося после захвата французского Мадагаскара. Обеспечить взаимодействие японского и германо-итальянского флотов в зоне Персидского залива и Восточном Средиземноморье так и не удалось.

Приостановилось наступление японцев и в южном направлении. В мае 1942 г. в сражении в Коралловом море они не сумели преодолеть сопротивление американского флота. Битва в Коралловом море стала первой, где основную роль сыграли авианосцы. С этого времени морские сражения окончательно превращаются в дуэль палубной авиации. Стараясь сохранить инициативу, японский флот попытался нанести удар по американской военной базе на атолле Мидуэй в направлении Гавайских островов. Однако еще до подхода к архипелагу японские авианосцы были уничтожены американскими ВВС. Столь же неудачно завершились попытки японцев закрепиться в архипелаге Соломоновых островов на подступах к Австралии. Основные бои развернулись с августа 1942 г. у острова Гаудалканал. Обе стороны несли здесь колоссальные потери. С этого времени Япония уже не могла восстанавливать паритет по вооружениям и была вынуждена перейти к стратегической обороне по радиусу Курильских островов, района Южных морей, Новой Гвинеи и Бирмы. С уходом в феврале 1943 г. японского флота из архипелага Соломоновых островов коренной перелом в войне на Тихом океане завершился.

На фоне коренного перелома на всех театрах военных действий значительно активизировалось сотрудничество стран антигитлеровской коалиции. В мае-июне 1942 г. были подписаны договоры СССР с Великобританией и США об оказании Советскому Союзу военной и материальной помощи. В целом поставки союзников по ленд-лизу составили около 4 %

общего объема промышленной продукции, выпущенной в СССР в годы войны, в том числе 13 % – по самолетам, 7 % – по танкам, 200 % – по автомобилям. При поддержке Великобритании и США силы французского Сопротивления под руководством генерала де Голля восстановили контроль над африканскими колониями Франции. В Лондоне сформировались эмиграционные правительства Польши, Чехословакии и Югославии. Начал обсуждаться и вопрос об открытии силами союзников «второго фронта» в Европе. На встрече Рузвельта и Черчилля в Касабланке в январе 1943 г. британский лидер предложил проведение десантной операции на территории Италии и Греции. Это могло ускорить выход Италии из войны, а в перспективе предотвратить распространение советского влияния в Европе.

Вторжение союзников на Сицилию началось 10 июля 1943 г. и уже вскоре остров был освобожден – сказался низкий моральный боевой дух итальянских частей и решительная поддержка местных жителей, в том числе преступного синдиката мафии, пострадавшего от преследований фашистского режима. В правительственных кругах Италии нарастал политический кризис. 25 июля 1943 г. Муссолини был смещен с поста премьер-министра решением Большого фашистского совета. Его преемник маршал Бадольо начал сепаратные переговоры с англо-американским командованием. 3 сентября был подписан договор о перемирии, в соответствии с которым англо-американские войска получили возможность беспрепятственно занять всю территорию Италии. Муссолини был арестован, но вскоре освобожден немецкими десантниками. В городе Сало он сформировал марионеточное прогерманское правительство. В Северную Италию были введены немецкие войска, а на юге страны высадились англичане и американцы. 13 октября правительство Бадольо объявило о вступлении в войну на стороне антигитлеровской коалиции. Но нанести окончательное поражение немецкой группировке пока не удалось. Фронт стабилизировался южнее Рима.

Советское правительство настаивало на ускорении высадки союзников и на западе Европы. Решение об этом было достигнуто на конференции в Тегеране, которая состоялась с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. Одновременно советское правительство стремилось укрепить свои связи с движением Сопротивления. В августе 1943 г. СССР установил дипломатические отношения с Французским национальным комитетом де Голля. Еще раньше советское правительство признало Временное правительство Чехословакии и приступило к формированию на своей территории чехословацких военных соединений под командованием Л. Свободы. В 1943 г. в составе советской армии начали воевать соединения Войска Польского, организованного прокоммунистическим Союзом польских патриотов. Помимо официальной признанных организаций в движении Сопротивления влились сотни тысяч патриотов во всех странах Европы. Особенно массовый характер Сопротивление приобрело в Югославии, Франции, Польше.

Завершение Второй мировой войны и решение «немецкого вопроса». После неудачной кампании 1943 г. Германия и ее союзники перешли к стратегической обороне. Страны антигитлеровской коалиции, напротив, стремились использовать свой перевес и вести военные действия на нескольких

фронтах одновременно. В мае 1944 г. англо-американские войска предприняли наступление в Италии, а 6 июня началась крупномасштабная десантная операция «Оверлорд» в зоне Ла-Манша. 15 августа в ходе операции «Энвилл» произошла высадка англо-американских войск в Южной Франции. Захватив инициативу, союзники быстро развивали наступление. Большую поддержку им оказывали отряды французского Сопротивления. Париж был освобожден 25 августа самими восставшими. Отступившие немецкие части закрепились на старых укреплениях «линии Зигфрида». В сентябре линия фронта стабилизировалась вдоль южной границы Нидерландов, у западной границы Германии до Люксембурга и южнее до границ нейтральной Швейцарии. Всего за это время вермахт потерял на западном фронте около 460 тыс. чел. убитыми и ранеными, союзники – 225 тыс. чел.

На Квебекской конференции союзников в сентябре 1944 г. было принято решение о проведении наступления на широком фронте с главным ударом в устье Шельды. Однако немецкие части, несмотря на большие потери, смогли удержать все стратегические позиции. Более того, их ударная танковая группировка нанесла 16 декабря сильный контрудар в районе Арденн. 31 декабря немцы перешли в наступление в Эльзасе. Положение союзников стало весьма критическим, и лишь отсутствие у немцев стратегических резервов не позволило развить успех.

Советские войска в ходе зимне-весенней кампании 1944 г. сумели снять блокаду Ленинграда и провести крупномасштабные наступательные операции в Правобережной Украине. В марте-апреле противник был отброшен за Южный Буг, Днестр и Прут. В ходе летней кампании наступательные операции продолжились на всем протяжении фронта. Завершилось освобождение Крыма. 23–24 июня началось стратегическое наступление советских войск на белорусском направлении (операция «Багратион»). Несмотря на сложный рельеф местности, укрепленные позиции противника были прорваны и наступающий вал начал продвигаться по 400-километровой полосе. 3 июля был освобожден Минск, 13 июля – Вильнюс. На территории Прибалтики оказалась блокирована крупная группировка противника. Операцию по ее ликвидации советские войска провели в сентябре-октябре 1944 г. 19 сентября 1944 г. было подписано соглашение о перемирии с Финляндией. Договор предусматривал разрыв отношений Финляндии со странами гитлеровского блока, советско-финской границы 1940 г., а также передачу Финляндией Советскому Союзу области Петсамо (Печенга) при отказе СССР от аренды острова Ханко. Впоследствии Финляндия объявила войну Германии и присоединилась к Объединенным нациям.

27 марта 1944 г. Красная Армия, форсировав Прут, вступила на территорию Румынии. Уже в мае король Михай заявил о стремлении Румынии выйти из войны. 23 августа члены прогерманского правительства Румынии были арестованы во время аудиенции у короля. Румыния присоединилась к антигитлеровской коалиции. В конце лета 1944 г. советские войска вышли на границу Болгарии. В ночь на 9 сентября 1944 г. в Софии произошло восстание. Новое болгарское правительство объявило войну Германии. Вскоре советские войска вступили и на территорию Югославии. При их поддержке югославские партизанские отряды 20 сентября освободили Белград. К концу 1944 г. оккупанты были изгнаны из Сербии, Македонии и Черногории.

Наступая на львовском направлении, советские войска 17 июля форсировали Западный Буг и вступили на территорию Польши. В Варшаве отряды польского Сопротивления, подчинявшиеся лондонскому эмигрантскому правительству, начали восстание. Немцам удалось подавить его. Потери повстанцев составили до 18 тыс. чел., погибло более 150 тыс. гражданских лиц. Но уже в сентябре Варшава была освобождена советскими войсками при поддержке частей Войска Польского. В октябре 1944 г. советские части вступили в восточные и центральные районы Венгрии. Венгерская армия оказывала серьезное сопротивление. Будапешт был занят лишь 13 февраля 1945 г.

На центральном участке фронта 12 января 1945 г. советская армия начала Висло-Одерскую операцию. В ее ходе была блокирована восточно-прусская группировка противника. Одновременно развивалось наступление в направлении Братиславы и Вены. Окончательное освобождение Венгрии, большей части Чехословакии и Австрии создало условия для решающего удара советской армии на берлинском направлении, а также активизации англо-американских войск на западных границах Германии. В феврале-марте, преодолев укрепления «линии Зигфрида», союзники вышли к Рейну и завершили окружение рурской группировки противника. В первой половине апреля англо-американские соединения достигли Эльбы, встретившись с двигавшимися навстречу советскими частями.

Окончательный удар по нацистской Германии был нанесен советской армией в ходе Берлинской операции, начавшейся 16 апреля. Штурм Берлина и подавление последних очагов сопротивления на территории Германии завершились ко 2 мая. Одновременно происходила операция по освобождению Чехии. Утром 9 мая советские танковые армии вступили в Прагу. Накануне генерал Кребс от имени Геббельса и Бормана, возглавивших нацистский режим после самоубийства Гитлера, обратился к советскому командованию с просьбой о перемирии. 8 мая Германия подписала акт о безоговорочной капитуляции.

Вопрос о послевоенном урегулировании отношений с разгромленной Германией обсуждался практически на всех конференциях союзников. Лейтмотивом этих переговоров являлись идеи возмездия виновникам войны и защиты мирового сообщества от новой угрозы со стороны Германии. Уже на советско-английских переговорах в Москве в декабре 1941 г. было заявлено о необходимости территориального раздела Рейха, в том числе восстановления суверенной Австрии, возвращения Восточной Пруссии Польше и Судетской области Чехословакии. Обсуждалась возможность создания независимых государств в Рейнской области и Баварии. Американская дипломатия занимала в «немецком вопросе» более умеренную позицию. В октябре 1943 г. на Московской конференции США представили документ «Основные принципы капитуляции Германии», в котором предлагали не территориальный раздел, а политическую «децентрализацию» Германии, «уменьшение прусского влияния на рейх». На Тегеранской конференции советское руководство также высказалось против раскола Германии, полагая, что подобное решение будет провоцировать новые вспышки немецкого национализма и реваншизма. Английская делегация, напротив, настаивала на образовании вместо Германии пяти автономных

государств, либо отторжении южногерманских земель и включении их вместе с Австрией и Венгрией в Дунайскую федерацию.

На протяжении 1944 г. в ходе дипломатических консультаций союзников был разработан план разделения Германии на зоны оккупации. В основу его легли предложения министра финансов США Г.Моргентау, поддержанные на Квебекской конференции в сентябре 1944 г. Черчиллем. Помимо создания оккупационных зон «план Моргентау» подразумевал сокращение промышленного потенциала Германии под жестким международным контролем. На Ялтинской конференции 1945 г. план оккупации был утвержден, причем из состава американской и английской зон выделялась территория для образования зоны оккупации Франции. В ялтинском коммюнике впервые была обнародована общая формула послевоенного урегулирования Германии: «демократизация, демилитаризация, денацификация, декартелизация». Подразумевалось, что после разгрома Германии необходимо ликвидировать военно-промышленную основу немецкого милитаризма, уничтожить национал-социалистическую партию и все нацистские организации, осуществить наказание военных преступников, отменить все законодательство Третьего Рейха и создать условия для демократизации немецкой государственности. Поставленный советской стороной вопрос о взимании с Германии репараций пока не был решен, хотя справедливость такой компенсации признавалась всеми делегациями.

Потсдамская конференция, проходившая с 17 июля по 2 августа 1945 г., утвердила «Декларацию о поражении Германии» и коммюнике, подтверждавшие ялтинские принципы политики в отношении Германии. Территория Германии, в том числе Берлин, была разделена на четыре зоны оккупации. Советская зона включала 40 % территории, 30 % населения и 33 % производственного потенциала. Для координации создавался Совет министров иностранных дел пяти держав (СССР, США, Франции, Великобритании, Китая), а также Контрольный совет главкомандующих, совместные комендатуры в Берлине. Был закреплен принцип сохранения экономического единства Германии и право немецкого народа на создание единого демократического государства. Но характерно, что уже в текст Потсдамского соглашения были введены понятие «западные зоны».

Потсдамская конференция установила новые границы Германии: восстанавливался суверенитет Австрии, Судетская область возвращалась Чехословакии, территория до Одера и Западной Нейсе вместе с Данцигом была передана Польше, Восточная Пруссия – Советскому Союзу (предполагалось, что в составе СССР сохраняются и все территории, приобретенные в 1939–1940 гг.). Немцы, проживавшие на территории Польши, Чехословакии и Венгрии, подлежали депортации в Германию. Вопрос о суммах и источниках репарационных выплат вызвал дискуссии. В итоге было принято предложение американской делегации, согласно которому репарации должны были взиматься каждым правительством в своей зоне оккупации, а также из германских активов за границей (в Болгарии, Венгрии, Румынии, Финляндии и Австрии). СССР отказался в пользу западных держав от изъятых в Германии золота, но получил право на 10 % промышленного оборудования из западных зон оккупации. Германский флот был разделен поровну между СССР, Великобританией и

США. Окончательная сумма репараций не была определена, поскольку британская и американская делегации выразили сомнение в возможности Германии удовлетворить требования СССР. Было лишь принято решение, что после окончательного взимания репараций у Германии должно остаться достаточно ресурсов для самостоятельного развития.

Союзный Контрольный Совет в составе главнокомандующих оккупационными войсками СССР, США, Великобритании и Франции был создан в июне 1945 г. В первые месяцы своей работы СКС принял директивы «О ликвидации вермахта», «О роспуске немецких полувоенных организаций», «О запрещении военного строительства в Германии», конкретизирующие коммунике Потсдамской конференции. Под контролем оккупационных властей воссоздавались местное самоуправление и немецкие политические партии. Созданный союзниками Международный военный трибунал организовал Нюрнбергский процесс по делу главных нацистских преступников (с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г.). Несмотря на военную юрисдикцию этого трибунала в ходе его работы нацизм был осужден не только как агрессор, но и как политическое явление.

В то время, пока решались проблемы послевоенного урегулирования Германии, на тихоокеанском фронте боевые действия достигли кульминации. Еще летом 1943 г. ударная группировка американских войск под командованием генерала Макартура и адмирала Нимица начала освобождение Соломоновых островов и Новой Гвинеи. Японская армия и флот оказывали ожесточенное сопротивление. К тому же японцы пытались заручиться поддержкой государств Юго-Восточной Азии. С этой целью была предоставлена независимость Бирме, Филиппинам, создано временное правительство «Свободной Индии», заключен договор с Таиландом о возвращении ему ряда островных территорий. Однако создать коалицию так и не удалось.

К осени 1943 г. американским войскам удалось локализовать последние очаги сопротивления на западном побережье Новой Гвинеи, а также на островах Гилберта и Соломоновых островах. Военные действия были перенесены в район Маршалловых островов. В январе 1944 г. американские вооруженные силы атаковали также крепость на острове Трук – ключ к архипелагу Каролинских островов. С февраля началось освобождение Марианских островов. Ожесточенные бои здесь шли до августа 1944 г. Американцы с успехом применяли тактику «прыжков», действуя небольшими мобильными группировками авианосцев, линкоров и десантных судов. В июне у Марианских островов состоялось самое большое морское сражение тихоокеанской кампании, в котором приняли участие более полутора тысяч самолетов палубной авиации с обеих сторон. В составе японского флота в нем участвовали девять последних авианосцев, три из которых оказались потоплены. К концу лета наиболее важные опорные базы японцев на архипелагах были ликвидированы. Американский флот прочно контролировал центральную зону Тихого океана.

Осенью 1944 г. японское командование в последний раз попыталось переломить ход войны. В соответствии с планом «Кацу» был подготовлен контрудар в районе Филиппинских островов с широким применением камикадзе (летчиков-смертников) и пловцов-диверсантов. Американцы понесли в

этих боях серьезные потери, но и японский флот оказался практически уничтожен. С начала 1945 г. японская армия сосредоточилась на обороне метрополии и ближайших подступов к ней. Казалось, Япония стоит на грани краха. Однако растянувшиеся коммуникации затрудняли наступательные действия американских сил. Флот США имел подавляющее преимущество, но Япония обладала огромной почти 7-миллионной сухопутной армией. Авиация метрополии в два раза превышала палубную авиацию американского ВМФ. Поэтому, обсуждая возможные потери союзников при штурме островов Японского архипелага, Рузвельт и Черчилль сходились на цифре 1,5 млн чел.

Впервые американское командование ощутило изменение характера боевых действий во время сражения за остров Окинава на дальних подступах к Японии. Имея колоссальное преимущество в силах, американский флот потратил почти три месяца на захват острова, понеся существенные потери. После окончания этих боев в мае 1945 г. активность обеих сторон значительно сократилась. В дальнейшем американское командование попыталось вынудить Японию к капитуляции, использовав новое оружие массового поражения. В ходе атомных бомбардировок 6 августа был уничтожен город Хиросима, а 9 августа – Нагасаки. К тому же 9 августа в войну на Тихом океане вступил СССР. Советская армия в кратчайшие сроки освободила от японских войск Курильские острова и Сахалин, разгромила миллионную квантунскую армию в Манчжурии, внесла существенный вклад в освобождение Корейского полуострова. 2 сентября 1945 г., осознав неизбежность своего поражения, японское командование подписало акт о капитуляции на борту американского линкора «Миссури» в Токийской бухте. В отличие от решения «немецкого вопроса», американцам удалось практически изолировать союзников от решения послевоенной судьбы Японии. Несмотря на создание Союзного Совета для Японии, в котором участвовали представители США, СССР, Великобритании и Китая, оккупационный режим возглавил верховный главнокомандующий генерал Макатур.

Проблемы послевоенного урегулирования на Парижской и Сан-Францисской конференциях. После окончания военных действий началась подготовка к подписанию мирных договоров со странами гитлеровского блока. 6 сентября 1945 г. Совет министров иностранных дел стран-победительниц (СМИД) приступил к рассмотрению спорных вопросов. Советская делегация требовала строго придерживаться принципов коллективной дипломатии при разработке договоров, не исключая и урегулирование «японской проблемы». В свою очередь, английская и американская дипломатия предлагала пересмотреть ряд положений договоров о перемирии между СССР и бывшими странами гитлеровского блока. Также западные державы настаивали на реорганизации правительств Румынии и Болгарии, которые еще в последние месяцы войны заручились поддержкой Москвы. После нескольких месяцев напряженных дипломатических переговоров было принято компромиссное решение. СССР согласился на такой порядок функционирования союзных контрольных органов в Японии, который предоставлял практически неограниченные полномочия американской оккупационной администрации. Правительствам же Болгарии и Румынии

было лишь рекомендовано включить в свой состав по два министра от демократической оппозиции.

На Парижской мирной конференции, проходившей с 29 июля по 15 октября 1946 г., были сформулированы основные принципы послевоенного урегулирования в отношении стран германского блока. Сами мирные договоры с Болгарией, Венгрией, Румынией, Финляндией и Италией были торжественно подписаны в Париже 10 февраля 1947 г. Каждый из этих договоров обязывал побежденную страну обеспечить своим гражданам демократические свободы, а также не допускать «возрождения, существования и деятельности фашистских организаций».

На включении в текст договоров понятия «фашизм» настояла советская сторона. Против такого решения выступала Франция при поддержке британской делегации. Причина разногласий заключалась в том, что для советской пропаганды идея «антифашистской борьбы» уже превратилась в важный инструмент консолидации прокоммунистических политических сил в странах Восточной Европы. Поэтому «фашистскими» в Москве начали называть все авторитарные режимы, существовавшие в восточноевропейских странах в годы войны (независимо от того, в какой степени они действительно придерживались фашистской идеологии). В самом Советском Союзе Великая Отечественная война изначально рассматривалась как продолжение антифашистской борьбы предвоенных лет, поэтому идеологический маневр оказался почти незаметным. Однако смысловые акценты в советской трактовке фашизма изменились. Если коминтерновские идеологи считали фашизм «диктатурой крупного финансового капитала» и «оппортунистической» социальной демагогией, то теперь фашизм начал ассоциироваться прежде всего с националистическим экстремизмом. Такая трактовка позволяла объявить фашистскими любые политические движения, отстаивавшие интересы тех или иных этно-национальных групп вопреки «интернациональной солидарности трудящихся». Нацизм же, как и раньше, рассматривался лишь в качестве разновидности фашизма. В ходе работы Парижской конференции советская делегация доказывала, что на Нюрнбергском процессе мировое сообщество осудило в лице нацистских военных преступников фашизм в целом, и новые мирные договоры должны закрепить это решение юридически. Французы и англичане первоначально возражали против столь произвольного причисления всех союзников Рейха к «фашистскому интернационалу». К тому же во Франции еще с довоенных времен было немало политиков, которые видели в фашизме идеологию, основанную на принципах надклассовой солидарности, социального государства, укрепления общественной роли религиозной веры и традиционных ценностей. Но дискуссия на эту тему могла спровоцировать политическую напряженность в самих странах Запада, только вышедших из войны. Поэтому возражения в адрес советских трактовок были сняты.

Декларированный в мирных договорах запрет фашизма не привел к ужесточению санкций против бывших союзников Германии. Побежденным государствам было предоставлено даже право сохранить собственные вооруженные силы, хотя вводились ограничения по их численности и тяжелым видам вооружения. Побежденные страны обязались выплачивать репарации (Финляндия, Румыния, Болгария и Венгрия в пользу СССР, Болгария также

в пользу Греции и Югославии, Италия в пользу СССР, Югославии, Греции, Эфиопии и Албании). Окончательно устанавливались послевоенные границы в Европе. Мирный договор с Румынией закрепил передачу Советскому Союзу Бессарабии и Северной Буковины. Румынии возвращалась Трансильвания, отторгнутая по решениям «Венских арбитражей», но подтверждалась осуществленная во время войны передача Южной Добруджи в состав Болгарии. В свою очередь, Болгария возвращала Македонию в состав Югославии, а Фракию – в состав Греции. Венгрия вернулась к границам 1937 г., предав Румынии Трансильванию и Бачку, Чехословакии – Южную Словакию, а Советскому Союзу – Закарпатскую Украину. Финляндия признала границу с СССР, установленную в марте 1940 г., а также территориальные условия договора о перемирии с СССР 1944 г. Италия передала Югославии полуостров Истрию, часть Юлийской Краины, город Фиуме. Принадлежавшие раньше Италии Додеканезские острова перешли к Греции. Дискуссия о Триесте завершилась компромиссом – была создана «Свободная Территория Триест» под управлением ООН. В 1954 г. город Триест и западная часть его округа отошли к Италии, а восточная часть – к Югославии. Окончательно линия итало-югославской границы была определена двусторонним договором 1975 г. Споры на Парижской конференции вызвала и судьба итальянских колоний. СССР добивался предоставления ему в качестве подопечной территории Триполитании, а также предоставления базы для торгового и военного флота в одной из бывших итальянских колоний в Средиземноморье. Эти предложения были отвергнуты западными державами. В итоговом варианте мирного договора было установлено, что Италия лишается «всех прав и правооснований на итальянские территориальные владения в Африке», которые подлежали передаче в распоряжение ООН.

Проект мирного договора с Японией США подготовили лишь к 1951 г. В соответствии с ним Япония должна была отказаться от претензий на Корею, Тайвань и Пескадорские острова, от островов в Тихом океане, которыми она управляла по мандату Лиги наций, от всех прав и претензий в Китае и Антарктике, а также от претензий на Южный Сахалин и Курильские острова. Острова Рюкю (включая Окинаву) и Бонин оставались под управлением американцев (они были поэтапно возвращены Японии в 1968–1972 гг. при условии сохранения там американских военных баз). Репарационные выплаты на Японию не налагались.

Для подписания мирного договора с Японией была созвана международная конференция в Сан-Франциско (4–8 ноября 1951 г.). К участию в ней не был приглашен Китай, с которым США разорвали дипломатические отношения. В знак протеста против несправедливого решения вопроса о репарациях отказались от участия в конференции Индия и Бирма. Уже в ходе работы конференции с критикой проекта договора выступила советская делегация, поддержанная представителями Польши и Чехословакии. В итоге все эти страны так и не подписали мирный договор. Из-за этого открытой осталась проблема Курильских островов, на часть которых Япония вскоре стала претендовать. В день подписания мирного договора Япония и Соединенные Штаты заключили также «Договор безопасности», по которому США получили право размещать войска на всей территории

Японии «в целях поддержания международного мира и безопасности на Дальнем Востоке, защиты Японии от внешней агрессии и подавления бунтов и беспорядков, разжигаемых извне». Официально же американская оккупация Японии закончилась в апреле 1952 г.

Итак, по завершении Второй мировой войны сложилась новая система международных отношений (получившая название Ялтинско-Потсдамской, поскольку ее ключевые принципы были сформулированы еще на конференциях союзников в 1945 г.). Основой мировой политики были провозглашены принципы коллективной дипломатии и национального суверенитета, отказ от блокового противостояния и использования войны как средства политики, приоритет правового регулирования международных конфликтов. В отличие от Версальско-Вашингтонской системы большое значение придавалось праву народов на демократическое развитие, защите человечества от угрозы тиранических режимов, конструктивному сотрудничеству всех стран и народов в самых разных сферах жизни. Однако все эти принципы получили совершенно разную трактовку в интерпретации советской и американской пропаганды. Политический курс двух «сверхдержав» оказался направлен прежде всего на расширение и упрочение собственных сфер влияния в послевоенном мире, на «экспорт» своей идеологии, а, зачастую, и прямое военно-политическое вмешательство в «третьих странах». Ялтинско-Потсдамская система приобретала все более явный биполярный характер.

Глава 11

От Лиги наций к ООН: эволюция идейно-политических и правовых основ мирового порядка

Предпосылки формирования международно-правовой системы современного типа. Система современного международного права имеет глубокие исторические корни. В отличие от дипломатических обычаев и «обычаев войны», известных еще с древнейших времен, идея международного права («права народов») изначально была тесно связана с представлением о естественной правосубъектности личности и договорном характере любого человеческого сообщества. «Отцом» концепции международного права считается голландский юрист XVI в. Гуго Гроций, впервые обосновавший на основе теории естественного права идею суверенности народов и правовой характер их взаимных отношений. Характерно, что Гроций писал как о «праве мира», так и «праве войны», подчеркивая законность любых средств защиты интересов каждого народа при условии невмешательства в права других народов.

После Вестфальского мира 1648 г. принцип суверенного равенства государств стал основой европейской политики. Все попытки «великих держав» закрепить свою гегемонию завершались неудачей (например, испанских Габсбургов во второй половине XVI – начале XVII вв., Франции при Людовике XIV и Наполеоне I, Швеции на рубеже XVII–XVIII вв.). «Архитектура» Вестфальской системы наглядно отразилась в концепции «баланса сил» – любого равновесия между коалициями европейских стран, когда усиление любой державы непременно расширяло ряды ее противников. С XVIII в. такая прагматичная «политика равновесия» стала основой внешнеполитической стратегии Великобритании.

После эпопеи революционных и наполеоновских войн во внешней политике ведущих континентальных держав появились новые черты – стремление унифицировать правовые нормы дипломатических отношений, и, одновременно, придать европейской политике более ярко выраженный идеологический характер. Черда общеевропейских конгрессов, начавшаяся с Эрфуртского и Венского, а также образование Священного Союза со всей очевидностью продемонстрировали эту тенденцию. Но создать прочную международную систему на принципах охранительного консерватизма оказа-

лось невозможно. Во второй половине XIX в. идея национального суверенитета и политика «государственного эгоизма» вновь начали оказывать решающее влияние на характер международных отношений.

С наступлением эпохи империализма поддерживать «равновесие» становилось все сложнее. Борьба ведущих мировых держав за колониальный раздел мира вела к глобальному конфликту. Но именно на рубеже XIX–XX вв. в понимании природы международного права происходят важные изменения. Общепринятым становится «принцип добросовестности» в выполнении международных обязательств (что, впрочем, не препятствовало использованию силовых методов политики). Совершенно исчезла архаичная практика обеспечения договоров – взятие заложников, личные клятвы монархов, поручительство пап римских. Сами международные договоры превратились в четко оформленные правовые нормы, не включавшие подробную характеристику подписывавших их лиц. Тем самым, международное договорное (диспозитивное) право утрачивало не только остатки словесных черт, но и присущую ему прежде персонифицированность.

Очень важную роль в развитии концепции международного права сыграло пацифистское движение, в том числе Гаагские конференции мира. Первая из них состоялась в 1899 г. Делегации из 27 стран приняли на ней конвенции «О мирном решении международных столкновений», «О законах и обычаях сухопутной войны», «О применении Женевской конвенции 1864 г. о раненых и больных». На второй Гаагской конференции мира (1906–1907 гг.) участвовали уже представители 44 государств. Ими были приняты десять новых конвенций по широкому кругу вопросов (мирное разрешение международных споров, ограничение в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам, порядок открытия военных действий, правила нейтралитета в сухопутной и морской войне, правила использования торговых судов в качестве военных и т.п.). При всей декларативности достигнутых соглашений, работа Гаагских конференций была чрезвычайно важной в качестве первого опыта наднационального правового регулирования.

Создание Лиги наций и основные направления ее деятельности. Тяготы Первой мировой войны укрепили политиков и общественность западных стран в стремлении придать международным отношениям прочный правовой характер. Уже в годы войны началось активное обсуждение проектов Лиги наций – межгосударственной организации, способной обеспечить всеобщий мир и безопасность. В преддверие Парижской конференции инициативу в этом вопросе проявил президент США В. Вильсон. Человек глубоко религиозный, известный своими мессианскими настроениями и страстной приверженностью идеалам «новой свободы» (в духе социального либерализма) Вильсон стремился привнести в мировую политику дух конструктивного сотрудничества, гуманизма и демократии. Но его идеализм диссонировал с прагматичной стратегией не только английских и французских, но и большинства американских политиков. Обсуждение устава организационных принципов Лиги наций на Парижской конференции проходило в жесткой борьбе, где каждая делегация пыталась добиться преимущества для собственной страны.

Итоговая концепция Лиги наций отразила полное преобладание интересов европейских держав и их нежелание отказаться от имперской стратегии.

Во многом концепция Лиги наций стала отражением популярного на рубеже XIX–XX вв. представления о «цивилизаторской миссии белого человека». Характерно, что предложение японской делегации о включении в устав организации статьи о равенстве рас было отклонено. Тем не менее создание Лиги наций стало настоящим прорывом в осознании мира в качестве единой политико-правовой системы, где субъектность отдельного взятого государства, нации или народа неразрывно связана с общими принципами и нормами взаимоотношений.

Разработанный на Парижской конференции устав Лиги наций исчерпывающе характеризовал идеологические и правовые основы новой организации. В преамбуле провозглашались принципы международного сотрудничества: противодействие войне; развитие открытых, справедливых отношений между странами на основе установления и признания принципов международного права, строгого уважения и выполнения всех обязательств, вытекающих из международных договоров. Устав закреплял три типа государственно-правового статуса членов Лиги. Первую группу составили государства-учредители, подписавшие устав как часть мирных договоров (это были союзные и присоединившиеся к ним державы). Вторая категория состояла из стран, которые не участвовали в мировой войне и подписании мирных договоров – шести европейских, шести латиноамериканских стран и Ирана. Все они были приглашены присоединиться к уставу Лиги. К третьей группе относились все остальные государства. Для их присоединения к Лиге необходимо было проводить специальную процедуру голосования и добиться согласия не менее двух третей государств, представленных на Ассамблее. В соответствии с уставом вступить в Лигу могло любое государство, доминион или «самоуправляющаяся» колония. Предусматривалась и процедура выхода из Лиги. Стремящееся покинуть организацию государство должно было объявить о своем решении за два года, в течение которых было обязано выполнять все требования устава и другие обязательства перед международным сообществом. Исключение из Лиги наций рассматривалось как возможный вариант наказания за нарушение ее устава.

Главными органами Лиги стали Ассамблея, Совет и постоянный Секретариат. Ассамблея являлась собранием, состоявшим из представителей всех членов Лиги, и созывалась, как правило, один раз в год или при политической необходимости. Ассамблея могла рассматривать любые вопросы, касающиеся «мира во всем мире». На заседаниях Ассамблеи делегации стран должны были иметь не более трех представителей, и каждая страна имела один голос. Совет Лиги первоначально состоял из пяти постоянных представителей (Великобритании, Италии, США, Франции, Японии) и четырех временных, избравшихся из членов Лиги на Ассамблее. Совет должен был собираться не реже одного раза в год и рассматривать весь круг вопросов, находившихся в компетенции Лиги. Каждый член Ассамблеи имел один голос. Любое государство – член Лиги могло участвовать в заседаниях Совета, если обсуждался вопрос, затрагивавший его интересы. За исключением специально оговоренных случаев, все решения, принимаемые на Ассамблее и Совете, требовали консенсуса, т.е. единогласного голосования. Решения по вопросам процедуры, а также выборов в различные комитеты принимались большинством голосов. Международный Секретариат создавался для организационного обеспечения деятель-

ности организации. Местом его расположения была выбрана Женева. Первым генеральным секретарем Лиги наций стал английский дипломат Э. Друммонд.

Устав Лиги наций закреплял и важнейшие направления ее деятельности. Вводилась практика обязательной регистрации всех международных договоров в Секретариате Лиги с последующим их опубликованием. Под эгидой Лиги наций создавалась система интернациональной опеки бывших германских колоний и арабских провинций Османской империи (мандатная система). Члены Лиги наций призывались активно сотрудничать с существующими международными организациями, в том числе Красным крестом, Всеобщим почтовым союзом. Лига наций должна была также добиваться свободы торговых путей и справедливого отношения к торговле со стороны всех членов организации. Она получила право осуществлять контроль за торговлей опиумом и другими опасными лекарствами, а также торговлей оружием в странах, где «такой контроль необходим в общих интересах». Совет Лиги наций должен был раз в пять лет разрабатывать планы «снижения вооружений» и предлагать его правительствам для рассмотрения. Государства – члены Лиги обязались обмениваться «полной и честной» информацией об уровне национальных вооружений, военных программ, военном производстве.

Государства – члены Лиги принимали на себя обязательства «противодействовать агрессии, уважать территориальную целостность и существующую политическую независимость членов Лиги». В каждом конкретном случае Совет должен был определить степень угрозы агрессии и меры, необходимые для ее предотвращения. Агрессия против любого государства – члена Лиги должна была рассматриваться как акт войны против всех членов Лиги. В этом случае, помимо предлагаемых Советом санкций, все государства должны были прекратить любые отношения с агрессором. Сами санкции могли носить только дипломатический или экономический характер, поскольку своих вооруженных сил Лига наций не имела.

Рассмотрение случаев нарушения норм международных отношений и военной опасности должно было происходить на Совете или Ассамблее по инициативе одного из государств – членов Лиги. Устанавливалось правило, в соответствии с которым любые конфликты между государствами – членами Лиги, угрожающие военным столкновением, должны были первоначально рассматриваться в Совете Лиги либо посредством международного арбитража. Для третейского рассмотрения межгосударственных споров в системе Лиги наций в 1921 г. был создан Международный суд. Его Постоянная палата, состоявшая из 9 судей, представлявших разные страны, располагалась в Гааге.

Устав Лиги наций призывал к развитию справедливых и гуманных условий труда. Для того чтобы расширить сферу этой деятельности, была создана автономная Международная организация труда (МОТ), к вступлению в которую приглашались все страны, независимо от их членства в Лиге. Под эгидой МОТ происходили трехсторонние консультации с участием правительственных органов, предпринимателей и профсоюзов. Конференции МОТ организовывались не реже одного раза в год. Решения этой организации носили, естественно, рекомендательный характер, но сыграли важную роль в формировании основ современного трудового законодательства. Не менее значимой стала деятельность Международной орга-

низации здравоохранения (МОЗ), также сформированной под эгидой Лиги наций, но имевшей автономный статус. Конференции МОЗ посвящались преимущественно санитарным проблемам, вопросам повышения квалификации медицинских работников, контролю за использованием опасных медицинских препаратов. В 1922 г. при Совете Лиги наций был образован Комитет интеллектуального сотрудничества, впоследствии преобразованный в Международную организацию интеллектуального сотрудничества (образ будущего ЮНЕСКО). Его деятельность носила сугубо гуманитарный характер, но весьма способствовала популяризации Лиги наций и идеологическому обоснованию ее деятельности. Любопытно, что по инициативе Комитета интеллектуального сотрудничества впервые была разработана концепция изменения учебников по истории в европейских странах, призванная воспитывать в молодом поколении дух сотрудничества и миролюбия.

Стратегическим направлением деятельности Лиги наций оставалась борьба за разоружение и утверждение принципов пацифизма в мировой политике. В первые послевоенные годы арбитраж Лиги наций сыграл важную роль в урегулировании нескольких региональных конфликтов в Европе, в том числе между Польшей и Литвой (из-за города Вильно), Финляндией и Швецией (из-за Аландских островов), Грецией и Италией (из-за острова Корфу). Но попытки повлиять на развитие событий в Закавказье, а также вмешаться в советско-польский конфликт были пресечены Советской Россией.

По мере стабилизации политической ситуации в Европе Лига наций перешла к попыткам создать стабильную систему международной безопасности. В сентябре 1922 г. Ассамблеей Лиги наций была принята резолюция, которая предусматривала необходимость заключения между странами-членами договора о коллективной безопасности. В развитие этой идеи был подготовлен проект «Договора о взаимной помощи», который предусматривал осуждение любой наступательной войны, закреплял обязательность поэтапного разоружения, утверждал право на создание региональных гарантийных пактов. В 1923 г. проект был разослан правительствам, в том числе и стран, не являвшихся членами Лиги наций. Великобритания, скандинавские страны, Италия, Германия, СССР и США по разным основаниям отвергли его. Наибольшие разногласия вызвало уточнение возможных форм взаимной помощи и противодействия агрессии, а также само юридическое определение агрессии. Правительство Великобритании жестко критиковало идею региональных гарантийных пактов, видя в ней попытку Франции возродить стратегию блоковой дипломатии. Из-за противодействия Великобритании не удалось ратифицировать и Женевский протокол об арбитражном урегулировании международных споров, утвержденный в 1924 г. на V сессии Ассамблеи Лиги наций. Спустя год на конференции в Локарно французской дипломатии при поддержке активистов пан-европейского процесса из различных стран все же удалось добиться создания первой региональной гарантийной системы. Но в дальнейшем дискуссии о путях обеспечения международной безопасности разгорелись с новой силой.

Не имея возможности преодолеть разногласия в Совете Лиги наций, французская дипломатия попыталась перевести обсуждение проблемы безопасности на уровень прямых межгосударственных связей. В 1928 г. по инициативе Франции и США состоялось подписание пакта об отказе от войны как средства политики и признании международного арбитража

обязательным способом урегулирования межгосударственных конфликтов («пакт Бриана-Келлога»). В дальнейшем к пакту присоединились еще 48 государств. Развивая этот успех, Аристид Бриан обратился в сентябре 1929 г. к X сессии Ассамблеи Лиги Наций с «Меморандумом об основных принципах панъевропейского процесса». Бриан заявил, что создание панъевропейской системы является наиболее эффективным способом «установления мира и ликвидации того анархического состояния межгосударственных связей в Европе, при которых сохраняется сама возможность возникновения конфликтов». В мае 1930 г. правительство Франции разослало всем государствам Европы, включая СССР, «Меморандум об организации режима Федеративного европейского союза».

Таким образом, французская дипломатия впервые увязала решение проблемы международной безопасности с созданием наднациональной системы политического, экономического и гуманитарного сотрудничества. Подобный подход получил одобрение со стороны Югославии, Румынии, Болгарии, Чехословакии, Греции. Против панъевропейского проекта выступили Великобритания, Нидерланды и Бельгия, опасавшиеся утраты «особых отношений» со своими колониями. Германская дипломатия в целом поддерживала панъевропейскую идею, но первоначально добивалась полной отмены несправедливых статей Версальского договора. Фашистская Италия вообще призвала к союзу «молодых наций» против «старой Европы». Ситуация вновь зашла в тупик. Призыв Женевской конференции 1932 г. к созданию «организации мира» в Европе, в том числе к объединению европейских стран пактами о ненападении и взаимопомощи при нападении, а также предоставлению всем участникам этой системы равного военно-правового статуса, не возымел действия. Европа и весь мир уже стояли на пороге нового витка гонки вооружений. Появление на международной арене нацизма предопределило окончательный крах Лиги наций. В 1930-х гг. она стала заложником политики умиротворения, проводимой ведущими западными странами.

В первые месяцы после начала мировой войны ни Совет, ни Ассамблея Лиги наций не обсудили сложившуюся ситуацию. Лишь после начала советско-финской войны по инициативе Финляндии был поставлен вопрос о санкциях против Советского Союза. 14 декабря 1939 г. на чрезвычайной сессии Ассамблеи было принято решение об исключении СССР из Лиги наций. При этом вопрос о нападении Германии на Польшу вообще не обсуждался, поскольку немецкое правительство через свое посольство в Женеве очень недвусмысленно дало понять, что не будет считать себя ограниченным суверенитетом Швейцарии в случае, если «Англия и Франция используют Совет и Ассамблею против Германии в целях пропаганды». В дальнейшем секретариат Лиги наций продолжал исполнять свои функции, но никакого реального политического веса организация уже не имела. Окончательно полномочия Лиги наций были прекращены 18 апреля 1946 г., т.е. через полгода после вступления в силу устава Организации Объединенных Наций.

Разработка концепции ООН. Организация Объединенных Наций не стала правопреемницей Лиги наций, хотя «унаследовала» от нее немало организационных структур, имущества и кадров. Во многом идеологическое

и политическое становление ООН происходило даже в противовес традициям Лиги наций. Огромную роль в этом процессе играли США, не вступившие в свое время в Лигу, и СССР, исключенный из нее. Британская позиция по проблемам создания новой международной организации определялась в годы войны Уинстоном Черчиллем, известным критиком политики «умиротворения» и «европейского равновесия». Что же касается французской дипломатии, то она смогла принять участие в формировании ООН лишь на самом последнем этапе войны.

Первый шаг к оформлению концепции ООН был сделан на личной встрече Ф. Рузвельта и У. Черчилля 9 августа 1941 г. в бухте Арджентина у берегов Ньюфаундленда. По результатам консультаций оба лидера подписали Атлантическую хартию. В этой декларации США и Великобритания заявляли, что не стремятся к территориальным или «иным» приобретениям в ходе войны. Все территориальные изменения должны были осуществляться в соответствии со свободным волеизъявлением вовлеченных народов. Заявлялось, что все народы должны иметь полное право выбирать форму правления, которая их устраивает. Суверенитет стран, которые были насильственно лишены его, должен быть восстановлен. Всем большим и малым государствам гарантировался равный доступ к торговле и сырью, необходимым для их экономического процветания. Предусматривалось сотрудничество всех наций, имеющее своей целью улучшение условий труда, экономическое развитие и социальную защищенность. Западные лидеры также заявляли, что после разрушения нацистской тирании должен быть установлен мир, обеспечивающий безопасность всем нациям в пределах их границ и свободное бытие всех людей, мир, предусматривающий свободный доступ к морским путям. Все это подразумевало необходимость создания прочной системы международной безопасности.

Следует отметить, что американский президент первоначально с большим скептицизмом относился к возможности формирования каких-либо влиятельных наднациональных структур. Первоначальный проект хартии, представленный Черчиллем, включал формулировку: «Они (Соединенные Штаты и Британия) добиваются такого состояния, при котором не только навсегда будет уничтожен нацизм, но и обеспечена защита территориальной неприкосновенности всех государств силами международной организации...». Но Рузвельт вычеркнул слова «...силами международной организации...». Для британского лидера проект новой международной организации также не был приоритетным. Однако он пытался придать формирующемуся англо-американскому союзу стратегический, долговременный характер, подчеркнув глобальный характер его целей. Компромиссом стала обновленная формулировка последнего пункта хартии, который гласил: «Все государства мира должны по соображениям реалистического и духовного порядка отказаться от применения силы, поскольку никакой будущий мир не может быть сохранен, если государства, которые угрожают или могут угрожать агрессией за пределами своих границ, будут продолжать пользоваться сухопутными, морскими и воздушными вооружениями. Черчилль и Рузвельт считают, что впредь до установления более широкой и надежной системы всеобщей безопасности такие страны должны быть разоружены».

По мере оформления антигитлеровской коалиции необходимость четкого определения принципов послевоенного мирового устройства становилась все более очевидной. Уже 1 января 1942 г. во время визита Черчилля в

США лидерами двух стран, а также послом СССР Литвиновым и министром иностранных дел Китая Суном была подписана Декларация Объединенных Наций. Проект декларации был выработан на основе англо-американских предложений. Полная победа над противником объявлялась в этом документе необходимым условием защиты жизни, свободы, независимости и религиозной свободы, а также прав человека и справедливости. Правительства, подписавшие декларацию, заявляли о том, что употребят все свои военные и экономические ресурсы для борьбы против Германии, Италии и Японии, будут сотрудничать друг с другом и не станут заключать сепаратного перемирия или мира с противником. Некоторые советские дипломаты возражали против упоминания «религиозной свободы», однако Сталин, сочтя январь 1942 г. не лучшим временем для дискуссий о границах демократии, принял западную трактовку.

Вновь вопрос о создании международной организации был поднят на конференции союзных держав в Москве. В декларации от 30 октября 1943 г. СССР, США, Великобритания и Китай провозгласили, что «они признают необходимость учреждения в возможно короткий срок всеобщей международной организации для поддержания международного мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств, членами которой могут быть все такие государства – большие и малые». В целом, речь шла о поддержке принципов Атлантической хартии, но инициативу на этот раз проявляла американская, а не британская дипломатия. Рузвельт все активнее пропагандировал свою идею «четырех полицейских» – обеспечение послевоенного международного порядка на основе влияния четырех «великих держав». Новая мировая система представлялась американскому президенту как воплощение императивных (общеобязательных) идеологических принципов и правил межнационального взаимодействия, способных не только покончить с военной угрозой, но и обеспечить прогресс и процветание всего человечества.

Британские политики относились к проекту новой международной организации с большей осторожностью. Черчилль считал, что либерализация мирового порядка будет угрожать имперским интересам Великобритании. Ускорить процесс оформления ООН позволили интенсивные консультации по проблемам торговой и финансовой политики. Актуальность этого вопроса стала очевидной еще накануне войны, когда экономический кризис потряс основы мировой финансовой системы. По инициативе авторитетного английского экономиста Д. Кейнса был подготовлен проект крупномасштабного договора о формировании послевоенной мировой валютно-финансовой системы и учреждении Международного банка реконструкции и развития. Для обсуждения этих проблем под эгидой Организации Объединенных Наций была созвана специальная конференция. Она начала работать 28 апреля 1944 г. в городе Бреттон-Вудсе (США). Поддержав предложения Кейнса по организации МБРР, американцы добились и формирования параллельной структуры – Международного валютного фонда. В соответствии с уставом МВФ, утвержденным на конференции в Бреттон-Вудсе, были введены строгие правила эмиссии и валютного обращения, которые фактически предопределили «долларизацию» послевоенной экономики.

Успех Бреттон-Вудской конференции позволил перейти к окончательному оформлению «архитектуры» ООН. Организационные принципы и компетенция ООН обсуждались на конференции в Думбартон-Оксе (22 авгу-

ста – 28 сентября 1944 г.). К этому времени уже была достигнута договоренность о том, что в организации будет круг избранных – постоянных членов Совета Безопасности. Как писал один из участников конференции, «американцы были склонны считать, что создание такой системы станет неким талисманом, обладающим мощной способностью улаживать споры между нациями». Причем ни у кого не вызывало сомнений, что постоянными членами Совета должны быть США, СССР и Великобритания. Было также решено предоставить постоянное место в Совете Безопасности Франции и Китаю.

При обсуждении полномочий Совета безопасности столкнулись американская и советская позиции. Американцы исходили из системы вето для постоянных членов Совета, но уточнили, что члены организации, вовлеченные в обсуждаемый конфликт, должны воздерживаться от голосования. Советская сторона настаивала на сохранении права вето для постоянных членов Совета во всех случаях, даже если обсуждается конфликтная ситуация с их участием. В итоге был достигнут компромисс: Совет Безопасности мог предпринимать усилия по урегулированию конфликта, невзирая на позицию государств, вовлеченных в конфликт. Постоянные члены Совета Безопасности, тем не менее, сохраняли право вето, даже будучи вовлеченными в конфликт, если речь шла о применении силы.

На Крымской конференции 4–11 февраля 1945 г. советская сторона согласилась с американским предложением, согласно которому постоянный член Совета Безопасности не мог голосовать, если вопрос касался непосредственно его интересов. Одновременно, Сталин поддержал постановку Рузвельтом вопроса об опеке ООН над колониальными территориями. Реакция Черчилля была самой негодующей. Он заявил, что не допустит вмешательства в дела Британской империи. «Новая международная организация должна принять во внимание эту особую ответственность великих держав и должна быть построена таким образом, чтобы не нарушать их единства или мешать их способности эффективно действовать», – утверждал он. – В то же самое время международная организация не может основываться на диктатуре великих держав. Их долг – служить миру, а не господствовать над ним».

Несмотря на сохранение разногласий по самому болезненному для Великобритании вопросу процесс создания ООН шел быстрыми темпами. Учредительная конференция по созданию Организации Объединенных Наций проходила с 25 апреля по 26 июня 1945 г. в Сан-Франциско. Единственным вопросом повестки дня была разработка Устава ООН, который был подписан представителями 50 стран и вступил в силу с 24 октября 1945 г. Существенных дискуссий на конференции в Сан-Франциско уже не возникло. Лишь британская делегация добилась поправки, касающейся выборов в Совет Безопасности. Теперь требовалось равномерное географическое представительство держав, а также учет их вклада в обеспечение международной безопасности. И, главное, британская делегация наконец пошла на уступки по вопросу о системе опеки. Правда, всеобъемлющей концепции, которую желал видеть Рузвельт, не получилось – американский проект распространялся пока лишь на острова Тихого океана. Однако, с точки зрения будущего, самым важным был ввод двух категорий мандатных территорий. Первая определялась как стратегические районы (здесь опеку обеспечивал Совет Безопасности

сти). В районах, зачисленных во вторую категорию, опеку обеспечивала Ассамблея через Совет по опеке. Идея «опеки над стратегическими районами» уже вскоре окажется важнейшим политическим оружием англо-американской дипломатии.

Организация и основные направления деятельности ООН. В соответствии с уставом основными целями Организации Объединенных Наций были провозглашены поддержка международного мира и безопасности, развитие дружественных отношений между нациями на основе принципа равноправия и самоопределения народов; сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера, «поощрение уважения к правам человека и основным свободам». Провозглашалось, что Организация Объединенных Наций основана на принципе суверенного равенства всех ее членов, которые обязаны добросовестно выполнять свои обязательства, разрешать свои международные споры мирными средствами, не подвергая угрозе международный мир, безопасность и справедливость, воздерживаться от угрозы силой или ее применения против любого государства.

Учредителями ООН объявлялись 50 стран, представители которых подписали Сан-Францисский договор (чуть позже 51-м государством-учредителем стала Польша, делегация которой не принимала участие в конференции). В дальнейшем прием в члены ООН был открыт для всех миролюбивых государств, которые примут на себя обязательства по уставу и которые, «по суждению организации, могут и желают эти обязательства выполнять». Для приема новых государств требовалась рекомендация Совета Безопасности, а решение принималось Генеральной Ассамблеей. Исключение из состава ООН рассматривалось как возможная санкция за нарушение устава (хотя в дальнейшем ни одного такого прецедента не было).

Организационная структура Организации Объединенных Наций оказалась чрезвычайно разветвленной и сложной. Ключевую роль в системе ООН изначально играли шесть органов: Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Экономический и Социальный Совет, Совет по Опеке, Международный Суд и Секретариат.

Генеральная Ассамблея, состоящая из представителей всех государств-членов, стала главным совещательным органом. В регламенте проведения ее сессий было предусмотрено, что решения по важным вопросам (мира и безопасности, приема новых членов и проблем бюджета) требуют большинства в две трети голосов. Решения по другим вопросам принимаются простым большинством голосов. Каждое государство получило один голос. Устав ООН закрепил необходимость проведения ежегодных сессий Генеральной Ассамблеи, а также возможность созыва чрезвычайных сессий по требованию Совета Безопасности. В соответствии с Уставом Генеральная Ассамблея была уполномочена рассматривать принципы сотрудничества в деле поддержания международного мира и безопасности, обсуждать любые вопросы, относящиеся к международному миру и безопасности, а также по вопросам, касающимся полномочий и функций любого органа Организации Объединенных Наций, организо-

вать соответствующие исследования и давать рекомендации, рассматривать и утверждать бюджет ООН.

На Совет Безопасности была возложена основная ответственность за поддержание международного мира и безопасности. В его состав было введено пять постоянных членов (Китай, Франция, СССР, Великобритания, США), а также десять членов, избираемых Генеральной Ассамблеей на двухлетний срок. Для голосования предусматривался принцип «единогласия великих держав». В соответствии с ним для решений по «вопросам существа» было необходимо девять голосов, включая совпадающие голоса всех постоянных членов Совета. Если постоянный член не согласен с решением, он мог проголосовать против, и этот акт приобретал силу вето. Если же постоянный член не поддерживает решение, но не хочет блокировать его посредством вето, он мог воздержаться. Решения по вопросам процедуры требовали большинства голосов (по крайней мере 9 из 15 членов). Совет Безопасности был обязан поддерживать международный мир и безопасность в соответствии с принципами и целями ООН, расследовать любые ситуации, которые могут привести к международным трениям, рекомендовать методы урегулирования таких споров, вырабатывать планы для регулирования уровня вооружений, определять наличие угрозы миру или акта агрессии, призывать членов Организации к применению экономических санкций или других мер, не связанных с использованием силы, для предупреждения или прекращения агрессии, предпринимать военные действия против агрессора. В соответствии с Уставом все члены Организации Объединенных Наций должны были подчиняться решениям Совета Безопасности и брать обязательства по их исполнению.

Экономический и Социальный Совет был учрежден Уставом в качестве главного органа по координации деятельности специализированных учреждений и институтов ООН. Его состав из 54 человек подлежал переизбранию каждые три года. Для решений требовалось простое большинство голосов, причем каждый член Совета получил один голос. Среди специализированных учреждений, чья деятельность стала координироваться Советом, наиболее важные полномочия были предоставлены четырем постоянным комитетам (Комитет по программе и координации, Комиссия по населенным пунктам, Комитет по неправительственным организациям, Комитет по переговорам с межправительственными учреждениями), девяти специализированным комиссиям (Статистическая комиссия, Комиссия по народонаселению и развитию, Комиссия социального развития, Комиссия по правам человека, Комиссия по положению женщин, Комиссия по наркотическим средствам, Комиссия по предотвращению преступлений и уголовному правосудию, Комиссия по науке и технике в целях развития, Комиссия по устойчивому развитию), пяти региональным комиссиям (для Африки, Азии и Тихого океана, Европы, Латинской Америки и Карибского бассейна, Западной Азии), а также исполнительным комитетам различных органов ООН (Детский фонд, Управление Верховного комиссара по делам беженцев, Программа развития, Фонд в области народонаселения, Мировая продовольственная программа, Международный учебный и научно-исследовательский институт по улучшению положения женщин). Через Экономический и Социальный Совет с ООН оказались связаны самые различные профильные международные организации,

сохранившие юридическую автономию (Международная организация труда, Всемирная организация здравоохранения, Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций, группа Всемирного банка, Всемирный почтовый союз, Всемирная торговая организация и т.д.).

Совет по Опеке был организован для наблюдения за управлением подопечными территориями в составе пяти постоянных членов Совета Безопасности – Китая, Франции, СССР, Великобритании и США (в 1994 г. Совет Безопасности прекратил действие Соглашения об опеке ООН в отношении последней из первоначального перечня территорий – подопечной территории Тихоокеанские Острова (Палау), находившейся под управлением США; с тех пор Совет по Опеке не был ликвидирован, но фактически приостановил свою деятельность).

Главным судебным органом ООН стал Международный Суд, находящийся в Гааге и состоящий из 15 судей, избираемых Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности. В компетенцию Суда вошло рассмотрение юридических споров между государствами-участниками, консультирование ООН и ее специализированных учреждений по любому юридическому вопросу. Юрисдикция Суда была распространена на все дела, которые передавались ему государствами, и все вопросы, предусмотренные Уставом ООН или действующими договорами и конвенциями. Частным лицам право обращения в Международный Суд предоставлено не было. Основанием для судопроизводства стали прежде всего международные конвенции, международные обычаи (как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы), общие принципы права, признанные нациями, а также судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов различных стран.

Для организационного обеспечения деятельности ООН был создан Секретариат со штаб-квартирой в Нью-Йорке. В отличие от аналогичного органа Лиги наций, функции Секретариата ООН оказались чрезвычайно разнообразны – от руководства миротворческими операциями до посредничества в международных спорах, от обзора экономических и социальных тенденций до подготовки исследований по правам человека и устойчивому развитию. Со временем Генеральный секретарь ООН стал одной из ключевых фигур в мировой политике. Первым этот пост в 1946 г. занял Трюгве Ли (Норвегия).

Итак, формирование системы ООН радикальным образом изменило контуры международного политико-правового пространства. В основу ее концепции были положены идеологические принципы, выдвигавшиеся еще на Парижской конференции 1919 г., – самоопределение наций, система глобальной коллективной безопасности, уничтожение всех видов дискриминации, открытое международное экономическое пространство (мир «открытых дверей»). Но теперь гарантии мира и безопасности рассматривались в теснейшей связи с обеспечением экономического роста и социальной стабильности человечества. Создание «международных режимов» в самых различных сферах политического, экономического, социального, гуманитарного развития значительно усиливало наднациональный уровень правового регулирования. Политическое лидерство стран, ставших постоянными членами Совета Безопасности, должно было придать этой системе прочный и долговременный характер. Не слу-

чайно, что на последнем этапе обсуждения «архитектуры ООН» Рузвельт решил не ставить жестко вопрос о судьбе колониальных империй Великобритании и Франции, а также последствиях «ялтинского раздела» сфер влияния в Восточной Европе. Американская внешнеполитическая идеология в эти годы решительным образом перестраивалась в направлении от изоляционизма к глобализму, к представлению о неразрывном единстве судеб всех народов мира и ключевой роли «сверхдержав» в прогрессе человечества. Парадоксальным образом эти идеи оказались созвучны и политическим идеалам коммунистического руководства СССР, при том что сам «мировой прогресс» понимался обеими сторонами совершенно по-разному.

Временное совпадение стратегических целей США и СССР привело к попытке сконструировать новый мировой порядок без разрешения глубоких политико-идеологических противоречий, разделявших «сверхдержавы». Двойственной оказалась и сама концепция нового международного правопорядка. С одной стороны, она изначально провозгласила незыблемость принципа государственного суверенитета, а также сопряженных с ним принципов суверенного равенства государств, невмешательства во внутренние дела и территориальной целостности государств. На подобной трактовке суверенитета, как независимости от внешнего влияния и полновластия внутри страны, основывалась и классическая система международного права. В рамках ее международно-правовая ответственность суверенного государства рассматривалась лишь в контексте принципа добросовестности (добросовестного) выполнения принятых на себя в порядке договора обязательств). Сам же классический международный порядок приобретал поэтому устойчивость лишь при равновесии сил ведущих государств и их коалиций. Создание ООН открыло путь для радикальной перестройки этих традиционных правил мировой политики.

Устав ООН, формально не отрицая суверенность каждого государства, ввел несколько новых правовых принципов, существенно противоречащих идее суверенитета. В первую очередь это касается принципа неприменения силы, в том числе и «угрозы силой», способной нанести ущерб территориальной целостности или политической независимости того или иного государства. Если пакт Бриана–Келлога 1928 г., впервые закрепивший отказ от войны как орудия национальной политики, представлял собой договорную систему, где каждое государство самостоятельно возлагало на себя ответственность, то устав ООН придал принципу неприменения силы императивный, т.е. общеобязательный характер. Основанием для ответственности государства становился не только установленный факт агрессии, но иные действия, которые Совет Безопасности мог счесть проявлением агрессии (в 1974 г. Генеральная Ассамблея ООН уточнила определение агрессии, распространив его на весьма обширный перечень действий). В качестве санкций против государств-агрессоров устав ООН предусматривал ввод эмбарго и иных экономических санкций, санкционированное Советом Безопасности использование вооруженных сил группы стран или какой-либо региональной организации.

Характерно, что суверенным государствам вменялась миролюбивая модель поведения независимо от принятия ими соответствующих обязательств или специфики норм внутреннего законодательства. С учетом трагических

уроков Второй мировой войны подобный подход казался вполне оправданным. Однако он впервые создавал возможность для ввода международного контроля за правомочностью действий суверенных государств вплоть до использования лиловых методов воздействия.

Еще более сложную коллизию создавал ввод в международное право принципа равноправия и самоопределения народов. Следует учесть, что признание права наций на самоопределение на протяжении нескольких столетий являлось важнейшей установкой западной политико-правового сознания. Само понятие «нация» («nation») в западной, точнее англо-франко-голландской, традиции уже с XVII в. использовалось для обозначения гражданского сообщества, достигшего в своем развитии уровня «самоопределения», то есть политико-правовой самоорганизации на договорной основе. Сам переход из «естественно-правового» состояния в гражданское соотносился именно с договорным возникновением государства, а потому право нации на создание суверенной государственности считалось таким же неотчуждаемым, как и естественное право человека на свободу. В англоязычной традиции понятие «nation» постепенно начало ассоциироваться с «государством» («commonwealth»), в отличие от гражданской «общины» («community»). В дальнейшем, национально-государственная идентичность, в отличие от этнической, конфессиональной и культурной, начала рассматривалась в качестве необходимого основания международно-правовой субъектности (как утверждал Мадзини, «каждой нации — государство, и только одного государство для целой нации»). Складывание в немецко-русской традиции альтернативного представления о народе («volk»), как органическом сообществе, чья идентичность имеет «вечный» («perennial») характер и основывается на общности исторической судьбы, «крови», «почвы» и «духа», не повлияло на классическую теорию международного права.

Концепция ООН впервые легализовала международно-правовую субъектность не наций, а народов. Уже в преамбуле к уставу ООН было заявлено, что учредителями новой организации являются «народы объединенных наций». Таким образом, понятие «нация» использовалось именно в значении «государство», тогда как понятие «народ» распространялось на любое сообщество, стремящееся к самоопределению и позиционированию себя в мировом правопорядке. В Декларации о принципах международного права, принятой ООН в 1970 г., эта позиция уточнялась следующим образом: «Все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право». Таким образом, международно-правовая субъектность «народов» начала рассматриваться в качестве предпосылки, а не следствия оформления их государственности. Неизбежно возник и вопрос о праве «самоопределяющихся» народов на выход из состава суверенных государственных или субгосударственных образований. В тот период, когда эта проблема касалась преимущественно народов, борющихся за освобождение от колониального господства, коллизия принципа государственного суверенитета и права народов на самоопределение не приобретала острого характера. Но потенциально она угрожала все новыми вспышками этнического сепаратизма.

Не менее сложные правовые и политические проблемы были порождены переориентацией международно-правового регулирования на защиту

прав человека. Принципы уважения прав человека и равноправия людей вне зависимости от их расы, пола, языка и религии были провозглашены в уставе ООН как важный фактор укрепления всеобщего мира и безопасности. Именно в таком контексте происходило закрепление ряда прав человека и в международном праве конца XIX — начала XX вв. (запрет работорговли, права мирного населения и «комбатантов» в рамках законов и обычаев войны, в том числе режим больных и раненных, правовой статус военнопленных и т.п.). Но классическое международное право, регулирующее различные аспекты правового статуса личности, оставалось очень фрагментарным по содержанию и договорным по юридической природе (т.е. базировалось на системе международных договоров, участие в которых для каждого государства было сугубо добровольным). Первые попытки обособить возможность международного вмешательства для защиты прав человека (например, постановления европейскими державами в начале XX в. вопроса о правах христианского населения в Турции и на Ближнем Востоке) предпринимались тогда лишь на основе традиционной концепции «дипломатической защиты иностранцев».

Принятие устава ООН в корне изменило взгляд на международно-правовые основы статуса человека. Впервые было недвусмысленно заявлено, что Объединенные Нации намерены пресечь саму возможность произвола государства в отношении личности независимо от границ национального суверенитета и специфики внутреннего законодательства. Юридически этот подход был выражен в принципе всеобщего уважения прав и свобод человека, исключающих любую дискриминацию. С формальной точки зрения, это еще не означало преодоление национального суверенитета. Речь шла об установлении ответственности государств за соблюдение основных прав человека без закрепления индивидуальной субъектности в системе международного права. Таким образом, правовой статус человека по-прежнему рассматривался только как часть национального правового пространства. Однако необходимость конкретизации «основных прав» человека вскоре заставила сделать и следующий шаг.

В 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН утвердила Всеобщую декларацию прав человека, где содержался весьма подробный список «демократических прав и свобод». Объектом международно-правовой защиты стали: право каждого человека на жизнь, свободу и личную неприкосновенность; равенство людей независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения; свобода от рабства и подневольного состояния, пыток и жестокого обращения, от произвольного вмешательства в личную и семейную жизнь; свобода передвижения; свобода мысли, совести и религии, собраний и объединений; свобода убеждений и право на их выражение; право на гражданство и убежище, на участие в управлении страной и равный доступ к государственной службе; право владеть имуществом, вступать в брак и основывать семью. Особо оговаривались запрет на посягательство на честь и репутацию человека, право каждого человека на признание своей правосубъектности и на равную, справедливую, открытую судебную защиту, презумпция невиновности. В качестве рекомендательных норм Декларация закрепляла ряд социально-экономических прав (право на социальное обеспечение, на труд, на равную оплату за равный труд, на отдых и досуг, на образование и участие в культурной жизни общества,

право на такой жизненный уровень, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния).

Закрепление основных прав и свобод личности в качестве международно-правового стандарта уже не могло рассматриваться в русле охранительной политики, направленной на обеспечение мира и безопасности. В основу концепции правового статуса личности был положен либерально-демократический подход, основанный на идее естественной правосубъектности индивида и ограниченного воздействия на него со стороны общества. Любые иные трактовки правового статуса личности (в том числе, и воплощенная в советской конституционной доктрине) оказывались противопоставлены мнению Объединенных Наций. Тем самым, проблема прав человека превращалась в основу для потенциальных конфликтов между странами с различными общественными системами, правовыми и культурными традициями. Не случайно, что советская делегация воздержалась от голосования в 1948 г. за утверждение Всеобщей декларации прав человека. Тем не менее в дальнейшем либерально-демократический подход к проблеме прав человека был закреплен во многих резолюциях и конвенциях ООН (в том числе в Пакте об экономических, социальных и культурных правах и Пакте о гражданских и политических правах, принятых в 1966 г.).

Устанавливая основы правосубъектности народов и индивидов вне прямой зависимости от границ государственного суверенитета, концепция ООН радикально изменила представление о самой природе международного права. Ранее подобные нормы либо декларировались на международных конференциях, либо являлись предметом прямых межгосударственных договоров, но в любом случае оставались в исключительной компетенции государства. Теперь же все эти важнейшие проблемы оказывались в сфере прямого воздействия международного права. В 1969 г. Венская конвенция о праве международных договоров впервые официально закрепила понятие императивных норм международного права (*jus cogens*) – норм, которые «принимаются и признаются международным сообществом и отклонение от которых недопустимо». Устанавливалось, что с возникновением императивной нормы любой противоречащий ей межгосударственный договор утрачивает силу. С принятием в 1970 г. Декларации о принципах международного права императивный характер был признан за всеми нормами, созданными на основе целей и принципов устава ООН. Это открыло возможность легитимного вмешательства мирового сообщества во внутренние дела отдельных государств, не только нарушающих принципы миролюбивой политики, но и не придерживающихся международного стандарта прав человека.

Итак, складывание нового международно-правового порядка под эгидой ООН впервые в истории человечества создало предпосылки для реализации идеи универсализма – приоритета общечеловеческих ценностей и целей исторического развития. Однако борьба «сверхдержав» за лидерство в послевоенном мире, их попытки определить пути прогресса человечества с точки зрения собственной идеологии и национальных интересов, неизбежное усиление центробежных тенденций в мировом сообществе, столкнувшемся с гегемонией «сверхдержав», сковали на несколько десятилетий деятельность ООН. Использование императивных норм, в том числе в сфере прав человека, оставалось фактически невозможным. Сама трибуна ООН не раз становилась полем для политической конфронтации и пропаганды. Предельно ограниченными оказались и возможности ООН по

проведению миротворческих операций. «Холодная война» расколола мир на проамериканский Запад, просоветский Восток и «третий мир», ищущий свою геополитическую идентичность на путях капиталистической и социалистической «ориентации». Большая часть военно-политических конфликтов приобрела в таких условиях характер блокового противостояния. Лишь в конце 1950-х – начале 1960-х гг., на фоне краха колониальных империй и разветывания национально-освободительного движения, ООН получила возможность более активно влиять на процессы политического и экономического развития стран Азии и Африки. С распадом же в 1991 г. СССР в истории ООН начался новый период.

Глава 12

Соперничество «сверхдержав» и политика разоружения в годы «холодной войны»

Складывание биполярной системы международных отношений во второй половине 1940-х гг. Уже на завершающем этапе Второй мировой войны стало очевидным бесспорное преобладание двух «сверхдержав» — США и СССР. Только эти страны вышли из войны достаточно боееспособными, чтобы при необходимости самостоятельно принять новый вызов и жестко отстаивать свои интересы в борьбе с любым противником. На стороне США была беспрецедентная экономическая мощь — за первую половину 1940-х гг. национальный доход страны возрос более чем в 2 раза, большая часть мировых запасов золота оказались сосредоточенными в американской банковской системе. США пока монопольно владели оружием массового поражения. СССР был истощен войной несравненно больше. Однако мобилизационный характер советской экономики позволял концентрировать огромные материально-технические, финансовые и человеческие ресурсы для решения любой поставленной задачи. СССР обладал мощной и многочисленной армией, получившей бесценный опыт проведения стратегических наступательных операций. При оформлении Ялтинско-Потсдамской международной системы США и СССР получили наибольшие преимущества в контроле над послевоенным урегулированием в Дальневосточном и Восточноевропейском регионах.

Победоносная война с нацизмом консолидировала государственную элиту в США и СССР, способствовала подъему национального духа в этих странах. К концу войны стало особенно заметно, что парадоксальной схожестью обладает политическая культура американского и советского общества. Мировоззрение, формируемое под влиянием либеральных и коммунистических идеалов, основывалось на совершенно разных ценностных установках и социальных ориентирах. Но для него была характерна глубокая убежденность в неразрывном единстве судеб всех народов мира, меньшей значимости государственного властного суверенитета по сравнению «волей народов», второстепенности этнических и конфессиональных факторов общественного развития. Основным двигателем общечеловечес-

кого прогресса считалось стремление каждого человека и всех людей к реализации своих «священных прав» (прав на личную свободу и независимость с либеральной точки зрения, и на труд и справедливость — в понимании коммунистов). Отказ от признания этих «истинных интересов», объединяющих людей вне зависимости от расы, национальности и вероисповедания, воспринимался как прямой вызов человечеству и реакционное сопротивление самой истории. Любое государство, пытающееся не только в мировом масштабе, но и в пределах собственных границ противопоставить «единственно верному историческому пути» собственный идеологический проект, рассматривалось в роли антинародного режима. И, напротив, страна, которая оказывалась способна взять на себя ответственность за судьбы человечества и гарантировать другим народам возможность встать на путь прогресса, приобретала мессианский ореол, право говорить и действовать от лица человечества. «Сверхдержавность», как особая политическая философия, базировалась именно на таких гегемонистских установках. Естественно, что на практике многие действия американской и советской дипломатии диктовались вполне прагматичными соображениями и собственными государственными интересами. Но их основой оставалась глубокая убежденность в собственном исключительном праве и священном долге защищать будущее человечества. Все эти особенности глобалистского политического мышления объясняют и непримиримую вражду двух бывших союзников, и их парадоксальную взаимозависимость. Обе «сверхдержавы» говорили на одном геополитическом языке, обе стремились к оформлению не столько союзных политических коалиций, сколько «лагерей» своих сателлитов, способных стать прообразом будущего универсального миропорядка, обе остро нуждались в образе тотального врага, своеобразного «контр-эго», «империи зла», олицетворяющей вызов «истинным» идеалам свободы. В итоге, Pax Americana оказывался нерасторжимо связан с Pax Sovietica.

Советский вариант идеологии глобализма складывался поэтапно с первых лет существования СССР. В основе его лежали принцип пролетарского интернационализма и представление об исторической миссии пролетариата как класса-гегемона современной эпохи. Само возникновение советской страны рассматривалось как начало «общего кризиса капитализма» и преддверие мировой пролетарской революции. Коминтерн официально был провозглашен прообразом планетарного государства трудящихся. Со временем советское руководство попыталось проводить политику мирного сосуществования с «капиталистическим окружением». Но, поддерживая международное пролетарское и антиколониальное движение, оно никогда не считало себя связанным «условностями» парламентской демократии, «буржуазного конституционализма», международного права. Роль защитника национальной независимости малых стран Европы, которую СССР взял на себя в 1930-х гг., не меняла суть советского внешнеполитического курса. Сталин неизменно призывал разоблачать «буржуазный пацифизм» и «предательскую политику умиротворения агрессоров». Он считал, что современные войны порождаются империализмом. Эта «высшая и последняя стадия капитализма» провоцирует исключительную остроту социальных конфликтов, и покончить с угрозой войны можно, лишь уничтожив империализм в мировом масштабе. Фашизм же рассматривался в СССР как авангард мирового империализма, и борьба с ним

считалась первым шагом к развертыванию массового революционного движения (что наглядно отразилось еще в коминтерновской стратегии Народного фронта).

К концу Второй мировой войны советская внешнеполитическая идеология в значительной степени утратила классовый пафос. СССР на равных был принят в круг ведущих стран мира. В самом Советском Союзе с 1943 г. началось восстановление всех атрибутов державности. В сочетании с коммунистическим гегемонизмом это и стало последней лептой в портрет «сверхдержавы», безапелляционно утверждающей свои государственные интересы в мировом масштабе.

Оформление американского глобализма носило более противоречивый характер. На первый взгляд, традиции изоляционизма препятствовали превращению США в мировую державу. Да и сама либеральная идеология с присущим ей духом толерантности плохо сочеталась с гегемонистскими устремлениями. В то же время политическая культура американского общества изначально обладала ярко выраженными мессианскими чертами. Ядро ее составила протестантская модель мышления – признание решающей роли общественного мнения в жизни человека (при сохранении сугубо рациональной и индивидуалистической мотивации), императивность нравственных норм, нередко переходящая в настойчивое морализаторство, сочетание индивидуальной ответственности каждого человека с признанием избранности, особого превосходства тех людей, которые достигают личного успеха и становятся «рукой провидения». Не случайно, что еще первый президент США в своей инаугурационной речи говорил о создании свободного американского общества как «величайшем эксперименте всего человечества». Таким образом, идея религиозно-нравственного превосходства очень тесно сочеталась в американском общественном сознании с представлением о национальной исключительности «самого свободного народа». Именно такие установки во многом предопределили выбор изоляционистской внешнеполитической стратегии – американцы дистанцировались от остального мира, не признающего «подлинные законы свободы». Но они же превратили Америку в «сверхдержаву», пытающуюся заставить весь мир встать на путь свободы и демократии. Как рассуждал Генри Киссинджер, история отвела Америке две роли – она «совершенствует демократию у себя дома и потому служит путеводным маяком для остальной части человечества», но при этом «сами демократические ценности накладывают на Америку обязательство бороться за их утверждение во всемирном масштабе».

Толчком для пересмотра американской стратегии взаимоотношений с СССР по окончании Второй мировой войны стала аналитическая записка сотрудника посольства в Москве Джорджа Фроста Кеннана (этот документ в 8000 слов вошел в историю под названием «Длинная телеграмма»). Кеннан утверждал, что по представлениям советских лидеров «СССР все еще живет в антагонистическом «капиталистическом окружении», с которым не может быть долговременного мирного сосуществования». Это можно считать проявлением традиционного страха перед внешней опасностью, закрепившегося в русском менталитете еще с эпохи Древнерусского государства. Кеннан, как и многие западные политики, полагал, что именно в силу своей исторической отсталости и уязвимости Россия при любом государственном строе

остается нарочито агрессивной и поэтому опасной. Официальная внешняя политика СССР, по его мнению, будет направлена на всемерное расширение сферы своего влияния. Идеологическим обоснованием советского экспансионизма остается «догма, согласно которой внешний мир – это зло, враждебное и опасное, обреченное на то, чтобы раздираться внутренними противоречиями до тех пор, пока по нему не будет нанесен завершающий смертельный удар растущей мощью социализма». Для противодействия советской угрозе Кеннан считал необходимым нейтрализовать влияние коммунистической идеологии в странах Европы и других регионах мира, предоставить реальные гарантии безопасности странам, находящимся в зоне советского влияния. Но одновременно он предостерегал американское правительство от соблазна гегемонизма. «Величайшая опасность, угрожающая нам в борьбе с проблемой советского коммунизма, – писал Кеннан, – это то, что мы позволим себе стать такими же, как те, с кем мы боремся».

Для анализа «длинной телеграммы» Кеннана по распоряжению президента Г. Трумэна была создана специальная комиссия с участием советника президента Кларка М. Клиффорда, государственного секретаря Дж. Маршалла, его первого заместителя Ачесона, министра военно-морских сил Дж. Форрестала, министра юстиции Гарримана и других влиятельных политиков. По итогам работы комиссии 24 сентября 1946 г. Трумэну был представлен доклад «Американские отношения с Советским Союзом». Ключевым тезисом этого документа стало утверждение, что советская экспансия может начаться в любом месте земного шара, и только США имеют возможность препятствовать ей. В отличие от рассуждений Кеннана об исторической отсталости России, Клиффорд указывал на ключевую, по его мнению, особенность советской политической системы – ее мобилизационный характер, позволяющий за счет жесткой централизации и дисциплины планомерно реализовывать любые проекты. Поэтому выводы его доклада были более жесткими. Президенту предлагалось при необходимости не останавливаться перед использованием против СССР атомной или бактериологической войны. Первоочередными же задачами считалось создание прочной коалиции западных держав, увеличение военной мощи самих Соединенных Штатов и всемерное упрочение их позиций в экономической, научно-технической и интеллектуальной сферах, жестокая идеологическая борьба с коммунизмом на мировой арене.

Доклад Клиффорда оставался засекречен до 1970-х гг. Первым же публичным выражением нового стратегического курса западных стран стала речь У. Черчилля «Мускулы мира», произнесенная 5 марта 1946 г. во время частного выступления в Фултоне перед студентами Вестминстерского колледжа. Формально Черчилль призывал к объединению сил всех демократических народов для защиты своей свободы под эгидой Организации Объединенных Наций. «Но мы должны удостовериться, что ООН действительно нашла ключ к миру, гарантирующий безопасность всем народам, – заявил Черчилль. – Мы должны постоянно заботиться о том, чтобы эта организация была активно действующей силой, а не трибуной для пустословия, чтобы она стала подлинным Храмом Мира, а не превратилась во вторую Вавилонскую башню. Прежде чем нам удастся избавиться от необходимости основывать гарантии своей национальной безопасности на одних лишь

вооруженных силах, мы должны будем удостовериться, что наш общий Храм Мира возведен не на зыбучих песках или болотной трясине, а на твердом, каменном основании».

Под «твердым основанием» Объединенных Наций Черчилль подразумевал «братскую ассоциацию народов, говорящих на английском языке». Фактически речь шла о создании нового военно-политического союза США и Великобритании, призванного опустить «железный занавес» перед «коммунистической угрозой». Расхожий впоследствии термин «железный занавес» Черчилль впервые применил еще в парламентской речи 16 августа 1945 г., которая была озаглавлена «Железный занавес начинает опускаться». После Фултонской речи это понятие стало символом «холодной войны». Черчилль вполне определенно заявил в Фултоне о праве Советского Союза быть в числе ведущих держав мира. Однако он подчеркнул, что советское влияние делит Европу на два противостоящих лагеря: «От Штеттина на Балтийском море до Триеста в Адриатике поперек континента опущился железный занавес».

Фултонская речь Черчилля была образцом традиционного геополитического мышления. Она основывалась на представлении о четком странственном оформлении двух противостоящих политических блоков. Кроме того, Черчилль делал особый акцент на идее атлантической солидарности англосаксонских народов, несущих основную ответственность за судьбы мира. В ином ключе принцип атлантизма трактовал американский президент. В выступлении перед Конгрессом 12 марта 1947 г. Трумэн заявил о наличии в мире не двух противоборствующих блоков, а двух «альтернативных путей развития» - демократического и тоталитарного. Подразумевалось, что в этих условиях перед необходимостью самоопределения оказывается любая страна в любой точке земного шара, и США не могут оставаться безучастными к судьбам мировой демократии. К тому же, как утверждал Трумэн, «тоталитарные режимы, установленные над свободными народами подрывают основы международного миропорядка и, следовательно, угрожают безопасности Соединенных Штатов». Все это заставляет США возглавить «крестовый поход» против «коммунистической угрозы» в защиту «материального благополучия, человеческого достоинства, права верить и почитать Бога».

В течение 1948–1950 гг. Совет национальной безопасности США разработал целый ряд директив, в которых подробно формулировались новые принципы внешнеполитической стратегии. Их общий лейтмотив был весьма образно сформулирован в директиве СНБ 20/1 «Цели Соединенных Штатов по отношению к России» от 18 августа 1948 г. В этом документе заявлялось: «Чем меньше «окно» между целями военного и мирного времени, тем более вероятно то, что успешная военная попытка будет означать и политический успех». Однако возможность военного воздействия на СССР оказалась сведена к минимуму после успешного испытания в 1949 г. советской атомной бомбы. С этого времени начинается состязание двух «сверхдержав» в постоянном наращивании и совершенствовании вооружений. Поскольку эта гонка не давала ни одной из сторон очевидного преимущества, а взаимная угроза ядерного удара заставляла отказываться и от прямых столкновений с использованием обычных вооружений, эпицентр противостояния

переместился на дипломатическую арену. США и СССР начали использовать любые международно-политические кризисы и локальные конфликты для усиления своего геополитического преимущества. Чрезвычайно активно велась и пропагандистская война.

Открытая конфронтация во взаимоотношениях между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции началась уже в 1946 г. Поводом стали события вокруг Ирана и Греции. В соответствии с англо-советско-иранским договором, заключенным в январе 1942 г., все иностранные войска должны были быть выведены с территории Ирана не позднее, чем через шесть месяцев по окончании войны. В соответствии с этими соглашениями, британские и американские войска покинули Иран в начале марта 1946 г. СССР же не только не предпринял аналогичных шагов, но и ввел в северные районы Ирана, где преобладало азербайджанское население, новые военные части. Советская дипломатия начала добиваться эксклюзивных прав на разработку нефтяных месторождений в этих провинциях и даже обеспечения политической автономии для Иранского Азербайджана. В марте-апреле жалоба Тегерана на «вмешательство советских властей во внутренние дела Ирана» рассматривал Совет Безопасности ООН. Под давлением США и Великобритании СССР был вынужден в мае 1946 г. завершить вывод всех своих войск из Ирана, после чего в этой стране резко усилились проамериканские настроения, а сочувствующие Советскому Союзу были подвергнуты преследованиям.

Еще более острый характер приобрел греческий кризис. В последние месяцы Второй мировой войны Греция оказалась зоной непосредственного столкновения советских и британских интересов. После проведения в октябре 1944 г. успешной десантной операции и начала освобождения Греции Великобритания получила в регионе бесспорное преимущество. Но греческое прокоммунистическое партизанское движение начало получать военную помощь от СССР через территорию Болгарии и Югославии. Постепенно страна втягивалась в гражданскую войну. В феврале 1946 г. СССР обратился в Совет Безопасности ООН с жалобой на присутствие британских войск в Греции. Великобритания попыталась сохранить свой контроль над Грецией, навязав в сентябре 1946 г. проведение референдума о восстановлении монархии. В страну вернулся король Георг II, но с образованием в январе 1947 г. правительства Максимоса Греция была вновь ввергнута в волну массовых репрессий. Молчаливо признавая провал своей греческой политики, британское правительство поспешило начать эвакуацию войск. Их сменили американцы, не останавливавшиеся перед прямым применением силы для подавления партизанского движения. Именно в Греции тогда впервые был применен напалм.

Активизация американцев в Иране и Греции заставило СССР усилить дипломатический нажим на Турцию. Первые попытки укрепить свои позиции в стратегически важном регионе средиземноморских проливов СССР предпринял еще до завершения войны. 19 марта 1945 г. советское правительство денонсировало договор с Турцией о ненападении и нейтралитете от 1925 г. «в связи с изменившейся международной обстановкой». В ходе последующих переговоров СССР выдвинул требования о предоставлении ему в зоне проливов военно-морской базы, возвращении областей Карса,

Артвина и Ардагана, перешедших к Турции после Первой мировой войны, а также изменении международного режима проливов таким образом, чтобы проход военных кораблей через них контролировался только черноморскими государствами. В августе 1946 г. все эти вопросы вновь были поставлены перед турецким правительством. США и Великобритания со своей стороны гарантировали Турции любую поддержку, вплоть до военной, в случае конфликта с СССР. С этого времени Турция оказалась в роли стратегического форпоста Запада в Восточном Средиземноморье.

На протяжении 1946–1947 гг. быстро осложнялась ситуация вокруг Германии. В ходе Парижской сессии СМВД в мае 1946 г. СССР и западным странам не удалось выработать общие подходы к вопросу о заключении мирного договора с Германией, а также согласовать программу экономических мероприятий в зонах оккупации. С июня 1946 г. был введен жесткий контроль за движением людей и товаров на границе между советской и западными зонами. В июле государственный департамент США объявил о намерении объединить американскую и британскую оккупационные зоны для обеспечения эффективности административного управления. Соглашение об образовании «экономической объединенной области» («бизонии») было подписано в декабре 1946 г. В начале 1947 г. стало уже очевидно, что политический диалог союзников о путях развития Германии окончательно зашел в тупик. В ходе Московской сессии СМВД в марте-апреле 1947 г. советская делегация возобновила требования по организации поставок текущей продукции в счет репараций. Ее оппоненты настаивали на прекращении репарационных изъятий и предоставлении немцам возможности восстановить экономическую систему. Дискуссия не привела к какому-либо конкретному результату. Поскольку именно в марте 1947 г. Трумэн публично заявил о переориентации внешней политики США на борьбу с «коммунистической угрозой», то подлинные причины срыва переговоров по германскому вопросу были очевидны.

5 июня 1947 г. государственный секретарь США Джордж Маршалл в своей речи в Гарвардском университете представил претенциозный проект «восстановления и развития Европы». В основу его лег план инвестиционной помощи европейским странам, пострадавшим в годы войны. Для согласования предполагаемых мероприятий в июле 1947 г. была организована Парижская конференция. Советское руководство первоначально планировало принять участие в ее работе, с тем чтобы организовать совместный дипломатический демарш всех восточноевропейских стран. Но когда правительства Польши и Чехословакии проявили явную заинтересованность в «плане Маршалла», в Москве было принято решение демонстративно отказаться от участия в конференции. Под прямым политическим нажимом со стороны СССР восточноевропейские страны были вынуждены ответить на американские предложения «добровольным и решительным отказом». «Железный занавес» посередине Европы становился все более осязаем.

В ноябре-декабре 1947 г. состоялась Лондонская сессия СМВД. В ходе ее работы СССР и западным державам вновь не удалось достичь согласия ни по одному вопросу, связанному с политикой в отношении Германии. В то же время США, Великобритания и Франция узаконили объединение своих оккупационных зон («тризония»). В феврале-июне 1948 г.

состоялось два раунда Лондонской конференции по германскому вопросу, на которой впервые не было советской делегации, но зато участвовали представители Бельгии, Голландии и Люксембурга. Конференция приняла решение о созыве Учредительного собрания для выработки конституции нового германского государства.

20 июня 1948 г. в западных оккупационных зонах началась денежная реформа. В советскую зону хлынул поток обесцененных старых марок, способный подорвать потребительский рынок. Правда, закрытая еще с 30 июня 1946 г. межзональная граница создавала определенную преграду, но исключением оставался Берлин, разделенный на четыре сектора. 24 июня советские войска блокировали Западный Берлин, прервав его сообщение с западными зонами. Эта акция носила в большей степени политический характер. Именно 24 июня в советской зоне была осуществлена собственная реформа, в ходе которой на старые марки были наклеены особые купоны. Экономическая опасность притока денежной массы была, таким образом, снята. Блокада же Западного Берлина была призвана заставить западные державы вернуться к переговорам. Но США, в свою очередь, предпочли использовать берлинский кризис для дискредитации советской оккупационной политики. Для обеспечения населения Западного Берлина продовольствием был организован воздушный мост. В течение последующих 324 дней с интервалом в несколько минут транспортные самолеты приземлялись на посадочную полосу аэродрома Темпельхоф. Ежедневно в город доставлялось 13 тыс. т продовольствия, что в три раза превышало уровень поставок в прежние месяцы. Одновременно западные державы ввели эмбарго на поставки товаров в советскую зону.

В разгар берлинского кризиса представители западных немецких земель начали разработку временной конституции, призванной действовать до «окончательного решения вопроса о воссоединении Германии». В апреле 1949 г. США, Великобритания и Франция утвердили «Оккупационный статут», закрепляющий их контроль над внешней политикой Западной Германии, ее внешней торговлей и зарубежными активами, системой безопасности. 8 мая 1949 г. западногерманским Парламентским Советом был принят Основной закон Федеративной Республики Германии, одобренный 12 мая военными губернаторами западных оккупационных зон. Торжественный акт обнародования Основного закона 23 мая стал днем образования ФРГ. 7 октября 1949 г. в советской оккупационной зоне было провозглашено образование Германской Демократической Республики. Раскол Германии завершился. Последняя Парижская сессия СМВД, работавшая в мае-июне 1949 г., уже не могла остановить этот процесс.

В конце 1948 – начале 1949 гг. на фоне раскола Германии произошла дальнейшая консолидация проамериканского блока. 4 апреля 1949 г. в Брюсселе представители 12 стран «западного мира» подписали Североатлантический пакт. В тексте договора речь шла о стремлении стран-участниц «оградить свободу, общее наследие и цивилизацию своих народов, основанные на принципах демократии, свободы личности и господства права, обеспечить стабильность и благосостояние в Североатлантическом регионе, объединив усилия для коллективной обороны». Учредителями НАТО стали США, Канада, Великобритания, Франция, Италия, Бельгия, Голландия, Люк-

сембург, Норвегия, Дания, Исландия и Португалия. В 1952 г. к альянсу присоединились Греция и Турция, в 1955 г. – ФРГ. Просоветский военно-политический блок (Организация Варшавского Договора) был создан только в 1955 г. в качестве демонстративного ответа на ремилитаризацию ФРГ. Но еще в 1947 г. все восточноевропейские страны, оказавшиеся в сфере влияния СССР, стали участниками Информационного бюро коммунистических и рабочих партий (Информбюро) – преемника Коминтерна. В 1948 г. СССР заключил с большинством из них договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, а в 1949 г. был создан Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ).

Итак, к началу 50-х гг. мировое сообщество оказалось разделенным на два противоборствующих лагеря. Каждая из двух «сверхдержав», возглавивших биполярный мировой порядок, считала себя выразительницей подлинных интересов всех народов. В ходе их идеологического и военно-политического противоборства конфликты и локальные войны в любом регионе земного шара начали восприниматься как составная часть глобальной борьбы Запада и Востока. При этом в действиях обеих «сверхдержав» отчетливо проявлялся страх перед соперником и озабоченность собственной безопасностью. Огромные ресурсы начали использоваться для поддержания гонки вооружений, что в свою очередь лишь усиливало международную напряженность.

Военно-политические конфликты 1950–1960-х гг. и первые попытки ослабления международной напряженности. По мере укрепления «железного занавеса» в Европе эпицентр мировой политики начал смещаться на Восток. После победы народной революции в Китае и образования 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики (КНР) ситуация в Азии радикально изменилась. Лидер китайских коммунистов Мао Цзэдун уже в декабре 1949 г. отправился с визитом в СССР. По результатам переговоров 14 февраля 1950 г. в Москве был подписан договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР. Обе страны обязались совместно предпринимать все необходимые меры, чтобы не допустить повторения агрессии со стороны Японии или любого другого государства, объединившегося с Японией для совершения акта агрессии. Кроме того, СССР и КНР заявили о своей готовности солидарно участвовать во всех международных действиях, направленных на обеспечение мира и безопасности народов. Одновременно с договором было подписано несколько двусторонних соглашений. СССР обязался безвозмездно передать КНР все свои права по управлению Китайской Чанчуньской железной дорогой, вывести свои войска с военно-морской базы Порт-Артур (их вывод был завершен в мае 1955 г.) и передать КНР все имущество, которое он использовал в порту Дальний. В последующие годы началась интенсивное сотрудничество СССР и Китая в экономической и военной сферах.

Чтобы не допустить распространения китайского влияния в Дальневосточном регионе США попытались придать международный характер гражданскому конфликту, вспыхнувшему в 1950 г. в Корее. Эта страна являлась японской колонией с 1910 г. и после освобождения войсками союзников

была разделена по 38-й параллели демаркационной линией. 25 июня войска северокорейского прокоммунистического правительства вторглись в Южную Корею. При рассмотрении вопроса об этой агрессии в Совете Безопасности ООН советские представители воздержались от голосования в знак протеста против участия в заседании делегации свергнутого китайского правительства Чан Кайши. США добились принятия резолюции о вводе на территорию Кореи «международных сил» под флагом ООН. Группировку, включающую контингенты из 15 стран, возглавил американский генерал Макартур. К моменту прибытия этих войск северокорейская армия захватила почти всю территорию юга, в том числе столицу Сеул. Но под ударами интернациональной коалиции она начала быстро откатываться на север. Когда возникла реальная угроза оккупации Северной Кореи, на стороне северокорейцев выступил Китай. Официально китайские войска в Корею назывались «дивизиями народных добровольцев», но в действительности это были части регулярной армии КНР. Используя благоприятную ситуацию, китайские войска вторглись 21 октября 1950 г. и на территорию Тибета, аннексировав ее. Боевые действия в Корею затягивались, и во избежание превращения их в полномасштабную войну с участием почти двух десятков государств обе стороны пошли на уступки. После длительных переговоров в 1953 г. было подписано соглашение о перемирии, которое закрепило раскол Кореи на два государства.

Южнокорейский режим оказался под полным влиянием США. Одновременно американцы усилили поддержку гоминдановского правительства Чан Кайши, нашедшего убежище на острове Тайвань. В 1951 г. США добились заключения договора с Японией о сохранении своих военных баз на территории этой страны и тогда же заключили с Австралией и Новой Зеландией договор о совместных военных действиях при нападении на территорию, суда и самолеты этих стран в районе Тихого океана (Тихоокеанский пакт, оформивший региональный военный блок АНЗЮС). В сентябре 1954 г. в Маниле был подписан договор об образовании еще одного военно-политического блока под названием СЕАТО. В эту организацию, просуществовавшую до 1977 г., вошли США, Великобритания, Франция, Новая Зеландия, Австралия, Таиланд, Филиппины, Пакистан. Все эти меры значительно усилили позиции США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Но одновременно сложились предпосылки и для отказа обеих «сверхдержав» от жесткой конфронтации. Агрессивно настроенного американского президента Трумэна сменил Дуайт Эйзенхауэр. Он не менее ревностно относился к любым проявлениям «экспансии коммунизма», но был готов к более конструктивным шагам на международной арене. Советское руководство после смерти Сталина в 1953 г. также начало проявлять готовность к мирному урегулированию наиболее острых международных проблем.

Инициативу в созыве новой международной конференции проявила Великобритания. После отставки У. Черчилля с поста премьер-министра в 1955 г. его преемник А. Иден пытался всеми силами укрепить пошатнувшийся международный престиж своей страны. Еще в бытность министром иностранных дел, весной 1954 г. он выдвинул идею созыва конференции с участием глав правительств Великобритании, США, Франции и СССР для обсуждения актуальных проблем. Спустя год, уже в роли премьер-министра,

Иден вернулся к этому проекту. Предложение британской дипломатии было с сомнением встречено в Вашингтоне и Москве. Американских и советских лидеров смущали слишком претенциозные заявления Идена, готового рассматривать предстоящую встречу как «судьбоносную для человечества», равную по статусу Ялтинской и Потсдамской конференциям. Но международная ситуация действительно изменилась. С образованием НАТО, АН-ЗЮС и СЕАТО, с одной стороны, и ОВД – с другой, мир оказался не только разделен «железным занавесом», но и поделен на вполне зримые сферы военно-политической ответственности обеих «сверхдержав». Время глобальных деклараций, подкрепленных взаимным ядерным шантажом, прошло. США и СССР начинали борьбу за расширение сфер влияния политическими средствами. Стал возможен и их прямой диалог.

Совещание на высшем уровне с участием делегаций США, СССР, Франции и Великобритании открылось в Женеве 18 июля 1955 г. В повестке дня было обсуждение германского вопроса, проблем европейской безопасности, разоружения, развития гуманитарных контактов между странами Запада и Востока. Однако итоги совещания свелись лишь к декларативным заявлениям о необходимости укрепления экономического и культурного сотрудничества. Преодолеть стереотипы «холодной войны» пока было невозможно. Правда, Идену удалось договориться в Женеве о проведении первого официального визита советских руководителей в Великобританию. В апреле 1956 г. Лондон посетили Хрущев и Булганин. Политическая программа их визита была посвящена проблемам взаимоотношений со странами «третьего мира», но, как и ранее, добиться политического соглашения не удалось. Более того, визит ознаменовался досадным дипломатическим скандалом, когда «при таинственных обстоятельствах» в гавани Портсмута, где находился крейсер «Орджоникидзе», погиб английский офицер-водолаз Лайонел Крабб.

Несмотря на срыв женевских переговоров, в отношениях СССР и США наступила временная «оттепель». Обе «сверхдержавы» столкнулись с новыми серьезными проблемами на мировой арене. СССР оказался втянут в острый политический кризис в Венгрии, где лишь ценой военного вторжения удалось сохранить коммунистический строй. С трудом удалось избежать подобного сценария событий в Польше. После разоблачения сталинского культа личности быстро начали ухудшаться отношения СССР с Китаем.

Соединенные Штаты, в свою очередь, также были вынуждены внести существенные коррективы в свою внешнеполитическую стратегию. Это было вызвано быстрым ростом национально-освободительного движения в странах «третьего мира». Еще со времен Второй мировой войны американское руководство поддерживало идею полномасштабной деколонизации в мире. Но теперь, являясь политическим союзником Великобритании и Франции, которые всеми силами стремились сохранить свои колониальные империи, Соединенные Штаты оказались в двусмысленном положении. Жесткий политический нажим на формирующиеся национальные режимы в странах «третьего мира» мог способствовать распространению на них советского влияния. Американская дипломатия была вынуждена использовать более изощренные методы укрепления своего геополитического влияния. Широко начали использоваться всевозможные секретные операции, осуществляемые Центральным разведывательным управлением во главе с Алле-

ном Даллесом. К наиболее известным из них относятся успешный государственный переворот, приведший к свержению националистически настроенного премьера Ирана Мохаммеда Мосаддыка в августе 1953 г., свержение президента Гватемалы Хакобо Гусмана в июне 1954 г. и провалившаяся попытка государственного переворота с целью ликвидации режима президента Сукарно в Индонезии в 1958 г. После неудачной англо-франко-израильской агрессии против Египта в 1956 г. Эйзенхауэр резко активизировал действия американской дипломатии в арабском мире. С этого времени оплотом влияния США на Ближнем Востоке стала Саудовская Аравия. 15 июля 1958 г. американские десантники высадились в охваченном гражданской войной Ливане, оказав поддержку президенту Шуману. А после победы в 1959 г. революции на Кубе Центральноамериканский регион стал основным объектом внимания спецслужб США.

Снижение накала в противостоянии «сверхдержав» не остановило гонку вооружений. В 1952 г. в США было успешно проведено первое испытание водородной бомбы, но уже спустя год такое же оружие появились и у СССР. За первую половину 1950-х гг. американцам удалось увеличить число стратегических бомбардировщиков в три раза, но 4 октября 1957 г. Советский Союз запустил первый искусственный спутник Земли, показав наличие у него на вооружении межконтинентальных баллистических ракет. В США в эти же годы ускоренными темпами шли работы по созданию ракет «Титан» и «Минитмен». В такой взрывоопасной ситуации огромное значение приобретала способность советского и американского руководства к конструктивному политическому диалогу. Резко возрастала и цена дипломатических ошибок.

В 1958 г. поводом для обострения отношений между СССР с западными державами вновь стал «германский вопрос». Советское руководство уже давно было озабочено нарастающим потоком беженцев из ГДР, пользовавшихся открытой границей между восточным и западным секторами Берлина. 27 ноября 1958 г. Хрущев направил трем западным державам ноты. Их содержание сводилось к тому, что Советский Союз передаст контроль над коммуникациями между Западным Берлином и ФРГ правительству ГДР, если в течение ближайших шести месяцев не будут начаты переговоры по превращению Западного Берлина в демилитаризованный вольный город. Это означало, что, в случае отказа вывести Западный Берлин из состава ФРГ Советский Союз «руками» восточногерманского правительства попытается вновь создать настоящую блокаду этой части города. Для урегулирования «германского вопроса» с 11 мая по 5 августа 1959 г. в Женеве проходило совещание министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции. Соглашения достичь не удалось, но было объявлено, что Хрущев лично посетит США. Этот визит состоялся с 15 по 27 сентября 1959 г.

Переговоры советского лидера с Эйзенхауэром не принесли конкретных результатов. Тем не менее советская дипломатия продемонстрировала готовность к налаживанию диалога. 18 сентября 1959 г., выступая в ООН, Хрущев предложил всеобщее разоружение всех стран мира в течение четырех лет. Условиями его осуществления были создание безъядерной зоны в Европе и заключение пакта о ненападении между НАТО и Варшавским Договором. Этот план был настолько революционным, что на Западе его считали пропагандой. К тому же конференция четырех великих

держав, посвященная запрещению ядерных испытаний в атмосфере, запланированная на 16 мая 1960 г. в Париже, завершилась грандиозным провалом. За десять дней до ее начала советские власти сообщили, что 1 мая над Советским Союзом был сбит американский разведывательный самолет У-2. Эйзенхауэр полностью взял ответственность за этот инцидент на себя, но отказался принести извинения, как того хотела советская сторона. Поэтому на открытии конференции в Париже Хрущев заявил, что не собирается принимать участие в ней и аннулирует направленное ранее Эйзенхауэру приглашение посетить Советский Союз. Советский лидер был настроен столь воинственно, что позволил себе необычный демарш во время заседания Генеральной Ассамблеи ООН 12 октября 1960 г. Не видя сочувствия своей идее заменить генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда на тройное коллективное руководство в составе представителей стран советского блока, Запада и неприсоединившихся стран, Хрущев принялся стучать ботинком по пюпитру во время своего выступления.

В июне 1961 г. состоялась встреча Хрущева с новым президентом США Джоном Кеннеди. Убедившись в невозможности оказать давление на своего молодого визави, советский лидер предпринял решительные меры для завершения берлинского кризиса. В ночь на 13 августа 1961 г. восточногерманские рабочие под охраной полиции и военнослужащих начали возводить стену на границе между Восточным и Западным Берлином. Все коммуникации между двумя частями города были перерезаны. Отныне проход и проезд из одной части города в другую начал осуществляться только через специальные контрольно-пропускные пункты. Пограничники Германской Демократической Республики получили приказ стрелять в каждого жителя ГДР, пытавшегося бежать через Берлинскую стену в Западный Берлин. Строительство Берлинской стены завершило закрытие границы ГДР. Несмотря на протесты западных стран по поводу возведения берлинской стены, подобное решение проблемы в конечном счете устроило всех. В «железном занавесе» была закрыта последняя щель, и теперь опасность провоцирования «горячей войны» в центре Европы была сведена к минимуму. В Европе окончательно закрепилось негласно признаваемое разделение на сферы влияния двух сверхдержав, ставшее важным элементом их глобального противостояния.

Администрация президента Кеннеди попыталась существенно обновить стратегию и тактику «холодной войны». Анализируя взаимоотношения СССР с другими участниками социалистического лагеря, в Белом доме пришли к выводу, что основной характеристикой современного коммунистического мира является «полицентризм» — «необратимый процесс распада единого социалистического лагеря на ряд независимых и даже враждующих группировок стран и партий». В этой ситуации основные усилия США должны были быть направлены не на тотальное противостояние с мировым коммунизмом, а на уплавление разногласий среди стран советского блока. Этот политический курс получил название «дифференцированной дружбы» между Западом и Востоком, поскольку основным методом воздействия считались ненасильственные действия: активизация экономических, торговых и культурных связей с отдельными странами советского блока, предоставление им разнообразных предпочтений. Характеризуя новую стратегию,

Кеннеди отмечал: «Слишком часто наши руки связаны жестким статутным видом коммунистического мира. Все рассматривается только в двух цветах — белом и черном. Народы или за нас, или против нас — или полностью подчинены советскому влиянию, или полностью свободны. Но это не верно. Существует очень много оттенков, даже в самом коммунистическом мире. Мы должны быть способны перехватить инициативу, когда появится такая возможность в странах, которые сейчас находятся за железным занавесом».

Изменилась и военная доктрина США. На смену планам «массированного воздействия» пришла стратегия «гибкого реагирования». Основной идеолог внешнеполитического курса США Генри Киссинджер и министр обороны Роберт Макнамара четко сформулировали условия, при которых США могут пойти на нанесение ядерного удара первыми: в случаях, когда территория США подвергнется ядерному нападению; когда территория Западной Европы «подвергнется нападению крупными силами» («ответный удар»); когда «будут обнаружены неоспоримые признаки того, что такое нападение вскоре должно произойти» («превентивный удар»). Кроме того, предполагалось, что ядерное оружие отнюдь не является универсальным средством защиты при возникновении открытого конфликта стран НАТО и ОВД или их союзников. Доктрина «гибкого реагирования» исходила из возможности ведения «ограниченных» или «локальных» войн (в зависимости от целей и характера каждого конкретного конфликта). Общий смысл обновленной военной доктрины ясно сформулировал Генри Киссинджер: «Не подвергая себя риску ядерной войны и одновременно угрожая такой перспективой коммунистическому миру в случае его активного противодействия, нанести поражение социалистической системе путем развязывания серии малых войн».

Несмотря на столь радикальные изменения в американской внешнеполитической стратегии, именно в период президентства Кеннеди мир оказался на грани ядерной войны. Причиной стало крайнее обострение международной обстановки вокруг Кубы. Американские спецслужбы несколько раз пытались устроить покушение на кубинского лидера Фиделя Кастро, проводившего все более независимый курс. После объявления о национализации кубинским правительством всех земельных владений, банков и промышленных предприятий США разорвали дипломатические отношения с Кубой, но это лишь ускорило сближение Кубы с Советским Союзом. Пытаясь опередить окончательное превращение «острова Свободы» в сателлита СССР, американское правительство санкционировало вооруженное вторжение на Кубу корпуса наемников из числа кубинских эмигрантов.

Десантная операция началась 17 апреля 1961 г. в заливе Плайя-Хирон. Несмотря на поддержку американских самолетов, замаскированных под кубинские ВВС, десант был полностью разгромлен. Вслед за этим Кастро уже однозначно объявил себя «марксистом-ленинцем» и сделал ставку на полномасштабное сотрудничество с СССР вплоть до размещения на острове советских вооружений. В мае 1962 г. в Москве было принято решение о создании Группы советских войск на Кубе (кодовое название операции «Анадырь»). Размещение на острове ракетного оружия могло бы восстановить ядерный паритет, утерянный после ввода в строй атомных подводных лодок американского ВМФ. Кроме того, для действий на морских коммуни-

кациях намечалось базирование на Кубе эскадры надводных кораблей и эскадры подводных лодок. Общая численность Группы советских войск на Кубе должна была составить 60 тыс. чел. Ее командующим был назначен генерал армии И. Плиев. Создание этой группировки на Кубе означало бы выдвигание советской военной мощи в Западное полушарие.

Осуществление операции «Анадырь» началось в июле 1962 г. с прибытия на Кубу передовой группы советского командования. В середине августа началась транспортировка на Кубу ядерных боезарядов, а в сентябре – советских ракет. Вся операция осуществлялась в режиме строгой секретности. 4 октября первая советская ракета Р-12 была приведена в состояние боеготовности, а к 20 октября – уже 20 ракет. Аэрофотосъемка, произведенная американскими самолетами-разведчиками, неопровержимо доказывала факт размещения ракет. 22 октября Кеннеди выступил по радио и телевидению с обращением к американскому народу, в котором объявил о введении морского «карантина» Кубы. Все вооруженные силы США, включая космические, были приведены в состояние полной боевой готовности. Американский ВМФ установил блокаду Кубы. 23 октября Ф.Кастро объявил всеобщую мобилизацию. Начались интенсивные консультации советского и американского правительств. В послании Хрущева от 26 октября говорилось о необходимости гарантий президента и правительства США не нападать на Кубу и не поддерживать подобное нападение. На следующий день советская сторона выдвинула дополнительное требование – убрать американские ракеты из Турции. В ответном послании Кеннеди СССР предлагалось убрать с Кубы все виды наступательного оружия под наблюдением ООН и взять на себя обязательство не поставлять подобное оружие на Кубу. США, со своей стороны, были готовы отменить карантин и взять на себя обязательство не осуществлять и не поддерживать вторжение на Кубу. С учетом исключительно опасной ситуации Политбюро ЦК КПСС 28 октября решило принять американские предложения, к тому же американцы согласились негласно решить вопрос о выводе своих ракет с территории Турции. Формально Карибский кризис был завершён 7 января 1963 г., когда СССР и США обратились с совместным письмом к генеральному секретарю ООН с просьбой исключить вопрос о кризисе из повестки дня Совета Безопасности.

Карибский кризис подтолкнул обе «сверхдержавы» к началу нового раунда переговоров о сокращении вооружений. В Женеве еще с осени 1958 г. проходили переговоры СССР, США и Великобритания о прекращении ядерных испытаний. Такое решение могло бы не только способствовать сохранению экологии, но и ограничить возможности дальнейшего совершенствования оружия массового поражения. Камнем преткновения являлось требование американцев об обязательном проведении инспекций по проверке запрещения испытаний. Зашедшие в тупик переговоры были возобновлены в 1962 г. в рамках Комитета по разоружению при ООН. Но лишь в июле 1963 г. представителям правительств СССР, США и Великобритании удалось разработать и парафировать текст соглашения о прекращении ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Договор был подписан в Москве в августе 1963 г.

Вскоре последовали и новые шаги по ограничению гонки вооружений. В январе 1967 г. был подписан договор об использовании космического

пространства, включая Луну и другие небесные тела, исключительно в мирных целях. Спустя год состоялось и подписание важнейшего договора о нераспространении ядерного оружия, включая и технологии, позволяющие организовать его производство. Договор предусматривал лишь возможность помощи в мирном использовании ядерной энергии странам, не располагающим ядерными технологиями. Соблюдение этих условий договора должно было контролироваться Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ). В том же 1967 г. был подписан Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке (договор Тлателолко). Тем самым, Латинская Америка стала второй после Антарктики безъядерной зоной (район Антарктики был исключен из сферы распространения ядерного оружия в 1959 г.).

Серьезный прорыв в политике разоружения был вызван не только «изменением климата» в советско-американских отношениях, но и растущими внешнеполитическими проблемами обеих «сверхдержав». На протяжении 1960-х гг. биполярный мировой порядок начал «давать трещины». Большое значение имело вступление на мировую политическую авансцену Движения неприсоединения. Это международное объединение стран, которое провозгласило одним из главных принципов внешней политики неприсоединение к военно-политическим союзам великих держав. Первая конференция 25 неприсоединившихся стран на высшем уровне была созвана в начале сентября 1961 г. в Белграде по инициативе Югославии, Индии, Египта, Индонезии и Ганы. На протяжении последующих двух десятилетий состав и география движения постоянно расширялись. «Архитектура» биполярной международной системы менялась и под влиянием других факторов – постепенного превращения Японии в мощную экономическую державу, претендующую на роль лидера Азиатско-Тихоокеанского региона, вхождением Китая и Франции в число ядерных держав, демонстративным выходом Франции из военной организации НАТО в середине 1960-х гг. В эти же годы начался рост политического влияния арабских стран, объединившихся в ОПЕК – организацию экспортеров нефти.

Политический престиж США был серьезно подорван из-за участия во вьетнамской войне, развязанной в 1964 г. После освобождения от колониальной зависимости Вьетнам раскололся на два государства – на севере образовалась Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ), а на юге при поддержке США была создана республика Южный Вьетнам со столицей в Сайгоне. 2 августа 1964 г. в Тонкинском заливе произошел военный инцидент, когда корабли США были атакованы северовьетнамцами. Воспользовавшись этим поводом, США начали оказывать военную поддержку сайгонскому режиму, которая вскоре превратилась в полномасштабную войну против ДРВ. Боевые действия носили самый ожесточенный характер. За 9 лет войны США израсходовали 141 млрд долл., потеряли 56,5 тыс. убитыми и 303,6 тыс. ранеными солдат и офицеров. Однако сломить сопротивление вьетнамского народа не удалось. В январе 1972 г. США согласились на подписание соглашения о прекращении войны и восстановлении мира, что открыло путь для объединения Вьетнама.

В ходе войны СССР и КНР оказывали Вьетнаму значительную поддержку техникой, военными специалистами, снаряжением и разными видами снабжения. Но собственные их взаимоотношения становились все сложнее.

Китайское руководство еще с конца 1950-х гг. начало проводить агрессивный внешнеполитический курс. С 1959 г. из-за вступления китайских войск в Тибет и бегства в Индию далай-ламы стали ухудшаться отношения между КНР и Индией. На этом фоне началось сближение Китая с Пакистаном, что вызывало большое недовольство и в Москве, и в Дели (еще до индо-пакистанских войн 1966 и 1971 гг. Индия рассматривалась в Советском Союзе как потенциальный геополитический союзник, тогда как Пакистан неизменно находился в фарватере американской политики). Начало в 1966 г. в Китае «культурной революции» до крайности обострило его отношения с северным соседом. В 1969 г. произошел даже военный конфликт между СССР и КНР на пограничном острове Даманский. Это было первое вооруженное столкновение между социалистическими странами. Но оно оказалось не единственным (свержение проамериканских режимов в Лаосе и Камбодже привело к росту влияния Вьетнама в регионе и кратковременной «показательной» агрессии против него Китая в 1979 г.). Американская дипломатия начала активно «разыгрывать китайскую карту». В феврале 1972 г. состоялся визит в КНР президента США Р. Никсона. С этого времени СССР был вынужден окончательно отказаться от надежд восстановить лояльность Китая к «социалистическому содружеству» и признать существование стратегического треугольника США – СССР – КНР. К тому же и сам советский блок переживал сложные времена. Пытаясь не допустить нарастания реформаторских настроений в социалистических странах, советское руководство было вынуждено в 1968 г. даже предпринять военную акцию против Чехословакии.

Политика разрядки в первой половине 1970-х гг. Хельсинкский процесс. Вступая в новое десятилетие, руководство США и СССР декларировало свою готовность продолжить курс на укрепление международной безопасности. Президент Р. Никсон в послании Конгрессу в 1970 г. заявил о том, что «существующий баланс ядерной мощи диктует необходимость делать главный упор на переговоры, а не на конфронтацию». Спустя год в отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду подчеркивалось: «Мы исходим из того, что улучшение отношений между СССР и США возможно. Наша принципиальная линия в отношении капиталистических стран, в том числе США, состоит в том, чтобы последовательно и полно осуществлять на практике принципы мирного сосуществования». В 1971 г. между двумя странами начались активные дипломатические консультации по вопросам ограничения стратегических вооружений, урегулирования региональных конфликтов. Было подписано соглашение о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны, которое фиксировало договоренности двух стран по предупреждению случайного или несанкционированного применения ядерного оружия. Тогда же было подписано соглашение о функционировании линии прямой связи между руководителями СССР и США.

Активизация советско-американского сотрудничества позволила значительно продвинуться в урегулировании «германского вопроса». В 1969 г. после присоединения ФРГ к «Договору о нераспространении ядерного оружия» СССР согласился на начало переговоров с США, Великобританией и

Францией о статусе Западного Берлина, а также использовал свое влияние на ГДР, чтобы начать политический диалог руководства двух немецких государств. 12 августа в Москве состоялось подписание советско-западногерманского договора о стремлении обеих стран к миролюбивой политике и признании ими нерушимости послевоенных границ в Европе. Тем самым, ФРГ фактически признала существование восточногерманского государства, а также отсутствие территориальных претензий к Польше и СССР. Эта линия была закреплена в польско-западногерманском договоре о нормализации отношений от 7 декабря 1970 г. К сентябрю 1971 г. при участии американской дипломатии удалось подготовить и согласование четырех держав по Западному Берлину. Его участники договорились не применять в районе Западного Берлина силы или угрозы силой, решать все споры только мирными средствами, обеспечить нормальное функционирование связей между Западным Берлином и ФРГ. Сами западные сектора города безусловно признавались территорией ФРГ, что предполагало распространение на них всех международных соглашений и договоренностей Западной Германии. Нормализация отношений ГДР и ФРГ завершилась подписанием 21 декабря 1972 г. договора о взаимном признании границ, уважении ими территориальной целостности и международной субъектности друг друга. В сентябре 1973 г. оба немецких государства были приняты в ООН.

В мае 1972 г. состоял исторический визит американского президента Р. Никсона в СССР. В ходе его были заключены «Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО)» и «Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1)». В соответствии с первым из них СССР и США взяли на себя обязательство не разворачивать такие системы, которые обеспечивали бы защиту всей территории страны от ракетного нападения. Запрещалось испытывать и разворачивать противоракетные системы морского, воздушного, космического или мобильно-наземного базирования. Каждому участнику договора разрешалось разместить системы ПРО в двух районах (прикрыть столицу и одну базу МБР) радиусом не более 150 км с наличием в каждом районе не более 100 противоракет. Договор предусматривал возможность строительства радиолокационных станций слежения за пусками ракет (РЛС) только в периферийных районах и с «ориентацией вовне».

Договор ОСВ-1 предусматривал отказ СССР и США в течение пяти лет наращивать число носителей ядерных зарядов. Соглашение предусматривало наличие 1054 пусковых установок межконтинентальных ракет наземного базирования (МБР) у США и 1618 у СССР, 710 пусковых установок баллистических ракет, размещенных на подводных лодках (БРПЛ) у США и 950 у СССР (при этом у США на вооружении находилось 44 подводные лодки с ядерным оружием, у СССР – 62). Количественное превосходство носителей, находившихся на вооружении у СССР, компенсировалось для американцев наличием ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения, из-за чего по общему количеству боеголовок Соединенные Штаты превосходили Советский Союз более чем в два раза (5700 и 2500). К тому же за рамками соглашения ОСВ-1 оставались стратегические бомбардировщики, по которым у американцев было явное преимущество (531 к 140). Тем не менее подписание договора ОСВ-1 приостановило

количественное наращивание ядерных вооружений. В дальнейшем США сделали ставку на разработку оружия повышенной точности, а СССР стремился компенсировать свое отставание по числу боеголовок увеличением мощности ядерных зарядов.

Во время московских переговоров 1972 г. была подписана и политическая декларация «Основы взаимоотношений между СССР и США». В этом документе провозглашалось, что различия в идеологии и социальных системах не должны были служить препятствием для мирного сосуществования капиталистических и социалистических стран. Обе стороны признавали принцип равной безопасности. брали на себя обязательства делать все возможное для предотвращения военной конфронтации и возникновения ядерной войны, заявляли о своей готовности урегулировать разногласия мирными средствами с учетом интересов обеих сторон, развивать двусторонние связи в области экономики, науки, техники и культуры. В развитие этих договоренностей в октябре 1972 г. было подписано советско-американское соглашение о торговле. Оно предусматривало предоставление другой стороне статуса наибольшего благоприятствования и отказ от какой-либо дискриминации в торговых отношениях. Тогда же был урегулирован вопрос о расчетах по ленд-лизу. Москва согласилась выплачивать долг (600 млн долл.), но только после получения режима наибольшего благоприятствования в торговле.

В ходе ответного визита Л. Брежнева в США в июне 1973 г. было подписано соглашение о предотвращении ядерной войны. В соответствии с ним США и СССР обязались избегать военной конфронтации, воздерживаться от угрозы силой или ее применения против другой стороны или ее союзников, а в случае возникновения военной опасности – осуществлять срочные консультации. Американская сторона подтвердила свое согласие на организацию общеевропейского совещания по широкому кругу политических вопросов, а также на свое участие в переговорах о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе (т.е. в зоне непосредственного военного противостояния сил НАТО и ОВД). Эти переговоры начались в Вене в октябре 1973 г. с участием делегаций США, Великобритании, Канады, ФРГ, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, СССР, ГДР, Польши и Чехословакии. Они выявили общее стремление укрепить систему безопасности в Европе, но одновременно и сохраняющееся глубокое взаимное недоверие. Участникам переговоров не удалось согласовать общий принцип разоружения – западные страны предлагали выравнивать уровень вооружений по каждому отдельному виду, а государства ОВД настаивали на общем сокращении вооружений на определенный процент (что сохранило бы преимущество ОВД по обычным наступательным вооружениям).

Во время новой встречи Никсона и Брежнева в 1974 г. сняты противоречия, возникшие на венских переговорах, не удалось. Было лишь заключено соглашение об ограничении подземных испытаний ядерного оружия и подписан технический протокол к договору по ПРО. После вынужденного ухода Никсона с поста президента, вызванного Уотергейтским скандалом, в советско-американских отношениях началось постепенное охлаждение. С новым президентом США Д. Фордом Брежнев впервые встретился в ноябре 1974 г. во Владивостоке. В ходе этих переговоров было достигнута важная договоренность о начале разработки договора ОСВ-2. По первоначальному проекту

предполагалось установить единое для обеих стран количество носителей ядерных вооружений (по 2400) и уравнивать число разделяющихся боеголовок стратегических ракет. Но в декабре 1974 г. неожиданная проблема возникла с решением в Конгрессе США вопроса о предоставлении Советскому Союзу режима наибольшего благоприятствования. Окончательное подписание такого торгового соглашения было жестко увязано американской стороной с либерализацией правил выезда советских граждан на постоянное жительство в другие государства («поправка Джексона-Вэника»). Советское руководство отвергло подобные условия, сочтя их вмешательством во внутренние дела СССР. Подготовка договора ОСВ-2 приостановилась. Со своей стороны, Форд занял еще более жесткую позицию в отношении СССР и даже заменил в своих программных выступлениях термин «разрядка» на принцип «мира с позиции силы».

Несмотря на охлаждение советско-американских отношений европейские страны выступали за сохранение курса на укрепление мира и безопасности. Советская и французская дипломатия еще с конца 1960-х гг. выступали за проведение общеевропейского совещания, призванного не только урегулировать спорные вопросы, но и внести во взаимоотношения всех стран континента дух сотрудничества. После решения международно-правовых проблем, связанных с «германским вопросом», стало возможным проведение общеевропейского форума по этим проблемам. На предварительных переговорах, проходивших в Хельсинки в два раунда в ноябре–декабре 1972 г. и январе–июне 1973 г., была разработана концепция Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ).

3 июля 1973 г. в Хельсинки на первый этап совещания собрались министры иностранных дел 35 государств (всех европейских стран, кроме отказавшейся Албании, а также США и Канады). Выяснилось, что существует явное расхождение в понимании целей совещания. Страны советского блока выступали прежде всего за всемерное укрепление коллективной системы безопасности и развертывание политики разоружения. Западные политики считали, что проблема безопасности требует принципиально новых решений – снижения общего уровня враждебности за счет интенсификации гуманитарных связей, устранения барьеров, мешающих передвижению людей, обмена информацией и идеями. Подобные предложения воспринимались их оппонентами как попытка вмешательства во внутренние дела и подготовка путей для «империалистической идеологической диверсии». Советская делегация попыталась найти компромисс. Было заявлено, что такие меры, как облегчение воссоединения семей, организация совместных международных телевизионных программ, улучшение условий для работы иностранных журналистов, открытие библиотек иностранной литературы и читальных залов, коммерческое распространение зарубежных фильмов и международных журналов, вполне приемлемы. Прекращение «глушения» зарубежных радиостанций увязывалось с отказом от использования западными странами радиостанций в пропагандистских целях. От обсуждения же любых вопросов, связанных с деятельностью диссидентов или смягчением государственной цензуры, советская сторона решительно отказалась.

С сентября 1973 г. по июль 1974 г. в Женеве проходил второй этап совещания, посвященный детальному анализу предварительных проектов и

выработке итогового текста договора СБСЕ. Еще год понадобился для окончательного согласования всех деталей и дипломатической подготовки завершающего этапа совещания, который должен был пройти на высшем уровне. 30 июля 1975 г. в Хельсинки собрались главы государств и правительств 35 стран. Они подписали Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (получивший неофициальное название «Зеленая книга») по цвету переплета подписанного экземпляра).

Заключительный акт СБСЕ включил три группы вопросов. К первой были отнесены договоренности в сфере безопасности, в том числе обязательство стран-участниц осуществлять предварительное уведомление о крупных военных учениях (под «крупными» понимались учения войск общей численностью более 25 тыс. чел.), на добровольной основе обмениваться наблюдателями на военных учениях. Эта же часть Заключительного акта включила «Декларацию принципов», на которых предполагалось строить впредь отношения между странами Европы: суверенное равенство стран (т.е. право каждого государства на юридическое равенство, территориальную целостность, на свободу и политическую независимость; право выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы); неприменение силы или угрозы силой; нерушимость существующих границ (за исключением изменений, происходящих «в соответствии с международным правом, мирным путем и по договоренности»); территориальная целостность государств; мирное урегулирование споров посредством переговоров, посредничества, примирения, арбитража и судебных разбирательств; невмешательство во внутренние дела (прямое или косвенное, индивидуальное или коллективное); уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений; равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой; сотрудничество между государствами на основе полного равноправия и в целях укрепления мира и безопасности; добросовестное выполнение обязательств по международному праву и соответствующих этому праву договоров и соглашений.

Вторая часть хельсинкского Заключительного акта была посвящена вопросам сотрудничества в области экономики, науки, техники и окружающей среды. Было признано «благоприятное воздействие на развитие торговли режима наибольшего благоприятствования» и целесообразность постепенного снижения таможенных ограничений, развития промышленного сотрудничества между организациями, предприятиями и фирмами различных стран, важность совершенствования европейской системы транспортных коммуникаций и энергообмена. Подтверждалась готовность стран-участниц способствовать защите окружающей среды. В третьем разделе Заключительного акта содержались положения о сотрудничестве в гуманитарной области, в том числе в расширении контактов между людьми, обмене информацией, в области культуры и образования. Сотрудничество в гуманитарной сфере было определено как важный фактор укрепления мира и взаимопонимания между народами. Конкретные обязательства в этой сфере подразумевали принятие мер для облегчения воссоединения семей и заключение интернациональных браков, поощрение личных контактов граждан разных стран.

Хельсинкский процесс создал условия для возобновления политики разрядки. К тому же в 1977 г. президентом США стал Дж. Картер – человек с убежденными баптистскими взглядами, противник «тайной дипломатии», поддерживавший идеи мирного урегулирования (что, впрочем, не помешало назначению на пост советника по внешней политике Збигнева Бжезинского, известного своими антисоветскими взглядами). Советское правительство со своей стороны также демонстрировало готовность к новым серьезным договоренностям по разоружению. Осенью 1976 г. СССР внес на рассмотрение XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН вопрос «О заключении Всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях». В советском меморандуме говорилось о необходимости добиваться полного запрещения ядерного оружия, укреплять режим его нераспространения, сокращать обычные вооружения. Для решения этих вопросов предлагалось созвать всемирную конференцию по разоружению или специальную сессию Генеральной Ассамблеи. Вопрос о разоружении ставился и на конференции стран-участниц СБСЕ в Белграде в ноябре 1977 – марте 1978 гг. В 1978 г. Советский Союз выступил с инициативой провести переговоры пяти ядерных держав о возможности полного исключения ядерного оружия из их арсеналов.

На Женевских переговорах 1989 г. Брежнев и Картер подписали договор ОСВ-2 и опубликовали совместное заявление о принципах и основных направлениях последующих переговоров об ограничении стратегических вооружений. Договор ОСВ-2 в целом соответствовал Владивостокским соглашениям, но изменял общий потолок сокращений с 2400 до 2250 носителей для каждой стороны, а также конкретизировал различные подуровни сокращений. В частности, в категорию носителей с разделяющимися боеголовками были включены бомбардировщики с крылатыми ракетами большой дальности, на все ракеты с разделяющимися боеголовками неземного базирования устанавливался общий потолок в 1200 единиц для каждой стороны, а для таких ракет наземного базирования этот показатель составил 820 единиц. Однако ратификация договора ОСВ-2 была сорвана по вине американской стороны. Уже в январе 1980 г. Картер дезавуировал его подписание, заявил в послании Конгрессу о «необходимости заплатить любую цену, чтобы оставаться самой могучей страной в мире».

Международные отношения в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Последний виток «холодной войны». Поводом к резкому обострению советско-американских отношений стало вторжение советских войск в Афганистан. Но в действительности последний всплеск «холодной войны» назревал исподволь. Противники политики разоружения в американском руководстве были убеждены, что СССР использует временное ослабление международной напряженности для укрепления своих геополитических позиций. Картера обвиняли в недальновидности и утрате инициативы. Словно в подтверждение этих опасений в 1977 г. СССР начал перевооружение своей европейской ядерной группировки. Устаревшие ракеты СС-4 и СС-5 заменялись на более современные СС-20 с разделяющимися тремя боеголовками. Руководство западных стран восприняло эти действия как непосредственную угрозу

национальной безопасности. Правительство США поставило вопрос о передислокации в Европу ударной группировки ракетных войск. Причем предполагалось заменить размещенные там мобильные ракеты «Першинг-1» на «Першинг-2» с повышенной дальностью полета (1500–2000 км) и высокой точностью попадания (до 50 м). Подлетное время таких ракет к европейской части СССР составляло 6–10 минут (у СС-20 – до 30 минут). Кроме того, для перевооружения войск НАТО были предназначены крылатые ракеты малой дальности, которые в полете могли обгибать рельеф местности и были почти незаметны для радаров противника. Подобное оружие составляло огромную угрозу даже для плотной противоракетной обороны Москвы.

Пытаясь предупредить решение НАТО о модернизации ядерных вооружений, советское руководство заявило 6 октября 1979 г. о своем решении демонтировать ряд ракет СС-20 в том случае, если западные страны откажутся от размещения новых ракет. Кроме того, демонстративно и в одностороннем порядке из ГДР была выведена одна танковая дивизия. С учетом этих событий Совет НАТО 12 декабря 1979 г. принял «двойное решение». С одной стороны, модернизация ядерных вооружений была все же санкционирована. Предполагалось в конце 1983 г. разместить 108 ракет «Першинг-2» и 96 крылатых ракет в Западной Германии, 160 крылатых ракет – в Великобритании, 112 – в Италии, 48 – в Бельгии и 48 – в Голландии. Но предварительно Совет НАТО решил предложить Советскому Союзу провести переговоры об ограничении количества ядерных ракет в Европе. Если СССР согласился бы демонтировать уже установленные новые ракеты и не размещать новые, то размещение «Першингов» и крылатых ракет также было бы приостановлено. Реакция советского руководства было самой негодующей. В самой Европе также развернулось мощное антивоенное движение, поскольку миллионы людей впервые отчетливо ощутили себя заложниками ядерного противостояния.

Упорное стремление «ястребов» из американского руководства перевести диалог с СССР на язык силы объяснялось не только стереотипами «холодной войны», но и нарастающей дестабилизацией международной обстановки. Послевоенный мировой порядок, предельно понятный и очевидный в своей биполярной симметрии, постепенно погружался в череду локальных военных конфликтов, политических переворотов, правительственных кризисов, участников которых все сложнее было поделить на «своих» и «чужих», союзников и противников. За фасадом геополитического противоборства двух «сверхдержав» в странах «третьего мира» начинался процесс оформления совершенно новой политической культуры, основанной на синтезе традиционного этно-конфессионального сознания народов Азии и Африки с модернистскими установками коммунистического, либерального, националистического и иного толка. Участвовавшие всплески экстремизма, которые воспринимались современниками как последние отзвуки антиколониальной борьбы, на самом деле уже предвещали то «столкновение цивилизаций», которое поставит Запад перед проблемой сохранения собственной безопасности в начале нового тысячелетия. Пока же в Вашингтоне были склонны видеть в «периферийных» локальных конфликтах и политических кризисах «фуку Москвы», тем более что советская дипломатия не раз давала повод для подобных опасений.

В середине 1970-х гг. совершенно неожиданно для американской дипломатии «мировой коммунизм» получил плацдарм на юге Африки. Переворот 25 апреля 1974 г. в Португалии открыл дорогу для освобождения ее колоний – Мозамбика и Анголы. В Мозамбике уже в 1975 г. здесь к власти пришло правительство Фронта освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО) под руководством марксиста Самора Машела. Территория Мозамбика стала использоваться для подготовки повстанцев из Патриотического фронта Родезии. В 1978 г. это привело к вторжению родезийских войск в Мозамбик и началу ожесточенной партизанской войны. СССР активно использовал эту ситуацию для дискредитации в глазах мирового общественного мнения расистских режимов в Родезии, и ЮАР, а также их связи «с империалистическим державами».

В Анголе в это время разгорелась гражданская война. Борьба за власть здесь шла между тремя группировками – марксистским Народным движением за освобождение Анголы (МПЛА) во главе с Агостиньо Нето и созданными на этно-племенной основе Национальным фронтом освобождения Анголы (ФНЛА) и Национальным союзом за полную независимость Анголы (УНИТА). МПЛА пользовалась поддержкой СССР и Кубы, ФНЛА – Заира и Китая, а УНИТА – США и ЮАР. Таким образом, конфликт в Анголе приобрел международный характер. К тому же на стороне всех группировок сражалось много европейских наемников. Пришедшее к власти правительство МПЛА попыталось балансировать между СССР и США, но без кубинской военной поддержки обойтись не могло. В 1977 г. обученные кубинскими инструкторами ангольские войска вторглись на территорию Заира (бывшего бельгийского Конго), поддержав восстание против диктатора Мобуту. Американские самолеты были использованы для выброски французских и бельгийских парашютных десантов в Заире. Эта операция прошла успешно, но уже спустя год в Заире вновь вспыхнул межплеменной конфликт, и из этой страны пришлось эвакуировать европейцев.

Не меньшую тревогу в Вашингтоне вызвало усиление советского влияния в Эфиопии. 12 сентября 1974 г. здесь был свергнут режим императора Хайле Селассие. Начался сложный период становления демократической государственности. В условиях тяжелого экономического кризиса и племенной розни в 1977 г. к власти пришло марксистское правительство во главе с Менгисту Хайле Мариамом. Оно запросило полномасштабную помощь у СССР для подавления сепаратистского движения в Эритрее и отражения агрессии со стороны Сомали. В Эфиопию прибыли 1500 советских и 18 тысяч кубинских технических специалистов и военных вместе с большим количеством техники. Советский флот получил доступ в эфиопский порт Массава.

События в Эфиопии, по мнению американского руководства, доказывали стремление СССР к созданию широкой зоны влияния в Северной Африке, на Ближнем Востоке и зоне Персидского залива. В действительности столь далеко идущих стратегических планов у Москвы не было. Но при случае СССР действительно не отказывал в поддержке любым «антиимпериалистическим силам» и, прежде всего, в арабских странах. И в Москве, и в Вашингтоне распространение идей арабского социализма воспринималось прежде всего как геополитический выбор, одна из разновидностей «социа-

листической ориентации» стран «третьего мира». Тому, что арабский национализм любого политического оттенка остается неразрывно связан с исламскими традициями и ориентирован на жесткое противоборство с внешним влиянием, не придавалось большого значения.

Показательным примером стало отношение США и СССР к Муамару Каддафи, пришедшему к власти в Ливии в 1969 г. и последовательно создававшему режим «народной джамахирии». На принципах арабского национализма и революционного ислама Каддафи разработал «третью мировую теорию», отвергая как капиталистический строй, так и советский коммунизм. Ливия постепенно превратилась в центр разнообразных радикальных и даже экстремистских движений антизападного толка. Каддафи активно поддерживал любые антиизраильские силы, в том числе Организацию освобождения Палестины, деятельность исламистов в Алжире и Египте, а также террористический режим Иди Амина в Уганде. США поспешили отнести Ливию к числу «стратегических противников», а в глазах советского руководства антиамериканизм режима Каддафи вполне компенсировал его политическую «специфику». Следуя той же логике, СССР вполне открыто поддерживал и другие радикальные движения и режимы в арабском мире, не очень заботясь об угрозе исламизации этого региона.

В свете укрепления связей СССР с арабским миром особую значимость для США приобретало стратегическое сотрудничество с Израилем. Сближение этих стран началось со времен «шестидневной войны» 1967 г. Поводом для нее стал инцидент между сирийскими и израильским ВВС. Президент Египта Насер поспешил привести в боевую готовность войска, расположенные на линии перемирия на Синае и на побережье Акабского залива. Израиль же 5 июня нанес превентивный удар по своим противникам. Большая часть египетской авиации, базировавшейся на Синайском полуострове, была уничтожена на земле в первые часы войны. Бронетанковые соединения Израиля разгромили четыре египетские дивизии на Синае и 7 июня захватили Шарм-аль-Шейх, контролировавший вход в залив Акаба. 9 июня израильские войска вышли на восточный берег Суэцкого канала и одновременно нанесли удары по Иордании и Сирии. Были захвачены арабская часть Иерусалима, западный берег реки Иордан и Голанские высоты. Вся кампания продолжалась всего шесть дней. 27 июня руководство Израиля объявило об аннексии арабской части Иерусалима и провозгласило город столицей страны.

СССР, который в предыдущие годы активно помогал военному строительству в Египте и Сирии, резко осудил действия Израиля и разорвал с ним дипломатические отношения. Совет Безопасности ООН не признал аннексию Израилем Иерусалима. От дальнейших переговоров с Израилем отказались и главы арабских государств. Наиболее решительно настроенные из них — Сирия, Ирак, Южный Йемен, продолжали получать огромные военные поставки из СССР. Поддержкой со стороны Москвы пользовалось и палестинское движение сопротивления, хотя его радикальное крыло встало на путь террора. Самой громкой из террористических акций стало нападение на израильских спортсменов во время олимпийских игр 1972 г. в Мюнхене.

Американская дипломатия в сложившейся ситуации склонялась к поддержке Израиля. Но препятствием стал жесткий отказ Тель-Авива от выпол-

нения резолюций Совета Безопасности ООН по урегулированию конфликта. К тому же после гибели в 1970 г. президента Египта Насера новый египетский лидер А. Садат продемонстрировал готовность к политическому диалогу с США. Впрочем, одновременно Египет активизировал и сотрудничество с СССР, получая крупные партии вооружений. В египетском и сирийском руководстве сохранялись сильные реваншистские настроения. Новый виток арабо-израильского противостояния оказался неизбежным.

6 октября 1973 г., во время иудейского религиозного праздника Судного дня (Йом Кипур), египетская армия после артиллерийской подготовки форсировала Суэцкий канал и прорвала израильскую линию укреплений. Используя мощную танковую группировку, египтяне сумели быстро занять западную часть Синайского полуострова. Одновременно сирийцы начали наступление на Голанские высоты и овладели укреплениями на горе Хермон. В этот критический для Израиля момент США организовали срочную переброску на театр военных действий противотанкового и противовоздушного вооружения. Израильцы сумели переломить ход кампании и 11 октября вновь овладели Голанами. Спустя четыре дня фронт стабилизировался уже в 35 км от Дамаска. Одновременно парашютисты генерала Шарона форсировали Суэцкий канал и закрепились на его западном берегу. К 19 октября израильская ударная группировка развернула наступление на Каир.

Понимая критическое положение своих союзников, СССР привел в состояние боевой готовности свои воздушно-десантные силы и предложил США совместно ввести военный контингент для разъединения противоборствующих сторон. Появление советских войск на Ближнем Востоке, пусть даже и в рамках коалиции, было для Вашингтона совершенно неприемлемо. Американцы настояли на использовании дипломатических методов и гарантировали свое активное участие в урегулировании конфликта. 22 октября в соответствии с совместной советско-американской инициативой Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 338. Она предусматривала прекращение военных действий в течение 12 часов и начало многосторонних переговоров с целью установления «справедливого и надежного мира». Израиль первоначально отказался выполнять это требование, но с учетом жесткой позиции СССР и США военные действия все же были прекращены. Проведение же Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку под сопредседательством США и СССР никакого конкретного результата не принесло.

Американская дипломатия попыталась использовать итоги ближневосточного конфликта в свою пользу. 11 января 1974 г. при посредничестве США было подписано израильско-египетское соглашение о разграничении военных позиций в зоне Суэцкого канала и о режиме использования канала. Египетское и израильское руководство все больше ориентировались в своих действиях на США. 15 марта 1976 г. Садат денонсировал договор о дружбе с Советским Союзом от 1971 г. Развивая успех, президент Картер добился важного шага в урегулировании арабо-израильского конфликта. Он пригласил Садата и израильского премьер-министра Менахема Бегина для переговоров в свою резиденцию Кэмп-Дэвид в сентябре 1978 г. Достигнутое в ходе переговоров соглашение предусматривало постепенный вывод израильских войск из Синайской пустыни. В обмен на это Египет официально признал

Израиль. В феврале 1980 г. обе страны обменялись послами. Но впоследствии выяснилось, что Кэмп-Дэвидские соглашения стали лишь паузой в затяжном ближневосточном конфликте, а США превратились в основного противника арабского мира.

Действительную уязвимость политических позиций США на Ближнем Востоке ярко продемонстрировали события в Иране, в которых Советский Союз обвинить было уже трудно. Иранский шахский режим считался надежным союзником США. Но в январе 1979 г. он пал под натиском исламистской оппозиции во главе с Хомейни. Американские специалисты и военные советники были вынуждены срочно покинуть территорию страны. 4 ноября 1979 г. 60 американцев, находившихся в посольстве в Тегеране, были захвачены в качестве заложников, а операция спецслужб по их освобождению завершилась неудачей (заложники были освобождены лишь после вступления в должность президента Рональда Рейгана в январе 1981 г.). С учетом крайне сложных отношений США с Ираком потеря влияния в Иране была очень серьезным геополитическим поражением. И именно на этом фоне в 1979 г. произошло вторжение советских войск в Афганистан.

В апреле 1978 г. президентом Афганистана стал просоветски настроенный коммунист Нур Мухаммед Тараки. Вместе со своим премьер-министром Хафизуллою Амином он начал серию радикальных реформ, которые вызвали в стране широкое недовольство. 5 декабря 1978 г. Тараки заключил договор о дружбе и помощи с Советским Союзом, но вскоре погиб в результате заговора Амина. Советское руководство подозревало нового афганского лидера в тайных намерениях установить связи с США и Пакистаном. 27 декабря 1979 г. после вторжения советских войск Амин был убит. Афганское правительство возглавил лояльный к СССР Бабрак Кармаль. Но неожиданно для советского руководства афганский конфликт перерос в тяжелейшую длительную войну. Очень негативными оказались и его международные последствия. Реакция Запада на афганскую войну была жесткой и демонстративной. Олимпийские игры в Москве в июле 1980 г. подверглись бойкоту со стороны США и его союзников. Американский сенат отказался ратифицировать договор ОСВ-2, а размещение новейших ядерных вооружений НАТО в Европе стало неизбежным. Впрочем, чрезвычайно жесткие демарши американского руководства в отношении СССР во многом объяснялись событиями не только в Афганистане, но и в Центральноамериканском регионе. В 1979 г. в Никарагуа к власти пришли представители сандинистского движения, которые открыто демонстрировали свое дружеское отношение к Кубе и СССР. В том же 1979 г. прокубинский режим был установлен на острове Гренада. В Вашингтоне все эти события были восприняты как проявление нарастающего советского экспансионизма.

С приходом на пост президента США в январе 1981 г. Р. Рейгана начался последний и чрезвычайно напряженный период «холодной войны». Новый американский лидер нисколько не смущался своим небольшим политическим опытом и весьма туманными представлениями о перипетиях мировой политики. В СССР он видел «империю зла», а весь мир был готов безапелляционно поделить на «хороших» и «плохих парней». Впоследствии в своих воспоминаниях Рейган искренно описывал свое отношение к военно-стратегическому паритету между США и СССР в стиле

«вестерна»: «Я вступил в должность президента со сложившимся предубеждением против нашего молчаливого согласия с Советским Союзом относительно ядерных ракет. Я имею в виду концепцию устрашения, обеспечивающего безопасность. Она напоминала мне сценку из боевиков, когда два ковбоя, стоя посреди трактира, целятся из револьверов друг другу в голову». Впрочем, агрессивность президента вполне отражала настроения, преобладавшие в американской политической элите. «Расшатывание» биполярной системы международных отношений воспринималось как открытый вызов Америке и повод для перехода к самым жестким мерам по укреплению своих позиций в мире.

С апреля 1981 г. в США началась разработка новой военной доктрины, ориентированной на достижение окончательной победы в «холодной войне». В сентябре основные положения доктрины были озвучены Рейганом. Предполагалось, что американская внешнеполитическая стратегия должна строиться с позиций силы и с использованием всех возможных способов давления на противника. Помимо жестких дипломатических демаршей этой цели должны были служить «управляемые конфликты» (т.е. контроль за эскалацией конфликтов, используемых для ослабления международных позиций противника). В качестве сферы таких «управляемых конфликтов» рассматривалось все мировое пространство, включая Европу. Большое значение придавалось и всемерному укреплению военно-промышленного комплекса. При отказе от американского варианта разоружения, СССР должен был втянуться в такую гонку вооружений, которую никогда не смог бы выиграть.

В декабре 1981 г. в Женеве состоялись международные переговоры о вооружениях в Европе, предусмотренные «двойным решением» НАТО. Американская дипломатия предложила «нулевой вариант», предусматривавший отказ от размещения ракет в Западной Европе при условии, что СССР уничтожит свои ракеты средней дальности и в европейской, и в азиатской части страны. Советская сторона ответила отказом, ссылаясь на необходимость учитывать при таком тотальном разоружении ядерные вооружения Франции и Великобритании. В 1983 г., невзирая на продолжение женевских переговоров, США начали размещение «Першингов» в Европе. В ответ новый советский лидер Ю. Андропов прервал переговоры в Женеве и вскоре заявил о передислокации ближе к атлантическому и тихоокеанскому побережью США советских подводных лодок с ядерным оружием. На территории ГДР и ЧССР началось размещение советских оперативно-тактических ракет повышенной дальности.

Невзирая на ужесточение позиции СССР, США продолжали наращивать политическое давление. Когда 1 сентября 1983 г. над территориальными водами СССР был сбит южнокорейский пассажирский самолет «Боинг», принятый за самолет-разведчик, США спровоцировали в мировых средствах массовой информации шумную антисоветскую пропагандистскую кампанию. Для той же цели использовалась деятельность западных правозащитных организаций, ставящих вопрос о нарушении прав человека в СССР. Со стороны США продолжалась активная поддержка антикоммунистической оппозиции в Польше. Предпринимались беспрецедентные шаги по ограничению экономических связей с СССР и социалистическими странами. Для того

чтобы эффект эмбарго был более ощутим, американская администрация запретила торговлю с СССР дочерним американским фирмам, действующим на территории Западной Европы, а также западноевропейским фирмам, производящим оборудование по американским лицензиям. Такая безапелляционность вызвала протест со стороны европейских союзников США, тем более что многие из них в это время принимали участие в очень выгодном проекте по строительству советского газопровода в Европе.

В марте 1983 г. без консультаций с союзниками по НАТО Рейган выступил с претенциозным проектом СОИ (Стратегической оборонной инициативы). Это была долгосрочная программа по использованию космического пространства в военных целях. Предполагалось создание системы вооружений, способных уничтожать ядерные ракеты в полете с помощью лазерных пушек, размещенных на военных спутниках в космосе. Проект СОИ вызывал сомнения и с технической точки зрения, и в связи с предстоящими огромными затратами, и по своим международно-правовым последствиям (он противоречил договорам по ПРО и о принципах использования космического пространства). Кроме того, было очевидно, что система СОИ не способна обеспечить защиту европейских стран. В силу всех этих соображений большинство стран НАТО не поддержали проект.

Несмотря на разногласия со своими союзниками администрация Рейгана взяла курс на использование силовых методов решения любых «локальных проблем». В 1982 г. американские десантники высадились в Ливане для поддержки режима Амина Жмайеля в борьбе против шиитов и палестинских боевиков. В 1983 г. американцы провели военную операцию на Гренаде, добившись смещения левоцентристского правительства, а также начали оказывать военную поддержку правительству Хабре в Чаде. В 1983–1984 гг. американские поставки вооружений и щедрое финансирование позволило превратить партизанские отряды «контрас», выступавшие против никарагуанского сандинистского режима, в настоящую армию. Активизировалась и поддержка правительства Сальвадора, боровшегося с прокоммунистическим повстанческим движением.

В условиях крайнего осложнения международной обстановки советское правительство предпринимало попытки нормализовать ситуацию. В 1983 г. было заявлено о готовности СССР рассмотреть пути выхода из афганского кризиса. На XXXVI сессии Генеральной Ассамблеи ООН в августе 1983 г. советская делегация внесла проект нового «Договора о запрещении применения силы в космическом пространстве и из космоса в отношении Земли». Продолжались международные встречи и конференции стран-участниц СБСЕ. После смерти Ю. Андропова 9 февраля 1984 г. вновь наступил «откат». Советское правительство санкционировало широкомасштабные военные операции в Афганистане и вынудило страны своего блока бойкотировать Олимпийские игры в Лос-Анджелесе. Но сам Советский Союз уже стоял на пороге радикальных политических изменений. 11 марта 1985 г. лидером страны стал Михаил Горбачев. Его политика «перестройки» и «новое политическое мышление» открыли новую страницу в истории международных отношений.

Глава 13

Эволюция и распад мировой колониальной системы в XX в.

Колониальная система после Первой мировой войны. Мандатная система Лиги наций. Соперничество крупнейших западных держав в борьбе за колониальный раздел и передел мира было основным фактором в развитии международных отношений на рубеже XIX–XX вв. С окончанием Первой мировой войны началась масштабная перестройка мирового политического пространства. Страны-победительницы не только сохранили все свои колониальные владения, но и получили под управление колонии Германии и Японии, провинции бывшей Османской империи. Под эгидой Лиги наций была сформирована мандатная система, разделившая «опекаемые» территории на три категории.

В первую категорию были включены провинции Османской империи, за которыми признавалось безусловное право на получение независимости. Но длительность переходного этапа, необходимого для создания на подмандатной территории системы самоуправления, определялась страной-мандатарием. До окончания переходного этапа мандатарий также обязывался предоставить коренному населению значительную автономию в вопросах религиозной, языковой, культурной политики, проводить политику «открытых дверей» в экономической сфере. К этой категории мандатов были отнесены права Франции на Сирию и Ливан, Великобритании – на Палестину, Трансиорданию, Месопотамию (Ирак).

Во вторую категорию попали бывшие колонии Германии в Центральной Африке, которые не получили гарантий на получение независимости. Мандатарий сосредоточивал здесь всю полноту законодательной и административной власти, но возлагал на себя ответственность по отмене рабства, пресечению практики «крайней эксплуатации» коренного населения, ограничению набора коренного населения в вооруженные формирования, контролю за распространением оружия и алкоголя, развитию системы образования и здравоохранения. Кроме того, мандатарий обязывался проводить политику «открытых дверей» в экономической сфере. На таких принципах Франция получила право на управление частью Того и Камеруна, Велико-

британия – частью Того и Камеруна, а также Германской Восточной Африкой (Танганьикой), Бельгия – регионом Руанда-Урунди.

В третью категорию вошли бывшие германские колонии на Тихом океане, в Юго-Западной и Юго-Восточной Африке, которые практически превращались в колониальные владения стран-мандатариев. На мандатариев не возлагались какие-либо обязательства, в том числе не предполагалась и политика «открытых дверей». К этой категории подмандатных территорий были отнесены Новая Гвинея (мандат Австралии), Западная Самоа (мандат Новой Зеландии), о. Науру (мандат Великобритании), Марианские, Каролинские, Маршалловы острова (мандат Японии), Юго-Западная Африка (мандат Южно-Африканского Союза).

Мандатная система пропагандировалась лидерами Лиги наций как принципиально новый шаг во взаимоотношениях ведущих мировых держав и народов Востока, как преодоление традиций колониализма и переход к поддержке позитивного развития отсталых регионов, включению их в «слоно человеческой цивилизации». Но в действительности речь шла о переделе колониальных владений между странами-победительницами. Особенно значительно расширились колониальные владения Англии и Франции. Деловые и политические круги США, Японии и Италии, напротив, считали распределение мандатов несправедливым, не учитывающим реальное соотношение экономического и военно-политического потенциала ведущих держав мира.

Попытки стран-метрополий укрепить и расширить свое влияние на Востоке наталкивались на растущее сопротивление народов Азии и Африки. Третья англо-афганская война завершилась отступлением английского экспедиционного корпуса из Афганистана в 1919 г. В последующие годы Афганистан, а также Иран и Турция сумели укрепить свой международный суверенитет. Большую роль в этом сыграла поддержка со стороны СССР. Во многих регионах Азии и Африки ширилось антиколониальное движение. Восстание в Египте в 1919 г. заставило Великобританию отказаться от протектората над этой страной, сохранив лишь контроль над Суэцким каналом. На протяжении всего межвоенного периода не утихала антиколониальная борьба в Южном Китае, Индии и Ливии, в 1918–1919 гг. произошло антиколониальное восстание в Индонезии, в 1920 г. – в Ираке, в 1921–1926 гг. – в Марокко, в 1925–1927 гг. – в Сирии. По мере роста национально-освободительного движения и обострения внутривосточных проблем в самих метрополиях создавались предпосылки для пересмотра принципов колониальной политики. Первый шаг в этом направлении пришлось сделать Великобритании, располагавшей крупными «белыми» (переселенческими) колониями.

Рост экономической и политической самостоятельности «белых» колоний заставил британское правительство еще с конца XIX в. начать правовую реформу имперского устройства. Наиболее развитым переселенческим колониям было предоставлено право на самоуправление и соответствующий статус доминиона (англ. «dominion» – владение). В 1867 г. доминионом стала Канада, в 1901 г. – Австралийский союз, в 1907 г. – Новая Зеландия. С 1887 г. под председательством британского премьер-министра начали созываться колониальные конференции – консультативные совещания представителей правительств «белых» колоний (Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южной Афри-

ки, Ньюфаундленда). С 1907 г. эти конференции получили название имперских. Кроме того, доминионы получили право на участие в международных отношениях, в том числе заключение самостоятельных договоров, создание дипломатических представительств в иностранных столицах. Но метрополия сохраняла контроль над компетенцией доминионов в вопросах как внутреннего самоуправления, так и внешнеполитического представительства.

Активное участие в Первой мировой войне позволило доминионам поставить вопрос о расширении своих политических прав. На имперской конференции 1917 г. Канада, Австралия и Южно-Африканский Союз добились принятия резолюции о признании доминионов в качестве «автономных государств Имперского Содружества». проведения британским правительством консультаций с правительствами доминионов по всем вопросам, имеющим общий имперский интерес. На той же конференции генерал А. Смитс, представитель Южноафриканского Союза, предложил новое название для формирующегося межгосударственного объединения – «Британское Содружество наций». Официально этот термин впервые появился в резолюции имперской конференции 1918 г., а окончательно был закреплён в договоре 1921 г. о создании ирландского доминиона. С 1920 г. все доминионы вошли в состав Лиги наций в качестве самостоятельных членов.

Принципы Содружества наций были развернуто сформулированы на имперской конференции 1926 г. В соответствии с «Докладом Бальфура» Содружество было определено как «свободное объединение Соединенного Королевства и доминионов Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки, Ирландского свободного государства и Ньюфаундленда». Критерием членства стал статус доминиона. Поэтому остальные колонии, включая Индию, получившую с 1917 г. право участвовать в имперских конференциях, в состав Британского Содружества наций не вошли. Тем не менее создание Британского Содружества положило начало политико-правовой перестройке всей британской колониальной империи. Рубежным событием стало принятие на имперской конференции 1931 г. Вестминстерского статута. В этом документе более четко трактовался принцип единства и верности Короне: член Британского Содружества был обязан сохранять монархическую форму правления и не имел права на односторонний выход из Содружества. Но и изменения в английском праве, связанные с процедурой престолонаследия и составом королевского титула, отныне требовали согласия парламентов государств-членов Содружества. Было установлено, что к доминионам более не применяется выражение «колония». Это предполагало предоставление им свободы в развитии национального законодательства. Согласно Вестминстерскому статуту британский парламент получил право создавать законы для доминионов только по их просьбе и с их согласия.

В 1930–1934 гг. в Индии произошел мощный подъем национально-освободительного движения. Колониальные власти прибегли к жестким репрессиям. Но одновременно в правительственных кругах Великобритании крепла убежденность в необходимости правового решения индийского вопроса. Еще в 1930 г. парламентская комиссия Саймона представила доклад о путях изменения конституции Индии. По результатам двух «круглых столов» с представителями индийской общественности был подготовлен проект новой конституции, окончательно утвержденный в 1935 г. Индия превраща-

лась в федерацию провинций и княжеств. Создавалась система центральной и местной представительной и исполнительной власти с участием индийцев. До 14 % увеличилась численность местного населения, обладающего избирательным правом.

На протяжении межвоенного периода британской дипломатии пришлось участвовать в решении еще одной сложнейшей проблемы постколониального урегулирования – палестинского вопроса. Идея возвращения евреев на «историческую родину» в Палестину (Сион) имела религиозные корни и длительную предысторию, но особую актуальность приобрела с конца XIX в. В 1860 г. в Париже под патронажем французской ветви семьи Ротшильдов был организован «Всемирный израильский союз» – первая международная организация сионистского толка. В августе 1897 г. в Базеле состоялась первый конгресс Всемирной сионистской организации. Сионистское движение провозгласило своей целью создание предпосылок для превращения Палестины в сионистское государство, развертывание соответствующей пропагандистской деятельности в европейских еврейских общинах, укрепление организационной структуры мирового сионизма. Но предполагаемое создание (воссоздание) независимого еврейского государства не могло быть достигнуто без международной поддержки. Осознавая это, лидеры сионистского движения изначально сделали ставку на лоббирование своих целей среди государственно-политической элиты ведущих стран мира, прежде всего – Великобритании.

В 1902 г. британское правительство предложило для заселения евреями часть Синайского полуострова (план Эль Ариш), а в 1903 г. – проект переселения евреев в Уганду (в Восточной Африке). Однако 7-й конгресс сионистского движения в 1905 г. отверг эти предложения. Сионизм без Сиона был политически несостоятелен. На пути же переселения в Палестину стояло два препятствия – власть над этой провинцией Османской империи и местное арабское население. Первая из этих проблем решилась распадом самой Османской империи по окончании Первой мировой войны, при решении второй сионисты полагались на поддержку англичан. Уже в 1916 г. Великобритания и Франция подписали секретный договор о разделе провинций Османской империи. Согласно его условиям палестинский регион переходил в сферу влияния Великобритании. Спустя год позиция британского правительства была заявлена официально. 2 ноября 1917 г. министр иностранных дел Великобритании А. Бальфур направил лорду Лайонелу Ротшильду, покровителю сионистских организаций, послание, которое стало известно как «Декларация Бальфура». В этом документе признавалось право евреев на создание в Палестине еврейского «национального очага» и заявлялось о готовности британского правительства «приложить все усилия к облегчению достижения этой цели». Помимо влияния сионистского лобби такая позиция диктовалась стремлением британских политических кругов закрепить свое влияние на Ближнем Востоке, создать опору в лице еврейских переселенцев в стратегически важном районе между Египтом и Ираком.

На Парижской мирной конференции представителям сионистских организаций удалось убедить делегации ведущих держав в необходимости международно-правового решения «палестинской проблемы». Практическое решение этого вопроса было возложено на Великобританию. Окончательно бри-

танский мандат на Палестину был оформлен в июле 1922 г. Но к этому времени выяснилось, что Великобритания отнюдь не безоговорочно занимает просионистскую позицию. Британское правительство было заинтересовано и в лояльности местного арабского населения. Еще в годы войны британские политики завязали контакты с влиятельными арабскими лидерами, главным образом с шейхом Мекки Хусейном. Пытаясь получить поддержку арабов в ходе боевых действий против Турции, англичане обещали признать право местного населения на создание независимой Арабской конфедерации. В послевоенные годы британское правительство попыталось найти приемлемый компромисс между интересами евреев-переселенцев и арабов. В 1922 г. было принято решение об отделении Трансиордании от Палестины и создании на ее территории независимого королевства под управлением эмира Абдаллы. В самой Палестине англичане рассчитывали организовать условия для притока еврейских переселенцев, но не создания их моноэтнического государства. Такая позиция не устроила ни евреев, ни арабов. В 1920–1930-х гг. Палестина стала очагом острых этно-конфессиональных конфликтов. Решить эту проблему британская администрация так и не сумела.

Выход к началу 1930-х гг. на политическую авансцену Германии, Италии и особенно Японии изменил сложившийся статус-кво в колониальном вопросе. Державы «оси» Берлин–Рим–Токио жаждали нового передела мира. Пытаясь ослабить позиции своих противников, они разжигали недовольство населения колоний и провоцировали вооруженные выступления против колонизаторов. Японская дипломатия активно использовала для этой цели идею «сопроцветания» азиатских наций, немецкая – лозунг «покровительства исламу». Государства «оси» засылали свою агентуру в страны Востока, поддерживали националистические партии и группировки оружием, деньгами, военными и политическими инструкторами. Такая политика приносила очевидные результаты. Влиятельные националистические партии Марокко, Алжира, Туниса, Египта сочувственно относились к германо-итальянской пропаганде. В ходе военного мятежа против Испанской республики в 1936–1939 гг. на стороне франкистов выступили целые полки, набранные из марокканцев. Часть феодальных властителей Ливии поддержала режим Муссолини и содействовала формированию подразделений ливийских арабов в составе итальянской армии. В Палестине Германия действовала через немецких колонистов и в 1936–1939 гг. поддержала восстание палестинских арабов под руководством муфтия Иерусалима Хадиса Амина аль-Хусейни. В апреле-мае 1941 г. прогермански настроенное командование иракской армии также выступило против усиления британского влияния. Лидер восстания Рашид Али аль-Гайлани стал заметной политической фигурой на Ближнем Востоке.

Вторая мировая война нанесла по мировой колониальной системе мощный удар. Многие страны Азии и Африки стали ареной боевых действий. В сражающихся армиях участвовало громадное число выходцев из колониальных стран. Только в Индии было призвано в армию 2,5 млн чел., во всей Африке – около 1 млн чел. (а еще 2 млн чел. были заняты обслуживанием нужд армии). Огромны были потери населения в ходе боев, бомбардировок, политических репрессий: в Китае за годы войны погибло 10 млн чел., в Индонезии – 2 млн чел., на Филиппинах – 1 млн чел. В то же время война

способствовала подъему национального сознания народов Азии и Африки. Быстро складывались общенациональные партии и политические движения. Влияние европейских метрополий, оказавшихся на грани политического краха и утраты суверенитета в годы нацистской агрессии, значительно ослабло. В большинстве азиатских и африканских колоний Франции, Нидерландов, Бельгии и, отчасти, Великобритании местная администрация получила в годы войны значительную свободу действий и была вынуждена искать поддержку у влиятельных представителей коренного населения. Все это предопределило новый всплеск антиколониальной борьбы уже в первые послевоенные годы.

Колониальный вопрос в деятельности Организации Объединенных Наций. Уже в период Второй мировой войны стало очевидно, что разгром нацизма станет прологом к радикальному изменению международно-правовой системы. Вопрос о судьбе колониальных империй был поставлен на первой же личной встрече У. Черчилля и Ф. Рузвельта в бухте Арджентия в августе 1941 г. В подписанной по итогам встречи Атлантической хартии было заявлено о необходимости осуществлять все территориальные изменения в соответствии со свободным волеизъявлением народов, обеспечить для всех народов право выбирать форму правления, а также всемерно укреплять сотрудничество всех наций, гарантировать «равный доступ к торговле и сырью». Рузвельт настаивал на том, чтобы принципы хартии были применимы не только к Европе, но и ко всему миру. «Я твердо придерживаюсь того убеждения, что если мы собираемся обеспечить стабильный мир, он должен включать в себя развитие остальных стран, – утверждал Рузвельт. – Не могу поверить, что мы можем вести войну против фашистского рабства и в то же время бездействовать в деле освобождения людей по всему миру от последствий отсталой колониальной политики». Британская дипломатия придерживалась прямо противоположной позиции. Черчиллю заботило не только сохранение границ колониальной империи, но и «непредсказуемость» волеизъявления народов Востока. «Предполагаемое применение хартии к Азии и Африке требует серьезных размышлений, – утверждал он. – На Ближнем Востоке большинство арабов могут заявить, что они изгоняют евреев из Палестины или в любое время запретят дальнейшую иммиграцию. Я твердо придерживаюсь сионистской политики, одним из авторов которой я являюсь. Это только один из многих непредвиденных случаев, которые могут явиться результатом новой и последующих деклараций».

Необходимость укрепления антигитлеровской коалиции заставила запалные державы на время отказаться от лоббирования своих интересов в вопросе о послевоенном политическом порядке. Главное значение приобрел сам факт объединения все большего числа народов в борьбе против нацизма. 1 января 1942 г. представители США, Великобритании, СССР и Китая подписали Декларацию Объединенных Наций, провозгласившую победу над нацизмом шагом к торжеству принципов свободы, независимости и религиозной свободы, обеспечению прав человека и справедливости. На Московской конференции союзников в октябре 1943 г. было принято решение о необходимости «учреждения всеобщей международной организации для поддержания международного мира и безопасности, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств». Рузвельт,

прекрасно понимавший, какие возможности открывает перед США принцип «свободы рук» в послевоенном мире, занял очень жесткую позицию по колониальному вопросу. Он подчеркивал, что новая международная система должна предоставить «широкие возможности в отношении проверки и гласности, которые станут мощным средством побудить колониальные державы развивать свои колонии на благо колониальных народов и всего мира». Подобная позиция, хотя и по совершенно иным соображениям, активно поддерживалась советской дипломатией.

На конференции в Думбартон-Оксе (22 августа – 28 сентября 1944 г.) было закреплено решение о создании в рамках будущей международной организации Совета Безопасности, постоянными членами которого должны были стать пять ведущих держав антигитлеровской коалиции. Именно в компетенции Совета Безопасности должны были находиться вопросы применения силы от лица мирового сообщества. Такое решение резко усиливало влияние США и СССР на решение колониальных вопросов в послевоенном мире. На Крымской конференции (4–11 февраля 1945 г.) Рузвельт при поддержке Сталина уже поставил вопрос о создании системы опеки ООН над колониальными территориями. Реакция Черчилля была самой негодующей. Он заявил, что не допустит вмешательства в дела Британской империи. Компромисс был достигнут на Учредительной конференции по созданию ООН, проходившей с 25 апреля по 26 июня 1945 г. в Сан-Франциско. Британская делегация согласилась на создание системы опеки, но объектом опеки стали лишь некоторые острова в Тихом океане. Предусматривались две категории подмандатных территорий. Опека над территориями должна была осуществляться специальным Советом по опеке ассамблеи ООН.

Уже вскоре после создания Организации Объединенных Наций позитивное сотрудничество западных союзников с СССР завершилось. Мир вступил в эпоху «холодной войны». Складывание биполярного мирового порядка, торжество принципов блоковой стратегии существенно снизило эффективность действий ООН. Многие решения ООН лишь закрепляли результаты политического диалога «сверхдержав» или фиксировали точки их разногласий. В полной мере это касалось и колониального вопроса.

Система опеки первоначально была распространена лишь на 11 небольших территорий (преимущественно в Тихоокеанском регионе). Сам правовой статус опеки предполагал сохранение за мандатарием безусловного права на управление данной территорией и обеспечение равных прав для остальных членов ООН в экономической, социальной и торговой сферах. При этом особо оговаривалась ответственность мандатария за «поощрение прав человека и основных свобод без различия расы, пола, языка и религии». Тем самым, система опеки превращалась в средство модернизации, проводимой по принципам рыночной экономики и правовой государственности западного образца. В роли мандатариев выступали Великобритания, Австралия, США, Франция и Италия.

Помимо опекаемых территорий Устав ООН закрепил существование «несамоуправляющихся территорий». Эта юридическая формула легализовывала колониальную систему. В 1946 г. восемь государств – Австралия, Бельгия, Дания, Франция, Нидерланды, Новая Зеландия, Великобритания и США – подали список управляемых ими территорий, которые считались «неготовыми

к самоуправлению» (всего были названы 72 такие территории). Характерно, что в данном случае Устав ООН уже не требовал от управляющих стран способствовать «свободе рук» или внедрять универсальный стандарт прав и свобод личности. Напротив, предполагалось, что способствовать социальному и экономическому прогрессу «несамоуправляющихся» народов следует на основе сохранения их культурных традиций, а расширение самоуправления ставилось в зависимость от «специфических обстоятельств» и «разных ступеней развития». Таким образом, западные страны-метрополии получили гарантии политико-правовой и экономической закрытости своих владений.

В условиях сохранения колониальных империй и жесткого противостояния «сверхдержав» возможности ООН по непосредственному вмешательству в колониальные конфликты и проведению миротворческих операций в странах «третьего мира» оказались очень ограничены. Исключение составило лишь урегулирование палестинской проблемы. 14 мая 1948 г. Великобритания отказалась от мандата на Палестину (полученного еще от Лиги наций), а еврейское население Палестины объявило о создании Государства Израиль. Ответом стали военно-террористические действия со стороны арабского населения. Совет Безопасности ООН призвал к временному перемирию и взял на себя ответственность по его соблюдению. Наблюдение за выполнением условий перемирия осуществлял назначенный Генеральной Ассамблеей специальный посредник с помощью группы военных наблюдателей. В 1949 г. было учреждено Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам. После очередной вспышки арабо-израильского противостояния в 1956 г. был создан и первый полноправный миротворческий корпус – Чрезвычайные вооруженные силы ООН (ЧВС ООН). Но полностью урегулировать ближневосточный конфликт так и не удалось.

Скандалным оказалось вмешательство ООН в урегулирование корейского конфликта. Вопрос о судьбе Кореи, расколотой демаркационной линией после освобождения войсками союзников, рассматривался Генеральной Ассамблеей ООН в 1947 г. По предложению американской дипломатии. Генеральная Ассамблея ООН призвала к выводу всех оккупационных сил и создала Комиссию Организации Объединенных Наций по Корее. Но попытки восстановить единое корейское государство с помощью демократических выборов оказались безуспешными. Отношения между двумя корейскими режимами становились все более напряженными. В июне 1950 г. США и Комиссия по Корее информировали ООН, что Республика Корея подверглась нападению вооруженных сил Северной Кореи. Совет Безопасности рекомендовал государствам-членам ООН «оказать Республике Корея необходимую помощь для отражения нападения и восстановления в этом регионе мир и безопасность». Советский Союз, делегация которого не присутствовала на заседании Совета Безопасности в знак протеста против участия в нем представителей свергнутого чанкайшистского правительства Китая, объявил решение Совета Безопасности незаконным. Тем не менее под флагом ООН были созданы так называемые «международные силы под объединенным командованием», уполномоченные вмешаться в урегулирование корейского конфликта. С юридической точки зрения это решение было опасным прецедентом, поскольку для проведения миротворческих операций ООН требовалось прямое согласие всех постоянных члена Совета Безопасности.

С начала 1960-х гг., на фоне краха колониальных империй и развертывания национально-освободительного движения, ООН получила возможность более активно проводить миротворческие операции в странах «третьего мира» (Ливан – 1958 г., Конго – 1960–1964 гг., Новая Западная Гвинея – 1962–1963 гг., Йемен – 1963–1964 гг., Кипр – 1964 г., Доминиканская республика – 1965–1966 гг. и др.). В 1960 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла «Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам». В ней заявлялось, что «подчинение народов иностранному владычеству, господство и эксплуатация являются собой отрицание основных прав человека, противоречат Уставу Организации Объединенных Наций и препятствуют продвижению к миру и сотрудничеству во всем мире». Провозглашалась необходимость «немедленно принять меры для передачи всей власти народам территорий, находящихся под опекой, и несамостоятельных или других территорий, которые еще не получили независимости, в соответствии со свободно выраженной ими волей и желанием, без каких бы то ни было условий или оговорок от расы, религии или цвета кожи».

В 1963 г. Генеральная Ассамблея одобрила пересмотренный список «несамостоятельных территорий» (включавший теперь 64 территории, поскольку остальные уже завоевали или получили независимость). В него входили и две оставшиеся на тот момент подопечными территории (Науру и Тихоокеанские Острова). В 1965 г. этот список был дополнен Французским Сомалилендом (ныне – Джибути) и Оманом. В 1972 г. в него были внесены Коморские Острова, а в 1986 г. Новая Каледония. Одновременно за период с 1960 по 1990 г. самоуправления добились 53 территории.

По мере распада колониальных империй активизировались действия ООН по поддержке социального и экономического развития стран «третьего мира». В 1961 г. грядущее десятилетие было объявлено периодом ускоренного экономического роста развивающихся стран, а десятилетие 1971–1980 гг. было посвящено развертыванию международного социально-экономического сотрудничества на равноправной основе. Ключевыми направлениями гуманитарных акций ООН являлась борьба с нищетой и голодом в бывших колониальных странах, всемерное развитие системы здравоохранения, помощь детям и решение проблем гендерного развития, борьба против преступности и наркомании.

Распад мировой колониальной системы и переход к неоколониальной политике. Процесс распада мировой колониальной системы охватил более четверти века. В большинстве стран Востока народы вынуждены были вести длительную, упорную борьбу за право независимого существования.

После капитуляции Японии Юго-Восточная Азия была буквально захлебнута волной национально-освободительного движения. В августе 1945 г. всеобщее восстание против японских оккупантов началось в Индонезии. Лидер восстания и будущий президент страны Ахмед Сукарно выдвинул «пять принципов» построения индонезийского государства («Панча шила»): «национализм», «интернационализм», «демократия», «всеобщее благосостояние» и «вера в бога». Республика Индонезия была провозглашена 17 августа 1945 г., но вскоре на территории страны высадились английские и голландские

кие войска. К концу октября они захватили ряд стратегических пунктов и портов страны (Джакарту, Бандунг, Семаранг и др.). После неудачного штурма города Сурабая 10 ноября 1945 г. военные действия затянулись.

Под давлением общественного мнения голландское правительство пошло на переговоры с правительством Сукарно. При посредничестве Великобритании в ноябре 1946 г. было парафировано Лингаджатское соглашение, по условиям которого в рамках колониального Нидерландско-Индонезийского Союза создавались Соединенные Штаты Индонезии. Но правительство Сукарно пыталось проводить независимую политику, и это вызвало новый конфликт с метрополией. В январе 1947 г. Нидерланды начали экономическую блокаду Индонезии, а в июле 1947 г. развязали новый военный конфликт. Боевые действия шли с переменным успехом. После кратковременного перемирия в конце 1948 г. началась вторая фаза войны, в ходе которой голландской армии удалось захватить все важнейшие центры страны. Президент Индонезии и большинство членов парламента были арестованы и вывезены с Явы. Но на острове развернулась ожесточенная партизанская война. Понимая невозможность сохранить контроль над Индонезией, Нидерланды согласились на мирное урегулирование конфликта. В августе 1949 г. в Гааге состоялась конференция «круглого стола», в ходе которой Республика Индонезия получила международное признание.

В тяжелой борьбе завоевывал свободу народ Филиппин. Партизанская армия Хукбалахап, созданная коммунистами, вела упорные бои с японскими оккупантами. Когда в октябре 1944 г. американские войска высадились на Филиппинах, значительная часть страны была уже освобождена самими повстанцами. Американская военная администрация приступила к арестам лидеров коммунистического движения. Ответом стала новая вспышка партизанской борьбы. В 1945–1946 гг. ведущие патриотические организации Филиппин объединились в Демократический альянс. Столкнувшись с жесткой позицией этой коалиции, США были вынуждены признать в июле 1946 г. суверенитет Филиппинской республики. Однако этот шаг США обусловили сохранением на 99 лет на филиппинской территории своих военных баз.

В Индокитае в последние месяцы Второй мировой войны также развернулось широкое национально-освободительное движение. 2 сентября 1945 г. руководитель компартии Индокитая Хо Ши Мин провозгласил создание Демократической Республики Вьетнам (ДРВ). Несмотря на подписание французским и вьетнамскими правительствами договора о признании ДРВ независимым государством в составе Французского Союза, колониальная администрация поддержала образование на юге страны марионеточной «республики Кохинхины». С ноября 1946 г. на территории Индокитая начались военные действия. Они растянулись на семь лет. Используя партизанские методы, вьетнамская армия успешно противостояла 90-тысячному французскому экспедиционному корпусу.

В начале 1950-х гг. на фоне корейского конфликта военные действия в Индокитае приобрели особую ожесточенность. Французские войска попытались развернуть наступление вглубь страны, но постепенно уступили инициативу вьетнамцам. Переломное значение имела многомесячная осада вьетнамцами французского укрепленного района Дьен-Бьенфу. Еще до ее завершения на Берлинском совещании СМВД в январе-февреле 1954 г. было достигнуто соглашение о созыве в Женеве специального совещания по

вопросу о восстановлении мира в Индокитае. После капитуляции гарнизона Дьен-Бьенфу 7 мая 1954 г. исход женевских переговоров был предрешен. 21 июля 1954 г. был заключен Женевский договор, согласно которому в Северной и Южной Вьетнаме образовывались суверенные государства с границей по 17-й параллели.

Мощный подъем национально-освободительного движения в Юго-Восточной Азии заставил британское правительство ускорить реформирование Британского Содружества наций. Катализатором этого процесса стал индийский вопрос. На переговорах вице-короля с лидерами Индийского национального Конгресса и Мусульманской лиги в Симле летом 1945 г. англичане предложили создать ответственный перед Короной и парламентом Всендийский исполнительный совет (кабинет министров), но при условии формирования состава этого совета по религиозному, а не политическому принципу. Это предложение было отвергнуто обеими индийскими партиями. С начала 1946 г. британское правительство окончательно утратило контроль над ситуацией в Индии. В межэтнических столкновениях гибли сотни человек. Весной 1946 г. британское правительство было вынуждено без предварительных условий предоставить Индии статус доминиона. Лидер ИНК Д.Неру сформировал Исполнительный совет, в который представители Мусульманской Лиги войти отказались. В стране вновь начались индо-мусульманские столкновения. К лету 1947 г. вице-король Льюис Маутбаттен выработал план раздела Индии на два доминиона – Индию и Пакистан. Маутбаттен стал генерал-губернатором Индии, а пост генерал-губернатора Пакистана впервые в истории страны занял представитель коренного населения – Мухаммед Али Джинна. 15 августа 1947 г. в Дели и Карачи было официально объявлено о создании двух независимых государств, добровольно вошедших в Британское Содружество.

Последние британские воинские подразделения покинули Индостан 13 февраля 1948 г. спустя месяц после провозглашения независимости Бирманского Союза. Общенациональное восстание началось в Бирме в марте 1945 г. Им руководила Антифашистская лига народной свободы (АЛНС). Восставшим удалось очистить почти всю территорию страны от японских оккупантов уже к августу 1945 г. Попытки Великобритании восстановить свой контроль над Бирмой не увенчались успехом. В январе 1947 г. британское правительство на переговорах в Лондоне с представителями АЛНС вынуждено было признать право страны на независимость. В апреле 1947 г. в Бирме состоялись выборы в Учредительное собрание, которые принесли беспорную победу представителям Антифашистской лиги. Национальное правительство разработало проект конституции, после принятия которого Учредительным Собранием 4 января 1948 г. было провозглашено создание суверенного Бирманского Союза.

Конституционный процесс в Бирме приобрел огромное значение для реформы Британского Содружества наций. Учредительное собрание решило провозгласить Бирму независимой республикой. Поскольку принятие новым государством республиканской формы правления исключало членство в Содружестве под эгидой Короны, британский парламент принял в декабре 1947 г. Акт о независимости Бирмы, согласно которому она стала независимой республикой вне рамок Содружества. В 1948 г. Великобритания предоставила такой же статус «независимого и самоуправляющегося» доминиона

Цейлону. К власти здесь пришло проанглийское правительство Объединенной национальной партии, что позволило почти на десятилетие сохранить экономическое и военно-политическое влияние бывшей метрополии. Но сама проблема образования республиканских государств на британском постколониальном пространстве требовала кардинальной перестройки всей правовой основы Британского Содружества.

Еще одной причиной реформирования Британского Содружества стало обострение ситуации в тех колониях Великобритании, которые пока не требовали независимости, но оказались ввергнуты в гражданские и расовые конфликты. Экономические трудности вызвали в 1948 г. волну народных выступлений в Гане (Золотой Берег). Всплеск политической активности наблюдался и в Центральной Африке, в том числе в Северной Родезии (Замбии), Южной Родезии и Ньясаленде (Малави). Конфликт носил здесь расовый характер. В Южной Африке по результатам выборов 26 мая 1948 г. к власти пришла Националистическая Партия, поставившая своей целью проведение в жизнь политики апартеида («разделения рас»). Столкновения между националистическими и прокоммунистическими повстанцами в Малайе, а также проведение ими террористических акций потребовали военного вмешательства британского правительства. 18 июня 1948 г. Малайя была переведена в режим чрезвычайного положения. В страну был введен экспедиционный корпус.

В 1949 г. в Лондоне состоялась конференция премьер-министров стран Британского Содружества. На ее решения существенно повлияло заявление индийского лидера Д. Неру о намерении Индии стать суверенной республикой, но оставаться в Содружестве. В Лондонской декларации конференция провозгласила отказ от прежнего принципа «общей верности Короне». Отныне английский король стал выступать лишь в качестве символа свободной ассоциации независимых государств-членов и в этом качестве – главы Содружества. Конференция провозгласила, что Содружество объединяет свободных и равных членов. Само объединение государств отныне именовалось не Британским Содружеством наций, как было установлено конференцией 1926 г. и Вестминстерским статутом, а Содружеством наций.

В 1952 г. было принято окончательное решение об упразднении понятия «доминион» из всех официальных документов Содружества и введении понятия «гражданин Содружества» (вместо понятия «британский подданный»). С 1957 г., когда представители первого африканского государства (Ганы) начали посещать конференции премьер-министров, Содружество стало «многорасовым». В дальнейшем концепция «многорасовой ассоциации» (multiracial association) получила официальное закрепление в документах Содружества. Была закреплена и особая процедура приобретения независимости бывшими британскими колониями. После предварительного согласования вопроса на конференции с участием представителей метрополии и претендующего на независимость государства британский парламент принимал соответствующий закон (Акт о независимости). Такой закон содержал стандартные формулировки о приостановке действия на территории нового независимого государства британских законов, определял новую форму правления этого государства. Конституция нового государства должна была быть обнародована в форме королевского «приказа в Совете». Получившее независимость государство имело право обратиться с просьбой

о принятии его в Содружество. Для положительного решения требовалось согласие всех государств-членов.

Правовая реформа Содружества наций способствовала радикальному обновлению его состава. Из «старых» членов Содружества к этому времени осталось только четыре – сама Великобритания, а также Канада, Австралия и Новая Зеландия. Ирландская республика вышла из состава Содружества в 1949 г., ЮАР – в 1961 г. Ньюфаундленд присоединился в 1949 г. к Канаде в качестве ее десятой провинции. Бирма так и не изъявила желания стать членом Содружества. Индия вошла в организацию, оговорив свободу выбора формы правления. Пакистан изначально стал членом Содружества, но в 1972–1989 гг. временно выходил из его состава. В 1957 г. членами Содружества стали Малайзия и Гана, в 1960 г. – Нигерия, в 1961 г. – Кипр, Сьерра-Леоне, Танзания, в 1962 г. – Тринидад и Тобаго, Ямайка, Уганда, в 1963 г. – Кения, в 1964 г. – Мальта, Замбия (бывшая Северная Родезия), Малави (бывший Ньясаленд), в 1965 г. – Гамбия. Сингапур, в 1966 г. – Барбадос, Гайяна, Ботсвана, Лесото, в 1968 г. – Маврикий, Свазиленд, Науру, в 1970 г. – Западное Самоа, Тонга, Фиджи (в 1987 г. вышли из состава Содружества), в 1972 г. – Бангладеш, в 1973 г. – Багамские острова, в 1974 г. – Гренада, в 1975 г. – Папуа-Новая Гвинея, в 1976 г. – Сейшельские острова, в 1978 г. – Доминика, Соломоновы острова, в 1979 г. – Сент-Люсия, Сент-Винсент и Гренадины, Тувалу, Кирибати, в 1980 г. – Вануату, Зимбабве, в 1981 г. – Белиз, Антигуа и Барбуда, в 1983 г. – Сент-Кристоф и Невис, в 1984 г. – Бруней. С просьбой о членстве в Содружестве не обращались получившие независимость Судан, Сомали, Камерун, Мальдивские острова, Южный Йемен, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты.

Вступление в Содружество бывших азиатских, африканских, центрально-американских колоний Великобритании нарушало первоначальные идеологические основы этой организации, возникшей как объединение метрополии и «белых» колоний-доминионов. Но именно благодаря этому процессу Великобритании удалось сохранить значительное влияние на африканском континенте и достаточно эффективно перейти здесь к политике неокolonизма. Иначе развивались события на Среднем и Ближнем Востоке.

После принятия иранским правительством в 1951 г. решения о национализации нефтяной промышленности дипломатические отношения между Ираном и Великобританией были разорваны. Великобритания выступила инициатором экономической блокады Ирана. Британский ВМФ устроил военную демонстрацию в иранских территориальных водах. Однако США не поддержали эту акцию и выступили инициатором переговоров и формирования нового международного консорциума по разработке иранских нефтяных месторождений. Великобритании пришлось довольствоваться лишь ролью одного из их участников.

Вскоре обострилась ситуация и вокруг Египта. В октябре 1951 г. египетское правительство приняло решение об аннулировании договора 1936 г. о кондоминиуме над Суданом и о Суэцком канале. Судан был объявлен неотъемлемой частью Египта. Но идти на открытый конфликт с Великобританией король Египта Фарук не решался. Начались длительные переговоры, во время которых английские войска подавляли стихийные выступления местного населения в районе Суэцкого канала. После перегово-

рота в Каире в июле 1952 г. революционное правительство Насера объявило о готовности предоставить Судану право самоопределения, что и было зафиксировано в англо-египетском соглашении 1953 г. После полуторогодичных переговоров удалось решить вопрос о судьбе Суэцкого канала. В соответствии с договором от 19 октября 1954 г. английские войска должны были быть эвакуированы в течение 20 месяцев.

Пытаясь укрепить свои позиции на Ближнем Востоке, британское правительство попыталось создать широкий военно-политический блок с участием крупнейших арабских стран. В 1955 г. под патронажем британского правительства Турция и Ирак заключили соглашение о взаимных оборонительных обязательствах. Великобритания присоединилась к нему, заключив аналогичный договор с Ираком. Чуть позже в группировку вошли Иран и Пакистан. Так возникла Организация центрального договора (СЕНТО), или Багдадский пакт, просуществовавший до 1978 г. В состав СЕНТО британское правительство пыталось вовлечь Египет и Иорданию. Однако правительство Насера не только не торопилось с таким шагом, но и постепенно расширяло связи с СССР. Более лояльной к Лондону оставалась Иордания, на территории которой находились британский экспедиционный корпус под командованием генерала Глабба. Однако жесткие меры, предпринятые англичанами для подавления оппозиционных выступлений местного населения, привели к тому, что 2 марта 1956 г. король Хусейн сместил Глабба с поста командующего. Вскоре Иордания присоединилась к созданному осенью 1955 г. по инициативе Насера совместному командованию армиями Египта и Сирии.

26 июля 1956 г. совершенно неожиданно для Лондона Насер объявил о национализации Суэцкого канала. Непосредственной причиной такого поворота событий стал отказ Великобритании и США финансировать строительство Асуанской плотины. СССР в свою очередь обещал египетскому правительству не только экономическую, но и военно-политическую помощь. Подобное развитие событий было чрезвычайно угрожающим для Великобритании, которая транспортировала через Суэцкий канал не менее четверти своего импорта и экспорта. Реакция Лондона была быстрой и жесткой. Уже 26 июля казначейство заморозило все стерлинговые обороты и активы Египта. Великобритания вместе с Францией, обладавшей частью акций Суэцкого канала, подала в Совет Безопасности ООН жалобу на Египет. Однако СССР не допустил принятия какой-либо резолюции, используя право вето. Секретные переговоры премьер-министра Идена с президентом США о возможности применения силовых мер также не принесли результата – Эйзенхауэр накануне новых выборов не был заинтересован в развязывании вооруженного конфликта. Тем не менее в Лондоне было принято решение о подготовке военной операции.

В августе 1956 г. началась концентрация английских и французских военных подразделений в районе Ближнего Востока. Союзником двух западных держав стал Израиль. С конца августа на границе Израиля с Египтом и Иорданией происходили военные столкновения, а 15 октября Иордания официально обвинила Израиль в агрессии. 25 октября министры иностранных дел Великобритании и Франции, а также израильский премьер-министр Бен-Гурион подписали секретный протокол о совместных действиях против Египта. Был подготовлен оперативный план, согласно которому объединенные войска должны были занять

Синайский полуостров и взять под контроль всю зону канала. Повод для начала кампании должно было дать наступление израильской армии на Синайском полуострове (операция «Кадеш»). Великобритания и Франция были готовы предъявить ультимативное требование египетской и израильской армии отвести подразделения на 10 миль от Суэцкого канала, которое Египет наверняка отказался бы выполнить. Вся операция получила название «Мушкетер». Для ее проведения было задействовано более 50 тыс. британских солдат и около 100 военных кораблей. Командование было возложено на генерала Чарльза Кейтли.

29 октября 1956 г. 400 израильских парашютистов под командованием полковника А. Шарона высадились на перевале Митла в самом центре Синайского полуострова, а танковые войска перешли в наступление на северо-востоке Синая. 30 октября, невзирая на то, что израильские войска еще не достигли канала, британское и французское правительства поспешили обратиться «к обеим сторонам» с предложением о прекращении огня, выводе всех войск из зоны канала и временной оккупации Суэца в целях обеспечения гарантий свободного движения по каналу. Не дожидаясь окончательного ответа египетской стороны, англо-французская военно-морская группировка вышла с Мальты. 31 октября британская авиация подвергла налетам все египетские авиабазы. Президент Насер отдал приказ о постепенном отступлении египетских подразделений вглубь полуострова. Вскоре правительство Египта приняло призыв ООН прекратить огонь. Тем не менее англо-французские бомбардировки продолжались. 5 ноября более тысячи англо-французских парашютистов высадились в стратегических пунктах Синайского полуострова. Агрессию остановила лишь исключительно резкая позиция СССР. В ультимативном послании Хрущев дал понять Идену, что СССР готов применить даже ядерное оружие.

Таким образом совершенно неожиданно для британских и французских политических кругов суэцкая авантюра поставила их страны на грань ядерного конфликта. Лондону и Парижу пришлось отдать приказ о срочном прекращении военных действий. 22 декабря англо-французские войска покинули территорию Египта. К 8 марта 1957 г. израильские войска покинули Синайский полуостров, а в зону конфликта были введены войска ООН. В дальнейшем ближневосточный конфликт оставался одной из наиболее сложных международных проблем. Противостояние Израиля и арабских стран активно использовалось обеими «сверхдержавами» для укрепления собственных позиций в регионе. А вот бывшие метрополии свое влияние на Ближнем Востоке в значительной степени утратили.

Участие в суэцкой авантюре наглядно продемонстрировало всю последовательность и неэффективность французской колониальной политики в послевоенные годы. Новое руководство Франции признавало необходимость реформирования колониальной империи. Конституция Четвертой республики закрепила создание Французского Союза, в состав которого вошли Франция, ее заморские департаменты и территории, а также ассоциированные государства и территории – Того, Камерун, Новые Гебриды, Марокко, Тунис, Индокитайская федерация. Главой Союза стал президент Франции. Образовывалась Ассамблея Французского Союза, состоящая наполовину из депутатов, избранных колониальными народами, и наполовину – из депутатов метрополии. Все жители Французского Союза получали союзное гражданство. В конституции

особо оговаривалось, что «изменение статуса территории и их переход в другую категорию может быть осуществлено только на основе соответствующего голосования Национальным собранием после консультаций с местными ассамблеями и ассамблеей Французского Союза».

В отличие от Британского Содружества Французский Союз оказался мертворожденным проектом. Сказалась и политическая нестабильность режима Четвертой республики, и противодействие местной администрации, и широкое национально-освободительное движение. Уже в мае 1945 г. колониальные власти жестоко подавили восстание в Алжире. Полтора года спустя аналогичные события повторились на Мадагаскаре, где число жертв среди коренного населения превысило 80 тыс. чел. Фатальное значение для Четвертой республики имел вооруженный конфликт в Индокитае. Поражение в этой войне предопределило окончательный распад колониальной империи. Впредь любые попытки военно-политического вмешательства в колониях вызвали широкое общественное недовольство в самой Франции. Не было согласия по поводу принципов колониальной политики и среди многочисленных партий, представленных во французском парламенте в период Четвертой республики. Коалиционные правительства старались избегать непопулярных мер, и непоследовательность их действий еще больше осложняла ситуацию.

В начале 1950-х гг. резко обострились отношения между Францией и ее протекторатами в Северной Африке – Тунисом и Марокко, входившими во Французский Союз на положении «присоединившихся государств». В октябре 1951 г. тунисское правительство выступило с требованием обеспечения полного суверенитета государства. Французская администрация ответила волной репрессий, направленных против активистов националистической партии Нео-Дестур. Был арестован премьер-министр местного правительства Шеник, убит генеральный секретарь профсоюзов Туниса Хашед. В Тунисе началась партизанская война. Схожим образом развивались события в Марокко и Алжире. В декабре 1952 г. здесь была запрещена деятельность националистической партии Истикляль и Марокканской коммунистической партии. Французское правительство фактически поддержало низложение легитимного султана Мохаммеда бен Юсефа. В 1955 г. французский парламент ввел чрезвычайное положение в Алжире. Активисты Фронта национального освобождения Алжира подвергались репрессиям.

В марте 1956 г. Франция была вынуждена признать независимость Марокко и Туниса. Урегулировать алжирскую проблему оказалась значительно сложнее. В стране проживало более 1 млн. «евроалжирцев» – представителей особой социальной группы, сформировавшейся на основе этнического, культурного, лингвистического синтеза французской и других европейских диаспор. «Евроалжирцы» считали себя подлинными хозяевами страны, а в массовом сознании французского общества Алжир ассоциировался с частью национальной территории. Все попытки французского правительства достичь компромисса между «евроалжирским» меньшинством и местным арабским населением не принесли успеха. 13 мая 1958 г. «Комитет общественного спасения», представлявший интересы «евроалжирских» «ультра», объявил о принятии всей полноты власти в Алжире. Угроза путча

ускорила приход к власти во Франции Ш. де Голля. Но урегулирование алжирского вопроса растянулось еще на несколько лет.

8 января 1961 г. референдум во Франции подтвердил право Алжира на самоопределение. Это подтолкнуло «ультра» к новой попытке государственного переворота. 22 апреля при поддержке части армейских соединений, дислоцированных в Алжире, они захватили власть в столице страны и объявили о низложении президента Франции. Однако путч был быстро подавлен. После почти годичных переговоров, 18 марта 1962 г. французским правительством были подписаны Эвианские соглашения об условиях самоопределения Алжира и принципах будущих франко-алжирских отношений. После проведения в Алжире референдума 1 июля 1962 г. французское правительство официально заявило о признании независимости этой страны.

Деголлевская конституция 1958 г. преобразовала Французский Союз в Сообщество, члены которого признавались суверенными государствами, имеющими право на свободный выход и получение полной независимости. В ходе референдумов страны Французского Союза должны были определить формулу своего участия в Сообществе. Гвинея сразу же высказалась против и с 1 октября 1958 г. стала независимым государством. Уже вскоре начался выход и других стран-участниц из Сообщества. В январе 1960 г. независимость получил Камерун, чуть позже – Того и другие государства, входившие в состав французской Экваториальной и Западной Африки. Зсего в течение 1960 г., названного «годом Африки», независимыми стали 14 бывших французских колоний в Африке. Конституционные положения о Сообществе были окончательно отменены в 1995 г.

Развал Французского Сообщества не стал крахом французской политики в «третьем мире». Де Голль был убежден, что эпоха традиционного колониализма завершилась. Основой отношений с получившими независимость странами Азии и Африки он считал экономическое сотрудничество и укрепление морального авторитета Франции как страны, готовой поддерживать волю любого народа на самоопределение. Голлизм сформировал основы французской неоколониальной политики, использующей имидж страны как «третьей силы», противостоящей «сверхдержавам». В рамках этого курса Франция со второй половины 1960-х гг. отказалась от произраильской политики на Ближнем Востоке, признала де-юре Китайскую Народную Республику, выступила против агрессивных действий США в Доминиканской Республике и осудила их вооруженное вмешательство во Вьетнаме.

Итак, в 1960-х гг. XX в. мировая колониальная система, создававшаяся веками и казавшаяся символом экономической и военно-политической мощи Запада, рухнула под напором национально-освободительного движения народов Азии и Африки. Сказались и изменения, произошедшие в самом западном обществе. Послевоенная политическая и деловая элита западных стран склонялась к использованию новых методов экономической эксплуатации мирового пространства, получивших название неоколониализма.

Глава 14

Развертывание интеграционного процесса в Европе: от проектов Пан-Европы к системе Европейских Сообществ

Панъевропейское движение. Идея культурно-исторического и религиозного единства Европы выдвигалась многими мыслителями на протяжении всего периода Средневековья и Нового времени. Но с закреплением принципа национально-государственного суверенитета ее реализация оказалась предельно затруднена. Лишь Наполеону Бонапарту удалось на считанные годы объединить большую часть континента под своей властью. Характерно, что, рассуждая о единстве Европы, Наполеон не отступал от традиционного принципа «универсализма» – представления о политическом объединении народов на основе единой «воли», единой веры, единого языка, единого престола. В его представлении Европа рисовалась в качестве «гелиоцентрической системы» – имперской системы, созданной вокруг «политического светила». Но могущество, основанное на штыках французской армии, оказалось недолговечным. Крах бонапартистской империи наглядно показал, что консолидация европейского континента может стать реальностью только при уважении принципа национального суверенитета. Становление идеологии европеизма в дальнейшем оказалось неразрывно связано с утверждением принципа федерализма, идеи союзного объединения свободных народов Европы.

Во второй половине XIX в. федералистское движение европейской интеллигенции представляло собой уже достаточно заметное политическое явление. Все более популярной становилась идея Соединенных Штатов Европы. Принято считать, что этот термин первым употребил итальянский республиканский деятель, историк и экономист Карло Каттанео. Ярым сторонником федерализации Европы был великий французский писатель Виктор Гюго. На третьем Конгрессе мира в Париже в августе 1849 г. он утверждал: «Настанет день, когда мы воочию увидим два гигантских союза государств – Соединенные Штаты Америки и Соединенные Штаты Европы, которые, став лицом друг к другу и скрепив свою дружбу рукопожатием через океан, будут обмениваться своими произведениями, изделиями своей промышленности, творениями искусства, гениальными дарованиями: уви-

дим, как они поднимают новь на всем земном шаре, сочетают воедино две необъятные силы – братство людей и могущество бога!».

Лозунг Соединенных Штатов Европы активно использовался созданной в 1867 г. в Женеве Международной лигой мира и свободы. Программные установки Лиги базировались на лозунге «Мир через свободу» и идее федерализации Европы. Федеративное государственное устройство рассматривалось в качестве наиболее естественного и разумного компромисса между суверенностью каждого народа и общеевропейским единством республиканских принципов. Франко-прусская война нанесла чувствительный удар по идеалам европейских пацифистов, но проекты создания Соединенных Штатов Европы привлекали все больший интерес. На Конгрессе политических наук, организованном в рамках Парижской всемирной выставки 1900 г., развернулась широкая дискуссия о путях федерализации Европы. Большинство делегатов высказывались за создание Европейского Союза, который не вытеснял бы существующие национальные государства, но препятствовал бы распространению шовинизма и милитаризма, способствовал бы осознанию единства исторических судеб европейцев, общности их духовной культуры и социально-политических идеалов. Характерно, что многие участники дискуссии рассматривали создание подобного Союза в качестве противодействия нарастающему влиянию США и Великобритании.

Первая мировая война привнесла в европейскую политическую жизнь дух ксенофобии, шовинизма, расовизма. В результате распада империй Гогенцоллернов, Габсбургов и Романовых Европа превратилась в пестрый конгломерат небольших государств, признающих авторитет «великих держав», но ревностно отстаивавших свои интересы и независимость друг перед другом. В таких условиях идея Соединенных Штатов Европы превратилась в почти иллюзорную мечту, хотя в пропагандистских целях ее по-прежнему использовали самые разные политические силы. Либеральная интеллигенция противопоставляла принципы европейского федерализма, основанного на «равноправии свободных народов», имперским устремлениям великих держав, стоявших у истоков Лиги наций. Представители националистических группировок южно-европейских стран выступали за сепаратное объединение романских стран в противовес Германии и Великобритании. По инициативе Ж. Валуа, основателя французского фашистской организации «Фэсо», было создано франко-итало-испанское движение за формирование Латинского блока – коалиции романских стран, призванной бороться за торжество корпоративного социального порядка, укрепление позиций церкви и армии в общественной жизни, против засилья «еврейского капитала» и угрозы «варварской цивилизации», олицетворяемой большевистской Россией. Примерно в том же ключе в Германии распространялась в послевоенные годы идея «Срединной Европы».

Постепенно происходило и возрождение довоенных традиций пацифистского европеизма. Ведущим идеологом европеистов из этого лагеря стал граф Рихард Кудерхове-Калерги, выходец из влиятельного австрийского аристократического рода и яркий представитель космополитического бомонда довоенной Вены. Встретив с восторгом создание Лиги наций, Кудерхове-Калерги был разочарован политическим торгом, который начался за ее кулисами. В 1923 г. он опубликовал книгу «Пан-Европа», издание которой вызвало

активную дискуссию о будущем европейского континента. В предисловии к своей книге Кудерхове-Калерги сформулировал «европейский вопрос» следующим образом: «Может ли Европа, политически и экономически раздробленная, поддерживать свой мир и независимость, если учитывать возрастающую силу мировых держав?». Мировыми державами он называл Великобританию, Россию, Азию («монгольский блок» во главе с Японией) и Америк, считая их не классическими государствами европейского типа, а «континентальными федерациями» или «народными империями».

Кудерхове-Калерги пытался доказать, что господство мировых держав приводит к тому, что в современном мире любое национальное государство утрачивает возможность проводить самостоятельную политику и отстаивать свои интересы. Для европейских стран, по мнению Кудерхове-Калерги, существует лишь одно возможное сохранение независимости и влияние — создание Панъевропейской конференции и поэтапное объединение в «унию» от Португалии до Польши». Кудерхове-Калерги полагал, что первым шагом должна стать координация политики европейских стран во всех сферах общественной жизни, а также формирование необходимой для этого системы руководящих органов. От межгосударственной координации следовало перейти к созданию панъевропейского таможенного, а впоследствии и валютного союза. Особое значение Кудерхове-Калерги придавал проведению согласованной культурной и языковой политики. Он утверждал, что Пан-Европа может стать политической реальностью только после того, как займет место в сердцах и умах всех европейцев, когда получит опору в чувстве панъевропейской солидарности.

Идеи Кудерхове-Калерги вызвали интерес у многих представителей европейской политической и деловой элиты. В 1924–1925 гг. с чешским дипломатическим паспортом Кудерхове-Калерги совершил турне по Европе, пропагандируя проект Пан-Европы. В июне 1924 г. он обратился с открытым письмом к французским парламентариям, в котором изложил свое видение европейской ситуации. Особое внимание Кудерхове-Калерги уделил проблеме исторического противостояния Франции и Германии, считая, что путь к единству Европы лежит через примирение этих двух стран. В поддержку панъевропейских идей высказались ведущие французские политики Э. Эррио и А. Бриан. При их поддержке в конце 1924 г. был обнародован первый программный документ панъевропейского движения — «Европейский манифест».

Задачей панъевропейского движения в манифесте провозглашалось «объединение всех демократических государств континентальной Европы в одну интернациональную группу, в политический и экономический союз». Создание Соединенных Штатов Европы объявлялось «великой целью», которая соответствует чаяниям всех простых людей. «Девяносто процентов всех европейцев ничего не требуют от политики, кроме обеспечения мира и свободы и повышения благосостояния». — заявлялось в манифесте. Авторы документа отмечали также, что причиной консолидации европейских государств является не только военная угроза войны, но и давнее историческое тяготение народов континента, единство их культурных традиций и социальных идеалов. Поэтому пространственные границы будущей Пан-Европы определялись как «полуостров между Россией, Атлантическим океаном и

Средиземным морем, к которому также относятся Исландия и колонии европейских государств». Россия и Великобритания объявлялись в манифесте «соседями Пан-Европы», как две мировые державы, имеющие иные источники и динамику развития.

В январе 1925 г. Эррио официально представил идею Соединенных Штатов Европы в Лиге наций, а на конференции в Локарно панъевропейский проект стал одной из основных тем обсуждения. Заключение Рейнского гарантийного пакта позволило значительно снизить напряженность во франко-германских отношениях и открыло дорогу к окончательному оформлению панъевропейского движения. В октябре 1926 г. в Вене под председательством Аристиды Бриана был организован его первый конгресс. В работе приняли участие более двух тысяч делегатов из 24 стран, в том числе такие известные политические и общественные деятели, как Э. Эррио, Л. Блюм, Э. Даладье и П. Бонкур (Франция), Я. Шахт, К. Вирт, А. Эйнштейн, Т. и Г. Манны (Германия), Ф. Ноэль-Блокер (Великобритания), З. Фрейд (Австрия) и др. Делегаты конгресса заявили о необходимости расширения экономического, таможенного, военного сотрудничества европейских стран при сохранении их государственного суверенитета. По аналогии с Лигой наций был образован Панъевропейский союз с межгосударственными структурами — Федеральным Советом, Федеральным Судом, Федеральной Ассамблеей. Официальным флагом Панъевропейского союза стало полотнище небесно-голубого цвета с изображенным на нем «солнечным крестом» (красным крестом, помещенным на золотой солнечный круг). Девизом было избрано изречение, приписываемое Святому Августину: «In necessariis unitas — in dubiis libertas — in omnibus caritas» («В главном — единство, в спорных вопросах — свобода, во всем — добрая воля и добрые дела»).

Несмотря на оформление целостной организационной структуры Панъевропейский союз оставался пока неофициальным форумом европейской политической элиты. Но одновременно с ним был создан Европейский экономический и таможенный союз, под эгидой которого в 1927 г. были учреждены «национальные комитеты» в 18 странах Европы. Задачи союза заключались в пропаганде снижения таможенных тарифов («таможенного разоружения») и разработке соответствующих законопроектов, предлагаемых для рассмотрения европейским правительствам. Первым успехом союза стало подписание уже в конце 1926 г. Международного Стального Соглашения, регулировавшего производство стали немецкими, французскими, бельгийскими и люксембургскими предприятиями на основе согласованных квот. Подобные проекты неофициально стали называть «Экономическими Соединенными Штатами Европы», подчеркивая их политическую значимость.

В конце 1920-х гг. инициатива в развитии панъевропейского движения окончательно перешла к французской дипломатии. В сентябре 1929 г. А. Бриан обратился к X сессии Ассамблеи Лиги наций с «Меморандумом об основных принципах панъевропейского процесса». В этом документе создание панъевропейской системы рассматривалось в качестве важнейшего условия для «ликвидации того анархического состояния межгосударственных связей в Европе, при которых сохраняется возможность возникновения конфликтов». При этом особое значение придавалось не только политике разору-

жения, но и преодолению экономического соперничества европейских стран. Бриан заявлял о необходимости создания «общего рынка» – системы тесного таможенного, финансового и производственного сотрудничества в пределах Европы. В развитие этих идей был разработан проект «пакта об экономическом ненападении».

В 1930 г. французское правительство опубликовало «Меморандум об организации Федерального европейского союза». Этот документ был разослан на рассмотрение всем европейским правительствам и послужил основой для разработки программы Второго панъевропейского конгресса, состоявшегося в 1932 г. в Базеле. По итогам работы конгресса было заявлено о создании Европейской партии и сформулированы основные направления панъевропейского процесса. Отказавшись от слишком обязывающего понятия «федерализация», делегаты конгресса призвали к созданию Союза стран Европы, призванного гарантировать суверенитет европейских стран и, на этой основе, способствовать их всестороннему сотрудничеству. С учетом сложной международной обстановки особое значение придавалось формированию военного союза европейских государств с единым генеральным штабом и военно-воздушными силами. Кроме того, первоочередным шагом на пути создания Союза считалось образование Таможенной унии Европы и в рамках ее – постепенное устранение таможенных барьеров между государствами Европы, таможенная защита европейской промышленности и сельского хозяйства от внешней конкуренции, «рациональная организация европейского рынка», ввод единообразного управления колониями европейских стран, переход к единой денежной системе.

Помимо военного и экономического сотрудничества перспективными задачами Союза стран Европы на конгрессе были провозглашены четыре комплекса мер: «европейская мирная политика» (единая политика в отношении неевропейских стран, «интерконтинентальное» сотрудничество в рамках Лиги наций, тесное сотрудничество с Британской империей, погашение всех военных долгов, нейтралитет в отношении всех возникающих вне Европы конфликтов), «европейская социальная политика» (обеспечение прожиточного минимума всем безработным, ликвидация безработицы «путем созидательного строительства экономической солидарности», сокращение рабочего времени «по мере технического прогресса», развитие социального законодательства и попечительства над материнством и детством, престарелыми и инвалидами), «европейская политика свободы» (обеспечение демократических прав и свобод, стабильности политической власти, «продвижение одаренных людей»), «европейская национальная политика» (охрана национальных культур и местных традиций, защита всех национальных меньшинств Европы, признание вредности национальной, социальной и религиозной розни, «возрождение европейского идеализма»). Однако претенциозный панъевропейский проект остался на бумаге. Континент все более отчетливо раскалывался на противоборствующие группировки. После прихода к власти в Германии нацистов любые попытки политического или экономического объединения Европы оказались уже невозможны.

Формирование системы Европейских Сообществ. Уже вскоре после окончания Второй мировой войны началось возрождение европейского движения. Под руководством Кудерхове-Калерги был воссоздан Европейский парламентский союз, ставший политическим клубом парламентариев из стран Западной Европы. В декабре 1946 г. в Париже состоялось образование Европейского союза федералистов, развивавшего традиции довоенного Панъевропейского союза. С ним тесно сотрудничали Социалистическое движение за создание Соединенных Штатов Европы и христианско-демократическая организация «Новые интернациональные группы». Представители деловых кругов, разделявшие европейские идеи, объединились в 1947 г. в Европейскую лигу экономического сотрудничества. Программные установки всех этих организаций базировались на идеях пан-европейского федерализма. На конгрессе, состоявшемся в Монтре в августе 1947 г., сторонники федерализации Европы сформулировали важнейшие принципы и цели этого процесса. Было уточнено, что федерализация не предполагает преодоление национального суверенитета и достижение «системного», «организационного» единства Европы. Федерализация рассматривалась в качестве гармонизации «реальностей разного уровня» – наций, народов, регионов, языков, политических традиций, экономических интересов. Подобная федерация могла быть создана, по мнению участников, лишь усилиями «групп и лиц», а не правительств.

Инициатором альтернативного европейского движения, основанного на принципах межгосударственного сотрудничества, выступил Уинстон Черчилль. Характерно, что сам Черчилль никогда не разделял идеи европеизма и был решительным противником федерализации континента. Но он очень прозорливо оценил значимость интеграции западноевропейских стран в условиях начала «холодной войны». В сентябре 1946 г., накануне открытия решающей конференции СМВД по «германскому вопросу», Черчилль выступил с речью «Трагедия Европы» в Цюрихском университете. «Первым нашим шагом должно быть учреждение Совета Европы, – заявил он. – Даже если не все европейские государства проявят готовность сразу же вступить в новое сообщество, мы будем создавать его в составе тех стран, которые выразят такую готовность. Задача полного избавления простых людей от угрозы порабощения и войны, в какой бы стране они ни проживали, должна решаться на самой весомой основе, каковой должна быть готовность граждан этих стран, и мужчин и женщин, скорее умереть, чем подчиниться чьей-либо тирании».

Призывая к сплочению европейских стран, Черчилль первым из послевоенных политиков не только заявил о необходимости участия в интеграционном процессе Германии, но и указал на нее как на «сердцевину континента». Он подчеркивал, что ведущую роль в создании «Единой Европы» должно сыграть партнерство между Францией и Германией. «Великобритания, Британское Содружество наций, Америка и Советская Россия должны стать партнерами и поручителями в строительстве новой Европы и должны в дальнейшем защищать ее право на мирное существование и процветание», – заявлял Черчилль. Нетрудно понять, что подлинный смысл предлагаемого проекта заключался в образовании европейского военно-политического блока с участием Германии, способного стать противовесом

советскому влиянию. Великобритания, как стратегический союзник Соединенных Штатов, приобретала бы в такой ситуации роль патрона по отношению к западноевропейским странам, а также оказывалась бы избавлена от необходимости жертвовать «особыми отношениями» с Британским содружеством наций во имя панъвропейского проекта.

Кульминационный момент в «крестовом походе» Черчилля «во имя спасения Европы» наступил в мае 1948 г. На конгрессе в Гааге, собравшем восемьсот делегатов со всей Западной Европы – политиков, промышленников, профсоюзных работников, ученых, – Черчилль был избран почетным председателем. Он обратился к присутствующим со страстным призывом объединить политические усилия по защите демократических завоеваний, а также расширить экономическое и военное сотрудничество между странами Европы. Однако среди делегатов конгресса преобладали сторонники федералистской идеи, которые не хотели видеть в Единой Европе очередную политическую коалицию. В соответствии с решениями конгресса началась работа по созданию общеевропейской организации, ориентированной на гуманитарное сотрудничество. 5 мая 1949 г. на конгрессе в Страсбурге было провозглашено образование Совета Европы (СЕ). Цели и принципы деятельности этой организации отразили компромисс между сторонниками самых разных и подчас противоположных концепций европейского строительства. Совет Европы заявил о своем намерении добиваться единства европейских стран в защите идеалов демократии, верховенства закона, прав человека. Организационная структура Совета Европы включала Комитет министров иностранных дел и Консультативную Ассамблею, члены которой назначались национальными парламентами. Однако широких прерогатив эти органы не получили. В дальнейшем, Совет Европы превратился в авторитетный общеевропейский форум, активно влияющий на общественное мнение европейских стран. Но в условиях «холодной войны» его политическая деятельность оказалась чрезвычайно затруднена.

Лидеры французской дипломатии Ж. Бидо, Р. Шуман, Р. Плевен, Ж. Моне поддержали создание Совета Европы, но одновременно выступили за более тесную интеграцию западноевропейских стран. В 1949 г. Мишель Дебре, один из будущих «отцов-основателей» Пятой республики, опубликовал «Проект Пакта о Союзе европейских государств». Дебре утверждал, что «нации не захотят расстаться со своим суверенитетом, который они путают со свободой граждан», и что «эту иллюзию необходимо сохранять во избежание негативных последствий». Но для придания Союзу подлинной эффективности Дебре призывал не только углублять сотрудничество «заинтересованных наций» во всех сферах, но и создать мощные наднациональные институты. Согласно его проекту Ассамблея европейских наций и Арбитр Союза (фактически, президент) должны были бы избираться напрямую всеобщим голосованием, что обеспечило бы Союзу наднациональную легитимность. «Покинем нашу провинцию, я хотел сказать, нашу нацию», – заключал Дебре.

Федералистские убеждения Дебре и других голлистов вскоре сменились скептическим отношением к идее Единой Европы. Но среди французских политиков, представлявших правящие партии Четвертой республики, планы западноевропейской интеграции оставались очень популярными. В 1949 г.

Жан Монне, Этьен Гирш и Поль Рейтер разработали концепцию создания экономической интеграционной организации – Европейского объединения угля и стали. Проект казался достаточно умеренным – компетенция наднациональных органов управления ЕОУС рассматривалась как вторичная, производная от полномочий национальных правительств и парламентов, а сфера их деятельности жестко ограничивалась отраслевыми рамками. Однако, как недвусмысленно подчеркивали авторы договора об ЕОУС в одной из его первых редакций, «важнейшее политическое значение этого предложения состоит в том, чтобы открыть в бастионах национального суверенитета проход достаточно локализованный, чтобы он не вызывал возражений, и достаточно глубокий, чтобы увлечь государства к единству».

Стратегия интеграции, разработанная Монне и его коллегами, получила название «коммунитарного метода». Она предполагала федерализацию Европы как конечную цель, но основывалась на очень умеренных, локальных и прагматичных шагах в формировании интеграционного механизма. 9 мая 1950 г. министр иностранных дел Франции Робер Шуман выступил с заявлением о принципах создания ЕОУС. «Объединенную Европу, – отмечал он, – нельзя создать ни в один прием, ни путем простого слияния. Она будет образовываться путем конкретных достижений, в результате которых прежде всего будет создана фактическая солидарность». Эффективность коммунитарного подхода продемонстрировал провал другой инициативы французской дипломатии. 24 октября 1950 г. Рене Плевен обнародовал план создания объединенных европейских вооруженных сил, которые могли бы стать ядром Европейского оборонительного сообщества (ЕОС). В мае 1952 г. договор о ЕОС был подписан представителями Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. Но он так и не вступил в силу, поскольку новый состав французского парламента отказался ратифицировать договор. Дискуссии о ЕОС длились во французских политических кругах до августа 1954 г. и наглядно показали, что глубокая политическая интеграция воспринималась даже многими сторонниками Единой Европы как угроза национальному суверенитету.

Иной оказалась судьба прагматичного «плана Шумана». В 1951 г. в Париже представители Франции, ФРГ, Италии, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга подписали Учредительный договор ЕОУС. Целями Сообщества были провозглашены создание общего отраслевого рынка добывающей и металлургической промышленности, обеспечение роста производства и занятости, а также повышение уровня жизни в странах-участницах посредством согласования национальной экономической политики. В рамках отраслевого рынка предстояло ликвидировать таможенные пошлины, налоги с равноценным действием, количественные ограничения при передвижении товаров, а также запретить дискриминационные меры в отношении потребителей, покупателей и производителей. Несправедливой практикой объявлялось предоставление производителям государственных субсидий, меняющих условия честной конкуренции. ЕОУС гарантировал равный доступ к ресурсным источникам для всех групп производителей, создание условий для рационального использования природных ресурсов, расширения и увеличения производственного потенциала. Все эти принципы вводились в практику постепенно. С 10 февраля 1953 г. начал функционировать общий рынок угля, железной руды

и металлолома, с 10 мая 1953 г. – общий рынок стали, с 1 августа 1954 г. – общий рынок специальных видов стали. К 1955 г. был введен и общий для всех стран ЕОУС внешний тариф на экспортно-импортные операции с предусмотренными видами продукции.

Важнейшее значение имело создание в рамках ЕОУС целостной наднациональной системы управления. В ее состав вошли Специальный совет министров (высший орган по координации, состоящий из отраслевых министров национальных правительств с правом вето любого участника, будущий Европейский Совет), Высший руководящий орган (основной исполнительный орган, будущая Комиссия Сообщества), Европейская Ассамблея (консультативный орган, формируемый на представительной основе из депутатов парламентов стран-участниц, будущий Европарламент) и Европейский Суд (высший арбитражный орган). Совет министров и Европейская Ассамблея отражали в своей деятельности баланс национальных интересов и договорной характер интеграционного процесса. Высший руководящий орган и Европейский Суд, напротив, были ориентированы на представительство интересов всего Сообщества в целом. При этом юридически все институты ЕОУС имели наднациональный характер. Решения этих органов, принятые в рамках компетенции, закрепленной учредительным договором, получали преимущество по сравнению с национальными источниками права. Тем самым, подписание и ратификация учредительного договора превращалась в делегирование части национального суверенитета Сообществу. Показательно с этой точки зрения, что ЕОУС приобрел и собственную международную правосубъектность, что в корне отличалось от правовой природы обычных межгосударственных объединений.

Успешный опыт институционализации ЕОУС позволил перейти к разработке проекта новых Сообществ. В 1956 г. комитет под председательством премьер-министра Бельгии П.-А. Спаака подготовил концепцию интеграции в двух сферах – общей экономической политике и контроле над использованием ядерной энергетики. В соответствии с нею в 1957 г. странами «шестерки» в Риме были заключены учредительные договоры Европейского экономического Сообщества (ЕЭС) и Европейского агентства по атомной энергии (Евroatом). Так сложилась тройственная система Сообществ – ЕОУС, ЕЭС и Евroatом. Компетенция каждого из них определялась собственным учредительным договором, но институциональная структура постепенно становилась единой (окончательно этот процесс «слияния» завершился в 1967 г. с образованием единого Совета министров, Комиссии европейских Сообществ, Европарламента и Суда).

Образование тройственной структуры Сообществ диктовалось определенными расхождениями стратегических целей стран-участниц. Для ФРГ основной задачей оставалось развитие общего рынка тяжелой промышленности. Бельгия и Нидерланды рассматривали в качестве наиболее перспективных сфер интеграции область новейших технологических разработок и исследования в области энергетики. Франция выступала за более сбалансированное развитие общего рынка, распространение интеграционных принципов на все отрасли экономики, включая сельское хозяйство. Расширенная и децентрализованная система Сообществ позволяла гибко варьировать темпы и методы взаимодействия в развитии всех этих направлений интегра-

ции. Со временем же эпицентр интеграционных процессов сосредоточился в ЕЭС. Учредительный договор о ЕЭС предполагал ввод единого таможенного тарифа по отношению к третьим странам, обеспечение условий для свободного перемещения лиц, услуг и капитала (так называемые «основные свободы общего рынка»), проведение согласованной сельскохозяйственной и транспортной политики, координацию антимонопольной политики, развитие единых инвестиционных органов, сближение экономического и социального законодательства стран-участниц. Таким образом, компетенция ЕЭС позволяла перейти от «негативной интеграции» (направленной на разрушение межгосударственных экономических барьеров) к «позитивной» (проведение через институты Сообществ «общих политик» в различных сферах).

Каждое из трех Сообществ обладало собственным правовым порядком, но на их основе постепенно сложилась общая унифицированная система европейского права. Действующие в ее рамках источники права получили статус «первичных» и «вторичных». К «первичным» были отнесены учредительные договоры о Сообществах. Эти источники права приобретали юридическую силу лишь после процедуры «трансформации», т.е. придания им юридического статуса норм национального права. Изначально такой процедурой была ратификация учредительного договора в парламентах (в некоторых случаях – на референдумах). Группу «вторичных» источников европейского права составили нормативные акты органов Сообществ – регламенты, директивы, рекомендации, а также решения Суда Сообществ (судебные прецеденты). Поскольку, ратифицировав учредительный договор, каждое государство передавало Сообществам исключительные полномочия в установленной сфере, то «вторичные» источники европейского права приобретали большую юридическую силу по сравнению с нормами национального права. С момента их принятия любые противоречащие им национальные законы утрачивали силу, а для правоприменения «вторичных источников» процедура трансформации уже не требовалась (т.е. действовал принцип «прямого действия»).

В 1960-х гг. правовая база Европейских Сообществ не претерпела существенных изменений. Однако вопрос о политической направленности интеграционного процесса стал предметом самой ожесточенной полемики. Первоначально французская дипломатия вновь выступила инициатором углубления интеграционного процесса вплоть до создания политического объединения. 5 сентября 1960 г. президент де Голль заявил на пресс-конференции о необходимости обеспечения «постоянного сотрудничества в политической, экономической, культурной области и области обороны». В развитие этой инициативы французское правительство выдвинуло в 1960 г. проект углубления интеграционных связей в дипломатической и военно-политической сферах («план Фуше»). В качестве стратегической перспективы рассматривалось образование Союза европейских государств, сохраняющего национальный суверенитет каждого из участников, но выступающего как единая сила на мировой арене.

Заинтересованность де Голля в углублении интеграционного процесса объяснялась отказом от идеи атлантической солидарности и стремлением противопоставить мощную Единую Европу двум «сверхдержавам». Но, одновременно, де Голль не желал утрачивать политическую самостоятель-

ность Франции. Будучи убежденным националистом, он не верил в возможность последовательной федерализации Европы. Впоследствии в своих мемуарах де Голль язвительно описывал всю «нелепость» мечты о «срастении» европейских стран в едином образовании, имеющем свой парламент, свои законы и свое правительство, которое управляло бы подданными французского, немецкого, итальянского, бельгийского, нидерландского и люксембургского происхождения, ставшими согражданами внутри искусственной родины, изобретенной умами технократов».

Двухлетние дискуссии вокруг «плана Фуше» не привели к снятию разногласий между странами европейской «шестерки», и сам де Голль на пресс-конференции 15 мая 1962 г. положил конец обсуждению этой темы. Он недвусмысленно заявил о желательности для Франции политической интеграции стран Западной Европы, но недопустимости проведения ее в ущерб национальному суверенитету. В дальнейшем де Голль выступал уже последовательным противником любых проектов расширения компетенции наднациональных органов Сообществ. Его противостояние с федералистами достигло пика в 1965 г. Де Голль жестко выступил против предложений председателя Европейской комиссии Вальтера Хальштейна о закреплении процедуры голосования в Совете простым большинством, предоставлении Европейской Ассамблее права формировать свой бюджет и расширении полномочий Еврокомиссии. В течение семи месяцев Франция бойкотировала работу Совета, из-за чего эти события получили название кризиса «пустого кресла». Урегулирование кризиса состоялось на основе протокола, подписанного в Люксембурге в январе 1967 г. («Люксембургский компромисс»). Было подтверждено сохранение статуса Ассамблеи, приоритет полномочий Европейского Совета, право стран-участниц на вето при голосовании в Совете «жизненно важных» с их точки зрения вопросов.

Де Голль жестко пресек и попытки Великобритании присоединиться к системе Европейских Сообществ. Изначально в Лондоне достаточно скептически относились к деятельности ЕОУС, предпочитая сохранять «особые отношения» с собственными колониями и уповая на «атлантическую солидарность» с США. Но подписание в 1957 г. Римских договоров о создании ЕЭС и Евроатома вызвало озабоченность британских политиков. Опасаясь изоляции от европейских рынков, Великобритания предприняла контрмеры – в 1960 г. по инициативе Лондона была образована Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ). В состав этой организации вошли помимо Великобритании Австрия, Дания, Исландия, Норвегия, Португалия, Швеция и Швейцария. В качестве целей ЕАСТ были определены содействие росту экономической активности, обеспечению полной занятости, погашению производительности, рациональному использованию ресурсов, финансовой стабильности и повышению уровня жизни на территории государств-членов, обеспечение добросовестных условий конкуренции в торговле, ликвидация неравенства в условиях снабжения сырьем, производимым на территории зоны свободной торговли, а также содействие гармоничному развитию и росту мировой торговли. Ликвидировать таможенные тарифы в зоне свободной торговли не предполагалось. Речь шла лишь об отказе от дискриминационных ограничений товарообмена и от демпинговых цен. Не создавалась и какая-либо наднациональная организационная структура ЕАСТ.

Опираясь на поддержку стран ЕАСТ, Великобритания поставила вопрос и о своем вхождении в систему Сообществ. Одновременно Лондон настаивал на сохранении собственного особого статуса, основанного на признании интеграционных связей Великобритании с третьими странами (прежде всего речь шла о странах Содружества наций). В политическом плане Великобритания не собиралась отказываться от стратегического союза с США во имя укрепления европейской солидарности. Де Голль отверг все эти предложения и решительно выступил против включения британского «тройного коня» в Европейские Сообщества. В ходе переговоров с премьер-министром Макмилланом в 1962 г. де Голль дал понять, что лишь начало тесного англо-французского сотрудничества по созданию европейского ядерного оружия может стать основой для вступления Великобритании в «Общий рынок». Не встретив понимания у своего британского коллеги, де Голль впоследствии неизменно отказывался от обсуждения самой возможности вступления Великобритании в Европейские Сообщества.

Несмотря на обострившуюся политическую борьбу между ведущими европейскими державами интеграционный процесс в 1960-х гг. развивался чрезвычайно динамично и успешно. Таможенные барьеры в зоне Сообществ поэтапно снижались и в 1968 г. были окончательно отменены. В отношении третьих стран был введен единый таможенный тариф, что фактически означало переход стран Сообществ к единой внешнеторговой политике. Благодаря этим мерам торговый оборот внутри зоны Сообществ увеличился в 1958–1970 гг. в 6 раз. С 1968 г. начал действовать Общий аграрный рынок ЕЭС. Помимо отмены внутренних пошлин на сельскохозяйственные продукты и унификации цен была введена практика субсидирования фермерского труда (оплата из централизованных фондов ЕЭС разницы в уровне отпускных и рыночных цен). Важное значение имело образование под эгидой ЕЭС Европейского инвестиционного банка и Европейского Социального фонда, призванных скоординировать движения финансовых потоков в соответствии со стратегическими целями интеграционного процесса.

Примечательно, что активную роль в развитии интеграционного процесса в 1960-х гг. сыграли «малые страны» Западной Европы. Возникший в 1958 г. Экономический союз Бенилюкс стал своеобразным полигоном для апробации высоких форм интеграционных связей. В его рамках уже в 1960 г. было утверждено единое таможенное пространство и система свободного передвижения лиц по территориям трех государств, осуществлен перенос пограничного контроля на их внешние границы. В 1969 г. был подписан протокол о полной отмене пограничного контроля между Бельгией, Нидерландами и Люксембургом. Целью Бенилюкса было провозглашено и проведение единой торговой и экономической политики по отношению к третьим странам.

«Углубление и расширение» европейской интеграции. К концу 1960-х гг. основные задачи интеграции, предусмотренные Римскими договорами, были выполнены. К тому же уход де Голля с поста президента Франции позволял вернуться к проблеме расширения системы Сообществ и

ее политического реформирования. Преемник де Голля Жорж Помпиду уже не считал процесс европейской интеграции средством усиления международных позиций Франции. Интеграционное строительство неуклонно превращалось в фактор внутренней политики европейских стран. В 1969 г. на Гаагской встрече глав государств «шестерки» Помпиду выступил с инициативой «завершения, углубления и расширения» интеграционного процесса. Речь шла о переходе от координации внутриотраслевой и таможенной политики к созданию в Европе экономического и валютного союза, о проведении политической реформы системы Сообществ и расширении ее состава.

27 октября 1970 г. на встрече министров иностранных дел «шестерки» был утвержден Доклад о проблемах политической унификации («Доклад Давиньона» — по имени бельгийского дипломата, возглавлявшего комитет разработчиков). Термин «политическая» относился в данном случае лишь к внешнеполитической сфере. В соответствии с «Докладом Давиньона» было решено перейти к постепенному формированию механизма «единой европейской внешней политики». В 1973 г. после утверждения Советом министров «Доклада о сотрудничестве в области внешней политики» создаваемая система получила название Европейского политического сотрудничества (ЕПС). Характерно, что никакого учредительного договора по обеспечению ЕПС не было принято, и никакая специальная наднациональная структура не создавалась. Впоследствии ЕПС стали называть «второй опорой» европейской интеграции. В отличие от системы Сообществ она не была институционализирована и развивалась в качестве политического процесса, а не правового института.

Кроме создания системы ЕПС в 1970 г. начался переход Сообществ на новый принцип финансирования. С этого времени бюджет каждого из Сообществ начал формироваться не за счет налогов и пошлин, взимаемых с граждан и юридических лиц, а на основе «собственных ресурсов» — доходов от импортных пошлин на товары, ввозимые на территорию общего рынка, налогов на сельскохозяйственную продукцию, а также доли налога на добавленную стоимость. В 1971 г. был принят «план Вернера» (по имени автора проекта премьер-министра Люксембурга Пьера Вернера). Он предусматривал переход к Экономическому и валютному союзу стран Сообществ в 1980 г. Проведение подобных реформ должно было стимулировать интеграцию не только в экономической, но и политической сфере, поскольку окончательно придавало Сообществам характер целостного социально-экономического и правового пространства. В 1973 г. главами государств Сообществ был принят программный документ «Об облике Европы», где еще раз подчеркивалась неразрывная связь политической и экономической интеграции.

С 1969–1970 гг. происходили переговоры о вступлении в систему Сообществ Великобритании, Ирландии, Дании и Норвегии. Разработанная формула вступления предусматривала пятилетний «адаптационный период» интеграции в «Общий рынок», когда существующие торговые пошлины должны были поэтапно сокращаться. В политических структурах Сообщества новые государства сразу же получали полноправный статус. Особого решения потребовало распространение на Великобританию принципов европейского

права. В этой стране существовала особая правовая доктрина, предусматривающая невозможность непосредственного привнесения в национальное правовое пространство норм международного права, включая межгосударственные договоры. Поэтому в Великобритании сложилась специфическая система трансформации международных норм в национальные — имплементация (для ввода в действие условий международного договора на территории страны британский парламент в порядке имплементации издает собственный закон, сохраняющий содержание международного договора или корректирующий его применительно к особенностям английского права).

В результате напряженной работы британских правительственных экспертов и международных комиссий к лету 1972 г. удалось сформулировать уникальный для Европейских Сообществ порядок действия европейского права на территории Великобритании. Он получил название «дуалистической модели» и предполагал, что для ввода учредительных договоров Великобритании может использовать процедуру имплементации, т.е. не ратифицировать договор, а создавать собственный закон, в том числе внося в него необходимые, но не существенные изменения. Но при этом подтверждалось, что все нормы английского права, противоречащие европейским, утрачивают юридическую силу с момента принятия европейских. На этих условиях 22 января 1972 г. в Брюсселе был подписан договор о присоединении Великобритании к Европейским Сообществам, а 13 июля 1972 г. британский парламент принял Акт о Европейских Сообществах, повторяющий основное содержание учредительных договоров ЕОУС, ЕЭС и Евроатома. В 1972 г. во всех странах-претендентах прошли референдумы о присоединении к Сообществам. В Норвегии референдум дал отрицательный результат. Поэтому с 1 января 1973 г. европейская «шестерка» превратилась в «девятку». Новое расширение Сообществ произошло уже в следующем десятилетии: в 1981 г. в Сообщества вступила Греция, в 1986 г. — Испания и Португалия.

В 1974 г. в Париже на встрече глав государств и правительств Сообществ было решено вывести их политическое сотрудничество на новый уровень. Совет Сообществ был преобразован в Европейский Совет, который должен был собираться на высшем уровне не менее трех раз в год. Подтверждалось намерение тесно координировать дипломатическую деятельность стран Сообществ «во всех сферах международных отношений». Была поставлена задача по анализу перспектив перехода к прямым выборам в Европарламент и учреждения Паспортного Союза (как первого шага к вводу единого европейского гражданства). Комиссии под руководством премьер-министра Бельгии Лео Тиндемана было поручено подготовить доклад о возможности разработки универсальной концепции Европейского Союза, который мог бы заменить систему Сообществ.

«Доклад Тиндемана» был представлен членам Европейского Совета 29 декабря 1975 г. Этот документ не претендовал на статус проекта конституции будущего Европейского Союза, но включал детальное описание всех аспектов интеграционного процесса. Главная идея доклада заключалась в том, что европейская интеграция вступила в новую длительную фазу — «фазу Союза», но не должна привести к ломке сложившейся организационной структуры Сообществ. Под Европейским Союзом Тиндеман понимал про-

цесс распространения интеграции на все сферы общественной жизни – от внешней политики и безопасности до региональной и социальной политики. Частично это должно было быть достигнуто за счет расширения компетенции существующих Сообществ, частично – за счет более активного проведения «общих политик» по примеру ЕПС. Лишь по мере достижения качественных успехов в углублении интеграции предстояло перейти к их институциональному закреплению вплоть до подписания универсального учредительного договора. Особое внимание в «Докладе Тиндемана» уделялось проблеме укрепления существующего институционального механизма Сообществ, в том числе расширению компетенции Европейского совета и расширению круга вопросов, подлежащих голосованию в Совете по принципу «простого большинства», вводу прямых выборов в Европарламент и наделение его правом законодательной инициативы, демократизации деятельности Европейской Комиссии, расширению компетенции Европейского Суда. «Чтобы создать Европейский Союз, – утверждал Тиндеман, – мы должны иметь возможность получить в различных европейских институтах власть, необходимую для определения политики, эффективность, необходимую для совместных действий, легитимность, необходимую для демократического контроля. Это также подразумевает, что институты должны обладать именно таким единством взглядов и действий, которые позволяют им устанавливать и проводить в жизнь политику».

Представляя свою концепцию Европейского Союза, Тиндеман действовал в русле коммунитарного метода Моне. Акцент переносился на детальное обсуждение всех промежуточных шагов и решений при самом общем и весьма туманном обозначении стратегической цели. Подобный подход позволял избежать использования федералистской терминологии и заглушать наднациональную ориентацию проекта. Но для ведущих европейских политиков подлинный смысл концепции Европейского Союза был очевиден. При обсуждении «Доклада Тиндемана» на заседаниях Европейского Совета в 1976 г. разгорелись ожесточенные дискуссии, которые так и не привели к конкретному результату. Было лишь предложено в дальнейшем заслушивать ежегодные доклады Еврокомиссии о «прогрессе в направлении движения к Европейскому Союзу».

Несмотря на провал инициативы Тиндемана во второй половине 1970-х гг. были предприняты дальнейшие шаги по политико-правовому реформированию системы Сообществ. Европейский Совет на уровне глав государств и правительств превратился в постоянно действующий политический орган. Если ранее в концепции Сообществ Совет выполнял задачи представительства национальных интересов стран-участниц, но в новой роли этот орган ориентировался прежде всего на выработку общей политической стратегии. С 1979 г. депутатов европейского парламента стали избирать на основе прямых тайных выборов, что значительно усилило политический вес этого института, а также активизировало деятельность европейцев в его составе.

Исключительно большое значение для институционального развития Сообществ приобрела деятельность Суда. В те моменты, когда инициатива остальных органов Сообществ оказывалась парализована политическими дискуссиями, Суд не раз создавал прецеденты, значительно усиливавшие

наднациональный уровень интеграции. Именно в решениях Суда впервые были закреплены принципы прямого действия европейского права (дело «Van Gend en Loos» 1963 г.) и верховенства европейского права над национальным (дело «Costa» 1964 г.). В 1970 г. суд провозгласил и в 1978 г. закрепил принцип приоритета учредительных договоров Сообществ над конституциями стран, ратифицировавших их (дела «Internationale Handelsgesellschaft» и «Simmenthal»). В 1971 г. в комментариях Суда было зафиксировано правило, согласно которому страны-участницы Сообществ не могут подписывать межгосударственные соглашения по вопросам, находящимся в исключительной компетенции Сообществ. Целым рядом судебных решений в 1970-х гг. был оформлен принцип гибкого распределения компетенции в вопросах, не относящихся к исключительному ведению Сообществ. Это принцип, окончательно зафиксированный уже в Маастрихтском договоре 1992 г. под названием принципа субсидиарности, предполагал приоритетное право на принятие решений нижестоящими органами при условии эффективности их действий. Благодаря принципу субсидиарности в европейской правоприменительной практике резко возросла роль граждан и гражданских сообществ.

При создании подобных прецедентов действия Суда выходили за рамки прямого исполнения учредительных договоров и основывались на их расширительном толковании. Тем самым было положено начало выходу европейского права за узкие рамки межгосударственных договоров и превращения его в целостное, гармоничное правовое пространство, обладающее собственными доктринальными принципами и источниками развития. Перелом в развитии европейского правопонимания отразил вердикт, вынесенный Судом по делу «Cassis de Dijon» в 1979 г. Поводом для этого дела стала попытка одной из фирм опротестовать запрет импорта в ФРГ ликера, содержание алкоголя в котором не соответствовало минимальному уровню, установленному местным законодательством для данной категории продукции. Решение Суда в пользу истца основывалось на утверждении приоритета общих целей и принципов Сообщества по сравнению с решениями государств-членов по вопросам, находящимся в их компетенции, но имеющим частный характер (в рассматривавшемся случае – приоритета принципа свободного движения товаров по сравнению с правом страны-импортера устанавливать правила продаж). В дальнейшем данный прецедент активно использовался органами Сообществ для расширения наднационального уровня интеграции в самых различных сферах.

Сложнее обстояло дело с углублением интеграционного процесса в экономической сфере. Претензионный «план Вернера» по созданию Экономического и валютного союза оказался нереализуем в условиях начавшегося структурного кризиса, краха Бреттон-Вудской международной валютно-финансовой системы и нарастающей волны инфляции. Понадобилось несколько лет активных дискуссий, чтобы прийти к оформлению европейской региональной валютно-финансовой системы. В 1979 г. большинство стран Сообществ (кроме Великобритании и Греции) подписали соглашение о вводе «европейской валютной системы» (ЕВС), или «валютной змеи». Основу этой системы составило установление курсовых соотношений между национальными валютами с пределом колебаний в 2,25 %. Поддержка со-

гласованных курсов обеспечивалась валютными интервенциями центральных банков стран ЕЭС, а также предоставлением краткосрочных и среднесрочных кредитов Европейским фондом валютного сотрудничества. Специализированной расчётной единицей становилась европейская валютная единица (ЭКЮ, European Currency Unit). Для ее эмиссии все страны-участницы ЕВС передавали 20 % своих официальных золотых и долларовых резервов в Европейский фонд валютного сотрудничества на основе возобновляемых трехмесячных сделок (так называемая практика «своп» – продажа своих резервов при условии их обратной покупки по той же цене спустя три месяца). Таким образом, Европейский фонд валютного сотрудничества получал фиксированный объем резервов, позволяющий регулировать эмиссию ЭКЮ. Гибкость такого механизма должна была обеспечиваться ежеквартальной переоценкой золотых резервов в соответствии с рыночной ценой на золото.

Создание «валютной змеи» позволило европейским странам стабилизировать финансовую систему и более активно проводить антиинфляционную политику. Однако сам механизм ЕВС оказался не очень эффективным. В условиях либерализации мирового валютного рынка сохранение регионального золотого стандарта выглядело анахронизмом и ограничивало возможности по использованию валютного курса в качестве инструмента экономической политики. К тому же потенциал финансовых систем стран ЕЭС был слишком разным. В 1980–1981 гг. механизм курсовых соотношений между европейскими валютами неоднократно пересматривался из-за девальвации «слабых» валют (итальянской лиры, французского франка, датской кроны) и ревальвации «сильных» (немецкой марки, голландского гульдена). Для Италии – страны с особенно нестабильной валютной системой – пришлось изначально вводить особый коридор колебания курса в 6 %. Великобритания и Греция вообще отказались участвовать в ЕВС. Выходом из ситуации большинство экспертов считали ввод единой европейской валюты. Однако эта мера пока оставалась невозможной ни в экономическом, ни в политическом отношении.

Помимо активного сотрудничества в валютно-финансовой сфере основными направлениями экономической интеграции оставались общая торговая, антимонопольная, научно-промышленная, сельскохозяйственная, транспортная политика. Особенностью торговой политики с 1970-х гг. стал переход от либерализации внутрирегионального товарообмена к проведению единой экспортно-импортной политики в отношении третьих стран. ЕЭС начал превращаться в единый торговый блок, консолидировано выступающий на мировом рынке. С конца 1970-х гг. активизировалась и научно-промышленная политика. Основой ее стала разработка комплексных стратегических программ («Эврика», «ЕСПРИТ», «РЕЙС», «БРАИТ» и др.).

Новые шаги были предприняты и в направлении дальнейшей организационно-правовой перестройки системы Сообществ. «Слияние» основных институтов Сообществ, произошедшее в 1967 г., и оформление нового статуса Европейского Совета не смогли компенсировать высокий уровень децентрализации всей интеграционной системы. К тому же расширение состава Сообщества делало политический диалог в его рамках все более насыщенным и сложным. Необходимость постоянного поиска компромисса и следование

принципу «единогласия» становилось препятствием для оперативной и динамичной работы всех органов Сообществ. Все это способствовало возрождению идей федерализма.

В 1980 г. группа европарламентариев под руководством А. Спинелли поставила вопрос о возвращении к проекту Европейского Союза. Спинелли подчеркивал, что задачи интеграции уже выходят за рамки обеспечения экономического сотрудничества и военной безопасности европейских стран. Решающее значение приобретает борьба против инфляции и безработицы, реструктуризация промышленности и развитие новейших наукоемких отраслей производства, подготовка современных кадров и создание современной модели образования, обеспечение экологической безопасности. Все эти задачи требуют не только солидарных усилий европейских правительств, но и формирования единого политического, социального и правового пространства в пределах Европы, т.е. конституционного оформления европейской федерации.

В правительственных кругах радикальные идеи федералистов были встречены прохладно. В качестве альтернативы министр иностранных дел ФРГ Г.Д. Геншер вместе со своим итальянским коллегой Коломбо выступил с комплексом предложений, направленных на постепенное «оживление» интеграционного процесса и поэтапный переход к Европейскому Союзу. «План Геншера–Коломбо» был представлен в 1981 г. В рамках его предлагалось расширить полномочия Европейского Парламента, окончательно отказаться от принципа вето при голосовании в Совете, создать специальный секретариат в области внешнеполитического сотрудничества, вовлечь основные органы Сообществ в систему ЕПС, более последовательно координировать экономическую политику стран ЕЭС, предпринять дальнейшие шаги по развитию Европейской Валютной Системы и расширить состав Сообществ за счет стран Пиренейского полуострова. Реализации этих задач должна была бы способствовать кодификация всех учредительных договоров Сообществ в единый Европейский Акт. От немедленной институционализации Европейского Союза авторы проекта предлагали отказаться, поскольку сам Союз считали не новой организацией, а «многогранным процессом унификации европейской деятельности». «Мы сознательно ограничили наш проект предложениями, которые способны привести к консенсусу государств-членов в настоящих условиях», – заявлял Г.Д. Геншер. – Мы попытались предложить то, что, по нашему мнению, является выполнимым. Мы знаем из прошлых потерпевших неудач инициатив, что единство может быть достигнуто лишь как результат постепенного подхода, шаг за шагом, и что любая преждевременная попытка сделать прыжок вперед скорее отбросит нас назад к точке, находящейся позади той стартовой черты, у которой мы сейчас стоим».

«План Геншера–Коломбо» был неоднозначно воспринят европейской политической элитой. Но дискуссии вокруг него показали, что коммунитарный метод интеграции по-прежнему остается необходимым компромиссом между федералистскими проектами и государственно-национальным сепаратизмом. В 1983 г. на саммите Европейского Совета в Штутгарте была принята «Торжественная декларация о Европейском Союзе», а спустя год Европарламент утвердил проект «Договора о Европейском Союзе». В этих

документах подчеркивалось, что создание Европейского Союза является переходом на новую стадию интеграции в рамках уже существующей системы Сообществ, а не формированием новой организационной структуры. Предполагалось, что обновленная модель интеграции не будет базироваться на принципах федерализма, но позволит строить отношения между Союзом и странами-участницами на принципе субсидиарности. Компетенция Союза должна охватывать те сферы, в которых совместные (наднациональные) решения более эффективны, чем действия каждого отдельного государства. Действия Союза вне этой компетенции должны санкционироваться совместными решениями Европарламента и Совета. В то же время ряд ключевых сфер (оборона, внутренняя безопасность, внешняя политика, валютное и денежное регулирование) по-прежнему рассматривались в качестве исключительной компетенции государств.

Проект «Договора о Европейском Союзе» был предложен для ратификации конституционным органам власти государств Сообщества. Он не получил широкой поддержки и не был реализован. Однако представление о Европейском Союзе как особой модели интеграционного сотрудничества, а не новой межгосударственной организации сохранялось и в дальнейшем.

С учетом неоднозначной реакции европейских правительств и парламентов на проект «Договора о Европейском Союзе» новое руководство Еврокомиссии, возглавляемое бывшим премьер-министром Франции Жаком Делором, вернулось к идее кодификации учредительных договоров Сообществ. 28 февраля 1986 г. на Гаагском саммите Европейского Совета был утвержден «Единый Европейский Акт» (ЕЕА), ратифицированный в течение года всеми странами-участницами. В состав ЕЕА вошли учредительные договоры всех трех Сообществ, в текст которых были внесены немаловажные поправки. Для рассмотрения и утверждения проектов нормативных актов Сообщества вводилась процедура сотрудничества – предварительное рассмотрение законопроекта Европарламентом в два чтения с правом отлагательного вето. Был юридически закреплен статус Европейского Совета как регулярного саммита глав государств и правительств стран Сообществ. Основным принципом принятия решений в Совете стало голосование по принципу квалифицированного большинства без права «вето». Совет получил право делегировать рассмотрение и решение многих вопросов Еврокомиссии и Комитету постоянных представителей. Этокрепило роль Совета как ведущего политического института, принимающего стратегические решения, но одновременно усилило и позиции Еврокомиссии, которая постепенно начала превращаться в настоящее европейское «правительство». Деятельность Суда Сообществ не подверглась реформированию, но была еще больше сосредоточена на важнейших вопросах, требующих расширительного толкования принципов европейского права и создания прецедентов. Для выполнения арбитражных функций в нарастающем потоке дел, связанных с функционированием единого внутреннего рынка, был учрежден Суд первой инстанции.

Компетенция Сообществ в соответствии с обновленными учредительными договорами существенно не изменилась. Лишь в текст договора о ЕЭС была включена глава под названием «Сотрудничество в экономической и валютной сфере (Экономический и валютный Союз)». Конкретных мер для

создания такого союза пока предусмотрено не было, но устанавливалась фиксированная дата перехода к единому внутреннему рынку стран Сообществ – «пространству без внутренних границ, обеспечивающему свободное движение товаров, лиц, услуг и капиталов» (к 31 декабря 1992 г.). Важным новшеством стало закрепление в договоре о ЕЭС нескольких «общих политик»: региональной, научно-технической, природоохранной. В этих сферах не предполагалось собственное нормотворчество Сообществ, но ставилась задача по тесной координации действий государственных институтов стран-участниц. Так, например, основой региональной политики было объявлено достижение сбалансированного характера социально-экономического развития всех регионов Единой Европы, социальная адаптация депрессивных районов, обеспечение социальной мобильности населения, развитие трансрегиональной транспортной и информационной инфраструктуры.

Отдельный раздел ЕЕА был посвящен Европейскому Политическому Сотрудничеству (ЕПС). Тем самым существование этой «второй опоры» европейской интеграции впервые получило юридическое закрепление на уровне учредительного договора. Целью ЕПС провозглашалось совместное формирование странами-участницами европейской внешней политики, отказ от любых действий или решений, «наносящих ущерб их эффективным действиям в качестве единой силы в международных отношениях или в рамках международных организаций», а также «формирование европейской идентичности в области внешней политики». Основными механизмами ЕПС стали регулярные (не реже четырех раз в год) встречи министров иностранных дел, Политический комитет Сообществ (совещательный орган, состоящий из политических директоров) и подконтрольная ему Европейская группа связи. Примечательно, что, несмотря на свою институционализацию, ЕПС не было включено в общую систему Сообществ и оставалось сферой межправительственной координации, а не наднациональной интеграции.

В 1986 г. была утверждена единая официальная символика Европейских Сообществ: флаг с синим полотнищем в форме прямоугольника, в центре которого по кругу размещались 12 золотых звезд (все звезды пятиконечные, их верхние лучи ориентированы строго вертикально). Гимном стала «Одна радости» Людвиг Ван Бетховена (фрагмент Девятой симфонии).

С принятием Единого Европейского Акта политико-правовая структура Сообществ приобрела достаточно целостную форму. Взаимодействие основных институтов Сообществ, распределение их компетенции и взаимодействие с национальными органами власти стали более сбалансированными и четкими. Однако в целом система Сообществ по-прежнему оставалась результатом эволюционного развития по принципу «фактической солидарности» и несла отпечаток многочисленных компромиссов, «промежуточных решений» и условных договоренностей. Коммунитарный метод, положенный в основу европейской интеграции Жаном Моне, оказался чрезвычайно эффективным на первых этапах этого процесса. Однако в свете новых задач интеграции, вовлечения в этот процесс все большего количества стран с совершенно разными социальными традициями, правовой культурой и спецификой экономического развития выросло значение императивных решений Сообществ.

Постепенно происходило и ролевое преобразование основных институтов. Начиная с выборов в 1979 г., Европарламент приобрел черты настоящего органа народного представительства. Несмотря на отсутствие у него права законодательной инициативы, политическая роль Европарламента значительно возросла. Еврокомиссия также утратила статус вспомогательного органа и распространила свое влияние практически на все вопросы, находящиеся в компетенции Сообществ. Начиная с 1980-х гг., именно на уровне Комиссии начали разрабатываться все проекты реформ системы Сообществ. Ее председатель Жак Делор стал одним из наиболее авторитетных европейских политиков, способных существенно влиять на ход межгосударственного диалога. Европейский Совет, превратившийся в постоянный орган глав государств и правительств, вообще приобрел беспрецедентные полномочия, заметно выходящие за рамки его официальной компетенции.

Таким образом, усиление каждого из основных органов Сообществ происходило не за счет перераспределения полномочий, а благодаря изменению их реального политического статуса. В такой ситуации переход к Европейскому Союзу, как новому уровню наднациональной интеграции, начал восприниматься в качестве вполне закономерного и естественного этапа эволюции Европейских Сообществ, а не радикального федералистского переворота. Не менее важным фактором ускорения интеграционного процесса стали события на мировой арене. На рубеже 1980–1990-х гг. произошел крах мировой системы социализма и распад СССР. «Железный занавес» в Европе рухнул. Началась радикальная перестройка всей системы международных отношений. Теперь от динамики интеграционного процесса во многом зависело, какое место сможет занять Единая Европа в мире к началу III тысячелетия.

Глава 15

Европейский Союз: от Маастрихтского договора к проекту Европейской конституции

Маастрихтский договор: рождение Европейского Союза. Несмотря на установление в ЕЕА точной даты перехода к Экономическому и валютному союзу, дискуссии о новом этапе интеграции приобрели чрезвычайно острый характер. В декабре 1989 г. во время встречи на высшем уровне в Страсбурге было решено созвать межправительственную конференцию для урегулирования всех спорных вопросов как в экономической, так и политической плоскости. 18 апреля 1990 г. было опубликовано совместное письмо западногерманского канцлера Г. Коля и французского президента Ф. Миттерана о необходимости перехода на новый уровень интеграционных связей вплоть до образования Европейского Союза.

Первоначально франко-германский альянс основывался на вполне прагматичных расчетах обеих сторон. Франция, как и многие другие европейские страны, опасалась чрезмерного усиления объединенной Германии. По мнению французских политиков, создание Европейского Союза, в том числе общеевропейской системы безопасности и Экономического и валютного союза, было бы очень своевременным шагом – оно могло бы надежно гарантировать лояльность Германии по отношению к своим партнерам. Для руководства ФРГ переход на новый уровень интеграции также был выгоден, поскольку позволял избежать отдельного рассмотрения вопроса об адаптации восточногерманских земель к системе Сообществ. К тому же по мере расширения Европейского Союза можно было рассчитывать на быстрый рост немецкого влияния в странах Северной и Восточной Европы.

В 1990–1991 гг. произошли события, окончательно превратившие Францию и ФРГ в стратегических союзников. Война в Заливе, спровоцированная агрессией Ирака против Кувейта, и зарождение острого этнополитического кризиса на территории бывшей Югославии вызвали первые серьезные разногласия среди стран НАТО по вопросам внешнеполитической стратегии. Распад СССР придал этой проблеме особую значимость. В сложившихся условиях возникла возможность резкого повышения международного веса европейских стран помимо системы НАТО и даже вопреки «сверхдержавности» США. Франция и ФРГ стали наиболее

последовательными сторонниками такого курса. Выступая за создание влиятельного Европейского Союза, они получили поддержку со стороны Нидерландов, Бельгии, Люксембурга и Италии, в руководстве которых преобладали федералистские настроения. В то же время Великобритания и Испания возглавили лагерь «евроскептиков».

Большую роль в разработке проекта Европейского Союза сыграл Жак Делор. В преддверие межправительственной конференции, которая состоялась в декабре 1990 г. в Риме, он выдвинул от имени Еврокомиссии концепцию «единого Сообщества». Этот проект предусматривал инкорпорирование в существующий учредительный договор о ЕЭС всех сфер и направлений интеграции, включая общую внешнюю политику, политику безопасности и вопросы борьбы с преступностью. Понятие «Сообщество» при этом могло быть просто заменено на «Союз». Подобный вариант формирования Европейского Союза превращал его в централизованную организацию с собственной международной субъектностью и чрезвычайно широкой компетенцией. Фактически речь шла о федерализации Европы. Но столь радикальный подход вызывал поддержку лишь у руководства Нидерландов, Люксембурга и, отчасти, ФРГ. Большинство европейских правительств выступило за сохранение «коммунитарного метода» интеграции, когда лишь достижение «фактической солидарности» в том или ином конкретном вопросе позволяло сделать новый шаг в институционализации сотрудничества. Было решено также по-прежнему не отказываться от принципа проведения «общих политик», вообще не требующих институционализации, и не добиваться строгой организационной централизации Европейского Союза.

С учетом прозвучавших пожеланий экспертные группы Еврокомиссии под руководством Делора разработали компромиссный план поэтапного оформления Экономического и валютного союза и проект политико-правовой организации Европейского Союза, основанный на принципе трех «опор» (специализированных сфер интеграции – социально-экономической, внешнеполитической и правоохранительной). Принцип «трех опор» позволял формировать Европейский Союз без серьезного ограничения государственного суверенитета сразу во всех сферах интеграции. В то же время Делор считал необходимым четко обозначать стратегические цели интеграционного процесса и, тем самым, не ставить его в зависимость от политической конъюнктуры. Подобный подход получил поддержку Европейского Совета. 7 февраля 1992 г. в небольшом голландском городке Маастрихте состоялось торжественное подписание учредительного договора Европейского Союза.

Процесс ратификации Маастрихтского договора показал, что большая часть европейской политической элиты поддерживает планы углубления интеграционного процесса. В тех странах, где для ратификации договора было необходимо лишь решение парламента (в Италии, Испании, Португалии, Греции, Голландии, Бельгии и Люксембурге), эта процедура не вызвала затруднений. Лишь в Германии после одобрения Маастрихтского договора бундстагом и бундесратом понадобилось дополнительное решение Конституционного суда о правомерности делегирования части полномочий национального парламента европейским органам. Сложнее процесс ратификации проходил в странах, где он был вынесен на референдум. Даже во Франции в поддержку Маастрихтского договора высказалось лишь незначительное большинство граждан.

В Дании референдум вообще дал отрицательный результат. Для обеспечения положительного результата при повторном голосовании Европейский Совет пошел на уступки и в соответствии с особым протоколом закрепил право Дании отказаться от полномасштабного участия в создании Экономического и валютного союза, а также сохранить статус наблюдателя при проведении совместной оборонительной политики. Подтвердила свою «особую позицию» в отношении европейской интеграции и Великобритания. Для положительного голосования в Палате общин британскому правительству пришлось пригрозить оппозиции досрочными выборами. В целом ратификация Маастрихтского договора потребовала свыше полутора лет. Официально договор вступил в силу 1 ноября 1993 г. Членами Европейского Союза стали Бельгия, Великобритания, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Франция, ФРГ. С 1 января 1995 г. к ним присоединились Австрия, Швеция и Финляндия.

Цели Евросоюза, заявленные в Маастрихтском договоре, охватывали очень широкий круг вопросов. Новая организация была призвана содействовать экономическому и социальному прогрессу европейских народов, высокому уровню занятости и достижению сбалансированного, устойчивого развития (в том числе путем создания Экономического и валютного союза), способствовать утверждению самобытности Союза на международной арене посредством осуществления общей внешней политики и политики безопасности, усилить защиту прав и интересов граждан, сохранять и развивать Союз как «пространство свободы, безопасности и законности». В то же время Евросоюз не был наделен собственной правосубъектностью и институциональной структурой. Он стал политико-правовой системой, объединяющей три Сообщества, несколько специализированных организаций и систем межгосударственного сотрудничества. На международной арене Евросоюз получил возможность выступать в качестве представителя стран-участниц лишь по вопросам внешней политики, безопасности и борьбы с преступностью, т.е. в тех сферах, где сами государства сохранили преобладающие полномочия. В области экономического, социального, научного и культурного сотрудничества, в имущественных отношениях и нормотворческом процессе ключевую роль по-прежнему играли Европейские Сообщества. Маастрихтский договор ввел особый принцип «сохранения достижений Сообществ» (*acquis communautaire*), т.е. признания юридической силы всех созданных за предыдущие годы норм европейского права. На этой основе Европейские Сообщества составили первую и важнейшую «опору» Евросоюза.

В соответствии с Маастрихтским договором Европейские Сообщества в целом сохранили компетенцию, установленную их учредительными договорами, а также единую структуру руководящих органов, сформированную в соответствии с ЕЕА. Наибольшие изменения коснулись ЕЭС, которое было переименовано в Европейское сообщество (ЕС). Наряду с экономической политикой в сферу его действий вошли вопросы культурного сотрудничества и образования, молодежная политика, «трансевропейские сети», здравоохранение, защита прав потребителей и др. Именно в рамках ЕС оказалась сосредоточена наибольшая часть властных и нормотворческих полномочий Союза. Компетенция ЕОУС и Евратома осталась отщепленной. К тому же действие Парижского договора 1951 г. об образовании Европейского объединения угля и стали (ЕОУС)

было ограничено 50-ю годами. Этот срок истек 24 июля 2002 г., после чего в составе «первой опоры» Евросоюза осталось лишь два Сообщества (компетенция и имущество ЕОУС перешли к ЕС).

Институты Сообществ стали руководящими органами Евросоюза. Их организационная основа и система взаимодействия, закрепленные в учредительных договорах Сообществ, не претерпели существенных изменений, а особая статья Маастрихтского договора закрепила политическое и правовое единство институциональной структуры Союза. Была подтверждена руководящая политическая роль Европейского Совета в составе глав государств и правительств, в том числе его право определять необходимость разработки новых учредительных договоров, созыва межправительственных конференций, а также рассматривать любые спорные вопросы, относящиеся к компетенции Евросоюза и не решенные на уровне того или иного института. Обновленная редакция договора об ЕС уточнила и иной формат деятельности Совета – на уровне министров правительств стран-участниц. С 1993 г. Совет, действующий в таком составе, получил название Совета Европейского Союза. Его деятельность была ориентирована на решение более конкретных вопросов по координации экономической и социальной политики, внешней политики и политики безопасности стран-участниц. Характерно, что в соответствии с Маастрихтским договором значительно расширился круг вопросов, подлежащих голосованию в Совете на основе квалифицированного большинства. В то же время роль Совета как ведущего нормотворческого института оказалась снижена из-за ввода новой законодательной процедуры – совместного с Европейским парламентом принятия решений по ключевым вопросам. Парламент получил также право законодательной инициативы, право на доступ к любой служебной информации и право на расследование случаев неудовлетворительного руководства органами Евросоюза, а также право утверждать посредством вотума доверия новый состав Европейской комиссии (правом выражать ей вотум недоверия он располагал изначально). Комиссия в свою очередь сохранила свою монополию на разработку бюджета Союза и ведение переговоров с иностранными государствами от лица Союза. Были расширены полномочия Председателя Комиссии по формированию ее состава, а также увеличен до 5 лет срок мандата Комиссии. Таким образом, складывалась гибкая система «сдержек и противовесов», не противопоставляющая ведущие институты Евросоюза, но позволяющая сбалансировать их влияние. Той же цели способствовало расширение системы европейских агентств (специализированных, относительно автономных организаций, выполняющих часть функций Евросоюза). Создавались и достаточно влиятельные консультативные органы – Экономический и социальный совет, Комитет регионов, Экономический и финансовый комитет. В свете предстоящего формирования валютного союза было запланировано учреждение Европейской системы центральных банков (помимо Европейского инвестиционного банка, созданного еще в 1957 г.).

Помимо выравнивания политико-правового «веса» ведущих институтов демократичность Евросоюза должна была быть обеспечена расширением системы контрольных органов. Маастрихтский договор значительно повысил статус Счетной палаты Европейских сообществ (созданной еще в 1977 г.), которая наряду с Советом, Парламентом, Комиссией и Судом вошла в пятерку ведущих институтов Евросоюза. Счетная палата

получила право на проведение аудиторской проверки всех доходов и расходов Сообществ. В 1992 г. был создан и институт Европейского омбудсмена, избираемого Европарламентом на 5 лет. В круг полномочий омбудсмена вошел контроль за нарушениями в деятельности институтов и органов Сообществ, осуществляемый в соответствии с жалобами граждан или юридических лиц, а также по собственной инициативе. Все должностные лица Евросоюза и страны-участницы были обязаны предоставлять омбудсмену необходимую служебную информацию. Вне компетенции омбудсмена оставались лишь действия Суда Европейских Сообществ, который по-прежнему являлся не только единственной судебной инстанцией, но и важным нормотворческим институтом. Маастрихтский договор не изменил внутреннюю организацию и порядок функционирования Суда, хотя потребность в более иерархичной и дифференцированной судебной системе становилась очевидной. Сохранился и статус Суда как судебной инстанции Европейских Сообществ, а не всего Евросоюза. Это было связано с признанием за Судом функций конституционного правосудия в рамках системы Сообществ (т.е. права на расширительное толкование учредительных договоров), но отказом от распространения такой же практики на остальные «опоры» Евросоюза.

Помимо Европейских Сообществ остальными двумя «опорами» Евросоюза стали Общая внешняя политика и политика безопасности (ОВПБ) и Сотрудничество в области правосудия и внутренних дел (СПВД).

Прообразом ОВПБ послужил функционировавший с 1970 г. механизм Европейского политического сотрудничества (ЕПС), представлявший собой одну из европейских «общих политик» (т.е. систему межгосударственной координации). В соответствии с Маастрихтским договором на эту сферу интеграции была распространена специальная компетенция Евросоюза. Но субъектами разработки и проведения единой внешней политики по-прежнему остались государства-члены Союза. Таким образом, в отличие от «первой опоры» ОВПБ не стал отдельной интеграционной организацией, хотя и утратил статус «общей политики».

Предмет ОВПБ в Маастрихтском договоре не был четко ограничен, а потому Евросоюз получил возможность вмешиваться практически в любые сферы международных отношений с участием европейских стран, в том числе сферы, выходящие за рамки компетенции Сообществ. Ограничения на такое вмешательство могли создаваться лишь на уровне самого Евросоюза. Но одновременно признавалось, что в сфере внешней политики и политики безопасности суверенитет стран-участниц должен быть ограничен гораздо в меньшей степени, чем в вопросах, относящихся к компетенции Сообществ. При принятии всех решений в этой сфере ключевое место занимают межправительственные органы – Совет и Европейский совет, а не Комиссия и Суд. За государствами-членами сохраняется право вето.

Основными направлениями сотрудничества в сфере ОВПБ стали проведение так называемой «коммунитарной внешней политики» и принятие мер по укреплению системы международной безопасности. К первому из них относятся определение принципов и общих ориентиров общей внешней политики стран-участниц, принятие «общих позиций» в международных отношениях и осуществление необходимых практических мер («общих акций»), заключение международных договоров от лица Евросоюза. Выработка принципов и ориентиров общей внешней полити-

ки носит достаточно декларативный характер и осуществляется на уровне Европейского Совета. Основной формой, служащей для реализации подобных решений, является «общая позиция» – политический документ, в котором определяется официальное отношение Евросоюза к конкретным внешнеполитическим проблемам. Издание «общих позиций» Советом порождает обязанности для стран-участниц привести свою внешнюю политику по данному вопросу в соответствии с общей линией Евросоюза. Примерно такой же статус имеют и «общие акции» – политические решения Евросоюза о конкретных шагах на международной арене. В осуществление «общих акций» принимают участие институты Евросоюза и отдельные страны-участницы (последние обязаны отчитываться о своих шагах перед Европейским Советом). Что касается заключения международных договоров, то эта прерогатива по-прежнему сохранилась только за Сообществами.

Политика безопасности в сфере ОВПБ рассматривалась прежде всего как поэтапное формирование общей оборонной политики Евросоюза. Решение этого вопроса имело длительную предысторию. Все страны-учредители Европейских Сообществ были активными участниками Североатлантического договора, учредившего НАТО. Первые попытки создания европейской региональной военно-политической системы не увенчались успехом («план Плевена»). Но согласно Парижским соглашениям 1954 г. на основе Брюссельского пакта об экономическом, социальном и культурном сотрудничестве от 1948 г. был создан Западноевропейский Союз (ЗЕС), провозгласивший своей задачей объединение усилий в решении вопросов обороны и безопасности. В состав ЗЕС вошли участники Брюссельского пакта (Великобритания, Франция, Бенилюкс), а также ФРГ и Италия. ЗЕС стал сугубо политической организацией, не предназначенной для развертывания объединенных вооруженных сил. К тому же в условиях «холодной войны» его деятельность оказалась под полным контролем НАТО. Лишь в 1984 г., на фоне активизации сотрудничества европейских стран в системе ЕПС и разработок первых проектов Европейского Союза, было принято решение о возобновлении постоянной деятельности Совета ЗЕС на уровне министров внешней политики и обороны. На Гаагском саммите в октябре 1987 г. Совет ЗЕС принял «Платформу об интересах европейской безопасности», раскрывающую основные принципы европейской системы безопасности. 14 ноября 1988 г. был подписан протокол о присоединении к ЗЕС Испании и Португалии. Но полной интеграции ЗЕС в систему Европейских Сообществ так и не произошло.

Продекларировав в Маастрихтском договоре свое стремление к «прогрессивному формированию общей оборонной политики, которая со временем может привести к общей обороне», страны Евросоюза оказались заинтересованы в дальнейшей реанимации ЗЕС. Именно ЗЕС начал рассматриваться как институт, способный соединить функции межгосударственного военно-политического сотрудничества и оперативного управления. Несвязанный системой учредительных договоров Европейских Сообществ, ЗЕС не умаляя национальный суверенитет в вопросах обороны и безопасности, но мог обеспечить достаточно тесную интеграцию в этой сфере. В итоге в соответствии с Маастрихтским договором ЗЕС объявлен «составной частью развития Союза». Одновременно Совет ЗЕС принял «Декларацию к Маастрихтскому договору», где идентифицировал

свою организацию в качестве «оборонительного компонента Европейского Союза».

Механизм взаимодействия Евросоюза и ЗЕС в Маастрихтском договоре не был конкретизирован. Препятствием стало несовпадение круга стран-участниц обеих организаций, а также отсутствие у ЗЕС военной инфраструктуры. Для решения этих проблем Петербургская декларация ЗЕС от 19 июня 1992 г. поставила задачи по расширению состава Союза и формированию собственного «военного измерения» (вооруженных сил, структур планирования и командования). Но новым полноправным участником ЗЕС стала только Греция (1995). Для остальных стран Евросоюза и претендентов на вхождение в него Кишбергская декларация ЗЕС (9 мая 1994 г.) закрепила принципы ассоциированного членства и партнерства, а также статус стран-наблюдателей. Ассоциированными членами ЗЕС еще с 1992 г. являлись Исландия, Норвегия и Турция. Статус наблюдателей в 1992 г. получили Дания и Ирландия, в 1995 г. – Австрия, Финляндия и Швеция. Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Чехия, Эстония в 1994 г. и Словения в 1996 г. стали ассоциированными партнерами ЗЕС.

По схожей схеме формировалась и «третья опора» Евросоюза – Сотрудничество в области правосудия и внутренних дел (СПВД). Предмет СПВД включил сотрудничество по вопросам борьбы с преступностью, в том числе деятельность по предотвращению, расследованию, привлечению к ответственности и исполнению наказаний за уголовные преступления. В качестве приоритетной задачи была указана борьба с терроризмом, торговлей людьми, преступлениями против детей, коррупцией, мошенничеством, торговлей наркотиками и оружием. При отсутствии собственной организационной структуры система СПВД была поставлена в зависимость от сотрудничества национальных полиций и органов уголовной юстиции. Полицейское сотрудничество подразумевало «оперативное сотрудничество» полицейских, таможенных органов и других «специальных карательных служб» стран-участниц, их совместную информационную деятельность («сбор, хранение, обработка, анализ и обмен служебной информацией»), совместные инициативы в сфере обучения и обмена офицерами, использования оборудования и криминалистических исследований. Сотрудничество в сфере уголовной юстиции охватило сферы расследования уголовных дел и исполнения наказаний, выдачи (экстрадиции) преступников, гармонизации норм процессуального права, а также «предотвращение конфликтов в сфере компетенции между государствами-членами».

Таким образом, Маастрихтский договор предельно сократил собственную компетенцию Евросоюза в сфере СПВД, но закрепил широкие перспективы межгосударственного сотрудничества в ней. Как и в случае с ОВПБ препятствием являлось отсутствие необходимой организационной основы для развертывания такого сотрудничества. Первым шагом на пути решения этой проблемы стало создание в 1994 г. Европейского отдела по борьбе с наркотиками. В июне 1995 г. Европейский совет на саммите в Каннах одобрил Конвенцию о Европейском полицейском ведомстве (Европоле). Но в силу она вступила лишь в 1998 г. На Европол были возложены задачи по координации оперативно-розыскных действий полицейских служб, организации служебного информационного обмена, подготовке докладов стратегического характера, содержащих

данные о преступлениях общеевропейского масштаба, проведению экспертизы и оказанию технической помощи для расследований и оперативных действий в масштабе всего Евросоюза. В своих действиях Европол был подотчетен Совету Европейского Союза (на уровне министров внутренних дел). Создание аналогичной специализированной организации по сотрудничеству в сфере уголовной юстиции (Евроюста) затянулось еще больше и завершилось лишь к 2002 г. Задачей Евроюста стала координация деятельности судебных, прокурорских и полицейских органов в тех сферах, которые входят в компетенцию Европола.

Создание столь сложной организационно-правовой системы, увязывающей деятельность институтов Сообществ с неоднородной компетенцией «трех опор» и созданием многочисленных специализированных органов вызывало критику и «еврооптимистов», и «евроскептиков». Но выбор подобной «архитектуры» Евросоюза был попыткой сохранить баланс между принципами федерализации и национального суверенитета, «коммунитарным методом» интеграции и вовлечением в интеграционное сотрудничество всех новых сфер общественных отношений. Кроме того, авторы Маастрихтского договора попытались блокировать нарастание центробежных тенденций вводом целого ряда централизирующих «принципов устройства» Евросоюза. К ним были отнесены «принцип единого членства» (означающего, что все страны-участницы являются членами Евросоюза в целом, всех трех его «опор», а страны-кандидаты вступают непосредственно в Европейский Союз), «принцип единого бюджета» (т.е. финансирование Евросоюза за счет единой системы финансовых ресурсов и на основе единого финансового документа, именуемого «Общий бюджет Европейского Союза»), «принцип единства целей» (признание общих целей для всех «трех опор» Евросоюза), а также консолидацию всех учредительных документов Евросоюза и ввод единого порядка их пересмотра.

В Маастрихтском договоре была зафиксирована и обязанность государств-членов «воздерживаться от любых действий, которые противоречат интересам Союза или могли бы ослабить его действенность как сплачивающей силы в международных отношениях». Однако каких-либо жестких санкций в отношении «государств-нарушителей» не предусматривалось. Показательно также, что приложенная к Маастрихтскому договору «Декларация о применении правовых актов Сообщества» предусматривала приоритетное право государств-членов самостоятельно определять способы, с помощью которых законодательство Евросоюза может быть «применено наилучшим образом». Эта расплывчатая формула дополняла принцип субсидиарности, закрепленный в ст.5 Маастрихтского договора («В областях, которые не подпадают под исключительную компетенцию Сообщества, ... если и поскольку цели предполагаемого действия не могут быть достигнуты в достаточной мере государствами-членами, то, в силу масштабов и результатов предполагаемого действия, могут быть более успешно достигнуты Сообществом»). В свете подобных формулировок принципы прямого действия европейских норм и их более высокой юридической силы по сравнению с национальным законодательством не теряли юридическое значение, но уже не могли рассматриваться в качестве базовых. Акцент явно переносился на гибкую координацию межгосударственных усилий в новых сферах интеграции, а не формирование наднационального правового пространства. С учетом уси-

ления полномочий всех основных институтов Сообществ и оформления разветвленной организационной структуры Евросоюза подобный подход создавал немало противоречий.

Гуманитарное сотрудничество и создание Экономического и валютного союза – два полюса интеграции. Дальнейшее качественное развитие Европейского Союза могло происходить в двух направлениях: либо на основе переосмысления самой правовой концепции Евросоюза и превращения его в сферу гуманитарной интеграции, либо за счет все более тесной экономической интеграции, создающей единое социальное пространство в пределах Европы.

Многолетние дискуссии сторонников и противников европейской федерализации долгое время оставляли вне поля зрения проблему интеграции в гуманитарной сфере. Считалось, что межгосударственное сотрудничество естественным образом способствует все более тесному единению европейских народов и граждан европейских стран. В то же время уже Европейские Сообщества позиционировались не только в качестве межгосударственных объединений, но и пространств прямого сотрудничества народов Европы. В Маастрихтском договоре в этом направлении был сделан еще более важный шаг: стратегической целью интеграции объявлялось «сплочение союза народов Европы, в котором решения принимаются максимально приближенно к гражданину». Таким образом, в рамках европейского политико-правового пространства впервые закреплялась индивидуальная субъектность граждан. Формально-юридически это выразилось в оформлении института европейского гражданства.

В соответствии с Маастрихтским договором приобретение европейского гражданства пока жестко увязывалось с наличием у индивида гражданства какой-либо страны-участницы. В качестве приложения к Маастрихтскому договору была принята «Декларация о гражданстве государства-члена Союза», согласно которой вопрос о гражданстве конкретного человека мог регулироваться исключительно правом соответствующего государства. Но одновременно закреплялось и право граждан напрямую обращаться с исками в Суд Европейских Сообществ, с жалобами к омбудсману и с петициями в Европейский парламент. Маастрихтский договор гарантировал право свободного перемещения и проживания на территории государств-членов любому гражданину Союза. Граждане Союза получили право голосовать и быть избранными в Европарламент. Причем гражданин мог теперь голосовать и быть избранным на местных выборах и выборах Европарламент в любой стране Евросоюза. За ним закреплялись такие же конституционные права, что и за гражданами страны проживания. Наконец, Маастрихтский договор впервые на уровне учредительных документов признал обязанность Союза соблюдать основные права и свободы человека и гражданина, закрепленные еще в «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» 1950 г.

Развертывание интеграции в гуманитарной сфере представляло собой не просто одну из сфер сотрудничества. Признание граждан полноправными субъектами европейского правового пространства наряду с государствами и народами открывало путь к полному переосмыслению самой природы Евросоюза. Ранее формирование наднационального пра-

вового пространства рассматривалось только как результат делегирования государствами части своих суверенных прав Европейским Сообществам. Тем самым не нарушался сам принцип национального суверенитета. Признание же индивидуальной субъектности граждан в рамках системы европейского права позволяло поставить вопрос о конституциировании Европейского Союза как политической организации европейских народов, а не государств, т.е. о суверенности самого Европейского Союза. Это могло бы стать решающим шагом к федерализации Европы. Однако в начале 1990-х гг. столь радикальное развитие событий пока оставалось невозможным.

Вторым «ресурсом» консолидации Европейского Союза стало создание Экономического и валютного союза. Эта мера по своему значению также выходила за рамки обычной практики интеграционного сотрудничества. Она предполагала ввод единой валюты, заменяющей национальные денежные единицы и находящейся под управлением наднациональных финансовых учреждений. В свою очередь, объединение валютно-финансовых систем могло стать мощнейшим фактором для развертывания «естественной», нерегламентированной интеграции во всех сферах общественной жизни.

Создание Экономического и валютного союза (ЭВС) носило постепенный характер. В прилагаемых к Маастрихтскому договору протоколах детально регламентировались три этапа этого процесса. Первый из них начался еще 1 июля 1990 г. и предполагал создание к 31 декабря 1993 г. единого внутреннего рынка Сообществ, в том числе обеспечение полной свободы передвижения капиталов, усиление кооперации между центральными банками стран-участниц Сообществ, координацию экономической и эмиссионной политики стран-участниц. Европейский Совет и специализированные организации Евросоюза получили полномочия по мониторингу экономического развития всех стран-участниц. В случае, если действия какой-либо из стран принимали угрожающий для интересов Евросоюза характер, Совет мог принять рекомендации в отношении этой страны и контролировать их исполнение всеми органами Евросоюза.

Дополнительным шагом по укреплению единого внутреннего рынка стало подписание 2 мая 1992 г. соглашения между Евросоюзом и ЕАСТ о формировании Европейского экономического пространства (из стран-участниц ЕАСТ этот договор ратифицировали Австрия, Исландия, Лихтенштейн, Норвегия, Финляндия, Швеция; единственной страной, отказавшейся от ратификации, стала Швейцария). В рамках Европейского экономического пространства, объединившего 18 стран с населением около 370 млн чел., обеспечивалось свободное движение товаров, услуг, капиталов и людей, сотрудничество в научной сфере, образовании, потребительской, социальной и экологической политике.

В обеспечении свободного передвижения людей важную роль сыграло Шенгенское соглашение о постепенной отмене контроля на общих границах. Оно было подписано между правительствами Бельгии, Люксембурга, Нидерландов, ФРГ и Франции в местечке Шенген (Люксембург) 14 июня 1985 г. В соответствии с Шенгенским соглашением предусматривалась постепенная отмена таможенного и визового контроля на внутренних границах стран-участниц, что открывало возможность не только свободного передвижения их граждан, но и одновременного получения «шенгенской визы» гражданами третьих стран с последую-

щим свободным передвижением в пределах всей «шенгенской зоны». В 1990 г. те же государства-учредители подписали Конвенцию о применении Шенгенского соглашения. К Конвенции постепенно присоединились Италия, Испания и Португалия, а затем и Греция. Великобритания и Ирландия отказались войти в «шенгенскую зону», опасаясь неконтролируемых миграционных потоков. Окончательно Шенгенские соглашения вступили в силу 1 июля 1995 г.

Второй этап формирования ЭВС начался с 1 января 1994 г. и длился до 31 декабря 1998 г. В это время происходило организационно-правовое становление институтов, способных обеспечить проведение единой валютной политики. Первым шагом стало создание в 1994 г. Европейского валютного института (ЕВИ). Он перенял функции существовавших ранее консультативных и совещательных органов (Комитета управляющих национальными банками, Европейского фонда валютного сотрудничества и т.п.) и возглавил работу по координации валютно-финансовой политики стран Евросоюза. Усилия ЕВИ сосредоточились, с одной стороны, на выработке рекомендаций правительствам по снижению рисков, вызываемых высокими бюджетными дефицитами и инфляцией, а с другой – на координации банковской деятельности.

На Мадридском саммите 1995 г. были уточнены сроки перехода к единой валютной системе. Единую европейскую валюту было решено назвать евро. В соответствии с решениями Мадридского саммита началось создание Европейской системы центральных банков (ЕСЦБ), что было предусмотрено еще Маастрихтским договором и прилагавшимися к нему протоколами. Помимо Европейского центрального банка (ЕЦБ) в состав ЕСЦБ вошли центральные банки всех стран-участниц Евросоюза. Задачами ЕСЦБ стали определение и проведение единой валютной политики, хранение официальных валютных резервов и управление ими, осуществление мер по кооперированию платежных систем. К исключительной компетенции ЕЦБ была отнесена эмиссия европейских денежных знаков (после перехода к единой валюте). По своему уставу ЕСЦБ и ЕЦБ являлись независимыми органами по отношению к руководящим институтам Евросоюза.

В рамках второго этапа формирования ЭВС были предприняты меры и по дальнейшему укреплению экономического союза. В конце 1995 г. правительство ФРГ выдвинуло инициативу по заключению Пакта стабильности и роста. Этот шаг не предусматривался Маастрихтским договором и вызвал немало дискуссий, поскольку предполагал ввод весьма жестких обязательств стран-участниц Евросоюза по проведению структурной экономической политики. Лишь в июне 1997 г. Амстердамский саммит Европейского Совета утвердил Пакт, включающий резолюцию Европейского совета об основных принципах обеспечения экономической стабильности и роста, а также двух регламентов – об усилении контроля над состоянием государственных бюджетов и о процедуре предотвращения сверхнормативного дефицита бюджета (первый вступил в силу 1 июля 1998 г., второй – 1 января 1999 г.).

На основе принципов Пакта стабильности и роста Европейский валютный институт разработал и представил в 1998 г. на утверждение Еврокомиссии и Европейскому Совету требования к уровню состояния национальных валютно-финансовых систем. В соответствии с этими критериями, предполагалось, что для присоединения той или иной стра-

ны к общей валютной зоне инфляция в ней не должна превышать 1,5 % по отношению к уровню, достигнутому тремя странами Евросоюза с наибольшей стабильностью цен. Дефицит государственного бюджета допускался в пределах 3 % ВВП. Предполагалось также обязательное соблюдение пределов курсовых колебаний, установленных в рамках «валютной змеи» ЕВС (по крайней мере, в течение двух лет без девальвации по отношению к валюте любого другого государства Евросоюза), долгосрочных процентных ставок (этот уровень не должен быть выше, чем на два пункта соответствующего уровня в трех странах Евросоюза, имеющих наиболее низкий уровень инфляции). На основании всех этих требований был утвержден список 11 стран, уже готовых к валютной конвергенции. Исключение составили Великобритания и Дания, оговорившие при подписании Мaaстрихтского договора свое право не присоединяться к третьему этапу Экономического и валютного союза, Швеция, вообще не входившая пока в состав ЕВС, и Греция, имевшая сверхнормативный дефицит государственного бюджета.

С 1 января 1999 г. начался третий этап формирования Экономического и валютного союза. ЭКЮ, как международная расчетная единица, основанная на «валютной корзине», прекратила свое существование. Состоялся ввод евро как полноправной самостоятельной европейской валюты. Одновременно прекратил свое существование Европейский валютный институт и в силу вступили уставы ЕСЦБ и ЕЦБ. Обращение евро полностью стало контролироваться ЕЦБ. Был введен неизменный фиксированный обменный курс евро, который стал базовым как для обменных операций, так и для обеспечения финансовой стабильности в странах Евросоюза. Но пока евро использовался только для безналичных расчетов, для размещения государственных ценных бумаг, обслуживания банковских операций (т.е. в рамках кредитно-денежной политики). В евро осуществлялись интервенция ЕЦБ на валютных рынках (покупка-продажа валюты). На протяжении последующих трех лет состоялся постепенный переход государственных учреждений к использованию евро (налоговые платежи, социальное страхование и т.д.), а также перевод на евро массовых платежных систем (денежные переводы, чеки, банковские карты и т.д.). Параллельно происходила работа по изготовлению банкнот и монет евро. Выпуск их в обращение и ввод евро для наличного расчета состоялся 1 января 2002 г. С 1 марта того же года национальные валюты стран «зоны евро» были изъяты из обращения.

С созданием ЭВС возникла возможность выработки долговременной стратегии экономического развития стран Евросоюза. Эта задача обсуждалась на Лиссабонском саммите Европейского Совета в марте 2000 г. По итогам саммита была принята «Лиссабонская стратегия», предусматривавшая превращение Евросоюза к 2010 г. в самый конкурентоспособный и высокотехнологичный экономический центр мира при сохранении «европейской социальной модели». Достижение такой претенциозной цели связывалось с пятью основными направлениями: обеспечением высокой конкурентоспособности европейской промышленности, созданием «динамической экономики, основанной на знаниях», увеличением занятости вплоть до полного решения проблемы безработицы, обеспечением «социального единства», улучшением экологической среды. В рамках этих направлений было сформировано более 120 конкретных инновационных проектов и программ развития. Однако их реализация оказалась затруднена в услови-

ях очень нестабильной конъюнктуры на мировом рынке, неожиданного «утяжеления» евро на фоне падения курса доллара, нарастания внутренних проблем европейской экономики по мере расширения состава Евросоюза. С учетом всех этих обстоятельств в марте 2004 г. была создана комиссия под руководством бывшего голландского премьер-министра Вима Кока. На нее была возложена задача по комплексному анализу хода реализации «Лиссабонской стратегии».

Выводы комиссии Кока оказались неутешительны. По мнению экспертов, Евросоюз не только не способен реализовать основные задачи «Лиссабонской стратегии», но все более явно проигрывает Китаю, Индии и США в росте и конкурентоспособности экономики, производительности и научно-техническом прогрессе. В докладе Кока отмечалось, что причинами стагнации европейской экономики являются быстрое старение населения, вступление в Евросоюз стран с менее развитой экономикой, несогласованность реформ в ведущих странах Евросоюза, а также декларативность «Лиссабонской стратегии», не позволяющая сконцентрировать усилия на наиболее важных направлениях. В противовес этим оценкам эксперты Еврокомиссии подготовили альтернативное исследование «Цена не-Лиссабона для экономики», где попытались доказать, что мероприятия, осуществляемые в рамках «Лиссабонской стратегии», дают вполне ощутимый, хотя и не такой мощный, как предполагалось, эффект. Приведенные ими данные свидетельствовали о том, что проводимые реформы в системе трудовых отношений и потребительского рынка обеспечивают почти 0,5 % общего ежегодного прироста ВВП. Отказ же от «Лиссабонской стратегии», по мнению экспертов, приведет к потере в ближайшие десять лет почти 8 % намеченного повышения ВВП. С другой стороны, поддерживалось предложение комиссии Кока о частичном пересмотре приоритетов стратегии экономического роста и намеченных темпов ее реализации. Доклад завершался выводом: «Дальнейшее осмысление требуется и для определения политического сопровождения, необходимого для максимизации выгод Лиссабона при минимизации затрат на корректировки».

«Политическое сопровождение» означало принятие решения о корректировке экономической стратегии на уровне Европейского Совета. Все большее количество экспертов и политиков призывали руководство Евросоюза пересмотреть не только лиссабонские решения, но и принципы «Пакта стабильности и роста» 1997 г., ограничивавшие действия европейских правительств рамками чрезвычайно жесткой структурной политики. Осенью 2004 г. после утверждения нового состава Еврокомиссии под руководством португальца Жозе Мануэля Баррозу началась работа над проектом «комплекса мер для достижения целей Лиссабонской стратегии». Новая программа экономических и социальных реформ была представлена Еврокомиссией в феврале 2005 г. В ней предполагалось к 2010 г. поднять темпы роста внутреннего валового продукта до 3 % в год и создать более 6 млн рабочих мест. Таким образом, были не только предложены весьма умеренные темпы роста, но и сама стратегия по сути сведена к двум основным пунктам – обеспечение роста производства и создание новых рабочих мест, главным образом, в высокотехнологичных отраслях. О социальных и экологических программах речь фактически не шла.

Несмотря на общую умеренность предложенной стратегии, «план Баррозу» акцентировал внимание на двух очень важных проблемах: Во-

первых, в нем подчеркивалось, что устойчивый экономический рост достижим лишь при условии тесного взаимодействия Еврокомиссии с национальными правительствами, предпринимательскими кругами и профсоюзами. Во-вторых, настойчиво проводилась мысль о том, что реализация «Лиссабонской стратегии» зависит не только от решения ряда экономических проблем, но и от состоятельности самого европейского общества в целом. «Провал «Лиссабонской стратегии» – это и большой политический провал, – заявил один из руководителей Европейского центра исследований Марио Тело. – Он означает, что Европа не смогла выстроить такую модель общества, которая отличалась бы от американской и при этом функционировала бы. Невыполнение стратегии будет означать, что нам придется копировать американцев».

Основные положения «плана Баррозу» получили поддержку на Брюссельском саммите Европейского Совета в марте 2005 г. Было принято решение о том, что все страны Евросоюза должны разработать национальные планы реализации «Лиссабонской стратегии», адаптированные к их специфике и рассчитанные на 3 года. Были также достигнуты договоренности по проекту реформы «Пакта о стабильности и росте», призванной придать большую гибкость бюджетному регулированию в странах Евросоюза и смягчить требования к лимитам бюджетного дефицита и государственного долга. «Пакт теперь в большей степени будет способствовать реализации целей Лиссабонской стратегии, – заявил на пресс-конференции Баррозу. – Европейский союз готов к новому старту, готов проявить свой огромный потенциал».

На Брюссельском саммите 2005 г. перед Еврокомиссией была также поставлена задача активизировать социальную политику. Но по сравнению с первоначальными принципами «Лиссабонской стратегии» подходы к социальным проблемам существенно изменились. Вместо широкого спектра направлений акцент был сделан на конкретные меры и пути их реализации. Приоритетным было объявлено обеспечение занятости в сочетании с модернизацией трудовых ресурсов (основное значение придавалось адаптации работников и предприятий к инновационной экономике, привлечению на рынок труда людей, пользующихся социальными льготами, увеличению инвестиций в профессиональную подготовку и образование, повышению качества управления трудовыми ресурсами, обеспечению высоких стандартов безопасности труда и гибкого графика трудовой деятельности). Вместо претенциозной задачи по обеспечению полной занятости ставка была сделана на расширение занятости в высокотехнологичных отраслях. Уже спустя месяц после Брюссельского саммита Еврокомиссия представила программный доклад «Построение Европейского исследовательского пространства (ERA) знаний для дальнейшего роста», в котором достижение Лиссабонских целей напрямую ставилось в зависимость от инновационного развития системы образования и науки, в том числе Болонского процесса реформирования высшей школы.

При всей спорности «Лиссабонской стратегии» и первых результатов ее реализации, следует признать, что сама постановка столь глобальных задач свидетельствует о прочности и эффективности создававшегося на протяжении 1990-х гг. Экономического и валютного союза. В считанные годы европейцы забыли о своих совсем еще недавних тревогах по поводу ликвидации национальных валют, передачи национальным органам ключевых прерогатив в валютно-финансовой сфере, полного

открытия внутренних границ. Система ЕВС «справилась» даже с массированным расширением Евросоюза «на восток». А подписание в мае 2005 г. договора с Россией о перспективах создания четырех «общих пространств» (экономического, внутренней безопасности и правосудия, внешней политики и безопасности, культуры и образования) показало, что у концепции ЕВС есть и далекие перспективы. В то же время уже на последних этапах создания ЕВС стало очевидно, что политический потенциал Маастрихтского договора фактически исчерпан. Консолидация и динамичное развитие Евросоюза оказалось в прямой зависимости от оперативного пересмотра его организационно-правовых и доктринальных основ.

Амстердамский договор: первая реформа Европейского Союза.

Впервые вопрос о корректировке Маастрихтского договора был вынесен на обсуждение Межправительственной конференции в 1996 г. Участники конференции сформулировали стратегическую задачу по созданию «Европейского пространства свободы, безопасности и правопорядка». Главным условием осуществления данного проекта была названа дальнейшая «коммунитаризация» систем ОВПБ и СПВД, продолжение институциональной реформы Сообществ, а также углубление сотрудничества в гуманитарной сфере. В развитие этих идей 2 октября 1997 г. был подписан Амстердамский договор (в силу он вступил 1 мая 1999 г.). Амстердамский договор не учредил новых организаций или систем сотрудничества, но внес существенные поправки в Договор о Европейском Союзе, договоры об учреждении Европейских сообществ и некоторые связанные с ними акты. Учредительные договоры подверглись «упрощению» (этим термином было названо устранение из их текста устаревших положений). Компетенция Европейского Сообщества существенно расширилась. В нее были включены визовая, иммиграционная политика, вопросы убежища, политика занятости и др.

Особенно важное значение имело закрепление в Амстердамском договоре так называемых «общих принципов европейского права». В отличие от существовавших ранее принципов правоприменения (прямого действия и приоритета норм европейского права, subsidiarity), «общие принципы» носили только доктринальный характер. В тексте Амстердамского договора они трактовались как «принципы, которые являются общими для государств-членов». По содержанию «общие принципы» также являлись совершенно универсальными. В их состав вошли принципы свободы, демократии, уважения прав человека и основных свобод, правового государства (в англоязычной версии – «господства права»). Но Суд Европейских Сообществ в обосновании своих решений вскоре начал формулировать и новые «общие принципы» – принцип пропорциональности (действия властей строго пропорциональны поставленным целям и не более), принцип правовой определенности (недопустимость обратной силы норм права), процессуальные принципы (в модальности «прав»: право на юридическую помощь; на конфиденциальность информации, предоставленной адвокату; на «выражение своего мнения»). Характерно, что Суд заявил о своем праве формулировать «общие принципы» на основе не только расширительного толкования учредительного договора Евросоюза, но и «конституционных традиций»

стран-участниц, а также принципов естественного права. Подобные новации имели огромное доктринальное значение. Не случайно, что юристы сразу начали называть «общие принципы» конституционными принципами Евросоюза.

Система правоотношений, выстраиваемых на основе подобных «общих принципов», уже не могла рассматриваться как прямое делегирование субъектности (части национального суверенитета) Евросоюзу со стороны стран-участниц. Неизбежно должно было последовать признание суверенности всего европейского гражданского общества, а не отдельных стран и народов. Тем самым, каждый европеец должен был рассматриваться как представитель сразу двух сообществ, имеющих право на самоопределение и способных создавать систему публичной власти, — национального и европейского. Все это становилось достаточным обоснованием возможности собственного конституционного строительства в Евросоюзе. И, хотя такой радикальный вывод пока еще не был сделан, Амстердамский договор внес важную лепту в оформление общеевропейского правового пространства. В его текст был включен Протокол об интеграции шенгенских правил в право Сообщества и Протокол о порядке предоставления политического убежища в ЕС гражданам стран-участниц Евросоюза. Часть компетенции СПВД перешла к Сообществу, благодаря чему Евросоюз получил полномочия издавать нормативные акты прямого действия по вопросам уголовного права и процесса. Сама идея «свободного пространства» получила новый ракурс — свобода передвижения людей оказалась связана не с «движением капиталов и услуг», т.е. возможностью заниматься профессиональной деятельностью в любой стране Евросоюза, а с личной безопасностью и полной правовой защитой при проживании в любой стране. Тем самым европейское гражданство действительно превращалось в наднациональное. Немаловажно в этом плане, что Амстердамский договор включил особое «Соглашение о социальной политике». Пока оно строилось лишь на основе приверженности принципам Европейской социальной хартии 1961 г. и Хартии основных социальных прав трудящихся 1989 г. (т.е. универсального спектра основных прав человека). Но был сделан первый шаг к вводу в учредительные договоры Евросоюза самого института прав человека, который традиционно рассматривался в качестве «святой святых» национального права.

Расширение компетенции Сообщества делало необходимым продолжение его институциональной реформы. При подготовке Амстердамского договора этот вопрос вызывал бурные дискуссии. Однако в итоге поправки оказались весьма незначительными. Была усилена роль Европейского парламента в процессе обсуждения состава Еврокомиссии, за председателем Еврокомиссии закреплена функция политического руководства (что превращало Еврокомиссию в более сплоченную «команду»), в составе Совета вводился пост Верховного представителя по вопросам общей внешней политики и политики безопасности, который совмещается с должностью Генерального секретаря Совета, расширена область применения процедуры «совместного решения» Совета и Парламента. Вместе с тем Амстердамский договор не решил целый ряд проблем, которые должны были возникнуть по мере расширения состава Евросоюза. Так, например, при дальнейшем увеличении числа небольших стран-участниц прежний порядок голосования в Европейском Совете создавал

возможность принятия решений, требующих квалифицированного большинства голосов, членами Совета, представляющими меньшую часть граждан стран-участниц Союза. Сохранение правила о представительстве в Еврокомиссии по одному члену от каждой страны-участницы грозило постоянно расширять состав этого органа. Явно требовал пересмотра и порядок формирования Еврокомиссии, согласно которому в состав включается один гражданин от каждой страны-участницы. Амстердамский договор не решал проблему Суда, действия которого по-прежнему формально были ограничены компетенцией Сообщества, а организационная структура не позволяла справляться с возросшими полномочиями.

Отчасти остроту нерешенных институциональных проблем должен был снять ввод Амстердамским договором принципа «продвинутого сотрудничества». Идея «интеграции разных скоростей» начала обсуждаться еще в 1970-х гг. Первыми примерами такой практики стали неединовременное присоединение стран Евросоюза к «зоне евро» и отказ некоторых стран от участия в Шенгенских соглашениях. Но первоначально такие действия воспринимались в качестве своего рода временной отсрочки, мотивированного отступления от «общей стратегии». Закрепление понятия «продвинутого сотрудничества» в Амстердамском договоре перевело проблему в совершенно иную плоскость — дифференцированное сотрудничество стало рассматриваться в качестве способа ускорения интеграции, незамедленной адаптации к ней отдельных стран. Тем самым, появлялась возможность разрабатывать планы новых форм сотрудничества, не пытаясь примирить все многообразие интересов и мнений стран-участниц. Именно такая идея была заложена в специальный раздел Амстердамского договора «Положения о продвинутом сотрудничестве». Однако установленные процедуры такого сотрудничества пока оказались очень сложны и трудно применимы на практике.

Ядром важных новаций Амстердамский договор внес в систему ОВПБ и СПВД. Европейский Совет был наделен полномочиями «определять принципы и основные направления Общей внешней политики и политики безопасности, в том числе по вопросам, имеющим оборонное значение». Соответственно к компетенции ОВПБ были отнесены все вопросы безопасности. Совет от имени Евросоюза был уполномочен «заключать соглашение с одним или несколькими государствами или международными организациями». Это означало признание за Евросоюзом собственной международной правосубъектности. Одновременно оговаривалась «возможность интеграции ЗЕС в Евросоюз, если Европейский Совет примет такое решение». Был усилен и сам механизм осуществления ОВПБ. Наряду с «совместными действиями» и «общими позициями» была введена практика выработки «общих стратегий». Амстердамский договор установил, что Европейский Совет уполномочен «вырабатывать общие стратегии, которые реализуются Союзом в тех областях, в которых государства-члены имеют важные общие интересы». «Общая стратегия» представляет собой документ, в котором определяется план действий Евросоюза в отношении конкретных стран или регионов планеты. Действия, вытекающие из «общей стратегии», являются обязательными для дипломатии всех стран-участниц Евросоюза. Разработка «общих стратегий» стала одной из функций Генерального секретаря Европейского Совета.

Уже в период ратификации Амстердамского договора британская дипломатия выступила с важной инициативой. Правительство Э. Блэра предложило активизировать усилия по формированию общей европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО). Саммит Европейского Совета в Портсмуте в октябре 1998 г. поддержал это предложение и высказался за развитие самостоятельных вооруженных сил ЗЕС/ЕС, а также модернизацию европейской военной промышленности. Вашингтонский саммит НАТО в апреле 1999 г. также выразил поддержку «реши-мости Европейского Союза обладать способностью самостоятельных действий, предполагающей принятие решений и утверждение военных акций тогда, когда альянс как таковой не задействован». В июне и декабре 1999 г. Кельнский и Хельсинкский саммиты Европейского Совета заложили основы новой институциональной структуры ОВПБ/ЕПБО. Был учрежден институт Высокого представителя по ОВПБ / Генерально-го секретаря Совета (ВП/ГС). На этот пост был избран бывший Генераль-ный секретарь НАТО Х. Солана, приступивший к своим обязанностям 18 октября 1999 г. Он же стал Генеральным секретарем ЗЕС. Были созда-ны Комитет по вопросам политики и безопасности и вырабатывающий для него рекомендации Военный комитет, а также Военный штаб, выпол-няющий функции военно-оперативного планирования и экспертизы. Параллельно был создан Комитет по гражданским аспектам кризисного управления. В том же 1999 г. Европейский Совет утвердил франко-британскую инициативу по созданию европейских сил быстрого реагиро-вания (ЕСБР) для проведения гуманитарных и миротворческих акций, а также датско-нидерландскую инициативу по формированию Европейско-го полицейского корпуса (ЕПК). В мае 2000 г. Совет ЗЕС одобрил решение о передаче ЕС «процедур и концептуальных разработок в сфере кризисного управления», а также ряда структур ЗЕС, которые могли быть использованы для развертывания ЕСБР. В июне 2000 г. саммит Europej-ского Совета в Фейра разработал практические меры по формированию гражданской полиции как невоенных сил кризисного реагирования.

В соответствии с Амстердамским договором была значительно пересмотрена европейская система сотрудничества в области правосудия и внутренних дел. Вместо прежнего названия СПВД она стала имено-ваться Сотрудничеством полиций и судебных органов в уголовно-право-вой сфере (СПСО). Компетенция «третьей опоры» была ограничена исключительно вопросами борьбы с преступностью (вопросы правосу-дия по гражданским делам, убежища, а также визовая, иммиграционная политика перешли в ведение Европейского сообщества). Но общая зна-чимость сотрудничества в уголовно-правовой сфере значительно вырос-ла. Евросоюз получил право издавать через Европейский Совет норма-тивные акты по вопросам уголовного права и процесса. К ним были отнесены «рамочные решения», выступающие в качестве основы право-охранительного законодательства, а также «решения» по конкретным вопросам. Кроме того, у Европейского Совета сохранились полномочия по изданию «общих позиций», не содержащих юридических норм в правоохранительной сфере, и разработке конвенций между государства-ми-членами по правоохранительной проблематике. Все эти разновиднос-ти норм и решений не обладали правом «прямого действия», т.е. для возложения юридических обязанностей непосредственно на граждан и юридических лиц требовалось создание соответствующих норм нацио-

нального права. Но одновременно «третья опора» была включена в сферу юрисдикции Суда Европейских сообществ, что открывало воз-можность наднационального регулирования и в этой сфере.

Принципы сотрудничества в сфере СПСО были уточнены на самми-те Европейского Совета в Тампере в октябре 1999 г. В итоговом докумен-те саммита, получившем название «Вехи Тампере», была подтверждена особая значимость системы безопасности как одного из ключевых ком-понентов «европейского правового пространства». Участники саммита признали необходимость конвергенции правоохранительных систем стран Евросоюза, в том числе обеспечения права граждан обращаться на равных условиях в суд в любой стране Евросоюза, разработки принципов взаимного признания странами-участницами решений национальных су-дов, унификации процессуальных норм уголовного права. Особое значе-ние было придано борьбе с организованной преступностью, распростра-нением наркотиков, нелегальной иммиграцией. Для обеспечения этих мер было принято решение о создании специального ведомства Евроюст в составе прокуроров национальных государств, судей и офицеров поли-ции высокого ранга – своего рода прообраз Европейской генеральной прокуратуры. В то же время Европейский Совет призвал к соблюдению прав иммигрантов, проживающих на легальных основаниях, и подтвер-дил преимущественные полномочия в этой сфере Европейского Сообще-ства, а не органов СПСО. Политическая декларация «Вехи Тампере» получила практическое воплощение в решениях заседания Совета мини-стров внутренних дел и юстиции в декабре 1999 г. в Брюсселе, по итогам которого была принята комплексная программа «Брюссель-1». Сохранил свое действие и Пакт по борьбе с организованной преступностью, заклю-ченный Советом министров внутренних дел и юстиции при участии министров стран-кандидатов на вступление в Евросоюз в мае 1998 г.

Ниццкий договор: интеграция по всем направлениям. В начале 1999 г. «Единая Европа» вступила в новый этап своего развития. С 1 января начал функционировать ЭВС, а с 1 мая в силу вступил Амстер-дамский договор. Однако уже в феврале 2000 г. была созвана новая межправительственная конференция для обсуждения необходимости оче-редного редакционного обновления учредительных договоров Евросоюза. Необходимость такого шага диктовалась несколькими обстоятель-ствами, в том числе нерешенностью в рамках Амстердамского договора ряда институциональных вопросов, быстрым развертыванием интегра-ции во «второй» и «третьей» опорах Евросоюза и принятием претензиоз-ной «Лиссабонской стратегии» экономического развития. Все эти про-блемы приобретали особое звучание в свете предстоящего беспрецедент-ного расширения Евросоюза.

Вступление в Евросоюз восточноевропейских стран готовилось по-этапно. Первоначально сотрудничество с ними строилось на основе соглашений об ассоциированном членстве. В 1991 г. такие соглашения с ЕС подписали Венгрия, Польша и Чехословакия, впоследствии – еще десять государств региона (включая страны Балтии). Статус ассоциирован-ного члена предполагал ввод режима наибольшего благоприятствования в торговле, расширение производственной кооперации, преференции в кре-дитовании и поэтапное снятие таможенных барьеров. В июне 1993 г.

Европейский Совет на саммите в Копенгагене принял принципиальное решение о том, что все ассоциированные страны Центральной и Восточной Европы могут стать членами Европейского Союза при наличии волеизъявления с их стороны. Но сроки вступления были поставлены в зависимости от достижения необходимого уровня экономического и политического развития (так называемые «копенгагенские критерии» членства). На саммите Европейского Совета в Эссене в декабре 1994 г. была утверждена комплексная программа мер по подготовке стран Восточной Европы к вступлению в Евросоюз (Accession Partnership). Для ускорения процесса адаптации в 1996 г. было принято решение распространить действие этой программы на все страны, имеющие статус ассоциированных членов Евросоюза, независимо от предполагаемых сроков их вступления и степени готовности по «копенгагенским критериям». А в 1997 г. впервые начал обсуждаться вопрос о том, что резкое расширение состава Евросоюза потребует и реформ его собственной институциональной структуры. Необходимость такого шага была подтверждена в Амстердамском договоре.

Новая редакция Договора о Европейском Союзе и Договоров, учреждающих Европейские сообщества, рассматривалась на саммите Европейского Союза в Ницце в декабре 2000 г. Подписание согласованного варианта текста договора состоялось 26 февраля 2001 г., и еще несколько месяцев потребовалось для его ратификации. В силу Ниццкий договор вступил 1 февраля 2003 г.

Основные дискуссии в ходе Ницкого саммита разгорелись по вопросам институциональной реформы. Речь шла о четырех важных новациях, каждая из которых оказалась решена весьма половинчато. Во-первых, произошло дальнейшее расширение сферы применения квалифицированного большинства при голосовании в Европейском Совете. Однако по настоянию Великобритании и ряда других государств право вето было сохранено при голосовании по вопросам налогообложения и социального обеспечения, что резко осложняло интеграцию в этих сферах с учетом очень разного уровня развития и специфики стран-претендентов на вступление в Евросоюз.

Во-вторых, были перераспределены голоса в Совете, что имело особенно большое значение при голосовании квалифицированным большинством. Для распределения квот голосов государства были условно разбиты на группы и подгруппы. В целом это деление отражало их демографический вес и экономическое влияние, но во многих случаях определялось политическим компромиссами. Так, например, за «четверкой» европейских «тяжеловесов» (ФРГ, Великобританией, Францией и Италией) было закреплено одинаковое количество голосов – по 29. Польше и Испании досталось по 27; Румынии – 14; Нидерландам – 13; Бельгии, Греции, Португалии, Венгрии и Чехии – по 12; Швеции, Австрии и Болгарии – по 10; Дании, Финляндии, Ирландии, Словакии и Литве – по 7; Люксембургу, Эстонии, Латвии, Словении и Кипру – по 4; Мальте – 3. Такое распределение было признано относительно справедливым, но полностью не устроило ни одного из европейских лидеров. Франция опасалась образования прогермански настроенной коалиции внутри Евросоюза, а ФРГ требовала более четко учитывать пропорции населения стран-участниц. Обращал на себя внимание и тот факт, что за «новичками» оказалось зарезервировано 108 голосов из 333 (т.е. 27 %), тогда как их взнос в совокупный ВВП Евросоюза пока мог составить лишь 6 %.

В-третьих, на период до 2010 г. устанавливался верхний предел в 26 человек для общего числа членов Комиссии и сохранялась квота по одному члену от каждого государства-участника (при дальнейшем расширении Евросоюза планировался ввод системы ограниченной ротации в назначении членов Комиссии). С января 2005 г. кандидат в председатели Европейской Комиссии и ее члены индивидуально, а затем и весь состав Европейской Комиссии коллегиально должны были утверждаться Европейским Парламентом и назначаться Европейским Советом. Политически такое решение являлось единственным приемлемым вариантом, но совершенно не решало организационных проблем, которые могли возникнуть в работе Комиссии при резком расширении ее состава, а также угрозу превращения Комиссии из единой политической «команды» в поле для лоббирования национальных интересов. Для блокирования этих угроз Ницским договором были существенно расширены полномочия председателя Комиссии (в том числе закреплено его право самостоятельно решать вопросы внутренней организации Комиссии, распределять полномочия между ее членами и назначать своих заместителей). Эти меры явно повысили эффективность Комиссии, но превратили ее председателя в еще более влиятельную политическую фигуру, что лишь подкрепило опасения «евроскептиков» в «бюрократизации» Евросоюза.

И, наконец, в-четвертых, были оптимизированы условия «продвинутого сотрудничества» в рамках Евросоюза. Ниццкий договор включил пространные положения, регламентирующие порядок запуска и осуществления таких программ. Одновременно были сняты многие ограничения, которыми ранее оговаривалась возможность «продвинутого сотрудничества» (в том числе было установлено, что для запуска «продвинутого сотрудничества» достаточно участия не большинства стран Евросоюза, а лишь 8). Кроме того, Ниццкий договор практически лишил отдельные государства возможности заблокировать запуск «продвинутого сотрудничества» в областях, относящихся к ведению Евросоюза. Ответственность за координацию действий и совместимость «продвинутого сотрудничества» с общими политиками Евросоюза была возложена на Европейский Совет и Еврокомиссию. Все эти меры имели большое значение с точки зрения сохранения высокой динамики интеграционного процесса после расширения Евросоюза. Однако критики Ницкого договора отмечали, что использование «продвинутого сотрудничества» угрожает расколом Союза и формированием в его составе своеобразной «периферии», состоящей из стран-«новичков».

Половинчатость институциональных решений, закрепленных в Ницском договоре, и весьма агрессивный стиль дискуссий в ходе саммита вызвали настоящий шквал критики. «На саммите в Ницце на первом плане оказались не общеевропейские интересы, а национальные, – писала в те дни бельгийская газета «Суар». – Саммит должен был стать историческим. Но исторической оказалась только его продолжительность. Была хорошо видна разобщенность 15 стран-участниц встречи. Конечно, в итоге им пришлось договориться, но, кажется, главным дома: «Мы дрались до последнего не за общую логику и не за общую стратегию, не за сбалансированную реформу, но за национальные интересы». Эту мысль разделяли и многие официальные представители Евросоюза. В резолюции Европарламента утверждалось: «То, как главы государств и

правительств провели недавние переговоры относительно Ниццкого договора, показывает, что они ставят свои конъюнктурные национальные интересы выше интересов ЕС». Еще до окончательного утверждения текста Ниццкого договора руководство Еврокомиссии заявило, что принятие столь половинчатых решений противоречит «Лиссабонской стратегии», а также может очень затруднить вступление в Евросоюз новых членов и их дальнейшую адаптацию к интеграционной системе.

И все же, несмотря на самые пессимистические оценки, саммит в Ницце выполнил свою основную задачу и дал толчок для самого масштабного расширения состава Евросоюза в его истории. На саммите было заявлено, что на членство в ЕС претендуют 13 стран: Болгария, Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Румыния, Турция, Чехия и Эстония. Они получили признание в качестве официальных кандидатов и взяли на себя обязательства по проведению реформ, приводящих их законодательство в соответствие с нормами Евросоюза. Степень готовности кандидатов должна была определяться в ходе так называемой «проверки» («скрининга») по 31 досье. В более отдаленной перспективе претендентами на членство были названы Албания, Босния и Герцеговина, Македония и Хорватия, пока получившие преференции по развитию ассоциативных соглашений с Евросоюзом.

В декабре 2001 г. Лакенский саммит Европейского Союза заявил о том, что предварительные переговоры о вступлении в Евросоюз 10 стран-претендентов вступают в завершающую фазу. Из первоначального списка были пока исключены Болгария и Румыния (темпы реформ в этих странах позволяли спрогнозировать вступление в Евросоюз лишь в 2007 г.), а также Турция, где гармонизация законодательства встречала наибольшие затруднения. Брюссельский саммит Европейского Совета в октябре 2002 г. официально обнародовал список претендентов на вступление: Венгрия, Кипр, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Чехия и Эстония. Переговоры об условиях вступления были завершены на заседании Европейского Совета в Копенгагене в декабре 2002 г., в апреле 2003 г. в Афинах состоялось торжественное подписание Договора о присоединении к Европейскому Союзу десяти новых государств-членов. 1 мая 2004 г. «Европа 15-ти» стала «Европой 25-ти». В «Афинской декларации», принятой по поводу расширения, это событие было объявлено началом нового этапа в истории Европы. «Союз отражает нашу общую решимость положить конец столетиям конфликтов и преодолеть разделение континента, воплощает наше стремление к новому будущему, основанному на сотрудничестве, уважении многообразия и взаимопонимании», — отмечалось в декларации. — Мы продолжим поддерживать и защищать фундаментальные права человека как внутри Европейского Союза, так и за его пределами. Мы будем работать вместе с тем, чтобы способствовать устойчивому развитию как на местном уровне, так и в глобальном масштабе. Мы подчеркиваем нашу приверженность экономике Европы, динамичной и основанной на знании, открытой для всех, направленной на устойчивый рост и полную занятость, а также на социальную вовлеченность и экономическую интеграцию. Мы сделаем Союз подлинной территорией свободы, безопасности и правосудия и продолжим поддерживать каждую из этих основных ценностей».

Помимо расширения Евросоюза Ниццкий договор позволил придать новый импульс развитию его «второй» и «третьей» опор. Ниццкий договор

завершил преобразование «второй опоры» в систему ОВПБ/ЕПБО, в том числе закрепил предыдущие решения Европейского Совета по созданию Сил быстрого реагирования. Формирование этого контингента предусматривалось на основе предоставления странами-участницами сроком минимум на 1 год персонала (первоначально общей численностью 50–60 тыс. чел.) и техники (в частности, 400 военных самолетов и 100 военных кораблей). Данный процесс должен завершиться к 2003 г. От использования структур ЗЕС было решено отказаться. Ниццкий договор исключил из Договора о Европейском Союзе все упоминания о ЗЕС как «агенте» Союза в военной сфере. В свою очередь Совет ЗЕС в Марсельской декларации в ноябре 2001 г. заявил о прекращении деятельности как оперативной организации. ЗЕС сохранился лишь как система взаимных гарантий стран-участниц в случае агрессии и консультативный орган.

Для командования европейскими Силами быстрого реагирования и выполнения других управленческих функций в системе ЕПБО Ниццкий договор создал сбалансированную управленческую структуру. Политические решения по проблемам общей обороны стали прерогативой Европейского Совета. Принятие юридически обязательных решений в форме «обязательных акций» осталось в компетенции Совета Европейского Союза на уровне министров обороны. Наблюдение за политической ситуацией на международной арене и выработка соответствующих предложений Совету было возложено на Комитет по вопросам политики и безопасности (переименованный Ницким договором бывший Политический комитет). Военный комитет Европейского Союза в составе глав военных штабов государств-членов стал отвечать за подготовку и координацию военно-политических акций, а Военный штаб Европейского Союза, входящий в структуру Генерального секретариата Европейского Совета, получил полномочия по оперативному реагированию. Наконец непосредственное управление действиями Сил быстрого реагирования должно было быть возложено на командующего, назначаемого Советом для каждой операции. Характерно, что Военный комитет Евросоюза с июня 2001 г. был подключен к системе консультаций с НАТО. На саммите Европейского Совета в Лакене (декабрь 2001 г.) было достигнуто окончательное соглашение всех стран-участниц об использовании оперативного потенциала ЕПБО в военных операциях по разрешению международных кризисов. Были созданы 11 специальных рабочих групп для разработки оперативной стратегии по всем актуальным направлениям. С 2001 г. активизировалась деятельность Совместной организации по сотрудничеству в области вооружений (ОССАР), учрежденной в 1996 г. Францией, ФРГ, Великобританией и Италией.

Ниццкий договор 2001 г. внес также ряд изменений в правовой режим СПСО. Большая часть их касалась полномочий и организационного оформления Европола и Евроюста. К договору была приложена специальная декларация о структуре Евроюста (в соответствии с решениями саммита в Тампере и программой «Брюссель-1») и сформулирована основная задача этой организации: «Содействовать надлежащей координации деятельности национальных органов, уполномоченных осуществлять уголовное преследование, и оказывать помощь в расследовании дел, связанных с организованной преступностью». Ниццкий договор ввел также новое положение о том, что правила, определяющие полномочия Евроюста, должен будет принять Европейский Совет. В перспективе планировалось и создание оссбго договора о Евроюсте.

Террористический акт 11 сентября 2001 г. в США способствовал дальнейшей активизации сотрудничества европейских стран в сфере СПСО. Осенью 2001 г. на внеочередном саммите Европейского Совета в Брюсселе был принят план действий по борьбе с терроризмом, предусматривающий усиление полицейского и правового сотрудничества, разработку международной правовой базы для антитеррористических действий, противодействие финансированию террористических организаций посредством директивы об отмывании денег, введении единого европейского ордера на арест. Было решено усилить Европол специальным антитеррористическим отделом, наделив его полномочиями для сотрудничества с соответствующими органами США. Параллельно происходили и активные консультации по проблемам интеграции в других правовых сферах, в частности коммунитаризации семейного права, взаимному признанию решений судов по гражданским и коммерческим делам.

Полемика вокруг достаточно неудачной институциональной реформы, неоднозначных последствий крупномасштабного расширения Евросоюза, проблемах внутренней и внешней безопасности отодвинула на второй план еще один важный аспект Ниццкого договора – новый шаг в гуманитарной интеграции. В основном тексте договора этому вопросу было также уделено мало внимания. Но в качестве приложения, обладающего рекомендательной силой, была принята «Хартия Европейского Союза об основных правах» – документ, беспрецедентный по содержанию и значению. Для подготовки Хартии в декабре 1999 г. был создан специальный Конвент под председательством бывшего президента ФРГ и одного из наиболее авторитетных германских юристов Романа Херцога. В состав Конвента вошли 15 депутатов Европарламента и национальных парламентов, по 2 депутата от парламентов каждой страны-участницы, представитель еврокомиссии, 15 представителей глав государств и правительств, а также наблюдатели от Суда Европейских Сообществ и Совета Европы. В октябре 2000 г. текст Хартии был одобрен главами государств и правительств стран Евросоюза, а его торжественное подписание состоялось во время саммита в Ницце.

«Хартия Европейского Союза об основных правах» стала первым юридическим документом, предполагавшим полномасштабное регулирование прав человека на наднациональном уровне. Традиционно формирование правового статуса личности рассматривалось в качестве важнейшего элемента любой национальной конституционно-правовой системы. Концепция Европейского Союза, реализованная в Маастрихтском договоре, стала первым шагом к преодолению этого принципа, закрепив индивидуальную субъектность граждан в системе европейского права. Однако речь не шла о формировании правового статуса личности на наднациональном уровне – прерогативы государств оставались в этом вопросе неприкосновенны. Концепция же Хартии основывалась на совершенно ином подходе. Ее авторы попытались выработать даже совершенно новую форму типологии прав человека. Вместо традиционного деления на политические, экономические, социальные и культурные права Хартия включила несколько ключевых категорий: человеческое достоинство, свободы, равенство, солидарность, гражданство и правосудие. Каждая из этих категорий подразумевала не набор индивидуальных прав в той или иной сфере жизни, а прежде всего определенные принципы правоотношений в обществе. Поэтому Хартия не просто гарантировала

некие права личности, а оформляла целостную модель европейского правового пространства. Придание ее нормам прямого действия означало бы решающий сдвиг в сторону реальной федерализации Евросоюза, т.е. оформления европейского гражданского общества, а не усиления тех или иных наднациональных институтов. Пока этого не произошло, но включение Хартии в Ниццкий договор даже в качестве рекомендательной декларации четко обозначало новые приоритеты интеграционного процесса. Не случайно, что в «Афинской декларации», принятой по поводу расширения Евросоюза, было заявлено: «Присоединение – это новое соглашение между нашими гражданами, а не просто между государствами. Как граждане этого нового расширенного Союза, мы заверяем в нашей готовности защищать фундаментальные свободы, на которых стоит демократия. Демократический идеал должен стать краеугольным камнем для процветания нашего сообщества ценностей не только для нынешних граждан, но и для наших детей и внуков. Лишь при активном участии граждан и гражданских организаций будут укрепляться сила и правопорядок в Союзе».

Конституционный договор Европейского Союза: взгляд в будущее или шаг к распаду? Еще до вступления Ниццкого договора в силу руководство Евросоюза поставило вопрос о разработке концепции наиболее масштабной реформы европейского правового пространства. Дискуссия вокруг этого вопроса началась в мае 2000 г., когда министр иностранных дел ФРГ Йошка Фишер выдвинул идею окончательного перехода к федеральному устройству Евросоюза. Одновременно в британской и испанской прессе появилось совместное открытое письмо премьер-министров Тони Блэра и Хосе Марии Аснара, в котором оба лидера делились своими соображениями по поводу устройства Европы. Они предлагали оставить в сфере компетенции Евросоюза только те вопросы, которые не могут быть решены на национальном уровне, и шире использовать практику «продвинутого сотрудничества». В июне 2000 г. президент Франции Жак Ширак и канцлер ФРГ Герхард Шредер призвали к разработке новой концепции Евросоюза, которая бы сняла противоречия между «еврооптимистами» и «евроскептиками».

По итогам обсуждения проблемы дальнейшей правовой реформы Евросоюза в приложение к Ниццкому договору было включено «Заявление о будущем Европейского Союза». В нем определялись ключевые для продолжения реформы вопросы: новое разграничение компетенций между Евросоюзом и государствами, определение статуса «Хартии об основных правах», упрощение учредительных договоров, уточнение роли национальных парламентов в «архитектуре» Евросоюза. В ноябре 2001 г. перед началом очередного саммита Европейского Совета Шредер впервые высказал идею принятия Конституции Европейского Союза. Причем Шредер не исключал, что в ходе реформы часть полномочий ведущих институтов Союза будет «возвращена» на национальный уровень. Такой подход вызвал поддержку британской дипломатии, а сама идея Европейской конституции была активно поддержана в Париже. Лакенский саммит Европейского Совета, состоявшийся в декабре 2001 г., объявил об образовании «Европейского конвента», или «Конвента о будущем Европейского Союза».

Лакенская декларация под названием «Будущее Европейского Союза» ориентировала деятельность Конвента на комплексное обсуждение проблем институциональной реформы. Фактически перед Конвентом была поставлена двоякая задача: либо разработать проект будущего единого учредительного документа Союза, либо представить варианты решения отдельных проблем, препятствующих углублению интеграции. В состав Конвента (105 человек) вошли представители всех государств-членов и с правом совещательного голоса представители 13 государств-кандидатов. Первое заседание Конвента состоялось 28 февраля 2002 г. Его председателем был избран бывший президент Франции Валери Жискар д'Эстен. Под влиянием Жискара д'Эстена работа Конвента сразу же приобрела характер конституционного строительства.

В конце октября 2002 г. Конвент представил предварительный проект будущей конституции. При его доработке ставка была сделана на пакетное решение – систему взаимных конструктивных уступок, которую в дальнейшем было бы очень трудно или почти невозможно разорвать. Жискар д'Эстен настойчиво проводил стратегическую линию – усиление роли Евросоюза через усиление всех его основных институтов. Окончательный проект конституции, единогласно одобренный членами Конвента, был представлен 18 июля 2003 г. В октябре 2003 г. в Риме для его рассмотрения была созвана Межправительственная конференция на уровне глав государств и правительств 25 стран. На ней предстояло утвердить текст Европейской конституции, а затем передать его на ратификацию парламентам или утверждение в ходе референдумом.

Обсуждение проекта конституции раскололо страны-участницы конференции на три группы. Испания, Польша, Финляндия и Австрия выступили против проекта в целом. Представители Великобритании, Чехии, Португалии, Греции, Дании, Ирландии и Словении заняли относительно умеренную позицию, хотя высказывали критические замечания по отдельным статьям договора. Франция, ФРГ, Италия и страны Бенилюкса настаивали на принятии текста без существенных изменений.

Наиболее активные дискуссии развернулись по вопросам компетенции властных институтов и их общей «архитектуры», в том числе возможности создания Законодательного Совета и Конгресса народов Европы, критериях ротации в руководящих органах, распространении принципа голосования квалифицированным большинством, правилах единогласного голосования в Совете. В итоге, в совместной декларации, принятой по итогам Римского саммита, главы государств высказались за принятие конституционного договора в дальнейшем, но подтвердили, что пока им не удалось снять все разногласия. Состоявшиеся в Брюсселе в декабре 2003 г. переговоры о редакционных изменениях конституционного договора также не принесли успеха. Наиболее жесткую позицию в их ходе заняли Польша и Испания, выступавшие против предлагаемой схемы голосования в Европейском Совете. Многие аналитики отмечали, что на позицию руководства этих двух стран немалое влияние оказало скептическое отношение к проекту Европейской конституции со стороны США.

После срыва брюссельских переговоров Конвент принял решение вернуться к доработке проекта. Достаточно неожиданно обострилась общественная дискуссия вокруг проекта Конституции. Поводом стало обращение папы римского Иоанна Павла II с призывом включить в

преамбулу конституционного договора упоминания о христианском наследии Европы. Понтифик обратил внимание общественности на трактовку в предложенном проекте «основ европейского единства» лишь как набора духовных ценностей и социальных принципов, «берущих свое начало в цивилизациях Греции и Рима», и заявил, что «европейская идентичность была бы непонятной без христианства». В поддержку идеи включения в текст конституции упоминания о христианской основе европейской культуры высказалась Конференция европейских Церквей, а также Русская Православная Церковь. РПЦ наряду с Ватиканом, Элладской Православной Церковью и многими другими религиозными общинами Европы подвергла критике и отказ от упоминания религиозных ценностей в «Хартии основных прав», вошедшей в состав Европейской конституции.

В мае 2004 г. с предложением учесть замечания христианской общественности выступили семь государств – Италия, Польша, Литва, Мальта, Португалия, Греция и Словакия. Руководство Франции, Бельгии, Дании, Великобритании, Швеции и Словении, напротив, заняло по этому вопросу бескомпромиссную позицию, считая вполне корректной формулировку, предложенную Европейским конвентом («культурное, религиозное и гуманистическое наследие»). В итоге именно эта позиция и возобладала, хотя сама дискуссия наглядно продемонстрировала недостаточность внимания политической элиты к доктринальным основам европейского конституционного процесса. В ходе долгих переговоров о распределении полномочий и схемах голосования затухала сама идея конституционного оформления единства европейских народов. Конституция начала восприниматься общественностью в качестве очередной реформы в интересах европейской бюрократии. Не случайно, что если в конце 2003 г. по опросам общественного населения проект конституции поддерживали 77% населения в 25 европейских странах (на 10 % больше чем годом ранее), то в 2004 г. этот показатель начал быстро снижаться. Впоследствии выяснилось, что просчет в позиционировании проекта конституции будет очень дорого стоить его авторам.

Пока же, несмотря на тревожные изменения в настроениях общественности, руководство ведущих европейских стран надеялось выйти из конституционного кризиса с помощью привычных политических методов. Со стороны ФРГ, Франции и Великобритании усилился дипломатический нажим на двух основных «бунтовщиков» – Польшу и Испанию. Ситуация неожиданно изменилась после трагического теракта в Испании в марте 2004 г. После победы на внеочередных парламентских выборах оппозиционной социалистической партии во главе с Хосе Луисом Родригесом Сапатеро внешнеполитический курс страны изменился в противоположную сторону. Что касается оставшейся в одиночестве Польши, то ее позиция изменилась после недвусмысленного заявления канцлера ФРГ о том, что страны, препятствующие углублению интеграционного процесса, не могут рассчитывать на существенную финансовую поддержку со стороны Евросоюза.

В апреле-мае 2004 г. состоялись консультации по согласованию обновленного текста конституционного договора, на которых была достигнута единая позиция по наиболее спорным вопросам (критерии определения квалифицированного большинства при голосовании в Совете, состав Комиссии, соотношение количества мест, выделенных отдельным

странам в Европейском парламенте, отказ от ссылки на духовное или христианское наследие в преамбуле). 18 июня 2004 г. текст конституционного договора получил одобрение всех 25 глав государств и правительств стран-членов ЕС. 29 октября 2004 г. в Риме состоялась торжественная церемония подписания Европейской конституции. Символично, что эта церемония состоялась в том же зале, где 25 марта 1957 г. был подписан Римский договор, учредивший Европейское Экономическое Сообщество. Для ратификации конституции было отведено два года. Выбор формы ратификации (решением парламента или в ходе референдума) осталось за отдельными странами-участницами.

Итак, что представлял проект Европейской конституции? Первое, что обращает на себя внимание, – это официальное наименование документа: «Договор, учреждающий Конституцию для Европы». Таким образом, понятие «конституция» используется как характеристика формируемого наднационального правопорядка, а не по аналогии с Основными законами государств. Авторы проекта неоднократно подчеркивали, что создание Европейской конституции является последовательной реализацией принципов коммунитарного права, а не формированием отдельной отрасли конституционного права в составе европейского. Доктринально Европейский Союз, оформляемый конституционным договором, рассматривается в качестве особого рода федерации – «федерации государств-наций» («*federation d'Etats-nations*») или «федерации государств и народов» («*federation d'Etats et de peuples*»). Само понятие «федерация» в тексте широко не используется, но в преамбуле подчеркивается, что Конвент создал конституцию «от имени граждан и государств». В ст.1 дается определение: «Союз европейских государств, сохраняющих собственную национальную индивидуальность, которые тесно координируют свою политику на европейском уровне и управляют на федеративных началах определенными сферами общей компетенции». Показательно также, что в ст.8 говорится о том, что «все компетенции, не отнесенные конституцией к числу компетенций Союза, остаются компетенциями государств-членов». С этой точки зрения Евросоюз сохраняет характер межгосударственного объединения, не преодолевая принцип национального суверенитета. Более того, впервые предусматривается «возможность выработки процедуры добровольного выхода из Союза» (рецессии).

С другой стороны, в тексте конституционного договора подчеркивается преобладающая субъектность народов и граждан Европы, а не государств. Преамбула апеллирует к историческому единству народов Европы как основе интеграционного процесса. Причем это единство усматривается не в проявлении политической воли к объединению, а в общих духовных ценностях и социальных идеалах, «берущих свое начало в цивилизациях Греции и Рима», развитых в «ре игиозных и гуманистических традициях Европы, в философии Просвещения». Статья 2 более конкретно устанавливает «ценности Союза»: человеческое достоинство, основные права человека, демократия, правовое государство, терпимость, уважение обязательств и международного права. Статья же 1 однозначно обуславливает присоединение к Союзу других стран и народов именно этим ценностным выбором: «Союз открыт для всех европейских государств, которые привержены одинаковым ценностям и обязуются сообща друг с другом содействовать их реализации». Это положение носит отнюдь не декларативный характер. Соблюдение «принципов и

ценностей» Союза рассматривается как обязанность каждого государства-члена, а их нарушение объявляется достаточным основанием для исключения государства из состава Союза.

Постановка вопроса о единых принципах и ценностях подчеркивает тот факт, что Евросоюз является договорным межгосударственным объединением лишь по происхождению, но не по своей природе. С этой точки зрения исключительно важным фактом стал ввод в текст конституционного договора без каких-либо изменений и купюр «Хартии основных прав» (что придает ей характер правовой нормы прямого действия). Закрепленные в ней права, свободы и обязанности граждан рассматриваются в качестве «генеральных принципов» европейского права и их реализация предполагается на основе принципа субсидиарности, т.е. с приоритетной ролью национальных государств, а не институтов Евросоюза. Но такая оговорка не меняет суть произошедшего перелома в европейском правопонимании. Ведь Хартия создавалась не на основе принципов коммунитарного права и не отражала достигнутого уровня «фактической солидарности» в регулировании прав и свобод человека. Изначально она представляла собой целостный кодекс, имеющий собственную уникальную логику и ориентированный на полномасштабное регулирование правового статуса человека. Легитимность подобного кодекса может быть основана лишь на признании суверенитета «европейских народов» независимо от национального суверенитета и соответствующих прерогатив государств. Авторы конституции не рискнули официально сделать подобный вывод, но в случае вступления конституции в силу каждый гражданин «Единой Европы» получит возможность добиваться закрепленных к ней прав независимо от специфики национального законодательства и позиции «своего» государства (например, на основе прецедентов Европейского Суда).

Итак, в соответствии с «духом и буквой» конституционного договора Европейский Союз рассматривается двояко: и как объединение государств, сохраняющих свой суверенитет, и как суверенное объединение народов. Так, например, ст.4 устанавливает «ясно выраженное признание правосубъектности за Союзом», что при расширительном толковании понимается как признание того факта, что субъектность Союза является первичной, суверенной, а не делегированной государствами-членами. Очень показательны и цели Европейского Союза, зафиксированные в конституционном договоре. Все они ориентированы не на развитие сотрудничества между странами и народами, а на решение общеевропейских задач (защита общих ценностей, интересов и независимости Союза; содействие экономическому и социальному сплочению; укрепление экономического и валютного союза; содействие высокому уровню занятости и социальной защиты; высокий уровень защиты окружающей среды; поощрение технологического и научного прогресса; создание пространства свободы, безопасности и правосудия; развитие общей внешней политики и политики безопасности, а также оборонной политики в целях обеспечить защиту ценностей Союза и содействовать их реализации в отношениях с окружающим миром).

В конституционном договоре провозглашается, что «достижение указанных целей производится согласно правилам, которые учитывают возможность наделяния Союза соответствующими видами компетенции как в полном объеме, так и частично, а равно возможность совместного

осуществления данной компетенции государствами-членами». Таким образом, компетенция ЕС рассматривается как основанная на общих целях и ценностях европейских народов, а не делегированная («переданная») государствами-членами. Всего в конституционном договоре устанавливается пять уровней компетенций в решении задач Европейского союза. К исключительной компетенции Евросоюза, где именно Союз издает общеобязательные нормативные акты, были отнесены монетарная политика, общая торговая политика, таможенный союз, политика по использованию биоресурсов моря, заключение международных соглашений для представительства интересов Союза. К совместной компетенции, где в рамках установленных законодательством Союза государства-члены могут принимать свои нормы, отнесены «внутренние дела», защита свобод, социальная политика, защита потребителей, энергетическая политика, транспорт, сельское хозяйство, экономические связи, технологическое развитие, исследования, гуманитарная помощь. В вопросах отраслевой экономической политики, трудовых отношений, различных направлениях общественной политики Евросоюз не получил права нормотворчества, но должен способствовать координации деятельности государственных органов для достижения общих задач (так называемая «компетенция направленная на координацию деятельности государств-членов»). В ряде сфер общественной жизни (защита человеческого здоровья, спорт, молодежная политика, образование, культура) вообще не предполагается наднациональная правовая унификация. Здесь Евросоюз получил лишь «компетенцию по формированию общих правил», т.е. сугубо политические полномочия. Особняком стоит «компетенция в сфере внешней политики, обороны, деятельности правосудия и уголовно-правовой сфере» – единственная, для которой четко оговаривается главенствующая роль принципа национального суверенитета. В этой сфере Евросоюз призван отстаивать общие интересы, но с учетом интересов каждого государства-члена. Государства обязаны проявлять солидарность и лояльность к интересам Союза, но сохраняют право вето.

Огромный раздел в составе конституционного договора посвящен детальному описанию всех направлений деятельности в рамках установленных целей и компетенций. Их осуществление предполагается на основе прежних принципов приоритета и прямого действия европейского права, а также принципов пропорциональности и субсидиарности. Трактовка этих принципов сохранилась в соответствии с Маастрихтским договором. Но структура системы европейского права изменилась полностью. Было отменено деление норм на «первичные» и «вторичные». Вместо этого вводилось две категории: законодательные и незаконодательные акты. К первой были отнесены европейские законы (законодательные акты общего значения, обязательные во всех своих элементах и применяющиеся непосредственно в каждом государстве) и рамочные законы (законодательные акты, «связывающие каждое государство-член выступающее его адресатом, в отношении результата, которого надлежит достичь, оставляя при этом национальным инстанциям компетенцию относительно выбора формы и средств его достижения»). Законодательные акты принимаются на основании предложения Комиссии совместно Европейским парламентом и Советом. В особых случаях, предусмотренных конституционным договором, они могут приниматься Советом. Незаконодательные акты принимаются Советом, Комиссией, Европейским

центральным банком. К ним были отнесены европейские регламенты (акты общего значения, направленные на практическое осуществление законодательных актов и специальных положений Конституции, обязательные во всех своих элементах и применяющиеся непосредственно в каждом государстве) и европейские решения (акты, обязательные во всех своих элементах, но только для их адресата). Решения, принимаемые государствами по реализации законодательства Союза, получили название исполнительных актов. Исполнительные акты могут приниматься и органами Союза в тех сферах, где компетенция Союза не является исключительной (такие акты не имеют обязательной силы).

Конституционный договор ликвидировал «архитектуру» трех «опор» Союза, установленную в Маастрихте, в том числе ликвидировал существовавшие ранее Сообщества. В соответствии с ним предполагается создание единой институциональной структуры в составе Европейского Совета во главе с Президентом, Европейского парламента, Совета министров во главе с его Председателем, Комиссии во главе с ее Председателем, Суда, Счетной палаты, Европейского центрального банка, Консультативных органов Союза.

Из вопросов, наиболее активно обсуждавшихся при подготовке конституционного договора, можно выделить определение состава Комиссии и Парламента, а также порядок голосования в Совете. Договор установил, что первая Комиссия, которая будет назначена после вступления в силу Конституции, должна включать по одному члену на каждое из участвующих государств. Впоследствии, но не ранее 2014 г., произойдет сокращение числа членов Комиссии до цифры, равной двум третям от общего количества государств-членов Евросоюза. Максимальное число членов Европейского парламента увеличено с 736 до 750. При этом на долю каждого из государств-членов, в зависимости от численности национального населения, будет приходиться от 6 до 96 депутатских мест.

В Европейском Совете при голосовании тех вопросов, которые остались в преимущественном ведении государств, вместо принципа «единогласия» вводится принятие решений методом консенсуса (с сохранением права вето). Одновременно существенно расширяется голосование квалифицированным большинством голосов. Квалифицированное большинство должно составлять не менее 55 % от числа всех государств-членов, представляющих при этом не менее 65 % от общей численности населения Европейского Союза. Впрочем, квалифицированное большинство также будет считаться достигнутым, если против того или иного предложения проголосует менее четырех государств-членов (тем самым для крупнейших стран затрудняется задача формирования блокирующего меньшинства). Количество стран, воздержавшихся при голосовании, при подсчете учитываться не будет (это способствует достижению положительного результата при решении особо спорных вопросов). Так, если одно или несколько государств воздержатся при голосовании, то для блокирования какого-либо решения все равно потребуются не менее четырех государств, а вот большинство, достаточное для принятия решения, составит 55 % от числа стран-участниц, высказавшихся «за» или «против», и 65 % только от их суммарного населения.

Для ввода всех положений конституционного договора в силу предполагается переходный период. Но первоначально текст конституции должен быть ратифицирован всеми странами Евросоюза. Предполага-

лось, что в случае срыва ратификации хотя бы в одной стране Европейскому совету придется принимать специальное решение относительно будущего Конституции и Европейского Союза как интеграционного объединения.

11 ноября 2004 г. Литва стала первым из 25 государств-членов, где национальный парламент ратифицировал Европейскую конституцию. В конце 2004 – начале 2005 г. такое же решение приняли парламенты Венгрии, Словении, Греции, Италии, Словакии, Австрии, Германии. 12 января 2005 г. к ратификации конституционного договора призвал и Европейский парламент. Первый референдум по Европейской конституции состоялся в Испании 20 февраля 2005 г. и также принес положительный результат («за» высказались 76,73 % участников референдума, «против» – 17,24 %). Но 29 мая 2005 г. конституционный проект был отвергнут на референдуме во Франции. «Против» проголосовало 54,9 % французов, «за» – 45,1 %. При этом явка на референдуме была необычайно высокой – почти 70 % граждан. 1 июня 2005 г. на референдуме в Нидерландах против конституционного проекта проголосовало 61,6 % граждан. С учетом этих неожиданных результатов саммит Евросоюза, состоявшийся 16–17 июля 2005 г. в Брюсселе, принял решение о продлении сроков ратификации конституционного договора, но при сохранении его текста без каких-либо изменений.

Следует отметить, что провал конституционного референдума в Нидерландах не стал большой неожиданностью. Значительная часть голландцев изначально выражала опасения утратить в Единой Европе многие национальные «завоевания» в области свободы нравов. А вот реакция французской общественности стала для «еврооптимистов» настоящим шоком. Причем основания, называвшиеся французами в качестве причины голосовать против конституции, парадоксальным образом лишь подтверждают важность ее ратификации. Так, например, опасения утратить в Единой Европе социальные завоевания и открыть дорогу тотальной либерализации совершенно противостоят самому содержанию конституционного договора. Недовольство утратой внешнеполитического влияния и национальной идентичности столь же иллюзорно – не торжество, а кризис европейской интеграции будет способствовать резкому ослаблению позиций той же Франции на международной арене и нарастанию сепаратистских настроений в стране.

Еще более сомнителен главный тезис «евроскептиков» – опасность «бегства» капиталов в Восточную Европу и притока оттуда дешевой рабочей силы. Неслучайно, что в СМИ провал конституционного референдума сразу же назвали «поражением польского сантехника». Однако, в действительности, все подобные проблемы совершенно не связаны с процессом принятия конституционного договора. По условиям Экономического и валютного союза капиталы из Западной Европы уже свободно перемещаются в экономическое пространство новых стран ЕС, а через несколько лет, с окончанием переходного периода, и рабочие из Восточной Европы смогут столь же свободно предложить свои услуги на рынке труда в странах-«старожилах» ЕС. Более того, только подобное перемещение капиталов и рабочей силы, при всех неизбежных социальных издержках, способно придать новый импульс экономическому развитию Европейского Союза, поскольку приведет к общему снижению себестоимости производимых товаров и оказываемых услуг.

Нежелание общественности прислушаться к очевидным доводам в пользу конституционного процесса наглядно доказывает не кризис интеграционного процесса, а всю глубину противоречий современной политической системы в странах Запада. Голосование против конституции во Франции объединило традиционных политических соперников: антиглобалистов, троцкистов, коммунистов, националистов, ультраправых. Их пропагандистская кампания прошла под популистскими лозунгами, а поддержка со стороны значительной части граждан стала классическим протестным голосованием – самозабвенным и бесперспективным. Политическая элита убедилась в том, что ее доводы не просто не поддержаны, а вообще не услышаны. Таким образом, конституционный кризис в Европейском Союзе заставляет вновь задуматься о кризисе самой демократии в современном мире и пугах решения этой серьезнейшей проблемы.

Глава 16

Международные отношения на рубеже XX–XXI вв.

Окончание «холодной войны». С приходом к власти М. Горбачева и началом политики перестройки внешнеполитический курс СССР разительно изменился. Новое советское руководство попыталось прежде всего изменить характер отношений со своими стратегическими союзниками. В октябре 1985 г. в выступлении Горбачева на Совещании Политического комитета ОВД в Софии впервые были сформулированы новые принципы социалистического сотрудничества – развитие экономических отношений на началах взаимовыгодности и взаимопомощи, преодоление бюрократизма в деятельности структуры СЭВ, отказ СССР от роли «старшего брата» и равная ответственность членов сотрудничества за судьбы социализма. В 1986 г. на XXVII съезде КПСС эти задачи были закреплены в качестве основы советского внешнеполитического курса. Выдвинув идею «нового политического мышления», Горбачев заявлял о приоритете «общечеловеческих ценностей, а точнее – выживания человечества». Он призывал не рассматривать конфликт между социализмом и капитализмом в качестве главной проблемы современности и признать «соревнование, историческое противоборство и нарастающую взаимозависимость» двух социальных систем важным фактором общемирового развития.

С 7 апреля 1985 г. СССР в одностороннем порядке ввел мораторий на развертывание ракет средней дальности в Европе, а с 6 августа – на испытания ядерного оружия. Были возобновлены советско-американские переговоры в Женеве. Обе стороны признали взаимосвязь между стратегическими вооружениями, ракетами средней дальности и космическими вооружениями, договорились о необходимости комплексных решений в области ограничения вооружения. В частности, рассматривалась возможность значительного (на 50%) сокращения стратегических наступательных вооружений. Однако камнем преткновения стал вопрос о причислении к стратегическим вооружениям американских ракет малой и средней дальности, размещенных в Европе. Во время личной встречи Горбачева и Рейгана в Женеве в ноябре 1986 г. преодолеть разногласия по этому вопросу не удалось. Тем не менее оба лидера

заявили об отказе от стремления к военному превосходству и готовности «поставить на реальную основу» диалог между СССР и США по всем вопросам. Впервые за долгое время был подписан комплекс документов по экономическому и культурному сотрудничеству между двумя странами.

В начале 1986 г. советское правительство выступило с новой инициативой в области разоружения. В программе поэтапной ликвидации ядерного оружия к 2000 г. предлагалось на первом этапе добиться сокращения вдвое ядерных вооружений СССР и США, достигающих территории друг друга (при условии отказа сторон от создания ударных космических вооружений), а затем вовлечь в процесс разоружения другие ядерные державы. Особое значение придавалось созданию надежной системы двойного и тройного контроля над уничтожаемыми и ограничиваемыми вооружениями, включая инспекции на местах. Все эти предложения обсуждались на встрече Горбачева и Рейгана в октябре 1986 г. в Рейкьявике. Советская сторона предложила в одном пакете решить вопросы о сокращении стратегических вооружений на 50 %, уничтожении советских и американских ракет средней дальности в Европе, создании надежных систем взаимного контроля над разоружением и полномасштабного соблюдения договора по ПРО. Однако Рейган заявил о неготовности США отказаться от «стратегической оборонной инициативы». Переговоры оказались фактически сорваны.

В начале декабря 1986 г. советское правительство очень жестко отреагировало на ввод в строй в составе американских ВВС 131-го тяжелого бомбардировщика с крылатыми ракетами (что нарушало квоты по договору ОСВ-2), а также на заявления американской администрации об отказе рассматривать ограничение всех классов ядерных ракет в «одном пакете». Тем не менее Горбачев сделал ставку на продолжение политики разоружения. В феврале 1987 г. СССР согласился выделить проблему ракет средней дальности в Европе как вопрос отдельного соглашения, фактически согласившись с американским «нулевым вариантом». Это позволило возобновить советско-американский диалог. Одновременно советская дипломатия инициировала начало переговоров между блоками ОВД и НАТО о возможности ввода моратория на увеличение военных расходов. Несмотря на отказ стран НАТО от подобного шага, в мае 1987 г. на заседании Политического комитета ОВД была принята новая военная доктрина организации, построенная на принципах оборонительной политики и безусловной ориентации на процесс разоружения.

Действия советской дипломатии вызывали очень благоприятную реакцию на Западе. Быстро росла личная популярность Горбачева, а его политика перестройки начала восприниматься как действительно глубокий реформаторский курс, способный положить конец «холодной войне». Со своей стороны американская администрация постепенно приходила к выводу о целесообразности проведения более гибкой политики в отношении СССР с тем, чтобы укрепить позиции нового руководства КПСС и не допустить свертывания перестроенных реформ. Сторонниками такого курса в окружении президента Рейгана были Дж. Шульц, Ф. Карлуччи, Дж. Буш.

На протяжении всего 1987 г. происходили интенсивные переговоры между государственным секретарем Дж. Шульцем и министром ино-

странных дел Э.Шеварнадзе, в ходе которых удалось подготовить отдельное соглашение по сокращению ракет малой и средней дальности. При этом советская сторона согласилась не увязывать это решение с судьбой французских и британских ядерных вооружений. В ходе визита Горбачева в Вашингтон в декабре 1987 г. был подписан «Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности» (РСМД). Это соглашение предусматривало уничтожение в течение трех лет 1596 ракет средней дальности (920 советских ракет РСД-10, Р-12 и Р-14 и 676 американских ракет «Першинг-2» и BGM-109G) и 1096 ракет меньшей дальности (926 советских ракет ОТР-22 и ОТР-23 и 170 американских ракет «Першинг-1 А»). Речь шла всего о 4 % ядерного потенциала «сверхдержав», но это были вооружения, представлявшие огромную опасность для СССР и европейских союзников США. Кроме того, предусматривались беспрецедентные меры по контролю над соблюдением договора, в том числе регулярные инспекции на заводах, расположенных на территории США, СССР и их союзников. Были достигнуты и договоренности о продолжении переговоров по стратегическим вооружениям.

В преддверии визита президента Рейгана в Москву, в ходе которого планировался обмен ратификационными грамотами Договора по РСМД, советское правительство решило снять некоторые из наиболее болезненных вопросов, препятствующих налаживанию политического диалога с Западом. В СССР прекратились преследования диссидентов, были смягчены условия эмиграции евреев и немцев. В апреле 1988 г. в Женеве состоялись афгано-пакистанские переговоры о путях национального примирения. В связи с этим между правительствами СССР и Афганистана была достигнута договоренность о поэтапном выводе советских войск, который завершился 15 февраля 1989 г. Все эти шаги способствовали дальнейшей нормализации советско-американских отношений. Прошедший с 29 мая по 2 июня 1988 г. визит Рейгана в Москву стал прелюдией к окончанию «холодной войны». В ходе его состоялись конструктивные переговоры по широкому кругу проблем, в том числе были урегулированы вопросы о проведении инспекций по условиям Договора по РСМД, принято решение о развитии диалога в области прав человека и глобальных проблем современности. Был выработан и совместный проект договора по сокращению стратегических наступательных вооружений, предусматривавший суммарный потолок стратегических носителей в 1600 единиц и 6000 ядерных зарядов на этих носителях, в том числе развертывание на баллистических ракетах не более 4900 боеголовок (что означало сокращение этого вида вооружений для США на 38 %, а для СССР на 50 %). Однако по поводу ракет морского базирования, по которым США имели существенный перевес, а также по принципам соблюдения договора по ПРО договориться не удалось.

Выступая 7 декабря 1988 г. на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Горбачев заявил о необходимости решительного отказа от применения силы в решении международных вопросов, о признании свободы выбора путей развития для всех народов, многовариантности социального прогресса в современном мире при ключевой роли общечеловеческих ценностей и принципов коллективной безопасности. В одностороннем порядке СССР принял решение о существенном сокращении

обычных вооружений, сокращении численного состава вооруженных сил на 500 тыс. чел., а также частичном выводе танковых дивизий с территории ГДР, Чехословакии и Венгрии.

Курс на разоружение и дальнейшее укрепление взаимоотношений двух «сверхдержав» поддержал и Джордж Буш, победивший на президентских выборах в США в ноябре 1988 г. Впрочем, в своей инаугурационной речи Буш весьма недвусмысленно заявил о том, что сближение с СССР пока «отражает победу надежды и силы над жизненным опытом», а также напрямую связано со стремлением обеспечить торжество демократии во всем мире. «Подул свежий ветер, и мир, вдохнувший свободы, кажется возродившимся», рассуждал американский президент. – Если не в реальности, то в человеческом сердце дни диктатуры сочтены. Эра тоталитаризма уходит. Понимая политическую зависимость Горбачева от успехов на международной арене и его готовность идти на все большие уступки, Буш не форсировал подготовку новых советско-американских соглашений. Лишь летом 1989 г. он официально заявил о преобладании курса на разрядку и готовности продолжить диалог на высшем уровне.

Личная встреча Горбачева и Буша состоялась 2–3 декабря 1989 г. на Мальте. На ней были лишь подтверждены предыдущие договоренности о подготовке договора о 50%-ном сокращении стратегических наступательных вооружений, многосторонних соглашений по сокращению обычных вооружений в Европе и ликвидации химического оружия. Но политический эффект этого совещания оказался чрезвычайно велик. Встреча на Мальте пропагандировалась как торжество «нового политического мышления» и завершение эпохи «холодной войны». Горбачев приурочил к ее проведению очень эффективные внешнеполитические акции: 1 декабря он посетил папу римского Иоанна Павла II и заявил о гарантированности в СССР свободы религий, а 4 декабря советское правительство официально выразило сожаление по поводу вторжения войск ОВД в Чехословакию в 1968 г. «За кулисами» переговоров на Мальте американской дипломатии удалось добиться очень серьезной победы – Горбачев фактически признал отказ СССР от противостояния с США в региональной политике, в том числе прекращение поставок советского оружия в Центральную Америку и Африку. Было также заявлено о предстоящей переориентации ОВД с военных на сугубо политические, консультативные функции и о готовности СССР «конструктивно» участвовать в решении вопроса об объединении Германии.

С 30 мая по 4 июня 1990 г. состоялся триумфальный визит Горбачева в США. Советский лидер находился в зените политической славы. Западная общественность видела в нем символ самых неожиданных и волнующих перемен. Только во время одного этого визита Горбачеву были вручены «Медаль свободы им. Франклина Рузвельта», «Премия мира Альберта Эйнштейна», почетная премия «Исторический деятель» от влиятельной религиозной организации «Фонд призывов совести», Международная Премия мира имени Мартина Лютера Kinga. Сам Горбачев искусно использовал имидж «отца перестройки» и настойчиво пытался разрушить стереотипное представление об СССР как «империи зла». Огромное значение он придавал развертыванию полномасштабного гуманитарного и экономического сотрудничества между СССР и странами Запада. На Вашингтонских переговорах было подписано 24 до-

кумента по самым различным аспектам советско-американских отношений, в том числе Соглашение об уничтожении и непроизводстве химического оружия. Было принято и решение об ускорении подготовки договора по стратегическим наступательным вооружениям (СНВ-1). Это документ был подписан уже в июле 1991 г. в Москве и вступил в силу 5 декабря 1994 г. Он предусматривал сокращение всех видов стратегического наступательного оружия (межконтинентальных баллистических ракет наземного базирования, баллистических ракет подводных лодок, тяжелых бомбардировщиков, а также ядерных крылатых ракет морского базирования большой дальности) в течение семи лет до уровня 1600 носителей и 6000 числящихся за ними боезарядов. Между участниками Договора была установлена система взаимных уведомлений, мер доверия и инспекций.

В 1988–1989 гг. советская дипломатия активизировала усилия и по налаживанию политического диалога со странами Западной Европы. Предполагалось ускорить переговоры по сокращению обычных вооружений, преодолеть геополитическое противостояние стран ОВД и НАТО, сделать новые шаги по сближению позиций в области прав человека. Важным фактором в налаживании этого диалога являлось сотрудничество СССР с Советом Европы.

В годы «холодной войны» политическое влияние Совета Европы оставалось достаточно ограниченным. Разработка и принятие базовых документов Совета Европы в области защиты прав человека (Конвенция по правам человека 1950 г., Социальная Хартия Европы 1961 г., Европейская культурная конвенция 1954 г.) сыграли большую роль в развитии международного права, но их реализация полностью оставалась в компетенции государств. С 1984 г. с избранием на пост Генерального секретаря известного испанского политика Марселино Ореха Агирре в истории Совета Европы начался наиболее интенсивный и значимый период.

На заседании Парламентской Ассамблеи Совета Европы в апреле 1985 г. была поставлена задача превратить культурное сотрудничество, «политику европейской идентичности» в основное средство сближения Запада и Востока. Причем ставка была сделана не столько на межгосударственное сотрудничество, сколько на гражданские инициативы и развитие институтов местной демократии. Большую роль сыграло принятие в 1985 г. Европейской Хартии местного самоуправления, которая органично дополнила Европейскую рамочную Конвенцию о трансграничном сотрудничестве (1980). В русле той же политики впоследствии были приняты Европейская хартия городов, Европейская хартия региональных языков и языковых меньшинств, Хартия об участии молодежи в жизни муниципальных и региональных образований, Европейская Конвенция о трансграничном телевидении. В 1988 г. был основан Европейский Фонд «Евроимиджи», предназначенный для развития совместного производства и распространения европейской аудиовизуальной и кинематографической продукции. Подобные меры позволили существенно изменить умонастроения в обществе, дать толчок для развития разнообразных неформальных контактов граждан самых различных стран в том числе и социалистических. Для упрочения таких связей Комитет министров Совета Европы в 1987 г. принял специальную директиву об отношениях со странами Восточной Европы, пока не входящими официально в состав организации.

В 1988 г. Парламентская ассамблея провела обсуждение темы «Общая политика Совета Европы – отношения между Востоком и Западом». Участники форума заявили о том, что, будучи свободным от блоковой солидарности и полномочий по принятию внешнеполитических решений, Совет Европы оказался наиболее эффективной международной организацией для развертывания общеевропейского диалога, «европейского строительства в самом широком смысле». Советская дипломатия активно поддержала эту инициативу. Когда в мае 1989 г. специальным решением Парламентской ассамблеи был введен особый статус «специального приглашенного» (для стран, не являющихся членами Совета Европы), последние препятствия для начала официального сотрудничества были сняты. 6 июля 1989 г. в Страсбурге состоялось торжественное выступление М. Горбачева, выдвинувшего идею «общего европейского дома». Советский лидер заявил о том, что «СССР и США являются естественными составляющими международной и политической структуры в Европе», но разделение континента на сферы влияния и буферные зоны безнадежно устарело. Горбачев призвал полностью перестроить континентальную политико-правовую систему, положив в ее основу общеевропейские ценности, заменив «геополитическое равновесие равновесием интересов» и в перспективе создав «широкое экономическое пространство от Атлантики до Урала». Он признал исключительную важность сотрудничества в области прав человека и «политики европейской идентичности», а также предложил использовать формулу хельсинкского процесса (СБСЕ) для объединения усилий всех стран Европы.

В течение нескольких месяцев, пока шла подготовка общеевропейского форума, политическая обстановка в мире разительно изменилась. По всем восточноевропейским странам прокатилась волна «бархатных революций», уничтоживших социалистический строй. Национал-либеральные движения пришли к власти даже в советских прибалтийских республиках. Но особое значение для Европы имели события в Германии. На волне широкого общественного движения к власти в ГДР пришли представители внутрипартийной оппозиции. Начался развал коммунистического режима, на фоне которого происходило быстрое сближение двух немецких государств. Канцлер Г. Коль активно поддерживал этот процесс. После победы демократических партий на выборах в ГДР в марте 1990 г. дорога к объединению Германии была открыта, но вопрос требовал и международного урегулирования.

Определение международно-правовой формулы объединения Германии стало предметом переговоров по формуле «2 + 4» (ФРГ, ГДР и держав-победительниц Второй мировой войны – США, СССР, Великобритания, Франция). Они начались в мае 1990 г. Несмотря на сдержанную позицию британского и французского руководства, участники переговоров подтвердили право немецкого народа на самоопределение. Важную роль сыграло решение Горбачева передать на усмотрение руководства объединенной Германии вопрос о принадлежности страны к военным и экономическим блокам, ускорить вывод советской группы войск из ГДР. Впрочем, о своем согласии на объединение Германии путем присоединения территории ГДР к ФРГ Горбачев сообщил Коль еще на секретных переговорах 10 февраля 1990 г.

12 сентября 1990 г. участниками переговоров по формуле «2 + 4» был подписан «Договор об окончательном урегулировании в отноше-

нии Германии», завершивший послевоенную правовую реабилитацию Германии. Статья 1 договора устанавливала неизбежность послевоенных границ Германии, ст. 2–3 посвящались запрету производства, владения и распоряжения ФРГ оружием массового уничтожения. В соответствии с договором Германия должна была сократить свои вооруженные силы до согласованного предела и строго придерживаться требования, чтобы с ее земли «исходил только мир». В ст. 4–5 регулировались вопросы пребывания советских войск на территории Восточной Германии до 1994 г. и порядок их вывода. 3 октября 1990 г. ГДР перестала существовать.

В ноябре 1990 г. в Париже впервые за 15 лет после хельсинкской встречи собрались главы государств и правительств 32 европейских стран, США и Канады. Предыдущие саммиты СБСЕ (Белградский 1977–1978 гг., Мадридский 1980–1983 гг., Стокгольмский 1984 г., Венский 1986 г. и др.) носили лишь консультативный характер и были посвящены выработке дополнительных мер по обеспечению международной безопасности. На Парижской конференции было подписано несколько договоров, призванных радикально изменить политическое развитие Европы. Основным документом конференции получил красноречивое название «Парижская хартия для новой Европы». На его страницах было заявлено об окончании «эры конфронтации и раскола» и начале «новой эпохи демократии, мира и единства». В Хартии подтверждались принципы Заключительного акта СБСЕ, формулировались основные права и свободы человека, раскрывалось понятие демократии как формы правления, неразрывно связанной с верховенством закона и уважением к человеческой личности, подчеркивалась значимость экономической свободы и социальной ответственности в прогрессе общества, безусловная приверженность идеалам мира и безопасности. В разделе «Ориентиры на будущее» раскрывались основные направления международного сотрудничества в сфере экономического сотрудничества, безопасности, экологии, культуры, проблем иммиграции, политического урегулирования в Средиземноморском регионе (в рамках диалог «Север–Юг»). Особая значимость придавалась «человеческому измерению» – защите этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности, борьбе против любых форм расовой и этнической ненависти, обеспечению свободы передвижения и контактов между людьми. Кроме того, было решено институционализировать процесс СБСЕ, для чего создавался трехступенчатый механизм политических консультаций: встречи на высшем уровне, Совет министров иностранных дел (СМИД), Комитет старших должностных лиц (КСДЛ). Окончательное обсуждение вопроса о создании новой международной организации должен был состояться в Хельсинки в 1992 г.

Помимо «Хартии для новой Европы» на Парижской конференции был заключен Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ОВСЕ), основанный на признании равенства сил двух военно-политических блоков. В соответствии с ним для всех государств-участников устанавливались общие пределы количества обычных вооружений и техники (40 тыс. боевых танков, 60 тыс. боевых бронированных машин, 40 тыс. артиллерийских единиц, 13,6 тыс. боевых самолетов и 4 тыс. ударных вертолетов), конкретизировались условия сосредоточения войск и техники, оговаривались процедуры взаимного контроля и консультирова-

ния. При этом оговаривалось, что по истечении 40 месяцев в пределах региона применения (от Атлантики до Урала) ни одно государство-участник не должно иметь больше чем треть от установленного общего предела вооружений. В дополнение к Договору по ОВСЕ 22 государства НАТО и ОВД приняли политическую декларацию, где заявляли о своей приверженности принципам ООН и СБСЕ, готовности поддерживать систему международной безопасности и использовать военный потенциал лишь в целях обороны.

Парижская конференция 1990 г. по праву могла бы стать стала символом завершения «холодной войны». Ее решения не устранили многочисленные противоречия на международной арене, но создали политико-правовую основу для реорганизации всей системы международных отношений. «Хартия для новой Европы» закрепила либерально-демократические ценности как всеобщие, подлежащие международным гарантиям и не связанные со спецификой той или иной социальной системы. Институционализация процесса СБСЕ вела к формированию новой влиятельной международной организации, принимавшей на себя ответственность по постоянному мониторингу проблем прав человека и координации демократических преобразований в странах Европы. Договор по ОВСЕ был заключен бессрочно и позволил впервые распространить механизм международного контроля на сферу обычных вооружений. Однако параллельно развивались события, которые привели к еще более радикальной ломке всей системы международных отношений. Смена политических режимов в восточноевропейских странах привела к стремительному распаду советского блока. В июне 1990 г. на встрече на высшем уровне в Москве было достигнуто соглашение об отказе от военных функций ОВД и сохранении его в роли консультативной организации. Весной 1991 г. состоялся официальный роспуск СЭВ, а в июле 1991 г. официально прекратил свое существование и ОВД. Вместо создания «общего европейского дома» актуальной перспективой стало расширение границ Европейского Союза и НАТО на восток континента. Сам Советский Союз быстро втягивался в острейший политический кризис. После событий «августовского путча» советский режим оказался обречен. К концу 1991 г. распад СССР завершился. На постсоветском пространстве образовались суверенные государства, вставшие на путь сложных социальных преобразований. Тем самым, на международной арене осталась лишь одна «сверхдержава». Биполярный мировой порядок оказался разрушен.

Pax Americana: мир по-американски. Победа США в «холодной войне» в равной степени оказалась как результатом долговременной стратегии, направленной на «разрыхление» советского военно-политического блока и изматывание противника в гонке вооружений, так и следствием глубочайших внутренних противоречий социалистической системы. Столь стремительное исчезновение «потенциального противника» с политической карты мира оказалось неожиданным для американского руководства. Тем не менее уже в сентябре 1990 г. президент Буш заявил в Конгрессе о необходимости формирования новой глобальной стратегии. Помимо прекращения «холодной войны» было необходимо осмыслить и перспективы ускорившегося европейского интегра-

ционного процесса, выработать новые принципы взаимоотношений с союзниками по Североатлантическому альянсу.

Еще в преддверии прихода Дж. Буша на пост президента США внутри НАТО начал назревать серьезный кризис. Поводом послужил проект размещения в Европе модернизированных установок ракет «Лэнс». Советское руководство призвало страны НАТО отказаться от этого шага, пообещав в одностороннем порядке сократить 550 ракет ближнего радиуса действия и в дальнейшем заключить отдельный договор, позволяющий вообще уничтожить ракеты такого класса. Правительства ФРГ, Бельгии, Нидерландов, Италии поддержали советское предложение. Однако администрация США при поддержке остальных стран НАТО заняла жесткую позицию. На Брюссельской сессии НАТО в мае 1989 г. американское руководство попыталось перевести дискуссию со своими союзниками в иное русло. Буш призвал своих союзников сконцентрировать внимание на венских переговорах по сокращению обычных вооружений, в том числе поставив задачу добиться сокращения военных контингентов США и СССР, размещенных в Европе, до 275 тыс. чел. с каждой стороны. А в мае 1990 г. вопрос о модернизации ракет «Лэнс» вообще был отложен на неопределенный срок в качестве «уступки» СССР на переговорах об объединении Германии. Кризис внутри НАТО был преодолен, но необходимость пересмотра политической стратегии, военной концепции и принципов взаимоотношения членов Североатлантического альянса была очевидной. Этому вопросу была посвящена Лондонская сессия Политического Совета НАТО на высшем уровне в июле 1990 г.

В преддверии Лондонской сессии НАТО стало известно, что страны ОВД пришли к решению об отказе от военных функций своей организации и сохранении ее в качестве консультативной. С учетом явной прозападной ориентации новых демократических режимов Центральной и Восточной Европы Политический Совет НАТО принял решение сосредоточить усилия на политических, а не военных мерах по укреплению европейской безопасности. В декларации, принятой по итогам сессии, было заявлено об отказе НАТО от «образа врага» и концепции «обороны на передовых рубежах», снижении роли ядерного сдерживания, готовности к серьезному сокращению обычных вооружений. Страны НАТО консолидированно приняли участие в Парижской конференции в ноябре 1990 г., а в июне 1991 г. на Копенгагенской сессии министров иностранных дел стран НАТО было принято заявление «Партнерство со странами Центральной и Восточной Европы». «Наша безопасность может быть лучше всего обеспечена посредством дальнейшего развития системы взаимосвязанных учреждений и отношений, в которых НАТО, процесс европейской интеграции и СБСЕ являются ключевыми элементами», – утверждалось в этом заявлении. Молодые демократические страны недвусмысленно приглашались к такому сотрудничеству.

В ходе Римской сессии Политического Совета в ноябре 1991 г. по предложению США была принята новая стратегическая концепция НАТО. В ней подтверждалась основная цель альянса, изложенная в Вашингтонском договоре 1949 г.: защита свободы и безопасности всех членов НАТО политическими и военными средствами согласно принципам Устава ООН. Подчеркивалось, что «НАТО олицетворяет трансат-

лантическую связь, посредством которой безопасность Северной Америки на постоянной основе сопряжена с безопасностью Европы». Для активного привлечения бывших членов ОВД к сотрудничеству в вопросах построения новой системы безопасности Европы планировалось создать Совет Североатлантического Сотрудничества (ССАС) и проводить ежегодные встречи на уровне министров иностранных дел. Целесообразность дальнейшего пребывания американских войск в Европе, тем не менее, сомнению не подвергалась, равно как и необходимость сохранения ядерных сил на территории Европы.

Новая стратегическая концепция НАТО устанавливала сугубо оборонительные задачи альянса в военном отношении. Вместо концепции «обороны на передовых рубежах» с использованием ядерного оружия акцент переносился на сбалансированное развитие всей инфраструктуры НАТО и ее модернизацию. Основными политическими задачами альянса были объявлены борьба против терроризма, распространения оружия массового уничтожения, наркоторговли и нестабильности на пространстве бывшего советского блока. Эти проблемы предстояло решать в тесной взаимосвязи с СБСЕ, ЕС, ЗЕС и Советом Европы. Усилению военно-политической организации ЗЕС, которая могла бы стать основой системы безопасности в рамках формирующегося Европейского Союза, придавалось особое значение. Этот подход был закреплён и в Маастрихтском договоре. Но об ослаблении роли НАТО в Европе речь не шла. На сессии Политического Совета НАТО в Осло в июне 1992 г. было однозначно заявлено о том, что «для процесса мирных перемен в Европе необходим сильный и динамичный Североатлантический союз».

В ноябре 1991 г. было принято решение о реформировании структуры НАТО. В рамках новой структуры командования альянса с трех до двух сокращалось число главных командований вооруженных сил (были оставлены европейское и атлантическое, а «командование в районе Ла-Манша» вошло в состав первого). В составе европейского командования были образованы три подчиненных командования, отвечающих за возможное ведение боевых действий в южных, центральных и северо-западных районах Европы. 20 декабря 1991 г. был создан Совет Североатлантического Сотрудничества (ССАС). В эту организацию вошли министры иностранных дел стран НАТО, ряда бывших членов ОВД (Болгарии, Румынии, Венгрии, Польши), а также прибалтийских государств. В марте 1992 г. в ССАС вступили некоторые бывшие республики СССР, а также Чехия и Словакия.

Реформа НАТО создала условия для дальнейшего усиления политической роли этой организации и ее расширения «на восток». Но для администрации Буша это не являлось первоочередной задачей. Сохранение России в качестве мощной ядерной державы не позволяло игнорировать ее интересы на постсоветском пространстве. К тому же для США было важно заручиться согласием России строго придерживаться прежних советско-американских договоренностей, а также укрепить проамериканские настроения среди новой российской политической элиты. В ходе визита Б.Ельцина в США 31 января – 1 февраля 1992 г. была подписана «Декларация президентов России и США», в которой констатировалось, что стороны не рассматривают друг друга в качестве противников и что их отношения «характеризуются дружбой и партнер-

ством, основанными на взаимном доверии, уважении и общей приверженности демократии и экономической свободе».

В ходе еще одного визита Ельцина в США в июне 1992 г. были согласованы принципы сотрудничества двух стран, направленного на поддержку реформ в России. Они были закреплены в «Хартии российско-американского партнерства и дружбы» и касались сферы безопасности, военно-политических вопросов, торгово-экономических связей, региональных проблем, гуманитарной и транснациональной проблематики. Еще до подписания этого договора президент Буш объявил о программе экономической помощи России и другим государствам СНГ, которая включала взносы США (порядка 3 млрд долл.) в международные фонды реформирования российской экономики, выделение России дополнительных кредитных гарантий под закупку зерна, увеличение взноса США в МВФ на 12 млрд долл., что должно было расширить возможности России для получения кредитов в этом фонде. В последующие годы сотрудничество между США и Россией в экономической и гуманитарной сфере развивалось весьма интенсивно.

Осенью 1992 г. Россией и США был ратифицирован договор СНВ-1 и начаты консультации по подготовке новых шагов по разоружению. США взяли на себя обязательства по финансовой и технической помощи России в безопасном уничтожении ядерных боеприпасов. Со своей стороны Россия поддержала инициативу Буша по обеспечению международного порядка нераспространения оружия массового уничтожения и ракетной технологии. Были даже предприняты попытки совместно разработать концепцию глобальной системы защиты (ГСЗ), однако в этом вопросе вновь камнем преткновения стал отказ американцев от полномасштабного соблюдения принципов договора по ПРО.

Несмотря на поражение на выборах в конце 1992 г. Буш предпринял в последние месяцы своего пребывания у власти новые важные шаги в области разоружения. В январе 1993 г. в Париже завершилась работа Конференции по разоружению и была подписана «Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожения». Одновременно лидерами США и России был подписан «Договор о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений» (СНВ-2). В соответствии с ним предполагалось до 1 января 2003 г. сократить суммарное количество их ядерных боезарядов до 3000–3500 единиц для каждой из сторон или до еще более низкого уровня (что означало сокращение ядерных арсеналов примерно на две трети). В дальнейшем Договор СНВ-2 был ратифицирован только Российской Федерацией (6 мая 2000 г.), а потому не вступил в силу.

Активные действия руководства США по налаживанию стабильных отношений с Россией и продолжению политики разоружения отнюдь не свидетельствовали о стремлении сохранить принцип биполярности в международных отношениях. Напротив, американская внешнеполитическая стратегия быстро переориентировалась на формирование модели «однополярного мира». И в этом плане ключевое значение приобрела региональная политика, осуществляемая вне прямой зависимости от отношений с Россией или союзниками по НАТО. Подобная тенденция стала формироваться еще в период президентства Рейгана, когда США перешли к проведению жестких и даже демонстративных

акций в странах «третьего мира». В 1986 г. несмотря на заметное потепление международной обстановки, администрация США санкционировала проведение беспрецедентной военной, а точнее карательной операции. 15 апреля американские ВВС подвергли бомбардировке военные базы близ столицы Ливии, а также штаб-квартиру ливийского лидера М. Каддафи. Ливию с этого времени начали рассматривать в Вашингтоне в качестве «государства-изгоя», олицетворяющего «новые угрозы» мировой демократии. Характерно, что бомбардировка Триполи стала первой акцией, организованной с расчетом эффектного показа в телевизионном эфире.

В 1987 г. США впервые открыто вмешались в конфликт в зоне Персидского залива. Американский ВМФ начал сопровождать кувейтские танкеры, перевозившие иракскую нефть и подвергавшиеся атакам иранской авиации и кораблей. Активизировалась и политика США в Центральной Америке. После нескольких неудачных попыток свергнуть панамского диктатора генерала Норьега США предприняли в 1989 г. прямое вторжение в Панаму. Норьега был обвинен в покровительстве наркоторговцам. Во время встречи на Мальте, затем во время встречи на высшем уровне в Вашингтоне в 1990 г. Буш добился от Горбачева прекращения поставок советского оружия в Никарагуа. В 1990 г. сандинисты были вынуждены смириться с проведением свободных выборов, что предопределило падение их режима. Сразу же после распада СССР Буш добился от российского президента Ельцина прекращения и военных поставок на Кубу. «Остров свободы» превратился в настоящую осажденную крепость. Кубинское руководство было вынуждено ускорить вывод своего контингента из Анголы (окончательно кубинцы ушли из Анголы в 1991 г.). В 1991 г. рухнул и коммунистический режим в Эфиопии.

В 1990 г. в зоне Персидского залива возник острейший военно-политический кризис, сыгравший большую роль в закреплении новой внешнеполитической стратегии США. 18 июля 1990 г. иракский лидер Саддам Хусейн обвинил Кувейт в присвоении иракской нефти из приграничного месторождения и нежелании списать в связи с этим иракский долг и заплатить Багдаду 2,5 млрд долл. в качестве «компенсации». 2 августа 1990 г. Саддам Хусейн заявил о победе в Кувейте «революции» и вводе в эту страну иракских войск по просьбе «свободного временного правительства». В действительности Кувейт был фактически аннексирован. Захватив кувейтскую нефть, Саддам Хусейн пытался избежать краха иракской экономики, истощенной восьмилетней войной с Ираном, а также реализовать свои амбиции лидера арабского мира. Но Ирак оказался в международной изоляции. Уже 2 августа Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 660 о немедленном и безоговорочном выводе иракских войск с территории Кувейта. Эта резолюция признавала правомерным применение вооруженных сил против иракской агрессии на основании ст. 51 Устава ООН о праве на индивидуальную и коллективную самооборону. Однако обращает на себя внимание тот факт, что после принятия резолюции Совет Безопасности так и не предпринял необходимых шагов по организации военной операции под эгидой ООН, предусмотренных ст. 42, 43 и 44 Устава ООН. Дальнейшее развитие событий было инициировано именно администрацией США.

2 августа США, Великобритания и Франция арестовали активы Ирака в своих банках. На поставки оружия в Ирак было введено

международное эмбарго. 6 августа иракское правительство заявило о присоединении Кувейта к своей стране, а на следующий день Саддам Хусейн сделал заявление, в котором поклялся «вырвать глаза тем, кто нападает на арабскую нацию». Он явно надеялся придать конфликту характер столкновения арабского мира с Западом. Но эта попытка не увенчалась успехом. В тот же день 7 августа президент Буш, получив согласие от короля Саудовской Аравии Фахда, отдал приказ о развертывании в этой стране военного контингента под командованием генерала Нормана Шварцкопфа. Вместе с Шварцкопфом совместное командование возглавил принц Халид бин Султан эль-Саид. Так началась операция «Щит пустыни», официально призванная защитить территорию Саудовской Аравии от иракской агрессии.

9 августа Ирак официально закрыл свои границы, а 10 августа 12 из 21 члена Лиги арабских государств приняли резолюцию, осуждающую вторжение Ирака и аннексию Кувейта. В этой же резолюции выражалось согласие ЛАГ послать арабские войска в Саудовскую Аравию вместе с войсками многонациональной коалиции. Ливия и Организация освобождения Палестины голосовали против этой резолюции. Йемен и Алжир воздержались, Иордания, Судан и Мавритания сформулировали свои «особые» условия и оговорки. Это стало дипломатическим поражением Саддама Хусейна. 19 августа он выступил с «мирными инициативами», заявив о задержании иностранных граждан в Ираке до отмены санкций ООН. В дальнейшем иностранцы были объявлены «заложниками» и распределены по всем важным объектам, чтобы не допустить бомбовых или ракетных ударов. Однако эта мера лишь способствовала расширению антииракской коалиции. К действиям США в районе Персидского залива присоединились 28 государств. Израиль формально не вошел в коалицию, чтобы не провоцировать недовольство арабских стран. СССР примкнул к коалиции, однако в дальнейшем попытался играть роль посредника. Между тем создание антииракской коалиции под руководством США прямо противоречило Уставу ООН, требующему для проведения подобных операций заключения особого соглашения с членами ООН о передаче в распоряжение Совета Безопасности необходимых вооруженных сил.

К ноябрю 1990 г. вдоль границы с Ираком и Кувейтом был сосредоточен 230-тысячный контингент коалиции. Численность иракских войск в Кувейте составила 700 тыс. чел. 29 ноября Совет Безопасности ООН предъявил Хусейну ультиматум: если до 15 января иракские войска не будут выведены из Кувейта, то международный экспедиционный корпус в Саудовской Аравии получит разрешение применить против Ирака силу. Саддам Хусейн в ответ пригрозил нанести удары по Израилю и Саудовской Аравии баллистическими ракетами СКАД советского производства. По истечении срока ультиматума 17 января 1991 г. страны коалиции начали операцию «Буря в пустыне».

Бомбардировки и ракетные удары сразу же подавили иракскую авиацию и уничтожили большую часть военных объектов Ирака. Ответные запуски СКАДов не принесли иракцам успеха. К 21 января авиация многонациональных сил совершила уже более 7 тысяч вылетов, потеряв всего семь самолетов. Вечером 24 января войска коалиции перешли границу. План операции предусматривал одновременно наступление с трех направлений: с запада в направлении реки Евфрат, на централь-

ном 400-километровом участке фронта и непосредственно в Кувейте. Иракская армия не смогла оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Уже 28 февраля ее части, расположенные на юге страны, перестали существовать как организованная военная сила. Но войска коалиции не стали продолжать преследование противника. 2 марта 1991 г. Совет безопасности ООН принял резолюция № 686, предписывающую Ираку отказаться от аннексии Кувейта, компенсировать все убытки, принесенные оккупацией. Ирак принял эти условия, и 11 апреля Организация Объединенных Наций объявила о прекращении военных действий. Вместо войск коалиции в юго-восточные районы Ирака были введены полторы тысячи «голубых касок» ООН. Всего за время этой войны погибли 343 солдата коалиции и более 100 тыс. иракцев.

Эйфория после «войны в Заливе» заставила американское руководство ускорить разработку новой глобальной внешнеполитической стратегии. В январе 1992 г. Буш сформулировал ее принципы, заявив, что после окончания «холодной войны» мир оказался в условиях еще большей дестабилизации. Основными «угрозами» были названы экологические и миграционные проблемы, распространение наркотиков и оружия. Причем особый акцент делался на роли «государств-изгоев», якобы являвшихся «очагами» всех возможных «угроз». К числу таких государств были отнесены Ирак, Иран, Ливия, Северная Корея, Куба. Буш считал, что борьба с «государствами-изгоями» требует использования всех доступных методов, включая военные. На 47-й сессии Генеральной Ассамблеи 21 сентября 1992 г. он заявил о стремлении активизировать американское участие в миротворческих операциях ООН, хотя, как показали события «войны в Заливе», США стремились действовать прежде всего самостоятельно. Как вполне искренно писал впоследствии Буш в своих мемуарах: «Мы просто обязаны вести за собой... Мы должны обеспечить предсказуемость и стабильность в международных отношениях. Ведь мы – единственная держава, имеющая необходимые ресурсы и репутацию... Если Соединенные Штаты не поведут за собой, в мире не будет руководства».

Приход к власти администрации Б.Клинтона привнес новые акценты во внешнеполитическую стратегию США. В течение первых двух лет основные усилия американского руководства были направлены на активизацию внутренней политики, использование так называемого «мирного дивиденда», полученного в результате сокращения военных расходов после окончания «холодной войны». Непоследовательные и неподготовленные попытки сохранить внешнеполитическую активность приводили лишь к скандальным провалам. Так, в 1993 г. высадка американских «миротворческих» сил в столице Сомали Могадишо привела к гибели 18 десантников и быстротечному сворачиванию всей операции. В 1994 г. во многом под влиянием американской позиции Совет Безопасности ООН отказался от своевременного вмешательства в этнический конфликт в Руанде, где в результате геноцида погибли сотни тысяч человек. В тот же период американская дипломатия занимала достаточно невнятную позицию в отношении этнического конфликта в Боснии и Герцеговине. В 1993 г. американскому руководству не удалось предотвратить отказ России от ратификации договора СНВ-2, и тогда же в российско-американских отношениях произошел первый серьезный политический кризис. Поводом к нему стало заключение

российско-индийского контракта о поставках в Индию ракетных двигателей. Для преодоления кризиса США пришлось пойти на значительные уступки, в том числе принятие в декабре 1993 г. «Билля дружбы» – акта, направленного на поддержку реформ в постсоветских государствах и, в частности, снимающего многие ограничения на доступ России к американскому рынку высоких технологий.

Перелом во внешней политике администрации Клинтона произошел в 1995 г. Именно в этот период началась интенсивная разработка новой внешнеполитической стратегии, уже совершенно не связанной с традициями эпохи «холодной войны» и обращенной на перспективу. В Декларации «Стратегия вовлечения и демократического расширения», обнародованной в 1995 г., Клинтон напрямую связал принципы национальной безопасности с укреплением позиций демократии во всем мире и обеспечением «устойчивого развития». Президентский Совет по устойчивому развитию был создан в США еще в 1993 г. после международного саммита в Рио-де-Жанейро, посвященного проблемам окружающей среды. К 1995–1996 гг. понятие «устойчивое развитие» превратилось в основной лейтмотив официального курса американского руководства, позволявший тесно связать задачи внутренней и внешней политики.

Сама идея глобальной стратегии устойчивого развития возникла в связи с осмыслением радикальных геополитических изменений в мире, окончания «холодной войны», перехода многих стран и народов к рыночному развитию, формирования новых противоречий в гуманитарной и техногенной сферах, в том числе превышения допустимых пределов нагрузки на биосферу. Особенностью американского подхода стало ассоциирование стратегии устойчивого развития с утверждением неолиберальной модели глобализации, в том числе сохранением гарантированного доступа к ресурсному и экологическому потенциалу Земли в условиях его растущего дефицита, использованием общенационального потенциала для укрепления конкурентных позиций США в мировой торговле, формированием системы «ответственности» отдельных стран перед мировым сообществом в вопросах сокращения совокупной антропогенной нагрузки на планетарную биосферу и предотвращения гуманитарных катастроф (что означало бы и формирование контроля «мирового сообщества» в лице США над потреблением ресурсного и экологического потенциала планеты).

Многие идеи американской стратегии устойчивого развития тесно перекликались с принципами так называемого «вашингтонского консенсуса» – выработанными экспертами МВФ и группы Всемирного банка еще в 1980-х гг. приоритетами в решении проблемы внешнеполитической задолженности и стабилизации социального развития латиноамериканских стран, а также стран «третьего мира». «Вашингтонский консенсус» предполагал достижение макростабилизации общественного развития на основе либерализации экономики, приватизации, жесткой налоговой и эмиссионной политики. Обновленная американская стратегия устойчивого развития соединила эти принципы с представлением о неразрывной взаимосвязи всех стран и народов планеты в их реализации. На основании такого похода делался вывод о необходимости обеспечения глобального лидерства США как единственной державы, способной нести глобальную ответственность. Одновременно заявлялось, что действительно устойчивое развитие достижимо только на

основе естественных механизмов, т.е. формирования таких политических, социальных и экономических систем, которые не требуют постоянного властного, административного вмешательства. На этом основании американское руководство подвергало сомнению целесообразность многочисленных международных «бюрократических структур», созданных под эгидой ООН, и видело свою задачу в создании «свободного мирового пространства», а также прямой поддержке тех политических сил, которые способны обеспечить торжество «свободы и демократии» в отдельных странах.

Итак, американская стратегия устойчивого развития, ассоциировавшая неолиберальную глобализацию с прогрессом и процветанием человечества, закрепляла идею глобальной ответственности самих США как единственной страны, способной гарантировать всемирную интеграцию. Как образно заявила госсекретарь Мадлен Олбрайт: «Америка – это страна, без которой невозможно обойтись». Фактически же речь шла о новом биполярном расколе мира, где «силам свободы и демократии» противостояли «силы дезинтеграции и сепаратизма». Водоразделом становилась готовность принять неолиберальные принципы международной безопасности и процветания, войдя тем самым в «семью объединенных наций», и отказ от этого пути, означающий выбор изоляции. С учетом глобального единства путей устойчивого развития делался вывод о том, что подобные «страны-изгои» являются не только аутсайдерами, но и реальной угрозой всему человечеству, препятствием к окончательному оформлению нерегламентируемой и самоподдерживающейся международной системы.

Новая внешнеполитическая концепция глобального лидерства была обобщена Клинтоном в мае 1997 г. в докладе о стратегии национальной безопасности в XXI в. Предлагался переход от усилий по решению конкретных проблем к целостному моделированию системы международных отношений, блокирующей само возникновение «угроз», в том числе распространения терроризма, нелегальной торговли наркотиками и оружием, деятельность международной организованной преступности, усугубление проблем беженцев и экологии, а также возникновение или сохранение региональных и государственных образований, несущих дестабилизацию мирового порядка и опасность использования ядерного, химического или бактериологического оружия. Для выполнения миссии глобальной ответственности предполагалось добиться, чтобы ни один «критически важный регион мира» не находился под «преобладающим влиянием национальной мощи какой-либо враждебной США державы», а сами США имели неограниченные возможности по осуществлению контроля над политической стабильностью в этих регионах, движением торговых потоков, соблюдением международных договоренностей по ограничению вооружений и соблюдению прав человека. Также отмечалась важность создания под эгидой США коалиции «ключевых» стран мира, способных адаптировать свою политику в сфере безопасности с реализацией «общих интересов». «Мы можем и должны использовать лидерство США для объединения интеграционных сил в мире, для перестройки существующих структур безопасности, экономики и политики, для построения новых систем с целью создания международных условий, необходимых для продвижения наших интересов и ценностей», – утверждал президент Клинтон.

Во многом смысл обновленной внешнеполитической стратегии США был направлен на обеспечение беспрецедентно благоприятных конкурентных позиций на мировой арене, т.е. решение вполне прагматических задач собственного «кустойчивого развития». В то же время американский глобализм представляет собой особую мировоззренческую категорию. Он вполне сочетается с традиционным мессианским отношением к «американским ценностям» и представлением о цивилизаторской миссии Запада. Да и сама концепция современного международно-правового порядка еще со времен Рузвельта основывалась на идее «мировых полицейских», т.е. сверхдержавности как глобальной ответственности за судьбы Объединенных Наций, на принципах международного интервенционизма против «преступных государств», не имеющих права на национальный суверенитет (в этой роли нацистскую Германию легко сменили нынешние «враги Америки» – Ирак, Иран, Северная Корея, Ливия, Куба). Что не менее важно, глобализм имеет огромное значение и для внутренней консолидации самого американского общества. Торжество идеологии мультикультурализма и принципов «политкорректного поведения» (т.е. недопустимости малейших ограничений прав представителей «меньшинств» (расовых, этнических, языковых, гендерных и пр.)) в сочетании с мощными миграционными процессами породили тенденцию культурного сепаратизма. Американцы, представляющие различные диаспоры, все больше стремятся укрепить собственные культурные корни, воссоздать языковые и религиозные традиции. В этой ситуации сохранение общенациональной идентичности все больше зависит от выполнения некоей «общей миссии» и формирования образа «общего врага».

Следуя новой внешнеполитической стратегии, американская администрация резко увеличила военные расходы. Была поставлена задача обеспечения подавляющего военно-силового превосходства над остальными странами. Некоторое сокращение численности вооруженных сил (до 1,5 млн. чел.) сопровождается повышением их качественных характеристик – уровня образования и подготовки, технической оснащенности и боеготовности. В частности, продолжались активные разработки новейших систем противоракетной обороны, боевой техники, созданной на основе технологий «Стелс», вооружений с повышенной точностью наведения. Все эти меры должны были позволить американским вооруженным силам успешно вести боевые действия в любой точке земного шара и преодолевать сопротивление любого противника. К тому же вместо разработанной в 1993 г. военной доктрины «Win – Hold – Win» (активных действий в тот или иной момент только в одном региональном конфликте при затягивании другого до высвобождения необходимых сил) была принята доктрина «Win – Win» (активные действия одновременно в двух и более конфликтах).

Большое значение американским руководством придавалось и дальнейшему усилению блока НАТО. Именно войска Североатлантического альянса должны были стать основой многонациональных сил быстрого развертывания вместо не столь эффективных «голубых касок» ООН. Реформирование НАТО продолжалось в двух направлениях: пересмотр политической концепции альянса, необходимый для расширения его состава, и изменение военной стратегии. Создание Совета североатлантического сотрудничества (ССАС) в 1991 г. позволило сразу вовлечь в

орбиту влияния НАТО молодые демократические режимы Восточной Европы. В 1992 г. к ССАС присоединились и большинство государств, возникших на территории бывшего Советского Союза. 10 апреля 1992 г. было проведено первое заседание Военного комитета с участием партнеров по сотрудничеству. На Брюссельском саммите Политического совета НАТО в январе 1994 г. была принята программа «Партнерство ради мира» (ПРМ). К участию в ней приглашались страны ССАС и другие государства-члены СБСЕ. Для каждого из участников программы ПРМ (всего 27 стран) разрабатывались индивидуальные программы партнерства, позволявшие ускорить политическую и военно-техническую адаптацию к требованиям Альянса. Россия присоединилась к ПРМ в 1994 г., хотя неоднократно выражала обеспокоенность планами расширения НАТО «на восток». Однако предотвратить вхождение стран Восточной Европы в состав Альянса Москва уже не могла.

В мае 1997 г. на основе ССАС был создан Совет евро-атлантического партнерства (СЕАП). В «Основном документе» СЕАП подтверждалась приверженность государств-членов укреплению и расширению мира и стабильности в евро-атлантическом регионе, закреплялись консультативные и координационные функции организации. Но главной целью СЕАП стала подготовка к расширению НАТО. Для того чтобы снять напряженность в отношениях с Россией, США инициировали подписание в мае 1997 г. «Основного документа о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и НАТО». В соответствии с этим документом создавался Совместный постоянный комитет в составе России и стран НАТО, все члены которого обладали правом вето, НАТО официально брал на себя обязательства не размещать на территории новых членов ядерное оружие, а также соблюдать внешнеполитические интересы России. Впрочем, реальное значение этого документа оказалось невелико. В июле 1997 г. официально было заявлено о последовательности приема новых 12 членов НАТО. В марте 1999 г. в состав Альянса официально были приняты Венгрия, Чехия и Польша – первые из бывших участников ОВД. Следующее расширение НАТО произошло уже в мае 2004 г., когда в состав Альянса вошли Болгария, Эстония, Латвия, Литва, Румыния, Словения, Словакия.

На закрепление новой военной концепции НАТО большое влияние оказали югославские события. Уже в период восточноевропейских «бархатных революций» югославское федеративное государство оказалось в состоянии тяжелейшего этно-политического кризиса. Суверенизация республик в 1990–1992 гг. не остановила нарастание межнациональной напряженности. Левейшие десятилетиями конфликт приобрел форму открытых военных столкновений. Первые выстрелы прозвучали в Словении. 26 июня 1991 г., в день провозглашения независимости, словенские вооруженные силы взяли под свой контроль опорные и таможенные пункты на границах республики, в том числе и границах с Австрией и Италией. Спустя несколько часов федеральный парламент принял решение о защите государственных границ. Выдвижение к внешним границам Словении частей югославской армии было встречено вооруженным сопротивлением местных отрядов самообороны. Явный перевес в вооружении югославских войск не имел большого значения, поскольку федеральное правительство решительно отказывалось признать начало военных

действий. В ходе разрозненных стычек югославская сторона потеряла 44 убитых, словенская – 3. Правительство Словении официально объявило об агрессии Югославии против суверенного государства. Югославские части, передислоцированные к границе республики, оказались блокированы гражданским населением. В начале июля при посредничестве представителей ЕС начались переговоры. По их результатам подразделения югославской армии уже к концу месяца были выведены с территории Словении. Причина уступчивости официального Белграда заключалась, с одной стороны, в нежелании провоцировать крупномасштабный конфликт, а с другой – попыткой предотвратить образование словенско-хорватской коалиции. На Западе с этого времени началась шумная анти-югославская пропагандистская кампания.

Сепаратизм хорватского руководства во главе с Ф. Туджманом носил еще более агрессивный характер. В Хорватии открыто провоцировалась этническая рознь, нагнеталась антисербская истерия. Сербское население республики, компактно проживавшее в общинах Книна, Западной и Восточной Славонии, Северной Далмации, Бани и Лики, выступало за создание национальной автономии. В конце июля 1990 г. был сформирован Сербский Сабор – представительный орган сербского народа в Хорватии, а также его исполнительные органы. Председателем Сабора стал Милан Бабич. По решению референдума, проведенного среди сербского населения, 21 декабря 1990 г. была провозглашена автономная область Сербская Крайна. Спустя несколько дней в Загребе была принята новая хорватская конституция, где сербы признавались национальным меньшинством, но ни о какой автономии речи не шло. Хорватию захлестнула волна сербophobia, участились террористические акты в отношении сербского населения и служащих югославской армии, начались гонения на православную церковь. С весны-лета 1991 г. начались постоянные вооруженные столкновения между хорватской полицией и сербскими отрядами самообороны. Руководство Сербской Краины взяло курс на выход из республики. 12 мая 1991 г. в Сербской Краине был проведен референдум о присоединении к Сербии, а 16 мая соответствующее решение приняла краевая Скупщина. Поскольку югославское правительство не спешило поддержать эти действия, 19 декабря 1991 г. сербские области Хорватии объединились в независимую Республику Сербскую Крайну.

Во второй половине 1991 г. военные действия на границе Хорватии и Сербской Краины приобрели крупномасштабный характер. В них постепенно втягивались и регулярные части югославской армии, дислоцированные в сербских областях. Какой-либо ясной позиции в отношении этого конфликта у командования федеральной армии не было, но разрозненные действия югославских частей воспринимались правительством Хорватии и политическими кругами западных стран как агрессия со стороны Сербии. Переломным для общественного мнения на Западе стали события октября-ноября 1991 г., когда подразделения югославской армии почти месяц подвергали артиллерийскому обстрелу хорватский укрепленный район у города Дубровник. С этого момента любые действия хорватской армии находили полную моральную поддержку на Западе, тогда как Сербия постепенно оказывалась во внешнеполитической изоляции.

В конце ноября 1991 г. хорватская армия предприняла наступление в Западной Славонии. Военные операции сопровождались геноци-

дом сербского населения. Югославская федеральная армия, оставшаяся без политического руководства и четкого командования, стремительно теряла боеспособность. Сербские лидеры Боснии и Герцеговины взяли курс на создание собственных вооруженных сил и не стремились к вмешательству в хорватские события. В ноябре 1991 г. Президиум СФРЮ обратился к ООН с просьбой о вводе в зону конфликта миротворческого контингента. «Голубые каски» прибыли в Югославию весной 1992 г., однако невзирая на присутствие миротворцев хорватские войска осуществили несколько наступательных операций в стратегически важных районах Восточной Славонии. Одновременно проводилась модернизация хорватской армии. В 1992–1994 гг. благодаря экономической помощи Запада Хорватия истратила более 1 млрд долл. на «черном рынке» вооружений. Официальное перемирие между Краиной и Загребом было заключено при российском посредничестве лишь в марте 1994 г. Но затем политические переговоры зашли в тупик. Стремясь к радикальному решению «сербского вопроса», Хорватия вновь развязала военные действия. В мае и августе 1995 г. в ходе операций «Блеск» и «Буря» хорватская армия разгромила вооруженные формирования Сербской Краины. Югославское правительство и сербские руководители из Боснии и Герцеговины фактически заняли нейтральную позицию. Несмотря на декларативные обвинения в адрес Загреба С. Милошевич надеялся локализовать конфликт и не допустить втягивания в него Югославии. Миротворческий контингент ООН начал выводиться с территории Хорватии уже в августе 1995 г. Вслед за военным разгромом Сербской Краины последовала этническая чистка этой территории и окончательная консолидация хорватской государственности.

Быстро нарушилось и хрупкое равновесие в Боснии и Герцеговине. Лидер боснийских сербов Р. Караджич занимал радикальную позицию и призывал официальный Белград начать объединение всего сербского населения бывшей Югославии. 9 января 1992 г. Скупщина сербского народа провозгласила Республику Сербскую Боснию и Герцеговину в составе СФРЮ. Но прошедший вскоре республиканский референдум высказался за суверенитет государства. 1 марта 1992 г. Босния и Герцеговина объявила свою независимость. Мусульманские лидеры республики форсировали подготовку к военному столкновению с дислоцированными в Боснии и Герцеговине частями югославской армии. Одновременно свою армию начала создавать и Республика Сербская в составе Боснии и Герцеговины. В апреле 1992 г. между сербами и мусульманами начались открытые военные столкновения. США и Европейский Союз вновь обвинили в разжигании конфликта Сербию. Руководящие органы СБСЕ ультимативно потребовали от Югославии вывести все войска с территории Боснии. Соответствующий договор был подписан уже 18 мая. Однако военные действия на территории республики становились все ожесточеннее. Размещенный в Боснии и Герцеговине миротворческий контингент ООН в этой ситуации оказался практически бессильным. До сентября 1993 г. «голубые каски» даже не имели права применять оружие. В республику начали прибывать сербские добровольцы из Югославии и моджахеда из мусульманских стран. Все большую активность проявляли и хорватские военные формирования. Конфликт приобрел трехсторонний характер, когда сербы, хорваты и мусульмане сражались между собой. Тем не менее «двойной стандарт»

в отношении западных стран к событиям в Боснии сохранился. Это проявилось в полной мере в апреле 1993 г., когда в ответ на этнические чистки, проводимые мусульманами в сербских селах, войска сербов подвергли артиллерийскому обстрелу осажденный город Сребреница. Совет Безопасности ООН вновь выдвинул обвинения в адрес Югославии и принял резолюцию об экономических санкциях против нее. Администрация США начала ориентироваться на силовое решение конфликта. Авиация НАТО превратила небо Боснии и Герцеговины в свою подконтрольную зону и периодически наносила «превентивные» удары по позициям сербских войск.

Военные действия в Боснии продолжались на протяжении всего 1993 г. Сербские войска были вынуждены отказаться от активных операций и с большим трудом сдерживали наступление мусульман. В начале 1994 г. обстановка обострилась в связи с новым витком хорватомусульманского противоборства. Более жесткими стали и действия «миротворцев». 7 февраля на базаре в осажденном сербами Сараево сработало взрывное устройство. Погибло более 70 человек. В этой акции были обвинены сербы, хотя доказательств не нашлось. Совет НАТО под угрозой авиационных ударов потребовал отвести тяжелое вооружение сербских формирований от города. Ситуацию разрядило неожиданное вмешательство российской дипломатии. В результате достигнутых договоренностей в зоны отвода сербских войск вводились российские миротворческие силы. Угроза усиления позиций России на Балканах заставила Вашингтон форсировать усилия по формированию единого антисербского фронта в зоне конфликта. В марте 1994 г. при американском посредничестве была достигнута договоренность о создании в Боснии и Герцеговине хорватомусульманской федерации. В действительности это федеративное объединение более походило на перемирие, но его образование совершенно изменило стратегическую ситуацию. Мусульманские войска получили возможность активизировать действия против сербов. Зачастую они использовали и тактику «вытеснения» миротворческих подразделений ООН, захватывая нейтральные зоны. Аналогичные же действия сербов у города Горажде карались налетами авиации НАТО.

Во второй половине 1994 – начале 1995 гг. военные действия в Боснии сосредоточились вокруг города Сараево, блокированного сербскими войсками, в районах Тузлы и Травника. Весенне-летнее наступление мусульман в Восточной Боснии происходило фактически одновременно с хорватскими операциями «Блеск» и «Буря» в Сербской Краине. Потoki беженцев из Краины хлынули в Боснию. В ответ сербские войска предприняли крупномасштабное наступление против мусульманских формирований в Боснии. В республику вновь были введены регулярные части югославской армии. Но инициатива всецело принадлежала руководству боснийских сербов, лидер которых Р. Караджич уже мало сверял свои действия с позицией официального Белграда. В августе–сентябре 1995 г. авиация НАТО предприняла беспрецедентные по масштабам налеты на позиции сербской армии. Это в корне изменило обстановку на фронте и вернуло инициативу мусульманам. Одновременно американская дипломатия предпринимала усилия по политическому урегулированию конфликта. В отличие от предыдущего периода к диалогу был приглашен лидер Сербии Милошевич. В даль-

нейшем переговоры стали проводиться по схеме: Сербия – Хорватия – Босния и Герцеговина, где боснийскую сторону фактически представляли мусульманские лидеры республики. Руководство же боснийской Сербской республики из этого процесса было исключено.

В ноябре 1995 г. после трехнедельных переговоров на территории авиационной базы в Дейтоне (штат Огайо) Ф. Туджман, С. Милошевич и А. Изетбегович подписали соглашение о принципах урегулирования конфликта. Подразумевалось поэтапное прекращение военных действий, разведение воюющих сторон, разминирование территории. Лидеры боснийских сербов должны были предстать перед международным трибуналом, созданным по решению ООН. Политическое урегулирование планировалось на основе существовавшей конституции независимого государства Босния и Герцеговина. Стороны обязывались организовать свободные выборы, в течение года решить проблему беженцев, осуществить меры по нормализации экономической обстановки. Был подписан договор о разграничении двух этнических зон в Боснии – хорватомусульманской (51 % территории) и сербской (49 % территории). Гарантом действующего договора соглашений стали «Многонациональные силы по выполнению мирных соглашений» (ИФОР), находящиеся под командованием НАТО и имевшие мандат ООН. Их задачей стало обеспечение вывода противоборствующих войск из зоны конфликта, контроль над тяжелыми вооружениями, контроль над воздушным пространством региона, оказание поддержки процессу гражданского умиротворения, восстановления транспортной и информационной инфраструктуры.

Весной 1996 г. в Брюсселе состоялась Международная конференция по экономическому восстановлению Боснии и Герцеговины. По ее итогам было принято решение о скоординированной финансовой и экономической помощи региону со стороны ЕС, МБРР, США и Японии. Расширил сферу своих действий в Боснии ОБСЕ. При поддержке международных наблюдателей в сентябре 1996 г. в республике прошли выборы, вновь принешие пост президента А. Изетбеговичу. Однако окончательно стабилизировать обстановку так и не удалось. Мандат миротворческих сил был продлен, а сами они были переименованы в СФОР – силы по стабилизации.

Завершение наиболее острой фазы боснийского кризиса не принесло окончательного умиротворения балканскому региону. Уже в 1996–1997 гг. началось осложнение политической ситуации в самой Югославии. В составе которой остались Сербия и Черногория. В окружении Слободана Милошевича укрепилось влияние националистически настроенных политиков, в том числе лидера Сербской радикальной партии В. Шешеля. Сам Милошевич все чаще использовал имидж сторонника сильной и единой Югославии, пытаясь не допустить усиления демократической оппозиции. Нарастало противостояние Белграда с руководством Черногории во главе с новым президентом республики Мило Джукановичем. Окончательно ситуация была дестабилизирована из-за кризиса в автономном крае Косово, где проживало большое число этнических албанцев. В марте 1998 г. здесь вспыхнули вооруженные столкновения между сербской полицией и боевиками из местной националистической организации «Армии освобождения Косово» (АОК). Умеренная часть албанской оппозиции под руководством И. Руговы теряла влияние, а лидеры АОК взяли курс на разжигание гражданской

войны. В вооруженные действия постепенно втягивались и регулярные части югославской армии.

Косовский кризис вновь обострил международное положение Югославии. Уже в июне 1998 г. американская администрация выразила озабоченность событиями в Косово и «не исключила» военного вмешательства со стороны НАТО. После ввода в Косово в июле-августе 1998 г. дополнительных подразделений югославской армии с тяжелыми вооружениями США ультимативно потребовали от Белграда немедленного прекращения боевых действий. Тем не менее операции сербских сил в Косово продолжались до осени. Из края в соседние Албанию и Македонию устремились потоки беженцев. В октябре их численность достигла уже 300 тыс. чел. Лишь под прямой угрозой авианалетов со стороны НАТО югославское руководство согласилось начать поэтапный отвод войск и размещение в крае наблюдателей из ОБСЕ. Эти меры временно нормализовали положение в крае. Но камнем преткновения стал правовой статус Косово. Сербская сторона принципиально отказывалась от любых форм расширения косовской автономии, албанцы настаивали на самоопределении вплоть до выхода из состава федерации. Международные переговоры, посвященные косовской проблеме, прошедшие в феврале 1999 г. в Рамбуйе, были сорваны неуступчивостью обеих противоборствующих сторон.

24 марта 1999 г. руководство НАТО объявило о срыве политических переговоров по Косово и своей готовности нанести авиационные удары по военным объектам в Югославии для того, чтобы склонить руководство страны к более конструктивной позиции. Одновременно на территорию Македонии был передислоцирован 11-тысячный контингент войск НАТО. В течение последующих двух месяцев территория Косово и другие районы Югославии подвергались ракетно-бомбовым ударам. Одной из мишеней стал и Белград. Параллельно развернулась ожесточенная пропагандистская война, которую Югославия явно проиграла. Впоследствии выяснилось, что официальные лица НАТО и многие средства массовой информации намеренно искажали информацию, представляя картины массового геноцида албанского населения в Косово. Но в период проведения военной кампании общественность в ведущих странах Запада безусловно поддерживала антисербские действия. Оказавшись под жесточайшим политическим и военным давлением, перед лицом гуманитарной катастрофы внутри страны югославское руководство было вынуждено пойти на соглашение с НАТО. Важную роль в этот период сыграло и посредничество российской дипломатии.

По результатам международных переговоров сербские войска в июне 1999 г. были полностью выведены из Косово. Вслед за ними ушло и большинство сербского, еврейского и цыганского населения края. Одновременно в Косово начали возвращаться албанские беженцы. Отряды АОК должны были сдать оружие. Косово перешло под контроль международных миротворческих сил. Территория края была поделена на три зоны – северную, центральную и южную. В их рамках выделены сектора ответственности пяти крупнейших стран НАТО (США, Великобритания, Франции, Германии, Италии), а также России. Как показали последующие события, присутствие миротворческих сил не обеспечило безопасности сербского населения. В Косово начались теперь уже антисербские этнические чистки. В самой Сербии режим Милошевича

просуществовал лишь до октября 2000 г., когда был сметен оппозиционным движением. Новое руководство страны выдало Милошевича Международному трибуналу.

Символично, что именно на фоне событий косовского кризиса в апреле 1999 г. на Вашингтонском саммите Политического Совета была принята новая стратегическая концепция НАТО. В ней оговаривались преемственность целей и принципов, закрепленных в договоре 1949 г., провозглашалась готовность к партнерству в рамках СЕАП/ПРМ, обозначались новые глобальные угрозы как в Евро-атлантическом регионе, так и за его пределами. В противодействии этим угрозам НАТО не ограничивал свои действия, вплоть до использования ядерного оружия или проведения военных операций без санкции ООН. Сферой ответственности НАТО провозглашались практически все регионы мира. Тем самым НАТО превратился в глобальную военно-политическую организацию, действующую помимо ООН. В январе 2000 г. Клинтон в ежегодном послании Конгрессу подтвердил эту позицию и окончательно провозгласил содействие глобализации главной задачей международной политики США: «Глобализация – это не только экономика. Нашей целью должно стать объединение мира вокруг идей свободы, демократии и мира для противостояния тем, кто не разделяет эти понятия. В этом состоит фундаментальный вызов, с которым Америка, я уверен, должна справиться в XXI в.».

Факторы многополярности в современном мире. По мере ужесточения внешнеполитического курса США все большую значимость приобретали факторы, способные сохранить многополярность системы международных отношений. Потенциально роль альтернативных геополитических «полюсов» могли сыграть Россия, Европейский Союз и Азиатско-Тихоокеанский регион.

Международное положение России на протяжении 1990-х гг. оставалось весьма сложным. Несмотря на принятие в 1992 г. в Международный валютный фонд и Мировой банк реконструкции и развития, а в 1996 г. в Совет Европы, Россия оставалась в глазах Запада источником потенциальной угрозы или как минимум нестабильности. Чеченский конфликт в особой степени способствовал сохранению антироссийских настроений. Заметным было и отсутствие стратегических ориентиров российской внешней политики, ее большая подверженность смене настроений в правящих кругах. Тем не менее Россия оставалась мощной ядерной державой, достаточно влиятельной не только на постсоветском пространстве, но и в мире. К тому же до президентских выборов 1996 г. западным политикам приходилось считаться с возможностью возвращения к власти в России коммунистов. Поэтому после кратковременно охладения отношений с Москвой в 1993 г. администрация Клинтона постаралась активизировать взаимовыгодное сотрудничество между двумя странами и нарочито демонстрировала уважение к России как великой державе. Со своей стороны российское руководство также не раз шло на уступки, в том числе отказалось от выгодных контрактов с Индией и Ираном, фактически разорвало сотрудничество с кубинским режимом, поддержало дейтонские соглашения по боснийскому урегулированию. В июне 1995 г. Ельцин принял участие во встрече «восьмер-

ки» крупнейших держав мира в Галифаксе (Канада), посвященной проблеме борьбы с терроризмом, и в дальнейшем формат «восьмерки» был закреплён официально.

С 1996 г. внешнеполитический курс России начал существенно меняться. Во многом это было связано с приходом на пост главы МИД Е. Примакова, не разделявшего проамериканские симпатии своего предшественника и настойчиво пропагандировавшего идею многополюсного мира, в том числе развития связей России с Китаем и Индией, восстановления ее прежних позиций в арабском мире. Недвусмысленное согласие России на расширение НАТО, продемонстрированное в 1997 г., также вполне сочеталось с этой стратегией – российское руководство отказывалось от иллюзорных попыток сохранить контроль над Восточной Европой с тем, чтобы «развязать руки» на иных геополитических направлениях. В декабре 1997 г. была принята «Концепция национальной безопасности Российской Федерации», основанная на концепции многополярного мира. Любопытно, что язык прагматической политики был вполне понятен и в Вашингтоне. В сентябре 1998 г. лидеры США и России подписали «Совместное Заявление об общих вызовах безопасности на рубеже XXI в.» и целый пакет документов по взаимным отношениям.

События 1999 г. выявили всю противоречивость современных российско-американских отношений. Россия жестко осудила военную акцию НАТО против Югославии, а Примаков даже демонстративно отказался от запланированного визита в Вашингтон, развернув самолет прямо над Атлантическим океаном. Но уже в июне 1999 г. российский контингент был отправлен в Косово для участия в миротворческих операциях вместе с войсками НАТО. В том же месяце лидеры США и России подписали «Совместное заявление по СНВ – ПРО», в котором выражали намерение сохранить курс на ограничение стратегических вооружений и систем противоракетной обороны. Однако в июле Клинтон подписал закон «О национальной противоракетной обороне», который предопределил в конечном счете выход США из системы ПРО. В августе 1999 г. американское руководство «с пониманием» отнеслось к началу новой фазы антитеррористической операции в Чечне, но в октябре отказалось от ратификации «Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний».

Подобные «качели» требовали придания внешнеполитическому курсу России более стабильного характера. Переломным моментом стало принятие в 2000 г. обновленной «Концепции национальной стратегии». В отличие от документа 1997 г. акцент в ней переносился с угроз внутреннего характера на внешнеполитические задачи, в том числе укрепление влияния России по периметру своих границ, развитие равноправных отношений со всеми странами мира, последовательную борьбу с терроризмом, реструктуризацию военно-промышленного комплекса и информационной сферы в интересах национальной безопасности.

На роль еще одного геополитического полюса, способного противостоять американскому глобализму, претендовал Европейский Союз. Однако механизм проведения единой внешней политики европейских стран сформировался лишь к началу 2000-х гг. Со своей стороны американской администрации удалось сохранять достаточно сбалансированный подход к европейским проблемам. Настаивая на укреплении

военно-политической организации НАТО и активизации своего вмешательства в процесс «демократизации» Восточной Европы, США позитивно отнеслись к формированию самого Евросоюза и проектам дальнейшего углубления европейской интеграции. Поддержали в Вашингтоне и формирование новой общеевропейской организации ОБСЕ.

Решение об институционализации общеевропейского процесса было достигнуто еще на Парижской конференции в ноябре 1990 г. Хельсинкская встреча на высшем уровне в 1992 г. подтвердила этот курс. Принятая на ней декларация «Вызов времени перемен» дала толчок для формирования организационной структуры СБСЕ и расширения его функций. На протяжении последующих двух лет под эгидой Совета министров иностранных дел шла работа по перепрофилированию деятельности организации на миротворчество и урегулирование региональных кризисов. Римский саммит СМД в декабре 1993 г. принял «Декларацию по агрессивному национализму», нацеливающую общеевропейский процесс на борьбу с терроризмом. В декабре 1994 г. Будапештский саммит на высшем уровне принял решение о переименовании СБСЕ с 1 января 1995 г. в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). В принятой на саммите декларации «На пути к подлинному партнерству в новую эпоху» закреплялась ключевая роль ОБСЕ в строительстве «безопасной, единой и свободной Европы». Был принят также ряд военно-политических документов, регулирующих разнообразные аспекты обеспечения безопасности и осуществления миротворческих операций.

Новый этап в развитии ОБСЕ начался с Лиссабонского саммита на высшем уровне (2–3 декабря 1996 г.). Принятая на нем декларация «О модели общей и всеобъемлющей безопасности для Европы XXI века» ориентировала ОБСЕ на укрепление безопасности и стабильности «во всех измерениях», в том числе не только в сфере контроля над вооружением и урегулирования конфликтов, но и профилактики политической напряженности, «укрепления доверия между народами» в гуманитарной сфере, борьбы за соблюдение прав человека и демократических принципов общественной жизни. Проявилось и особое внимание к «гуманитарно-конфликтной» проблематике на пространстве бывших СССР и СФРЮ. После Лиссабонского саммита резко активизировались региональные миссии ОБСЕ, которые превратились в основной инструмент текущей деятельности организации. Миссии ОБСЕ ориентировались на урегулирование любых фаз региональных конфликтов, включая «превентивную дипломатию», миротворчество и содействие в разрешении «горячих конфликтов», постконфликтную реабилитацию. Главной их задачей становилось содействие политическим процессам, способным приостановить развитие конфликта, урегулировать его последствия, а также обеспечить информированность международного сообщества.

К концу 1990-х гг. ОБСЕ превратилась в очень влиятельную международную организацию с разветвленной организационной структурой, широкими политическими и полицейскими полномочиями. Миссии ОБСЕ были представлены в Косово, Боснии и Герцеговине, Хорватии, Эстонии, Грузии, Латвии, Молдове, Таджикистане, Македонии, Украине. После заседания СМД в Осло в декабре 1998 г., на котором с российской делегацией были урегулированы проблемы деятельности ОБСЕ на постсоветском пространстве, миссии ОБСЕ появились в Чеч-

не, Албании, Беларуси, Центральной Азии, Алма-Ате, Ашхабаде, Бишкеке. Стамбульский саммит ОБСЕ в ноябре 1999 г. принял новый пакет документов, определивших компетенцию ОБСЕ в наступающем десятилетии (в том числе «Хартию европейской безопасности», соглашение об адаптации «Договора об обычных вооруженных силах в Европе» к современным условиям, новую редакцию «Венского документа по мерам доверия»).

После начала международной антитеррористической операции в 2001 г. борьба с терроризмом была провозглашена одним из приоритетных направлений деятельности ОБСЕ. 12 июня 2002 г. на Лиссабонской международной конференции при активном участии стран ОБСЕ был принят концептуальный документ «Предотвращение терроризма и борьба с ним», в котором давалась оценка роли международных и региональных организаций для реализации стратегий и планов противодействий терроризму, сформулированы принципы сотрудничества между ними. В то же время все более заметным становился внутренний кризис в самом ОБСЕ, связанный с развертыванием гуманитарно-правозащитной дискуссии. Некоторые страны, в том числе Россия и Белоруссия, начали достаточно жестко протестовать против использования миссий ОБСЕ для вмешательства во внутренние дела суверенных государств и поддержки отдельных политических группировок. 15 января 2004 г. этот вопрос был поставлен российской делегацией на заседании Постоянного совета ОБСЕ в Вене. Однако, несмотря на стремление всех сторон к компромиссу, кризис так и не был преодолен. Это наглядно продемонстрировали события в Украине в 2005 г., когда лидеры «оранжевой революции» получили недвусмысленную поддержку со стороны руководства ОБСЕ.

Схожие проблемы на современном этапе переживает и Совет Европы, деятельность которого была изначально ориентирована на правозащитную сферу. На протяжении 1990-х гг. под эгидой Совета Европы достаточно активно развивалось гуманитарное сотрудничество в самых различных областях: образования («Европейский Центр молодежи», «Европейский Фонд молодежи»); стандартизации медицинских препаратов («Европейская Фармакопея»), борьбе против наркомании («Группа Помчиду»); внедрению общих принципов биоэтики, в том числе по проблемам трансплантации органов и клонирования, усилению гражданской ответственности в вопросах экологии (центр «Натуропа»); развитию нравственного, безопасного и здорового спорта («Европейская Хартия спорта» и «Кодекс этики» 1992 г.).

В 1998 г. вступил в силу обязательный для всех участников Совета Европы протокол, согласно которому Европейский Суд по правам человека стал единственным органом общеевропейского правосудия, действующим на постоянной основе. Граждане и юридические лица получили право обращаться в Суд непосредственно и с гарантией обязательного рассмотрения их дела (ранее гражданин, исчерпав все возможности защиты своих прав в собственной стране, должен был вначале обратиться в Комиссию по правам человека, которая рассматривала правомочность его обращения). Государства-участники Совета Европы взяли на себя обязательство выполнять решения Суда по любому спору, сторонами которого они являются.

Все эти меры существенно повысили международный престиж и значимость деятельности Совета Европы. Но постоянным катализатором

внутренней напряженности в организации стала правозащитная деятельность Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ). В апреле 2000 г. ПАСЕ, протестуя против событий в Чечне, лишила российскую делегацию права слова и постановила начать процедуру исключения России из Совета Европы. Это решение было заблокировано руководством ведущих стран Европы, но серьезно подорвало авторитет самого Совета Европы.

Помимо России и Европы еще одним влиятельным геополитическим полюсом в современной системе международных отношений остается Азиатско-Тихоокеанский регион. Правда, надежды на экономическую «сверхдержавность» Японии и блестящие экономические перспективы азиатских «маленьких тигров» и «драконов» не оправдались. На роль лидера АТР достаточно неожиданно выдвинулся Китай, где под руководством Дэна Сяопина очень успешно проходили структурные реформы. Их характер существенно отличался от советской перестройки и постсоциалистических преобразований в странах Восточной Европы. Китайское руководство не собиралось отказываться от принципа однопартийности и проводить политику гласности. В апреле и мае 1989 г. это привело к серьезному политическому кризису, когда во многих городах Китая прошли массовые манифестации против всевластия коммунистической партии. Трагическая развязка произошла 4 июня 1989 г. в Пекине. На площади Тяньаньмэнь при разгоне демонстрации студентов погибли сотни человек. В отношениях Китая с западными державами и мировым сообществом в целом наступил период охлаждения. Однако объявить Китай, обладающий ядерным оружием и мощным военным потенциалом, «государством-изгоем» США не решились.

К началу 2000-х гг. целенаправленная модернизация промышленности, развитие наукоемких отраслей в сочетании с традиционными видами легкой промышленности позволили Китаю достичь беспрецедентных темпов экономического роста. После приема Китая в ВТО началась настоящая экспансия китайских товаров в мире. Все эти процессы сопровождалась и быстрым ростом международного авторитета Китая. Внешнеполитическая стратегия китайского руководства основывается на концепции многополярного мира, где растущее военнопотенциальное влияние США блокируется экономической активностью других крупных стран и интеграционных объединений. Предполагалось, что в такой ситуации крупномасштабные конфликты оказываются маловероятны, а само военное противостояние утрачивает значимость по сравнению с конкуренцией в области развития технологий и образования. В соответствии с таким пониманием мирового порядка руководство КНР существенно изменило военную доктрину. На смену концепции «народной войны» пришла доктрина «борьбы современным оружием в условиях высоких технологий». Китай отказался от балансирования между «сверхдержавами» и иными «полюсами» и попытался последовательно позиционировать себя на международной арене как самодостаточную силу, способную не только создать региональную систему безопасности, но и существенно влиять на мировую политику. Для адаптации к этой роли китайское руководство использует самые разнообразные средства от собственных космических программ до организации Олимпийских игр. Но решающим фактором китайской «сверхдержавности» остается динамичное экономическое развитие.

Увеличение международной роли Китая ставит вопрос о превращении «восьмерки» ведущих стран мира в «девятку». При таком развитии событий этот политический «пул» будет уже очень напоминать состав Совета Безопасности ООН, а с учетом участия в нем Германии и Италии окажется даже более влиятельным. Ситуация усугубляется нарастающим кризисом самой Организации Объединенных Наций и затянувшейся дискуссией о ее реформировании. Предметом критики стали привилегированный статус постоянных членов, обладающих правом вето, отсутствие в их числе Германии и других влиятельных стран мира, несовершенство многих организационных и процедурных норм, препятствующих быстрому реагированию ООН на возникновение международных кризисов, недостаточная эффективность миротворческих операций и двусмысленная роль «голубых касок», зачастую находящихся в самых «горячих» зонах конфликтов, но лишенных права на использование военной силы. Провал миротворческих операций в Сомали в 1992 г. и Руанде в 1994 г. вызвал самый острый политический кризис ООН за все время ее существования.

В то же время нельзя отрицать, что роль ООН в 1990-х гг. существенно возросла. На чрезвычайном заседании Совета Безопасности в 1992 г. (первом на уровне глав государств и правительств) было принято обращение к Генеральному секретарю с просьбой подготовить рекомендации о мерах усиления влияния Объединенных Наций в мировой политике. В развитие этой инициативы в 1992 г. Генеральным секретарем ООН был подготовлен доклад «Повестка дня для мира». Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира, началась работа по формированию системы раннего предупреждения о возникновении угрозы миру, созданию специальных военных формирований, готовых к проведению не только обычных миротворческих операций, но и применению силовых методов воздействия. Координация всех этих действий была возложена на Рабочую группу Генеральной Ассамблеи ООН.

В 1995 г. Генеральный Секретарь ООН окончательно получил «открытый мандат» на осуществление превентивной дипломатии и расширение полномочий ООН по выявлению потенциальных конфликтных ситуаций. В 1998 г. была создана Система резервных соглашений, в рамках которой 70 государств определили конкретные военные подразделения постоянной готовности, которые могут быть использованы в любой момент для проведения операций объединенных сил ООН. Подобные меры позволили значительно повысить эффективность миротворческих усилий ООН и перейти от практики экономических санкций к массированному проведению «операций по поддержанию мира» в самых разных регионах планеты (в 1990-х гг. состоялось более 40 таких операций, участие в них приняли не менее 1 млн. солдат из 68 стран). Кроме того, под эгидой ООН продолжилась разработка международных соглашений о многостороннем разоружении и регулировании вооружений (самые заметные достижения – Конвенция по химическому оружию 1993 г. и Конвенция о противопехотных минах 1997 г.), развитию экономического и социального сотрудничества, проведению гуманитарных акций в депрессивных районах и регионах стихийных бедствий.

Таким образом, к началу XXI в. ООН сохранила роль важнейшего института системы международных отношений. Однако сама концеп-

ция Организации Объединенных Наций обладает глубокой внутренней противоречивостью. Она отражает миропонимание, воплощенное в ялтинско-потсдамской системе, основанное с одной стороны на сдерживающем влиянии «сверхдержав», а с другой – на признании их права определять судьбы человечества, причем не по причине силового превосходства, а в качестве «маяков» прогресса и благополучия. Тем самым фактически легализовывался принцип насильственного вмешательства группы стран или международного сообщества в целом во внутренние дела суверенных государств. С исчезновением с политической карты мира одной из двух «сверхдержав» и дискредитацией мирового коммунизма в качестве одного из возможных путей общечеловеческого прогресса международно-правовая система ООН оказалась беззащитной перед американским глобализмом. Более того, США получили возможность использовать идею императивного права Объединенных Наций в своих геополитических интересах, а при необходимости действовать помимо и даже вопреки воле ООН. Новая военная доктрина НАТО окончательно легитимировала притязания западных держав на превентивное вмешательство в любом регионе планеты независимо от позиции ООН.

На первый взгляд, пути выхода из политико-правового кризиса ООН очевидны. Концепция ООН и ее Устав должны быть избавлены от ориентации на гегемонизм «прогрессивных стран» и их претензий на руководство миром. Необходимо возвращение к принципу суверенного равенства государств и действительной нерушимости границ. В частности, должен быть разорван порочный круг противоречий между суверенностью национальных государств и суверенностью каждого человека в его естественных правах. Это может означать только возвращение международно-правового института прав человека из системы императивных международных норм в состав категорий морального обязательства. Но что может заставить США и их союзников признать тупиковость сохранения остатков ялтинско-потсдамской модели в современном мире? Этот вопрос предстал в особом свете после трагических событий 11 сентября 2001 г.

Нападение исламистских террористов, захвативших гражданские авиалайнеры, на Центр международной торговли в Нью-Йорке и здание Пентагона в Вашингтоне 11 сентября 2001 г., а также последующие террористические акты от острова Бали на Тихом океане до центра Москвы не только потрясли мировую общественность, но и заставили задуматься об уязвимости существующей международной системы безопасности. Вслед за терактом в американских городах последовал немедленный ответ со стороны США и их союзников. Уже 12 сентября Джордж Буш-младший объявил о неминуемой акции возмездия. Вскоре стал известен и противник – исламистская организация «Аль Каида» и ее лидер Усама бен Ладен, скрывавшийся на территории Афганистана. Бен Ладен уже не раз сообщал о своем желании нанести удар по США и даже был объявлен виновным за взрыв американского эсминца «Коул» в порту Адена, а также за взрывы американских посольств в Танзании и Кении. Для устранения бен Ладена американцы подвергли в 1998 г. территорию Афганистана обстрелу крылатыми ракетами. Теперь же бен Ладен был объявлен «террористом № 1», а отказавшийся выдать его режим талибов оказался вне закона. 2 октября Генеральный секретарь НАТО Джордж

Робертсон сообщил, что США могут полагаться на поддержку всех 15 членов альянса в борьбе против угроз терроризма. Проведение операции в Афганистане одобрил и Совет Безопасности ООН.

7 октября 2001 г. началась антитеррористическая операция «Бесконечная свобода». Территория Афганистана подверглась налетам американской авиации, базировавшейся на авианосцах в Аравийском море и на острове Диего-Гарсиа в Индийском океане. С подводных лодок ВМС США и Великобритании были запущены десятки крылатых ракет. Наиболее сильные удары пришлось на Кандагар и его окрестности, где располагался штаб движения «Талибан», а также на горные ущелья, где находились подземные укрытия бен Ладена. В кратчайшие сроки военная и транспортная инфраструктура Афганистана была нарушена. С 11 октября осуществлялись массированные бомбардировки целей в Кабуле. С конца октября американская авиация начала поддерживать и действия войск Северного альянса – группировки моджахедов, сражавшихся с талибами в северных провинциях Афганистана.

Первые американские солдаты высадились на территории Афганистана 21 сентября. В южных провинциях Афганистана начали действовать группы разведки, а специальный отряд американского спецназа атаковал штаб главы движения «Талибан» муллы Моххамеда Омара. В дальнейшем наращивание военного контингента коалиции шло параллельно с быстрым наступлением войск Северного альянса. Уже 7 ноября отряды моджахедов вступили в Кабул. Талибы не могли оказывать серьезного сопротивления и отступали в горные районы Южного Афганистана. Уже в марте 2002 г. американцы провели там последнюю крупномасштабную операцию под названием «Анаконда», когда за 12 дней были уничтожены почти тысяча талибов. Власть в Афганистане перешла к проамериканскому временному правительству под руководством Хамида Карзая. Пленные талибы были вывезены на военную базу Гуантанамо. Но в самом Афганистане умиротворение так и не наступило. На территории страны продолжали оставаться войска коалиции, а исламистские боевики перешли к тактике партизанской войны.

Еще до завершения активной фазы операции в Афганистане американское руководство заявило о своем стремлении продолжить антитеррористическую войну. 30 января 2002 г. Буш-младший в своем выступлении не только назвал новых стратегических союзников антитеррористической коалиции – Россию, Китай и Индию, но и страны, представляющие потенциальную опасность, – Северную Корею, Иран и Ирак (хотя Иран официально поддержал афганский Северный альянс в борьбе против талибов). По поводу Ирака Буш-младший заявил, что эта страна «будет оставаться врагом до тех пор, пока не будет подтверждено обратное». Именно свержение Саддама Хусейна стало следующей целью американской политики. Подготовка такой операции началась сразу же после событий 11 сентября. Официальным же поводом для войны против режима Хусейна стало обнародование разведанных, якобы свидетельствующих о наличии в Ираке оружия массового поражения. Сомнения в истинности «иракского досье» появились очень скоро, а впоследствии была доказана не только ошибочность этих сведений, но и их преднамеренное искажение со стороны американского и британского руководства. Тем не менее с учетом этих данных Совет безопасности ООН в ноябре 2002 г. принял Резолюцию

№ 1441 о разоружении Ирака. О способах и средствах ее выполнения единогласия добиться не удалось. Впоследствии многие страны антитеррористической коалиции, в том числе Россия, осудили односторонние действия США и их союзников. Но решающий шаг к новой войне был сделан.

17 марта 2003 г. Буш-младший выступил с обращением к нации и ко всему миру, в котором объявил, что если иракский лидер и его сыновья не покинут страну в течение ближайших сорока восьми часов, то США предпримут силовые акции. 20 марта американо-британская военная коалиция начала операцию «Шок и трепет» по захвату Ирака. Активные боевые действия длились всего 23 дня. Это было совершенно неожиданно, поскольку иракский режим обладал многочисленной и хорошо подготовленной армией. Войска же коалиции были почти в 2 раза меньше, чем во время первой «войны в Заливе». С военной точки зрения основную роль в стремительном разгроме Ирака сыграла новая тактика американцев – массированные ракетно-бомбовые удары с использованием оружия высокой точности. Но даже во время штурма Багдада, начавшегося 3 апреля, иракская армия практически не оказала сопротивления. Выяснилось, что режим Хусейна являлся политическим банкротом, совершенно утратившим поддержку не только иракского народа, но и элитных частей армии. Свержение диктатора приветствовали многие жители Багдада. Всего за время операции «Шок и трепет» погибло 11000 иракских солдат, несколько сотен мирных жителей и 156 американских военных. В страну прибывали все новые военные контингенты стран коалиции (в ее составе участие приняли 38 стран). Но уже вскоре выяснилось, что самая тяжелая фаза иракской кампании еще впереди.

Вскоре после падения режима Хусейна в Ираке развернулись партизанские действия. Военнослужащие стран коалиции и иракцы, решившиеся поступить на службу в полицию, стали объектами террористических актов. 11 ноября 2003 г. американские войска были вынуждены даже начать масштабную антипартизанскую операцию «Железный молот», включающую массовые аресты, артиллерийские и авиаудары по «подозрительным» объектам. Ситуацию не изменила и поимка Саддама Хусейна 13 декабря 2003 г. Более того, на территории Ирака участились столкновения между суннитами и шиитами. Боевики из различных экстремистских группировок начали захватывать заложников из числа иностранных специалистов и журналистов, требуя вывода из Ирака войск коалиции. 11 марта 2004 г. в пригородных электричках близ Мадрида произошли взрывы, организованные «Аль Каидой» в качестве мести за участие испанских войск в оккупации. После этого события иракская кампания стала вызывать все большее недовольство общественности в неевропейских странах и США. Чудовищными оказались и человеческие жертвы. Только войска коалиции потеряли за три года почти 2 тыс. солдат, из них – более 1800 американцев. Потери же среди иракцев вообще не поддаются точному подсчету (по приблизительным данным организации «Международная амнистия» только за первый год погибло более 10000 мирных жителей).

Несмотря на политическое фиаско иракской кампании внешнеполитический курс США не претерпел изменений. Американский обозреватель Дж.Хогленд емко назвал его «неопределившейся смесью выбо-

рочного вмешательства и твердой односторонности». Уже сразу после событий 11 сентября Буш-младший начал действовать по принципу «Кто не с нами, тот против нас!». В своей первой после теракта речи в Конгрессе он заявил: «Война будет долгой. Наш ответ будет представлять собой нечто большее, чем краткосрочное возмездие или несколько отдельных ударов. Американцам следует ожидать не одно сражение, но долгосрочную кампанию, не похожую ни на что, что мы когда-либо делали. И это не только американская битва. На карту поставлена не только свобода Америки. Это борьба всего мира. Это битва цивилизации. Это битва всех тех, кто верит в прогресс и плюрализм, терпимость и свободу. Мы просим все народы мира присоединиться к нам. Настал момент, когда каждое государство в мире должно определить – либо вы с нами, либо вы с террористами».

Такая категоричность добавила новые штрихи в действия США в роли лидера «свободного мира». Не отказываясь от угроз в адрес остатков «оси зла» (Иран – Северная Корея), США перешли к активной поддержке прозападных политических движений на постсоветском пространстве. Причем, если первоначальная официальная реакция Вашингтона на события в Грузии и Украине была достаточно умеренной, то уже 28 мая 2005 г. новый госсекретарь США Кондолиза Райс однозначно заявила: «Америка должна проложить путь для марша свободы по всему миру. Мы добиваемся успеха в этой великой цели и мы измеряем наш успех демократическими революциями, которые потрясли весь мир, – яркими революциями «розовых», «оранжевой», «пурпурной», «тюльпановой» и «кедровой». Подобная позиция, на первый взгляд, является продолжением гегемонистского курса конца 1990-х гг. Но, в действительности, стратегия США существенно изменилась.

В 2004–2005 гг. американская администрация начала все более отчетливо проявлять приверженность собственным национальным интересам, а не «судьбам демократии в мире». Скандальный выход США из Киотского протокола, ограничивающего выброс в атмосферу промышленных отходов, и Договора по ПРО показывает стремление Вашингтона руководствоваться в любых вопросах только прагматичными соображениями независимо от мнения своих «стратегических союзников». Поддержка проамериканских настроений в постсоветских странах, невзирая на сдержанное недовольство Москвы, сочетается с аналогичной политикой по отношению к Европейскому Союзу, где из числа новых членов уже формируется проамериканская группировка. Но ведут ли эти шаги к укреплению монополярности мирового порядка?

События иракской кампании показали, что не только Россия, но и крупнейшие союзники США – Франция и ФРГ, готовы достаточно жестко противостоять американской политике «государственного эгоизма». Правда, и ось «Париж – Берлин – Москва – Пекин», о которой немало рассуждали в 2003–2004 гг., так и не сложилась. К тому же досадный провал ратификации конституционного договора неожиданно ослабил международные позиции самого Евросоюза. Малопредсказуемый характер приобретают события на постсоветском пространстве, а также в арабском мире (после выборов 2005 г. в Иране, смерти бесценного лидера ООП Ясира Арафата и на фоне тяжелой болезни короля Саудовской Аравии Фадха). Не только для США, но и для любого современного государства все более затруднительным стано-

вится разделение мира на «друзей» и «врагов», «мировое сообщество» и «государств-изгоев». К тому же международный терроризм не имеет ни национальности, ни государственной принадлежности. Военные и полицейские операции против любого из «государств-изгоев» не могут уничтожить терроризм как политическое и социальное явление. Не столь эффективными в борьбе против этого врага оказались и широкие многонациональные коалиции. В такой ситуации многополюсная международная система, при всей ее неустойчивости и уязвимости, не имеет альтернатив. Залогом ее формирования может быть лишь последовательное стремление всех ведущих держав мира искать компромисс между национальными интересами и общими задачами по обеспечению мира и безопасности.